

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 1.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, января 6-го.

Содержаніе: Новогоднія думы о задачахъ современнаго пастырства.—Одно изъ средствъ къ „возрожденію“ православнаго русскаго прихода.— Въ Обществѣ трезвости.—Неплюевское трудовое братство.—Несомнѣнное и сомнительное въ вопросѣ о степеняхъ родства для браковъ.

Новогоднія думы о задачахъ современнаго пастырства.

Снова подошли мы къ той грани времени, которая побуждаетъ насъ дать отчетъ въ прошедшемъ и намѣтить задачи для будущаго.

Оглянемся назадъ. Предъ нашимъ умственнымъ взоромъ еще разъ проходятъ событія, идеи и настроенія, пережитыя русскимъ народомъ (во всѣхъ его слояхъ) въ теченіе минувшаго года. Повидимому, мы не ошибемся, если скажемъ, что минувшій годъ прошелъ ровнѣе, спокойнѣй своего предшественника: ни демонстративныхъ овацій Толстому, ни рѣчи Стаховича... Мало того: тѣ теченія русской мысли, которыя въ послѣднее десятилѣтіе уносили русское общество въ сто-

рону отъ церкви, отъ Бога, начинаютъ, повидимому, измѣнять свой характеръ.

Такое поворотное движеніе въ сторону христіанства не можетъ не радовать православно-христіанскаго пастыря, сердце котораго изболѣло подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ современнаго безвѣрія и нравственной распатанности. Да, это—отрадное явленіе. Однако, медаль имѣетъ и обратную сторону. Отраднo то, что современные идеалисты идутъ ко Христу, но грустно то, что къ церкви одни изъ нихъ относятся педo-вѣрчиво, другіе—прямо отрицательно. Однимъ изъ нихъ представляется, что историческое христіанство, воплощенное въ церкви, до нѣкоторой степени исказило подлинную сущность христіанства: церковь принизила человѣческій элементъ культурной жизни на счетъ божественнаго, плоть на счетъ духа, бракъ на счетъ монашества; церковь не оцѣнила язычества съ его богатой и разносторонней культурой, которое въ концѣ концовъ тождественно съ человѣчествомъ. При всемъ томъ они не отрицаютъ церкви въ принципѣ; мало того: они признаютъ православно-русскую церковь наиболѣе близкимъ (хотя и несовершеннымъ) выраженіемъ подлиннаго христіанства. Другіе изъ современныхъ идеалистовъ ищутъ лица своему идеализму въ разныхъ философскихъ системахъ, но только не въ ученій церкви; церковь продолжаетъ быть для нихъ не выраженіемъ, а искаженіемъ христіанства; отмѣчая религіозную настроенность того или другаго лица изъ своихъ единомышленниковъ, они спѣшатъ отмѣтить, что лицо это было религіозно вовсе не въ церковномъ смыслѣ, а въ смыслѣ благоговѣйнаго преклоненія предъ нравственнымъ міропорядкомъ; они усиленно подчеркиваютъ свое разногласіе съ „официальной“ церковью и перасположеніе къ „официальной“ церковности. И когда примешь это во вниманіе, засвѣтившаяся—было радость снова омрачается: отчужденіе нашей интеллигенціи отъ церкви все еще продолжается...

А народъ? Народъ по прежнему продолжаетъ быть предметомъ воздѣйствія для двухъ противодѣйствующихъ силъ:

съ одной стороны—для церковнаго пастырства съ примыкающими къ нему мірянами, съ другой—для равнодушной или даже враждебной къ церкви интеллигенціи. Во всякомъ случаѣ прошло то время, когда сельскому пастырю можно было спокойно смотрѣть на различнаго рода броженія, происходившія среди интеллигенціи,—въ той увѣренности, что они не затронуть его скромныхъ и послушныхъ прихожанъ: при быстромъ развитіи путей сообщенія обмѣнъ между городомъ и деревней, обмѣнъ не только товарами, но и людьми, и идеями, ускоряется, а вмѣстѣ съ тѣмъ проникаютъ въ народъ книги и идеи, волнующія интеллигенцію.

Таковы тѣ условія, въ которыхъ приходится современному православно-русскому пастырю работать надъ проведеніемъ въ жизнь православно-христіанскаго міросозерцанія: приходится встрѣчаться среди работы не только (можетъ быть, даже не столько) съ единомышленниками, но и съ противниками,—не только съ поддержкой и ободреніемъ, но съ равнодушіемъ и даже противодѣйствіемъ. Что же дѣлать пастырю въ виду такихъ условій его дѣятельности? Какія задачи намѣчаются для него современною жизнію?

Первая, главная и неотложная задача—всеми мѣрами заботиться о правильной организаціи христіанской жизни въ томъ небольшомъ кругу, который ввѣренъ его непосредственному попеченію, и прежде всего среди тѣхъ лицъ, которыя еще вѣдятъ гласъ своего пастыря: да украшается приходская церковь благолѣпіемъ святости! да совершается въ ней (и внѣ ея) богослуженіе истово и -разумно! да не умолкаетъ въ приходѣ проповѣдь пастыря—не изысканная и отвлеченная, но простая и жизненная! да создается въ приходѣ такая религіозно-нравственная атмосфера, которая невольно влечетъ къ себѣ, которая освѣжаетъ, ободряетъ и подкрѣпляетъ душу среди мірской суеты! да крѣпнетъ нравственная связь между пастыремъ и пасомыми, между церковью и школою! Все это—такія *ria desideria*, которыя требуютъ для своего осуществленія не столько учености, сколько—при разумности—непоко-

любимой убѣжденности въ истинѣ и силѣ христіанскаго міросозерцанія,—той убѣжденности, при которой вѣра не расходится съ словомъ и слово—съ дѣломъ. Исторія утверждаетъ, что великіе историческіе дѣятели были обязаны глубиною своего вліянія той гармоніи между словомъ и дѣломъ, которая характеризуетъ ихъ личность и дѣятельность,—примѣръ, глубоко поучительный для современныхъ учителей: „чтобъ міръ призналъ твои права, ты долженъ самъ стоять высоко: стрѣла тогда лишь бьетъ далеко, когда здорова тетива“. Если гармонія между словомъ и дѣломъ требуется отъ всякаго учителя, то тѣмъ болѣе отъ учителя—пастыря. Не потому ли пастыри простые, но благочестивые пользуются порою большимъ нравственнымъ вліяніемъ, нежели пастыри ученые и краснорѣчивые? Вотъ почему съ наступленіемъ новаго года пастырю непременно нужно подумать о томъ, не нуждается ли въ обновленіи его личная жизнь, а также его семейный строй, въ характерѣ котораго прежде всего сказывается вліяніе пастырской личности. Создайте вокругъ себя—въ семьѣ, приходѣ, атмосферу, пропитанную духомъ нашей православной вѣры, и тогда на вопросъ: что такое православіе? вы отвѣтите евангельскими словами: приди и виждь! приди и посмотри, какъ проводится Страстная седмица, какъ встрѣчается Свѣтлое Христово Воскресеніе въ нашемъ приходѣ; приди и посмотри, что дѣлается въ нашемъ скромномъ храмѣ въ праздничные дни; зайди въ нашу школу—послушай, какъ тамъ идетъ наставленіе дѣтей въ законѣ Божіемъ; зайди въ зимній вечеръ въ крестьянскую хату, прислушайся къ тому, о чемъ тамъ говорятъ, чѣмъ дорожатъ,—поживи съ нами общею жизнію нѣкоторое время—и тогда ты опытно дознаешь, чѣмъ является православіе въ нашей жизни. А по плодамъ можно судить и о деревѣ, по проявленіямъ—о сущности... Но что, отцы и братія, если намъ некуда будетъ повести вопрошающаго? Что если мы не въ силахъ окажемся сказать: приди и виждь? что если православіе является только фирмой, подъ которой мы устроаемъ благополучіе свое или своей

семьи, а не тою закваской, не тѣмъ дѣйственнымъ началомъ, которое, проникая все наше существо, дѣйствуетъ преобразующимъ образомъ и на окружающую среду—на семью, приходъ, общество?! Да не будетъ этого!..

Вторая задача православно-русскаго пастыря—миссіонерская—состоитъ въ томъ, чтобъ вводить въ ограду церкви Христовой тѣхъ лицъ, которыя находятся внѣ ограды: и тыя ему подобаеъ привести ко Христу, да будетъ едино стадо и единъ Пастырь. Миссіонерская задача можетъ быть выполнена лишь подъ условіемъ осуществленія первой задачи—правильной организаціи христіанской жизни въ предѣлахъ самой ограды: такая организація—сама по себѣ есть уже проповѣдь, проповѣдь не словами, а самымъ дѣломъ, которое служить надежною опорою слову. Но, работая надъ организаціей христіанской жизни въ себѣ самихъ, семьѣ, приходѣ, нужно вмѣстѣ съ тѣмъ присматриваться къ жизни, прислушиваться къ словамъ тѣхъ, которые находятся за предѣлами Христовой церкви, чтобъ—въ случаѣ они пойдутъ къ намъ навстрѣчу—найти доступъ къ ихъ наболѣвшему сердцу, къ ихъ мятущейся мысли; нужно слѣдить за выдающимися явленіями современной мысли и жизни, освѣщая ихъ смыслъ и значеніе съ точки зрѣнія православно-христіанскаго міросозерцанія, а чтобъ глубже усвоить это міросозерцаніе—необходимо дружить съ богословскою наукою, которая растетъ съ каждымъ годомъ. Такая дружба нужна и для собственнаго утвержденія въ вѣрѣ и для того, чтобы—по апостолу—быть всегда готовымъ требующему у насъ отчета въ нашемъ упованіи дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ (1 Петр. 3, 15). Къ сожалѣнію, значеніе богословскаго самообразованія, продолжающагося и по выходѣ изъ школы, сознается далеко не всѣми пастырями, а такъ какъ „на поприщѣ ума нельзя намъ отступать“, мало того: такъ какъ тотъ, кто стоитъ въ умственной жизни на одномъ мѣстѣ, тѣмъ самымъ неминуемо отодвигается назадъ, то происходитъ печальное явленіе научной отсталости среди пастырей, получившихъ въ свое время законченное бо-

гословское образованіе и обнаруживавшихъ когда-то живой интересъ къ запросамъ и соображеніямъ богословствующей мысли. Этому не должно бы быть: теперь такое время, когда богословская книга, богословскій журналъ должны быть ближайшими друзьями пастыря, когда перою не мѣшается заглянуть и въ свѣтскую книгу, и въ свѣтскій журналъ. Пусть только на первомъ мѣстѣ стоитъ устройство христіанской жизни и въ себѣ самихъ, и вокругъ себя...

Таковы тѣ задачи, которыя намѣчаются нашимъ временемъ православно-русскому пастырю, задачи сложныя и отвѣтственныя. Много нужно силъ для ихъ осуществленія, и когда представишь себѣ ту массу труда и нравственной отвѣтственности, которая возлагается на пастыря, невольно подумаешь: кто къ симъ доволенъ!? Вѣдь пастыри—не ангелы, а люди. Да, люди, но къ этимъ людямъ приходитъ на помощь Самъ Господь, который сказалъ когда-то апостолу, изнемогающему среди трудовъ и огорченій: *довлетъ ти благодать моя, сила бо моя въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Пусть же пастырь ищетъ поддержки въ непоколебимой вѣрѣ въ то дѣло, которому служить,—дѣло созиданія царства Божія; въ живой связи съ Тѣмъ, Кто избралъ и поставилъ пастыря на высокое и отвѣтственное служеніе, Кто сказалъ—въ лицѣ своихъ апостоловъ—всѣмъ своимъ послѣдователямъ: не бойся, малое стадо! Пусть ищетъ онъ ободренія въ примѣрѣ такихъ пастырей, какими были апостолъ Павелъ или воспоминаемый церковію при началѣ новаго года св. Василій Великій: много бѣдъ и огорченій выпало на ихъ долю, но они не оставили того дѣла, на какое были посланы. Но то.—скажете,—были люди избранные, люди выдающіеся, а мы люди средніе.—скорѣе слабые, чѣмъ сильные, къ тому же обремененные семьей. До нѣкоторой степени это—такъ; но съ другой стороны—развѣ средній человѣкъ не долженъ итти по слѣдамъ выдающагося? „Хоть и Павелъ, а человѣкъ онъ былъ“, сказалъ Златоустъ объ апостолѣ Павлѣ. То же можно сказать и о Василіи Великомъ, и о самомъ Златоустѣ. Впрочемъ,

возлагая на пастырей великую и трудную задачу—итти по стопамъ великихъ вселенскихъ учителей, мы отнюдь не забываемъ, что современный пастырь, нерѣдко обремененный семьей, нуждается въ дѣятельной поддержкѣ со стороны правительства и общества, что было бы грѣшно, жестоко и безсердечно отвернуться отъ его житейскихъ нуждъ—въ той мысли, что-де пастырь—служитель церкви, а не мірской дѣятель. Пусть пастырь—служитель церкви, но, служа церкви, онъ тѣмъ самымъ служить и благоустроению гражданскаго общества, не говоря уже о томъ, что онъ несетъ массу обязанностей, имѣющихъ слишкомъ мало отношенія къ пастырству. Пусть пастырь—служитель церкви, но вѣдь у него есть семья, о которой онъ не можетъ не болѣть душой. Вотъ почему мы съ чувствомъ глубокой отрады заносимъ въ свой обзоръ минувшаго года дарованіе Правительствомъ пенсіи духовенству; вотъ почему мы не можемъ не желать отъ всего сердца, чтобы и въ будущемъ году нужды духовенства были близки и правительству, и обществу. Съ своей стороны „Руководство для сельскихъ пастырей“ въ наступающемъ году пойдетъ на встрѣчу духовенству и въ выясненіи его дѣйствительныхъ нуждъ, и въ осуществленіи тѣхъ задачъ, какія возлагаются на него пастырскимъ призваніемъ и требованіями времени.

Одно изъ средствъ къ „возрожденію“ православнаго Русскаго прихода.

Вопросъ о приходской жизни—это, кажется, одинъ изъ самыхъ животренищущихъ вопросовъ въ текущей литературѣ; вопросъ этотъ такъ же усердно дебатруется въ печати, какъ и соответствующій ему вопросъ объ отысканіи мелкой земской единицы. И нельзя не сочувствовать тѣмъ лицамъ, которыя хотятъ рѣшить оба эти вопроса въ связи одинъ съ другимъ, т. е. искомою единицею сдѣлать православный при-

ходь, а въ немъ самомъ пробудить тотъ братскій, общинный строй жизни, какимъ отличался нашъ древній приходъ. Къ числу лицъ, стремящихся рѣшить вопросъ въ послѣднемъ смыслѣ и много потрудившихся въ этомъ направленіи, слѣдуетъ отнести А. А. Папкова. Онъ основательно изучилъ исторію приходской жизни и приходскаго строя въ древней Руси. Это изученіе показало почтенному ученому всю ненормальность современнаго приходскаго строя, а также помогло ему придти къ нѣкоторымъ выводамъ относительно средствъ къ оживленію современнаго строя приходской жизни.

Главная задача, которая, по словамъ Папкова, должна быть положена въ основу всего приходскаго преобразованія— это возстановленіе христіанской общительности какъ между пастыремъ и пасомыми, такъ и между самими прихожанами. „Появится эта чудодѣйственная общительность—воскреснетъ и приходъ“. Приходская община должна быть семьею высшаго порядка, гдѣ жизнь должна строиться на великомъ началѣ братской любви, обществомъ людей безъ различія состояній и сословій. Для поддержанія и развитія этой общительности г. Папковъ рекомендуетъ учрежденіе воскресныхъ собраний, приходскихъ совѣтовъ, заведеніе главной приходской книги и проч. Но намъ здѣсь приходитъ на мысль одно средство къ сближенію и сплоченію членовъ приходской общины, средство очень простое, которое можетъ показаться даже слишкомъ простымъ и непригоднымъ, но которое, на самомъ дѣлѣ, имѣетъ большую силу. Мы имѣемъ въ виду общее церковное пѣніе, которое за послѣднее время все чаще и чаще стало практиковаться. Въ Казани, на примѣръ, даже организовано цѣлое общество, которое имѣетъ своею задачею, между прочимъ, и содѣйствіе развитію общаго церковнаго пѣнія¹⁾.

Если сущность искусства, какъ выражается одинъ современный мыслитель, составляетъ „общительность“²⁾; если

¹⁾ См. Извѣст. по Казанск. Епарх. 1899 г. № 20.

²⁾ Гюйо. Искусство съ точки зрѣнія соціологіи. Спб. 1891 г., стр. 348.

искусство вообще сближает людей, то особенно это нужно сказать о пѣннѣ и, въ частности, о пѣннѣ церковномъ. Оно невольно заставляетъ насъ переноситься мысленно въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ тягостнаго различія и мучительнаго соревнованія между людьми, а есть только одна правда и любовь. Но нигдѣ сила и значеніе церковнаго пѣнія такъ не обнаруживается, какъ въ пѣннѣ обще-церковномъ, гдѣ каждый молящійся принимаетъ живѣйшее и непосредственное участіе въ общемъ молитвенномъ настроеніи, а не остается только пассивно присутствующимъ при богослуженіи. Общее пѣніе, поэтому, есть лучшее средство къ пробужденію той братской общительности, той братской настроенности, какія, по Папкову, необходимы для оживленія нашего приходскаго строя. Не даромъ религіозныя собранія древнихъ христіанскихъ общинъ, гдѣ такъ высоко стояла братская любовь, сопровождалась общимъ пѣніемъ. Такъ было въ апостольское время (1 Кор. XIV, 26; Колос. III, 16; Ефес. V, 19), такъ было и потомъ. У Филона мы читаемъ о христіанахъ I вѣка, что первосвященникъ ихъ, окончивъ во время богослужебнаго собранія слово, пѣлъ хвалебную пѣснь Богу, „при концѣ коей всѣ возносили гласъ, какъ мужи, такъ и жены. Они (христіане) во время священныхъ своихъ бдѣній, всѣ возставъ, раздѣлялись на два лика посреди храмина, мужи съ мужами и жены съ женами, и на обоихъ ликахъ былъ свой искусный запѣвало. Наконецъ, оба лика, насладившись особо симъ сладкопѣніемъ, соединялись въ одинъ общій ликъ, или хоръ“¹⁾. Предстоятели древней церкви ясно сознавали высокое религіозно-воспитательное значеніе общаго пѣнія, служившаго выраженіемъ единенія въ вѣрѣ и жизни христіанской, и потому заботились о его развитіи, призывая къ церковному пѣнію всѣхъ христіанъ. „Составьте изъ себя *ость до одного* хоръ, пишетъ св. Игнатій Богоносецъ Ефесянамъ, убѣждалъ къ единенію со своимъ епископомъ, чтобы согласно настроенные въ

¹⁾ Памяти. христ. церкв. III, стр. 43.

единомыслии, дружно начавши пѣснь Богу, вы единогласно пѣли ее Отцу чрезъ Иисуса Христа“.

Введеніе общаго пѣнія повело бы за собою и вообще улучшеніе пѣнія церковнаго. Главный недостатокъ современнаго пѣнія составляетъ рабское и, по большей части, неискusstvenное подражаніе западнымъ образцамъ, которые такъ чужды русскимъ народнымъ требованіямъ. Не даромъ противъ партеснаго пѣнія прежде всего возстали древнія южно-русскія братства, эти носители церковно-общинныхъ началъ. „Въ началѣ XVII вѣка Кіевское братство назвало это пѣніе *проклятымъ*“¹⁾.

Но, опять повторимъ, главное значеніе общаго церковнаго пѣнія состоитъ въ томъ, что оно можетъ содѣйствовать пробужденію въ членахъ приходской общины братской настроенности. При общемъ пѣніи молящійся не является безучастнымъ къ происходящему передъ нимъ, онъ активно въ немъ участвуетъ, равно какъ и другой. Общимъ пѣніемъ молящійся поглощается и соединяется въ одно цѣлое со всѣми молящимися. Тогда прекратился бы тотъ ненормальный порядокъ, по которому вѣрующіе, собравшись въ храмъ для общей молитвы, по окончаніи ея, расходятся опять чуждые другъ другу. Въ заключеніе своей замѣтки приведемъ здѣсь слова св. Іоанна Златоуста, который прекрасно выясняетъ все высокое значеніе общаго церковнаго пѣнія. „Смотри, пишетъ св. отецъ, какъ пропѣтый псаломъ смѣшалъ различные голоса и произвелъ одно согласное пѣніе въ жертву Богу! И юноши и старцы, и богатые и убогіе, и жены и мужи, и рабы и свободные—всѣ мы одну вознесли Ему пѣснь. Ибо ежели играющей на арфѣ, перебирая различныя струны, изъ многаго составляетъ одно, не уничтожая множества: то чему дивиться, когда то же самое производитъ своею силою псаломъ или другое духовное пѣснопѣніе. Ибо оно соединяетъ между собою

¹⁾ Комаровъ. Средства къ улучшенію церковн. пѣнія. Моск. 1890 г. стр. 7.

насъ присутствующихъ... Въ царскихъ палатахъ не бываетъ сего. Но украшенный діадемою сидитъ, а всѣ прочіе стоятъ въ молчаніи. Здѣсь совсѣмъ иначе. Не видно здѣсь ни раба, ни свободнаго, ни богатаго, ни бѣднаго, ни князя, ни простолюдина. Все сіе общежительное неравенство брошено; изъ всѣхъ составилъ одинъ хоръ. Всѣ одинако участвуютъ въ пѣніи, и земное подражаетъ небу... Нельзя сказать, чтобы господинъ здѣсь пѣлъ со всею смѣлостію, а слугѣ зажимали ротъ; или бы мужчина пѣлъ свободно, а женщина молчала и стояла безгласна. Нѣтъ. У всѣхъ насъ права одинаковы, общую приносимъ жертву, общій даръ. Всѣ въ той же чести, и одинъ гласъ возносимъ различными языками къ Создателю міра“ (Бесѣды о псалмопѣніи. Христ. Чтен. 1822, VІІІ, стр. 8—9).

В. Родниковъ.

Въ Обществѣ трезвости.

Въѣзжая въ село N, никто не скажетъ, что это русская деревня, а не промышленный городокъ: большая часть домовъ выстроены изъ кирпича, покрыты желѣзомъ; улица вымощена камнемъ. Но главнымъ украшеніемъ села являются два храма—одинъ холодный, а другой теплый; высокіе, свѣтлые, помѣстительные, богато вызолоченные, искусно расписанные, они свидѣтельствуютъ о щедрости строителей и объ усердіи прихожанъ, напоминая слова поэта:

Въ Холмахъ, селѣ больномъ, есть церковь новая,
Воздвигла Божій домъ сумѣ торговая.

На высокой колокольнѣ висятъ огромные колокола, и когда *большакъ* потрясетъ воздухъ, то каждый невольно почувствуетъ, что живущимъ здѣсь людямъ дорогъ православный церковный обычай, дорого благолѣпіе храма Божія. Въ бытность свою въ этомъ селѣ узналъ я, что еще не оскудѣваетъ рука, дающая на храмы Господни и ихъ украшеніе, что те-

перь прихожане села помышляютъ вызолотить всѣ главы своихъ храмовъ,—а всѣхъ главъ, кажется, около семи—на главномъ храмѣ пять, да на колокольнѣ и на теплой церкви по одной. Имѣется въ виду и мастеръ—это—живущій неподалеку мужичокъ, придумавшій такой способъ золоченія, который по дешевизнѣ и прочности превосходитъ всѣ другіе существующіе способы; только не сошлись еще въ цѣнѣ, такъ какъ мастеръ проситъ за все не менѣе пяти тысячъ.

Зажиточность крестьянъ села N объясняется тѣмъ, что большинство ихъ ходятъ работать на фабрики и приносятъ оттуда хорошія деньги, которыя избавляютъ ихъ отъ обычной крестьянской черноты и бѣдности. Но тамъ же, на фабрикахъ, свыкаются они съ обычнымъ фабричнымъ разгуломъ, и потому излишняя преданность „зелену вину“ составляетъ между ними заурядное явленіе.

Пишущій эти строки пріѣхалъ въ село N для свиданія съ близкимъ родственникомъ, который состоитъ здѣсь священникомъ, и первые часы по пріѣздѣ посвятилъ разговорамъ о предметахъ домашнихъ и разспросамъ объ общихъ родныхъ. Но потомъ священникъ сказалъ мнѣ, что скоро долженъ будетъ меня оставить, такъ какъ сегодня у нихъ въ селѣ важное собраніе, въ которомъ ему необходимо участвовать.— „Не угодно ли и вамъ пойти туда со мной?—спросилъ онъ меня:—это будетъ годовое собраніе Общества попеченія о трезвости; оно будетъ происходить въ помѣщеніи чайной, содержимой Обществомъ. Сегодня будетъ чтеніе годовичнаго отчета и избраніе новой администраціи“. Я съ удовольствіемъ согласился и выразилъ свое сочувствіе цѣлямъ Общества уплатой годового взноса, что давало мнѣ право присутствовать на его собраніи въ качествѣ дѣйствительнаго члена. Итакъ, въ шесть часовъ вечера мы отправились.

Помѣщеніе чайной состояло изъ нѣсколькихъ залъ различной величины, уставленныхъ небольшими столами, на которыхъ были бѣлыя скатерти. За этими столами сидѣли посетители, чистенько одѣтые мужички, почтительно встававшіе

при проходѣ священника. Между ними сновали расторопные половые, съ чайниками въ рукахъ; они то подавали чай посѣтителямъ, то подсыпали „чайку и водички“ тѣмъ, которые сидѣли тутъ уже давно. Въ воздухѣ стоялъ, вмѣстѣ съ паромъ и чайнымъ запахомъ, довольно густой табачный дымъ, котораго не успѣвалъ выгонять сквозной вѣтерокъ, врывающійся въ открытыя окна. Всѣ присутствующіе въ чайной пили чай, и большинство ихъ курило.

Мы направились въ особую комнату, куда собирались тѣ члены Общества, которые принадлежали къ мѣстной аристократіи. Здѣсь были представители самыхъ разнообразныхъ вѣдомствъ: священникъ, становой приставъ, завѣдующій министерскимъ училищемъ, земскій врачъ—красивый еврей, съ мягкими манерами, державшійся особнякомъ отъ другихъ. Я представился имъ, говоря, что желаю вступить въ составъ Общества, и былъ принятъ ими очень любезно и получилъ экземпляръ Устава. Всѣ были заняты чаепитіемъ и приглашали меня заняться тѣмъ же.—„Прикажете подать чаю?“ „Что же вы не выпьете чайку?“ „Не угодно ли съ нами стаканчикъ?“—сыпалось на меня со всѣхъ сторонъ.

Сегодняшнее собраніе N—скаго Общества попеченія о трезвости должно было открыться молебномъ, который давно было бы пора начинать, да дьяконъ, своеправный старикъ, ушелъ на свое поле, и требовалось не мало терпѣнія, чтобы его дожидаться. Наконецъ, всѣ собрались. Въ самой обширной залѣ, на время освобожденной отъ чайныхъ столовъ, расположились священнослужители, и выстроился хоръ мѣстныхъ пѣвчихъ подъ управленіемъ регента, получающаго отъ прихода за трудъ свой около 30 рублей въ мѣсяцъ. Молитвенники размѣстились въ порядкѣ, противоположномъ тому, какой указанъ въ притчѣ о мытарѣ и фарисеѣ: кто помирнѣе и потеплѣе душой, стали впереди и посрединѣ, а образованные фарисеи стали издавеча, расположились въ дверяхъ или въ сосѣднихъ комнатахъ; земскій же врачъ, еврей, усѣлся въ самой отдаленной комнатѣ, гдѣ можно было, безъ соблазна для молящихся, „потягивать сигару“.

Молебень отслужили очень истоиво; пѣвчіе пѣли довольно стройно, только дьяконъ немного раздражалъ: то достоинство его, которое составляетъ гордость не только его самого, но и всего прихода, густой и громкій басъ, не служитъ ему на пользу; въ этомъ густомъ басѣ пропадаютъ членораздѣльные звуки, какъ въ гулѣ большого колокола тонуть голоса людей, которые въ него звонятъ: дьяконъ больше гудѣлъ, чѣмъ говорилъ, и слова ектеній можно было разбирать только при сильномъ напряженіи вниманія.

Послѣ молебна правленіе Общества усѣлось вокругъ стола, поставленнаго посрединѣ комнаты, и предсѣдатель, учитель министерскаго училища, началъ читать отчетъ о дѣятельности Общества за истекшій годъ. Изъ этого отчета, который я старался пополнить и уяснить для себя разспросами и справками съ уставомъ, стало извѣстно мнѣ, что Общество возникло нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по почину бывшаго здѣсь въ то время становаго пристава, католика-поляка; ему содѣйствовалъ уюмянутый выше земскій врачъ-еврей. Эготъ становой приставъ и былъ первымъ предсѣдателемъ правленія; а послѣ его перевода на другое мѣсто, предсѣдателемъ, естественно, сдѣлался врачъ. Такимъ образомъ, на зарѣ своей юности Общество было подъ руководствомъ сначала поляка, потомъ еврея. Но, должно быть, Обществу не понравилось находиться подъ игомъ иноплемениковъ; и вотъ, предсѣдателемъ былъ избранъ учитель министерскаго училища, а врачъ-еврей, лишенный первенства въ правленіи, „перешелъ въ оппозицію“, т. е. сталъ интриговать противъ существующаго управленія и копаться въ его ошибкахъ и недостаткахъ. Новое правленіе, съ русскимъ предсѣдателемъ во главѣ, стало на тотъ же путь, начало оправдываться и возвеличивать себя, обвиняя предшественниковъ и въ особенностяхъ врача. Въ настоящемъ собраніи, на которое я отправился по искреннему сочувствію высокимъ цѣлямъ Общества, предстояло разыгратъ самую ожесточенную схваткѣ.

Враждебныя дѣйствія открылись съ русской стороны: предсѣдателемъ, по прочтеніи отчета, поставленъ былъ вопросъ, какъ поступить въ томъ случаѣ, когда „нѣкое почтенное лице“ въ одномъ изъ предшествующихъ общихъ собраній избрано было почетнымъ членомъ, но объ этомъ своевременно не увѣдомлено и не получило диплома? Стыдно увѣдомлять его теперь, когда со времени избранія прошли не мѣсяцы и дни, а цѣлыя годы; но и не увѣдомлять нельзя, такъ какъ это значить—не выполнять состоявшагося на общемъ собраніи опредѣленія. Этотъ „неразрѣшимый вопросъ“ обостренъ былъ предсѣдателемъ нарочито для того, чтобы уколоть врача-еврея, такъ какъ указанная оплошность была допущена въ его предсѣдательство. Потолковали, потолковали объ этомъ, такъ ничего и не рѣшили; видно было только, что стрѣла попала въ цѣль: врачъ, въ котораго она направлялась, волновался, краснѣлъ и переходилъ съ одного мѣста на другое. Но потомъ началась и съ его стороны пальба—и притомъ изъ болѣе крупныхъ орудій. Онъ выступилъ съ возраженіями противъ отчета, въ которомъ будто бы невѣрно обрисованы дѣла Общества, и въ заслугу настоящаго правленія несправедливо поставлено то, что отчетный годъ законченъ безъ дефицита и даже съ остаткомъ. Остатокъ явился не вслѣдствіе благоразумной дѣятельности правленія, а вслѣдствіе того, что оно, вопреки цѣлямъ Общества и намѣреніямъ его учредителей, до крайности сузило дѣятельность Общества—оставило только *одну* чайную, тогда какъ прежде ихъ было *нѣсколько*, и притомъ не въ одномъ N, но и въ сосѣднихъ деревняхъ.— „Куда дѣвалось имущество закрытыхъ чайныхъ?“—многозначительно спрашивалъ врачъ, стараясь бросить тѣнь на добросовѣстность правленія. И началась перепалка. Врачъ кричитъ, предсѣдатель еще громче кричитъ. Наконецъ, послѣдній объявляетъ, что его противникъ—не членъ Общества и не имѣлъ права являться въ собраніе, тѣмъ болѣе выступать обвинителемъ правленія. Врачъ говоритъ, что, дѣйствительно, онъ объявилъ о своемъ выходѣ изъ Общества и изъ правленія, въ

виду неправильнаго хода дѣлъ, но въ настоящемъ собраніи, которое, по Уставу, должно избрать новаго предсѣдателя, онъ снова вступаетъ въ Общество и возобновляетъ свой членскій взносъ. Говоря такъ, врачъ приблизился къ столу, за которымъ сидѣло правленіе, и положилъ предъ предсѣдателемъ серебряный рубль. На это предсѣдатель возразилъ, что человекъ, оскорбляющій Общество и его правленіе и уже вышедшій одинъ разъ изъ состава Общества, не можетъ снова считаться его членомъ только потому, что возобновляетъ свой взносъ; онъ долженъ подвергнуться избранію со стороны общаго собранія; настоящее собраніе сдѣлать этого не можетъ, и онъ, предсѣдатель, этого не допустить, такъ какъ странно было бы, если бы въ одномъ и томъ же собраніи и заявлялось о демонстративномъ выходѣ врача изъ Общества, и предлагалось снова выбрать его.—„Возьмите ваши деньги“, говорилъ предсѣдатель врачу, отодвигая отъ себя серебряный рубль на край стола. Врачъ не хотѣлъ взять назадъ своего рубля, и въ концѣ концовъ этотъ послѣдній, отъ одного изъ энергичныхъ движеній предсѣдателя, упалъ на полъ, покатился подъ ноги сидящимъ вокругъ членамъ Общества и улегся гдѣ-то подъ стульями, звякнувши какъ будто съ неудовольствіемъ и ропотомъ на свою ненужность.

Я вышелъ изъ собранія, не дождавшись его конца. Поздно вечеромъ возвратился мой родственникъ домой и повѣдалъ мнѣ, что предсѣдателемъ избрали старшаго священника. На другой день мнѣ пришлось встрѣчаться со многими членами Общества, бывшими наканунѣ въ собраніи, и первымъ вопросомъ, съ которымъ обращались они ко мнѣ, былъ вопросъ: „какъ понравилось вамъ наше Общество трезвости, и какое впечатлѣніе вынесли вы изъ вчерашняго собранія?“ Я отвѣчалъ: „какое же это Общество трезвости? Въ отчетѣ говорилось о томъ, сколько выпито чая, сколько изгрызено сахара, сколько человекъ перебивало въ чайной; но о томъ, падаетъ ли пьянство, возвышается ли трезвость, не сказано было ни слова. Что жѣшало жителямъ села N пить и чай,

предлагаемый Обществомъ трезвости, и водку, предлагаемую кабатчиками? Въ Уставѣ сказано, что члены Общества, учрежденнаго для уменьшенія и искорененія народнаго пьянства, изыскиваютъ все мѣры и средства для достиженія этой цѣли, вліяютъ примѣромъ собственнаго воздержанія и проч.; но изъ вчерашняго собранія не видно, чтобы главные представители Общества высоко цѣнили его цѣль,—напротивъ, у нихъ на первомъ планѣ—взаимные перекоры и вражда. Не будетъ русскій крестьянинъ относиться съ уваженіемъ къ своимъ образованнымъ попечителямъ и къ ихъ служенію, если они на виду у него будутъ разыгрывать сцены, подобныя вчерашнимъ“.

Бесѣдовавшіе со мною члены соглашались съ моими словами и сожалѣли о томъ, что вчера предсѣдатель дозволилъ себѣ рѣзкости въ спорѣ съ врачомъ; однако и хвалили его, какъ человѣка прямодушнаго и честнаго, а о врачѣ выражались: „Ему такъ и надо: очень ужъ зазнался. Конечно, онъ свѣдущій въ своемъ дѣлѣ человѣкъ, этого нельзя отнять отъ него; но онъ считаетъ себя какимъ-то высшимъ существомъ, а къ нашей жизни относится съ презрѣніемъ, види въ ней одну темноту и невѣжество. Вѣрованія и обычаи народа ему противны; онъ говоритъ о нихъ съ такой ужимкой, какъ будто хочетъ сказать, что вотъ-де среди какихъ дикарей приходится мнѣ жить. А нашему народу, вѣдь, ужъ не отъ евреевъ же себѣ свѣтъ заимствовать: народъ-то просвѣщенъ христіанствомъ и дорожитъ имъ, любитъ храмъ Божій, никакихъ пожертвованій для него не жалѣетъ... Когда еврей былъ предсѣдателемъ, сталъ выписывать чай отъ евреевъ, сахаръ отъ евреевъ, чашки, стаканы отъ нихъ же: говоритъ, что все это самое лучшее, а какое тамъ лучшее? какъ есть еврейское: чай вѣниками пахнетъ, отъ сахара песокъ на зубахъ остается“...

По поводу состоявшагося избранія священника предсѣдателемъ рассказывали мнѣ, что первые предсѣдатели (полякъ-етановой и еврей-врачъ), старались ~~всѣмъ~~ устранить духо-

венство отъ участія въ ихъ дѣлѣ. Хорошо, что кто-то успѣлъ разъяснить Владыкѣ истинное положеніе дѣла, и онъ выразилъ неудовольствіе по тому поводу, что въ чайныхъ Обществахъ продается табакъ, и такимъ образомъ вмѣсто одной вредной прихоти (винопитія) насаждается другая. Теперь духовенство заняло въ Обществѣ подобающее мѣсто. Свою дѣятельность въ качествѣ его заправителя оно должно поставить въ связь съ пастырскимъ служеніемъ своимъ; распространеніе трезвости и уменьшеніе пьянства разсматривать, какъ часть общаго христіанскаго совершенствованія жизни. Для этого оно должно пользоваться исповѣдью и церковной проповѣдью. Вмѣстѣ съ тѣмъ исправится и взглядъ на пьянство и трезвость, и мѣры къ искорененію перваго и къ насажденію второй будутъ избираться болѣе цѣлесообразныя. Трезвость не можетъ быть названа въ тѣсномъ смыслѣ гражданской добродѣтелью, а пьянство гражданскимъ порокомъ; такъ какъ гражданскому обществу пѣтъ дѣла до того, сколько рюмокъ выпиваетъ его членъ, если только онъ исправно отбываетъ свои повинности (у крестьянина весьма несложныя) и не дѣлаетъ безобразій, нарушающихъ общественное спокойствіе. Трезвость есть добродѣтель, а пьянство—порокъ съ религіозно-нравственной точки зрѣнія, такъ какъ религія не довольствуется *внѣшней* исправностью человѣка, но входитъ въ его личную жизнь и вноситъ туда свѣточъ высшаго закона, требованіе непрерывнаго духовнаго совершенствованія, борьбы съ плотію, ограниченія и умерщвленія плотскихъ страстей. Посему, трезвость есть религіозно-нравственный подвигъ, подъемлемый во имя Христова, и должна быть насаждаема на почвѣ христіанскихъ убѣжденій народа,—а эта почва воздѣлывается церковными пастырями при содѣйствіи благодати и разнообразныхъ средствъ, въ которыхъ выражается попеченіе Церкви о спасеніи ея духовныхъ чадъ.

С. К.

Неплюевское трудовое братство 1).

Много было писано въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ статей о Воздвиженскомъ трудовомъ братствѣ г-на Неплюева, находящемся въ мѣстѣчкѣ Япюль, Глуховскаго у., Черниговской губ. Имъ интересовалась даже заграничная печать. И много было сказано какъ въ пользу неплюевского братства, такъ и противъ,—особенно же въ пользу его. Г-нъ Андреевъ въ своей брошюрѣ, подъ нижеприведеннымъ заглавіемъ ея, даетъ болѣе или менѣе полную картину внѣшняго и особенно внутренняго быта неплюевскихъ учреждений. Въ виду того интереса, какой представляютъ собою эти учрежденія, вслѣдствіе отмѣченныхъ нами особенностей брошюры, мы позволяемъ себѣ познакомить нашихъ читателей съ содержаніемъ ея поближе.

Неплюевскія учрежденія въ настоящее время представляются въ видѣ „Воздвиженской школы—колыбели братства“, состоящей изъ двухъ отдѣленій—мужского и женскаго, и братской колоніи, оффиціально называемой „Православнымъ Крестовоздвиженскомъ трудовымъ братствомъ“. Между тѣмъ и другимъ существуетъ органическая связь: въ трудовое братство поступаютъ, главнымъ образомъ, окончившіе школу воспитанники и воспитанницы; самыя школы—мужская и женская и существуютъ затѣмъ, чтобы „спеціально и систематически“ готовить новыхъ членовъ братской жизни. Потерять кого-нибудь изъ воспитанниковъ для дѣла братства считается за позоръ для школы, а воспитанники, избравшіе по выходѣ изъ нея родъ жизни и дѣятельности внѣ братства, трактуются, какъ измѣнники, „ушедшіе торговать на ярмарку жизни“; вступившіе же въ братство являются гордостью школы и всего братства, трактуются, какъ воспитанники, „удавшіеся въ нравственномъ отношеніи“; актъ вступленія ихъ въ братство—

1) По поводу брошюры Ив. Андреева „Въ культурномъ скиту“ (среди неплюевцевъ). Спб. 1902 г.

торжественный праздникъ для него; онъ сопровождается особой церемоніей, состоящей изъ богомоленій, пѣнія духовныхъ пѣсенъ, „словъ сочувствія“ вступающимъ и ихъ товарищей и членовъ братства, взаимныхъ рукопожатій, лобзаній, слезъ „радости и счастья“ и пр. т. п.

Конечно, воспитаніе дѣтей на заданную тему для предстоящей жизни въ братствѣ достигается не столько характеромъ и строемъ учебныхъ занятій, которыя ведутся по программѣ, ничѣмъ существенно не отличающейся отъ программъ сельскохозяйственныхъ школъ, сколько своеобразной организаціей внутренняго быта школъ. Здѣсь самую крупную особенность составляютъ „братскіе кружки воспитанниковъ“ — „старшій кружокъ“ и „младшій кружокъ“. Самые примѣрные (съ точки зрѣнія г-на Неплюева) по своему поведенію воспитанники старшихъ классовъ составляютъ „старшій братскій кружокъ“; онъ находится подъ личнымъ покровительствомъ г-на Неплюева. Болѣе слабые въ нравственномъ отношеніи образуютъ „младшій братскій кружокъ“, который находится уже подъ вліяніемъ старшихъ воспитанниковъ. Кромѣ тѣхъ и другихъ есть такъ называемые „внѣкружковые“ воспитанники, не желавшіе примкнуть ни къ первому, ни ко второму кружку. На обязанности старшаго и младшаго кружковъ лежитъ употреблять всё усердіе и всё миссіонерскія способности на то, чтобы обратить ихъ изъ „внѣкружковыхъ“ въ „кружковыхъ“. Ими и пополняется младшій кружокъ, который, въ свою очередь, пополняетъ ряды старшаго кружка наиболѣе успѣвшими въ нравственномъ отношеніи членами и является, такимъ образомъ, необходимою ступенью для каждаго воспитанника, задумавшаго вступить въ старшій кружокъ.

Школьная практика выработала много сильныхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ достигается это видимое движеніе воспитанниковъ по ступенямъ нравственнаго совершенствованія. Эти мѣры возведены въ строгую систему взаимнаго соглядатайства, рассчитанныхъ похвалъ и порицаній. Младшіе зорко слѣдятъ за внѣкружковыми воспитанниками, старшіе за

младшими и другъ за другомъ. Подъ наблюденіемъ старшихъ младшіе ведутъ дневники, старшіе ведутъ свои дневники, составляютъ, затѣмъ, характеристики о своихъ младшихъ товарищахъ къ 1 января каждаго года и другъ о другѣ ко дню именинъ. Словомъ, всѣ неопустительно и зорко слѣдятъ другъ за другомъ. Проступки другъ друга собираются, записываются въ нарочно заведенныя книги (такъ наз. черную книгу), разыскиваются ежедневно передъ вечерними молитвами при взаимныхъ объясненіяхъ между воспитанниками, обсуждаются публично на собраніяхъ въ домѣ воспитателя и попечителя школы и такъ или иначе оберегаются отъ забвенія. Виновный, въ случаѣ раскаянія, получаетъ выговоръ за свой проступокъ на субботнемъ кругѣ, т. е. на общемъ собраніи учителей и воспитанниковъ подъ предсѣдательствомъ г-на Неплюева, или подвергается болѣе или менѣе продолжительному отлученію отъ товарищей, лишаясь права разговаривать съ ними, обѣдать вмѣстѣ и играть, — или же записывается въ особую штрафную книгу (черную № 2) и даже исключается изъ школы, если онъ записанъ былъ въ черной книгѣ больше трехъ разъ или если не обнаружилъ и проблесковъ раскаянія. „Ради всеобщаго блага, говоритъ авторъ, въ Воздвиженскѣ вовсе не останавливаются передъ такими пустяками, какъ исключеніе“... Живымъ подтвержденіемъ этихъ словъ служить то, что въ теченіе, напр., 1898 года изъ мужской школы выключено было не меньше 12 человекъ. Избѣжать отвѣтственности за проступокъ здѣсь было бы напрасной попыткой, потому что тутъ почти каждый имѣетъ наблюдателя не только своего поведенія, а и своей души, о состояніи которой судятъ даже по свойству улыбки, блеску глазъ и выраженію лица. Если кто нибудь, поступивъ дурно (въ неплюевскомъ смыслѣ), не запишетъ самъ себя въ черную книгу, того обязательно запишетъ старшина. Старшины существуютъ, по заявленію г-на Неплюева, „не столько для водворенія и поддержанія порядка въ школѣ, сколько для воспитанія въ дѣтяхъ сознанія необходимости привычки добровольно, безпрекословно и быстро

подчиняться“. Они избираются каждымъ изъ пяти классовъ ежемѣсячно посредствомъ баллотировки, которая всегда падаетъ на лицо удобное попечителю. Заодно съ старшинами дѣйствуютъ въ школахъ и преподаватели; они—самые ревностные проводники братскихъ принциповъ въ сознание дѣтей. И не удивительно, потому что они избираются изъ среды воспитанниковъ и притомъ „самыхъ удавшихся въ нравственно-воспитательномъ отношеніи“.

Самымъ существеннымъ братскимъ принципомъ является слѣдшая вѣра въ авторитетъ и чистоту намѣреній г-на Неплюева, беззавѣтная преданность ему и взлелѣянному имъ дѣлу братства. Нѣтъ важнѣе въ школѣ грѣха, чѣмъ проявленіе непослушанія или упрямства, которое, какъ тяжкій проступокъ, карается и тамъ, гдѣ въ дѣйствительности можетъ быть одно недоумѣніе, простое непониманіе или сомнѣніе относительно справедливости брата, но въ этомъ случаѣ оно карается даже съ наибольшей строгостью, потому что самое-то сомнѣніе въ братьяхъ, а особенно разногласіе съ ними, трактуется какъ нетерпимое зло, какъ тягчайшее преступленіе, вопіющее къ небу, и виновникъ его безъ дальнихъ словъ обзывается „мозговой машиной, нравственнымъ уродомъ, каменнымъ—бездушнымъ сердцемъ“! Но за то и нѣтъ похвальнѣе добродѣтели, какъ изъявленіе беззавѣтной преданности и пылкой любви къ воспитателю, восторженное довольство его дѣятельностью и всѣми порядками братской жизни, расточеніе благодарности и похвалъ всѣмъ труженникамъ на нивѣ воспитанія и между ними, главнымъ образомъ, конечно, г-ну Неплюеву, признаніе въ любви и ко всѣмъ братьямъ—товарищамъ. Объ этой согласной любви здѣсь ежедневно молятся, постоянно проповѣдуютъ и учатъ говорить о ней, оплакиваютъ ее въ измѣнившихъ ей братьяхъ и этими слезами, съ присоединеніемъ къ нимъ угрозъ судомъ Божиимъ, вымогаютъ у нихъ обѣщаніе исправиться и раствориться любовью, а преуспѣвающихъ въ ней поощряютъ изысканными похвалами, причисленіемъ къ лику избранныхъ младшаго или старшаго кружка и при-

званіемъ на нихъ обильныхъ благословеній Божіихъ. Словомъ, всѣ эти изъявленія любви и цорицанія заранѣе обдуманы, опредѣлены программой, установлены обычаемъ. Не удивительно, что среди воспитанниковъ развивается своего рода состязаніе въ проявленіяхъ любви къ своему „необыкновенному попечителю“: увлеченные упражненіемъ въ нихъ, они безпрекословно, говоря вообще, исполняютъ всѣ затѣи и прихоти своего „пана“, даже стараются предугадать его желанія, засматриваютъ ему въ глаза, стараются попасть въ тонъ ему въ построеніи и выраженіи своихъ мыслей, въ манерѣ говорить, а по части силетенія похвалъ ему и при случаѣ другъ другу достигаютъ изысканнаго краспорѣчія. Этими похвалами, какъ и самобичеваніями, переполнены дневники, характеристики, письма и разнаго рода прочувствованные адреса; ими сопровождаются всѣ и всякія сношенія воспитанниковъ между собою и съ своимъ воспитателемъ, всѣ ихъ собранія: частныя и общественныя, религіозныя и свѣтскія (музыкальныя, литературныя и др.), будничныя и праздничныя; онѣ возводятся къ Богу, какъ вдохновителю и свидѣтелю ихъ, запечатлѣваются крѣпкими рукопожатіями, цѣлованіями и даже слезами...

Но въ хорѣ этихъ громкихъ похвалъ и самобичеваній неплюевского пошиба авторъ различаетъ и иные звуки, иные голоса, несродные общимъ напѣвамъ. Нерѣдко воспитанниковъ „беретъ одурь отъ безконечныхъ моленій, поцѣлуевъ... рукопожатій и наставительныхъ разговоровъ“. Та любовь, звуки которой постоянно слетаютъ съ ихъ языка и неумолкаемо раздаются въ ихъ ушахъ, сопровождается совсѣмъ неожиданными результатами: вмѣсто ожидаемой искренней радости жизни, она вселяетъ въ нихъ преждевременное утомленіе ею, разочарованіе и тяготу, вмѣсто искренняго, сердечнаго влеченія къ воспитателю-проповѣднику любви, — произвольный страхъ предъ нимъ, заставляющій ихъ съ нетерпѣніемъ ожидать его отъѣзда изъ Воздвиженска и искренно радоваться этимъ отлучкамъ его, — вмѣсто легкой живительной атмосферы она создаетъ атмосферу душную и тяжелую, сказывающуюся

на нихъ такимъ нравственнымъ гнѣтомъ, который доводилъ ихъ до мысли бѣжать изъ школы или же свести совсѣмъ концы съ этой жизнью. И не удивительно. Въ дѣйствительности, закономъ жизни въ неплюевскихъ школахъ служить не любовь,—хотя она и не сходитъ здѣсь съ языка воспитателей и воспитанниковъ,—а желѣзный механизмъ личной воли г-на Неплюева, совнѣ „прикрытый гирляндами хорошихъ словъ“,—воли, опирающейся въ своихъ проявленіяхъ на авторитетъ односторонне и даже превратно усвоенной воли божественной и воплощающейся въ суровой, деспотической дисциплинѣ системою взаимнаго надзора, „благочестивой ябеды“, напускнаго благочестія, разсчитанныхъ похвалъ и порицаній и страхомъ изгнанія. Трудно оспаривать правильность этого вывода послѣ описанныхъ авторомъ порядковъ, отношеній и проявленій школьной жизни, которые именно и готовятъ къ этому выводу. Трудно также оспаривать правильность и тѣхъ сужденій автора, какія онъ (и не онъ одинъ) высказываетъ о разнообразномъ, въ зависимости отъ разнообразія дѣтской индивидуальности, но всегда гибельномъ вліяніи неплюевской системы воспитанія на дѣтскую психику. Дѣтей съ мягкимъ и слабымъ характеромъ она окончательно обезволиваетъ, а дѣтей съ болѣе или менѣе сильнымъ характеромъ, въ душѣ которыхъ живетъ чувство свободы и самостоятельности, она озлобляетъ и замыкаетъ въ самихъ себѣ. Первые выносятся, подъ вліяніемъ ея, изъ школы какое то странное сомнѣніе и энтузіазмъ, вслѣдствіе которыхъ для нихъ только тѣ хороши, кто думаетъ по ихнему, и погибшіи тотъ, кто думаетъ иначе,—а вторыя—раннее разочарованіе въ жизни, болѣзненную злобу въ душѣ, недѣвѣріе къ людямъ и упорную скрытность.

А. Волгинъ

(Окончаніе слѣдуетъ).

Несомнѣнное и сомнительное въ вопросѣ о степеняхъ родства для браковъ.

По законамъ церковнымъ (цирк. указъ Св. Синода отъ 19 января—17 февраля 1810 г.) и гражданскимъ (Поли. Собр. закл. № 24091) браки безусловно воспрещаются: а) въ кровномъ и двухкровномъ родствѣ до четвертой степени включительно. Въ пятой степени этого родства (кровнаго и двухкровнаго) можно вѣнчать браки, но съ благословенія Преосвященнаго. Равно за разрѣшеніемъ Архіерейскимъ надлежитъ обращаться при вѣнчаніи браковъ въ 6-ой и даже 7-ой степеняхъ кровнаго и двухкровнаго родства въ томъ случаѣ, когда, вслѣдствіе имѣющихъ возникнуть новыхъ родственныхъ отношеній между брачующимися, могло бы произойти смѣшеніе родственныхъ наименованій (указъ Св. Синода 1810 г. 19 января; руковод. Хойнацкаго, отд. III стр. 7 срав. руководство Богословскаго стр. 333). Такъ, напр., бракъ между 1: а) двоюроднымъ дѣдомъ и двоюродной внукой (6 ст. кровн.) б) троюроднымъ дядей и троюродной племянницей (7 ст. кровн.); 2: а) бракъ дѣда и внука на двоюродныхъ сестрахъ (6 ст. 2 рода), отца и сына съ троюродными сестрами (7 ст. 2 рода) и т. под. б) Въ родствѣ трехкровномъ запрещаются браки только въ первой степени, а во 2-и 3 степеняхъ трехкровнаго родства браки могутъ быть разрѣшаемы „по нуждѣ“, властію Епископа (Указъ Св. Синода 1841 года 25 апрѣля). Въ указѣ Св. Синода, отъ 28 марта 1859 года № 2447, изложено, что священники въ второй, третьей и даже четвертой степ. этого родства не должны, подѣ опасеніемъ строжайшаго взысканія по закону, своею властію вѣнчать браки, но всякій разъ испрашивать разрѣшенія своего Архіерея. Послѣдній, впрочемъ, какъ говорится въ указѣ Св. Синода, отъ 25 апрѣля 1841 года, не долженъ простирать запрещеніе брака въ сказанномъ родствѣ далѣе 3-й степени. Указомъ Св. Синода отъ 9 августа 1885 года № 8 подтверждено епархіальнымъ Преосвященнымъ, чтобы при разрѣшеніи браковъ въ родствѣ ру-

ководствоваться циркулярнымъ указомъ Св. Синода, отъ 19 января—17 февраля 1810 года. При означенномъ указѣ Синода (отъ 9 августа 1885 г. № 8) приложена къ руководству таблица родства, изъ коей видно, что браки воспрещаются: 1) между братомъ и сестрою родными, единокровными, единоутробными и сводными; 2) двумъ братьямъ съ двумя сестрами и сестрою зятя; 3) между дядею и племянницею, а также съ падчерицею сестры; между двоюродными братомъ и сестрою, сводными двоюроднымъ братомъ и сестрою, а равно съ падчерицею дяди или тетки и съ пасынкомъ тетки; 4) съ племянницею мачихи и съ племянницею отчима; 5) съ теткою снохи (жена сына) и съ теткою зятя (мужъ дочери); 6) съ вдовою двоюроднаго брата, или съ мужемъ двоюродной сестры. в) Въ духовномъ родствѣ запрещаются браки только: 1) между воспріемниковъ и матерью имъ воспріятого и 2) между воспріемницею и отцемъ его воспріятой (указъ Св. Синода 1810 г. 19 января, полн. собраніе закон. № 24091).

(Гамб. енарх. вѣд. 1902 г. № 47).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. пенз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 27 декабря 1902 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Авц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

Годъ

XLIV.

Руководство

для

Сельскихъ пастырей

Выходитъ еженедѣльно.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 2.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, января 12-го.

Содержаніе: Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго. — Недостатокъ
вдумчивости и излишки усердія въ просвѣтительномъ дѣлѣ. — Не-
паявское трудовое братство.

Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго.

Установившійся нынѣ у насъ порядокъ избранія въ Св. Синодѣ достойнѣйшихъ кандидатовъ на вакантныя епископскія кафедры ведетъ свое начало изъ глубокой христіанской древности (19 пр. Антиох. собора; 12 пр. Лаод.; 13, 50 пр. Карѣ.; 4 и 6 пр. Никейск. 1 соб.; 2 пр. Халк.; 3 пр. Никейск. 2-соб.) и практиковался, за весьма немногими исключеніями, въ нашей церкви задолго и до учрежденія Св. Синода. „Абѣ первый епискупъ начнетъ повѣдовати, читаемъ мы въ чинѣ избранія и поставленія въ епископа 1423 года, аще гдѣ кого вѣсть достойна на таковое дѣло, потомъ паки *инъ* такожде, потому же и *все епископи по ряду*, много въ томъ истязаніе створше, и елики ту помянувше, отъ всѣхъ именъ онѣхъ *три*

лучшихъ избираютъ“, изъ которыхъ потомъ достойнѣйшій избирается уже митрополитомъ ¹⁾. Во время патріаршества, какъ это видно изъ образца избирательнаго акта въ „чинѣ поставленія архіерейскаго“ патріарха Іоакима (§ 23, стр. 188), для правильнаго и законнаго избранія достойнаго кандидата на епископство требовалось уже не только благословеніе патріарха и одобреніе и согласіе избирателей-епископовъ, но еще и „*изволеніе*“ благочестивѣйшаго великаго государя царя и великаго князя, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца“ ²⁾. Петръ I-й въ этотъ порядокъ избранія на епископство достойныхъ кандидатовъ внесъ нѣчто *новое*, когда въ 1721 году на докладѣ Духовной коллегіи „собственною своею и высококомонаршею рукою соизволилъ учинить резолюцію“: „*выбирать по двѣ персоны, и которую опредѣлимъ, посвящать и опредѣлять*“ ³⁾. Воля императора Петра Великаго отразилась немедленно же и въ „Чинѣ избранія и рукоположенія архіерейскаго“, который пересматривался въ это время архимандритомъ Гавріиломъ Бужинскимъ и вышелъ въ свѣтъ въ 1725 году, внесеніемъ въ него слѣдующихъ строкъ: „и многое о семъ истязаніе сотворше, *избираютъ двѣ персоны, и избравше предлагаютъ къ опредѣленію пресвѣтѣйшему Ею Императорскому Величеству, кому отъ тѣхъ двоихъ архіереемъ быти повелитъ*“ ⁴⁾. Въ чинѣ 1856 года подъ перомъ митрополита Филарета эти строки приняли нѣсколько иной видъ: „и избравше *двухъ или трехъ* предлагаютъ къ опредѣленію“ и т. д. ⁵⁾.

Послѣ прекращенія у насъ патріаршества и учрежденія Св. Синода, Петръ Великій вышеприведеннымъ распоряженіемъ объ избраніи и утвержденіи достойныхъ кандидатовъ на епископство высказалъ ясно и опредѣленно тотъ взглядъ,

¹⁾ Русск. истор. библ. СПб. 1880, т. VI, ст. 442—443.

²⁾ Ркн. библ. СПб. духовн. Акад. № 126, л. 5.

³⁾ Духовный Регламентъ, изд. 3, М. 1883, стр. 89.

⁴⁾ Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго, изд. М. 1816. л. 1.

⁵⁾ Тамъ же, изд. М. 1885, стр. 3.

что въ его глазахъ каждый самостоятельный епископъ въ своей епархіи есть въ своемъ родѣ патріархъ, со всѣми правами и полномочіями, присущими этому послѣднему, а поэтому долженъ стоять къ своему законному государю въ такомъ же положеніи, въ какомъ находились патріархи въ древней Византіи и у насъ на Руси къ своимъ царямъ, отъ желанія и согласія которыхъ, главнымъ образомъ, зависѣло ихъ избраніе. „*Съ соизволенія императора*, говорится въ чинѣ избранія въ патріарха вселенской церкви, происходитъ избраніе и относится имена (три) къ императору ¹⁾, и какое имя избретъ императоръ. совершается объявленіе (избранному), въ присутствіи двухъ царскихъ архонтовъ и всѣхъ церковныхъ чиновъ“ ²⁾. „Такъ какъ царь, пишетъ Симеонъ Солунскій, въ объясненіе описанныхъ порядковъ при избраніи константинопольскаго патріарха, какъ защитникъ Церкви, *имѣетъ издревле отъ божественныхъ отцевъ* власть созывать для сей цѣли священный соборъ архіереевъ, то самъ царь приглашаетъ указами ближайшихъ архіереевъ. Когда они соберутся вѣсь, какъ бывшіе прежде въ великомъ городѣ, такъ и прибывшіе извнѣ, которымъ возможно прибыть, потому что, по правиламъ церковнымъ, слѣдовало бы быть всѣмъ, тогда, по указу царя, они собираются вмѣстѣ въ некоторомъ священномъ мѣстѣ. И это есть древній обычай, чтобы они составляли собраніе не сами по себѣ, дабы не произошло какихъ либо раздѣленій и смятенія. Собираются же не въ великомъ храмѣ патріархіи, потому что патріарха нѣтъ, и никому не позволительно входить туда, но въ божественномъ

¹⁾ Императоръ могъ всегда не согласиться съ мнѣніемъ синода относительно кандидата на престолъ константинопольской церкви. Въ случаѣ своего несогласія императоръ выражалъ свою волю такъ: „*Желаю, чтобы патріархомъ былъ имярекъ*“. Синодъ подчинился желанію императора и хиротонисалъ въ патріарха Константинополя указанное ему лицо. (Mign. Patrol. Curs. complet., t. 112, col. 1041, 1043).

²⁾ А. Дмитріевскій. Описан. литург. ркн., хранящихся въ библиот. прѣв. Востока, т. II, Εὐχολόγια. стр. 629.

храмъ святыхъ апостоловъ, ради благодати апостольской и потому, что сіе служеніе есть апостольское. Вокругъ становятся иконы апостоловъ, подобно какъ и въ мѣстѣ избранія (епископовъ) изображаются апостолы, приемлющими Духа свыше. По окончаніи молитвы, при которой возжигаются три свѣщи и курится өміамъ, и по совершеніи поминовенія (кого слѣдуетъ на ектеніи) и отпуста первымъ архіереемъ, при участіи и прочихъ въ пѣніи и молитвахъ, они садятся въ порядкѣ своихъ степеней, *въ присутствіи* изъ постороннихъ одного только *хартофилакса* и по обычаю *совершаютъ избраніе по голосамъ трехъ лицъ*. Хартофилаксъ съ двумя архіереями представляетъ эти приговоры царю, ибо ему, *какъ царю помазанному, издревле отцами предоставлено право—избирать одного изъ трехъ, какъ уже избранныхъ соборомъ и признанныхъ достойными*¹⁾. Усвоивъ себѣ указанный взглядъ на епископовъ самостоятельныхъ епархій, Петръ I-й сталъ свободно и легко надѣлять русскихъ епископовъ и внѣшними богослужебными отличіями, какъ, напр., саккосомъ, панагією и др., которыя дотолѣ составляли у насъ исключительную принадлежность высшаго патріаршаго сана и жаловались нѣкоторымъ епископамъ лишь въ рѣдкихъ и особенныхъ случаяхъ.

Порядокъ избранія епископовъ въ Св. Синодѣ и утвержденія ихъ Государемъ Императоромъ, установившійся со времени Петра Великаго въ русской церкви, со стороны нѣкоторыхъ писателей, поклонниковъ церкви западной католической, вызываетъ несправедливый упрекъ въ томъ, что наша православная Церковь, порицающая католическую церковь за ея ученіе „о единомъ папѣ, которому поручено управленіе вселенскою Церковью“, будто бы создаетъ своего „папу“ въ лицѣ Государя Императора, допуская его вмѣшательство въ важное дѣло избранія епископовъ и подчиняясь покорно его указаніямъ относительно достойнѣйшихъ кандидатовъ на

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 437 — 440; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуж., т. II, стр. 282—283.

этотъ высокій іерархическій постъ. „На представленіе къ епископству двухъ лицъ, по мнѣнію этихъ писателей, поневолѣ нужно смотрѣть, какъ на всякое другое представленіе сенатомъ и министрами своихъ кандидатовъ на любую гражданскую должность... Право выбора епископовъ сводится къ простой формальности во всемъ схожей съ оффиціальными представленіями на должности всѣхъ остальныхъ департаментовъ россійской имперіи“¹⁾. Но указанная возраженія не составляютъ новости, и слышались они, еще задолго до установленія у насъ нынѣшняго порядка избранія и назначенія епископовъ, по адресу византійскаго императора за его непосредственное участіе въ избраніи главы константинопольской церкви. На эти несправедливыя возраженія и упреки давалъ въ свое время весьма обстоятельныя разъясненія знаменитый экзегетъ православнаго богослуженія XV вѣка блаженный Симеонъ Солунскій. „Заблуждаются, писалъ онъ, тѣ нововводители, которые, *по внушенію ненависти*, утверждаютъ, будто царь поставляетъ патріарха. *Отнюдь не царь, а здѣсь дѣйствуетъ соборъ; царь же благочестивый только содѣйствуетъ*, какъ сказано, не только потому, что онъ есть защитникъ Церкви и царь помазанный, но и чтобы, помогая и содѣйствуя, защищать и дѣлать твердыми распоряженія Церкви, такъ какъ и это должно соблюдаться у православныхъ для мира Церкви“²⁾. „Самъ царь, говоритъ Симеонъ Солунскій по тому же поводу въ другомъ мѣстѣ, не совершаетъ и не даетъ ему ничего, а только *соглашается и помогаетъ въ этомъ дѣлѣ*. А что онъ ничего не даетъ, но скорѣе принимаетъ, и есть какъ бы сотрудникъ въ дѣлѣ Церкви. видно изъ того, что онъ, вручивъ избранному священныя жезлы собственною рукою, приближается къ нему и преклоняетъ главу, обнажая ее по обычаю, принимаетъ благословеніе

¹⁾ Римскій папа и папы православной восточной церкви. Фрейбургъ въ Бризгавѣ, 1899, стр. 71.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 440; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуж., т. II, стр. 284—285.

и цѣлуетъ руку избраннаго. Еще очевидноѣ это, т. е. что онъ самъ ничего не даетъ, но дѣлаетъ это для защищенія и утвержденія дѣлъ Церкви, изъ того, что, когда избранный патріархъ есть архіерей и не имѣетъ нужды въ архіерейскомъ рукоположеніи, и тогда бываетъ то же самое, и именно потому, что царь чтитъ Церковь, а не господствуетъ надъ нею“ 1).

„Объявленіе“ избранному въ епископа въ своемъ настоящемъ видѣ окончательно сформировалось лишь въ 1725 году. Въ древнемъ „уставѣ благовѣстію“ это „объявленіе“ выражалось у насъ въ такой формѣ: „Пресвященный нашъ господинъ и владыка, митрополитъ кievскій и всея Руси, имярекъ, и еже о немъ божественный и священный сборъ призываютъ твоея святыни на епископство богоспасеннаго града, имярекъ“ 2). При патріархахъ на мѣсто имени кievскаго митрополита стало имя „великаго господина святѣйшаго патріарха московскаго и всея Россіи“ 3), а во всемъ прочемъ формула неизмѣнно сохранила свой прежній видъ. Въ актѣ избранія епископовъ этого времени мы находимъ, впрочемъ, уже упоминаніе объ „изволеніи благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя, имярекъ, всея великія и малыя Россіи самодержца“ и о „благословеніи святѣйшаго киръ, имярекъ, патріарха московскаго и всея Россіи“ 4). Св. Синодъ въ 1725 году, подъ вліяніемъ указаній императора Петра Великаго, формулу „объявленія“ изложилъ въ чинѣ нареченія въ епископа въ ея настоящемъ видѣ, приблизивъ ее, такимъ образомъ, къ подобной формулѣ древней византійской церкви, практиковавшейся, при объявленіи о состоявшемся избраніи патріарху Константинополя. „Изъявившій согласіе, пишетъ Симеонъ Солунскій о нареченіи константинопольскаго па-

1) Ibid., col. 441; тамъ же, стр. 286.

2) Русск. истор. библ., т. VI, ст. 445.

3) Опис. докум. и дѣлъ, хранящ. въ архивѣ Св. Прав. Синода, т. I, ст. 684.

4) Ркн. библ. СПб. духовн. Академіи, № 126, л. 5.

тріарха, *въ опредѣленный день принимаетъ нареченіе въ полномъ собраніи архіереевъ, священниковъ, архимандритовъ, игуменовъ, клира и множества народа*, такъ какъ рукополагается общій всѣхъ отецъ, и въ присутствіи всѣхъ начальниковъ со свѣщами. *По совершеніи молитвы, какъ сказано, избраннымъ въ патріарха и по отпустѣ, совершается объявленіе чрезъ важнѣйшія правительственныя лица* ¹⁾, которыя представляютъ лицо царя. А царь содѣйствуетъ дѣяніямъ синода, какъ помазанникъ Господень, поставленный защитникъ и служитель Церкви, обѣщавшійся къ этому при своемъ помазаніи. Объявляющіе избраніе говорятъ такъ: „*Державный и святой нашъ царь и божественный священный и великій соборъ приглашаютъ святыню твою на высочайшій престолъ патріаршества константинопольскаго*“. Чрезъ это они свидѣльствуютъ, что царь не самъ по себѣ нарекаетъ, но согласно съ синодомъ и вмѣстѣ съ соборомъ, и только ему помогаетъ“ ²⁾. Особенность нашей формулы заключается лишь въ прибавкѣ словъ: „имяннымъ своего Величества указомъ повелѣваетъ“. Отвѣтъ на вышеуказанное приглашеніе отъ лица императора и синода со стороны избраннаго въ патріарха Константинополя выражался не только благодарственною, принятою обычаемъ, фразою: „Благодарю святого самодержца императора, покоряюсь божественному и покланяемому его опредѣленію“, но и *импровизированною рѣчью* (λέγει καὶ πλείονα) его, если онъ былъ человѣкъ образованный (εἰ μὲν ἐστὶ λόγιος), обращенной къ императору или посланнымъ отъ него представителямъ и собору епископовъ, которые принимали участіе въ его избраніи ³⁾. Слѣдовательно, въ

¹⁾ По чину, „*δὸς ἀρχόντων τοῦ βασιλέως καὶ τῶν ἐκκλησιαστικῶν πάντων*“ (А. Дмитріевскій. Описан. литург. ркп., т. II, Εὐχολόγια, стр. 629; Conf. Mign. Patrol. Curs. complet., t. 112, col. 1044; t. 157, col. 117).

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 440; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истокамъ прав. богослуж., т. II, стр. 284.

³⁾ А. Дмитріевскій. Описан. литург. ркп., хранящ. въ библ. прав. Востока, т. II, Εὐχολόγια, стр. 629.

общихъ чертахъ этотъ моментъ нынѣшняго нареченія у насъ въ епископа позаимствованъ изъ практики древней византійской церкви.

Что касается молитвословій, входящихъ нынѣ въ нашъ „чинъ нареченія“ и обрядовъ, совершаемыхъ при этомъ, то они, несомнѣнно, византійскаго происхожденія и находятся цѣликомъ въ „Γάξις, γινομένη ἐπὶ ψήφου ἀρχιερέων“ ²⁾. „Первый изъ епископовъ, подробно изъясняетъ значеніе этихъ молитвословій и обрядовъ блаженный Симеонъ Солунскій, надѣваетъ епитрахиль, изображающую вышнюю благодать и, поклонившись трижды на востокъ Богу въ Троицѣ, славословить Его. Ибо въ столь божественныхъ и великихъ дѣлахъ надлежитъ начинать отъ Бога, какъ мы научены, и Его прежде всего славословить и, начавъ отъ Бога и съ молитвы, привлекать на себя благодать Духа, и, такимъ образомъ, приступать къ божественному дѣлу. Потому и всѣ, тамъ присутствующіе, сотворивъ молитву, призываютъ Божественнаго Духа пріити и вселиться въ нихъ. Затѣмъ, воспѣвъ трисвятую пѣснь ангельскую и молитву: „Отче нашъ“, которую преподавъ Спаситель, и все прочее, приличествующее таинству, особенно же „Благословенъ еси, Христе Боже нашъ“ въ честь апостоловъ, которыхъ Христосъ избралъ и чрезъ которыхъ во Святомъ Духѣ уловилъ вселенную... начальствующій архіерей совершаетъ усердное моленіе..., помянувъ царей, какъ защитниковъ Церкви, и архіепископа, какъ источника просвѣщенія во Христѣ, пославшемъ апостоламъ Духа въ видѣ огненныхъ языковъ, о божественномъ священствѣ и братствѣ архіереевъ, какъ равночестныхъ по благодати и содѣйствующихъ и соепископствующихъ, и сотворивъ отпустъ съ благодареніемъ Бога молитвами святой Его Матери и апостоловъ Его, чрезъ которыхъ сообщается благодать Божія и всѣхъ святыхъ, дабы и на нихъ низопла божественная

²⁾ Тамъ же, стр. 968.

милость, молится о собратіяхъ..., и садятся (всѣ) для подаванія голосовъ“¹⁾.

Для законности хиротоніи въ епископа каноническія правила требуютъ (Апост. пр. 1, 60; Антиох. пр. 19; Лаод. пр. 12; Карѣ. пр. 13, 49; 1 Никейск. пр. 4, 6; Халк. прав. 2; 2 Никейск. пр. 3) непремѣннаго присутствія двухъ или трехъ епископовъ, или даже цѣлаго собора епископовъ. Хиротонія должна совершаться въ праздничный день (Карѣ. пр. 49) и въ присутствіи народа, который съ древнѣйшаго времени (см. § 10, стр. 58, прим. 1) и до настоящаго находится въ храмѣ на этомъ торжествѣ не въ качествѣ лишь простаго зрителя, но активного участника, при избраніи епископа, во время исповѣданія имъ вѣры и даже при самой хиротоніи. Чтобы дать возможность видѣть и слышать народу все, что происходитъ въ это время въ храмѣ, чинъ предписываетъ устроить для архіереевъ возвышенные „ѳеатры“ или каѳедры, покрытые краснымъ сукномъ, и чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго совершать на срединѣ храма.

Чтобы указать на высоту и важность епископскаго служенія въ Церкви Христовой, для хиротонисуемаго готовится предъ каѳедрою епископа особый коверъ съ изображеніемъ двуглаваго орла, парящаго высоко надъ градомъ. Городъ, изображенный здѣсь, по объясненію Симеона Солунскаго, означаетъ „епископію“, а орелъ, парящій надъ нимъ, „чистоту, православіе и высоту богословія“²⁾.

Избранный въ епископа изъ алтаря на средину храма приводится архимандритомъ или протоіереемъ и діакономъ, дабы показать народу, что избранный—достоинѣйшій изъ нихъ и приходитъ не самовольно, но съ ихъ согласія, избранія и одобренія. Нашъ протодіаконъ, выше всякаго сомнѣнія, въ данномъ случаѣ изображаетъ хартофилакса, который въ древней византийской церкви, будучи по сану діакономъ, стоялъ близко

¹⁾ Mign. Patrol. Cours. complet., t. 155, col. 401; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолк. прав. богослуж., т. II, стр. 248—249.

²⁾ Ibid., col. 408; тамъ же, стр. 256.

къ патріарху и былъ освѣдомленъ относительно каждаго кандидата на ту или иную іерархическую степень самымъ наилучшимъ образомъ, а потому и являлся въ глазахъ народа вѣрною гарантіею правильности выборовъ и высокихъ нравственныхъ качествъ избраннаго въ епископа ¹⁾).

Въ числѣ главныхъ условій правильности и законности избранія на ту или иную степень въ церковной іерархіи апостоль Павелъ требуетъ отъ хиротонисуемыхъ имѣть „*таинство вѣры въ чистый совѣсти*“. „И сіи убо, внушаетъ апостоль своему ученику Тимоѳею, *да искушаются прежде* (δοκιμαζέσθωντες πρώτον), *потомъ же да служатъ, непорочно суще*“ (1 Тимоѳ. III, 9—10). Согласно съ этимъ требованіемъ апостола Павла, и каноны церковныя предписываютъ, чтобы избираемые на епископство подвергались испытанію относительно разумнія вѣры, образа жизни и знанія каноновъ церковныхъ. Епископы поставляются на церковное начальство, по 22 правилу Лаодикійскаго собора, „по рѣшенію митрополитовъ и окрестныхъ епископовъ и при томъ изъ лицъ много разъ испытанныхъ въ разумнѣи вѣры и въ образъ жизни сообразномъ съ правою вѣрою“. Вторымъ правиломъ Карфагенскаго собора требуется, чтобы всѣ епископы церковную вѣру исповѣдывали единодушно и согласно, по церковному образцу (т. е. никео-царьградскому). 18 правиломъ того же собора постановлено, чтобы „предъ хиротоніей въ епископа или въ степени клира рукополагающіе внушали рукополагаемымъ постановленія соборовъ, чтобы послѣдніе не раскаялись, что поступали вопреки опредѣленіямъ собора“. 2 правиломъ второго Никейскаго собора вмѣнялось въ обязанность, что „хиротонисуемый епископъ долженъ давать обѣщаніе твердо соблюдать правила (церковныя), а въ противномъ случаѣ не хиротонисаться“. И нынѣ практикуемый у

¹⁾ Это значеніе хартофилакса выясняется Симеономъ Солунскимъ въ его трактатѣ о „великомъ хартофилаксѣ и сакеллѣ“. (Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 464; Писан. огц. и учит. церкви, относящ. къ истока. прав. богослуж., т. II, стр. 308).

насъ „Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“ состоитъ изъ тѣхъ же основныхъ элементовъ, которые входили и въ составъ даннаго чина въ древнѣйшее время.

(Продолженіе будетъ).

Проф. *А. Дмитриевскій.*

Недостатокъ вдумчивости и излишки усердія въ просвѣтительномъ дѣлѣ.

„Все русское требуетъ глубокаго изученія и осторожнаго обращенія“. Это мѣткое и вдумчивое сужденіе одного дѣйствующаго лица въ романѣ Валер. Свѣтлова „Въ Будаевской усадьбѣ“¹⁾ должно бы быть девизомъ всѣхъ, берущихъ на себя задачу просвѣтительнаго и воспитательно-руководственнаго вліянія на нашъ простой народъ. Надобно прежде глубоко изучить народную душу, ея истинные запросы и потребности, надобно присмотрѣться къ характеру народа, опредѣлить его идеалы, подслушать его завѣтныя думы, распознать его наклонности и дѣйствительныя нужды, а потомъ уже и просвѣщать его въ направленіи, опредѣляемомъ его духомъ—характеромъ, и въ мѣру его потребностей.

Построена-ли въ своемъ цѣломъ на основаніи этого необходимаго изученія наша общественная дѣятельность на пользу народнаго просвѣщенія и видна-ли въ ней осторожность обращенія съ русскимъ народомъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ явленія, которыя происходятъ у всѣхъ на виду, находятся, такъ сказать, подъ рукою наблюдателя и невольно просятся подъ перо въ рѣчи о народномъ просвѣщеніи.

Вопросъ о народномъ просвѣщеніи, сравнительно, лишь въ очень недавнее время возникъ во всей своей громадной важности въ сознаніи мыслящей части нашего общества, не

¹⁾ Вѣстникъ Европы, 1902 г., декабрь, стр. 615.

такъ давно привлекъ къ себѣ общее вниманіе. Оживленной разработкѣ его нѣтъ еще и минимальнаго возраста общественной зрѣлости—25 лѣтъ. И что-же? Не успѣли должнымъ образомъ окрѣпнуть труженники на нивѣ народнаго просвѣщенія, какъ между ними открылось соперничество за преобладаніе, и общество желало бы отдать все дѣло народнаго просвѣщенія въ руки свѣтскихъ дѣятелей, отнявъ его у церковныхъ. Раздаются по временамъ очень грустные отголоски этой общественной борьбы за свѣтскую школу противъ церковной, грустные тѣмъ, что въ нихъ слышится забота не столько о благѣ народномъ, сколько объ интересахъ, отрѣшенныхъ отъ этого блага,—болѣзненная чуткость къ промахамъ младшаго сотоварища въ просвѣтительномъ дѣлѣ—школы церковной, и не терпящая возраженій увѣренность въ неуязвимости старшаго ея сотоварища—школы земской и министерской. И чего-чего только не говорится о церковной школѣ въ порицательномъ, конечно, направленіи, при сопоставленіи ея съ свѣтской школой того и другого рода! Если бы только указывались спокойно слабыя стороны ея въ постановкѣ, напр., учебнаго дѣла, въ подборѣ учебныхъ пособій, составѣ учащаго персонала, въ организаціи управленія ею и проч.; въ этихъ указаніяхъ тогда видно было бы благожелательное вниманіе къ ней, котораго нельзя было бы не привѣтствовать, такъ какъ оно, очевидно, свидѣтельствовало бы о добрыхъ желаніяхъ церковной школѣ улучшенія и преусиженія. Но отрицательныя сужденія о ней идутъ дальше, вплоть до отрицанія ея пользы, пригодности и правъ на существованіе въ самомъ принципѣ. Вопросъ о народномъ просвѣщеніи, къ глубокому сожалѣнію, пытаются сдвинуть съ той почвы, на которой онъ неуклонно и безостановочно, въ теченіи вѣковъ, развивался доселѣ. Говоря словами высокопросвѣщеннаго Архипастыря нашей церкви, Преосвященнѣйшаго Тамбовскаго Димитрія: „у Церкви желали бы отнять то, что ей принадлежитъ по самому ея существу, что она сама создала, въ чемъ она испытана... Вопросъ желали бы перенести на зыбкую почву не-

церковности, безрелигіозности (безвѣрія). И въ дѣлѣ безмѣрной важности даютъ просторъ соперничеству, страстямъ¹⁾. При этомъ тѣ ходячія воззрѣнія на Церковь, во имя которыхъ принципиально отвергается церковная школа, страдаютъ противорѣчіемъ, партійною крайностью, внутренней фальшью и необоснованностью при напускной серьезности. „Къ Церкви, по словамъ высокочтимаго Архипастыря, предъявляютъ самыя широкіе запросы и требованія внѣ границъ возможности въ данное время, умалчивая о препятствіяхъ дѣлу, о средствахъ для дѣла—одни; ее объявляютъ ослабѣвшею и безсильною выполнить тѣ возвышенныя духовно-просвѣтительныя задачи, которыя она всегда считала своимъ правомъ и обязанностью, желали бы отнять у ней ея созданіе—другіе; ея дѣйствительная могучая сила нравственная и неудержимое вліяніе духовное не въ мѣру беспокоить третьихъ. Въ ней видятъ опору суевѣрія, распространителя тьмы, гасильника просвѣщенія, и не скрываютъ ненависти къ ней—невѣры; отъ нея удаляются не вынося ея свѣта, недоразумѣвая ея духа и жизни, и, оставляя ея источникъ воды живой, копаютъ себѣ кладенцы сокрушенные, изъ которыхъ черпаютъ гнать и муть нездоровыхъ бредней и мечтаній ищущіе новой вѣры и самоспасенія—суевѣры грубыя и тонкіе“. И всѣ эти отдѣльные нестройные голоса объединяются въ одинъ, господствующій въ обществѣ, порою открытый, а чаще глухой, протестъ противъ просвѣтительной дѣятельности Церкви. Ожившаяся просвѣтительная работа Церкви, по авторитетному свидѣтельству преосвященнаго Дмитрія, не вызываетъ сочувственнаго ей подъема духа въ обществѣ; въ виду ея, нѣкоторые вызываютъ съ запада страшныя для нихъ призраки „единовластія духовенства“, „господства клерикаловъ“, „борьбы міра духовнаго съ міромъ свѣтскимъ“ и пр.,—взываютъ „объ

¹⁾ См. рѣчь его при нареченіи во епископа Чигиринскаго въ брошюрѣ „Нареченіе и хиротонія ректора Кіевской духовной Академіи Архимандрита Дмитрія во епископа Чигиринскаго“, Кіевъ, 1898 года, стр. XI и слѣд.

охранѣ независимости общества отъ Церкви“. И въ то же самое время, при такомъ огульномъ оужденіи и отрицаніи церковной школы и ея дѣятелей, раздаются совсѣмъ инныя рѣчи, когда нужно бываетъ на счетъ ея поднять значеніе и достоинство свѣтской школы. Тогда показываютъ и доказываютъ (см. статью г. Тарнавскаго въ „Кіевлянинѣ“ за декабрь 1902 г.), что земская школа ни по характеру учебныхъ программъ, ни по составу учебныхъ пособій, ни по составу учащаго персонала, ни даже по направленію, ничѣмъ существенно не отличается отъ школы церковной. Если это такъ, если это даже и не вполне такъ, то къ чему-же, спрашивается, безъ мѣры оуждать одно и превозносить другое? И благо-ли народное является исходнымъ началомъ этихъ, съ одной стороны, порицательныхъ, а съ другой—одобрительно-хвалебныхъ приговоровъ? Диктуются-ли тѣ и другіе яснымъ сознаниемъ народныхъ запросовъ и того, что эти запросы удовлетворяются земской школой, но не удовлетворяются и не могутъ быть удовлетворены школой церковной? Напротивъ, не выступаютъ-ли въ этомъ общественномъ походѣ противъ церковной школы за свѣтскую,—что такъ краснорѣчиво отмѣчено преосвященнымъ Димитріемъ—сословныя симпатіи и антипатіи, сословные интересы и страхи, модныя религіозныя вѣрованія въ отчужденіи отъ Церкви, облюбованный идеалъ общественной независимости отъ нея, и мн. др, чего,—надо же въ этомъ сознаться — чуждъ нашъ простой народъ, глубоко религіозный, въ громадномъ большинствѣ своемъ охотно отдающійся церковному руководству въ своей жизни, народъ, живущій смиренною вѣрою, кротостью и силою братской любви,—и что никоимъ образомъ, поэтому, и не должно приносить своего вліянія въ ходъ и направленіе просвѣтительнаго дѣла. Но такъ ли это? Всегда ли здоровая нища предлагается народу радѣтелями о его просвѣщеніи?

Мы не хотимъ бросать неосторожныхъ упрековъ по адресу земской школы,—замѣтимъ лишь къ слову, что законъ Божій и законоучитель до сихъ поръ не получили тамъ влі-

янiя въ мѣру народныхъ потребностей. Въ настоящемъ случаѣ вниманiе наше остановилъ на себѣ другой рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ именно о томъ, какъ иногда, въ увлеченiи просвѣтительными идеями, забывается осторожность обращенiя съ народомъ, оставляются въ сторонѣ его насущные запросы и замѣнъ ихъ искусственно возбуждаются и прививаются интересы чуждые ему и невысокой пробы. Мы разумѣемъ вошедшiя въ моду за послѣднее время просвѣтительныя развлеченiя для народа, излишками своими обратившiя на себя вниманiе даже и свѣтской печати. „Нехорошо, говоритъ авторъ воскресной бесѣды въ „Кiевлянинѣ“ за 8 декабря 1902 года (№ 339), что въ репертуаръ народнаго дома Кiевского общества грамотности попадають такiя вздорныя пьесы, какъ Зудермановская драма „Да здравствуетъ жизнь!“ или „Мѣщане“ Горькаго. Съ репертуаромъ народнаго дома, замѣчаетъ авторъ, надо обращаться умѣло и не гоняться за новинками только потому, что онѣ новинки“. Слышатся даже болѣе рѣшительныя сужденiя—противъ народныхъ театровъ въ ихъ цѣломъ. Такъ высказывается о нихъ, напр., одно изъ дѣйствующихъ лицъ разъ уже процитованнаго нами романа „Въ Будаевской усадьбѣ“. „Все увлечены народными театрами, говоритъ это лицо—помѣщикъ Колодищевъ, и даже меня сочли бы за мрачнаго ретрограда, если бы я заговорилъ противъ нихъ. Никто не хочетъ понять этого: народный театръ—это университетъ, высшiй курсъ, высшая школа. Кто же посылаетъ ребенка въ университетъ и кто начинаетъ ребенка учить высшимъ наукамъ, когда онъ не знаетъ еще азбуки? Нашему народу даютъ сразу университетъ, то-есть театръ, аудиторiю, лекцiи. Это цѣлѣпость и насмѣшка! Ему нужна простая начальная школа. Воспитайте, образуйте, научите его... и накормите, а потомъ посылайте въ театръ и въ аудиторiю¹⁾. Жалко, еще замѣчаетъ то же лицо, бросаемыхъ на все это денегъ, которыя могли бы быть употреблены съ большей пользой“¹⁾. Мы не думаемъ, чтобы можно было серьезно

¹⁾ Вѣстникъ Европы, 1902 г., декабрь, стр. 544.

возражать противъ народныхъ чтеній, въ которыхъ просто и ясно, доступнымъ и понятнымъ народу языкомъ, сообщались бы ему не только назидательные уроки религіи и нравственности, но и полезныя свѣдѣнія, напр., по сельскому хозяйству, природовѣдѣнію или медицинѣ; но съ выписанными сужденіями относительно народныхъ театровъ нельзя не согласиться. Намъ сразу же могутъ поставить на видъ общепризнанное, чуть не догматически-установленное положеніе о нравственно-воспитательномъ значеніи театра. Скажутъ словами итальянскаго поэта Сантел'я (1630—1697 гг.), что театръ *castigat mores ridendo*, что онъ исправляетъ нравы, потому что обличаетъ страсти, бичуетъ общественные пороки, громить и казнить людскія слабости. При всемъ томъ, однако, можно ли серьезно говорить о нравственно-воспитательномъ вліяніи театра и особенно на нашихъ простолюдиновъ? Вотъ что говоритъ Шиллеръ въ своемъ трактатѣ „О сценѣ“: „Арпагонъ Мольера, вѣроятно, еще не исправилъ ни одного ростовщика; самоубійца Беверлей еще не многихъ изъ своихъ собратьевъ избавилъ отъ отвратительной страсти къ азартной игрѣ; несчастная разбойническая исторія Карла Моора, быть можетъ, не сдѣлаетъ большихъ дорогъ болѣе безопасными“¹). Слова эти звучатъ глубокой психологической правдой. „Нельзя выставленіемъ уродства возсоздать чистый и возвышенный идеалъ. Безжалостное раскрытіе нравственныхъ язвъ и болѣзней напоминаетъ выставленіе калѣкъ на ярмаркахъ и торжищахъ. Вокругъ телѣгъ, на которыхъ лежатъ эти несчастные, обнажая свои язвы и увѣчья, толпа собирается, глядитъ сначала съ любопытствомъ и ужасомъ, а потомъ расходится, забывая, что видѣла, и до того привыкаетъ къ подобнымъ зрѣлищамъ, что уже, наконецъ, не трогается ими, а проходить мимо съ равнодушіемъ“²). Лукавая совѣсть человѣческая не любитъ разсматривать себя въ зеркалѣ отраженія общественныхъ недуговъ, не любитъ грѣхи и недостатки другихъ

¹) Мартенсенъ, Христ. ученіе о нравственности, т. II, стр. 61.

²) Пермскія Епарх. Вѣд., 1900 г.

переносить *на себя*, не хотеть узнавать въ нихъ *себя*. Оттого и театры не обнажатъ предъ нами насъ самихъ, не обнажатъ съ полною откровенностью. Они показываютъ намъ только чужіе, не наши грѣхи, потѣшаютъ насъ на счетъ только чужихъ паденій, на счетъ же нашихъ собственныхъ развѣ лишь успокаиваютъ насъ старымъ выводомъ народной мудрости, что-де на людяхъ и смерть красна. По отношенію же къ нашимъ простолюдинамъ слѣдуетъ сказать еще и то, что имъ, въ большинствѣ случаевъ, едва ли даже и доступенъ сложный процессъ распознаванія себя въ характерахъ и дѣйствіяхъ сценическихъ персонажей. Ходячіе анекдоты и рассказы о посѣтителяхъ театра изъ среды простого народа свидѣтельствуютъ, что имъ доступно не идейное, а болѣе или менѣе грубое и плоское сопоставленіе себя съ дѣйствующими лицами, не идущее дальше внѣшняго, конкретно-видимаго сходства. Простой народъ воспринимаетъ въ сценическихъ представленіяхъ лишь фабулу, фактъ, не возвышаясь до идеи ихъ. Такимъ образомъ, открытіе на сценѣ язвъ общественныхъ не излѣчить ихъ, выставленіе уродства не родитъ красоту. Напротивъ, повтореніе на сценѣ нравственныхъ увѣчій только пріучаетъ къ виду ихъ, такъ что глаза, сперва отвращающіеся съ ужасомъ, потомъ смотрятъ на нихъ равнодушно, какъ на нѣчто естественное и неизбѣжное. Театръ безсиленъ произвести нравственныя измѣненія во глубинѣ, въ основѣ чело-вѣческой воли.

Особенно о современномъ театрѣ нельзя сказать, чтобы онъ былъ способенъ поднять нравственный уровень зрителей. Если когда нибудь театръ и задавался этой цѣлью, то теперь и авторы и актеры зачастую оставляютъ ее, да и публика не того требуетъ отъ авторовъ драматическихъ произведеній и ихъ исполнителей. Известно, что театръ всего чаще осмѣиваетъ въ настоящее время. Невѣрность мужей, измѣна женъ, непочтительность сыновей, легкомысленность дочерей, — потомъ: лицемеріе, низкопоклонство, челоуѣкоугодіе, любостыжаніе, — эти и другіе семейные и общественные пороки всего чаще

изображаются и осмѣиваются на сценѣ. „Въ громадномъ большинствѣ пьесъ современнаго репертуара зачастую нѣтъ ни одного персонажа, который своею порядочностью, скажемъ больше—идеализмомъ—осмѣжалъ бы ту затхлую, удушливую атмосферу обыденной грязи и пошлости, которую выводятъ на подмостки авторы и изображаютъ актеры“¹⁾. Авторы могутъ оправдываться тѣмъ, что современная дѣйствительность пошла и безыдеальна и не даетъ имъ положительныхъ типовъ, которыхъ выдумывать они и не могутъ и не хотятъ. А актеры, какъ послушные исполнители воли авторовъ, стараются лишь достигнуть наибольшаго реализма въ изображеніи героевъ пьесы и нисколько не задумываются надъ тѣмъ, какую пользу или какой вредъ принесетъ обществу исполняемое ими произведеніе. Оттого современный театръ сталъ мѣстомъ обнаженія всякихъ страстей, обнаженія въ соблазнительномъ видѣ, въ чарующей всѣ чувства обстановкѣ. По справедливому и авторитетному замѣчанію Высокопреосвященнаго Архіепископа Херсонскаго Никанора, „училищами цѣломудрія ужъ никакъ нельзя признать (современные) театры, гдѣ даже на лучшихъ изъ нихъ люди являются почти нагими и въ наше время такъ же, какъ являлись и во времена язычества; гдѣ такое высокое обаятельное значеніе имѣетъ самая развязная пластика самыхъ несдержанныхъ тѣлодвиженій; гдѣ самая необузданная якобы грація вызываетъ самые неистовые восторги юношей и старцевъ, уже стоящихъ одною ногою въ гробу“. „Вспомните и разсудите, восклицаетъ онъ, въ какой мѣрѣ стали теперь возможны даже воспроизведенія высочайшихъ истинно-классическихъ твореній высочайшихъ міровыхъ поэтовъ—Шиллера, Шекспира, или же нашего „Бориса Годунова“ Пушкина, а не только созданіе чего-либо подобнаго по духу, по возвышенности въ наши дни? Наоборотъ, какія низости стали излюбленными темами современныхъ намъ драматурговъ и предметами самыхъ потѣшныхъ и привлекательныхъ зрѣлищъ? Что въ нихъ не опозорено? И кто изъ смотрѣвшихъ это безо-

¹⁾ Пермск. Епарх. Вѣд., 1900 г.

бразіе пожелалъ бы, чтобы на этотъ безпренитственно всенародно выставляемый позоръ смотрѣли и подѣ влияніемъ его росли и воспитывались его дѣти, особенно же дочери“? ¹⁾). И это вовсе не крайнее сужденіе. Великій знатокъ и цѣнитель искусства, графъ Толстой, того же мнѣнія, что современное искусство безусловно не можетъ имѣть нравственно-воспитательнаго значенія, потому что оно есть искусство извращенное, злобредное. Оттого оно таково, по мысли его, что передаетъ чувства, не вытекающія изъ религіознаго сознанія времени, что имѣетъ цѣлью только наслажденіе людей. „На мѣсто религіознаго искусства, говоритъ онъ, поставлено (теперь) пустое и часто развратное искусство и этимъ скрыта отъ людей потребность въ томъ истинномъ религіозномъ искусствѣ, которое должно быть въ жизни для того, чтобы улучшать ее“ ²⁾). Напрасно было бы утверждать, что народный театръ можетъ совершенно отрѣшиться отъ недостатковъ культурнаго театра. Что такое можно поставить изъ современнаго репертуара, что было бы и вполнѣ понятно и назидательно для темнаго люда? Вѣдь не „Перваго же винокура“ Толстого и не его „Власть тьмы“? Мы попросимъ читателя припомнить вышеприведенное свидѣтельство о томъ, что, дѣйствительно, съ культурной сцены перекочевываютъ на сцену народнаго театра совсѣмъ неподходящія для народа пьесы.

Итакъ, что же получить крестьянинъ отъ спектаклей, которые устраиваются для него съ громкою цѣлью его просвѣщенія? Будетъ ли достигнута этими спектаклями та цѣль отрезвленія нашего народа, которую преслѣдуютъ попечительства о народной трезвости? Сильно сомнѣваемся въ этомъ. Вотъ что пишетъ графъ Толстой о впечатлѣніи, какое произвела на него и можетъ произвести на крестьянина опера Вагнера „Кольцо Нибелунговъ“. Онъ не могъ дослушать ее до

¹⁾ См. его поученіе „О театральныхъ зрѣлищахъ въ великій постъ“. I т. поученій Высокопр. Никанора, Одесса, 1890 г., стр. 427, 429.

²⁾ См. его произведеніе „Что такое искусство“, Вопросы философіи и психологіи, 1898 г., янв.—февр. книжка, стр. 91—96.

конца и, по его словамъ, „выбѣжалъ изъ театра съ чувствомъ отвращенія, которое и теперь не могу, замѣчаетъ, забыть“. „Слушая эту оперу, я невольно представилъ себѣ, размышляетъ онъ, почтеннаго, умнаго, грамотнаго деревенскаго рабочаго человѣка, преимущественно изъ тѣхъ умныхъ, истинно релігіозныхъ людей, которыхъ я знаю изъ народа, и воображалъ себѣ то ужасное недоумѣніе, въ которое пришелъ бы такой человѣкъ, еслибъ ему показали то, что я видѣлъ въ этотъ вечеръ... Но, не говоря о взросломъ, рабочемъ человѣкѣ, трудно себѣ и представить даже ребенка старше семи лѣтъ, который могъ бы заняться этой глупой, нескладной сказкой“¹⁾. Но эта опера, конечно, не единственная въ ряду драматическихъ произведеній пьеса, которая можетъ произвести на крестьянина такое же впечатлѣніе. Найдется много такихъ сценическихъ представленій, которыя не оставятъ въ душѣ его ничего, кромѣ пустоты и разсѣянности, и пробудятъ низшія, чувственныя влеченія. Можно думать, что послѣ такихъ развлеченій народъ опять будетъ толпиться у винныхъ лавокъ или трактировъ, или собираться въ особыя мѣста, гдѣ винопитіе сопровождается картежною игрою и разными увеселеніями грубаго характера. Театры и спектакли не возвышаютъ нравственности въ городахъ, гдѣ она стоитъ, по статистическимъ даннымъ, гораздо ниже, чѣмъ въ селахъ и деревняхъ, гдѣ театровъ нѣтъ. Наблюденіе еще показываетъ, что народные театры посѣщаются худшимъ элементомъ городского населенія изъ среды простого народа. Ихъ посѣщаетъ гулящій мастеровой и чернорабочій людъ, а изъ домашней прислуги они манятъ къ себѣ болѣе или менѣе испорченный, избалованный элементъ, томимый жаждой дешевыхъ наслажденій. Тѣ, что постепеннѣе, предпочитаютъ сидѣть дома и заниматься дѣломъ. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что народные театры посѣщаются не столько народомъ, сколько интеллигенціей, которая и здѣсь, какъ въ культурныхъ театрахъ, занимаетъ всѣ переднія мѣста. Это обстоятельство сви-

¹⁾ Вопросы философіи и психологін 1898 г., стр. 78 и сл.

дѣтельствуеть, что, слава Богу, еще не развилась въ народѣ нашемъ потребность въ театральныхъ зрѣлищахъ, и одновременно вызываетъ невольное предположеніе, для народа-ли существуютъ народные театры, не создаются ли они скорѣе для любителей драматическаго искусства не изъ среды народа?..

Народные театры, если и можно въ принципѣ допустить для народа, то лишь въ смыслѣ развлеченія, въ смыслѣ потѣхи. Съ этой точки зрѣнія, театральныя зрѣлища являются на смѣну тѣмъ „потѣшнымъ дѣйствамъ“, которыя практиковались на Руси въ добрыя старыя времена. Но, какъ занимательное развлеченіе, они должны бы предлагаться народу изрѣдка—по пословицѣ: „дѣлу время, а потѣхѣ часъ“. Они вовсе не должны бы входить въ обычный обиходъ его жизни, какъ нѣчто постоянное, дабы не развивать въ немъ привычки къ праздности и легкомысленнымъ удовольствіямъ. Затѣмъ, потѣхи можно устраивать только тогда, когда удовлетворены насущныя потребности. Не благоразумно тратиться на потѣхи и увеселенія тогда, когда неотложныя нужды ждуть своего удовлетворенія. Въ противномъ случаѣ, театральныя зрѣлища будутъ ничѣмъ не оправдываемою преждевременною роскошью. Такою именно роскошью и являются наши народные театры, какъ постоянное, во всякое время доступное народу развлеченіе. Народу нашему нужна школа, ему нужна книга, толково и ясно составленная, изъ которой онъ могъ бы почерпнуть о Божьемъ мірѣ тѣ свѣдѣнія, которыхъ у него нѣтъ и о которомъ—что еще хуже—существуютъ у него часто самыя несообразныя представленія. Онъ нуждается въ хлѣбѣ и страдаетъ нерѣдко отъ голодовокъ. А ему даютъ театральныя зрѣлища, которыя не питаютъ его духовно, не исправляютъ его нравственности, да и отвлекаютъ его отъ трудовой жизни, которой онъ могъ бы заработать недостающій ему кусокъ хлѣба. Да, „жалко бросаемыхъ на все это денегъ, которыя могли бы быть употреблены съ большей пользой“!

Въ виду указанныхъ нами увлеченій въ просвѣтительномъ дѣлѣ—съ одной стороны, и недостатка вдумчивости—

съ другой, пріятно отмѣтить сдѣланный въ настоящее время починокъ къ введенію тѣснаго общенія между церковными и свѣтскими дѣятелями народнаго просвѣщенія, энергично поддерживаемый Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Это общеніе, надѣмся, объединитъ тѣхъ и другихъ въ ихъ просвѣтительной дѣятельности, устранить разнь между ними и взаимное предубѣжденіе, а равно внесетъ въ ихъ совмѣстную работу желательную согласованность—какъ въ характерѣ общаго направленія ея, такъ и въ пріемахъ обученія, которое будетъ отвѣчать духу народа и его запросамъ. Тогда, быть можетъ, устранятся и отмѣченныя нами излишки усердія въ просвѣтительномъ дѣлѣ и вмѣстѣ разсѣется предубѣжденіе общества по отношенію къ просвѣтительной работѣ Церкви. Общество пойметъ и убѣдится, что „наша, православная, Церковь знаетъ надлежащую мѣру своей власти, знаетъ границы области своей дѣятельности духовной, указанныя ей Христомъ и апостолами“¹⁾; убѣдится, что „она знаетъ свое право просвѣщать христіанскій міръ, удовлетворять высшимъ запросамъ его духа, —и никогда не поступится этимъ своимъ правомъ“²⁾,—а, убѣдившись въ этомъ, оно оставитъ и свои тщетныя попытки лишить ее этого права.

А. Волгинъ.

¹⁾ и ²⁾ Изъ процитованной выше рѣчи преосвященнаго Димитрія.

³⁾ См. № 1 за 1903 г.

Неплюевское трудовое братство ³⁾.

Братская колонія—это „единственно-разумная, по выраженію г-на Неплюева, форма жизни на землѣ“. Главная цѣль братства—„организація добра въ жизни, практическое осуществленіе христіанской правды путемъ стройной жизни, отношеній и всѣхъ родовъ труда на основѣ любви къ Богу и братолюбія“. Перерожденные духовно, воспитанники неплюевской школы вступаютъ въ братство, чтобы спокойно прожить

¹⁾ и ²⁾ Изъ процитованной выше рѣчи преосвященнаго Димитрія.

³⁾ См. № 1 за 1903 г.

здѣсь въ единомысліи и единодушіи, въ огражденіи отъ волковъ хищныхъ, что рыщутъ въѣ ограды братства—въ этомъ мірѣ борьбы и паживы,—и не боясь ихъ звѣриной алчности. Въ братство могутъ вступать и постороннія лица, но для этого требуется, чтобы они были соотвѣтствующимъ образомъ настроены и физически были здоровы. При вступленіи они должны передать въ общую братскую кассу всё свое личное имущество, не сохраняя при этомъ на сторонѣ никакихъ экономическихъ интересовъ. Между вступившими на такихъ началахъ членами братства различаются: а) полноправные братья—хозяева братства, образующіе изъ себя „братскую думу“ подъ предсѣдательствомъ ими же избраннаго блюстителя (посадника); они устанавливаютъ общій строй какъ духовно-нравственной, такъ и экономической жизни братства: б) пріемные братья, участвующіе лишь въ доходахъ братства, но не въ направленіи его жизни; в) и члены—соревнователи, обязанные, живя на сторонѣ, содѣйствовать братству въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей; они не участвуютъ и въ доходахъ братства, но могутъ получать отъ него матеріальную помощь. Всего въ братствѣ числится 150 членовъ всѣхъ трехъ разрядовъ и всѣ они подѣлены на множество группъ, посвященныхъ разнымъ святителямъ и угодникамъ Божиимъ. Такъ, есть „Братская семья св. Николая Чудотворца“, „Братская семья св. Іоанна Богослова“ и др.

При выходѣ изъ состава братства, уходящій, по уставу, получаетъ причитающуюся на его долю сумму доходовъ; но на практикѣ это правило не исполняется и чаще всего случается, что оставляющіе братство получаютъ отъ него ничтожную, жалкую подачку въ нѣсколько рублей.

Братская артель должна выполнять всѣ работы безъ помощи наемниковъ, приглашать которыхъ разрѣшается лишь въ крайнихъ случаяхъ; но, въ дѣйствительности, наемъ рабочихъ практикуется въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и братская артель оказывается лишь въ роли коллективнаго помѣщика, имѣющаго всѣ права юридическаго лица,—и притомъ помѣщика самаго несимпатичнаго типа.

Въ огромную экономію г-на Неплюева съ ея обширными полями и богатыми винокуренными заводами каждое лѣто сходитя свыше 700 сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Достойно вниманія для характеристики и оцѣнки христіанской настроенности, которою кичится братство, что эти рабочіе получаютъ самую ничтожную поденную плату за свой трудъ (отъ 13 до 15 коп.) и больше ничѣмъ не пользуются ни отъ избытковъ братской кассы, ни отъ прославленнаго братолюбія неплюевцевъ, если не считать крохотной больницы съ двумя кроватями и однимъ фельдшеромъ на всё почти тысячное населеніе. Сами братья и сытно ѣдятъ, и одѣты по барски— пусть и происходятъ иные изъ крестьянъ,—не позабыты и по части эстетическихъ удовольствій (вечера литературные, музыкальные,—уроки живописи), а рабочіе или „люди“, какъ презрительно называютъ ихъ братья, ютятся въ грязныхъ казармахъ среди омерзительнѣйшей обстановки, ѣдятъ впроголодь и совсѣмъ обдѣлены по части духовной пищи: не имѣютъ ни достаточно помѣстительнаго храма для удовлетворенія религіозныхъ потребностей, ни даже иконъ сколько-нибудь приличнаго письма въ своихъ казармахъ. И это въ то время, когда стѣны братскихъ помѣщеній увѣшаны роскошными образами. И такъ равнодушно братская община относится ко всему окружному бѣдному и невѣжественному населенію. „Никогда ни одинъ правовѣрный братъ не бросать луча свѣта въ эти темныя массы. Больницы, медицинскіе пункты, чайныя, народныя чтенія, вечерніе классы тамъ отсутствуютъ“. Народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ и чахнетъ отъ бѣдности, плохого питанія и болѣзней. Но матеріальной помощи со стороны братства лишаются даже младшіе члены братства, отбывающіе воинскую повинность; и они исправно забываются братьями, какъ только вышли за ограду братства. Словомъ, кругъ интересовъ неплюевской общины всецѣло сосредоточивается въ самомъ братствѣ, отгороженномъ отъ окружающаго міра высокой стѣной гордаго самомнѣнія и своеобразнаго ритуала. Въ этомъ гордомъ самомнѣніи неплюевцы

противополагають міръ себѣ и себя міру, какъ двѣ совершенно несродныхъ половины: крестовоздвиженское братство—это они, кроткіе агнцы, среди которыхъ царствуетъ истина и божья благодать, а міръ—это „рынокъ наживы“, среди котораго „мятется страждущее челоувѣчество“, „антихристы“, „дѣти дьявола“ и „сыны вѣка сего“. Даже родственники братьевъ не исключаются изъ этого лагеря враждебныхъ Богу и братьямъ силъ. Появленіе ихъ въ братствѣ несочувственно допускается даже у постели заболѣвшаго брата.

Конечно, не любовь проявляется въ этихъ отношеніяхъ неплюевцевъ къ людямъ, стоящимъ внѣ ограды братства, а что-то другое. Но сомнительно, чтобы и въ предѣлахъ братства дѣйствовала любовь, потому что христіанская любовь, если-бы только она была возбудителемъ и закономъ духовной жизни братьевъ, не потерѣла бы границъ и рамокъ для себя, не замкнулась бы въ узкомъ кружкѣ „своихъ си“ (1 Кор. 13, 5), но вышла бы наружу и за ограду братства. Правда, здѣсь, какъ и въ школахъ, что ни слово, то „Богъ“ и „любовь“. Но центромъ этой любви является не Богъ, изволившій быть Отцомъ всѣхъ людей, и не Христосъ Спаситель, благоволившій признать ихъ Своими братьями, а г-нъ Неплюевъ, признающій своими братьями лишь тѣхъ людей, которые чтутъ его таланты и добродѣтели, охотно исполняютъ его желанія и затѣи, живутъ его взглядами и вѣрованіями. Въ жертву этой узкой любви здѣсь приносятся всѣ способности, средства и личный трудъ братьевъ, въ служеніе ей обращена и самая религія христіанская въ ея усвоеніи братьями. Г-нъ Неплюевъ для нихъ „возлюбленный наставникъ“, „отецъ духовный“, „ангелъ Божій“, „апостоль вѣрный“, „пророкъ нашъ милый“. Вниманіе братьевъ сосредоточено здѣсь, какъ и въ школахъ, на наблюденіи за жизнью и поведеніемъ другъ друга, чтобы своевременно словомъ сочувствія отмѣчать проявленія братской любви и единомыслія и грозно обличать проявленія разномыслія и оскудѣніе любви. Оттого-то здѣсь, какъ и въ школахъ, тѣ же дневники, тѣ же характеристики, прочувствованные адреса,

обличительныя и наставительныя проповѣди, тѣ же душе-раздирательныя сцены публичныхъ обличеній и покаянія, тѣ же лицемѣрныя примиренія, взаимныя восхваленія и порицанія, безконечно долгія молитвенныя собранія и безчисленныя повальныя цѣлованія. Братскія именины, свадьбы, крестины, похороны, проводы брата на военную службу, церковные праздники и пр.—всѣ эти событія даютъ поводъ для созыва собраній съ исполненіемъ своеобразнаго ритуала, состоящаго изъ словъ любви, цѣлованій любви, рукопожатій любви, молитвы и даже слёзъ любви. Обстановка при этомъ всегда импонирующая: экзотическія растенія, тяжелые бронзовые канделябры, стеариновыя свѣчи, хоругви, бѣлыя одѣянія, серебряныя кресты, иконы, лампады... Въ братствѣ тщательно пекутся о грандіозной видимости своихъ „любвеобильныхъ“ дѣлъ; но при этомъ, въ погонѣ за этой видимостью, братья и не замѣчаютъ, что нецерковное употребленіе предметовъ церковной принадлежности, или воспроизведеніе церковныхъ церемоній внѣ храма и свѣтскими лицами съ произнесеніемъ и отношеніемъ къ себѣ священныхъ словъ евангелія, которымъ дано въ немъ исключительное примѣненіе, напр., въ приложеніи къ церковнымъ учрежденіямъ ¹⁾, принимаетъ совсѣмъ нескромный и нѣкоторымъ образомъ кощунственный характеръ... И опять, какъ и въ школѣ среди воспитанниковъ, и въ братствѣ среди его членовъ находятся такіе, которые глубоко возмущаются ненатуральностью и фальшью братскихъ отношеній и лицемѣрнымъ служеніемъ любви изъ угожденія личной волѣ г-на Неплюева. Среди тихой и мирной, повидимому, жизни, среди видимаго довольства они нерѣдко переживаютъ страшное смятеніе и душевныя муки и, случается, не выдерживаютъ нравственнаго гнѣта, оставляютъ предѣлы братства, какъ это ни тяжело для нихъ въ матеріальномъ и житейско-практическомъ отношеніи, потому что, если жили они въ братствѣ съ малыхъ лѣтъ, то теперь, оставляя его, выходятъ

¹⁾ См., напр., церемонію приѣма вступающихъ въ братскіе кружки. стр. 24—28.

изъ него бѣлоручками и баричами, отвыкнувъ отъ своей родной и рабочей крестьянской среды и отъ ея чернаго труда, не имѣя къ тому же и средствъ къ жизни,—или, если они вступили въ братство въ зрѣломъ возрастѣ, то, покидая его, возвращаются не въ первобытное, иногда весьма незавидное, состояніе, а въ еще болѣе бѣдственное—въ состояніе полного разстройства и запущенности прежняго хозяйства, съ трудною задачей завести его снова на мѣстѣ разоренія и развалинъ его, не имѣя заблаговременно приготовленныхъ запасовъ на черный день. Неплюевцы называютъ выходящихъ братьевъ „глубоко павшими“, но ихъ нужно называть глубоко несчастными, полными неудачниками жизни, ею разбитыми и смятыми.

Такимъ образомъ, ни по строю братской жизни, ни по характеру воспитательнаго вліянія на своихъ членовъ, неплюевское трудовое братство не можетъ возбуждать къ себѣ симпатій и сочувствія. Если же оно держится въ нашемъ обществѣ, то это надобно объяснять лестными отзывами о братской колоніи, высказанными или односторонними поклонниками неплюевской идеи или случайными гостями крестовоздвиженскаго братства, не имѣвшими возможности заглянуть въ глубину его жизни, а судившими о ней по ея бьющей въ глаза видимости. На самомъ дѣлѣ, не созидательное, а разрушительное вліяніе братская колонія вноситъ въ духовную и даже хозяйственно-трудовую жизнь своихъ членовъ... Съ появленіемъ брошюры г-на Андреева однимъ авторитетнымъ голосомъ стало больше въ ряду несочувственныхъ отзывовъ о неплюевскомъ учрежденіи, какіе раньше высказывались въ періодической печати, напр., свящ. С. Четвериковымъ (въ „Мисс. Обзор.“ 1900 г.), М. Меньшиковымъ (въ „Книжкахъ Недѣли“ 1899 г.), А. Яблоновскимъ (въ „Сынъ Отеч.“ 1899 г.) и др. Намъ думается, что тѣ подспудныя силы, которыми вызвано къ жизни и держится крестовоздвиженское трудовое братство, сводятся къ взаимодействію двухъ началъ: начала крѣпостничества, унаслѣдованнаго г-номъ Неплюевымъ отъ

предковъ и живущаго въ его барской крови, и начала любви, не здоровой христіанской любви, возгорающейся отъ чистаго свѣта вѣры Христовой и имъ управляемой, а любви болѣзненной, мечтательной и мистически восторженной, открывавшейся ему въ сонныхъ явленіяхъ „дорогихъ неземныхъ существъ, говорившихъ ему любовь свою“, нашептывавшихъ ему о высокомъ его призваніи, указавшихъ ему и самое дѣло любви и звавшихъ „воспринять духомъ, пойти по указанному пути, приняться за дѣло любви“¹⁾... Завладѣвъ его душой и просясь изъ нея къ выходу, эти начала толкнули его окружить себя людьми, которыми бы онъ могъ управлять и владѣть въ роли не помѣщика стараго времени, а болѣе тонкаго и современнаго повелителя—въ роли воспитателя ихъ и организатора ихъ трудовой жизни, осуществляющаго на нихъ свою мечту окриками и диктаторскими приѣмами господъ прежняго времени въ перемежку съ иѣжными, ласковыми словами, рукопожатіями и поцѣлуями *типичнаго представителя педагогическаго декадентства нашего времени*. Ницета загоняетъ бѣдныхъ дѣтей въ Воздвиженское братство и доставляетъ ими г-ну Неплюеву матеріалъ для его диктаторско-педагогическихъ опытовъ... Желать о возникновеніи трудовыхъ братствъ, подобныхъ неплюевскому, конечно, не приходится. Пріятнѣе слышать предположеніе, что „дни черниговскаго братства сочтены“...

А. Волгинъ.

¹⁾ Стр 10—11.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 6 января 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академін, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 3.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, января 19-го.

Содержаніе: Правдивое слово мірянина о православномъ пастырствѣ. (Изъ дневника священника).—Развивается-ли проповѣдь въ наше время и что для этого требуется?—Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго.—Замѣтка объ „орлецахъ“.

Правдивое слово мірянина о православномъ па- стырствѣ.

(изъ дневника священника).

„Страшно устала наша земля отъ сочинительства, мудрованія, фальши... Вся нужда, вся задача наша теперь именно въ томъ, чтобы внести, накопецъ, правду въ русскую жизнь“.

И. С. Аксаковъ.

... „Онъ (такъ началъ свой разговоръ мой собесѣдникъ) очень былъ доволенъ, когда его въ гостиную называли „злымъ языкомъ“. Это ему льстило и давало право судить обо всемъ безапелляціонно и съ небрежной самоувѣренностью. Его пре-
имущественною склонностью было копатся въ мусоръ нашей печальной дѣйствительности и, отыскавъ больное мѣсто, на-

стойчиво бить по нему и съ усладой любоваться впечатлѣніемъ, которое производили его занятія на слушателей...

Онъ не любилъ даже, когда рѣчь заходила о чемъ нибудь утѣшительномъ, свѣтломъ, бодрящемъ душу въ русской жизни. Словомъ, это былъ въ совершенствѣ тотъ русскій „сатирикъ“, о которомъ Достоевскій сказалъ, что „онъ какъ бы боится хорошаго поступка въ русскомъ обществѣ. Встрѣтивъ подобный поступокъ, онъ приходитъ въ безпокойство и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока не прищеть гдѣ нибудь въ подкладѣ этого поступка чего либо нехорошаго. Тогда онъ тотчасъ обрадуется и закричитъ: это вовсе не хорошій поступокъ, радоваться совсѣмъ нечему“...

Въ послѣднее время онъ избралъ предметомъ своего ядовитаго обличенія нашу многострадальную церковь и духовенство. Когда засверкалъ перекрестный огонь и шумъ около пресловутаго отвѣта Толстого Св. Синоду и по поводу бойкаго реферата Стаховича, онъ цѣлыми днями ходилъ, какъ будто получилъ новый орденъ, съ побѣдоноснымъ презрѣніемъ всю фигурую безъ словъ рнушая всѣмъ: „ну конечно; ...иначе и быть не могло...—Я же говорилъ, что эти господа клерикалы—ничтожество“... Передавали, что онъ даже телеграфировалъ Толстому и Стаховичу поздравленіе съ „одоленіемъ“ и изъ дома въ домъ бѣгалъ съ „Отвѣтомъ“ и № С. Петер. Вѣд., гдѣ напечатанъ былъ докладъ о свободѣ совѣсти...

Признаюсь, меня коробили всякія сообщенія о его странной боевой суетливости. Я съ нимъ не былъ знакомъ, и, каюсь, избѣгалъ случаевъ познакомиться. Миѣ всегда бывало неловко и обидно и стыдно наблюдать подобнаго рода людей. Они извѣстны всѣмъ, и—къ несчастью—ихъ у насъ очень много. Самоувѣренные безгранично, при полной скудости положительныхъ достоинствъ, говорливы, шумливы, задорны съ наскокомъ и изумительно мелки умомъ и чувствомъ. Ихъ можно было бы не замѣчать, если бы они, при своихъ недостаткахъ, не держали господствующаго тона современнаго общественнаго настроенія...

Когда я вошелъ въ комнату онъ съ синей книжкой „Журнала для всѣхъ“ стоялъ передъ столомъ и съ преувеличеннымъ паѳосомъ, очевидно любясь эффектомъ чтенія на сидѣвшихъ за столомъ, выкрикивалъ, а не читалъ повѣсть изъ быта духовенства „Худая молва“ (какого то Гусева)... На этотъ разъ избѣжать знакомства нельзя было. Насъ представили... Чтеніе продолжалось...

Когда я сталъ вслушиваться въ чтеніе, въ манеру чтеца фальшиво играть интонаціями съ цѣлью усилить предполагаемый комизмъ дѣйствующихъ лицъ, когда посмотрѣлъ на его счастливое лицо и сочувственныя (за исключеніемъ хозяина дома) фізіономіи слушателей, сердце мое сжалось тоской и мучительною грустью: „вотъ она въ мишьянѣ скорбная картина родной нескладницы, именуемой русскимъ общественнымъ смысломъ... Вотъ она бѣдная нелѣпная жизнь, публично сѣкущая себя по глазамъ и цѣлующая собственную плеть“...

— Но вѣдь это прелестно!.. Чудно!.. захлебываясь отъ восторга кричалъ лекторъ. Послушайте, послушайте... Толстый, жирный съ хитрыми маслянными глазками благочинный потчуетъ пона: „росы и манны!“ Это про перцовку!.. ха - ха - ха! „Сей велиаръ погибели моей ищеть“... восхитительно!.. ха - ха - ха!.. а діаконъ!..

— „Что же собственно восхитительнаго Вы напли здѣсь?“ вдругъ раздался тихій, но твердый голосъ изъ уединеннаго уголка гостиной, и, вышедши оттуда, присѣлъ ближе къ столу почтеннаго вида старикъ...

— „Да вотъ вся эта потѣшная исторія съ понами: помилуйте! Вѣдь это фотографія! Эти сцены схвачены около насъ... И какъ жизненно, какъ неподражаемо вѣрно... Я всегда говорилъ: давно пора не церемониться съ ними... Это изъ рукъ вонъ“ ... мелкой дробью засыпалъ „языкъ“, вертя книжкой и вращая головой направо и налѣво, какъ бы ища себѣ поддержки у сидѣвшихъ за столомъ.

— „Простите, молодой человекъ, замѣтилъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ г. Н., я попрошу у Васъ нѣсколько минутъ

вниманія. Я съ примѣрнымъ терпѣніемъ выслушалъ Ваше чтеніе и Ваши разговоры и, извините меня, старика, мнѣ стало очень грустно... Скажите откровенно, думали ли Вы когданибудь серьезно надъ тѣмъ, что такъ грубо осмѣино въ разсказѣ?.. Я хочу сказать: Задумывались ли Вы когданибудь надъ судьбою Вашего духовенства?..

— „Къ чему этотъ вопросъ?.. разумѣется думалъ, небрежно бросилъ „злой языкъ“,—и нахожу, что сословіе—невозможное: невѣжественное, грубое, живущее въ утробу. Кто же этого теперь не знаетъ?.. И спасибо, что въ литературѣ стали выставлять поновъ къ позорному столбу...“

— „Къ сожалѣнію и удивленію моему, согласно съ Вами думаютъ многіе изъ Вашего образованнаго общества... Предупреждаю: я—не русскій по происхожденію, не православный, не состою въ родствѣ ни съ кѣмъ изъ духовныхъ... Но близко видѣлъ жизнь русскаго сельскаго духовенства въ разныхъ полосахъ Россіи и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ,—еще больше наблюдалъ, слышалъ много, и позволю себѣ рѣшительно не согласиться съ Вами. Я въ первый разъ слышу сегодня разсказъ русскаго писателя о русскомъ духовенствѣ и говорю искренно: мнѣ обидно за Ваше духовенство... Вашъ разсказъ—анекдотъ дурного тона и публика, увеселяющаяся подобными анекдотами, простите, слишкомъ груба въ своемъ нерасположеніи къ русскимъ священникамъ... На чемъ основывается это нерасположеніе?.. Я никогда не могъ понять, почему то, что—считается справедливымъ по отношенію къ другимъ сословіямъ, считается излишнимъ примѣнять къ священникамъ Православной церкви? Справедливо требовать высокихъ качествъ отъ работника и хорошаго исполненія работы, когда у работника не спутаны руки, даны всѣ средства для работы и обезпеченъ вѣрный заработокъ...“

— „Но Вы на матеріалистическую почву переводите такія отношенія, которыя должно обсуждать съ особенной точки. Священникъ—не рабочій, онъ пастырь душъ...“

— „Полагаю, что спасеніе душъ тяжчайшая изъ работъ, какія мы знаемъ, возразилъ спокойно г. Н... Но возвратимся назадъ. Я думаю, что въ дѣлѣ съ православнымъ русскимъ духовенствомъ вышло какое то крупное историческое недоразумѣніе, и это недоразумѣніе не представляется ясно сознанію образованнаго общества. Серьезно. Совѣсть священника накрѣпко связана великимъ множествомъ самыхъ отвѣтственныхъ, самыхъ священнѣйшихъ обязанностей и задачъ, и въ то же время и рядомъ съ этимъ жизнь поставила предъ нимъ въ качествѣ тяжкаго испытанія нужду личнаго обезпеченія такимъ унижительнымъ способомъ, какого мы не знаемъ ни въ какомъ другомъ кругу работниковъ...—Кормленіе отъ прихода... Подумайте о моральной сторонѣ этого явленія... Вѣдь тутъ двойное подвижничество: безмѣрно трудно быть достойнымъ пастыремъ и отцомъ въ приходѣ; во сто кратъ труднѣе, я думаю, удержать нравственное равновѣсіе и душевную ясность тогда, когда чувствуешь полную свою матеріальную зависимость отъ сторонней благотворительности...

— „Какъ видно это подвижничество имъ на пользу: они отъ него толстѣютъ“... съ злой усмѣшкой бросилъ гостинный ораторъ.

— „Посмѣяться мы всегда успѣемъ, А. А-чъ, но вотъ что мнѣ хочется Вамъ сказать по совѣсти,—съ нѣкоторою горячностью вставилъ хозяинъ—человѣкъ серьезный, неблаговолиительно настроенный къ развязному тону рѣчей противника духовенства и давно съ напряженіемъ слѣдившій за разговоромъ,—извините меня за прямоту... Не умѣю говорить съ закругленіями... Недобросовѣстные господа—Ваши писатели. Худо и повторять ихъ вздорныя рѣчи. Съ печатнымъ словомъ—училъ насъ Гоголь—надо честно обращаться... Помилуй Богъ: гдѣ тутъ правда? гдѣ они такія лица видятъ? съ кого свои портреты пишутъ?.. Воля Ваша: судить по такимъ рассказамъ о жизни нашего духовенства все равно, что учить понимать русскую жизнь по карриатурамъ пошлыхъ юмористическихъ листовъ... Именно сочинители... Они видятъ только лосня-

щійся жиръ... А видѣли ли они смертную худобу, злую чухотку, сумашествія нашихъ священниковъ?.. Видятъ торгашей-утробниковъ, собирающихъ хлѣбъ (чтобы не уморить свои семьи, замѣтите, милый А. А-чъ), а не видятъ и знать не хотятъ евангельскихъ страстотерпцевъ—безсребренниковъ, одною рукою берущихъ, а другою, прикрывая руку широкимъ рукавомъ, отдающихъ полученное подаваніе нищимъ, братьямъ своимъ не только по Христу, но (вѣдь страшно сказать) буквально братьямъ по способу обезпеченія... Потѣшаются надъ комическими частностями вѣшней жизни „поповъ“, а заглядывали-ли они,—спросите ихъ прекрасный А. А-чъ, когда-нибудь хоть краемъ своего лукаваго глаза въ ту мрачную, тяжелую драму внутренняго душевнаго міра, которою живутъ и изъ которой выходятъ такъ часто героями наши пастыри? Почему *ихъ* они намъ не изображаютъ, этихъ героевъ? Или они не знаютъ ихъ? Такъ пусть пойдутъ въ села, деревни, хутора наши... Тамъ они увидятъ все, не изъ тусклыхъ оконъ своихъ душныхъ кабинетовъ и вдобавокъ чрезъ очки надуманной или подсказанной тенденціи, а собственными глазами и въ реальной правдѣ... Не о. о. Геннадіи представлятся имъ тогда, а явятся безчисленные (положимъ) о. о. Іоанны, не знающіе, что такое личная жизнь, въ полночь, въ бурю, въ стужу и грязь, съ Чашею св. Даровъ безропотно бредущіе на тряскихъ телѣгахъ, а то и апостольскими стопами въ далекую деревню или хуторъ и тамъ словомъ благодатнаго утѣшенія и любви прикасающіеся къ смердящимъ язвамъ умирающихъ;—идущіе съ одною вѣрою въ Бога, забывая личную опасность, опасность дорогихъ своихъ домашнихъ, въ очаги заразы, въ мѣста угрюмой смерти, плача и ужаса... Сегодня они передъ лицомъ смерти скорбные, но бодрые, а завтра ужъ твердо стоятъ въ центрѣ народной жизни своего прихода, разливая свѣтъ вѣры и благочестивой настроенности во тьмѣ народной, обвѣвая дыханіемъ небснаго идеала всѣ стороны и теченія народной жизни... Помилуйте! Да это просто универсальные какіе то люди... Они все знаютъ, все умѣютъ,

всѣмъ болѣютъ, волнуются, горять энергіей... Церковное учительство, авторитетные совѣты, мировой судъ, физическій трудъ, часто умное писательство... Конечно, это не сплошь... И если бы это было сплошь, мы должны бы на рукахъ носить нашихъ пастырей... Но сколько, сколько ихъ!.. Будемъ правдивы, господа, не надо лгать на жизнь...

..И замѣтите, милый А. А-чъ, это при какихъ условіяхъ?.. Когда имъ приходится съ многочисленнымъ (это почти правило) семействомъ быть на обидномъ содержаніи у прихода и горѣть въ непрерывномъ огнѣ нравственныхъ уколовъ, а иногда и прямо истязаній душевныхъ... Желалъ бы я посмотреть, какъ бы Ваши господа сочинители сумѣли сохранить — не говорю полную душевную чистоту, а просто ровную энергію и неослабную любовь къ труду, если бы ихъ поставить въ такія жизненные тиски... Пусть бы они попробовали писать, напр., не съ редакціонной построчной платы, а за добровольное вознагражденіе отъ читателей?..

— „Такъ что же? пиши они хорошо, публика вознаградила бы ихъ по достоинству...

— „Надо думать, съ небольшою охотою, во первыхъ, а во вторыхъ, лишь въ мѣру соотвѣтствія писаній капризнымъ ея вкусамъ и минутному требованію... А это ужъ будетъ не свободный, а подневольный, каторжный трудъ, отъ котораго у совѣстливаго человѣка душа замираетъ.. Долго-ли въ такомъ случаѣ хорошему писательству обратиться невольно въ жалкое подыгриваніе настроенію сегодняшняго дня?.. Такого рода трудъ естественнымъ теченіемъ вещей будетъ раздѣливаться по правилу толпы съ короткой логикой: „пишетъ на заказъ, распинается, потому что за это съ насъ получаетъ; больше напишетъ, больше въ карманъ положить“... Я думаю, не рай будетъ въ душѣ писателя отъ сознанія такой оцѣнки своего труда потому только, что онъ вознаграждается изъ ненормальнаго источника.. И если писатель, вынужденный такими обстоятельствами, жизненными коллизіями и по слабости воли сбился бы съ тона и поплылъ бы въ спокойной волнѣ компромиссовъ,

мы сказали бы о немъ: „вотъ бѣдная жертва общественнаго нестроенія“... И, разумѣется, взволнованно заговорили бы о повелительной нуждѣ измѣнить ненормальный порядокъ вещей, а не стали бы съ злобнымъ зубоскальствомъ травить несчастнаго и показывать съ хохотомъ на него пальцемъ... Отчего же недостаетъ у насъ элементарной гуманности и снисходительной терпимости только для православныхъ священниковъ...?

— ...А то леснится жирь... Жирь-то-жирь, да какъ онъ, скажите мнѣ, выросъ? Я отвѣчаю твердо: выросъ на нашей собственной некультурности, невѣжествѣ и исторически неоправданномъ дуто-аристократическомъ пренебреженіи къ духовному сословію... У насъ хватаетъ благороднаго пыла на защиту ксендза-фанатика, мы галантно жмемъ руку муллѣ, расшаркиваемся предъ нѣмцемъ-пасторомъ; а своего русскаго попа унижаемъ, толкаемъ, громимъ его, вмѣняя себѣ это въ особую добродѣтель... Да, позвольте, господа... За что жо это въ концѣ концовъ?.. Пустили бѣднаго человѣка по міру, ни каплею сердца, ни моментомъ напряженія ума не хотимъ приблизиться къ мрачной драмѣ его жизни, да еще хохочемъ надъ нимъ когда видимъ, что онъ идетъ подъ уклонъ?..

— Вамъ смѣшны о. о. Геннадіи?.. Но знаете—что, прекраснѣйшій А. А., если бы у насъ съ Вами хватило умѣнья и труда взвѣсить и измѣрить всю скорбь, униженія, стоны, слезы и нравственныя муки, среди которыхъ и въ которыхъ живетъ наше духовенство, то мы бы удивились: отчего это не всѣ священники подобны о. о. Геннадіямъ... И если они, несмотря ни на что и вопреки всему, если они, повторяю убѣжденно, *въ большинствѣ* не таковы, то имъ отъ насъ поклонъ до земли, полная дань глубокаго уваженія... Они герои и ордость наша и болѣзненный укоръ нашей негуманности“...

Спасибо доброму человѣку на добромъ словѣ... Какъ слово это родственно-близко по смыслу теплой рѣчи, сказанной

о нашемъ духовенствѣ однимъ государственнымъ мужемъ, которому ужь, конечно, болѣе, чѣмъ кому другому, вѣдомы дѣла и дни русскаго священника: „Кто знаетъ тяжкія условія быта, въ коихъ живетъ и дѣйствуетъ наше духовенство, *особливо сельское*, у того слово суда, готовое для недостойныхъ, умолкнуть предъ величіемъ подвига, совершеннаго многими, безвѣстно труждающимися посреди пустынь, лѣсовъ и болотъ необъятной Россіи, въ великой нуждѣ, въ холодѣ и голодѣ, въ нищетѣ и *нерѣдко въ обидѣ*. Легіоны этихъ труженниковъ стоятъ уже предъ Богомъ молитвенниками за насъ,—и на ихъ костяхъ стоитъ наша церковь. Но и нынѣ, сколько живущихъ, подобно имъ, безвѣстно трудятся надъ ея созиданіемъ! Слава и честь духовенству нашему, и да умножитъ ему благодать Божія и крѣпкую силу вѣры, и чувство любви и жалости для учительства словомъ и дѣломъ“ (Изъ рѣчи К. П. Побѣдоносцева, сказанной на юбилейныхъ торжествахъ 900-лѣтія крещенія Руси).

Священникъ *Евгеній Капраловъ*.

Развивается-ли проповѣдь въ наше время и что для этого требуется?

Проповѣданіе Христова ученія всегда составляло одну изъ главнѣйшихъ обязанностей пастырскаго служенія: цѣль этого служенія—приводить людей къ истинной вѣрѣ во Христа; но какъ вѣровать въ Того, о Комъ не слышали? Какъ слышать безъ проповѣдующаго? спрашиваетъ величайшій изъ проповѣдниковъ—св. ап. Павелъ (Посл. къ Римл. 10, 14). Примѣръ Спасителя и Его апостоловъ, великихъ отцовъ и учителей Церкви и прямая ихъ заповѣдь призываютъ пастыря къ этому великому благоплодному дѣлу. И дѣйствительно, уже съ первыхъ вѣковъ христіанства проповѣдь въ храмѣ при богослуженіи занимала во вниманіи пастырей Церкви одно изъ главныхъ мѣстъ.

Такъ какъ проповѣдь церковная является однимъ изъ лучшихъ средствъ пастырскаго религіозно-нравственнаго воспитанія, то не удивительно поэтому, что вопросъ о церковной проповѣди всегда привлекалъ и теперь привлекаетъ вниманіе всѣхъ, кому дорого дѣло вѣры и Церкви: проповѣдь церковная изучалась какъ съ теоретической, такъ и практическихъ сторонъ; и въ томъ и другомъ отношеніи мы имѣемъ немало трудовъ, въ которыхъ всякій усердный къ своему дѣлу пастырь много можетъ найти проповѣдническихъ образцовъ и правилъ въ руководство себѣ. Вопросы церковной проповѣди, ея исторія изучены и раскрыты въ достаточной степени. Въ настоящей статьѣ намъ хотѣлось-бы затронуть вопросъ о проповѣди современной намъ; сравнивъ ее съ прошлымъ, указать, насколько она соотвѣтствуетъ своему идеалу. Вопросъ этотъ важенъ потому, что нерѣдко приходится выслушивать упреки въ томъ, будто духовенство въ наше время не дѣятельно, будто упадокъ современной нравственной жизни зависитъ отъ духовенства, слабого развитія въ немъ учительности. Если оглянуться на тотъ почтенный путь, какой пройденъ уже церковной проповѣдью въ теченіе долгихъ вѣковъ, если обратить вниманіе на то вліяніе, какое она оказывала на сердца людей, то сразу можно видѣть, что вліяніе это шло и усиливалось не по прямой, а скорѣе по ломанной линіи: въ исторіи ея вліянія и развитія есть и золотыя времена, когда она, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, двигала и возрождала массы народныя, были и времена упадка, когда до крайнихъ предѣловъ сокращалось ея вліяніе. Одинъ изъ такихъ печальныхъ промежутковъ въ исторіи христіанской проповѣди на Руси склонны многіе видѣть и въ нашемъ времени. Казалось, въ настоящее время есть на-лицо всѣ благопріятныя условія для развитія церковной проповѣди: многовѣковый опытъ проповѣдниковъ Церкви Христовой даетъ каждому пастырю не только множество теоретическихъ правилъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и богатый проповѣдническій матеріалъ; духовные журналы также даютъ обильный матеріалъ

для проповѣди; но не смотря на всѣ эти благопріятныя условія, какъ въ устныхъ бесѣдахъ, такъ и со страницъ періодической свѣтской печати слышатся упреки и сѣтованія на слабость проповѣди. Насколько основательны эти сѣтованія и нѣтъ-ли во взглядахъ нашихъ пессимистовъ преувеличенія? Идеальнымъ состояніемъ проповѣди было-бы то ея состояніе, когда церковная проповѣдь немолчно оглашала наши храмы при каждомъ богослуженіи, и своею силою и убѣдительностію подняла бы религіозно-правственное состояніе нашего народа и общества до возможной степени ѱсоты; этого времени долго придется ждать, о немъ нужно молиться и, съ точки зрѣнія этого идеала, возможно сказать, что церковная проповѣдь въ наше время далека отъ конечной своей цѣли, но если посмотрѣть на дѣло относительно, то мы съ необходимостію должны признать, что церковная проповѣдь въ наше время все же развивается.

Посмотримъ прежде всего на тѣ доказательства, какія неумѣренныя пессимисты приводятъ въ подтвержденіе своего мнѣнія. Упадокъ проповѣди нѣкоторые склонны считать явленіемъ даже неизбѣжнымъ, къ этому будто ведетъ избытокъ проповѣдническаго матеріала: обо всемъ, говорятъ, написано, все сказано прежде насъ, приходится повторяться. Нужно-ли говорить, насколько это положеніе фальшиво: только индифферентный къ дѣлу вѣры можетъ высказать его. Кто вдумывался въ высокія истины христіанства, тотъ понялъ, что исчерпать ихъ вполне, до конца, невозможно: одинъ, напри- мѣръ, законъ любви—*царскій законъ*, цѣлыя тысячелѣтія могутъ вдохновлять проповѣдниковъ и этотъ законъ никогда не можетъ быть изжитъ и исчерпанъ до конца, вполне осуществленъ въ этой временной жизни. Вѣчно измѣняющіяся условія и формы человѣческой жизни даютъ все новые способы, новыя сферы для христіанскаго вліянія; можно-ли здѣсь говорить о томъ, что христіанскія истины совершенно исчерпаны, что все уже сдѣлано, что можно было сдѣлать?

Въ доказательство упадка церковной проповѣди и учительства нерѣдко указываютъ на упадокъ нравственности и религіозности въ наше время—доказательство, имѣющее нѣкоторую силу, но все же не такую, какую ему приписываютъ. Православнаго народонаселенія на Руси насчитывается свыше 80 милліоновъ—пастырей 40 т., слѣдовательно, на одного священника приходится 2 т. пасомыхъ: если въ семьѣ изъ 5—6 человекъ отецъ не въ состояніи воспитать дѣтей, какъ хотѣлъ-бы, такъ какъ къ его воспитательному вліянію присоединяется масса другихъ, то неужели у одного человека хватить силъ для того, чтобы надлежаще воспитать 2 т. человекъ?

Проповѣдь есть сѣяніе на нивѣ сердець и душъ человѣческихъ и, какъ сѣяніе, она требуетъ не только сѣмени и сѣятеля, но почвы, благопріятной для сѣянія; и если проповѣдь въ наше время часто бываетъ безплодной, то виновато въ этомъ не только духовенство и слабое развитіе проповѣди, но и то настроеніе, съ какимъ встрѣчаютъ проповѣдь въ наше время. Могутъ, пожалуй, указать на примѣры великихъ проповѣдниковъ, силою слова зажигавшихъ сердца народныя любовію къ правдѣ, вызывавшихъ раскаяніе даже въ нравственно-распущенномъ обществѣ: таковъ, на примѣръ, былъ св. Іоаннъ Златоустъ. Но справедливость требуетъ сказать, что и во времена „Златоустаго“ проповѣдника греческое общество, а особенно народъ, съ большимъ сочувствіемъ относились къ проповѣди, чѣмъ многіе въ настоящее время; Іоаннъ Златоустъ много страдалъ за правду, но толпа нерѣдко плакала и аплодировала подъ вліяніемъ его проповѣдей; и кто знаетъ, сколько энергіи и силы придавало святому борцу за правду это сочувствіе? Характерная особенность нашего времени—ослабленіе интереса къ вопросамъ духовнаго характера,—заботъ о спасеніи души. Эгоизмъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ, погоня за наслажденіями и чувственными благами всѣми мѣрами и средствами,—все это ясно видно всякому, кто безпристрастно относится къ нашему времени.

Все, о чемъ говорятъ проповѣдники,—все это слишкомъ далеко отъ того, чѣмъ живетъ современный человѣкъ, чуждо поглотившихъ его мелкихъ ежедневныхъ интересовъ. Что намъ даетъ проповѣдь—разсуждаютъ нѣкоторые: всѣ ея наставленія извѣстны намъ: проку въ нихъ для жизни мало: она не научитъ насъ, какъ бороться съ жизнію и за жизнь, которая предъявляетъ свои безпощадныя требованія. Матеріализація жизни, индифферентизмъ къ вѣрѣ—плохую даетъ почву для развитія проповѣди. И вообще изъ того, что нравственная жизнь наша стоитъ не высоко, нельзя еще заключать, что и наша церковная проповѣдь поставлена слишкомъ уже слабо.

Духовная жизнь—есть сокровенная область человѣческой души; выразить ее наглядно, представить въ цифрахъ невозможно; невозможно поэтому точно опредѣлить и то вліяніе, какое оказываетъ настоящая проповѣдь на жизнь людей. „Жизнь плоха, потому что проповѣдь слаба“... Но какъ опредѣлить то, какова была бы жизнь, если бы проповѣди совсѣмъ не было въ наше время? Какъ опредѣлить то, сколько человѣческихъ душъ спасла современная, быть можетъ, и не всегда сильная проповѣдь; какъ указать тѣ случаи, гдѣ человѣкъ послѣ проповѣди задумался надъ собственною жизнію, далъ себѣ слово сдѣлаться лучше, вышелъ изъ храма съ чувствомъ раскаянія и стыда за собственную жизнь? Суতোлка, суета жизни часто разсѣиваетъ такія добрыя настроенія сердца, но они есть, только ихъ видѣть нельзя: здѣсь возможны только гаданія. Нравственная жизнь народа и общества слагается подъ самыми разнообразными вліяніями и невозможно требовать, чтобы одна проповѣдь способна была исцѣлить отъ всѣхъ золъ, обуявшихъ нашу жизнь.

Упадокъ проповѣди въ наше время доказываютъ еще указаніемъ на то, что въ настоящее время нѣтъ выдающихся проповѣдниковъ, что отчасти правда, но только отчасти; геніи и таланты рождаются вѣками и невозможно требовать, чтобы они открывались каждый годъ. Но проповѣдники талантливые,

умѣлые на Руси никогда не переводятся. Пойдите въ любой городской храмъ, особенно въ торжественные праздники, и вы всегда почти услышите дѣльную, разумную проповѣдь. Нѣтъ въ наше время Филаретовъ, Иннокентіевъ, но таланты вездѣ, во всякой сферѣ рѣдки; съ эпохой этихъ великихъ ораторовъ насъ связываетъ недавно почившій высокопреосвященный Амвросій Харьковскій; вѣримъ и надѣмся, что духовное сословіе, сохранившее въ себѣ богатый запасъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, дастъ еще не мало талантливыхъ представителей церковнаго проповѣднаго слова.

Если въ наше время нѣтъ проповѣдниковъ-талантовъ, способныхъ дать вдохновенную, глубокую по содержанию проповѣдь, то все же есть проповѣдники удовлетворительные: церковная проповѣдь если не вглубь, то вширь несомнѣнно растетъ и приноситъ свою пользу. Если сравнить наше время съ временами прошлыми, — взять, на примѣръ, лѣтъ 50 назадъ, то преимущество по развитію проповѣди, по количеству, должно, по справедливости, отдать нашему времени. У насъ, говорятъ, нѣтъ талантливыхъ проповѣдниковъ, но вообще то проповѣдниковъ стало больше, чаще стали службы Божіи оглашаться церковною проповѣдію. Несомнѣнно, на развитіе церковной проповѣди должно было оказать свое вліяніе повышеніе образованія среди духовенства: доброе старое время создало тинъ пастыри-требоисправителя; въ настоящее время все чаще является сверхъ сего пастырь-учитель.

Недостатокъ въ кандидатахъ священства, окончившихъ семинарію, въ старину велъ къ тому, что на священническія мѣста назначали выслужившихся діаконовъ, архіерейскихъ пѣвчихъ, что въ настоящее время встрѣчается уже очень рѣдко: теперь большинство священниковъ — изъ окончившихъ семинаріи. Наконецъ, теперь чаще чѣмъ прежде, по крайней мѣрѣ, въ городахъ стали встрѣчаться пастыри и съ высшимъ академическимъ образованіемъ; къ сожалѣнію, нужно сказать, что пастыри съ высшимъ академическимъ образованіемъ встрѣ-

чаются все же не въ томъ количествѣ, въ какомъ было-бы желательно: если считать что каждая академія ежегодно выпускаетъ по 40 человѣкъ оканчивающихъ курсъ, то скромное число нашихъ академій (4) даетъ ихъ только 160; небольшой процентъ изъ нихъ уходитъ въ свѣтскіи учрежденія, большинство на духовно-учебную службу; для пастырства остается очень мало; да и вообще число нашихъ академій далеко не пропорціонально числу семинарій: на 55 семинарій всего только 4 академія; если взять среднимъ числомъ оканчивающихъ въ семинаріяхъ 60 человѣкъ, то одинъ окончившій академію приходится больше чѣмъ на 20 человѣкъ окончившихъ семинарію.

Епархіальныя начальства въ послѣднее время стали обращать больше, чѣмъ прежде, вниманіе на развитіе проповѣдничества среди духовенства; теперь почти въ каждой епархіи установлено, чтобы каждый священникъ представилъ за годъ нѣсколько проповѣдей на предложенныя темы; съ этой цѣлію учреждены должности цензоровъ. Впрочемъ, относительно послѣдней мѣры нужно сказать, что ее можно было бы нѣсколько видоизмѣнить: гораздо лучше было-бы, если-бы священникамъ предоставлена была возможность представлять проповѣди на дни, *ими самими избранные*: тогда несомнѣнно качество и достоинство представляемыхъ цензорамъ проповѣдей повысилось-бы, такъ какъ каждый пастырь представилъ бы ту проповѣдь, какую онъ считаетъ лучшею, какую продумалъ и прочувствовалъ.

Въ епархіальныхъ органахъ перѣдко печатаются лучшія проповѣди мѣстныхъ пастырей, показывающія, что дѣло проповѣдничества все же развивается. Нужно признать весьма желательной мѣрой, чтобы этотъ отдѣлъ епархіальныхъ органовъ былъ болѣе расширенъ, и въ нихъ дано было мѣсто не только произведеніямъ городскихъ священниковъ, но и сельскихъ: цензоры могли-бы представлять въ редакціи тѣ проповѣди, какія они признаютъ лучшими. Доказательствомъ того, что проповѣдь развивается можетъ служить и очередная

проповѣдь, заведенная въ послѣднее время не только въ губернскихъ, но даже уѣздныхъ соборныхъ церквахъ.

Семинаріямъ нашимъ часто дѣлались упреки въ томъ, что они мало готовятъ семинаристовъ къ дѣлу проповѣдничества, что въ преподаваніи гомилетики царить духъ схоластики, школьные приемы, что живой проповѣди наши семинаристы не знаютъ; дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ такъ дѣло и стоитъ. Только очень немногіе семинаристы, написавшіе проповѣдь на высшій баллъ имѣютъ возможность сказать за 6 лѣтъ одну-двѣ проповѣди съ церковной кафедрой. Нельзя не порадоваться посему тому обстоятельству, что въ настоящее время во всѣхъ академіяхъ и нѣкоторыхъ семинаріяхъ проповѣдь поставлена довольно широко: воспитанники проповѣдуютъ не только въ своихъ училищныхъ церквахъ, но и въ церквахъ приходскихъ. На молодыхъ проповѣдниковъ, какъ намъ приходилось наблюдать, это дѣйствуетъ очень благотворно: къ написанію проповѣдей стали относиться болѣе серьезно, проповѣди старательно заучиваются и произносятся почти наизусть, а это пролагаетъ дорогу къ импровизаціи, на нашъ взглядъ самому дѣйствительному способу церковнаго учительства.

Только въ недавнее время стали распространяться внѣбогослужебныя собесѣдованія. Собесѣдованія эти поставлены довольно широко во многихъ епархіяхъ. Эта форма учительства дорога въ томъ отношеніи, что внѣбогослужебныя собесѣдованія могутъ переходить прямо въ задушевные бесѣды пастыря съ пасомыми: отличаясь характеромъ простоты и безыскусственности, онѣ глубоко западаютъ въ сердце даже самыхъ простыхъ слушателей. Развитію внѣбогослужебныхъ собесѣдованій и вообще церковной проповѣди содѣйствуетъ установленіе въ воскресные и праздничные дни торжественныхъ вечереи. Согласно утвержденному Св. Синодомъ постановленію собора преосвященныхъ, бывшаго въ Казани, кромѣ утренняго и литургійнаго богослуженія, введено служеніе торжественныхъ вечереи: во многихъ храмахъ, осо-

бенно въ великій постъ, на этихъ вечерняхъ произносятся поученія къ народу; вечерни эти, какъ показываютъ наблюденія, оказываютъ благотворное вліяніе на народъ, отвлекая его въ праздничные дни отъ винной лавки, пѣсенъ, словомъ обычнаго времяпрепровожденія. Для веденія внѣбогослужебныхъ собесѣдованій духовенство принимаетъ на себя нерѣдко весьма нелегіе труды. Такъ, на примѣръ, духовенство Иркутской епархіи, гдѣ приходы растягиваются на сотни верстъ, предпринимаетъ для этого весьма отдаленныя поѣздки.

Изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, что духовенство усиленно трудится въ дѣлѣ проповѣданія слова Божія, что жалобы на то, что у насъ нѣтъ церковнаго учительства, нужно считать безусловно преувеличенными; однако, до идеальной высоты еще далеко. Какія же мѣры могли-бы содѣйствовать развитію церковной проповѣди и ея вліянія? Скажемъ прежде всего относительно городскихъ церквей. Здѣсь, намъ думается, всего скорѣе возможно и умѣстно распоряженіе о неопустительномъ проповѣданіи слова Божія на каждой литургіи. Въ городскихъ храмахъ есть многочисленные причты, среди нихъ люди съ высшимъ богословскимъ образованіемъ; матеріальныя обезпеченія городского духовенства очень удовлетворительны, слѣдовательно, оно имѣетъ больше досуга на изготовленіе проповѣдей. Въ губернскихъ городахъ дѣлу расширенія проповѣдничества помогутъ духовно-учебныя заведенія. Если въ губернскомъ городѣ существуетъ семинарія и епархіальное училище, то въ нихъ навѣрно есть 30—40 лицъ съ высшимъ академическимъ образованіемъ, отчего-бы имъ не помочь духовенству въ столь добромъ дѣлѣ: трудъ не большой въ теченіе года сказать 3—4 проповѣди; затѣмъ, каждая семинарія могла бы дать для приходскихъ городскихъ церквей 40—50 молодыхъ проповѣдниковъ изъ среды семинаристовъ. Въ большихъ кафедральныхъ соборахъ у насъ заведена очередная проповѣдь; на самомъ дѣлѣ проповѣдь здѣсь всего только роскошь; нерѣдко предпочтеніе отдается концертамъ. Нужно-ли говорить, что такая постановка дѣла очень

вредить религиозно-воспитательнымъ цѣлямъ: не привыкшее къ проповѣди общество не хочетъ слушать и тѣхъ немногихъ проповѣдей, какія произносятся въ храмахъ и единственною цѣлюю многихъ посѣтителей храма является желаніе послушать концертъ. Очередная проповѣдь требуетъ и нѣкоторыхъ усовершенствованій въ смыслѣ объединенія дѣятельности многочисленныхъ проповѣдниковъ: нерѣдко въ очередныхъ проповѣдяхъ приходится слышать рѣчь объ одномъ и томъ же предметѣ. Вообще, всего желательнѣе было-бы, если-бы изъ среды городского духовенства были избираемы постоянные проповѣдники, гдѣ это возможно: если въ педагогическомъ дѣлѣ считаютъ не совсѣмъ полезнымъ частую смѣну учителей и отдаютъ предпочтеніе тѣмъ изъ нихъ, которые сидятъ долго на одномъ мѣстѣ, то не менѣе это полезно и въ проповѣдническомъ дѣлѣ: одинъ постоянный проповѣдникъ былъ бы всего желательнѣе; въ городскихъ, а особенно сельскихъ храмахъ большую помощь священникамъ въ дѣлѣ проповѣди могли-бы оказывать лица, получившія полное образованіе въ семинаріяхъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ установился обычай, по которому окончившіе семинарію не могутъ сразу получить мѣсто священника, а должны прослужить отъ 3—5 лѣтъ псаломщикомъ, учителемъ или же діакономъ. Почему въ самомъ дѣлѣ не привлекать всѣхъ такихъ лицъ къ проповѣди въ храмѣ? Не думаемъ, чтобы священникъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ лишеныи возможности часто проповѣдывать въ храмѣ, сталъ бы тормозить это дѣло изъ-за какихъ либо личныхъ соображеній, мелкаго самолюбія.

Вообще же для того, чтобы проповѣдь оказывала надлежащее вліяніе на народъ и на общество, необходимо ее вести *настойчиво*. На западѣ, у инославныхъ христіанъ, проповѣдь—необходимая принадлежность богослуженія: широкимъ развитіемъ проповѣдничества въ значительной степени объясняется и то вліяніе, какимъ пользуется тамъ духовенство, несмотря на самое широкое развитіе въ обществѣ возрѣній, враждебныхъ христіанству. Желательно, чтобы не въ

рѣдкихъ только случаяхъ и торжественныхъ, но при каждой службѣ Божіей оглашались храмы проповѣднымъ словомъ, а это будетъ только тогда, когда пастыри проникнутся сознаниемъ важности этого дѣла и постараются привлечь къ нему лицъ свѣтскихъ, но имѣющихъ право церковнаго учительства.

В. П—въ.

Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго ¹⁾).

Нашъ современный „Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“ сложился, какъ мы знаемъ, на основѣ греческаго чина, издавнаго въ свѣтъ въ первый разъ въ Парижѣ въ 1647 году извѣстнымъ ученымъ монахомъ ордена доминиканцевъ Яковомъ Гоаромъ, который позаимствовалъ его изъ такъ называемаго Алляціевскаго евхологія (Allatiani Euchologium), хранившагося до послѣдняго времени въ Барбериновской библіотекѣ въ Римѣ. Опредѣляя время происхожденія данной рукописи, Яковъ Гоаръ остановилъ свое вниманіе на имѣющейся въ этомъ евхологіи грамотѣ Германа, епископа аматунскаго, жившаго на Кипрѣ въ качествѣ главнаго епископа въ 1260 году, и на буллѣ папы Александра IV на греческомъ языкѣ того же времени (Εὐχολόγιον, Praefac.), поэтому отнесъ время написанія евхологія къ XIII столѣтію. Но въ дѣйствительности настоящая рукопись болѣе поздняго происхожденія и не можетъ быть отнесена по времени своего происхожденія ранѣе какъ *ко второй половинѣ XVI столѣтія*, потому что подъ прощальною молитвою, имѣющеюся въ этомъ евхологіи ²⁾, стоитъ такая дата: „въ *лѣтѣ 7084=1576 индиктіона 4*“. Слѣдовательно, евхологія написанъ позже указаннаго года. Что же касается чиновъ, содержащихся въ этомъ евхологіи, вообще, и чина архіерейской хиротоніи, въ частности, то они по своему происхожденію могутъ быть и древнѣе XVI столѣтія, но выносить ихъ дату въ

¹⁾ См. № 2 за 1903 г.

²⁾ Ркп. Барберинов. библ. № III, 109 (416) стр. 79.

очень глубокую древность тоже нѣтъ никакихъ основаній: въ извѣстныхъ намъ древнѣйшихъ рукописяхъ православнаго Востока этихъ чиновъ мы не встрѣчали. Итакъ, намъ думается, что мы не погрѣшимъ много, если занимающій насъ чинъ хиротоніи въ цѣльномъ своемъ составѣ, какъ онъ изданъ Яковомъ Гоаромъ, отнесемъ по времени происхожденія къ концу XV или къ началу XVI вѣка. Нѣкоторое подтвержденіе этому положенію мы находимъ и въ извѣстныхъ намъ рукописныхъ данныхъ ¹⁾).

Устанавливая эту дату, мы хотимъ сказать, что къ XV или къ началу XVI столѣтія мы относимъ появленіе въ „Чинѣ, бываемомъ на хиротонію епископа“ собственно лишь двухъ символовъ: о свойствахъ тріехъ ипостасей непостижимаго Божества ¹⁾ и о вочеловѣченіи ипостаснаго Сына и Слова Божіа, которые, какъ извѣстно, съ 1856 по 1901 годъ входили въ составъ и нашего „Чина исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“. Во всѣхъ извѣстныхъ намъ древнихъ чинахъ хиротоніи въ епископа такого количества символомъ нѣтъ, и вплоть до времени Симеона Солунскаго хиротонисуемый въ епископа, по греческимъ чинамъ, при исповѣданіи вѣры, ограничивался чтеніемъ одного никео-царьградскаго символа, которымъ, по объясненію этого экзегета, хиротонисуемый въ епископа „свидѣтельствовалъ объ истинѣ того, что будетъ говорить и читать священный символъ вѣры правильно и такъ, какъ онъ составленъ отцами“ ²⁾. Считаая мысль митрополита Филарета о происхожденіи символовъ при архіерейской хиротоніи (§ 23) въ общемъ вѣрною и не противорѣчающею дѣйствительнымъ

¹⁾ Нѣкоторое основаніе относить происхожденіе двухъ послѣднихъ символовъ въ греческомъ чинѣ къ этому времени даетъ намъ „*λιβέλλας τῆς ὁρθῆς τῶν χριστιανῶν πίστεως*“ въ евхологін 1407 года патріаршей Капсской бібліотеки, содержащемъ въ себѣ символъ, по мыслимъ сходный со вторымъ и даже третьемъ символами греческаго чина хиротоніи въ епископа (А. Дмитриевскій. Описан. дитург. рук., т. II, *Εὐχολόγια*, стр. 378).

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 409; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуж., т. II, стр. 256.

историческимъ фактамъ ¹⁾, мы, однако же, не можемъ склониться на его сторону по вопросу о древности нашего нынѣшняго второго символа, который онъ готовъ относить чуть ли не къ четвертому вселенскому собору. Существующее въ греческомъ подлинникѣ ²⁾ „упоминаніе трехъ только еретиковъ Арія, Македонія и Несторія“ ³⁾ не можетъ быть признано характернымъ и имѣющимъ важное хронологическое значеніе, за что краснорѣчиво говоритъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что въ 1901 году, съ разрѣшенія Св. Синода, это „упоминаніе“ изъ символа исключено.

Что же касается нынѣшняго обѣщанія въ томъ же чинѣ о соблюденіи канонѣвъ святыхъ апостолѣвъ и святыхъ отецъ и преданій и установленій церковныхъ, составляющаго третій отвѣтъ со стороны избраннаго въ епископа на вопросъ первенствующаго архіерея, то въ цѣломъ своемъ видѣ и составѣ нынѣшнихъ положеній, какъ это видно изъ исторической судьбы самого чина (§ 23), въ большей части несомнѣнно русскаго происхожденія, но нѣкоторыя изъ этихъ положеній и самыя принципиальныя основанія для дополненія ихъ по обстоятельствамъ времени и мѣста можно находить и въ древнихъ греческихъ чинахъ ⁴⁾ и даже у Симеона Солунскаго. Хиротонисуемый въ епископа, по словамъ этого экзегета, читаетъ и „прочее изъ исповѣданія православныхъ отцевъ, также и то,

¹⁾ Въ чинѣ епископской хиротоніи южно-русскаго происхожденія 1650 г. мы имѣемъ готовые образцы исповѣданія вѣры, и ихъ здѣсь нѣсколько. Кромѣ никео-царьградскаго символа, мы находимъ въ этомъ чинѣ символъ пространнѣйшій о св. Троицѣ и о единой койждо во святѣй Троицѣ ипостаси, о св. соборнѣй церкви, о воскресеніи мертвыхъ и о ветхомъ и новомъ Заветѣ (Рки. библ. Кіево-Соф. собора, № 77, л. 54—56). Нерѣдко въ эти исповѣданія включались и статьи, вызываемыя потребностями мѣста и времени (Описан. рки. М. Синод. библ., отд. II, ч. III, стр. 768).

²⁾ Арх. Савва. Собран. мѣн. и отзывѣвъ м. Филарета, т. дополн., стр. 436.

³⁾ Εὐχολόγ., Goar. pag. 249; Εὐχολόγ., edit. Venet., 1767, σελ. 141.

⁴⁾ А. Дмитріевскій. Описан. литург. рки., т. II, Εὐχολόγια, стр. 378, 621—623; Conf. I. Haberti. Ἀρχιερατικόν, pag. 495—496.

что онъ не посредствомъ какой либо купли достигъ епископства и что будетъ управлять паствою чисто и безукоризненно. Наконецъ, произноситъ и собственную подпись, которою запечатлѣваетъ и исповѣдуетъ вышесказанное, свидѣтельствуя, что онъ и паствѣ своей будетъ проповѣдывать тоже православное ученіе, которое исповѣдалъ, и сохранить оное до конца“¹⁾.

Въ нашемъ нынѣшнемъ третьемъ отвѣтѣ избранный въ епископа обѣщается соблюдать правила св. апостоловъ, седми вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ, святыхъ отецъ, преданія церковныя, святые уставы и чины католическія восточныя православныя Церкви, хранить твердо миръ церковный и чистоту вѣры православной католической, повиноваться Св. Правительствующему всероссійскому Синоду, имѣть во всемъ согласіе и духовную любовь съ прочими епископами, управлять паствою „въ страхѣ Божіи и боголюбимымъ правомъ“, усердно учить ее и охранять со всякимъ усердіемъ отъ ересей; торжественно исповѣдуетъ, что возведенъ онъ въ епископа „не злата и сребра обѣщаніемъ и даяніемъ“, но „туне“ избраніемъ Св. Синода и соизволеніемъ Государя Императора; даетъ обѣщаніе ничего не дѣлать вопреки божественнымъ и священнымъ правиламъ, хотя бы его нудили къ тому сильныя лица и множество народа, и даже грозили ему смертію, виѣ своей епархіи безъ воли мѣстнаго епископа не священнодѣйствовать и въ свою епархію не принимать клириковъ иной епархіи безъ отпускныхъ грамматъ, посѣщать свою епархію, наблюдать въ ней состояніе вѣры и нравственности и уничтожать словомъ наученія расколы, суевѣрія, ереси и обычаи, противныя христіанскому благочестію и благонравію, кротко вразумлять противниковъ Церкви православной и быть вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ подданнымъ своего Государя и Его законнаго Наслѣдника. Въ свидѣтели своего

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 409; Писан. отецъ и учит. и., относящ. къ истолков. прав. богослуж., т. II, стр. 256.

обѣщанія новоизбранный призываетъ Сердцевѣдца Бога, Спасителя Иисуса Христа, Котораго желаетъ имѣть и Помощникомъ себѣ въ истинномъ и усердномъ правленіи на епископіи¹⁾.

Троекратное приведеніе новоизбраннаго въ епископа протодіакономъ и архимандритомъ или протоіереемъ съ чтеніемъ формулы: „Приводится боголюбезнѣйшій, избранный и утвержденный“ и чтеніе трехъ или двухъ символовъ вѣры и обѣщаній соблюдать каноны, предація и установленія церковныя, съ постепеннымъ передвиженіемъ новоизбраннаго отъ хвоста орла до главы его, явилось въ нашемъ чинѣ только съ 1725 года. Внесены эти выразительные обряды въ чинъ съ тою цѣлью, чтобы показать, что въ дѣлѣ избранія на столь великое служеніе достойныхъ лицъ Церковь проявляетъ осторожность и осмотрительность, памятуя, завѣтъ апостола: „*Руки скоро не возлагай ни на кожде*“ (1 Тимое. V, 22). По апостолу Павлу, только „*державшійся вѣрнаго словесе по ученію*“, „*силенъ будетъ и утѣшати въ здравьмъ ученіи и противящыяся обличити*“ (Тит. 1, 9). Свое несомнѣнное и полное убѣжденіе въ православіи и другихъ необходимыхъ для епископскаго достоинства качествахъ Церковь наглядно выражаетъ передъ народомъ возведеніемъ новоизбраннаго на главу орла, „означающаго чистоту, православіе и высоту богословія“.

Двѣ заключительныя формулы послѣ символовъ, произносимыя первенствующимъ архіереемъ съ крестообразнымъ

¹⁾ Есть данныя, краснорѣчиво говоряція за то, что постоянное памятованіе содержащагося въ „Чинѣ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“ вмѣнялось у насъ въ обязанность каждому епископу. Въ бібліотекѣ кievскаго Златоверхо-Михайловскаго монастыря имѣется подъ № 221/71 этотъ „чинъ“, нѣкогда принадлежавшій извѣстному ученому епископу Иринею Фальковскому (см. у Г. Булашева. Преосв. Ириней Фальковскій, епископъ чигиринскій. Кіевъ, 1883 г., стр. 272). Въ концѣ „чина“ (изд. 1796 г.), на пришитыхъ къ нему чистыхъ листахъ, названный епископъ собственноручно отмѣчалъ: „Чтенія сего чина присяги архіерейскія съ указаніемъ какого числа и мѣсяца оно происходило“. Прочтенъ этотъ чинъ 814 разъ и въ послѣдній разъ 29 апрѣля 1823 года, т. е. въ день кончины святителя предъ самою смертію.

благословеніемъ избраннаго въ епископа: „Благодать Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа и Святаго Духа да будетъ съ тобою, просвѣщающая, укрѣпляющая и вразумляющая ты вся дни жизни твоея“ явились въ нашемъ чинѣ въ 1725 году подѣ вліяніемъ греческаго чина. Въ этихъ формулахъ высказывается обычная благожелательность со стороны первенствующаго архіерея избранному въ епископа, свидѣтельствующая объ ихъ полномъ единеніи въ духѣ мира и любви, необходимомъ для успѣшнаго служенія въ Церкви Христовой. Что же касается послѣдней формулы послѣ общаній: „Благодать Святаго Духа *чрезъ мою мѣрность* производитъ ты боголюбезнѣйшаго архимандрита или іеромонаха. имярекъ, избраннаго епископа богоспасаемаго града, имярекъ“, то эта формула существуетъ въ данномъ мѣстѣ и во всѣхъ древнихъ чинахъ епископской хиротоніи церковей греческой ¹⁾ и русской ²⁾. Этой заключительной формулѣ въ данномъ чинѣ даетъ объясненіе блаженный Симеонъ Солунскій. „Архіепископъ, вставъ на возвышеніи и простерши руку сверху и запечатлѣвая его, — пишетъ онъ, — говоритъ: „Благодать Всесвятаго Духа *чрезъ нашу мѣрность* проручествуетъ тебя во епископа или митрополита такого то и проч., и въ концѣ творить крестъ въ знаменіе того, что не онъ самъ, но чрезъ него рукополагаетъ Христосъ“ ³⁾. При этомъ избранный въ епископа, вручивъ исповѣданіе вѣры съ своею подписью первенствующему архіерею, трижды кланяется собору епископъ и цѣлуетъ руку cadaго изъ нихъ, принимая благословеніе, по объясненію Симеона Солунскаго, „въ знакъ покорности и принятія благодати Христовой во смиреніи“ ⁴⁾.

Въ послѣдней формулѣ обращаютъ на себя вниманіе слова: „*чрезъ мою мѣрность* (*διὰ τῆς ἐμῆς μετριότητος* про-

¹⁾ А. Дмитріевскій. Описан. литург. рки., т. II, Εὐχολόγια, стр. 623

²⁾ Русск. истор. библ., т. VI, ст. 455.

³⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 409; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуж., т. II, стр. 257.

⁴⁾ Ibid., col. 409; тамъ же, стр. 257.

ἑαλλετα) *производитъ тя*“. Такой способъ выраженія въ этой формулѣ, почти не употребителенъ въ чинахъ православной Церкви¹⁾, въ которыхъ главный глаголь формулъ выражается обыкновенно въ третьемъ лицѣ, напримѣръ, причащается, крещается, воцерковляется, постригается, облачается, обручается, вѣнчается рабъ Божій и т. д. Въ чинахъ производства клириковъ въ чтеца, пѣвца, свѣщеносца, архидіакона и протопресвитера употребляется безличная форма выраженія: „Благословенъ Господь: се бысть рабъ Божій (имярекъ) чтець или архидіаконъ или протопресвитерь святѣйшія Церкви“ и т. д. При производствѣ въ архимандрита и игумена, епископъ произноситъ формулу точно такую же, какая стоитъ и въ „Чинѣ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“, но о себѣ выражается въ принятой издавна формѣ множественнаго числа: „Благодать всесвятаго Духа, *чрезъ нашу мѣрность* (διὰ τῆς ἡμῶν μετρίότητος) производитъ тя игумена или архимандрита или игумену“. Въ такомъ видѣ предлагается первенствующимъ архіереемъ и первый вопросъ къ избранному въ епископа: „Чесо ради пришелъ еси и *отъ нашея мѣрности* чесого просиши?“, хотя въ этомъ послѣднемъ случаѣ въ нашемъ вопрошаніи и нѣтъ соответствія греческому оригиналу, въ которомъ этотъ вопросъ читается такъ: „Τί προσῆλθες εὔθ' αὐθε, παρ' ἡμῶν αἰτῶν;“ выражая ту полную естественную въ данномъ случаѣ мысль, что вопросъ этотъ первенствующій архіерей предлагаетъ не отъ себя лично— „*отъ нашея мѣрности*“, какъ читается въ нашемъ чинѣ, а отъ всѣхъ наличныхъ епископовъ, участниковъ въ совершеніи данной хиротоніи, отъ цѣлаго собора епископовъ (παρ'

¹⁾ Личная форма выраженія (отъ перваго лица) встрѣчается въ формулахъ нашихъ чиновъ всего одинъ разъ, а именно въ разрѣшительной формулѣ чина покаянія: „И азъ, недостойный іерей, властію Его мнѣ данною *прошаю и разрѣшаю* отъ всѣхъ грѣховъ твоихъ“, но и здѣсь, эти слова стоятъ послѣ такихъ выраженій: „Господь и Богъ нашъ Иисусъ Христосъ благодатію и щедротами своего человеколюбія, да проститъ ти, чадо, имярекъ, вся согрѣшенія твоя“ (Треби. М. 1886 г., стр. 38—39).

ἡμῶν αἰτῶν),—какъ говорится правильно въ греческомъ чинѣ. Отвѣтъ нашего чина: „Хиротонію архіерейскія благодати, *преосвященнѣйшіе*“ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ правильности такого пониманія, хотя прибавка: „преосвященнѣйшіе“, не оправдываемая греческимъ оригиналомъ и совершенно излишняя тамъ, въ виду указанной формы вопрошанія отъ лица собора епископовъ, въ нашемъ чинѣ является неожиданностію, такъ какъ вопросъ идетъ лишь отъ лица первенствующаго архіерея—,отъ нашея мѣрности“. Понятны далѣе выраженія греческаго чина: „Яви *намъ* (ἡμῶν) и еще пространнѣе“ въ другихъ вопросахъ къ новоизбранному, идущія опять отъ лица собора епископовъ, а не отъ лица первенствующаго архіерея.

Причина появленія въ нашемъ чинѣ указаннаго необычнаго и даже неожиданнаго выраженія въ „Чинѣ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“—,черезъ мою мѣрность“ заключается въ рабскомъ копированіи, въ данномъ случаѣ, греческаго подлинника архимандритомъ Гавріиломъ Бужинскимъ въ 1725 году. Въ „Чинѣ, бываемомъ на хиротонію епископа въ болѣе подробномъ изложеніи бываемаго“, какъ мы уже говорили выше (§ 23), каждый изъ епископовъ, участниковъ въ совершеніи хиротоніи, предлагаетъ избранному въ епископа одинъ изъ трехъ существующихъ въ чинѣ вопросовъ, и также каждый изъ нихъ произноситъ, по прочтеніи избраннымъ въ епископа символа, заключительную благожелательную формулу *отъ своего лица*. На долю *третьяго* епископа, слѣдовательно, достается тамъ и третья заключительная формула, которую онъ и произноситъ отъ своего лица въ такихъ выраженіяхъ: „Благодать Святаго Духа черезъ *мою мѣрность* (διὰ τῆς ἐμῆς μετρίότητος) производитъ тя“ и т. д. Архимандритъ Гавріиль, не принявшій въ нашъ чинъ греческую практику—раздѣлять вопросы между первыми тремя епископами, участвующими въ хиротоніи, и отнесшій это къ обязанности первенствующаго архіерея, какъ представителя собора епископовъ, естественно долженъ былъ и занимающую насъ формулу или, точнѣе, вы-

раженіе ея личное передѣлать въ безличное или во множественное число—*чрезъ нашу мѣрность или чрезъ наше смиреніе*. Такъ поступилъ въ началѣ XVIII столѣтія нисскій митрополитъ Митрофанъ, переработавшій чинъ XV—XVI вѣка, взятый изъ евхологія Льва Аляція, и составившій для православнаго Востока новый „Чинъ, бываемый на хиротонію епископа, въ изложеніи *преосвященнѣйшаго митрополита нискаго господина Митрофана*“. Въ этомъ чинѣ, практикуемомъ и до настоящаго времени на всемъ православномъ Востокѣ, уничтожены всѣ вопросы. Символы читаются непосредственно одинъ за другимъ, послѣ возглашенія діакона: „Вонмемъ“. Всѣ посредствующія благожелательныя формулы также не существуютъ, а оставлена лишь одна послѣдняя, произносимая первенствующимъ архіереемъ въ такомъ видѣ: „Благодать Святаго и животворящаго Духа чрезъ *наше смиреніе* (διὰ τῆς ἡμῶν ταπεινότητος) проручествуетъ ты въ митрополита святѣйшей митрополіи, имирекъ“¹⁾.

Произнесеніемъ въ концѣ многолѣтія царствующему дому, Св. Синоду и новоизбранному въ епископа, согласно съ обычаемъ практики древне-греческой церкви²⁾, „Чинъ исповѣданія и обѣщанія архіерейскаго“ оканчивается. „Величаются и цари благочестивые, по объясненію Симеона Солунскаго, но не невѣрные и не инославные и говорится имъ: „Многая лѣта“ для всегдашняго ихъ пребыванія, такъ какъ и царствію Христову не будетъ конца. Въѣстѣ съ царскою властію величается и *архіерейство*, потому что и архіерейство подчинило царство Христу, и имъ держится царство христіанское, и Христово архіерейство вѣчно“³⁾. Тѣмъ же многолѣтствованіемъ выражается и радость Церкви по поводу приобрѣтенія новаго дѣятеля на нивѣ Христовой, съ чѣмъ, по выраженію нашего чина до 1856 года, „архіереи поздравляютъ Его Им-

¹⁾ Εὐχολόγιον, 1767 ἐτ. σελ. 144.

²⁾ А. Дмитріевскій. Описан. литург. рукоп., хранящ. въ библ. на прав. Востокѣ, т. II Εὐχολόγια, стр. 695.

³⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 448; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуж., т. II, стр. 292—293.

ператорское Величество“¹⁾, какъ защитника и покровителя Церкви. Глубокимъ поклономъ Государю, если онъ въ храмѣ, епископамъ, всему освященному собору и народу, избранный въ епископа выражаетъ благодарность за великую честь избранія на столь высокій постъ въ церковной іерархіи.

Избранный въ епископа удаляется затѣмъ въ алтарь и стоитъ тамъ на орлецѣ до малаго выхода, не принимая никакого участія въ совершеніи литургіи. „При входѣ, пишетъ Симеонъ Солунскій, онъ не выходитъ, какъ приготовляющійся вступить въ многочестный бракъ, а вводится особо съ почестями, чтò и составляетъ входъ его. Онъ выводится изъ діакона и съ предшествующими ему діаконами и придерживающими его двумя пресвитерами чрезъ правую часть храма и солею, доходитъ до алтаря, и здѣсь совершается таинство брака... Рукоположеніе совершается послѣ перваго входа, потому что такъ происходило и вначалѣ: ибо, когда Владыка воплотился и пострадалъ за насъ, воскресъ и вознесся на небеса,—что все и означается первымъ входомъ,—послѣ того и сошелъ Духъ Святой, который рукоположилъ преемниковъ Спасителя и явилъ ихъ сопрестольными Ему. Потому и теперь, когда архіерей вмѣстѣ съ прочими войдетъ во святилище, какъ на небеса, и прежде, нежели они войдутъ на сопрестоліе, какъ на пренебесный престоль,—рукополагаемый приводится и посвящается, и, такимъ образомъ, содѣлывается сопрестольнымъ съ ними. Совершается рукоположеніе сіе послѣ трисвятой пѣсни, пѣсни ангельской, согласнаго пѣнія горнихъ и дольнихъ, и по совершеніи печати трикиріемъ, при подножій священнаго престола, а не на сопрестоліи, потому что Богъ нисходитъ къ намъ, желая освятить и возвысить насъ“²⁾.

„Рукополагаемый приводится пресвитерами³⁾, по объясненію тогоже экзегета, ибо онъ хотя и содѣлался совершен-

¹⁾ Чинъ избранія и рукополож. архіерейск. М. 1816 г, л. 27.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 411; Писан. отц. и учит. д., относщ. къ истолков. прав. богосл., т. II, стр. 259—260.

³⁾ По нашему чину, приведеніе хиротонисуемаго въ епископа въ алтарь пресвитерами, а къ подножію престола старѣйшими епископами

нымъ женихомъ епископства и получилъ печать залоговъ и цѣлованіе, но еще не содѣлался обручникомъ его, не получилъ чести дщери царевою, которой содѣлался женихомъ, какъ еще не сочетавшійся съ нею и не содѣлавшійся мужемъ ея, не получившій ея себѣ и не содѣлавшійся единымъ съ нею духомъ... Доводится онъ до святыхъ вратъ пресвитерами, а внутрь алтаря принимается вмѣстѣ двумя первыми епископами, какъ свидѣтелями сего дѣла, и такъ какъ онъ вступаетъ въ ихъ чинъ⁴ 1).

(Продолженіе будетъ).

Проф. А. Дмитріевскій.

совершается въ безмолвіи, безъ всякихъ возглашеній со стороны приводящихъ. Не говорится въ чинѣ и о троекратномъ хожденіи кругомъ престола съ пѣніемъ тронарей: „Святій мученицы“ и др. Но въ древне-греческихъ чинахъ епископской хиротоніи (А. Дмитріевскій. Описан. литург. ркп. т. II *Εὐχολόγια*, стр. 624, 695) и въ современномъ намъ греческомъ чинѣ митрополита нисскаго Митрофана (*Εὐχολόγ.*, edit. Venet. 1767, σελ. 144—145) имѣются тѣже возглашенія, такоеже обведепіе трижды кругомъ престола съ пѣніемъ обычныхъ тронарей, какъ и въ чинахъ хиротоній во діакона и пресвитера. Впрочемъ, пишетъ Симеонъ Солунскій, пѣсь: „Слава Тебѣ, Христе Боже“ въ Константинополѣ при руколоженіяхъ *вовсе не поется*, и въ церкви ессалоникійской она поется послѣ двукратнаго возглашенія: „Святій мученицы“, что и необходимо, ибо тамъ только мученики призываются къ ликованію, а здѣсь прославляется самъ Спаситель, единое изъ лицъ Троицы воплотившееся, и самая Троица единосущная“ (Mign. Patrol. Cours. complet., t. 155, col. 413; Писан. отц. и учит. церкви, относ. къ истоков. прав. богослуж., т. II, стр. 261—262). Въ древне-русскихъ московскихъ чинахъ (Русск. истор. библ., т. VI, ст. 457), исключая, впрочемъ, чинъ возведенія въ патріарха (А. Дмитріевскій. Богослуженіе въ русской церкви въ XVI в., ч. I, стр. 379—380) также ничего не говорится ни о возглашеніяхъ, при приведеніи въ алтарь, ни о хожденіи хиротонисуемаго кругомъ престола, ни о пѣніи при этомъ обычныхъ тронарей, но въ южно-русскомъ чинѣ хиротоніи въ епископа, хотя о возглашеніяхъ: „Повели“, „Повелите“ и „Повели, преосвященнѣйшій владыко“ не упоминается, но тронари: „Святій мученицы“ и др. и обхожденіе кругомъ престола указаны (Ркп. библ. Кіево-соф. собора, № 77, л. 60 об.).

4) Mign. Patrol. Cours. complet., t. 155, col. 413; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истоков. прав. богосл., т. II, стр. 260—261.

ЗАМѢТКА.

При архіерейскомъ священнослуженіи всегда можно замѣтить челоуѣка, который кладетъ подъ ноги архіерею въ извѣстное время небольшой круглой коврикъ съ изображеніемъ парящаго надъ городомъ орла. Этотъ коврикъ иначе называется „орлець“. Смыслъ этого орлеца таковъ: орель означаетъ самого архіерея, который, постоянно заботясь о своей паствѣ, подобно дальнзоркому орлу, долженъ стремиться къ небу и видѣть нужды пасомыхъ. Выясняя происхожденіе этихъ орлецовъ, профес. Голубцовъ обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что средины мозаичныхъ половъ въ византійскихъ и югославянскихъ храмахъ были отличаемы особыми рисунками (кругъ или овалъ), несходными съ другими сосѣдними рисунками. Эти рисунки или омфаліи въ XVI и XVII вв. извѣстны были подъ именемъ „мѣры среди церкви“. На эти омфаліи среди церкви становились священнослужители для начала службы, ставились свѣтильники. На омфаліяхъ діаконь проносилъ ектеиіи, происходило благословеніе хлѣбовъ, омовеніе и проч. Рисунокъ на омфаліяхъ изображалъ орла. Этотъ высѣченный или мозаичный орель соотвѣтствовалъ нашему теперешнему орлецу. Но если на Востокъ и въ славянскихъ земляхъ орлецы не употреблялись и іерархи становились на омфаліи съ высѣченными или мозаичными орлами, то у насъ въ XVI и XVII вв., наоборотъ, іерархи становились на орлы, клавшіеся на „мѣру“. Профессоръ А. П. Голубцовъ желалъ бы, чтобы орлецы при архіерейскомъ служеніи были замѣнены омфаліями. Такая замѣна избавила бы отъ суеты при положеніи орлецовъ подъ ноги архіерея. Молящіеся же становиться на омфаліи не будутъ, какъ не становятся они теперь на помость, на которомъ возсѣдаетъ архіерей. (Вѣра и Церковь 1902 г. 10 кн. стр. 745—6).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 14 января 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіц, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 4.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, января 26-го.

Содержаніе: Каноническое ученіе Православной Церкви о правѣ совер-
шенія исповѣди.—Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго
(продолженіе).—Разсказъ въ трехъ писмахъ.—Объявленіе.

Каноническое ученіе Православной Церкви о пра- вѣ совершенія исповѣди.

Необходимою составною частью таинства покаянія, въ которомъ силою Духа Святаго даруется христіанину разрѣшеніе отъ всѣхъ грѣховъ, содѣянныхъ имъ послѣ крещенія, по ученію Православной Церкви, является исповѣдь, т. е., устное, по возможности подробное, исповѣданіе всѣхъ грѣховъ порознь и разрѣшеніе или запрещеніе ихъ священникомъ. Такъ какъ всѣ христіане, по слабости своей человѣческой природы могутъ согрѣшати—и согрѣшаютъ—послѣ крещенія, то и исповѣдь, имѣющая своей цѣлью заглаженіе грѣховъ, совершенныхъ послѣ крещенія, необходима для всякаго христіанина. Необходимость исповѣди у насъ узаконяется не только цер-
ковнымъ ¹⁾, но даже и гражданскимъ ²⁾ правительствомъ.

¹⁾ Уст. Дух. Консист. 15; Ук. Св. Синода 1801 г. 26 января.

²⁾ Сводъ зак. т. XIV, Уст. пред. и пресѣч. преступл., ст. 23—25.

Но необходимая для всякаго христіанина исповѣдь только тогда становится таинствомъ, подающимъ дѣйствительное прощеніе исповѣданныхъ грѣховъ, когда совершается предъ извѣстными лицами, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и сопровождается извѣстнымъ душевнымъ состояніемъ со стороны исповѣдующагося,—иначе говоря, только тогда, когда соблюдены извѣстныя условія, нарушеніе которыхъ дѣлаетъ исповѣдь незаконной и недѣйствительной. Условія эти предлагаетъ намъ Церковь въ своихъ правилахъ и постановленіяхъ по вопросу объ исповѣди, и въ церковномъ законодательствѣ мы находимъ полное и подробное изложеніе всего, что требуется какъ отъ совершителя, такъ и отъ пріемлющаго исповѣдь для того, чтобы она принесла дѣйствительное прощеніе грѣховъ. Укажемъ здѣсь, кто, именно, по каноническому ученію Церкви, имѣетъ право совершать исповѣдь, и какія требованія предъявляетъ она (Церковь) къ законнымъ совершителямъ этого таинства.

Хотя Православная Церковь состоитъ и изъ нѣсколькихъ автокефальныхъ церквей (Греческая, Русская, Черногорская, Сербская, Болгарская, Румынская и др.), имѣющихъ свои мѣстныя особенности въ церковномъ управленіи и благочиніи, тѣмъ не менѣе, рѣшая вопросъ о правѣ совершенія исповѣди по каноническому ученію Православной Церкви, можно ограничиться разсмотрѣніемъ дѣйствующихъ каноническихъ постановленій только Русской Церкви. Подобное ограниченіе находитъ свое оправданіе въ томъ, что всѣ православныя автокефальныя церкви характеризуются именно своею вѣрностью древне-вселенскому православію, и поскольку онѣ вѣрны ему, постольку и сходны между собою въ своемъ догматическомъ ученіи и каноническихъ постановленіяхъ. Что же касается разностей, замѣчаемыхъ въ различныхъ частяхъ ихъ богослужбной практики, то онѣ, во-первыхъ, не особенно важны, во 2-ыхъ, находятъ себѣ достаточное основаніе въ мѣстныхъ и историческихъ условіяхъ этихъ странъ и, главное, имѣютъ характеръ скорѣе дисциплинарныхъ, чѣмъ каноническихъ по-

становленій. А потому, и каноническое ученіе Русской Церкви вообще и въ частности по вопросу о правѣ совершенія исповѣди, какъ Церкви, издавна и по всеобщему признанію отличавшейся и отличающейся отъ другихъ автокефальныхъ церквей своею вѣрностью древнему православію, можно считать за каноническое ученіе *всей* Православной Церкви.

Общее каноническое постановленіе всей Православной Церкви о правѣ совершенія исповѣди сводится къ тому, что право это принадлежитъ только іерархическимъ лицамъ—епископамъ и пресвитерамъ. Право это, имѣя свое основаніе въ словахъ Господа, сказанныхъ апостоламъ: *елика аще свяжете на земли, будутъ связана на небеси: и елика аще разрешите на земли, будутъ разрешена на небесахъ* (Матѳ. 18, 17; Іоанн. 20, 21—23), было санкціонировано каноническимъ сознаниемъ древней Церкви, гдѣ съ особенной ясностью и настойчивостью проводилась мысль, что совершеніе исповѣди есть исключительное право и долгъ епископовъ и пресвитеровъ¹⁾. Подтвержденіе этой мысли мы находимъ у Іоанна Златоуста,²⁾ Нила Черногорца, Анастасія Синаита, которые всѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что „исповѣдь, совершаемая въ формѣ церковнаго акта, какъ благодатное средство, заглаждающее грѣхи, примиряющее съ Богомъ, совершается необходимо при участіи іерархическихъ лицъ,—именно, епископа или пресвитера“³⁾. Въ силу этого, и теперь въ Православной Церкви не только каждый епископъ, но и каждый пресвитеръ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и духовный отецъ христіанъ, имѣющій право принимать исповѣдь и разрешать кающихся. Обычная практика сдѣлала, пожалуй, совершеніе исповѣди теперь почти исключительно правомъ и долгомъ приходскихъ священниковъ, епископы же оставили за собой только право руководства, особенно при рѣшеніи трудныхъ вопросовъ совѣсти.

¹⁾ Карѳ. соб. пр. 6, 7 и 52 и 52 апост. пр.

²⁾ О свящ., кн. III, 38—41.

³⁾ Правосл. Обзор., 1885 г., т. I, стр. 265.

Требуя отъ совершителя исповѣди непременно іерейскаго сана, Православная Церковь тѣмъ самымъ отрицаетъ право исповѣди, какъ сакраментальнаго акта, у мірянъ, не имѣющихъ благодати священства. По каноническимъ постановленіямъ Православной Церкви, никто изъ непринявшихъ сана іерейскаго не имѣетъ права совершать исповѣдь, потому что „разрѣшители кающагося никтоже можетъ, точію православный священникъ, понеже кромѣ Церкви нѣсть спасенія и разрѣшенія“ ¹⁾.

Въ Греческой Церкви и право всѣхъ пресвитеровъ совершать исповѣдь ограничено особыми постановленіями, вслѣдствіе которыхъ право это принадлежитъ тамъ не всѣмъ священникамъ, а лишь нѣкоторымъ, получившимъ отъ епископа особую грамоту. Происхожденіе этого обычая Греческой Церкви заслуженный проф. Е. Е. Голубинскій объясняетъ тѣмъ, что „не всякій-де священникъ, по понятію грековъ, можетъ быть искуснымъ врачомъ, почему и понадобилось передать власть духовничества только признаннымъ способными. Съ теченіемъ времени такихъ способныхъ стали находить лишь среди монаховъ, и право совершенія исповѣди сдѣлалось исключительно привилегіею послѣднихъ съ совершеннымъ устраненіемъ бѣлаго духовенства“ ²⁾. Для удобства совершенія этими избранными духовниками исповѣди, всѣ приходы каждой епархіи были раздѣлены на большіе и меньшіе округа, въ каждый округъ былъ назначаемъ отдѣльный іеромонахъ ³⁾, который постоянно жилъ при одной изъ церквей округа; въ постъ или, вообще, во время, назначенное для исповѣди, этотъ духовникъ объѣзжалъ всѣ селенія своего округа и принималъ желающихъ на исповѣдь ⁴⁾.

¹⁾ Катихизисъ малый, л. 8, въ статьѣ о тайнѣ пятой.

²⁾ Исторія Русской Церкви, т. I, стр. 380.

³⁾ У проф. Павлова, въ его „Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ“, стр. 86. сказано, что въ духовники „обычно“ избираются іеромонахи; слѣдовательно, допускается возможность быть духовникомъ и не іеромонаху.

⁴⁾ Е. Е. Голубинскій. Исторія Русск. Церкви, т. I, 382.

По свидѣтельству современниковъ—очевидцевъ, теперешняя практика Греческой церкви на ряду со спеціальными духовниками допускаетъ совершеніе исповѣди и обыкновеннымъ приходскимъ священникамъ, но послѣдніе непременно должны имѣть особую, отличную отъ ставленной, грамоту отъ епископа.

Подобно Греческой, и въ нашей Русской Церкви въ древнее время духовниками были не всѣ священники, а только особо выбранные изъ нихъ ¹⁾. Въ настоящее же время для права совершенія исповѣди вовсе не требуется особаго избранія, за исключеніемъ монастырей и духовниковъ для лицъ іерархическихъ. Право это дается у насъ теперь всякому священнику, вмѣстѣ съ рукоположеніемъ его въ санъ.

Римско-Католическая церковь существенно расходится въ данномъ пунктѣ съ Православной. По ученію католиковъ, исповѣдь—не врачеваніе болѣзней душевныхъ, а судебный актъ, въ которомъ кающійся выслушиваетъ правильный приговоръ надъ своимъ поведеніемъ. „Если кто скажетъ, что сакраментальное разрѣшеніе не есть судебный актъ, но только служеніе возвѣщенія и объявленія..., анаѰема да будетъ“ ²⁾, опредѣляетъ Тридентскій соборъ. Духовникъ у католиковъ является, такимъ образомъ, не врачомъ и пастыремъ, принимающимъ дѣятельное участіе въ исправленіи кающагося, а судьей, произносящимъ приговоръ надъ поступками христіанъ и только по должному удовлетвореніи правосудія снимающимъ съ подсудимаго отвѣтственность за эти поступки. Выходя изъ такого ученія объ исповѣди, Римско-Католическая церковь даетъ право совершенія ея не всѣмъ іерархическимъ лицамъ. Въ таинствѣ священства чрезъ святительское рукоположеніе сообщается, по ученію католиковъ, только лишь способность, скорѣе даже—возможность, совершенія исповѣди и всѣхъ вообще таинствъ, но не право совершать ихъ. Для того, чтобы

¹⁾ Тамъ же, стр. 379.

²⁾ Concil. Trident. Secc. XIV, canon. IX.

имѣть право проявить эту способность на дѣлѣ, необходимо посвященному получить еще и правительственную, судебную власть, которая дается независимо отъ хиротоніи и называется *юрисдикціей*. Только тогда пресвитеры и даже епископы имѣютъ право совершать исповѣдь, когда обладаютъ данной имъ свыше *исповѣдной юрисдикціей*, которая иногда дается подъ условіями и всегда имѣетъ опредѣленный кругъ дѣятельности, внѣ предѣловъ котораго теряетъ свою силу и значеніе. Кромѣ юрисдикціи каноническое ученіе католиковъ требуетъ отъ духовника еще и такъ называемой *анпробаціи*—признація за нимъ способности совершать исповѣдь. Анпробація дается епископомъ и такъ-же, какъ и юрисдикція, внѣ извѣстныхъ предѣловъ теряетъ свою силу и значеніе.

Въ Православной Русской Церкви право совершенія исповѣди тоже имѣетъ свои ограниченія, если только можно назвать такъ тѣ правила и постановленія, съ которыми долженъ собразоваться православный духовникъ при примѣненіи своего права на практикѣ. Но ограниченія эти имѣютъ своей цѣлью только урегулированіе дѣла исповѣди и огражденіе его отъ произвола и возможныхъ злоупотребленій, а не отрицаніе у лицъ іерархическихъ права совершать исповѣдь, какъ мы видимъ это въ церкви Римско-Католической.

Прежде всего, у насъ въ Православной Церкви требуется отъ духовника, чтобы онъ не находился подъ запрещеніемъ священнослуженія. Исповѣдь, совершенная священникомъ, находящимся подъ запрещеніемъ, не дѣйствительна, и дерзнувшій совершить еѣ „казнь приметъ, яко преступникъ божественныхъ правилъ, ибо не точію себе погуби, но и елицы у него исповѣдашася, неисповѣдани суть“¹⁾. Кромѣ этого, отъ духовника, по правиламъ Православной Церкви, требуется, чтобы онъ не былъ въ грѣхѣ тяжкомъ, не очищенномъ покаяніемъ²⁾, и чтобы онъ былъ православнымъ, а не еретикомъ

¹⁾ Требникъ. Предисловіе. Сказаніе о еже како подобаетъ быти духовнику; Ап. пр. 39; Карѣ. соб. пр. 6, 7, 43.

²⁾ Книга о должностяхъ пресвит. прих., §§ 76, 77.

или отступникомъ, „послику еретики и отступники не имѣютъ силы разрѣшать грѣхи“ ¹⁾. Всѣ же прочіе священники, не находящіеся подъ запрещеніемъ, въ смертномъ грѣхѣ или отступничествѣ, имѣютъ право совершать исповѣдь, но опять таки подъ извѣстными условіями. Уставомъ Духовныхъ Консисторій у насъ требуется, чтобы „всѣ требы у прихожанъ исполнялись приходскими ихъ священниками и причетниками“ ²⁾. Это постановленіе, запрещаая въ предѣлахъ извѣстнаго прихода всякую пастырскую дѣятельность иноприходнаго священника, тѣмъ самымъ запрещаетъ и совершеніе исповѣди въ чужомъ приходѣ. Слѣдовательно, право совершенія исповѣди священникомъ ограничено, прежде всего, мѣстомъ: право священника простирается только на его приходъ. Это ограниченіе нужно понимать не въ томъ только смыслѣ, что священникамъ запрещается ѣздить въ чужой приходъ для совершенія тамъ исповѣди, но и въ томъ еще, что каждый приходскій священникъ не имѣетъ права совершать исповѣдь и въ предѣлахъ своего прихода надъ членами другихъ, не принадлежащихъ ему, приходоѡ. Правда, правило это не особенно строго соблюдается. Исключеніе изъ него дѣлается, прежде всего, для больныхъ и умирающихъ ³⁾; затѣмъ—для отлучающихся изъ своего прихода на годъ и болѣе. Такихъ кающихся могутъ принимать на исповѣдь и чужеприходные священники, но они должны при этомъ выдавать имъ свидѣтельства о бытіи у исповѣди, которыя тѣ и предъявляютъ при возвращеніи своему приходскому священнику ⁴⁾. Бываютъ и другіе случаи, когда священникъ можетъ принимать исповѣдь чужеприходныхъ; но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ требуются уважительныя причины отъ кающагося, а со стороны духовника—особая осмо-

¹⁾ Правосл. исповѣд., ч. I, отвѣтъ на вопросъ 113.

²⁾ Уст. Дух. Консист., ст. 97.

³⁾ Кв. о должн. пресв. приход., § 110; Уст. Дух. Консист., ст. 103.

⁴⁾ Ук. Св. Син. 1722 г. іюля 16 дня № 4052; Ук. Св. Син. 1737 г. февр. 4-го.

трительность ¹⁾). Безъ уважительныхъ причинъ священникъ не имѣеть права принять на исповѣдь и тѣхъ, которые были уже у другого духовника. Если духовникъ найдетъ возможнымъ принять исповѣдь такихъ, то ему рекомендуется поступать при разрѣшеніи поостроже, продолжить ихъ епитеміи и пр. ²⁾).

Настоятели кладбищенскихъ церквей, какъ не имѣющіе собственныхъ приходоу, могутъ пользоваться своимъ правомъ совершенія исповѣди лишь съ разрѣшенія архіерея или съ согласія мѣстныхъ приходскихъ священниковъ—и, конечно, въ случаяхъ нужды. Необходимо разрѣшеніе архіерея и для іеромонаха для права совершенія исповѣди надъ мірянами ³⁾).

Получая право совершенія исповѣди, священникъ, по ученію Православной Церкви, долженъ принимать исповѣдь только православныхъ, хотя бы они были даже преступниками, осужденными на смертную казнь ⁴⁾). Въ силу этого, онъ не долженъ принимать на исповѣдь иновѣрцевъ, инославныхъ христіанъ и еретиковъ, цюка они не примуть православія, даже и въ случаяхъ болѣзни ⁵⁾); исключеніе составляютъ греко-уніаты,—но и послѣдніе могутъ быть приняты на исповѣдь лишь подъ тѣмъ условіемъ, что послѣ исповѣди у православнаго духовника не будутъ обращаться къ прежнему вѣроисповѣданію ⁶⁾).

Право совершенія исповѣди надъ іерархическими лицами принадлежитъ не всѣмъ священникамъ, а лишь нарочито избраннымъ изъ среды ихъ. Такіе духовники для священниковъ и другихъ клириковъ, по Уставу Духовныхъ Консисторій ⁷⁾, должны быть избираемы въ каждый благочинническій округъ

¹⁾ Кн. о должн. пресв. приход., § 99; Уст. Дух. Консист., ст. 103.

²⁾ Ап. пр. 1, 2, 13, 32; 1 вселенск. соб. пр. 5.

³⁾ Уст. Дух. Конс., ст. 103; ср. Больш. Номокан., л. 6; Иосиф. потребн., л. 668.

⁴⁾ Полное собр. закон., т. I, § 412 гл. 4.

⁵⁾ Кн. о должн. пресв. прих., § 75; Ук. Св. Сн. 1818 г. 17 іюня: 1833 г. 22 дек.; 1848 г. 21 сентября.

⁶⁾ Ук. Св. Сн. 1836 г. 17 авг.

⁷⁾ Уст. Дух. Консист., ст. 71.

по одному, а въ большіе—по два и болѣе. Духовники эти ведутъ исповѣдную роспись всеѣмъ бывшимъ у нихъ на исповѣди и представляютъ эту роспись въ концѣ года въ Консисторію ¹⁾). Исповѣдь низшихъ клириковъ (причетниковъ) можетъ принять и обыкновенный приходскій (свой или сосѣдній) священникъ, представляя свидѣтельства о бытіи ихъ у исповѣди по окончаніи года общему духовнику ²⁾).

Право совершенія исповѣди священниками не простирается на монастыри. Въ послѣдніе избираются особые духовники, по одному въ каждый, непремѣнно изъ іеромонаховъ этого монастыря. „Быть въ монастырѣ,—говорится въ Духовномъ Регламентѣ,—единому общему духовнику, честному и предъ епископомъ свидѣтельствованному іеромонаху.. тоежъ соблюдать и о духовникѣ въ монастыри женскіе“ ³⁾). Въ настоящее время, однако, „тоежъ“ не соблюдается по отношенію къ женскимъ монастырямъ: по теперешней практикѣ Русской Церкви, въ женскіе монастыри назначаются духовниками не іеромонахи и не вдовы священники, а женатые.

Это все ограниченія права совершенія исповѣди лицами. Относительно же времени и мѣста совершенія исповѣди Православная Церковь опредѣляетъ, что духовникъ имѣетъ право принимать исповѣдь во всякое время и во всякомъ приличномъ мѣстѣ; но преимущественнымъ мѣстомъ совершенія исповѣди долженъ быть храмъ, а преимущественнымъ временемъ—посты, особенно св. Четырдесятница, когда и все богослуженіе направлено къ тому, чтобы возбудить въ вѣрующихъ покаянныя чувства и сокрушеніе о грѣхахъ. Обычай нѣкоторыхъ священниковъ принимать иногда исповѣдь въ алтарѣ и даже у престола противорѣчитъ церковнымъ правиламъ, воспреещающимъ мірянамъ входить въ алтарь ⁴⁾). Не одобряется также испо-

¹⁾ Уст. Дух. Консист., ст. 72.

²⁾ Тамъ же, ст. 73.

³⁾ Дух. Регл. Прибавл. о правил. причта церковнаго, стр. 160, § 57.

⁴⁾ Лаодик. соб. пр. 19; 6 вселенск. собор. пр. 69.

вѣдь и во время самаго богослуженія, кромѣ случаевъ крайней нужды.

Всѣ эти каноническія постановленія Православной Церкви, ставящія дѣло совершенія исповѣди въ извѣстныя рамки, имѣють своей цѣлью урегулированіе ея и приведеніе въ болѣе правильный, болѣе цѣлесообразный видъ. Такъ, ограниченія права совершенія исповѣди извѣстнымъ кругомъ лицъ имѣють въ виду то, что приходскій священникъ знаетъ душевное настроеніе своихъ прихожанъ лучше, чѣмъ всякій иноприходный священникъ, и, конечно, болѣе правильно будетъ судить о степени ихъ покаяннаго расположенія. Кромѣ того, такимъ ограниченіемъ предотвращается возможность разрѣшенія однимъ духовникомъ тѣхъ грѣховъ, которые другимъ были запрещены, о чемъ подробнѣе скажемъ нѣсколько ниже.

Принимая исповѣдь кающихся, духовникъ имѣеть полное право, въ силу дарованной ему Богомъ власти, по своему усмотрѣнію вязать и рѣшить ихъ совѣсть, т. е. отпускать или не отпускать ихъ грѣхи. Право это въ Православной Церкви въ одинаковой мѣрѣ принадлежитъ и епископамъ и пресвитерамъ. И тѣ и другіе, связывая и отпуская грѣхи кающихся, дѣйствуютъ не своею властію, а властію, полученной отъ Бога; они являются только посредниками въ дѣйствиіи единой благодати Божіей, а потому въ одинаковой мѣрѣ могутъ прощать и запрещать. Но такъ какъ при употребленіи дарованной отъ Бога власти вязать и рѣшить требуется особенная духовная опытность и благоразуміе, и такъ какъ епископъ всегда предполагается обладающимъ въ большей степени этими качествами, то духовникамъ-священникамъ и рекомендуется внимательно „разсуждать между грѣхомъ и грѣхомъ“, и при всякихъ недоумѣнныхъ случаяхъ обращаться къ своему архіерею за совѣтомъ. Такой смыслъ имѣеть постановленіе Духовнаго Регламента, гдѣ говорится: „аще... покажется духовнику какій грѣхъ неудоборазсуждаемый, т. е. какъ тяжкій, и коего исправленія и епитиміи требуетъ, да идетъ духовникъ къ своему архіерею и, не именуя лица кающагося, грѣхъ

только предлагаетъ обстоятельно и разсужденія просить долженъ“¹⁾. Такой смыслъ имѣеть и требованіе ставленной іерейской грамоты, гдѣ священникъ обязывается „вѣщати и неудоборазсудныя вины епископу предлагати“.

Это *предложеніе* нѣкоторыхъ грѣховъ, прежде ихъ разрѣшенія, на разсмотрѣніе епископа существенно отличается отъ такъ называемыхъ „*casus reservati*“ Римско-Католической церкви. По ученію католиковъ, для права разрѣшенія извѣстныхъ грѣховъ требуется и извѣстная исповѣдная юрисдикція, — чѣмъ тяжеле грѣхъ, тѣмъ большей юрисдикціей долженъ обладать духовникъ для его разрѣшенія. Отсюда и „*casus reservati*“: это—случаи, когда разрѣшеніе грѣха кающагося превышаетъ власть обыкновеннаго духовника, требуетъ власти или епископа, или даже самаго папы,—случаи, которые какъ бы сохраняются, оставляются для духовниковъ, обладающихъ большими полномочіями, большей юрисдикціей по сравненію съ обыкновенными духовниками. Въ Православной же Церкви духовникъ обращается къ архіерею *только за совѣтомъ*, не называя даже имени грѣшника, а не потому, что разрѣшеніе этого грѣшника превышаетъ его право „вязать и рѣшить“, какъ въ церкви Римско-Католической. Только полное отлученіе отъ Церкви у насъ изъято изъ власти приходскихъ священниковъ-духовниковъ. И это понятно само собою: такое важное дѣло, какъ отлученіе, должно стоять выше компетенціи простаго священника,—это дѣло Церкви и епископовъ, какъ ея представителей (Мѡ. 18, 15—17).

По Духовному Регламенту, священникъ не имѣеть права отлучать и отъ Св. Причастія. Допуская за тяжкіе грѣхи отлученіе отъ св. причастія, 14 параграфъ Духовнаго Регламента добавляетъ: „однако сіе самъ собою творити духовникъ да не дерзаетъ, но у своего архіерея, предложивши ему вся обстоятельно о кающемся, токмо не именуя его, просить разсужденія и благословенія“. Но подобное ограниченіе права

¹⁾ Дух. Регл. Прибавл. о правил. прич. церкви и чина монаш., § 13.

совершителей исповѣди не имѣеть каноническаго, обязательнаго для всѣхъ, значенія. Въ „Книгѣ о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ“ внушается священнику, чтобы онъ, по своему усмотрѣнію пользуясь дарованнымъ ему правомъ вязать и рѣшить, въ случаѣ глубокаго нравственнаго паденія исповѣдующагося, „не допускалъ его къ участию въ трапезѣ Господней“ ¹⁾. Не слѣдуетъ только лишать этого таинства на продолжительное время. Налагаемая въ древней Церкви духовниками епитиміи часто были очень продолжительными (до 20 лѣтъ). Теперь, съ упадкомъ религіозной жизни, такіа продолжительныя епитиміи были бы не подь силу слабымъ въ вѣрѣ христіанамъ, почему уже Духовный Регламентъ запрещаетъ рабски слѣдовать древнимъ уставамъ. Эти уставы, находящіеся, напр., въ Требникѣ, могутъ служить для духовника нашего времени только нѣкоторымъ руководствомъ при оцѣнкѣ тяжести исповѣдуемаго грѣха, но духовникъ по своему разумѣнію можетъ „умножати и умяляти время и количество епитимій и едину епитимію перемѣняти на другую“ ²⁾. Последнее право духовника—право замѣнять одну епитимію другой—имѣеть мѣсто только тогда, когда въ обоихъ случаяхъ дѣйствуетъ одинъ и тотъ же духовникъ. Если же дѣло идетъ о замѣнѣ епитимій, наложенныхъ другимъ духовникомъ, то такая замѣна можетъ быть совершаема не иначе, какъ „при совершеніи таинства исповѣди, ибо такая перемѣна есть дѣйствіе власти вязать и рѣшить и не иначе, какъ по выслушаніи грѣховъ, ибо судья не можетъ судить не выслушавъ дѣла“ ³⁾. Вообще же, одинъ духовникъ не можетъ перемѣнять или отмѣнять епитимію другого. Это требованіе ясно формулировано въ Номоканонѣ. Последній, прилагая 32 апостольское правило къ духовникамъ, какъ представителямъ и уполномоченнымъ епископской власти вязать и рѣшить, гласить: „ду-

¹⁾ Кн. о долж. пресв. прих., стр. 104—105.

²⁾ Дух. Регл. Прибавл., § 14; кн. о долж. пр. прих., § 108.

³⁾ Еп. Платонъ. Напомин. священ. объ обязанн. при соверш. т. покаянія, стр. 230.

ховникъ иного духовника судъ рѣшить и вязать власти не имать“, мотивируя это положеніе тѣмъ, что „если одинъ духовникъ будетъ связывать, а другой разрѣшать, то произойдетъ раздѣленіе и противорѣчіе въ дѣйствіяхъ единой благодати Христовой, а вѣдь Христосъ не раздѣляется на два, взаимно противодѣйствующія лица“¹⁾. Тѣмъ болѣе нельзя священнику измѣнить и отмѣнить запрещеній, наложенныхъ епископомъ, или по суду Церкви²⁾. Только тяжело больныхъ, на смертномъ одрѣ находящихся, хотя бы они были и подъ епископскимъ запрещеніемъ, священникъ имѣетъ право и долженъ разрѣшить во всѣхъ грѣхахъ—съ условіемъ, впрочемъ, чтобы, въ случаѣ выздоровленія, разрѣшенные выполнили свою эпитимию и явились къ духовнику, который наложилъ еѣ³⁾. Священникамъ же предоставляется право просить епархіальное начальство, въ случаѣ исправленія запрещеннаго, о сокращеніи времени епитиміи⁴⁾. Въ случаяхъ сомнѣнія духовника въ нравственной правоспособности исповѣдующагося принять разрѣшеніе, священникъ можетъ отложить его до выясненія дѣла; если же онъ убѣжденъ въ неспособности исповѣдующагося, то можетъ отказать ему совсѣмъ въ разрѣшеніи впредь до исправленія.

Но связываетъ ли духовникъ грѣхъ кающагося или разрѣшаетъ, онъ всегда долженъ помнить, что грѣхи, открытые ему на исповѣди—чужая тайна, открыть которую онъ не имѣетъ права⁵⁾. За нарушеніе тайны исповѣди духовникъ, по Духовному Регламенту, подлежитъ лишенію священства и, кромѣ того, еще и „мірскимъ судомъ“ за такое „злодѣйство“ предается тѣлесному наказанію по разсужденіи дѣла⁶⁾. Исключо-

¹⁾ Павловъ. Номоканонъ при Больш. Требн., стр. 244, пр. 119.

²⁾ Ап. правило 32; 1 всел. соб. пр. 5.

³⁾ 13 пр. 1 всел. соб.; 7 пр. каре. соб.; кн. о должн. пр. прих., стр. 110.

⁴⁾ Правил. св. отецъ; Ук. Св. Синода отъ 21 марта 1870 г.

⁵⁾ Дух. Регл. Приб., §§ 9—10.

⁶⁾ Тамъ же, § 9.

ченіє составляютъ только: а) умышленный соблазнъ въ народѣ, напр.,—разглашеніе какого-либо умышленнаго чуда и б) умыселъ на честь и здравіе государя или намѣреніе произвести измѣну и бунтъ противъ царя и отечества ¹⁾. Въ этомъ случаѣ духовникъ обязывается предать виновныхъ суду, „по-неже объявленія беззаконія намѣреннаго, котораго исповѣдующійся отстать не хочетъ, и въ грѣхъ себѣ не вмѣняетъ, не есть исповѣдь, ниже часть исповѣди, но коварное къ прельщенію совѣсти своей ухищреніе на конечную тѣмъ злодѣемъ погибель“ ²⁾.

Таковы каноническія постановленія Православной Церкви о правѣ совершенія исповѣди. Всѣ они, касаясь права совершенія исповѣди, направляются не къ ограниченію пресвитерской власти вязать и рѣшить, а только къ упорядоченію примѣненія этой власти въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, съ тою единственно цѣлью, чтобы исповѣдь, по возможности, достигала своего назначенія—улучшенія душевныхъ болѣзней вѣрующихъ. Поставленная въ рамки этихъ постановленій, исповѣдь дѣйствительно является наилучшимъ средствомъ пастырскаго врачеванія душъ и совѣсти вѣрующихъ. Въ постановленіяхъ Православной Церкви касательно права совершенія исповѣди нѣтъ и тѣни намека на то, что исповѣдь есть судъ надъ совѣстью кающагося, и что духовникъ есть судья, какъ въ церкви Римско-Католической. Въ противовѣсъ послѣдней, духовнику Православной Церкви прямо внушается, чтобы онъ не гордился предъ исповѣдывавшими ему свои грѣхи, „вѣдая то, что онъ не судія есть исповѣдующемуся, но токмо свидѣтель покаянія его, и слуга, опредѣленный нарочно служить спасенію человѣческому, и что человѣкъ согрѣшающій, Единому Богу согрѣшаетъ, и кающійся отъ Единого Бога прощеніе пріемлетъ..., пресвитеръ же едино токмо посредственникъ, чрезъ котораго Богъ дѣйствуетъ“ ³⁾. Д.

¹⁾ Дух. Реглам. Приб., §§ 11 и 12; Св. Зак., т. XV, ч. II, стр. 585—86

²⁾ Тамъ же, § 11; Ук. Св. Синод. отъ 17 мая 1722.

³⁾ Кн. о должн. пресв. приходск., стр. 109.

Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго¹⁾.

„Когда всѣ божественные епископы окружаютъ рукополагаемаго и *коснутся его* (*καὶ ἀπτομένων αὐτοῦ*), какъ сорукополагающіе (*συυχεροτονοῦντων*) вмѣстѣ съ первымъ епископомъ, продолжаетъ далѣе тотъ же экзегетъ разсматриваемаго нами чина, полагается первымъ архіереемъ на главѣ рукополагаемаго первая печать и начало рукоположенія. Затѣмъ рукополагаемый преклоняетъ оба колѣна при подножіи (престола) и прилагаетъ чело къ священному престолу, такъ какъ и онъ самъ назидаетъ на основаніи апостоловъ и пророковъ, и принимаетъ благодать отъ пренебснаго Бога, Коего какъ бы престоль—сей жертвенникъ и Его какъ бы рука—рука архіерея. Итакъ, когда положить руку на главу хиротонисуемаго и когда поданъ будетъ свитокъ (*τὸ πτερόν*²⁾), что, конечно, обозначаетъ голубя—символь Св. Духа, то архіерей возглашаетъ написанное въ немъ: „Божественная благодать“ и проч. И когда поютъ трижды „Господи помилуй“, полагается вторая печать на главѣ посвящаемаго. *И тотчасъ открывається Евангеліе*, которое есть какъ бы самъ Христось и чрезъ Него Церковь Его,—и открытое полагается на главѣ и на выи рукополагаемаго“³⁾.

По нашему современному чину, открытое Евангеліе полагается на голову хиротонисуемаго предъ чтеніемъ формулы:

¹⁾ См. № 3 за 1903 годъ.

²⁾ Въ одной рукописи XIV в. мы находимъ прямое объясненіе этого слова: „Ὁδὲ χαρτοφύλαξ ἐπίδωκε τῷ ἀρχιερεὶ χάρτην γεγραμμένην, τὸ λεγόμενον πτερόν (А. Дмитріевскій. Описан. литург. рки. т. II Евχолог., стр. 300). По нашему древнему чину, „книгохранитель отъ лѣвыя страны даетъ ему (т. е. святителю) *листъ*, въ немъ же пишетъ сія“ (Русск. истор. библ. т. VI, ст. 457). Переводчики твореній Симеона Солунскаго слово: τὸ πτερόν перевели: *крыло*, буквальный его значеніемъ. и въ ихъ переводѣ въ данномъ мѣстѣ получился смыслъ неясный (Писан. отц. и учит. ц. относящ. къ истолк. прав. богослуж. т. II, стр. 262). См. объясненіе этого слова у Исаака Габерта въ 'Ἀρχιερατικόν'ѣ, pag. 67.

³⁾ Mign. Patrol. Cours. complet. t. 155, col. 413—416 Писан. отц. и учит. ц. т. II, стр. 262.

„Избраніемъ и искусомъ боголюбезнѣйшихъ архіереевъ“ и т. д., при чемъ и дѣйствіе это раздѣляется какъ бы между всѣми епископами, участниками въ совершеніи хиротоніи. „И приѣмлется (т. е. хиротонисуемый) отъ архіереевъ во святой оltарь, предъ святую трапезу, читаемъ мы въ чинѣ, и абіе преклоняетъ своя колѣна между архіереи *И возьмутъ*¹⁾ святое Евангеліе, и сіе разгнувшѣ, *полагаютъ* е превращше писмяны на главу его, держаще отсюду и отонуду. Таже глаголетъ первенствующай архіерей въ слухъ всѣхъ: „Избраніемъ и искусомъ“ и т. д.²⁾ Во всѣхъ древнихъ греческихъ чинахъ³⁾, а съ ними и въ нашихъ древне-русскихъ⁴⁾ до 1725 года возложеніе Евангелія на главу хиротонисуемаго указываетъ, по прочтеніи избирательной формулы, предъ первою совершительною молитвою, и дѣйствіе это предписывается совершать *первенствующему архіерею одному*. Въ нашемъ чинѣ данное мѣсто настоящій обрядъ занялъ въ 1725 году подъ вліяніемъ греческаго чина, напечатаннаго Я. Гоаромъ изъ евхологіа Льва Алліція, но съ нѣкоторыми и довольно существенными

¹⁾ Въ южно-русскомъ чинѣ 1650 года Евангеліе, хотя полагается на голову хиротонисуемаго и предъ первою молитвою, но произнесеніи формулы: „Судомъ и искусомъ“, но актъ этого возложенія предписывается совершать почти также, какъ и въ нынѣшнемъ нашемъ чинѣ, всѣмъ епископамъ—участникамъ въ хиротоніи. „Рукоположитель же возьметъ святое Евангеліе отъ святыя трапезы, говорится въ этомъ чинѣ, и *отверзаетъ съ другими епископы, писмены долу обративше, возлагаютъ на главу колтынопклоншаго, съприкасающимся всѣмъ епископомъ*“. Слѣдующія знаменательныя слова произносили, по этому чину, рукоположитель, при этомъ возложеніи: „Возми, брате, на себе нго Божественнаго Евангелія Христова, нго бо Его благо и бремя Его легко есть: яко да просвѣтитсѣ умъ твой свѣтомъ разума Божественнаго Евангелія Христова, въ еже разумѣти тайны царствія небеснаго, проповѣдати же и учити въ имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Рки. библ. Кіево-Соф. соб. № 77 л. 61).

²⁾ Чинъ избран. и рук. арх. М. 1885 стр. 51—52.

³⁾ А. Дмитріевскій. Описан. литург. рук. хранящ. въ библ. прав. Востока, т. II *Εὐχολόγια* стр. 301, 271, 786; Goar. *Εὐχολόγ.* pag. 249. I. Nabert. *Ἀρχιερατικόν* pag. 66—67, 463—491.

⁴⁾ Русск. истор. библ. т. VI, ст. 457—458; А. Дмитріев. Богослуж. въ русск. ц. въ XVI в., Каз. 1884, стр. 373.

передѣлками противъ оригинала. „Потомъ, читаемъ мы въ послѣднемъ, хиротонисуемый беретъ *архіереемъ* (первенствующимъ) и вводится съ ними во святой алтарь предъ святой престоль, и тотчасъ преклоняетъ *колѣно свое* предъ архіереями. *Одинъ изъ архіереевъ, т. е. первый* (Εἷς τῶν ἀρχιερέων, ἡγούσων ὁ πρῶτος) беретъ святое *Евангеліе*, и раскрывши его, полагаетъ его внезапно, *держа его на лицѣ другіе архіереи отсюда и оттуда*. Потомъ произноситъ архіерей въ слухъ всѣхъ: „Избраніемъ и искусомъ“¹⁾.

Передѣлка текста въ нашемъ чинѣ епископской хиротоніи имѣетъ, такимъ образомъ, существенныя особенности по сравненію съ текстомъ оригинала. Рукополагаемый, напр., съ середины храма идетъ въ алтарь съ прочими епископами, становится предъ св. престоломъ между архіереями на одно колѣно, св. Евангеліе возлагаетъ на главу хиротонисуемаго *первый епископъ*, который, раскрывши его, внезапно кладетъ, а прочіе епископы придерживаютъ его на лицѣ, т. е. за окладъ Евангелія. Исправители нашего чина архіерейской хиротоніи въ 1725 году вышеуказанными существенными измѣненіями въ текстѣ чина желали, очевидно, отгѣнить ту мысль, что со времени прекращенія у насъ патріарховъ, которые и на Востокѣ и у насъ въ Россіи до того времени, какъ показываютъ чины, являлись главными совершителями хиротоній въ епископа, какъ лицѣ вполне имъ подчиненныхъ и покорныхъ, епископская хиротонія совершается *соборомъ епископовъ*. Въ силу такой мысли не только передѣлывается чинъ епископской хиротоніи и измѣняются всюду глагольныя формы единственного числа на множественное (вземлють, полагаютъ) въ приведенномъ текстѣ, но и ниже въ другихъ мѣстахъ чина, при обратномъ, напр., положеніи св. Евангелія на престоль („И по аминѣ *полагаютъ* Евангеліе на святой трапезѣ“...). Съ тою же самою цѣлію вносится въ чинъ и неизвѣстное греческимъ чинамъ слѣдующее замѣчаніе: „*И архіереемъ положимъ дес-*

¹⁾ Εὐχολόγ. edit. Venet. 1767 σελ. 142; Goar. Εὐχολόγ. pag. 258.

ныя руки на главѣ ¹⁾), первенствуяй молится сице: „Владыко Господи Боже нашъ, законоположивый намъ“. Замѣчаніе это, внесенное въ нашъ чинъ изъ греческаго чина, въ которомъ говорится о томъ, что прочіе архіереи соприкасаются (συνεφαπτομένων καὶ τῶν ἄλλων ἀρχιερέων) ²⁾ хиротонисуемому, или, вѣрнѣе, прикасаются св. Евангелію, лежащему на главѣ его, у насъ въ практикѣ создало нѣкоторыя не малозначительныя неудобства. На главѣ хиротонисуемаго возлежать правыя руки епископовъ сохиротонисующихъ, которыя должны и покрывать всю главу его, если участниковъ въ хиротоніи, какъ напр., въ Петербургѣ, много, Евангеліе же лежитъ на рукахъ этихъ архіереевъ или даже виситъ надъ головою, придерживаемое лѣвыми руками архіереевъ, а не прикасается непосредственно къ самой главѣ хиротонисуемаго, какъ требуетъ того чинъ и сущность даннаго обряда. Наконецъ, и въ текстѣ первой совершительной молитвы внесены противъ оригинала съ тою же цѣлью слѣдующія измѣненія: „черезъ рукоположеніе насъ соприсутствующихъ здѣ епископовъ“ ³⁾, тогда какъ въ греческомъ текстѣ стоитъ: „διὰ τῆς χειρὸς ἐμοῦ τοῦ ἀμαρτωλοῦ καὶ τῶν συμπράοντων λειτουργῶν καὶ συνεπισκόπων“ ⁴⁾. т. е. „черезъ руку мене грѣшнаго и соприсутствующихъ служителей и со епископовъ“.

„Іерарху исключительно принадлежитъ, пишетъ въ объясненіе обычая полагать св. Евангеліе на главу хиротонисуемаго въ епископа авторъ книги „О церковной іерархіи, что на главу его священноотанственно возлагается священнѣйшая (книга) слова Божія. Ибо такъ какъ богопросвѣщеннымъ іерархамъ преносится отъ богочначальныя и начало-совершительныя Благости тайнодѣйственная сила всего священства, то и возлагаются, соотвѣтственно этому, на главы

¹⁾ Чинъ избран. и рукопол. архіерейскаго М. 1885, стр. 53.

²⁾ Εὐχολόγ. edit. Venet. 1767 σελ. 145. Нѣкоторое основаніе могутъ давать и вышеприведенныя слова Симеона Солунскаго (Mign. Patrol Curs. complet. t. 155, col. 413, 416; Писан. отц. и учит. ц. т. II, стр. 262, 263).

³⁾ Чинъ избран. и рук. архіерейскаго. М. 1885, стр. 54.

⁴⁾ Εὐχολόγ. 1767 σελ. 146; Goar. Εὐχολόγ. pag. 250.

іерарховъ богопреданныя слова Божіи, obejmлющія собою и открывающія тайны всего богословія, богодѣйствія, богоявленія, священнословія, священнодѣйствія, однимъ словомъ, всѣхъ божественныхъ и священныхъ дѣлъ и словъ, дарованныхъ благодѣющимъ Богоначаліемъ учрежденной въ насъ іерархіи. Такимъ образомъ, богоизбранный іерархъ, будучи во всей полнотѣ причастенъ всей священноначальственной силѣ, долженъ не только самъ сіять истиннымъ и богопреданнымъ вѣдѣніемъ іерархическихъ священнословій и священнодѣйствій, но и другимъ передавать въ священноначальственной соразмѣрности, и священноначальственно священнодѣйствовать всѣ совершительнѣйшія тайнодѣйствія всего священноначалія въ божественнѣйшемъ вѣдѣніи (тайнъ всего) и возводи (себя и другихъ) къ превьспреннѣйшимъ созерцаніямъ“¹⁾. Въ объясненіе того же самаго обычая Симеонъ Солунскій пишетъ слѣдующее: „это дѣйствіе означаетъ, что онъ (т. е. епископъ), содѣлавшійся главою Церкви, имѣетъ своею главою Христа, что ему должно знать все Христово и имѣть всякое вѣдѣніе Его, сколько возможно,—потому что оно (т. е. Евангеліе) *полагается на господствующую часть его* (главу),—весь умъ, и слово, и чувства образовать и устроить по Христу, имѣть выю свою подъ легкимъ игомъ Христовымъ и не дѣлать ничего вопреки волѣ Его, потому что и Церковь Его онъ принялъ на главу и на выю свою чрезъ Евангеліе“²⁾. Такимъ образомъ, на основаніи этихъ сужденій богословствующихъ экзегетовъ древняго времени мы уже съ полнымъ правомъ можемъ заключать, что они придавали возложенію св. Евангелія на главу хиротонисуемаго въ епископа болѣе важное сакраментальное значеніе, чѣмъ прочимъ священнымъ дѣйствіямъ, указываемымъ въ чинѣ, какъ то: возложенію руки первенствующаго архіерея на голсу хиротонисуемаго, при-

¹⁾ Писан. отц и учит. церкв., относящ. къ истолк. прав. богослуж. т. I, стр. 170—171.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. com. let. t. 155 col. 416; Писан. отцевъ и учит. церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуж. т. II, стр. 263.

косновенію рукъ другихъ епископовъ, участниковъ въ совершеніи хиротоніи, къ окладу или къ лицу св. Евангелія, или даже къ головѣ хиротонисуемаго и возложенію первенствующимъ на голову рукополагаемаго края омофора ¹⁾, о которомъ, впрочемъ, упоминается только въ одномъ чинѣ епископской хиротоніи, практикуемомъ нынѣ на православномъ Востокѣ.

Въ формулѣ объявительной къ народу о состоявшемся избраніи такого-то, имярекъ, въ епископа и пригласительной къ нему же помолиться о новоизбранномъ, чтобы на него низошла благодать Св. Духа, заслуживаютъ вниманія начальныя слова ея: „*Избраніемъ и искусомъ* (ψήφῳ καὶ δοκιμασίᾳ) боголюбивныхъ архіереовъ и всего освященнаго собора“, которыя внесены въ чинъ архіерейской хиротоніи съ глубокой древности и находятъ для себя основаніе и въ канонахъ церковныхъ и въ церковной практикѣ. По 4 правилу перваго вселенскаго собора, „епископа поставлять наиболѣе прилично всѣмъ епископамъ мѣстнаго округа. Если же это затруднительно, или по стѣсняющимъ ихъ обстоятельствамъ, или по дальности пути, то, по крайней мѣрѣ, *три епископа*, собравшись въ одно мѣсто, *должны произвести избраніе*, впрочемъ такъ, чтобы и отсутствующіе имѣли въ немъ соучастіе, изъясняя свое согласіе, посредствомъ грамматъ“.

Подъ *искусомъ*—δοκιμασία разумѣется дознаніе, слѣдствіе, тщательныя справки относительно умственныхъ и нравственныхъ качествъ кандидатовъ на епископство. Въ чемъ состояла доκιμασία въ практикѣ древне-христіанской церкви это ясно можно видѣть изъ 50 правила карфагенскаго собора. „Слѣдуетъ сдѣлать и слѣдующее постановленіе, говорятъ отцы этого собора, если во время избранія епископа произойдетъ какое-либо препирательство, то дерзновенно будетъ для оправданія выбора ограничиться тремя только епископами, но къ вышеуказанному числу слѣдуетъ присоединить еще одного или двухъ епископовъ и потомъ, *въ присутствіи самой паствы*,

¹⁾ Εὐχολόγ. ed. Venet. 1767, ἐτ. σελ. 145.

для которой имѣеть быть рукоположенъ избираемый, *прежде всего изслѣдовать*, что за личности тѣ, которые прекословять, а затѣмъ присовокупить и рассмотреть заявленіе ихъ; и *когда избираемый явится чистымъ предъ лицомъ народа, тогда уже да рукоположится*“.

Прибавка въ формулѣ: „и всего освященнаго собора“, явившаяся у насъ въ чинѣ еще при патріархахъ, сдѣлана съ тою цѣлью, чтобы показать, что настоящее избраніе произошло и съ согласія „всего освященнаго собора“ т. е. низшихъ клириковъ, какъ это ясно говорится въ греческихъ чинахъ 1407 года и того, который находился подъ руками архимандрита Гавріила Бужинскаго. Въ первомъ изъ нихъ читается: „Ψήφῳ καὶ δοκιμασίᾳ τῶν θεοφιλεστάτων ἐπισκόπων καὶ ὁσιωτάτων πρεσβυτέρων καὶ διακόνων“¹⁾, а во второмъ: „τῶν θεοφιλεστάτων ἱερέων καὶ κληρικῶν τῆς πόλεως“²⁾. Впрочемъ, и въ древне-греческихъ чинахъ и даже въ нынѣ практикуемомъ на Востокѣ упоминаніе о низшихъ клирикахъ въ формулѣ объявительной дѣлается тогда, когда хиротонію со-

¹⁾ А. Дмитріевскій. Описан. литург. ркп., хранящ. въ библ. прав. Востока т. II, Εὐχολόγια стр. 300, прим. 11.

²⁾ Εὐχολόγ. ed. Venet. 1767, ἐτ. σελ. 142; Goag. Εὐχολόγ. pag. 256. Сн. § 10, стр. 58, прим. 1. Объ участіи народа въ избраніи епископовъ въ формулѣ не говорится, потому что противъ этого участія возставали отцы Церкви (лаод. пр. 13), но что участіе народа въ избраніи ихъ было велико, по крайней мѣрѣ въ александрійской церкви, это со всею очевидностію можно видѣть изъ чиновъ хиротоній этой церкви, сохранившихся до нашего времени. Народъ (ἄπας ὁ λαός) поетъ при хиротоніяхъ: „Господи помилуй“, „Подай Господи“ послѣ прошеній, „Аминь“,—по окончаніи молитвъ, возглашаетъ: „Аксіосъ“,—при облаченіяхъ въ священныя одежды, многолѣтіе—участникамъ въ хиротоніи и всему народу и „Γένοιτο“, т. е. Да будетъ (Описан. литург. ркп. т. II Εὐχολόγια стр. 692—700). Впрочемъ, въ некоторый слабый отголосокъ указаннаго участія народа, при избраніяхъ епископовъ и низшихъ клириковъ, можно видѣть даже и въ нынѣ практикуемыхъ у насъ чинахъ хиротоній въ возгласахъ: „Аксіосъ“, „Господи помилуй“ и „Повелите“ и въ обычаѣ восточной церкви—каждую священную одежду, прежде возложенія ея на хиротонисуемаго, показывать народу въ царскія двери, какъ бы испрашивая всякій разъ его согласія и одобренія на это.

вершаетъ митрополитъ ¹⁾, патриархъ же читаетъ начало этой формулы такъ: „Ψῆφω καὶ δοκιμασίᾳ τῶν θεοφιλεστάτων μητροπολιτῶν καὶ ἀρχιεπισκόπων καὶ ἐπισκόπων“ ²⁾).

Благословеніе первенствующимъ архіереемъ главы хиротонисуемаго трижды съ произнесеніемъ словъ: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ“, по объясненію Симеона Солунскаго, представляетъ „совершенною печать (τελεσιποῶν σφραγῖδα ³⁾).

Превосходный, весьма обстоятельный анализъ совершенныхъ молитвъ, входящихъ въ составъ чина архіерейской хиротоніи, съ объясненіемъ cadaго отдѣльнаго выраженія имѣется у Симеона Солунскаго въ его толкованіяхъ на этотъ чинъ, поэтому мы даемъ мѣсто здѣсь его искусному слову ⁴⁾. „Архіерей произноситъ первую молитву, пишетъ онъ, чтобы Владыка и Господь Богъ нашъ, поставившій въ Церкви, во-первыхъ апостоловъ, во-вторыхъ пророковъ, въ третьихъ учителей и пр., призавшій и сего къ сану архіерейскому, рукою его и прочихъ соенископовъ (въ нашемъ чинѣ: чрезъ рукоположеніе насъ здѣ соприсутствующихъ соенископовъ), наитіемъ и силою и благодатію Святаго Духа укрѣпилъ его, какъ укрѣпилъ апостоловъ и пророковъ, и помазалъ, какъ царей, и освятилъ, какъ архіерсевъ, и, сохранивъ архіерейство его непорочнымъ и украсивъ всякимъ благочестіемъ, явилъ его святымъ, дабы онъ могъ молиться о потребномъ ко спасенію людей и былъ услышанъ отъ Него, что, подлинно, есть вели-

¹⁾ А. Дмитриевскій. Описан. литург. ркп., хранящ. въ библ. на прав. Востокѣ т. II Εὐχολόγια стр. 300, прим. 1, 774; Εὐχολόγ. edit. Venet. 1767, σελ. 142; Goar. Εὐχολ. pag. 256.

²⁾ Εὐχολ. Venet. ed. 1767, σελ. 145.

³⁾ Mign. Patrol. Curs. complet. t. 155 col. 388; Писан. отд. и учит. ц. т. II, стр. 234.

⁴⁾ Такъ какъ переводъ твореній Симеона Солунскаго, сдѣланный Петербургскою духовною Академіею, страдаетъ неправильностями и отступленіями отъ подлинника, то мы даемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свой переводъ, опуская здѣсь разсужденія этого экзегета, по нашему мнѣнію, излишнія.

чайшій даръ. И по истинѣ, *сія священная молитва сообщаетъ величайшіе дары, облакая рукополагаемого силою апостоловъ и пророковъ, по сему архіереи имѣютъ дарованія апостольскія и пророческія. Помажи сего*, говоритъ молитва, *яко царей*, потому что и они были помазуемы елеемъ и Духомъ, и нынѣ помазуются Церковью, получая отъ нея право быть владыками, и архіереи помазуются благодатію, по власти и начальствованію Духа: поставиши бо ихъ, говорится, въ начальники всея земли. Освящаетъ его, какъ архіереевъ, тѣхъ древнихъ Мельхиседека, Аарона и Самуила, такъ и апостоловъ и іерарховъ (новой) благодати, поставляя его выше закона, дабы онъ входилъ въ высшее святилище, приносилъ въ жертву живаго Агнца и молился о всѣхъ, и дабы онъ былъ освященъ, чтобы входить въ святое святыхъ и совершать по истинѣ эти святыя таинства, и пребывать непорочнымъ Божиимъ іереемъ, и украшаться всякимъ благочестіемъ, и, наконецъ, явиться святымъ, исполненнымъ святости и благодати Божіей. Посему называютъ его: „*Владыка святой*“ и усвояютъ ему великую святость: ибо если и прочимъ іереямъ, освящаемымъ Духомъ принадлежитъ освященіе благодати, то по преимуществу архіереямъ, рукополагаемымъ во святомъ Духѣ... *Архіерея*, говорится, *покажи святымъ*. И онъ хиротонисуется, такимъ образомъ, святыми молитвами... большее же (право) въ томъ, чтобы онъ былъ услышанъ въ томъ, о чемъ онъ просить для спасенія народа. Сказавъ это, онъ возглашаетъ: „Яко освятися имя твое и прославися царство“, потому что по естеству единъ святыи Богъ и препрославленный и Самъ освящающій, единъ сый царь и архіерей. И возглашая, воспѣваетъ Троицу, которою все совершается и отъ которой (исходить) и эти дарованія“...

„Затѣмъ первымъ изъ сослужащихъ архіереевъ читаются обычно прошенія въ это самое время: о свѣтѣ мирѣ и спасеніи всѣхъ, объ архіепископѣ, какъ совершителѣ сего божественнаго дѣла и о дѣлѣ рукъ его, т. е. хиротоніи и самомъ рукополагаемомъ, о благочестивыхъ царяхъ града и о

всѣхъ вѣрныхъ. И прочіе отвѣчаютъ: „Господи помилуй“, свидѣтельствуя дѣломъ, что іерархъ поставляется всѣми, и всѣ согласны съ архіепископомъ и молятся вмѣстѣ съ нимъ, и архіереи сорукополагають ему, такъ какъ соприкасаются пріемлющему хиротонію. Это дѣлается на одной только епископской хиротоніи, и потому что при семъ величайшемъ дарованіи и нашествіи Божественнаго Духа должно воспоминать всѣхъ вѣрныхъ, дабы они получили милость и спасеніе благодать“.

„Архіепископъ, имѣя возлежащую руку, означающую покровительствующую и промыслительную благодать Божию, и наитіе Святаго Духа, и совершаемое (имъ) дѣйствіе и осѣненіе, лучше же сказать, вселеніе благодати въ рукополагаемаго, послѣ прошеній тотчасъ произноситъ вторую молитву, имѣя руку свою, все время лежащую на главѣ хиротонисуемаго, показывая, что о чемъ онъ молится, чего просить, то получаетъ хиротонисуемый. Снова какая дивная молитва!“

„Господи Боже нашъ, понеже невозможно человѣческому естеству Божественнаго понести существа, твоимъ строеніемъ подобострастны намъ учителя поставившій, твой содержащая престоль“. О, таинство! Человѣкъ получаетъ власть и силу Божию и удостоивается возсѣсть на тронъ самого Бога. О, чудо! Поелику человѣческое естество, говорится, не можетъ понести Божественнаго существа, потому что только принятая отъ насъ Словомъ (плоть) во всемъ соединилась, и Дѣва Матерь Его пока ипостасно родила, восприняла во утробу это воплотившееся Слово. Поэтому послѣ Бога она честнѣйшая всѣхъ, и этимъ самымъ страшнымъ домостронтельствомъ и мы удостоились сего величайшаго дара архіерейства Христа Бога нашего“.

„Самъ, говорится въ молитвѣ, и сего явленнаго строителя архіерейскія благодати“. Вотъ—строитель величайшаго (таинства), отсюда онъ долженъ быть и вѣрнымъ и благоразумнымъ, какъ слѣдуетъ. „Сотвори быти подражателя тебе истиннаго пастыря, положившаго душу твою за овцы твоя“.

Вотъ и пастыремъ (называется), и конечно, долженъ быть подобенъ Иисусу Христу и пещись всѣми силами о словесномъ Его стадѣ. О, великое дарованіе, но и великая обязанность! Долженъ умирать онъ за овецъ Христовыхъ, какъ раздражитель Его и какъ поставленный въ хиротоніи пастырь по Немъ, и имѣющій во всемъ Его власть, и дѣйствовать черезъ Него во Святомъ Духѣ. И прибавляетъ, говоря: *путевожда слѣпыхъ*, т. е. невѣрныхъ къ вѣрѣ, *наказателя (воспитателя) немудрыхъ*, въ невѣдѣніи держащихся ересей, чтобы привести въ православіе или согрѣшающихъ къ покаянію, или „наказателя“ (вразумителя) непокорныхъ и дерзновенныхъ, „*учителя младенцевъ* въ истинномъ вѣдѣніи, *свѣтильника въ мірѣ* подобно апостоламъ, бывшимъ свѣтомъ міра и названнымъ Христомъ живымъ свѣтомъ, и по апостолу Павлу, свѣтильниками въ мірѣ, имѣющими слово жизни. Наконецъ, чтобы *вспренняя ему души*, говорится, управивши хорошо, ибо это главное, постарался бы и сдѣлалъ бы, чтобы онѣ спаслись, потому что ввѣрены души. Велика и обязанность, но и Богъ даруетъ великую благодать трудящимся, и получаютъ они великую награду. Видишь, великая награда предъ всякимъ другимъ за дѣло божественное, за дѣло архіерейства! Какая же это награда, *уже уготовалъ еси*, говорится, *пострадавшимъ за проповѣдь Евангелія Твоего?* Вотъ и долгъ подвига, и долгъ этотъ въ проповѣданіи Евангелія, и трудящіеся трудятся, какъ подвижники. И кто же подвизавшійся въ семь подвиговъ? Самъ первый Спаситель, засвидѣтельствовавшій объ истинѣ и исповѣдавшій прекрасную исповѣдь, что Отецъ Его Богъ, и что Самъ Онъ Сынъ Отца, и (потомъ) апостолы Его. Посему хорошо подвизающійся за Евангеліе архіерей, (пребываетъ ли онъ) въ трудахъ и подвигахъ, или кровью, или искушеніями, гоненіями и озлобленіями, или ревностію, или милосердіемъ, или другими божественными дѣлами, будетъ вмѣстѣ съ апостолами и со Христомъ, какъ получившій Его и ихъ благодать и имѣющій съ ними срославиться. Іерархъ, окончивъ молитву, возглашаетъ и славословитъ державу и милость Его,

воплотившагося ради и насъ Сына, и Отца Его и Духа, подтвердивъ призываніемъ Троицы все вышесказанное и содѣлавъ хиротонисаннымъ. Посему и совершаетъ послѣднюю печать на главѣ его въ знакъ окончанія¹⁾.

(Продолженіе будетъ).

Проф. А. Дмитріевскій.

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet. t. 155 col. 416—420; Сравни. Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуж. т. II, стр. 263—268.

РАЗСКАЗЪ ВЪ ТРЕХЪ ПИСЬМАХЪ.

I.

190* г. марта 16 дня.

Дорогой другъ! Исполняю данное при разставаніи съ тобою по окончаніи курса въ семинаріи обѣщаніе дѣлиться взаимно первыми впечатлѣніями новой, самостоятельной жизни.

Моя жизнь начата: двѣ недѣли уже я священствую въ Бажинѣ. Не мало новаго, интереснаго и поучительнаго пришлось пережить за это время. Говорятъ: первая глава всякой книги—романа ли, другого ли сочиненія—всегда бываетъ самую интересною,—и, кажется, не напрасно. По крайней мѣрѣ, первыя страницы „первой главы“ начатой мною жизни настолько обильны содержаніемъ, что не такъ-то легко разобраться въ нихъ. Однако, попытаюсь и *начну*, какъ говорится, съ *начала*.

Прибыль я къ мѣсту служенія со своей Марьей Николаевной около полдня. Весело, радостно выглядѣло село Бажино, облитое ослѣпительными весенними лучами солнца, которое не успѣло еще растопить тамъ и сямъ бѣлѣющей снѣгъ. Село небольшое и въ полномъ смыслѣ захолустное: посрединѣ—маленькая, сіяющая позолотой крестовъ и чистотой церковь; отъ нея расходится по два десятка домовъ крестьянъ въ ту и другую стороны; около церкви—причтовые дома и зданіе земской школы.—Вотъ и все Бажино.

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet. t. 155 col. 416—420; Сравн. Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуж. т. II, стр. 263—268.

Пріютивъ насъ, пока обогрѣвалась наша квартира, о. діаконъ Петръ Васильевичъ Голубевъ. Вотъ, другъ, истинно сельская простота и благодуніе! Такой же оказалась и супруга его—Анисья Карповна. Безъ всякихъ заискиваній приняли они насъ и усердно продовольствовали, чѣмъ только могли. Отецъ діаконъ—меня, Анисья Карповна—жену скоро посвятили во всѣ тайны своей семейной жизни, а отчасти и жизни приходской.

Благодуществу за чайкомъ, о. діаконъ изложилъ по частямъ свою несложную біографію; ему уже за 50 лѣтъ, образованіе онъ получилъ въ духовномъ училищѣ. Служить въ Бажинѣ болѣе 20 лѣтъ. Дѣтей своихъ—сына Павла учитъ въ семинаріи, дочь Олимпиаду—въ „епархіальномъ;—„и, слава Богу, на содержаніе доходовъ хватаетъ—жить можно!“ Прихожане, по его словамъ, къ духовенству расположены, народъ—всё простой, строго православный...

Черезъ два дня по пріѣздѣ, въ воскресенье, пришлось лично мнѣ удостовѣриться въ справедливости отзывовъ о діакона относительно прихожанъ—вступить съ ними въ непосредственное общеніе. Другъ мой! ты и представить себѣ не можешь, сколько разнообразныхъ чувствъ и мыслей волновали меня, когда я долженъ былъ въ первый разъ совершить божественную службу въ своей приходской церкви. „Вотъ,—думалось мнѣ, смотря на цѣлые ряды молитвенно склоненныхъ головъ прихожанъ, когда я обращался къ молящимся съ священными словами благословенія,—вотъ твое духовное стадо, чающее твоего духовнаго руководительства, слова назиданія, слова спасенія. *Паси овцы Моя*, вспоминалъ я слова Христовы и думалъ невольно: что могу я, при моей молодости, грѣховности, неопытности? Боже укрѣпи, наставь, вразуми меня!“.. За литургіей предполагалъ я сказать поученіе, выбралъ и проштудировалъ наканунѣ печатное, готовое: „при вступленіи священника на новый приходъ.“ Но вотъ, подходит время проповѣди. Псаломщикъ Листопадовъ пропѣлъ „Отче нашъ“, причастный стихъ и... представь себѣ!—не пришлось сказать

готоваго, заученнаго. Словно по какому наитію, вспомнилось повѣствованіе изъ евангелія, какъ Христось посылалъ по весямъ и градамъ апостоловъ съ вѣстію мира. „Миръ вамъ!“ — сказалъ и я своимъ прихожанамъ, вышедши на солею. Затѣмъ, въ самыхъ простыхъ словахъ рассказалъ о хожденіи апостоловъ по весямъ, сравнилъ свое положеніе съ ихъ положеніемъ и просилъ принять меня съ миромъ и любовію...

Послѣ литургіи человекъ пять—шесть прихожанъ, всё по виду почтенныхъ мужичковъ, зашли ко мнѣ на квартиру—очевидно, поближе разузнать *новаго отца духовнаго*. И тутъ, въ ихъ простодушныхъ словахъ, опять же было для меня столько новаго, столько поучительнаго...

— Зашли вотъ къ тебѣ,—поочередно получивъ благословеніе, говорили они,—поздравить съ прїѣздомъ, признакомиться. Дай Богъ пожить у насъ дольше въ мирѣ да радости. Понравился ты, батюшка, намъ на первый-то разъ, какъ говорилъ объ этомъ мирѣ. Вѣрно твое слово: миръ да любовь—чего лучше? Полюби насъ—и мы тебя не оставимъ, будешь отъ насъ сытъ и доволенъ. Вотъ до тебя покойничекъ о. Николай вѣкъ у насъ прожилъ—насъ не обидѣлъ и отъ насъ обиды не видѣлъ. Строгонекъ былъ иногда, любилъ и лишнее припросить, да опять же и сговорчивъ—уступалъ помаленьку... Такъ то, батюшка, не обезсудь; народъ мы простой: что на душѣ, то и на словахъ!..

Не мало такихъ „простыхъ“ рѣчей пришлось мнѣ выслушать при первомъ знакомствѣ и „поучаться“. Именно—„поучаться“, какъ жить съ прихожанами. Подъ кажущейся наивной простотой такъ и сквозило нѣчто другое: видимо, мужичкамъ хотѣлось съ перваго раза поставить съ своей стороны нѣкоторое *status quo* взаимоотношеній къ новому священнику... Странное, непріятное, пожалуй, чувство возбуждала эта замаскированная политика прихожанъ, и думалось невольно: почему это намъ, духовнымъ, ставятся подобные компромиссы, а другимъ, служащимъ народу же лицамъ, мужичекъ и не подумаешь сказать что-нибудь подобное? Такъ-то! скажешь

туть невольно и самъ, и задумаешься, какъ угодить мужичку..

Впрочемъ, довольно! Утомилъ тебя, вѣрно, другъ, и безъ того длиннымъ письмомъ. Извини и будь здоровъ!..

Твой другъ, начинающій іерей NN. Село Бажино.

II.

Апрѣля 20 дня 190* года.

Наконецъ-то, выискалъ удобное время опять написать тебѣ, дорогой другъ! Всѣ, братъ, дѣла, дѣла и дѣла по приходу... и масса новыхъ впечатлѣній! Ты знаешь, что поступилъ я на приходъ въ Великомъ посту,—а это—самое трудное время для насъ, приходскихъ священниковъ. И въ нашемъ Бажинѣ шла ежедневная великопостная служба, съ половины недѣли маленькая церковь наполнялась говѣющими; набиралось ихъ всякій разъ не менѣе ста человѣкъ. Не легкое дѣло исполнить, особенно неопытному, какъ я, новичку—священнику, пастырскія обязанности по отношенію ко всѣмъ этимъ людямъ, чающимъ духовнаго возрожденія!.. Говорю по собственному опыту. Боже мой! Не говоря уже про утомленіе—и физическое и нравственное,—сколько пришлось пережить, перечувствовать, переболѣть душой вмѣстѣ съ кающимися грѣшниками! Нѣтъ, не описать и не пересказать всего, что выпадаетъ при этомъ великомъ и святомъ дѣлѣ на долю пастыря душъ человѣческихъ!..

Вотъ оканчивается вечернее богослуженіе, прочитывается о. діакономъ правило предъ исповѣдію, я прочитываю молитвы,—и наступаетъ время исповѣди. Торжественныя, страшныя минуты, полныя тайны и глубокаго значенія! Вечерній полумракъ окутываетъ церковь, желтоватымъ отблескомъ свѣтитъ лампада предъ иконой Спасителя; говѣющіе, держа свѣчи въ рукахъ, молчаливо группируются около ширмы, окружающей аналой съ крестомъ и евангеліемъ, передъ которымъ я ожидаю исповѣдниковъ.. Новыя, небывалыя чувства и думы волнуютъ меня: предстоитъ сейчасъ явиться посредникомъ, сви-

дѣтелемъ между Богомъ и людьми, „вязать и рѣшить“—и кому же?..—Мнѣ, молодому, неопытному, больше всѣхъ грѣшному! Боже, научи, укрѣпи, вразуми меня, какъ исполнить свой долгъ—помочь этимъ приходящимъ къ Тебѣ съ покаяніемъ грѣшникамъ очистить свою совѣсть, возродиться, исправиться!.. Начинается исповѣдь. Подходящія по очереди исповѣдники рѣдко сами открываютъ грѣхи свои,—нѣтъ у нихъ на это ни памяти, ни навыка, только общее чувство грѣховности и смиреннаго раскаянія замѣчается въ нихъ. Цѣлымъ рядомъ соотвѣтствующихъ вопросовъ нужно приводить на память каждому его грѣхи, располагать къ раскаянію, именно „исповѣдывать“... Другъ мой! только теперь, на опытѣ, узналъ я, что значить испытывать совѣсть ближняго, проникать въ тайники его сердца съ тѣмъ, чтобы дать ему духовное врачевство—облегченіе измученной, изстрадавшейся грѣхомъ души. И оно подается не ложно,—это врачевство,—по благодати Христовой: когда произносишь разрѣшительную молитву надъ главой покаявшагося, и вѣришь и всѣмъ существомъ чувствуешь, что Самъ Христосъ незримо прощаетъ и разрѣшаетъ пришедшаго къ Нему съ вѣрою... Пріемъ исповѣдниковъ продолжается до самой ночи, но сознание важности дѣла прочь гонить и сонъ и утомленіе, которое сказывается уже послѣ, какъ возвратишься изъ храма, и радъ бываешь отдохновенію.

Такъ, среди постоянныхъ службъ и трудовъ, протекли почти незамѣтно великопостые дни, завершившись Страстной седмицей. И опять—торжественное богослуженіе, особенно послѣднихъ дней этой седмицы, дало мнѣ много часовъ неиспытаннаго раньше духовнаго восторга и умиленія, чувство поразительной близости къ воспоминаемымъ священнымъ событіямъ. Большое различіе въ силѣ переживаемыхъ ощущеній, несомнѣнно, и должно быть: раньше присутствовалъ я при умилительныхъ службахъ и обрядахъ, какъ участникъ общаго молитвеннаго настроенія, теперь же—какъ истолкователь, выразитель и проводникъ высокихъ христіанскихъ, міровыхъ

чувствъ и скорби и радости въ сердца и души человѣческія. О, какъ святы и дороги эти минуты религіознаго подъема духа, которыя въ первый разъ привелось испытать и пережить, особенно въ первый радостный день Пасхи за богослуженіемъ!..

Наступившій великій праздникъ придавъ радостную, торжествующую фізіономію нашему Бажину, чему содѣйствовала и дружная весна. Непрерывный звонъ колоколовъ, яркое солнце, первая зелень, теплый воздухъ, радостныя праздничныя лица,— всё сообщало душѣ какое-то невыразимо—теплое, праздничное настроеніе. Хотѣлось и сердцемъ и устами славить Христа Жизнодавца,—и *славленіе* началось со второго же дня.

Совсѣмъ, другъ, не въ томъ свѣтѣ представлялось мнѣ это *славленіе* до той поры, да и тебѣ, вѣрно, представляется... Рисовалось въ воображеніи подобіе нѣкоего нищенскаго хожденія причта, смущающаго лишь настроеніе прихожанъ. Оказалось—ничего подобнаго нѣтъ! Просто, сердечно и радостно встрѣчаетъ деревенское населеніе славящій причтъ, и жатва добродѣтельныхъ даяній какъ-то отступаетъ на второй планъ, нимало не нарушая цѣлостнаго праздничнаго настроенія. Приходъ причта въ каждую деревню, напротивъ, служитъ къ подъему христіански-праздничныхъ чувствъ, оживляетъ деревню.

Вотъ входимъ съ о. діаконъ въ первую избу. Здѣсь ждутъ уже, и все готово къ славленію. Крестъ, иконы Богоматери и Воскресенія, унесенныя еще утромъ изъ церкви, стоятъ въ переднемъ углу, на столѣ—ризница, разложенная Листопадовымъ. Цѣлая толпа нарядной молодежи и почтенныхъ мужичковъ и женщинъ занимають чуть не всю избу. Облачившись, начинаемъ молебенъ,—и службѣ невольно сообщается искренность и оживленіе; радость на лицахъ у всѣхъ, радость и въ собственномъ сердцѣ... „Христось воскресе!“—отъ души привѣтствуешь домохозяевъ, подходящихъ благоговѣнно ко кресту.

Мой о. діаконъ присаживается къ столу, извлекаетъ изъ

кармана пустой пока кошель и приходскую тетрадь; хозяйнѣ той порой достаетъ съ полки приготовленные мѣдяки, которые по исчисленіи слѣдуютъ въ приуготовленное въ свою очередь о. діаконѣмъ вмѣстилище. Тутъ о. дьяконъ обращается къ хозяйкѣ:

— Что-жъ, Карповна (онъ знаетъ всѣхъ по имени и отчеству), знаешь, чай: „пасха яйцами прославляется“, — припасла десяточекъ?..

— Ужъ какъ не знать—извѣстно положеніе!..—благодарушно улыбаясь и видимо соглашаясь съ словами о. дьякона, какъ нѣкоей аксіомой, говорить хозяйка и подаетъ въ чашкѣ приготовленный десятокъ... Получивъ должное, съ взаимными благопожеланіями спѣшимъ мы за крестнымъ ходомъ въ слѣдующую избу, сопровождаемые деревенскою толпой. Тамъ повторяется то же самое, до стереотипной фразы о. діакона: „пасха яйцами прославляется“, включительно.

— Вы бы, о. діаконъ, хотя не въ каждомъ домѣ повторяли свою фразу,—пробоваль было я урезонить сослуживца; но получилъ лишь лаконическій отвѣтъ: „Привычка, батюшка,—нельзя; да и пускай ихъ—памятуютъ“!..

И удивительное дѣло: несмотря на кажущееся однообразие, доброе, радостное настроеніе сопутствующей насъ праздничной толпы не ослабѣваетъ до послѣдняго дома деревни. Праздничное довольство и безхитростная, чистая радость отражаются на лицахъ стараго и малаго. Хорошо, тепло становится на душѣ у самого, когда видишь эту почти стихійную радость глубоко вѣрующаго деревенскаго люда, умѣющаго такъ свято, просто, беззавѣтно выразить свою вѣру въ Воскресшаго Христа-Жизнодавца.

Почти всю Свѣтлую седмицу провелъ я въ славленіи и, вмѣсто ожидаемаго утомленія, вынесъ самое хорошее, отрадное впечатлѣніе отъ такого общенія съ приходомъ... На этомъ и кончаю пока свое письмо:—писать еще о чемъ-либо другомъ, будничномъ—какъ-то теперь не поднимается рука!

Твой другъ іерей NN. С. Бажино.

III.

190* года сентября 28 дня.

Письмо это, дорогой другъ, должно служить удостовѣреніемъ, что я еще не умеръ, о чемъ легко ты могъ заключить по продолжительному молчанію моему—съ Пасхи чуть не до октября! Но дѣло въ томъ, что большая часть протекшаго времени въ приходской жизни можетъ быть по справедливости названа „мертвымъ сезономъ“: земледѣльцамъ-прихожанамъ въ лѣтнюю пору не до насъ,—они по-горло заняты, и религіозно-приходская жизнь какъ бы замираетъ, понижается въ своей интенсивности. Яркихъ впечатлѣній, общеприходскихъ выдающихся фактовъ почти не встрѣчалось, и намъ, вмѣстѣ съ приходомъ, приходилось заниматься „аграрными дѣлами“ въ полѣ и огородѣ. И надо сознаться, что это дѣло, касающееся личнаго благополучія, не казалось, по повизнѣ своей, намъ съ женой мелочью, занимало насъ „во-всю“. Приятно было въ первый разъ сознать, что есть свой огородъ, своя полоска въ полѣ и слѣдить за прозябаніемъ и овощей и хлѣба, радоваться *мужникою радостью* успѣшности ихъ роста...

Впрочемъ, и въ пору общаго приходскаго затишья имѣлъ мѣсто одинъ фактъ не малой важности и интереса для цѣлаго прихода; это—окончаніе ученья и выпускные экзамены въ нашей земской школѣ. Не много привелось мнѣ поработать въ ней, но успѣлъ я полюбить живое законоучительское дѣло и своихъ маленькихъ прихожанъ-учениковъ. Когда въ послѣдній разъ смотрѣлъ я на группу человѣкъ въ 20 мальчиковъ, сдавшихъ выпускной экзаменъ, опасеньемъ за ихъ безпомощность сжималось мое сердце. Что-то будетъ тамъ, въ глухой безграмотной деревнѣ, съ этими единственными *пионерами* свѣта и грамоты? смогутъ ли они своими слабыми ручѣнками удержать на всю жизнь врученный имъ школой едва мерцающій свѣтильникъ, или имъ суждено опять безрезультатно погрузиться и самимъ въ *родную* тьму?... Нѣтъ, не

нужно допускать до этого печального конца! Вѣдь можно же что-нибудь сдѣлать, чтобы они не порывали связи со школой и со мной: не слѣдуетъ безпечно выпускать ихъ изъ вида, а нужно стараться и внѣ школы вліять на нихъ, поддерживать въ нихъ и развивать тѣ свѣтлыя и добрыя задатки, которые несутъ они изъ школы!.. И думалось, что всего легче это можно сдѣлать мнѣ—ихъ пастырю-священнику. Планъ созрѣлъ въ моемъ умѣ тогда же, только боюсь, что онъ покажется тебѣ, мой другъ, иллюзіей, мечтой... Мое рѣшеніе было—слѣдить неустанно за этими окончившими въ ихъ семьяхъ, побуждать ихъ соблюдать и здѣсь христіанскіе навыки молитвы, хожденія въ церковь, поддерживать охоту къ чтенію, особенно религіозныхъ книгъ. Вѣдь это же мой долгъ, моя обязанность! И вотъ, чтобы все это осуществить, я вскорѣ же выписалъ для каждаго изъ нихъ молитвословы и Псалтыри, а Евангелія выданы были во время самыхъ экзаменовъ изъ земства. Досталъ, на первый разъ хотя и не большой, запасъ религіозныхъ книгъ для чтенія. Теперь они въ кругу семей своихъ могутъ исполнять и утреннюю и вечернюю молитвы, а въ досужую пору—и почитать своимъ домашнимъ. Конечно, дѣло новое, и трудно поручиться за успѣхъ, но пока-что,—скажу не хвалясь,—доброе начинаніе прививается въ нѣкоторыхъ семьяхъ... Одно вотъ только: достанетъ ли энергіи неустанно слѣдить за начатымъ дѣломъ и продолжать его настойчиво, изъ года въ годъ? А дай-то Богъ не облѣниться!..

Теперь, послѣ лѣтней страды, опять начинается оживать нашъ приходъ, легче дышится измученному люду, и какъ-разъ наступаютъ осенніе праздники, особенно радостно, единодушно справляемые сельскими приходами. И когда же, какъ не осенью, при видѣ успѣха въ своемъ земледѣльческомъ трудѣ, праздновать свѣтло и благодарить Бога крестьянину? Вмѣстѣ съ нимъ и для насъ—сельскаго духовенства—эта пора является временемъ оживленія и „пожинанія тѣлеснаго за сѣяніе духовное“. Въ числѣ другихъ и твой покорный слуга занять тѣмъ же немаловажнымъ дѣломъ.

Вчерашній день впервые выѣзжалъ за сборомъ—*ругой*. Вооружившись *ружной тетрадкой*, унаслѣдованной отъ предшественника,—у насъ руга мѣрная, по пуду съ вѣнца,—и достаточнымъ количествомъ мѣшковъ, выслушивалъ я напутственные рѣчи своей Марьи Николаевны. У нея есть-таки практически-хозяйственная жилка,—сказалась она и теперь.

— „Ты, М. П., пожалуйста, на первый разъ требуй, что слѣдуетъ, по-строже. А то—увидятъ твою потачку, ничего не соберешь. Заслуженное, вѣдь, будешь получать—стѣсняться что же?..

— Это вѣрно твое слово, матушка,—подтверждалъ мой возница, опытный въ сборахъ, такъ какъ онъ же ѣздилъ и съ моимъ предшественникомъ.—Съ нашимъ братомъ-мужикомъ строгость—первое дѣло. Вонъ покойный батюшка,—дай Богъ ему царство небесное,—своего не ронялъ... Не вылатнишь во-время,—все равно при свадьбѣ, при другой требѣ выколотить. Извѣстно, отъ васъ не уйдешь!..

— Вотъ она и практическая сторона пастырскаго служенія,—думалъ я трогаясь въ путь:—арена для всевозможныхъ компромиссовъ.. Но что-жъ дѣлать? Такъ или иначе, надо же начинать и „вторую главу“.. Свои впечатлѣнія не буду здѣсь описывать—*слишкомъ тяжело*.

Итакъ, прощай пока, мой другъ,—до новыхъ радостныхъ и свѣтлыхъ фактовъ и явленій, которые, быть можетъ, готовить въ будущемъ мнѣ пастырская жизнь!

Твой другъ іерей NN. Село Бажино.

С. А. В.

О ПРОДОЛЖЕНИИ ИЗДАНИЯ ПРИ КИЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ
ЖУРНАЛА
„РУКОВОДСТВО ДЛѢ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“
ВЪ 1903 ГОДУ.

Въ 1903 подписномъ году и 44 году своего существованія Редакція журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“ будетъ продолжать, при помощи Божіей и сочувствіи приходскаго духовенства, свое дѣло—служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ русскихъ пастырей и содѣйствовать имъ въ ихъ святомъ дѣлѣ.

Въ этихъ видахъ въ журналѣ будутъ печатаемы не только статьи литургическаго, гомилетическаго и историческаго характера, но и будутъ разрѣшаемы вопросы, вызываемые теченіями современной жизни, будетъ выяснено отношеніе къ этимъ теченіямъ духовенства и указываемы способы и мѣропріятія борьбы съ религіозными заблужденіями и противохристіанскимъ направленіемъ жизни, а также будутъ даваемы послыные отвѣты на разные недоумѣнные вопросы и случаи, возникающіе въ пастырской практикѣ. Для лучшаго осуществленія этой задачи Редакція обращается ко всемъ русскимъ пастырямъ съ просьбой дѣлать сообщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и движеніяхъ въ духовно-религіозной жизни ихъ паствъ.

Кромѣ того, въ журналѣ будутъ помѣщаемы очерки, посвященные памяти выдающихся дѣятелей на нивѣ Христовой, и художественно обработанные рассказы изъ жизни духовенства или изъ религіозной жизни общества.

Въ ежемѣсячныхъ сборникахъ „Проповѣдей“, рассылаемыхъ подписчикамъ заблаговременно, будутъ помѣщаемы общедоступныя поученія на всѣ воскресные, праздничные и высокаторжественные дни, вѣббогослужебныя чтенія и бесѣды, катихизическія поученія для систематическаго проповѣдыванія, а также проповѣди въ обличеніе сектапскихъ заблужденій.

Въ „Богословскомъ Библиографическомъ Листкѣ“ наши читатели найдутъ краткіе отзывы или только простыя оповѣщенія обо всѣхъ выдающихся явленіяхъ и новостяхъ въ русской богословской литературѣ и духовной журналистикѣ, а также обезужденіе мнѣній свѣтской печати по церковнымъ вопросамъ.

Наконецъ, съ 1903 г. Редакція „Рус. д. е. паст.“ предполагаетъ дать своимъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, рядъ справочныхъ книжекъ по вопросамъ пастырской практики подъ заглавіемъ: „Сборникъ рѣшеній недоумѣнныхъ вопросовъ изъ пастырской практикы“.

Въ наступающемъ 1903 году будетъ данъ первый выпускъ этого изданія, въ который войдутъ рѣшенія вопросовъ изъ практики богослужебной.

Журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендованъ Святымъ-шимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ для пріобрѣтенія въ церковныя и семинарскія библиотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1888 г. за № 280).

Подписная цѣна журнала съ означенными приложеніями **ШЕСТЬ** рублей съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, правленій духовныхъ семинарій и благочинныхъ, можетъ быть отсрочена до сентября 1903 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: *Кіевъ, въ Редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.*

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 20 января 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *Г. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Анд. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 5.

Подписка принимается въ редак-
ци сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, февраля 2-го.

Содержаніе: Дѣло пастыря-законоучителя въ школѣ.—Русское духовенство въ Галиціи (продолженіе).—Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго (продолженіе).

Дѣло пастыря-законоучителя въ школѣ.

Религіозное воспитаніе учащихся въ школѣ можетъ итти правильнымъ путемъ только подъ покровомъ и руководствомъ Церкви. Такъ оно и ставится здѣсь, по крайней мѣрѣ—по идеѣ. Одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ школьной программы, излагающій основы христіанской вѣры и жизни, поручается въ школѣ не свѣтскому преподавателю, а священнику, пастырю Церкви, т. е. лицу не только признанному авторитетнымъ по всѣмъ вопросамъ религіозной области, но и облеченному Церковію особыми благодатными силами и полномочіями. Итакъ, здѣсь школа соединяется съ Церковію, именно въ смыслѣ подчиненія религіозной области своего дѣла не контролю только, а непосредственному прямому завѣдыванію и руководству со стороны Церкви. Школа не беретъ на себя этого дѣла, а обращается къ Церкви, и Церковь посылаетъ ей одного изъ своихъ пастырей, какъ лицо, вполне способное правильно, т. е.

по духу Церкви, выполнить предстоящую ему задачу. Какъ же понимать эту задачу? Можетъ ли она исчерпываться однимъ *религіознымъ обученіемъ*, т. е. сообщеніемъ учащимся въ школѣ извѣстной суммы религіозныхъ знаній? Такъ суживать дѣло законоучителя въ школѣ значило бы не понимать его настоящаго значенія здѣсь, между тѣмъ послѣднее весьма велико. Въ скромной дѣятельности каждаго школьнаго законоучителя заключается одинъ изъ путей, и притомъ весьма важныхъ, великаго служенія пастырскаго.

Насажденіе въ жизни человѣческой высокихъ началъ христіанской вѣры, а вмѣстѣ съ ними любви, правды и добра, созиданія святаго царствія Божія на землѣ—такова задача служенія пастырей Церкви. Предъ ними необозримая нива жизни человѣческой; въ ихъ рукахъ тѣ сѣмена „добрыя“, которыя одни только могутъ дать и плоды добрые на нивѣ этой; ихъ дѣло насаждать эти сѣмена въ душахъ людей и зорко, неустанно слѣдить за тѣмъ, какъ растутъ они: всѣми силами помогать правильному развитію ихъ, оберегая отъ всего, что могло бы повредить имъ. Дѣло великое и вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣримо трудное! Наученіе съ церковной кафедры, особое воздѣйствіе средствами благодатными и близкое жизненное руководство—вотъ тѣ пути, какими направляется оно. Но какъ, какими путями и средствами совершается это пастырски-воспитательное воздѣйствіе по отношенію, въ частности, къ тому возрасту, въ которомъ всѣ силы человѣка находятся еще въ процессѣ развитія, когда душа наша, еще незанятая никакими обширными знаніями, прочными убѣжденіями, опредѣлившимися стремленіями, представляется столь нѣжною и податливою, что ее сравниваютъ съ мягкимъ воскомъ? Ясное дѣло, что именно этотъ періодъ въ жизни человѣка, давно опредѣлившійся какъ единственно удобный для воспитанія, представляется особенно важнымъ и въ дѣлѣ пастырства: сѣмена христіанской вѣры, посеянные и пустившія здоровый ростокъ въ юной душѣ, будутъ питать ее своими плодами въ теченіе всей дальнѣйшей жизни ея. Итакъ, въ чемъ же выра-

жается пастырская дѣятельность по отношенію къ этому возрасту?

Къ сожалѣнію, мы должны констатировать фактъ крайней слабости и скудости (часто даже полное отсутствіе) нарочитыхъ пастырски-воспитательныхъ воздѣйствій по отношенію къ раннему дѣтскому возрасту. Обыкновенно, юная душа новаго члена Церкви Христовой, вошедшаго въ нее дверью таинства крещенія, всецѣло предоставляется въ своемъ развитіи родителямъ дитяти, въ случаѣ смерти ихъ—старшимъ членамъ семьи, или вообще взрослымъ людямъ, на попеченіи которыхъ находится дитя. Восприемники послѣдняго отъ купели крещенія,—эти поручители за младенца въ смыслѣ непремѣннаго усвоенія имъ въ свое время основныхъ истинъ христіанской вѣры,—обыкновенно своей обязанности въ этомъ отношеніи не исполняютъ, чаще всего даже не имѣютъ надлежащаго понятія о ней. Такимъ образомъ, христіанизация этой дѣтской души, насажденіе и развитіе въ ней началъ вѣры Христовой по духу Церкви Православной, смѣло можно сказать, оставляются на произволь судьбы. Пастырь Церкви если и заглядываетъ въ эту область, то весьма рѣдко, случайно и не надолго. О непремѣнномъ систематическомъ участіи пастыря въ этомъ дѣлѣ, хотя бы въ формѣ постоянного внимательнаго наблюденія за нимъ, мы ничего не знаемъ. Первымъ актомъ формальнаго вниманія и какъ бы контроля этого дѣла со стороны церкви является первая исповѣдь дитяти; но опять, къ сожалѣнію, нельзя не сказать, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло, большею частію, съ актомъ именно *формального* характера. Исповѣдь, при обычномъ, весьма поверхностномъ совершеніи ея надъ дѣтьми, притомъ двумя-тремя сразу, не можетъ служить тѣмъ важнымъ средствомъ пастырскаго воспитанія, какимъ должна бы служить. Такъ, безъ надлежащаго нарочито-воспитательнаго воздѣйствія пастырскаго, проходятъ первые дѣтскіе годы; также могли бы пройти и слѣдующіе за ними годы отрочества и первой юности, если бы обычный порядокъ воспитанія не создалъ необходимости для

этого возраста стать уже въ непосредственныя близкія отношенія къ пастырю церкви: семью смѣняетъ школа, а въ ней религіознымъ наставникомъ является пастырь-законоучитель. Вотъ здѣсь и открывается все огромное значеніе дѣятельности послѣдняго.

Каждый годъ школа принимаетъ подъ свое руководство десятки новыхъ питомцевъ. Это — „новички“, въ полномъ смыслѣ слова, невѣдущіе школьной жизни, ея порядковъ, довѣрчиво открывающіе свою душу всѣмъ ея вліяніямъ. И вотъ, среди этихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ вліяній законоучитель-пастырь долженъ завоевать для себя возможно больше мѣста. Предъ нимъ прекрасное, въ большинствѣ случаевъ еще совершенно чистое, дѣвственное поле дѣтской души; оно не занято еще тѣми плевелами, которыми послѣ такъ щедро надѣляетъ человѣческую душу жизнь, и которые своими широкими корнями постепенно вытѣсняють изъ нея все идеальное, высокое, святое. Предъ нимъ нива открытая, чистая, и время для посѣва на ней самое удобное. Ему остается, помня свой высокій пастырскій долгъ и всецѣло проникшись святою ревностію объ истинномъ благѣ всѣхъ этихъ юныхъ душъ, горячо взяться за дѣло. При этомъ онъ непрестанно долженъ помнить и то, что время не ждетъ, что такая благоприятная пора для посѣва и здороваго крѣпкаго роста добрыхъ сѣмянъ въ этихъ душахъ не повторится больше никогда, что пройдутъ установленные годы, и эти вынѣшніе новички оставить школу уже почти сложившимися людьми и выйдутъ изъ нея прямо въ жизнь. Пора лучшаго перваго посѣва уже прошла, и горе сѣятелю, если поле его оказалось покрытымъ плевелами, терніемъ и волчцами...

Итакъ, мы смотримъ на дѣло законоучителя въ школѣ, какъ на дѣло чисто пастырское. Его задача здѣсь — *религіозно-воспитательная*, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Такъ понимать ее заставляютъ, съ одной стороны, скудость въ нашей практикѣ другихъ путей для непосредственныхъ воспитательныхъ воздѣйствій пастыря на развивающуюся юную душу, съ

другой—полная возможность и широкія средства для этого именно въ школѣ. Здѣсь, въ этихъ ученикахъ, стройными рядами размѣщающихся на скамьяхъ всѣхъ классовъ, отъ перваго до послѣдняго, и въ извѣстные часы слушающихъ уроки своего „батюшки“, послѣдній долженъ видѣть не что иное, какъ „приходъ“ свой, свою особую юную и потому еще болѣе дорогую паству. На его глазахъ, годъ за годомъ, мѣсяць за мѣсяцемъ, почти изо-дня въ день, постепенно раскрывается подробная картина возрастанія каждой изъ этихъ юныхъ человеческихъ душъ, и онъ ли, самымъ долгомъ своимъ призваннй содѣйствовать правильному развитію религіозныхъ началъ въ нихъ, не употребитъ всѣхъ средствъ къ этому?

Первымъ изъ этихъ средствъ является то дѣло религіознаго обученія, сообщенія извѣстныхъ религіозныхъ христіанскихъ истинъ, которое входитъ въ общій курсъ предметовъ школьнаго преподаванія. Это путь чисто теоретическій. Имъ каждый изъ учениковъ вводится въ кругъ тѣхъ религіозныхъ *знаній*, безъ коихъ не возможно сознательное, разумное отношеніе человека къ своей вѣрѣ. И эта сторона дѣла давно уже получила въ нашей общеобразовательной школѣ свою довольно широкую постановку. Въ курсъ Закона Божія здѣсь входятъ свѣдѣнія о исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, ученіе о богослуженіи, исторія христіанской церкви и катихизисъ. Каждый законоучитель, имѣя въ рукахъ опредѣленную программу и извѣстныя руководства—учебники, сообщаетъ ученикамъ надлежащія свѣдѣнія изъ той области, какая проходится имъ въ данномъ классѣ. Ученики, при помощи тѣхъ же учебниковъ, усвояютъ эти свѣдѣнія, даютъ отчетъ въ нихъ законоучителю, получаютъ за это соотвѣтствующіе баллы въ теченіе года, провѣряются, наконецъ, въ своихъ знаніяхъ еще и на экзаменахъ, гдѣ таковыя практикуются. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи законоучитель находится въ положеніи, повидимому, одинаковомъ съ другими преподавателями школы; его дѣло есть дѣло *учителя*. Однако есть, или, лучше сказать, должна быть своя особая характерная черта и въ этомъ дѣлѣ его. Имѣя цѣль въ

самой себѣ, именно—въ сообщеніи учащимся извѣстныхъ знаній, эта учительская или учебная сторона дѣятельности священника въ школѣ должна служить вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ средствъ къ достиженію главной, конечной цѣли всего дѣла его здѣсь, именно—къ религіозному воспитанію каждаго изъ учениковъ.

Такое пониманіе значенія Закона Божія въ школѣ, какъ предмета не учебнаго только, а (и главнымъ образомъ) религіозно-воспитательнаго, въ послѣднее время выдвигается все болѣе, выставляя требованія коренной реформы въ преподаваніи этого предмета. При этомъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, нѣкоторые, въ пылу увлеченія принципомъ, не знаютъ уже никакихъ границъ и настаиваютъ на полномъ уничтоженіи нынѣшнихъ формъ преподаванія Закона Божія—систематическаго усвоенія, провѣрки знаній, балловъ и проч. По ихъ мнѣнію, все дѣло—въ воспитаніи въ душахъ учениковъ добрыхъ религіозныхъ чувствъ, а достиженію такой цѣли всѣ эти формальности не только-де не помогаютъ, но наоборотъ—вредятъ.

Отбросивъ крайности, нельзя не согласиться съ основною мыслью, руководящею такими требованіями: нельзя трактовать Законъ Божій лишь какъ предметъ обычнаго школьнаго изученія, совершенно одинаковый съ другими предметами учебнаго курса школы. Въ немъ заключается, повторяемъ, важное средство къ достиженію главной цѣли законоучителя—религіознаго воспитанія учащихся. Если эта цѣль не достигается, то какую цѣну могутъ имѣть самые блестящіе успѣхи ученика по Закону Божію, засвидѣтельствованные самыми высшими баллами въ журналахъ! Скажемъ болѣе: долженъ ли и даже имѣть ли право законоучитель ставить высшіе баллы тамъ, гдѣ онъ имѣетъ дѣло лишь съ безукоризненнымъ внѣшнимъ усвоеніемъ ученикомъ преподаннаго ему, но безъ желательнаго, столь цѣннаго для преподавателя-пастыря развитія въ душѣ этого ученика добрыхъ благочестивыхъ чувствъ, религіозной настроенности? Полагаемъ, что на этотъ вопросъ

нельзя отвѣтить иначе, какъ отрицательно. Здѣсь не должно быть мѣста обычной индифферентной, по идеѣ своей математически точной оцѣнкѣ знаній учениковъ: у законоучителя она должна основываться не на однихъ знаніяхъ ученика—достояніи ума, а непременно принимать въ соображеніе и другія стороны его души—и сердце и волю, такъ какъ *религія* (religio—связь челоуѣка съ Богомъ), предметъ заботъ законоучителя-пастыря, не можетъ быть насаждена въ душѣ ученика при посредствѣ однѣхъ умственныхъ силъ его. Поэтому, общая религіозная настроенность ученика должна имѣть для пастыря-законоучителя весьма важное (хотя, конечно, не единственное) значеніе при обычной оцѣнкѣ имъ успѣховъ этого ученика по Закону Божію. Такая „пристрастность“ его и будетъ настоящею справедливостью.

Такимъ образомъ, при этомъ взглядѣ на Законъ Божій, какъ на важное средство пастырскаго воспитанія учащихся, какъ видимъ, сама собою должна измѣниться до нѣкоторой степени обычная внѣшняя обстановка школьнаго преподаванія этого предмета,—однако, отнюдь не въ смыслѣ полного устраненія ея. Гдѣ предстоитъ задача передать десяткамъ учениковъ класса цѣлую систему свѣдѣній, довольно обширную, довести эти свѣдѣнія до полного сознанія каждаго изъ учениковъ и имѣть ясное представленіе о томъ, насколько это достигнуто, тамъ нельзя обойтись—безъ обычныхъ уроковъ, систематически, въ послѣдовательномъ порядкѣ, по частямъ излагающихъ учебный матерьялъ, безъ повторенія этихъ уроковъ учениками дома, по указаннымъ для этого пособіямъ, безъ обычнаго „спрашиванія“ учениковъ, какъ средства провѣрить ихъ знанія, и наконецъ—безъ оцѣнки послѣднихъ баллами. Вся эта шаблонная процедура школьнаго обученія, сложившаяся давно, крѣпко усвоена школою, опытомъ познавшею, что безъ этихъ „формальностей“ обойтись ей почти невозможно. Нецѣлесообразно было бы поэтому устранять ихъ и въ отношеніи Закона Божія, какъ предмета, дающаго сложный матерьялъ *для изученія*, т. е. усвоенія интеллектуальными

силами учениковъ, и съ этой стороны не отличающагося отъ другихъ предметовъ школы. Итакъ, мы не можемъ простираť своихъ желаній въ этой области такъ далеко, какъ то дѣлаютъ нѣкоторые слишкомъ стремительные реформаторы; съ другой стороны, нельзя примѣнять къ преподаванію Закона Божія мѣрку совершенно одинаковую съ другими предметами школы. Высокое значеніе этого предмета, самое содержаніе и характеръ его заставляютъ отводить ему особое мѣсто въ курсѣ школы и относиться къ нему иначе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ учебнымъ предметамъ, съ болѣе высокими, идеальными запросами. Поэтому, оставляя и для него, какъ неизбѣжную, почти всю обычную внѣшнюю форму преподаванія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ стоимъ за возможно большее смягченіе ея здѣсь, за устраненіе той сухости, того формализма, педантической точности, учительскаго фанатизма и пр., что обыкновенно такимъ гнетомъ ложится на живое дѣло всякаго преподаванія, убивая въ немъ духъ и оставляя одну мертвую букву. Думается, что при идеальномъ широкомъ взглядѣ на дѣло законоучителя,—не только у него самого, но и у его начальства, которое не стѣсняло бы законоучителя требованіями точнаго соблюденія установленныхъ формальностей,—возможно и при обыкновенной формѣ преподаванія поставить этотъ предметъ на подобающей ему высотѣ.

Перейдемъ къ самому содержанію Закона Божія.

Проф. *Н. Маккавейскій*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русское духовенство въ Галиціи ¹⁾.

Лучшимъ украшеніемъ униатскаго богослуженія, слышаннаго нами въ галицко-русскихъ храмахъ во Львовѣ и Перемышлѣ, служить, безъ сомнѣнія, *проповѣдь*. Не знаемъ, какъ въ сельскихъ храмахъ, но въ городскихъ проповѣдь состав-

¹⁾ См. № 50 за 1902 годъ.

ляетъ въ Галиціи необходимую принадлежность не только литургіи, но даже и другихъ церковныхъ службъ, напр., вечерни, особенно въ воскресные и праздничные дни. Видимо, что галицко-русское духовенство съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ относится къ своему долгу проповѣдыванія слова Божія. Видно, что и въ школѣ, именно въ духовной семинаріи греко-католической, обращается серьезное вниманіе на обученіе кандидатовъ священства хорошему проповѣдничеству. Замѣтно, что и самъ народъ галицко-русскій и любитъ слушать хорошія проповѣди и высоко цѣнить усердныхъ проповѣдниковъ.

Какъ и въ римско-католической церкви, въ галицко-русскихъ храмахъ проповѣдь произносится непосредственно послѣ прочтенія евангелія. Проповѣдь произносится съ возвышенной, особо устроенной, кафедрой. Предметомъ проповѣди, по крайней мѣрѣ, сколько намъ приходилось слышать, бываетъ преимущественно евангельское рядовое чтеніе, а на вечернемъ богослуженіи—или событіе праздника, или жизнь святого дня, или просто современная жизнь общества въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Галицко-русское духовенство проповѣдуетъ всегда живою рѣчью. Ни одного раза и нигдѣ намъ не приходилось слышать проповѣдника галицко-русскаго, читающаго свою проповѣдь народу по тетрадкѣ. Проповѣдники держатъ себя на церковной кафедрѣ свободно и непринужденно, всѣмъ своимъ поведеніемъ и образомъ дѣйствій ясно показывая, что они совершаютъ привычное, хорошо знакомое имъ дѣло. Какихъ-либо особенно экспрессивныхъ дѣйствій, бьющихъ на эффектъ, а тѣмъ болѣе дѣйствій рѣзкихъ, какія иногда позволяютъ себѣ римско-католическіе ксендзы, нами нигдѣ въ галицко-русскихъ храмахъ во время произнесенія священниками проповѣдей не замѣчено. Всѣ слышанныя нами проповѣди произносились на обыкновенномъ разговорномъ малороссійскомъ языкѣ. Только въ двухъ случаяхъ, въ Св.-Юрской кафедральной и Успенской при Ставропигійскомъ институтѣ церквяхъ было замѣтно стремленіе проповѣдниковъ говорить на новомъ, т. е. русинскомъ языкѣ, съ

употребленіемъ словъ, видимо, искусственно придуманныхъ и потому непонятныхъ для слушателей.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о содержаніи проповѣдей, на основаніи собственныхъ нашихъ наблюденій, и пріемахъ проповѣдническихъ.

Всякая проповѣдь начиналась и оканчивалась произнесеніемъ словъ: „во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь“.

За произнесеніемъ этихъ словъ, слѣдовало обыкновенно чтеніе евангелія, положеннаго на литургіи.

Тема для проповѣди бралась изъ прочитаннаго евангелія и развивалась такимъ образомъ: объясненіе, или истолкованіе событія, или ученія евангельскаго, приложеніе его къ современной жизни и, наконецъ, правоученіе.

При изображеніи евангельскихъ событій, или же при разъясненіи евангельскаго ученія замѣтно стремленіе представить то и другое слушателямъ какъ можно яснѣе, реальнѣе; отсюда подробныя описанія, изображеніе палестинскихъ мѣстностей, быта, обычаевъ народныхъ во время земной жизни Спасителя и т. п.

Въ рѣчахъ проповѣдниковъ касательно примѣненія евангельскихъ событій и ученія замѣтна особенная любовь къ употребленію образовъ и примѣровъ, выхваченныхъ, такъ сказать, изъ текущей жизни, изъ привычной и хорошо знакомой слушателямъ житейской обстановки. Одинъ проповѣдникъ, напр., слышанный нами, въ примѣръ того, какъ грѣхъ можетъ укorenяться въ душѣ человѣка, указывалъ своимъ слушателямъ на „лопухъ“, при чемъ онъ изложилъ исторію сего растенія, его особенности, остановившись больше всего на необыкновенной плодовитости его.

Другой проповѣдникъ, заговоривъ о томъ, какъ грѣхъ бываетъ заразителенъ и какія средства употребляетъ діаволь для того, чтобы соблазнить христіанина, перешелъ къ рѣчи о порочныхъ женщинахъ, которыхъ, по словамъ проповѣдника, такъ много во Львовѣ и которыхъ онъ изобразилъ съ такою реальностію, что въ иныхъ мѣстахъ его рѣчи слушатели и

особенно слушательницы чувствовали себя, видимо, смущенными.

Въ правоучительной части замѣтно у галицко-русскихъ проповѣдниковъ стремленіе къ обличительному тону. Есть основаніе думать, что страстію обличать своихъ пасомыхъ въ особенности отличаются сельскіе галицко-русскіе священники. Такъ заставляетъ думать и митрополитъ Шептицкій, который въ своемъ окружномъ посланіи къ духовенству, по поводу вступленія его на митрополичью кафедру, нашелъ нужнымъ предостеречь духовенство отъ употребленія рѣзкихъ обличеній въ проповѣди.

„Избывая проповѣдей обличающихъ и не затрагивая въ нихъ никакихъ личностей“, говоритъ митрополитъ Шептицкій, „будемъ стараться, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ каждые два года разъ проходить въ своихъ проповѣдяхъ катихизисъ отъ первой и до послѣдней страницы“.

Указаніе митрополита на катихизическое ученіе, какъ на главный предметъ желательныхъ для него проповѣдей духовенства даетъ нѣкоторый поводъ предполагать, что галицко-русское духовенство уклоняется отъ этого рода проповѣдей. Наши наблюденія, правда, ограниченныя, до нѣкоторой степени подтверждаютъ вѣроятность даннаго предположенія. У галицко-русскихъ проповѣдниковъ подмѣчается особенность, склонность обсуждать въ своихъ проповѣдяхъ предметы современной жизни, не исключая и политической. О чемъ бы ни заговорилъ проповѣдникъ, онъ старается какъ можно скорѣе покончить съ догматическими и катихизическими сюжетами и перейти къ современной жизни. Самые примѣры, которые галицко-русскіе проповѣдники такъ любятъ употреблять въ своихъ проповѣдяхъ для поясненія своихъ мыслей, они, видимо, стараются брать не изъ библіи и даже не изъ священной и церковной исторіи, но преимущественно изъ окружающей дѣйствительной жизни, или изъ гражданской исторіи. Особенно памятна намъ въ этомъ отношеніи одна проповѣдь, слышанная нами въ церкви св. Николая на Жолкевской улицѣ

во Львовѣ. Проповѣднику, который обращался со своимъ словомъ къ слушателямъ, состоявшимъ почти исключительно изъ простолюдиновъ, нужно было пояснить ту мысль, что въ царствѣ небесномъ—много обитателей, которыя раздаеть Спаситель вѣрующимъ въ Него, сообразно съ ихъ заслугами. Лучшаго примѣра для этого проповѣдникъ не нашель, кромѣ факта раздачи Александромъ Македонскимъ своего царства своимъ военачальникамъ—діадохамъ. Казалось намъ, что слушатели совершенно не поняли проповѣдника.

Несмотря на такіе недочеты въ проповѣдничествѣ галицко-русскаго духовенства, проповѣди и слышанныя и читанныя нами въ галицко-русскихъ періодическихъ духовныхъ изданіяхъ производили на насъ всегда общее самое благопріятное впечатлѣніе. Что особенно хорошо у галицко-русскихъ проповѣдниковъ, такъ это, безъ сомнѣнія, хорошій навыкъ произносить проповѣдь живою, свободною, разговорной рѣчью. Быть можетъ, этимъ именно объясняется и то, что намъ никогда не приходилось наблюдать въ галицко-русскихъ храмахъ массоваго выхода изъ храма богомольцевъ предъ и во время произнесенія проповѣди.

Одну изъ отличительныхъ особенностей проповѣдничества галицко-русскаго духовенства составляетъ *публицистическій характеръ его*. Это—не случайное явленіе. Оно обуславливается самымъ положеніемъ греко-католическаго духовенства въ Галиціи. Галицко-русское духовенство представляетъ передовой, руководящій и притомъ единственный интеллигентный классъ русскаго населенія Галиціи. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, русское населеніе Галиціи равняется 3.103.410 чел. (за 1900 годъ¹). Преимущественное, подавляющее большинство въ средѣ русскаго населенія Гали-

¹) Любопытно, что въ исчисленіи русскаго населенія въ Галиціи замѣчается большая разница между показаніями шематизмовъ уніатскихъ, которые теперь редактируются базиліанами и по показаніямъ которыхъ за 1900 годъ въ Галиціи было русскихъ 2.982.456 чел., и свѣдѣніями общегосударственной переписи, которыми и мы пользовались.

ціи составляетъ именно крестьянство, простой народъ, живущій по селамъ; незначительный процентъ его приходится на долю мѣщанства и вообще мелко-торговаго населенія, проживающаго въ городахъ; наконецъ, еще меньшій, сравнительно съ общимъ числомъ всего русскаго населенія Галиціи ничтожный процентъ, составляетъ интеллигенція, образованный классъ, къ которому принадлежатъ: духовенство, мелкое чиновничество и учителя гимназій. Такъ какъ чиновники и учителя гимназій живутъ въ городахъ, гдѣ русское населеніе сравнительно немногочисленно, то, слѣдов., главными образованными представителями русскаго народа въ Галиціи, руководителями его въ религіозной, умственной, нравственной и соціально-экономической жизни являются священники. Такимъ образомъ, самое положеніе священниковъ, какъ единственно образованныхъ представителей русскаго (преимущественно) сельскаго населенія Галиціи, призываетъ ихъ къ широкой общественной дѣятельности.

Кромѣ того, положеніе русскаго населенія въ Галиціи было и есть боевое въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Съ одной стороны, польская администрація и польское панство, а съ другой стороны, жидовство сѣются завладѣть галицко-русскимъ крестьяниномъ, поработить его себѣ умственно и въ экономическомъ отношеніи, убить въ немъ все русское, родное...

И у крестьянъ галицко-русскихъ нѣтъ рѣшительно никого, кромѣ духовенства, кто бы могъ поддержать, ободрить, утѣшить и поруководить ихъ въ этой неровной, исключительной культурной борьбѣ.

И должно правду сказать, что галицко-русское духовенство до послѣдняго времени сознавало всю важность и величайшую отвѣтственность положенія, какое указано ему самимъ Провидѣніемъ въ многострадальной исторіи родного народа. Въ большинствѣ случаевъ галицко-русскіе священники всегда стояли на высотѣ своего призванія пастырей русскаго населенія Галиціи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Какъ

искренніе, убѣжденные патріоты, галицко-русскіе священники всегда были и духовными руководителями-пастырями и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтниками, учителями своей паствы въ социальнo-экономической жизни ея. Типичнѣйшимъ представителемъ галицко-русскаго священника этого рода можетъ служить хорошо извѣстный у насъ, въ Россіи галицко-русскій патріотъ протоіерей Іоаннъ Наумовичъ, сложившій кости свои въ Кіевѣ, на Аскольдовой могилѣ, вдали отъ родины, которую онъ вынужденъ былъ оставить именно потому, что былъ истиннымъ отцомъ, другомъ, совѣтникомъ и руководителемъ своихъ пасомыхъ. Духъ протоіеря І. Наумовича, къ счастью, и доселѣ еще не умеръ въ средѣ галицко-русскаго духовенства. Встрѣчаются и теперь среди этого послѣдняго священники, которые въ своей дѣятельности далеко не ограничиваются исполненіемъ чисто пастырскихъ обязанностей. Такъ, напр., о нынѣшнемъ приходникѣ Вѣнской греко-католической церкви во имя св. великом. Варвары Николаѣ Семеновѣ извѣстно, что онъ будучи „сотрудникомъ“ въ одномъ изъ приходоѡ Станиславовской епархіи въ Галиціи устроилъ два общественныхъ дома, основалъ двѣ читальни народныхъ, завелъ два общественныхъ магазина для ссыпки хлѣба на случай неурожая и т. п., наконецъ, расширилъ и украсилъ приходскій храмъ. Въ бытность же свою „приходникомъ“ въ одномъ изъ селеній той же епархіи, онъ организовалъ мужское и основалъ женское церковно-приходское братство и учредилъ кассу для бѣдныхъ прихода подъ именемъ „Самаряницъ“.

Къ сожалѣнію, не на основаніи уже своихъ личныхъ наблюденій, а на основаніи словъ самихъ же галицко-русскихъ нашихъ знакомыхъ, мы должны сказать, что ряды такихъ галицко-русскихъ священниковъ, добрыхъ пастырей, ревностныхъ и убѣжденных патріотовъ, неустрашимыхъ борцовъ за дѣло своей церкви и своего народа все болѣе и болѣе рѣдѣютъ. Выѣсто нихъ нарождается новое поколѣніе священниковъ, зараженныхъ духомъ панства, легкомысленнаго отношенія къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ, съ

пренебреженіемъ отвращающихъ лице свое отъ родной паствы въ сторону польской шляхты и даже римско-католической церкви... Типъ этого нарождающагося галицко-русскаго священника превосходно и мастерски изображенъ нынѣшнимъ галицко-русскимъ митрополитомъ Шептицкимъ въ его пастырскихъ посланіяхъ, съ которыми мы уже знакомы. Молодые галицко-русскіе священники очень часто сквозь пальцы смотрятъ на то, какъ римско-католическіе ксендзы воруютъ изъ ихъ стада овецъ. Молодые священники равнодушно относятся къ обыкновенію своихъ прихожанъ ходить на польскіе „отпусты“, во время которыхъ они не только участвуютъ въ латинскомъ богослуженіи, но иные даже исповѣдуются и причащаются у римско-католическихъ ксендзовъ. А находятся и такіе между молодыми галицко-русскими священниками, которые спѣшатъ на польскіе „отпусты“ даже впереди своихъ прихожанъ...

(Продолженіе будетъ).

Священникъ *Θ. Титовъ*.

Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго¹⁾.

Въ чинѣ архіерейской хиротоніи до 1856 года объ одѣяніи рукополагаемаго въ епископа въ священныя одежды говорилось такимъ образомъ: „И по аминѣ полагають Евангеліе на святой трапезѣ, и тако *налагаетъ хиротонисуемому омофоріи*, глаголя: „Аксіось“. Подобно и клиръ тожде“²⁾. Данное замѣчаніе находитъ для себя основаніе не только въ греческомъ оригиналѣ, бывшемъ подъ руками архимандрита Гавріила Бужинскаго³⁾, но и въ громадномъ количествѣ литургическихъ памятникѣвъ болѣе древнѣйшаго времени, въ которыхъ

¹⁾ См. № 4 за 1903 г.

²⁾ Чинъ избран. и рукоп. архіер. М. 1816, л. 32 об.—33.

³⁾ Εὐχολογ. Goar. pag. 251; Снес. pag. 252; А. Дмитріевскій. Описан. литург. ркн. т. II. Εὐχολόγια, стр. 17, 272, 301. 624, 655, 694, 774.

говорится только *объ одномъ омоформъ*¹⁾, какъ отличительномъ епископскомъ облаченіи, и совершенно не упоминается о дру-

¹⁾ Въ настоящее время въ богослужебной практикѣ и на Востокѣ и у насъ въ Россіи употребляется *омоформъ* (ὤμορϝ—плечо и φέρω—несу) двойкой формы: большой и малый. Въ первый архіереи облачаются въ началѣ литургіи и имѣютъ его на себѣ до чтенія апостола, а также на всѣхъ торжественныхъ литаніяхъ и процессіяхъ, совершаемыхъ внѣ храма. Во второмъ маломъ омоформѣ они совершаютъ проскомидію, освященіе св. Даровъ на престолѣ, чины хиротоній во діакона и пресвитера и всѣ другія таинства, а равно требы и молитвословія внутри храма. Такое различіе въ употребленіи этихъ двухъ омоформовъ въ церковной практикѣ—не случайное, и одними практическими удобствами малаго омофора передъ большимъ едва ли можно объяснить его. Причины такого различія, по нашему мнѣнію, нужно искать гораздо глубже, а именно—во времени происхожденія этихъ облаченій. Безспорно древнѣйшею формою епископскаго омофора слѣдуетъ признать малый омоформъ, облегающій шею епископа и спускающійся по плечамъ его впередъ. За это говорить и литургическіе памятники, и свидѣтельства отцевъ церкви, и памятники древне-христіанской иконописи съ изображеніями епископовъ. Въ чинахъ о возложеніи омофора говорится: „περιτίθησι τῷ τραχήλῳ τοῦ χιροτονουμένου т. е. облагаетъ шею хиротонисуемаго“—первенствующій архіерей (А. Дмитріевскій. Опис. литург. ркп. т. II. Εὐχολόγια стр. 301; Mign. Patrol. Cours. complet. t. 155 col. 421). Св. Каллистъ I (218—223) и Марцеллинь (296—304), папы римскіе, изображены въ такихъ омофорахъ на стеклянныхъ сосудахъ, найденныхъ въ катакомбахъ (Garrucci. Storia dell' arte christian. 1876 an., vol. III, tav. 188, pag. 187). Древнѣйшее изъ свидѣтельствъ отеческихъ объ омоформѣ принадлежитъ Исидору Пелусіоту († 436), который въ символическомъ объясненіи этого облаченія епископовъ даетъ, по нашему мнѣнію, довольно ясныя указанія и на древнѣйшую его форму. „Омоформъ епископа, говоритъ онъ, сдѣланный изъ волны, (ἐξ ἐρέας), а не изъ льна, означаетъ кожу заблудшей овцы, которую Госнодь, разыскавъ, воспріялъ на рамена свои (Лук. XV, 4—5). Ибо епископъ, какъ образъ Христовъ, исполняетъ дѣло Христово и облаченіемъ своимъ показываетъ всѣмъ, что онъ уподобляется благому и великому Пастырю, будучи поставленъ нести на себѣ немощи паствы“ (Твор. св. отец. изд. М. дух. Акад. 1859, т. 34, кн. I, глав. 136, стр. 91). Высшнюю форму, какую имѣетъ у насъ малый омоформъ, въ практикѣ церковной епископъ могъ живѣе и скорѣе всего напомнить вѣрующимъ объ этой своей высокой миссіи. Меньше всего могъ говорить о томъ же значеніи епископскаго служенія въ Церкви Христовой омоформъ большой съ своимъ сложнымъ и пышнымъ устройствомъ, явившійся въ практикѣ церковной не ранѣе VI вѣка. Такой формы омоформы можно видѣть на мозаикахъ св. Софій константинопольской (W. Salzenberg. Alt-christliche Baudenkmale.

гихъ одеждахъ, даваемыхъ ему у насъ въ настоящее время. Это вполне согласно съ установившеюся практикою въ Церкви православной съ глубокой христіанской древности, которая и не знала иныхъ отличій для этого высшаго въ іерархіи церковной чина. По объясненію Симеона Солунскаго, омофоръ „со-

von Constantinopel vom V bis XII Jahrhundert. Berlin 1854. Bl. XXVIII, XXIX, S. 30—31). Явились они съ иною цѣлью въ епископскомъ облаченіи—показать высокое сановное положеніе въ іерархіи епископа—и прямо изъ костюма византійскихъ императоровъ. Проф. И. Д. Мансветовъ и Д. Θ. Бѣляевъ совершенно справедливо прототипъ этой формы епископскаго омофора видятъ въ древнихъ консульскихъ лорахъ (logum consulari) — широкой повязки вокругъ шеи, надавшей на грудь,—перешедшихъ и въ гардеробъ византійскихъ императоровъ (ἄβρον βραχίως). Самый употребительный видъ императорскаго лора, наиболѣе подходящій къ епископскому большому омофору, состоялъ „изъ широкаго воротника, лежащаго на плечахъ поверхъ каввадія или саккоса; спереди отъ воротника идетъ широкая полоса, которая простирается до полу, другой конецъ съ противоположной стороны тянется по спинѣ“. (Древности. Труды М. археол. общ. т. III, в. II, стр. 151—152; Бѣляевъ. Byzantina, т. II, Сиб. 1893, стр. 213—215, 290—291). Лоры въ торжественныхъ случаяхъ носили не только цари и царицы, но и знаменитые высшіе византійскіе вельможи (магистры, аненпаты и патрикіи), получавшіе ихъ, какъ награду, отъ императора (Byzantina т. II, стр. 207, прим. 3). „Епископы восточные, какъ справедливо говоритъ проф. Мансветовъ, занимали почетное положеніе и считались наравнѣ съ высшими сановниками имперіи. Очень естественно, что на нихъ перешли и отличія высшихъ придворныхъ чиновъ, а отчасти и insignia самихъ императоровъ“ (Древности. Труды М. арх. общ. т. III, в. II, стр. 152). Но такъ какъ не всѣ чины придворные имѣли это высокое отличіе, а только высшіе 12 сановниковъ, то и епископы не сразу получили большой омофоръ, какъ принадлежность своего сана. Константинопольскій соборъ 869 года въ 14 правилѣ несомнѣнно имѣетъ въ виду этой формы омофоръ, когда дозволяетъ носить его только нѣкоторымъ *опредѣленнымъ* (τοὺς ὁρισθέντας) епископамъ и при томъ въ извѣстные только дни года (Goar. Εὐχολογ. pag. 258; Голубин. Истор. Русск. ц. т. I, пол. II, стр. 225, прим. 3). Въ X—XI вѣкахъ, какъ свидѣлствуютъ и иконографическіе памятники, большой омофоръ сдѣлался принадлежностію архіерейскаго сана и вошелъ всюду въ церковное употребленіе. (См. изображенія епископовъ въ Мѣсяцесловѣ Василия II Македонянина). Большой омофоръ имѣетъ сходство съ императорскимъ лоромъ не только по формѣ и способу его ношенія на плечахъ (Byzantina, т. II, стр. 284), но даже и во времени, въ которое надѣвали это высокое отличіе своего сана импе-

ставляетъ отличіе епископа¹⁾ и полагается „на поставленнаго пастыремъ Христовыхъ овецъ и по благодати содѣлавшагося образомъ Христа“.—„Омофоръ ясно означаетъ воплощеніе Бога Слова, потому что Онъ, обрѣтши насъ, погибшее овча, понесъ на своихъ плечахъ, облекшись всѣмъ человѣческимъ естествомъ и соединивъ съ собою и ожививъ его и вмѣстѣ принеся за насъ эту принятую (плоть) Отцу черезъ крестъ и смерть, воскресивъ и возвысивъ насъ. Посему и имѣетъ на себѣ (омофоръ) кресты, дѣлается изъ волны и по-

раторъ и архіерей. Изъ вышесказаннаго нами объ употребленіи нынѣ большого омофора видно, что онъ надѣвается на торжественныхъ выходахъ и процессіяхъ и при первомъ появленіи въ храмѣ. Въ то же время почти носили лоры и византійскіе императоры. Появляясь на Пасху и въ другіе важнѣйшіе господскіе праздники во св. Софїи и въ иныхъ храмахъ, гдѣ служилъ патріархъ, въ лорахъ, императоры, при участіи вестниковъ (завѣдующіе облаченіемъ царскимъ), по приходѣ въ мутаторій (мѣсто въ катихуменахъ, гдѣ царь слушалъ литургію), тотчасъ же снимали съ себя ихъ и, при исполненіи обязанностей депотата, во время великаго выхода, и при появленіи въ храмѣ въ важнѣйшіе моменты литургіи: во время цѣлованія любви и причащенія святыхъ Таинъ въ алтарѣ, одѣвались въ хламиды. Въ лоры императоры снова облачались, уже при выходѣ изъ мутаторія, по окончаніи литургіи и завтрака въ его триклинїи, когда, получивъ корону отъ патріарха на голову во св. кладезѣ, шли въ немъ обратно во дворецъ. Въ лорахъ они участвовали и въ торжественныхъ литаніяхъ по городу (Mign. Patrol. Curs. complet. t. 112 col. 168—172, 256, 260, 301 и др.; А. Бѣляевъ Byzantina, т. II, стр. 210—211, 164, прим. 1 и 2). Итакъ, изъ всего сказаннаго, слѣдовательно, ясно, что малый омофоръ есть отличительное и важнѣйшее архіерейское одѣяніе, по преимуществу одежда литургическая, безъ которой епископъ не можетъ совершать ни одного важнѣйшаго архіерейскаго священнодѣйствія, своимъ видомъ и матеріаломъ указующая на то, что епископъ есть прямой продолжатель служенія на землѣ Спасителя, Основателя Церкви, а большой омофоръ—одежда церковно-гражданскаго характера, дарованная отъ лица императора епископу, какъ высокому духовному сановнику имперіи. Будучи одеждою парадною, надѣваемой на выходахъ и церемоніальныхъ процессіяхъ по городу, большой омофоръ долженъ напоминать каждому изъ вѣрующихъ объ этомъ высокомъ положеніи епископа не только въ іерархіи, но даже и въ государствѣ, среди самыхъ важныхъ и преданныхъ слугъ своего государя.

¹⁾ Mign. Patrol. Curs complet. t. 155 col. 449; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуж. т. II, стр. 294.

лагается вокругъ шеи архіерея на раменахъ, но лучше по времени и кругомъ плечъ (полагается) и спереди и сзади. Нынѣ же какъ въ рукоположеніи и какъ иго божественное принимаетъ на шею, потому что спустя немного времени, при чтеніи евангелія, намѣревается спясть его¹⁾. „Іерархъ вмѣстѣ съ епигонатіемъ и прочими одеждами, пишетъ тотъ же экзегетъ по другому поводу, такъ какъ онъ имѣетъ благодать и прочихъ, имѣетъ же въ особенности архіерейскую силу, и облачается въ священный омофоръ, который, будучи изъ волны, кругомъ, спереди, сзади, облагаетъ плечи. Онъ изображаетъ ясно самое воплощеніе и вочеловѣченіе Слова ради насъ отъ Дѣвы. Ради того устроится изъ волны, потому что изображаетъ заблудшее овца, которое Спаситель воспріялъ на рамена свои, т. е. наше естество, и потому что, сошедши съ небесъ, воплотился, потому что и Самъ былъ названъ Агнцемъ, закланнымъ за насъ. И эту самую мысль иодтверждаютъ тѣ слова, которыя говорятся, возлагая (его) на плечи: „На рамо взялъ еси, Христе, заблудшее естество, вознесся, Богу и Отцу принеслъ еси“²⁾. „Трехскладный омофоръ надѣваетъ (архіерей), по объясненію экзегета, именуемаго въ рукописяхъ патриархомъ Софроніемъ³⁾, потому что служитъ Троицѣ“⁴⁾.

¹⁾ Ibid. col 421; тамъ же, стр. 269.

²⁾ Ibid. col. 716; тамъ же, т. III, стр. 23. Тѣ же мысли относительно омофора мы находимъ и въ южно-русскомъ чинѣ хиротоніи въ епископа: „Пріими, брате и сослужителю, отъ руки Христовы и отъ престола славы Его нами тебѣ даемый омофоръ, *еже есть образъ опаснаго о овцахъ словеснаго стада Христова попеченія, и еже на рамо заблудшаго овчате взятія знаменія данныя ти отъ Христа архіерейскія власти*“. (Рки. библ. Кіево-Софійев. собора № 77, л. 64).

³⁾ Весьма убѣдительныя доказательства относительно непринадлежности этому автору настоящаго толковательнаго труда можно читать у проф. Н. Ѳ. Красносельцева въ его книгѣ: „Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ литургич. рукоп. Ватик. библ.“. Каз. 1885, стр. 312—321 и въ другомъ его сочиненіи: „О древнихъ литургическихъ толкованіяхъ“. Одесс. 1894, стр. 5—23, 39—59.

⁴⁾ Писан. отц. и учит. цер., относящ. къ истолков. прав. богослуж. т. I, стр. 271.

Въ чинѣ епископской хиротоніи до 1856 года послѣ указа-
 занія о возложеніи на хиротонисуемаго омофора стояло такое
 замѣчаніе: „Аще же *престоль рукополагаемаго имѣтъ* (Въ
 чинѣ патріарха Іоакима: Аще же будетъ рукополагаемый
 митрополитъ) *налагаютъ*¹⁾ на него прежде *саккосъ* и прочія
 одежды“²⁾. Митрополитъ московскій Филаретъ, при исправ-
 леніи чина, вычеркнулъ слово „омофорій“, и, опустивъ: „Аще
 же престоль рукополагаемаго имѣтъ *налагаютъ* на него
 прежде“, поставилъ на мѣсто упомянутаго слова омофорій:
 „саккосъ и прочія одежды“³⁾,

Указаніе относительно возложенія *саккоса*⁴⁾ на рукопо-
 лагаемаго въ епископа безъ всякихъ ограниченій, какъ гово-

¹⁾ Въ южно-русскомъ чинѣ 1650 года о возложеніи омофора на хи-
 ротонисуемаго говорится: „*Рукоположитель со прочіими епископи возла-
 гаетъ* на рамена омофоръ новопосвященному“. (Ркн. библ. Кіево-Софій.
 собора № 77, л. 65).

²⁾ Чинъ избран. и рукоп. архіер. М. 1816, л. 33.

³⁾ Тамъ же, изд. М. 1885, стр. 61.

⁴⁾ Архіерейскій *саккосъ* (σάκκος—мѣшокъ, вретнище), по своему про-
 исхожденію, есть ничто иное, какъ *далматика* (tunica dalmatica) или *ди-
 витисій* (στυάριον διβητήριον), носимый византійскими императорами въ
 торжественныхъ случаяхъ подъ лорами или омофоромъ. (Доказательство
 сходства и родства всѣхъ этихъ одеждъ въ изобиліи собраны въ прево-
 сходной книгѣ покойнаго проф. Д. Θ. Бѣляева Byzantina т. II, стр. 50,
 прим. 3, стр. 51, прим. 1, 52—56, прим. 1, 281—286, 290—291, 297—298,
 300). Царскій *дивитисій* въ X—XI вѣкахъ представлялъ собою узкую и
 длинную тунку, надѣвавшуюся съ головы, почему она и стала назы-
 ваться позднѣе *мѣшкомъ*—σάκκος (тамъ же стр. 281; Mign. Patrol. Cours.
 complet. t. 127 col. 84, 108; t. 112 col. 432—436, 437—441). Имѣя отверстія
 для головы и рукъ, *дивитисій* состоялъ изъ двухъ полотень для переды и
 зады, связываемыхъ на бокахъ тесьмою или застегиваемыхъ на пуговицы,
 которыя въ архіерейскомъ *саккосѣ* превратились позднѣе въ позвонцы
 (Тамъ же стр. 55 прим.). Иногда *дивитисій* дѣлался очень узкимъ въ по-
 долѣ и доходилъ до самыхъ ступеней ногъ, а иногда онъ былъ коротокъ
 настолько, что изъ-подъ него видѣлась нижняя тунка; рукава ея были
 иногда длинные, иногда же короткія настолько, что требовали закрытія
 оголенной части рукъ посредствомъ поручей. (Тамъ же стр. 54—56, прим.
 282, 284, 286, 290—291, 294). *Дивитисій* для удобства надѣванія вверху
 имѣлъ разрѣзъ спереди, который прикрывался лоромъ (Тамъ же стр. 282,
 290 и др.). *Дивитисій* или *саккосъ*, принадлежавшій къ торжественному

рится въ нашемъ нынѣ принятомъ въ практикѣ чинѣ, или съ оговорками, которыя дѣлаются въ чинахъ патріаршемъ и синодальнаго періода до 1856 года, составляетъ особенность нашего русскаго чина. Въ греческихъ рукописныхъ чинахъ епископской хиротоніи древнѣйшаго времени, старопечатныхъ венеціанскихъ изданій и въ чинѣ митрополита нисскаго Митрофана о саккосѣ, какъ архіерейскомъ одѣяніи, нѣтъ упоминанія. Въ извѣстныхъ намъ литургическихъ памятникахъ мы нашли всего *одинъ разъ* указаніе на саккосъ и притомъ крестчатый (*σάκκος ὁ πολύσταυρος*), но не въ чинѣ хиротоніи епископа, а въ чинѣ хиротоніи *архіепископа или патріарха* XVI вѣка александрійской церкви: „Τάξις, γινομένη ἐπὶ χειροτονία ἀρχιεπισκόπου ἢ πατριάρχου“¹⁾. Причина этого кроется въ томъ, что въ древнѣйшее время на православномъ Востокѣ епископы носили фелонь²⁾, но не саккосъ, который былъ отличительною одеждою патріарховъ, получавшихъ эту одежду отъ императора. Даже патріархи восточныхъ церквей, какъ это можно видѣть изъ литургическихъ памятниковъ и историко-каноническихъ свидѣтельствъ (напр. Вальсамона и Димитрія Хоматина и др.) въ XIII вѣкѣ въ обыкновенное время большею частію пользовались при богослуженіяхъ священническою фелонью и только въ торжественнѣйшіе праздники одѣвались въ царскій саккосъ, далматіку = дивитисій, а имен-

царскому костюму, съ теченіемъ времени въ X—XI вѣкахъ сдѣлался общеупотребительнымъ выходнымъ одѣяніемъ царей, а потомъ, въ видѣ награды, перешелъ и къ знатнымъ придворнымъ вельможамъ (Тамъ же стр. 55 прим.) и къ византійскому патріарху, какъ высокому духовному сановнику въ государствѣ. Слѣдовательно, и дарованіемъ саккоса, какъ и омофора, византійскіе императоры желали поднять престижъ перваго духовнаго сановника въ государствѣ въ глазахъ церковнаго клира и народа. Въ XIV—XV вѣкахъ патріархи отъ себя стали раздавать это отличіе избраннымъ и почетнѣйшимъ, а въ XVI вѣкѣ уже и всѣмъ архіереямъ.

¹⁾ А. Дмитріевскій. Описан. литург. рки. т. II *Εὐχολόγια* стр. 697.

²⁾ Въ лицевомъ Мниологіи императора Василія Македонянина († 1025) не только всѣ епископы, но даже патріархи изображены еще въ фелоняхъ.

но: на Пасху, Рождество Христово и въ Пятидесятницу ¹⁾. Во время блаженнаго Симеона Солунскаго саккосъ, хотя и сдѣлался богослужебною одеждою патріарховъ, но не имѣлъ еще того важнаго значенія, какое ему придается въ церковной практикѣ нашего времени: саккосъ замѣнялъ фелонь священниковъ и употреблялся вмѣсто нея, но не возлагался при самой хиротоніи на возводимаго въ патріарха съ приглашеніемъ: „Аксіосъ“. Трактую о томъ „какъ совершается рукоположеніе патріарха, если онъ не былъ прежде того епископомъ“, Симеонъ Солунскій объ облаченіи хиротонисуемаго передъ началомъ хиротоніи говоритъ такъ: „надѣвши всѣ архіерейскія одежды: стихарь съ источниками въ знакъ чистоты и учительства, епитрахиль въ ознаменованіе высшей благодати, поясъ и палицу въ знакъ цѣломудрія, силы и побѣды надъ смертію, поручи и саккосъ въ знакъ божественной крѣпости и ради свободы отъ страстей, не надѣваетъ только омофора, ибо онъ составляетъ собственность епископа. Итакъ, облачившись въ саккосъ, показуя, въ присутствіи всѣхъ архіереевъ и клириковъ, что онъ еще не епископъ, исполняетъ предписанія канона и произноситъ предъ всѣми свое исповѣданіе вѣры“ ²⁾. За указанное отождествленіе саккоса и фелони въ литургическомъ значеніи говоритъ и то обстоятельство, что, при объясненіи символическаго значенія этой одежды, онъ придаетъ саккосу и фелони одинаковое значеніе, указывая лишь на особенность формы саккоса, какъ отлично символизирующей одежду поруганія Спасителя. „Саккосъ, по объясненію этого экзегета, прекрасно изображаетъ ту одежду, въ которую былъ облеченъ поругаемый Спаситель, потому и видъ вретница (σακκος τύπον) имѣеть, что не имѣеть такъ называемыхъ рукавовъ, представляя одежду, покрывающую со всѣхъ сторонъ. Яснѣе же это изображаетъ та одежда, въ которую

¹⁾ Πότλη καὶ Ράλλη. Σύγγραμμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων. Ἐν Ἀθῆναις, 1855 τ. ε'. σελ. 430.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155 col. 449; Пусан. огц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуж. т. II, стр. 294.

облачаются *избранныйшіе изъ архіереевъ* (οἱ ἔκκριτοι τῶν ἀρχιερέων),—*саккосомъ она называется*“¹⁾.

Во время Симеона Солунскаго большинство архіереевъ на Востокѣ продолжали при богослуженіи пользоваться еще священническими фелонями, но въ отличіе отъ пресвитеровъ носили *крестатую фелонь*. „Прочіе архіереи, пишетъ онъ, облачаются въ фелонь со многими крестами (πολυσταύριον), отъ чего она и называется *полиставріемъ*; и это ясно показываетъ, что она изображаетъ страданія Спасителя и уподобляетъ Тому, Который крестомъ и страданіями совершилъ истинную правду, даровалъ намъ избавленіе отъ мучителя и спасъ всѣхъ вмѣстѣ. Посему при облаченіи и говорятъ: „Священницы (Въ нашемъ Чиновникѣ: *архіереи*) твои облечутся въ правду, и преподобніи твою радостію возрадуются“. Ибо по истинѣ крестомъ Правда даровала намъ радость“²⁾.

Но и въ первой половинѣ XV столѣтія на Востокѣ, очевидно, уже были попытки со стороны нѣкоторыхъ епископовъ присвоить себѣ высшее богослужебное отличіе—полиставрій или саккосъ. Этимъ мы объясняемъ появленіе на свѣтъ вопроса со стороны пентапольскаго епископа Гавріила: „почему не носятъ епископы полиставрій и саккосъ, и если надѣваютъ, то что въ этомъ худого“? предложеннаго блаженному Симеону Солунскому и слѣдующій отвѣтъ на него со стороны послѣдняго. „Полиставрій не носятъ епископы, пишетъ онъ, потому что это—принадлежность совершеннѣйшаго чина и приближающихся болѣе по достоинству пострадавшему за насъ и высшее отличіе чина. И хотя епископамъ, архіепископамъ и патріархамъ сообщается мощь и сила архіерейства, но существуетъ и разница въ чинѣ и тронѣ, къ тому же въ начальствованіи, и въ дѣлѣ, и попеченіи, и заботѣ о находящихся въ ихъ вѣдѣніи подобно тому, какъ и у ангеловъ. Ибо имѣются первые въ первыхъ ихъ чинахъ, какъ говоритъ Діонисій (Ареопагитъ),

¹⁾ Ibid. col. 716; тамъ же т. III, стр. 22.

²⁾ Ibid.; тамъ же.

имѣются средніе и послѣдніе, хотя (всѣ) одного и того же чина. Существуетъ это и въ Церкви, подражающей небесной, лучше же уподобляющейся Небесной. Первыми считаются *патріархи и избранныйшіе изъ архіепископовъ, которые надѣваютъ саккосъ*, подражая весьма ясно пострадавшему за насъ, одѣтому ради поруганія въ багряницу (*σαῖχον*) и претерпѣвшему крестную смерть, посему и весь саккосъ полонъ крестовъ. *Митрополиты всѣ считаются средними, они облачаются въ полиставрій* (*τὰ πολυσταῖρια*), свидѣтельствуя сего Распятаго фелонями, но не саккосомъ, *епископы—последними, омофоромъ однимъ* свидѣтельствуя о крестныхъ страданіяхъ Христа. Ибо должно, чтобы каждый хранилъ принадлежащее его чину, потому что *дѣлать то, что не дано, и получать, что не подобаетъ, свойственно гордости*“¹⁾. Но предостереженія іерарха, ревнителя и поборника законности и порядка церковнаго, не имѣли силы, и въ XVI вѣкѣ уже всѣ епископы на Востоѣ носили при богослуженіи саккосы.

Въ русской церкви относительно употребленія священныхъ одеждъ архіереями держались практики церкви византійской. Въ древнѣйшее время, когда во главѣ русской церкви стоялъ митрополитъ, подчиненный константинопольскому патріарху и имъ избираемый и посвящаемый, русскіе епископы саккоса при богослуженіи не употребляли совершенно. Русскій митрополитъ одинъ носилъ кресчатую фелонь—полиставрій. Въ это время бывали, впрочемъ, изрѣдка случаи, когда русскіе митрополиты за особенныя заслуги жаловали нѣкоторыхъ почетнѣйшихъ епископовъ, съ благословенія патріарха константинопольскаго, и кресчатую фелонью—полиставріемъ. Такъ, въ 1346 году митрополитъ кіевскій Θεогностъ „благослови архіепископа новгородскаго Василіа, и да ему *ризы хресчаты*“²⁾, т. е. дозволилъ носить на фелони четыре креста. Въ 1354 году патріархъ константинопольскій Филоей

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet, t. 155, col. 869—872.

²⁾ П. С. Д. Сиб 1841 г. т. III, стр. 83.

тоже отличіе, по желанію и прошенію, преемника его новгородскаго епископа Моисея, оставилъ за этимъ послѣднимъ, но съ условіемъ „быть благодарнымъ за это и не находить въ томъ повода къ надменію“¹⁾. Въ 1382 году такое же отличіе получилъ и суздальскій епископъ Діонисій отъ константинопольскаго патріарха Нила, такъ какъ суздальская архіепископія считалась старѣйшею послѣ новгородской²⁾. Московскій соборъ 1674 года полиставрій сдѣлалъ принадлежностію епископскаго сана. „Архіепископовъ и епископовъ предзаконія сія суть, говорится въ правилахъ этого собора, въ путешествіи вездѣ предноситься ему архіерейскому его единому жезлу. Одежда же ихъ священнослуженія: *фелонъ изъ якова либо тканія сошвенъ или полиставрій*, си есть многокрестіе, нарукавницы, епитрахилій, поясъ, стихарій безъ гамматовъ³⁾ (*саккосъ же отнюдъ одѣяти да не дерзаютъ*), епитонатій, омофоръ, шапка сребропокованная“⁴⁾.

Въ XV вѣкѣ саккосъ дѣлается, по обычаю церкви византійской, богослужебною одеждою и русскихъ митрополитовъ⁵⁾. Съ учрежденіемъ у насъ въ 1589 году патріаршества и нѣсколькихъ митрополій въ древнѣйшихъ русскихъ городахъ (въ Новгородѣ, въ Казани, въ Ростовѣ и др.), саккосъ

¹⁾ Русск. истор. библ. т. VI, прилож. ст. 55—56. Замѣчателенъ фактъ, что тотъ же патріархъ приказалъ сложить съ себя крестатыя ризы въ 1370 году новгородскому епископу Алексѣю, когда онъ, „вопреки каноническому порядку и обычаю, взялъ то, на что не имѣлъ никакого права“, т. е. „носилъ на фелони четыре креста“ по примѣру своихъ предшественниковъ, и къ тому же не оказывалъ повиновенія митрополиту Алексѣю (тамъ же ст. 115—116).

²⁾ Истор. акты арх. комисс. т. I, № 251, стр. 471.

³⁾ *Гамматами* назывались фигуры на стихаряхъ, сдѣланныя изъ четырехъ начертаній греческой буквы *гамма* и имѣвшія форму или четверугольника или креста. Гамматами украшались стихари, фелони и даже саккосы (Du Cange. Glossarium ad scriptor. mediae et infim. Graecitatis. t. I, col. 237).

⁴⁾ Амвросій. Исторія російской іерархіи, ч. I, стр. 335.

⁵⁾ Акты археограф. экспед. т. I, № 264, стр. 300; Собран. государств. грамматъ т. II, стр. 69.

становится достояніемъ не только патріарховъ, но и митрополитовъ, съ тою, впрочемъ, разницею, что патріархи имѣли на саккосѣ „передникъ“ или „приперсникъ“¹⁾, а у митрополитовъ этого отличія не было²⁾. На соборѣ московскомъ въ 1667 году было учреждено нѣсколько новыхъ митрополій (въ Астраханѣ, въ Тобольскѣ и во странѣ украинской въ Бѣлгородѣ) и предоставлено было, „по богорачительному желанію великаго Государя“, „вновь въ великихъ градѣхъ и въ дальнихъ разстояніяхъ, идѣже подобаетъ, по разсмотрѣнію его царьскому, съ совѣтомъ и благословеніемъ святѣйшаго патріарха и согласіемъ преосвященныхъ архіереовъ Россійскаго государства, избирати и поставляти архіереи, *митрополиты* и архіепископы и епископы, во еже бы стаду Христову не бездовольныхъ пастырей быти“³⁾. На вновь открытыя митрополичьи каѳедры патріархами восточными Паисіемъ александрійскимъ и Макаріемъ антиохійскимъ возведены были избранные кандидаты и торжественно посвящены *съ возложеніемъ на нихъ саккосовъ*, по особому чину⁴⁾. На московскомъ

¹⁾ Подъ именемъ „приперсника“ разумѣется нашитая спереди полоса, въ видѣ епитрахили, „златоукрашенная или и маргаритосыпанная“ и идущая отъ ворота до подола. „Приперсникъ преднашвенный, по объясненію отцовъ московскаго собора 1674 года, во образъ есть прирамника, егоже носаше предъ персыми единъ великій архіерей Ааронъ“ (Амвросій. Исторія російской іерархіи ч. I, стр. 327). Къ отличіямъ патріаршаго саккоса въ древности относились и „звонцы“, которые нашивались у рукавовъ и по бокамъ саккоса, въ подражаніе аароновской верхней одежды, имѣвшей „на ометѣ звонцы, гласящія гласъ вхожденія его передъ Господа и еже слышанъ сотворити гласъ во храмѣ“ (Тамъ же). „Приперсникъ“, по словамъ проф. Д. Θ. Бѣляева, „можно также разсматривать, какъ остатокъ лора, т. е. той части его, которая у нашихъ царей и царицъ превратилась въ бордюръ спереди“. (Byzantina, т. II, стр. 291, прим. 1). Въмѣсто „приперсника“ александрійскій патріархъ возлагаетъ на саккосъ другую епитрахиль (Прав. Палест. сборн. т. VII; в. III, стр. 255). „Звонцы“ несомнѣнно выродились изъ фибулъ императорской далматки или дивитисія, которыми застегивалась эта одежда.

²⁾ Амвросій. Исторія російской іерархіи ч. I, стр. 318. 331.

³⁾ Дополн. къ Акт. истор., т. V, № 102, стр. 492; проф. Н. И. Суббот. Матеріалы для истор. русск. раскола т. I, ч. II, стр. 380 - 381.

⁴⁾ Мы имѣемъ возможность привести здѣсь и самый чинъ возложе-

соборѣ 1674 года одеждою священнослуженія всѣхъ русскихъ митрополитовъ былъ признанъ „*саккосъ безъ преднамѣннаго приперсника* (сіе бо единого токмо патріарха), *звонцы и мушкетъ*, егда во своей епархіи священнодѣйствуетъ. Въ царствующемъ же градѣ Москвѣ или во иной епархіи, за изволеніемъ тамо сущаго архіерея, потребѣ случившейся, священнодѣйствовать въ саккосѣ же, *звонцовъ неимущемъ*“¹⁾. Определеніе этого собора отразилось и въ „чинѣ поставленія архіерейскаго“, исправленномъ при патріархѣ Іоакимѣ въ 1677—1678 году, внесеніемъ слѣдующаго замѣчанія: „Аще же будетъ рукополагаемый *митрополитъ*, налагають на него прежде *саккосъ* и прочія одежды“²⁾. Петръ Великій, уничтожившій на Руси патріаршество и привиллегіи и отличія патріарха свободно раздававшій всѣмъ русскимъ іерархамъ, пользуясь правомъ,

ніа саккоса на митрополитовъ, практиковавшійся у насъ въ присутствіи восточныхъ патріарховъ. „*Въ концѣ часовъ, предъ началомъ литургии, читаемъ мы въ описаніи выходовъ патріаршихъ, подъ руки вывели сибирскаго епископа Корнелія грузинской митрополитъ да архимандритъ чудовской Іоакимъ, и покланялся патріархомъ, „Повелите“ говорилъ грузинской митрополитъ, и благословенъ бывъ отъ нихъ и положилъ три поклоны предъ образомъ Спасовымъ, къ царскимъ дверямъ зря, и потомъ къ мѣстному образу Спасову на правой странѣ тажъ къ Богородицыну образу на лѣвой странѣ, (и государю царю три поклона, если онъ находился въ церкви) и накіи къ патріархомъ три поклоны (и поставленъ на колѣняхъ), и говорилъ молитву Макарій патріархъ, и ризы со архіепископа сняли и положили на него сакъ, и нарекъ его патріархъ митрополитомъ сибирскимъ и тобольскимъ, и пѣли аксіосъ, и на крылосахъ пѣли пѣвчіе дьяки патріарховы большую аксіосъ; и потомъ Макарій патріархъ поучилъ его словомъ чрезъ толмача Мелетія, діакона черного, и потомъ начали литургію“.* (Дополн. къ Истор. акт. т. V, № 26, стр. 127, сн. 107, 105).

¹⁾ Амвросій. Исторія російской іерархіи ч. I, стр. 331.

²⁾ Ркп. библ. Спб. дух. Акад. № 126, л. 27. Достоинъ полнаго вниманія тотъ любопытный фактъ, что въ южно-русскомъ „указѣ, како подобаеть епископа поставляти“ 1650 г., хотя и говорится о возложеніи на епископа саккоса, но самый саккосъ называется *митрополитанскимъ*. „Рукоположитель со прочіими епископы вземлють со святыя транезы, говорится въ чинѣ, *митрополитанскій саккосъ*, и аще вѣсть посвященъ, въпервыхъ благословляетъ его десною рукою“ и т. д. (Ркп. библ. Кіево-Соф. собора № 77, л. 63).

предоставленнымъ ему вышеприведеннымъ опредѣленіемъ большаго московскаго собора 1667 года, а также постановленіемъ собора московскаго 1674 года, дозволилъ носить саккосы и прочимъ епископамъ, но въ своей только епархіи ¹⁾. Въ чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго, исправленный архимандритомъ Гавріиломъ Бужинскимъ, и было включено въ 1725 году замѣчаніе: „Аще же престоль рукополагаемаго имѣеть, налагають на него прежде саккосъ и прѣчія одежды“, вычеркнутое отсюда митрополитомъ московскимъ Филаретомъ въ 1856 году, когда саккосъ сдѣлался уже неотъемлемою принадлежностію всѣхъ епископовъ.

(Продолженіе будетъ).

Проф. А. Дмитріевскій.

¹⁾ Иеромонахъ Амвросій, авторъ „Исторіи російской іерархіи“ считаетъ 1702 годъ началомъ, когда им. Петръ Великій сталъ жаловать архіепископамъ и епископамъ право носить саккосы и пользоваться другими въ облаченіяхъ преимуществами патріарховъ и митрополитовъ (ч. I, стр. 352), но мы лично такого указа не знаемъ. Арх. Савва указъ названнаго императора по тому же поводу датируетъ 1705 годомъ (Указатель для обозрѣнія Московской патр. бібліотеки. Поясн. слов. стр. 33, 36).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 26 января 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 6.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, февраля 9-го.

Содержаніе: Дѣло пастыря-законоучителя въ школѣ (окончаніе).—Изъ исто-
ріи народнаго образованія въ Юго-Западномъ краѣ Россіи.—Новый
способъ популяризаціи и защиты сектантства.—Къ характеристикѣ
современныхъ „злыхъ дѣлателей“.

Дѣло пастыря-законоучителя въ школѣ ¹⁾.

Среди различныхъ мнѣній относительно желательныхъ
измѣненій въ курсѣ Закона Божія, какъ поставленъ онъ въ
нашихъ среднихъ свѣтскихъ школахъ, одна мысль заслужи-
ваетъ особаго вниманія. Разумѣемъ желаніе возможно боль-
шаго ознакомленія учениковъ этихъ школъ съ самыми источ-
никами вѣры—съ Библіей.

Печальный фактъ весьма часто встрѣчающагося въ на-
шемъ „образованномъ“ обществѣ полного невѣжества въ этомъ
отношеніи хорошо извѣстенъ всѣмъ. Понятны и тѣ гибельныя
послѣдствія, какія связаны съ нимъ: въ пемъ перѣдко кроется
основная причина скептицизма, невѣрія, а главное—столь
извѣстнаго индифферентизма, полного невниманія интеллигент-
ныхъ классовъ къ вопросамъ вѣры въ обычномъ пастырскомъ

¹⁾ См. № 5 за 1903 годъ.

изложеніи ихъ. Достаточно нѣсколькихъ текстовъ изъ Библии (да еще на славянскомъ языкѣ), чтобы сдѣлать всю такую рѣчь пастыря неудобопріемлемою для интеллигентнаго слушателя, неинтересною и даже непріятною для него¹⁾). Такъ и вырастаетъ постепенно непроходимая бездна между двумя совершенно противоположными лагерями—интеллигентнымъ обществомъ съ одной стороны, духовенствомъ и людьми духовной школы вообще—съ другой. Между тѣмъ этого могло бы и не быть, и во всякомъ случаѣ пропасть не была бы такъ глубока, если бы и свѣтская школа знакомила своихъ учениковъ съ источниками вѣры христіанской. Да и не странно ли вообще, что школа эта, посвящающая сравнительно много времени дѣлу религіознаго образованія своихъ учениковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ оставляетъ совершенно въ сторонѣ лучшей путь въ этомъ дѣлѣ—самые источники такого образованія. Словно они не доступны учащимся по своему языку! Но вѣдь для пониманія Ветхаго Завѣта нѣтъ необходимости знать еврейскій языкъ; что же касается писаній новозавѣтныхъ, то въ школахъ классическихъ они легко могли бы быть доступны даже и въ подлинникѣ—на греческомъ языкѣ. Нельзя здѣсь не отмѣтить, наконецъ, и нашего оригинальнаго взгляда на „образованность“. Человѣкъ „образованный“, „интеллигентный“, получившій доступъ къ литературамъ нѣсколькихъ народовъ, познакомившійся съ ними, и въ то же время—совершенный невѣжда по отношенію къ тѣмъ Писаніямъ, въ которыхъ дается отвѣтъ на вопросы, неизбѣжные для всякаго дѣйствительно интеллигентнаго человѣка, отвѣтъ, съ которымъ

¹⁾ Явленіе—до такой степени широко распространенное, что съ нимъ поповолѣ приходится считаться и пастырямъ. И вотъ мы видимъ печальные факты такого „приспособленія“ нѣкоторыхъ изъ нихъ ко вкусамъ интеллигентнаго общества, которое выражается въ формѣ полнаго изгнанія ими изъ своей рѣчи „библеизма“, въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но идя такимъ путемъ и поступившій еще немного, этимъ служителямъ Христовымъ не трудно будетъ современемъ изъять изъ своихъ красивыхъ, стоящихъ всегда въ курсѣ „современности“ рѣчей и Самого Христа.

нельзя не считаться, хотя бы мы даже и не соглашались съ нимъ,—въ этомъ удивительномъ явленіи обнаруживается какое то странное затемнѣніе прямого смысла, заключающагося въ понятіи образованности и интеллигентности. Въ наше время даже среди простого народа все замѣтнѣе пробуждается стремленіе самому, собственными глазами прочесть глаголы живота вѣчнаго, хранящіеся на скрижаляхъ Библии; какъ же безъ этого можетъ обойтись человѣкъ, претендующій на высшее развитіе своей интеллигенціи, на полную всестороннюю образованность?

Итакъ, эта сторона въ постановкѣ Закона Божія въ нашей общеобразовательной школѣ, несомнѣнно, должна быть признана неудовлетворительною, неотложно требующею коренной реформы. Но въ какомъ именно видѣ послѣдняя была бы наиболѣе цѣлесообразна и потому желательна?

Нѣкоторые предлагаютъ ввести въ свѣтскія школы систематическое классное изученіе Библии. Но кто же не знаетъ, что систематически пройти съ учениками весь текстъ Библии, хотя бы даже съ краткими пояснительными комментаріями и самыми общими исагогическими свѣдѣніями есть дѣло весьма трудное. Въ духовныхъ семинаріяхъ ему посвящается весь шестилѣтній курсъ, и то результаты оставляютъ желать еще многого. Что же можно сдѣлать въ свѣтской школѣ и гдѣ взять времени для этого? Требовать увеличенія числа уроковъ по Закону Божію, какъ это и безъ того дѣлаютъ законоучители, можно; но нельзя не принимать при этомъ въ соображеніе и нынѣшней переполненности школы уроками, во всѣхъ классахъ, начиная съ первыхъ; да если бы и прибавить для Закона Божія еще какихъ нибудь два урока въ недѣлю, то ихъ для выполненія указанной обширной задачи не хватило бы. Урѣзать другія области въ школьной программѣ Закона Божія и на счетъ ихъ ввести чтеніе Библии? Не отрицая нѣкоторой растянутости нынѣшней программы катихизиса, въ то же время нельзя признать ее и слишкомъ широкою: догматическій и апологетическій матерьялъ

въ ней—необходимы. Такимъ образомъ, при большомъ сокращеніи этой программы, мы принесли бы дѣлу существенный вредъ, не достигнувъ при этомъ и другой цѣли—изученія Библии. Можно привести и еще нѣкоторыя соображенія противъ полнаго систематическаго изученія Библии въ свѣтской школѣ: трудность комментирования нѣкоторыхъ мѣстъ въ ней и необходимость особенной осторожности въ этомъ отношеніи именно въ свѣтской школѣ, недостаточная зрѣлость учениковъ и др.

Все это ясно показываетъ, какого широкаго обсужденія требуетъ этотъ вопросъ при практическомъ рѣшеніи его. Съ своей стороны, мы находимъ болѣе удобнымъ другой путь къ достиженію той же цѣли: не вводя спеціальнаго систематическаго изученія всего текста Библии, знакомиться съ нимъ съ возможною подробностью попутно, при прохожденіи отдѣльныхъ частей Закона Божія. Такъ, при изученіи священной исторіи Ветхаго Завѣта обращаться къ Библии въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ расширить свѣдѣнія учениковъ или уяснить ихъ на основаніи источника законоучитель найдетъ наиболѣе полезнымъ. Перейдя къ Новому Завѣту, такіе экскурсы необходимо дѣлать уже на всемъ протяженіи изучаемой во второмъ классѣ священной исторіи, почти для каждаго факта, такъ что учебникъ здѣсь долженъ потерять свое настоящее значеніе: онъ нуженъ лишь для синтеза матерьяла, для болѣе легкой и отчетливой группировки его въ систему. При изученіи церковной исторіи, слѣдуя тому же методу, важное мѣсто придется отвѣсть особенно книгѣ Дѣяній Апостольскихъ. Катихизисъ, богословіе догматическое и нравственное на каждомъ шагѣ потребуютъ такого же обращенія къ той или другой книгѣ Священнаго Писанія. Словомъ, на всемъ протяженіи восьмилѣтняго изученія Закона Божія въ школѣ Библия (и особенно Новый Завѣтъ) должна быть всегда въ рукахъ ученика—такъ, чтобы безъ нея не могъ состояться ни одинъ урокъ по этому предмету. Если прибавить сюда еще нарочитыя чтенія, практикующіяся и теперь, особыхъ избранныхъ для этого мѣстъ Библия съ назидательною цѣлью,

то полагаемъ, что въ результатѣ всего этого должно будетъ получиться знакомство съ Библіей, достаточное для учениковъ свѣтской школы.

Въ школьномъ курсѣ Закона Божія одинъ изъ предметовъ—ученіе о богослуженіи имѣетъ свои особые источники, и нельзя не пожелать, чтобы изученіе этой области производилось непременно при ихъ помощи: необходимо близкое знакомство учениковъ съ богослужебными книгами. Это такой естественный, простой и, можно сказать, неизбѣжный путь въ этомъ дѣлѣ, что трудно понять, даже, почему, оставляя его въ сторонѣ, идутъ трудною и невѣрною дорогою учебниковъ. Ненормальность такой, къ сожалѣнію, обычной постановки этого предмета въ нашихъ свѣтскихъ школахъ очевидна: печальный фактъ полного незнакомства окончившихъ школу съ богослуженіемъ хорошо извѣстенъ. Между тѣмъ, достичь благихъ результатовъ въ этомъ отношеніи совсѣмъ не трудно, если вести преподаваніе этого предмета не съ учебниками, а съ богослужебными книгами въ рукахъ, и это тѣмъ болѣе, что на помощь является само богослуженіе,—присутствіе при совершеніи его и участіе въ немъ учениковъ. Но здѣсь, касаясь этого практическаго пути, мы вступаемъ уже въ область другого религіозно-воспитательнаго средства въ рукахъ настыря-законоучителя, которымъ онъ долженъ пользоваться наравнѣ съ уроками своими по Закону Божію. Это—совершаемое имъ въ домовомъ школьномъ храмѣ богослуженіе.

Глубокое религіозно-воспитательное значеніе нашего богослуженія понятно. Здѣсь, подъ сводами благолѣпнаго храма, предъ свѣтлыми ликами священныхъ изображеній, въ торжественныхъ звукахъ умилительнаго пѣнія, въ высокихъ, исполненныхъ вѣры и любви моленіяхъ—заключается глубочайшій и обильнѣйшій источникъ наивысшаго, возможнаго для чело-вѣка, подъема духа. Именно здѣсь сосредоточены всѣ условія къ тому, чтобы въ нашей душѣ возникли самыя высокія мысли—о Богѣ и нашей жизни „предъ лицемъ Его“, появились самыя чистыя, святые чувства, зародились самыя добрыя по-

рывы, идеальныя желанія. Все это, въ своей совокупности, и составляет то особое, не всегда во всѣхъ частяхъ своихъ сознательное, какъ бы извнѣ переливающееся въ нашу душу религіозное „настроеніе“, которое такъ дорого намъ по своему благотворному вліянію на всѣ силы нашей души. Подъ его вліяніемъ, мы выходимъ изъ храма просвѣтленными, успокоенными, съ вѣрой въ добро и правду, съ надеждой на лучшую жизнь впереди, съ любовью къ жизни и людямъ... Понятно послѣ этого, какъ важно для законоучителя-пастыря, воспитателя религіозныхъ началъ въ душахъ своихъ учениковъ, широко пользоваться столь благодѣтельнымъ средствомъ. Но для этого необходимо, чтобы школа имѣла свой собственный храмъ, куда могла бы собираться вся юная паства законоучителя, гдѣ послѣдній являлся бы пастыремъ-священникомъ въ собственномъ смыслѣ. Только при этомъ условіи законоучителю открывается возможность воздѣйствовать на своихъ учениковъ и тѣми благодатными средствами, какими надѣляетъ его Церковь, которая въ такомъ случаѣ соединяется со школою еще тѣснѣе, въ одно цѣлое. Пастырское слово законоучителя съ церковной кафедрой является продолженіемъ школьныхъ уроковъ его, а исповѣдь открываетъ предъ нимъ самыя тайники души каждаго изъ его учениковъ. Поэтому, гдѣ нѣтъ своего домового храма при школѣ, гдѣ ученики въ посѣщеніи богослуженія предоставлены самимъ себѣ, тамъ, естественно, школа теряетъ весьма много въ религіозно-воспитательномъ отношеніи; тамъ и дѣло законоучителя-воспитателя становится особенно труднымъ.

Но дѣло это имѣетъ и еще пути для себя, кромѣ отмѣченныхъ уже уроковъ Закона Божія и богослуженія. Разумѣемъ путь пастырскаго руководства—и въ стѣнахъ школы и внѣ ихъ, и словомъ и личнымъ примѣромъ, соотвѣтственно индивидуальнымъ запросамъ того или другого изъ учениковъ. Путь этотъ требуетъ близкаго подробнаго знакомства законоучителя съ состояніемъ души ученика, зоркаго наблюденія за всѣми важнѣйшими моментами въ религіозномъ развитіи

ея, самаго полнаго, исполненнаго любви участія къ ней и умѣнья помочь ей, умѣнья повести дѣло такъ, чтобы она охотно и съ радостью послѣдовала за пастыремъ своимъ. Ясно, какъ много трудностей для законоучителя пастыря на этомъ пути и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ важенъ онъ.

Кто талантливо ведетъ свои уроки по Закону Божию въ классѣ, тотъ, несомнѣнно, даетъ добрую пищу религіозной мысли, а съ нею и чувству и волѣ своихъ учениковъ. Но если вся его дѣятельность этимъ и ограничивается, то, несмотря на всю талантливость свою, онъ даетъ еще очень мало. Онъ не можетъ рассчитывать, что тѣ сѣмена добрыя, какія посѣваетъ его рука, не погибнуть подъ напоромъ многочисленныхъ дурныхъ вліяній, какими окружены его питомцы внѣ школы, да и въ самой школѣ. Если къ урокамъ своимъ онъ присоединяетъ глубокое воздѣйствіе на юныя души путемъ богослуженія, въ частности—словомъ проповѣди, таинствомъ исповѣди и др., то вліяніе его становится шире и все дѣло крѣпче. Однако, и этого еще мало: и при всемъ этомъ, душа каждаго изъ учениковъ остается все же открытою самымъ разнообразнымъ воздѣйствіямъ окружающей ее жизни, и кто можетъ заставить ее повернуть въ сторону только добрыхъ изъ нихъ! Вотъ здѣсь и открывается необходимость такого руководства этою юною душою, которое исходя изъ любви къ ней и желанія ей только добра, умѣло бы прійти на помощь ей всякій разъ, какъ оказывается въ томъ нужда. Но кто же возьметъ на себя столь трудное и отвѣтственное дѣло?

Несомнѣнно, прямой долгъ въ этомъ отношеніи лежитъ на родителяхъ, этихъ естественныхъ воспитателяхъ и руководителяхъ своихъ дѣтей, какъ существъ имъ близкихъ, хорошо извѣстныхъ, родныхъ и дорогихъ. Однако, одного этого руководства далеко не всегда бываетъ достаточно. Есть такія стороны въ духовной жизни дѣтей, руководить которыми родители не всегда могутъ, въ силу различныхъ причинъ, а иногда не имѣютъ даже и права на это. Есть область, тре-

бующая высшей санкціи и руководства болѣе компетентнаго, въ которой и сами родители нуждаются въ руководствѣ. Такова область религіозная. Вопли надежнымъ руководителемъ въ ней можетъ быть только пастырь церкви, по самому долгу своему къ тому и призванный. Но какой же пастырь долженъ взять на себя это руководство по отношенію къ юной душѣ, какъ не тотъ же законоучитель, близко приникающій къ ней въ школѣ, питающій ее своими уроками, слѣдящій за всѣмъ процессомъ развитія ея? Именно ему это дѣло наиболѣе доступно, несмотря на то, что дѣти вмѣстѣ съ родителями имѣютъ своего пастыря въ лицѣ приходскаго священника. Послѣдній въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ знать дѣтскую душу такъ близко, какъ пастырь-законоучитель въ школѣ.

Впрочемъ, указывая на этотъ путь пастырской дѣятельности школьнаго законоучителя, мы далеки отъ мысли слишкомъ расширить его—до обязанности законоучителя систематически слѣдить за религіозною жизнью своихъ учениковъ и внѣ школы, для чего посѣщать ихъ и подробно знакомиться со всею обстановкой жизни ихъ. При всей заманчивости такой перспективы, создавать ее значило бы возлагать на законоучителя, и безъ того имѣющаго большое трудное дѣло по школѣ, задачу невыполнимую. Тѣмъ не менѣе, мы твердо стоимъ за идею возможно болѣе широкаго пастырски-воспитательнаго вліянія законоучителя на своихъ учениковъ и путями къ этому считаемъ не только уроки Закона Божія и богослуженіе, но и частное личное руководство—по крайней мѣрѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ таковомъ является особенная нужда. Главная задача для законоучителя сводится здѣсь къ тому, чтобы онъ оказался въ такихъ случаяхъ на высотѣ своего положенія, т. е. чтобы не только нашлись у него достаточныя силы и средства къ руководству юною душою своего питомца, но—что гораздо важнѣе—чтобы эта душа легко и всецѣло отдалась этому руководству его, болѣе того: чтобы она сама, чувствуя слабость свою и зная, гдѣ найдетъ полную готовность помочь ей, стремилась къ нему,

сама открывала ему всё тайники свои, не боясь и не стыдясь, а полная любви, уважения и надежды. Только при таких условиях пастырское руководство окажется действительно благотворным; да безъ нихъ оно и не возможно. Но какъ создать эти условия? Что можетъ поставить законоучителя на такую высоту? Единственно—личные качества его.

Разъ мы понимаемъ дѣло законоучителя въ школѣ какъ дѣло пастырское, вопросъ о личныхъ качествахъ его, естественно, получаетъ такое же важное значеніе здѣсь, какое принадлежитъ ему въ пасторологіи вообще. Поэтому, разсматривая его детально, пришлось бы начертить широкую программу требованій, какія должно предъявить законоучителю-пастырю. Но на этомъ пути весьма легко перейти всякія границы возможнаго и подняться въ высь идеала недостижимаго. Чтобы не оказаться въ такомъ положеніи, необходимо ограничиться самымъ важнымъ. Такимъ мы считаемъ — достаточное знаніе своего предмета, не съ учебной только стороны, но и въ богословскомъ смыслѣ, религіозную убѣжденность, соединяющуюся съ возможною широтою воззрѣній, сравнительную высоту нравственную (по крайней мѣрѣ, отсутствіе завѣдомыхъ страстей и пороковъ) съ общою чертою мягкости, отзывчивости души и, наконецъ, упорядоченность внѣшнюю (по крайней мѣрѣ, отсутствіе рѣзкихъ чертъ некультурности). Если присоединимъ сюда необходимое качество всякаго педагога—любовь къ дѣтямъ и своему дѣлу, то получимъ тотъ обликъ законоучителя, съ которымъ послѣдній можетъ быть истинно добрымъ пастыремъ своего юнаго стада. Мало того: мы убѣждены, что съ такими чертами законоучитель можетъ до извѣстной степени выполнять миссію и гораздо большую, которая неотъемлемо связана съ его особымъ положеніемъ въ школѣ какъ священника, т. е. по самому званію своему пастыря. Разумѣемъ высокое и важное дѣло пастырскаго вліянія его не на учениковъ только, но и на учительскій персоналъ, съ которымъ онъ стоитъ въ близкой связи, какъ сотрудникъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ, съ которымъ

видится и бесѣдуетъ изо-дня въ день. Каковъ бы ни былъ составъ этого персонала, законоучитель долженъ знать, что къ нему именно потому, что онъ священникъ, всѣ присматриваются особенно внимательно. Поэтому ничто, ни одна черта изъ того, что есть въ немъ дурного и хорошаго, не укроется отъ такого наблюденія; и если первое подвергнется осужденію, почти всегда—слишкомъ жестокому, то, пусть онъ знаетъ, не останется неоцѣненнымъ и второе. И вотъ здѣсь-то каждая высокая черта въ личности законоучителя откроетъ ему путь къ уваженію и расположенію со стороны сотоварищей его, т. е. къ тому, безъ чего никакое пастырское вліяніе его здѣсь невысказуемо и съ чего оно обыкновенно начинается.

Боишься, что начерченный образъ можетъ показаться все еще слишкомъ идеальнымъ. Намъ укажутъ на обычную обстановку, въ которой приходится трудиться законоучителю нашихъ свѣтскихъ школъ, и выставятъ всѣ тѣ неблагопріятныя условія, какими онъ окруженъ здѣсь. Одинъ въ полѣ не воинъ; между тѣмъ пастырь-законоучитель иногда чувствуетъ себя среди школьной педагогической корпораціи именно одинокимъ. Его дѣло, которое по справедливости считаетъ онъ такимъ высокимъ и важнымъ, то, что составляетъ для него предметъ самыхъ заветныхъ желаній и горячихъ усилій, далеко не всегда встрѣчаетъ сочувствіе и поддержку среди педагогическаго персонала. Напротивъ, господствующее настроеніе здѣсь часто оказывается если не антирелигіознымъ, то холодно-индифферентнымъ. И, что особенно важно для пастыря, настроеніе это не остается скрытымъ отъ учениковъ: послѣдніе имѣютъ полную возможность, тысячи случаевъ наблюдать его—и на урокахъ и внѣ ихъ—и, конечно, не безъ вреда для себя. Если вспомнить при этомъ, что домовья церкви есть далеко не при всѣхъ школахъ и, такимъ образомъ, законоучитель часто не имѣетъ возможности воздѣйствовать на своихъ питомцевъ средствами благодатными, если прибавить сюда нѣкоторую внѣшнюю приниженность положенія законоучителя среди педагогической корпораціи свѣтской

школы, какъ не въполнѣ равноправнаго члена въ ней, то станетъ понятна вся трудность выполненія имъ тѣхъ высокихъ задачъ, какія предъявляетъ къ нему его дѣло. Все это несомнѣнно такъ, и давно заслуживаетъ вниманія и участія всѣхъ, кому дорого религіозное воспитаніе. Поэтому, ставя широкія, пастырски-воспитательныя задачи для дѣятельности законоучителя въ школѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по долгу справедливости, нельзя не указать на необходимость облегченія выполненія этихъ задачъ путемъ созданія лучшихъ условій для дѣятельности законоучителя-пастыря.

Къ числу таковыхъ (наиболѣе существенныхъ и неотложныхъ) принадлежатъ—устройство домовыхъ церквей обязательно при всѣхъ среднихъ школахъ и посѣщеніе ихъ по возможности всѣми учениками, съ активнымъ участіемъ въ богослуженіи заслуживающихъ этого, какъ высокой чести; полное уравненіе правъ законоучителя во всѣхъ отношеніяхъ съ другими преподавателями школы, съ особымъ вознагражденіемъ за настоятельство въ домовой церкви; самое широкое участіе мнѣнія законоучителя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается проступковъ учениковъ и вообще нравственной стороны ихъ личности: устраненіе, по возможности, формализма по отношенію къ преподаванію Закона Божія—точного слѣдованія опредѣленнымъ учебникамъ, непремѣнной отмѣтки балломъ каждаго отдѣльнаго отвѣта ученика и пр.; такой порядокъ замѣщенія уроковъ по этому предмету, при которомъ одинъ законоучитель проходилъ бы со своими учениками весь курсъ предмета, отъ перваго класса до послѣдняго; организація особыхъ библіотекъ для религіозно-нравственнаго чтенія подъ завѣдываніемъ законоучителя; устройство религіозно-нравственныхъ чтеній съ участіемъ, въ формѣ рефератовъ, самихъ учениковъ и, наконецъ, широкое покровительство со стороны начальства и огражденіе имъ въ школѣ всего, что имѣетъ своею цѣлью способствовать насажденію религіозныхъ началъ въ душѣ учениковъ и вообще, такъ или иначе касается религіознаго воспитанія ихъ.

Только при условіи такого участія къ дѣлу и личности законоучителя, можно предъявлять къ нему идеальныя широкіе запросы. Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ дѣло законоучителя въ школѣ все же не дастъ желательныхъ благихъ результатовъ, если только нѣтъ одного изъ нихъ: если сами дѣятели не стоятъ на высотѣ положенія по своимъ личнымъ качествамъ. Дѣло законоучителя есть часть дѣла пастырскаго вообще, а въ послѣднемъ личность отъ служенія не отдѣлима.

Проф. *Н. Маккавейскій.*

Изъ исторіи народнаго образованія въ Юго-Западномъ краѣ Россіи.

Въ послѣдніе 5—6 лѣтъ въ жизни церковно-приходскихъ школъ Юго-Западнаго края совершилось не мало безотраднѣхъ явленій, тормозящихъ дальнѣйшій ихъ ростъ и развитіе. Нѣкоторыя школы, насчитывавшія десятки лѣтъ своего существованія и сыгравшія довольно видную роль въ дѣлѣ возбужденія у крестьянъ интереса къ грамотности, въ указанный промежутокъ времени совершенно прекратили свое существованіе. вмѣстѣ съ этимъ начало измѣняться доселѣ дружелюбное отношеніе крестьянъ и къ другимъ церковнымъ школамъ. Противъ нихъ на общественныхъ сходахъ начали раздаваться враждебные голоса. Эта враждебность къ церковнымъ школамъ отъ словъ скоро перешла къ дѣлу. Ростъ мѣстныхъ средствъ на содержаніе ихъ, прогрессивно увеличивавшійся до 1897 года, съ этого года остановился, а по нѣкоторымъ школамъ началъ постепенно уменьшаться. Тамъ, гдѣ въ 1896 году учитель получалъ отъ мѣстнаго общества 240 руб., теперь онъ получаетъ 120 и даже 60 руб. въ годъ. Соотвѣтственно этому уменьшались и средства на содержаніе школьныхъ зданій и другія потребности школъ. И если въ настоя-

щее время церковно-приходскихъ школы всетаки неизмѣнно прогрессируютъ во всѣхъ отношеніяхъ, то благодаря лишь значительному пособію на содержаніе ихъ отъ казны. Гдѣ же причины такихъ отрицательныхъ явленій въ жизни церковно-приходскихъ школъ Юго-Западнаго края?—Искать ихъ нужно въ оживившейся съ 1895 года дѣятельности Министерства Народнаго Просвѣщенія по открытію сельскихъ училищъ въ Юго-Западномъ краѣ.

Въ октябрѣ 1895 г. г. Попечитель Кіевскаго Учебнаго Округа обратился къ Генераль-Губернатору графу Игнатьеву съ ходатайствомъ объ ассигнованіи изъ земскихъ сборовъ Подольской губерніи на трехлѣтіе съ 1896 года по 1898 годъ по тридцати тысячъ рублей ежегодно на устройство и содержаніе двѣнадцати двухклассныхъ сельскихъ училищъ и на улучшеніе нѣкоторыхъ существующихъ уже училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія... Относясь сочувственно къ изложенному ходатайству, графъ Игнатьевъ вошелъ въ сношеніе по этому предмету съ Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ... По Волынской губерніи Управление Учебнаго Округа... предположило открыть въ теченіе трехъ лѣтъ (съ 1896 по 1898 г.) 48 новыхъ одноклассныхъ сельскихъ училищъ... Ходатайство это было подвергнуто обсужденію въ особомъ совѣщаніи 1-го сентября 1898 года изъ представителей министерствъ... Совѣщаніе признало, что этотъ вопросъ подлежитъ предварительной обстоятельной разработкѣ со стороны Министерства Народнаго Просвѣщенія". (Копія журнала Кіевскаго Губернскаго Распорядительнаго Комитета отъ 13 декабря 1900 года за № 694 о расходахъ на нужды народнаго образованія).

Приведенныя свѣдѣнія даютъ намъ право утверждать, что перемѣна въ отношеніи крестьянскихъ обществъ къ церковно-приходскимъ школамъ съ 1897 года находится въ непосредственной связи съ перемѣной взгляда высшей администраціи Юго-Западнаго Края на значеніе этихъ школъ для мѣстнаго населенія. Подъ вліяніемъ этой перемѣны охладѣли въ своемъ усердіи къ церковнымъ школамъ и низшіе пред-

ставители гражданской администраціи—мировые посредники, и такимъ образомъ, судьба церковныхъ школъ начала поставляться въ зависимость отъ одной только воли народной. Но кто не знаетъ, какъ относится нашъ простой невѣжественный народъ къ удовлетворенію своихъ высшихъ духовныхъ запросовъ, если онъ остается безъ руководства и опеки со стороны интеллигентныхъ людей. Незызя также не допустить и того, чтобы слухъ о желаніи высшей администраціи открывать въ селахъ вполне благоустроенныя и обеспеченныя на казенный счетъ министерскія училища не могъ не проникнуть въ среду крестьянъ и не заставить ихъ осторожнѣе относиться къ обезпеченію своихъ церковныхъ школъ, содержаніе которыхъ почти всецѣло падало на ихъ собственные средства. Но какъ бы то ни было, все таки до 1899 г. церковныя школы Юго-Западнаго края особеннаго ущерба для себя не потерпѣли. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ и лишились части средствъ на свое содержаніе со стороны мѣстныхъ обществъ, за то въ это время была оказана значительная субсидія имъ изъ суммъ земскихъ сборовъ, и никто не посягалъ на право ихъ существованія въ общественныхъ помѣщеніяхъ. Но совсѣмъ въ иномъ положеніи онѣ оказались съ 1899 года. Въ этомъ году Министерство Народнаго Просвѣщенія удѣлило Кіевскому Учебному Округу 50000 руб. и затѣмъ въ слѣдующемъ 1900 году добавило еще 85000 руб. „Суммы эти обращены почти исключительно на три Юго-Западныхъ губерніи, благодаря чему явилась возможность удовлетворять нѣкоторыя самыя неотложныя ходатайства сельскихъ обществъ о пособіяхъ на открытіе новыхъ училищъ и поддержаніе существующихъ. Но огромное большинство этихъ ходатайствъ по прежнему остается безъ удовлетворенія, несмотря на то, что потребность въ школахъ удостовѣряется и мировыми посредниками, и инспекціей, а сельскія общества предлагаютъ съ своей стороны посильныя денежныя пособія“. Въ виду этого въ 1900 году вопросъ объ открытіи новыхъ сельскихъ училищъ въ Юго-Западномъ краѣ былъ „вновь затронуть непо-

средственно Министерством Народнаго Просвѣщенія. Въ предложеніи отъ 28 января 1900 г. за № 3151-мъ г. Министръ Народнаго Просвѣщенія... предложилъ Окружнымъ Начальникамъ чрезъ посредство директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, неопустительно и своевременно заявлять о потребностяхъ народнаго образованія, удовлетвореніе которыхъ могло бы послѣдовать на счетъ земскихъ сборовъ, присутствіямъ, составляющихъ смѣты“ расхода суммъ земскихъ сборовъ, „съ присовокупленіемъ всѣхъ необходимыхъ практическихъ данныхъ и соображеній о необходимости предположенныхъ воспособленій“. Сопоставляя теперь эти два обстоятельства—отпускъ денегъ на открытіе въ Юго-Западномъ краѣ министерскихъ училищъ и предложеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія Окружнымъ Начальникамъ о своевременномъ и неопустительномъ заявленіи потребностей народнаго образованія,—съ началомъ энергичной дѣятельности Кіевскаго Учебнаго Округа по открытію новыхъ училищъ въ Юго-Запад. краѣ, мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что первая была довлѣющей причиной для второй. Возбудивши, по почину высшей администраціи Юго-Западнаго края, вопросъ о необходимости открытія въ этомъ краѣ училищъ М. Н. П., какъ имѣющихъ преимущественное значеніе для этого края, и получивъ на это средства отъ Государственнаго Казначейства, Управление Кіевскаго Учебнаго Округа вполнѣ естественно должно было дѣятельно приняться за открытіе въ селахъ новыхъ училищъ М. Н. П., за поддержаніе существующихъ и за собраніе возможно большаго числа приговоровъ отъ сельскихъ обществъ о желаніи ихъ имѣть у себя министерскія училища. Дѣятельныхъ помощниковъ въ осуществленіи своихъ стремленій оно нашло въ лицѣ сельскихъ представителей гражданской администраціи, которые въ данномъ случаѣ не могли не бѣть солидарными съ высшей гражданской администраціей края, отъ которой исходила инициатива этого дѣла. Намъ извѣстно, что нѣкоторые г.г. мировые посредники, по ходатайству г.г.

инспекторовъ народныхъ училищъ, обратились чрезъ волостныя правленія къ сельскимъ обществамъ съ предложеніемъ, не пожелаютъ ли они открыть у себя министерскихъ училищъ при значительной субсидіи отъ казны лѣсомъ и деньгами на постройку и содержаніе училищъ, не трогая, впрочемъ, существующихъ у нихъ школъ. Волостныя правленія не замедлили довести объ этомъ предложеніи до свѣдѣнія сельскихъ обществъ, и вотъ во многихъ мѣстахъ, на сельскихъ сходахъ началъ горячо дебатироваться вопросъ объ открытіи министерскихъ училищъ, при чемъ въ однихъ селахъ сразу былъ рѣшенъ вопросъ объ открытіи министерскихъ училищъ и о закрытіи существующихъ церковно-приходскихъ школъ, а въ другихъ предварительно были избраны уполномоченные отъ общества для наведенія надлежащихъ справокъ, гдѣ слѣдуетъ, о томъ, при какихъ условіяхъ возможно открытіе у нихъ министерскихъ училищъ. Этимъ послѣднимъ было разъяснено, что открытіе въ селахъ министерскихъ училищъ возможно только подъ тѣмъ условіемъ, если мѣстное общество дополнитъ казенныя суммы на постройку училищнаго зданія и на ежегодное содержаніе училища (не менѣе 150 руб. для одноклассныхъ и 350 руб. для двухклассныхъ училищъ) и если при этомъ въ приговорѣ объ открытіи министерскаго училища *не будетъ упоминаемо о закрытіи мѣстной церковно-приходской школы*. Принятіе такихъ условій для многихъ крестьянскихъ обществъ показалось опаснымъ, во первыхъ, потому, что они не привыкли отпускать значительныхъ средствъ на дѣло обученія своихъ дѣтей, а во вторыхъ, потому, что опасались вмѣсто одной школы содержать двѣ, тогда какъ и содержаніе одной для нихъ показывается обременительнымъ. Такимъ образомъ, желаніе открывать министерскія училища было охлаждено, но не надолго. Нѣкоторыя общества рѣшили во что бы то не стало довести дѣло открытія у себя министерскихъ училищъ до конца, и при этомъ оказалось, что они не только могутъ избавиться отъ необходимости содержанія существующихъ у нихъ церковно-приходскихъ школъ, а даже

могутъ воспользоваться для министерскихъ училищъ и тѣми зданіями, въ которыхъ тѣ помѣщались.

Желая открыть у себя министерскія училища, сельскія общества лишаютъ существующую у нихъ церковно-приходскую школу средствъ содержанія и, если помѣщеніе ея не закрѣвлено за ней, то отбираютъ и самое помѣщеніе, чѣмъ и поставляютъ ее въ необходимость прекратить свое существованіе.

Свящ. Д. Н—нъ.

(Продолженіе будетъ).

Новый способ популяризаціи и защиты сектантства.

Всякій, интересующійся дѣломъ миссіи, прекрасно знакомъ со всѣми видами пропаганды сектантства. Къ какимъ только способамъ ни прибѣгаютъ вожаки сектантовъ въ дѣлѣ распространенія своего лжеученія! Аренды мельницъ, нарочитое устройство въ многочисленныхъ мѣстахъ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, бакалейныхъ лавокъ, чайныхъ, кузницъ и т. п., переодѣванія въ монашескія одежды, въ одежды пилигримовъ, „Божіихъ людей“ (2 Кор. 11, 14), принятіе на себя вида юродивыхъ, офеней, курятниковъ, книгопошъ и проч.,—все это служитъ средствами къ пропагандѣ сектантства для вожаковъ его изъ простонародья.

Интеллигентные пропагаторы сектантства прибѣгаютъ къ болѣе тонкимъ приѣмамъ въ дѣлѣ его распространенія. Хожденіе интеллигентовъ въ простой народъ, съ временнымъ переодѣваніемъ и безъ него, преслѣдуетъ не одно лишь поднятіе умственно-правственнаго уровня простолюдиновъ; оно для вида съ этого начинается, но болѣею частію оканчивается разрушеніемъ въ ихъ душахъ основныхъ и заветныхъ началъ русской народности и вѣры православной. Эту же цѣль еще не такъ давно преслѣдовала благотворительность невѣрующей интеллигенціи во многихъ мѣстахъ, пораженныхъ голодовкой: за отреченіе отъ православія и поклоненіе Ваалу невѣрія

многіе въ народѣ получали то, чего въ противномъ случаѣ, конечно, не получили бы. Раздача мужикамъ земли за отреченіе отъ вѣры православной производилась не одними лишь толстовцами, но и другими сектантствующими богачами. Впрочемъ, послѣдній видъ пропаганды сектантства не такъ опасенъ: русскій человѣкъ и въ бѣдственномъ своемъ состояніи имѣетъ много нравственной и религіозной устойчивости, прекрасно сознавая, что великій грѣхъ предъ Богомъ и стыдъ предъ людьми продавать свою вѣру за деньги богачамъ-сектантамъ. Гораздо опаснѣе лукавая литературная защита сектантства, когда даже подъ видомъ заботы о благѣ православной миссіи въ печати хитро маскируется защита враговъ православія, очень чутко прислушивающихся ко всему, что помѣщается о нихъ на страницахъ либеральствующей прессы. Въ этомъ отношеніи довольно вспомнить статьи о сектантствѣ и миссіи, помѣщавшіяся на страницахъ „Недѣли“, „Сп. Вѣдом.“ и К^о., задавшихъ цѣлью повліять на общественное мнѣніе въ желательномъ для сектантовъ смыслѣ.

Въ послѣднее же время мы встрѣчаемъ еще болѣе утонченный способъ публичной защиты сектантства, разумѣю докладъ о сектантахъ Кіевской губ., читанный Бородаевской въ „союзѣ писателей“. Къ сожалѣнію, полностью этого доклада я не имѣлъ подъ руками, но и по резюмированному въ южныхъ газетахъ его содержацію можно имѣть довольно ясное представленіе о его направленіи и цѣли.

Можно было бы предполагать, что докладчица имѣла въ виду познакомить свою аудиторію съ жизнью кіевскихъ штундистовъ и малеванцевъ въ религіозно-нравственномъ, соціальномъ и бытовомъ отношеніяхъ. Но насколько видно изъ доклада, въ его передачѣ въ газетахъ, г. Бородаевская преслѣдовала двѣ цѣли: съ одной стороны защитить сектантовъ отъ мнимыхъ преслѣдованій правительства, съ другой,—показать, какіе де сектанты хорошіе, религіозные люди. Такъ, говоря о малеванцахъ, докладчица прежде всего старается опровергнуть мнѣніе о нихъ извѣстнаго ученаго психіатра, проф.

Сикорскаго. „Профессоръ Сикорскій, говоритъ она, въ изслѣдованныхъ имъ типахъ малеванцевъ нашелъ всѣ признаки истеріи, призналъ ихъ душевно больными; но съ его діагнозомъ трудно (!?) согласиться, потому что, повидимому, онъ не принималъ въ расчетъ всего того, что вынесли на себѣ эти люди отъ темныхъ и невѣжественныхъ сельскихъ властей“.

Итакъ, научный авторитетъ профессора Сикорскаго долженъ померкнуть предъ новымъ психіатромъ—Бородаевской, у которой очень своеобразная логика: безумное малеванское религіозное движеніе, возникшее на почвѣ штундизма, соединяющееся съ гнусными противонравственными и антигигіеничными дѣйствіями, проявляющееся въ безумномъ бредѣ потерявшихъ самосознаніе параноиковъ, по мнѣнію докладчицы, является результатомъ „всего того, что вынесли на себѣ эти люди отъ темныхъ и невѣжественныхъ сельскихъ властей“. Выходитъ, что послѣднія стали притѣснять малеванцевъ тогда, когда они были еще вполне нормальны въ умственномъ отношеніи и ничѣмъ не были опасны и вредны для окружающаго ихъ общества. Въ дѣйствительности же, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ нежелательныя отношенія къ малеванцамъ сельскихъ властей вызваны не обращеніемъ въ сектантство первыхъ, а тѣмъ именно, что они внесли большую смуту и всевозможныя безобразія въ мирную жизнь народа. И въ этомъ случаѣ нужно винить не столько „невѣжественныя“ и „темныя“ сельскія власти, сколько тѣхъ „просвѣщенныхъ“ людей, которые *до сихъ поръ ничего не сдѣлали* къ прекращенію уродливаго религіознаго явленія среди простаго нашего люда, а все взвалили на миссію, забывая, что мѣры миссіи здѣсь безсильны: для помѣшанныхъ нужны не миссіонеры и ихъ бесѣды, а доктора и больницы.

Говоря о штундистахъ, Бородаевская замѣчаетъ: „религіозныя собранія ихъ запрещены закономъ, установившимъ возрастающія наказанія за первое, второе и послѣдующія посѣщенія. Но тяжесть самого наказанія пересылка молящихся (sic), прибывшихъ изъ сосѣднихъ сельъ, по этапамъ чрезъ уѣздные города“.

Сочувствовать невинно страдающимъ—дѣло христіанское, но защищать нарушителей закона и общественнаго спокойствія, это значить—защищать произволь и безпорядокъ въ жизни. Зачѣмъ надѣвать маску невинности на бунтовщика-сектанта? Вѣдь всѣмъ прекрасно извѣстно, что штундисты пересылаются по этапамъ въ мѣста наказанія вовсе не за собранія, запрещенныя закономъ, а за сопротивленіе властямъ, за наглую пропаганду и возмутительныя кощунства надъ православіемъ и его святынями. Фанатикъ-сектантъ врывается въ домъ православныхъ, дерзко срываетъ со стѣны св. икону, издѣвается надъ ней, разбиваетъ ее о землю и попираетъ ногами (такихъ фактовъ очень много) или врывается прямо въ храмъ во время богослуженія и дерзко богохульствуетъ, кощунствуетъ, послѣ чего его, конечно, предають суду; но спросите его и его единомышленниковъ: за что онъ отбываетъ наказаніе, и вы всегда услышите одинъ заученный отвѣтъ: „за Христа“! Со словъ такихъ „невинныхъ страдальцевъ“ и пишутся газетныя статьи, „ученые“ рефераты и доклады въ защиту сектантства. Но справедливо ли это? Объ этомъ лучше спросить народъ православный, который, при совмѣстной жизни съ сектантами, очень хорошо знаетъ ихъ мнимое смиреніе, ихъ показную святость жизни, ихъ политическую неблагонадежность; думаю, по крайней мѣрѣ, знаетъ лучше докладчицы г-жи Бородаевской.

Свой докладъ Бородаевская обставила такъ, чтобы онъ непременно произвелъ желательное ей впечатлѣніе на слушателей: въ перерывахъ доклада хоромъ были исполнены сектантскія пѣснощія, которыя, замѣтимъ, *запрещены цензурой даже къ частному употребленію, но исполнялись публично*, причемъ „собраніе наградило докладчицу и хоръ горячими рукоплесканіями“. Еще бы! Но вся суть дѣла не въ слезливомъ содержаніи доклада Бородаевской (пытье о яко бы невинныхъ страдальцахъ-сектантахъ уже пріѣлось многимъ прежнимъ ихъ защитникамъ въ печати); суть дѣла въ цѣли доклада и въ той средѣ и обстановкѣ, въ которой онъ прочтенъ:

здѣсь все было разсчитано на пропаганду защиты сектантства, подъ прикрытіемъ quasi научнаго изслѣдованія, и разсчитано, нужно сказать, очень не дурно: и чтеніе лектора-женщины среди „писателей“, въ большинствѣ слышавшихъ что-то и гдѣ-то о какихъ-то сектантахъ,—„писателей“, не знающихъ ни ихъ бытовой жизни, ни вѣроученія; и хорошо спѣвавшій хоръ, публично демонстрировавшій запрещенныя цензурой сектантскія „псалмы“, и „горячія рукоплесканія“—все это не могло, удовлетворивъ авторское самолюбіе докладчицы, не вызвать, съ одной стороны, сочувствія къ яко бы угнетеннымъ сектантамъ, „христіанамъ первыхъ дней“, у людей, съ ними мало или совсѣмъ незнакомыхъ, съ другой,—не могло не поднять духа упорства и фанатизма у отцenenцевъ православной вѣры и русской народности, очень чутко прислушивающихся ко всему, что въ пользу ихъ пишутъ или говорятъ „ученые“ люди. Вѣдь здѣсь въ пользу сектантовъ не только говорили, но пѣли и рукоплескали!..

Словомъ, цѣль доклада, пропущеннаго вниманіемъ противосектантской литературы, была вполнѣ достигнута. Остается только удивляться, какимъ образомъ допущено разрѣшеніе мѣстными властями публичной защиты той секты, которая самимъ правительствомъ признана и оффиціально объявлена „одною изъ наиболѣе вредныхъ и опасныхъ въ церковномъ и государственномъ отношеніяхъ“ (Цирк. Мин. Внутр. Дѣлъ отъ 3 сент. 1894 г. № 24 и Цирк. Министра Юстиціи отъ 3 апр. 1901 года), и какъ допущено публичное исполненіе сектантскихъ „псалмъ“, запрещенныхъ къ частному употребленію общею цензурою? Очевидно, въ пользу сектантовъ можно играть законами, какъ угодно.

Нисколько поэтому не будетъ удивительно, если скоро найдется подражательница Бородаевской, которая пожелаетъ „съ научной цѣлью“ прочесть публично докладъ хотя бы о „гонимыхъ“ хлыстахъ, исполнивъ, при участіи хора, не только ихъ пѣсни, но и „радѣнія“ съ неистовыми плясками, безумными верченіями, бессмысленными пророчествами и дальнѣй-

шими атрибутами хлыстовскаго культа... Теперь у насъ возможенъ и такой докладъ; онъ вызоветъ, пожалуй, еще болѣе „горячія рукоплесканія“. (Мис. Сборникъ 1902 г. № 6).

М. Кальневъ.

Къ характеристикѣ современныхъ „злыхъ дѣлателей“.

Одинъ изъ глубокихъ русскихъ мыслителей и вдумчивый наблюдатель всемірной и нашей отечественной жизни (В. Соловьевъ) такъ былъ пораженъ открывшеюся предъ его взорами силою зла, отрицанія, разрушенія и безумно-горделивой, сатанински-злой борьбы противъ Бога, что открыто и мужественно выступилъ предъ извѣрившимся образованнымъ нашимъ обществомъ съ проповѣдью о близкомъ времени пришествія антихриста, а предъ смертью заявилъ: „магистраль всемірной исторіи, видимо, приближается къ своему концу“. А сила зла и тайна успѣха беззаконія—въ томъ единеніи носителей зла, которымъ они проникнуты. Не станемъ слѣдить за исторіей и жизнью всемірной; довольно наблюденій для выводовъ мы видимъ у себя дома, въ нашемъ отечествѣ. Только слѣпой или не желающей быть зрячимъ не видитъ, какъ на нашихъ глазахъ слятся объединиться всѣ отрицательныя и разрушительныя теченія жизни. Они явно желаютъ сплотить все недовольное и всѣхъ недовольныхъ и озлобленныхъ безъ различія причинъ недовольства; явно желаютъ слить отдѣльные ручейки зла въ огромную и бушующую рѣку, которая съ бѣшеною и всеокрушающею силою должна пронестись по лицу Россіи и снести, уничтожить всѣхъ сторонниковъ и защитниковъ положительныхъ началъ жизни: религій, нравственности, твердаго и устойчиваго порядка жизни, твердой и несокрушимой власти, историческихъ-зидительныхъ условій нашего церковнаго и гражданскаго строя. И посмотрите, съ какимъ лукавствомъ, съ какой изворотливо-

стью и лицемѣремъ все это дѣлается. Евангельскій неправедный домоправитель кажется ребенкомъ предъ этими одушевленными служителями зла и „карьеристами смуты“, какъ выразился о нихъ одинъ современный писатель. Какъ ночные пернатые хищники, они видятъ только во тьмѣ; ихъ сродная стихія—злота, смута, измѣна и возмущеніе; здѣсь они, какъ рыбы въ водѣ; ихъ время—ночь; ихъ промыселъ—хищничество и духовный разбой; ихъ враги—солнце и свѣтъ, которые рѣжутъ имъ глаза и заставляютъ прятаться въ темныя гнѣзда и норы. Они присосутся всюду, гдѣ только есть поводъ для чьего либо озлобленія; они какъ изъ земли выростутъ вездѣ, гдѣ только представляется удобная почва для сѣянія недовольства, возмущенія, измѣны и грязной клеветы на все высокое и положительное въ жизни. Они среди возмущенныхъ рабочихъ,—эти люди, которые сами никогда не работали: здѣсь они представляются глашатаями гуманности, защитниками угнетенныхъ; они среди недовольной учащейся молодежи безразлично, права ли она или не права, лишь бы было недовольство—эти люди, никогда и ничему серьезно не учившіеся: здѣсь они защитники свободы, защитники науки. Безбожники—они представляются и религіозными, если это только полезно въ ихъ цѣляхъ и стремленіяхъ.

Какое имъ дѣло до крестнаго знаменія, до двухъ или трехъ перстовъ, до сугубаго или трегубаго аллилуія? Но они присосутся и къ старообрядцамъ-раскольникамъ, чтобы воспользоваться ими, чтобы обратить наивныхъ и простосердечныхъ людей въ орудіе борьбы противъ ненавистнаго имъ государства. Нужно ли водное крещеніе или не нужно, нужны ли молитвы за умершихъ, нужны ли храмы и какія нужно принимать таинства? Они давно умерли для этихъ вопросовъ, но охотно идутъ къ сектантамъ, и въ то время, какъ послѣдніе искренно и глубоко болѣютъ всѣми этими запросами, томительно ищутъ ихъ разрѣшенія, и безъ авторитета церкви остаются безсильными и безпомощными, они и здѣсь совершаютъ свое черное дѣло озлобленія и смуты... Допускается ли

Евангеліємъ присяга, допустима ли война, допустима ли брачная жизнь, яденіе мяса, употребленіе вина и табака, оправдываются ли Евангеліємъ собственность, судъ, государство... Все это для нихъ—пустые звуки и до Евангелія имъ нѣтъ дѣла. Но они, проживая съ блудницами, играя въ карты, поядая мясо, упиваясь виномъ, пользуясь государственнымъ строемъ, войскомъ, судомъ, полиціей, деньгами, послѣдними иногда отъ службы тому же государству, однако, проповѣдуютъ сочувствіе духоборамъ и толстовцамъ, для которыхъ перечисленные вопросы—вопросы жизни; они идутъ къ сектантамъ, пишутъ имъ, шлютъ имъ ободреніе, возстановляютъ противъ власти, противъ отечества, тайно помогаютъ ихъ бѣгству изъ родины, агитируютъ, пропагандируютъ... Они забыли, когда посѣтили храмъ, когда слышали богослуженіе; но какъ они будутъ распинаться за права того или другого языка или порядка богослуженія, лишь бы внести смуту въ среду различныхъ народностей и повредить государству. Они давно утратили всякое чувство патріотизма и бичуютъ его всѣми видами насмѣшки и презрѣнія, но они готовы поддержать всякій лже-патріотизмъ, если только онъ губителенъ для положительныхъ сторонъ жизни и способенъ внести раздоръ въ умы и сердца, раздѣлить сторонниковъ и защитниковъ родины и ея верховнаго управленія. Зло извивчиво, зло желаетъ приспособиться вездѣ и ко всему, лишь бы объединить все темное и выдвинуть его на борьбу со свѣтомъ. („Дух. Вѣст.“ 1902 г. № 24).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Теодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 3 февраля 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 7.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, февраля 16-го.

Содержаніе: Современный русскій православный приходъ и задачи приходскаго духовенства.—Русское духовенство въ Галиціи (продолженіе).—Законъ авторитета и отношеніе къ нему современнаго общества.—О пользованіи церковнымъ дровянымъ и строевымъ лѣсомъ для нуждъ причтовъ.

Современный русскій православный приходъ и задачи приходскаго духовенства.

Современная жизнь православныхъ приходовъ въ городахъ и въ многочисленныхъ фабричныхъ и промышленныхъ селеніяхъ представляется гораздо печальнѣе, чѣмъ въ большинствѣ обыкновенныхъ сельскихъ приходовъ. Здѣсь то связующее всѣхъ прихожанъ въ единое цѣлое начало, о которомъ у насъ была раньше рѣчь¹⁾,—именно храмъ и приходское духовенство (клиръ), имѣеть еще болѣе слабое значеніе и, если еще сохраняетъ это значеніе, то благодаря только „старымъ фамиліямъ“ прихожанъ, въ семействахъ которыхъ сохраняются и до сего времени, частію по преданію, частію вполне сознательно, тѣ чувства любви и привязанности къ храму и призвательности къ „причту“ церковному, которыя въ былое время и украшали храмы дорогою утварью и иконами, и со-

¹⁾ Р. д. С. П. 1902 г. № 11.

здавали для причта не только безбѣдное существованіе, но и вполне почетное положеніе. Вслѣдствіе быстро промышленнаго развитія нашего отечества за послѣднее время много городовъ разбогатѣло, превратилось въ большіе населенные центры съ кипучей промышленной дѣятельностію. Эта дѣятельность, все болѣе и болѣе осложняя городскую жизнь, вызывая все новыя и новыя потребности, привлекаетъ въ города крестьянское населеніе, которымъ, главнымъ образомъ, и разрастается количественно городъ. Пришельцы-сельчане, увлеченные водоворотомъ и утѣхами городской жизни, окончательно забываютъ свое село, а съ нимъ свои добрыя привычки, и быстро пополняютъ собою кадры городского пролетаріата, а въ лучшихъ, но рѣдкихъ случаяхъ—мелкаго купечества. Кромѣ этого элемента, городское населеніе, вслѣдствіе тѣхъ же условій промышленности, пополняется пришельцами и изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ мѣстностей,—промышленниками-спеціалистами, торговцами, разнаго рода аферистами, искателями наживы, а иногда просто удовольствій, людьми дѣловыми и т. п.: среди массы этихъ пришельцевъ не трудно встрѣтить представителей самыхъ разнообразныхъ національностей, вѣроисповѣданій и вѣръ, людей—съ самыми различными міровоззрѣніями, привычками, укладомъ домашней и общественной жизни. Вслѣдствіе всего этого города, особенно большіе, постепенно теряли и теряютъ свой православно-русскій характеръ и пріобрѣтаютъ, а нѣкоторые пріобрѣли уже, совершенно космополитическій обликъ, на которомъ, какъ будто нѣчто уже неестественное, даже чуждое, пятнами выступаютъ наши „привычки“, наши нравы, нашъ чисто русскій характеръ и притомъ чаще всего не своими лучшими чертами, а отрицательными. Желѣзныя дороги, фабрично-заводская промышленность разносятъ космополитизмъ постепенно по всѣмъ, даже „медвѣжьимъ“ уголкамъ, нашей родины, и всюду онъ налагаетъ свою печать на всѣ стороны нашей жизни. Давно ли Сибирь увидѣла желѣзную дорогу и промышленниковъ, а уже „коренной сибирякъ“ бѣжитъ съ своего

мѣста, ищеть новыхъ мѣсть поселенія,—а города сибирскіе, очутившіеся на желѣзнодорожной магистрали, дѣлаются неузнаваемыми какъ по образу жизни и дѣятельности жителей, такъ и по самому составу своего населенія.

Можно легко понять, какъ все это должно было отразиться и отражается на жизни современнаго городского прихода. Если и вообще городъ, какъ болѣе или менѣе обширная единица, всегда представлялъ много поводовъ и случаевъ къ ослабленію узъ приходскихъ, къ ослабленію въ томъ числѣ значенія въ жизни прихода храма, то современный городъ такихъ поводовъ и случаевъ представляетъ въ неизмѣримо большемъ количествѣ и притомъ поводовъ и случаевъ съ характеромъ въ высшей степени сильно-дѣйствующимъ, увлекательнымъ. Прежде всего, въ современномъ городѣ множество людей, такъ сказать, стоящихъ внѣ всякаго прихода, у которыхъ приходъ остался въ селѣ,—тамъ—гдѣ то далеко,—въ селѣ, все болѣе и болѣе забываемомъ, такое же множество людей, вслѣдствіе своей бродячей жизни (тамъ отечество—гдѣ хорошо живется), совершенно неимѣющихъ и представленія о приходской жизни, объ обязанностяхъ и правахъ, налагаемыхъ ею на каждаго православнаго христіанина. Вспоминаютъ такія лица о храмѣ и приходскомъ священникѣ, вообще причтѣ, только въ случаѣ нужды, которую по гражданскому закону можно удовлетворить только въ храмѣ и при помощи приходскаго духовенства,—какъ, напр.,—крещеніе, погребеніе, бракъ; то же, что не можетъ подлежать и не подлежитъ настойчивому контролю гражданскаго закона,—напр. причащеніе, покаяніе и др.,—почти никогда не исполняется, совершенно забывается; въ той же мѣрѣ забываются и всѣ обязанности къ храму, которыя чаще всего ограничиваются пожертвованіемъ „рубля“ во время сборовъ въ церкви. Ставши чуждыми къ храму, потерявши „свой приходъ“, такіе люди совершенно не знаютъ своихъ пастырей, не понимаютъ ихъ жизни, ихъ служенія и потому съ необыкновенной быстротой поглощаются волнами практическаго невѣрія и грубыхъ, не-

справедливыхъ взглядовъ на духовенство. Не связанные съ приходомъ ничѣмъ, кромѣ насильно навязываемыхъ государствомъ обязанностей, безъ исполненія которыхъ теряются гражданскія юридическія права,—такіе невольные прихожане не знаютъ никакой связи съ своими соприхожанами и для нихъ совершенно безразлично идти молиться въ ту или другую церковь, пригласить для совершенія требы того или другого священника, въ выборѣ же этомъ руководствуются не сознаниемъ того, что должно дѣлать, а тѣмъ, что болѣе правится, что удовлетворяетъ вкусу. Что всего печальнѣе, такъ это—постепенное и какъ бы непреодолимое распространеніе такого безразличнаго (въ лучшемъ случаѣ) отношенія къ приходу и его интересамъ и на тѣхъ прихожанъ, которые не пришельцы, у которыхъ нить, связующая ихъ съ храмомъ и причтомъ, и длинная и, повидимому, должна бы быть крѣпкая. Примѣръ всегда заразителенъ, а примѣръ легкаго освобожденія отъ тѣхъ или другихъ обязанностей еще заразительнѣе. Конечно, въ дѣлѣ ослабленія приходскихъ связей и сознания обязанностей въ отношеніи къ храму и причту имѣетъ большое значеніе не одинъ примѣръ, но и многое другое,—но всѣ существующія причины, тѣсно связанные между собою, сплетшіяся въ одно цѣлое, составляютъ настолько могучую противодѣйствующую силу, съ которой борются одними какими-либо виѣшними средствами недостаточно. Вотъ почему современный городской приходъ, не смотря на точное опредѣленіе его границъ, даже съ точнымъ перечисленіемъ домовъ, входящихъ въ составъ даннаго прихода, по существу своему не можетъ быть даже названъ приходомъ. Кстати,—въ высшей степени характерно причисленіе къ приходу „домовъ“, иначе—составленіе въ городѣ приходоѡвъ изъ домовъ! Мало помогаютъ дѣлу объединенія прихожанъ вокругъ приходскаго храма и духовенства и такія распоряженія, какъ обязательство совершать требы только въ приходскомъ храмѣ и у приходскаго духовенства, потому что для избѣжанія этой обязанности всегда легко можно найти много выходовъ; мало того, — такія

распоряженія при все болѣе и болѣе развивающемся невѣрїи нерѣдко приводятъ къ полному манкированію самыми высокими и необходимыми для христіанина обязанностями: случаи внѣбрачной жизни, долговременнаго некрещенія дѣтей, уклоненій отъ причащенія и покаянія въ городахъ становятся все болѣе и болѣе частыми, чуть ли не обыденными.

Условія, создающія въ городахъ отчужденность прихожанъ отъ приходской жизни, до крайности ослабляющія объединяющее значеніе храма и приходскаго духовенства, увеличиваются въ фабричныхъ и заводскихъ поселеніяхъ еще многими другими, составляющими неотъемлемую принадлежность фабрично-заводской промышленности. Среди этихъ условій первое мѣсто должно быть отведено непрерывности работъ, вслѣдствіе чего на нѣкоторыхъ заводахъ и фабрикахъ для рабочихъ нѣтъ праздничныхъ дней, а если такіе дни и выпадаютъ на ихъ долю, то они разсматриваются только, какъ дни отдыха, почему и проводятся они или во снѣ или въ разгулѣ. Отсутствіе храма или далекое отъ фабрики мѣсто-нахожденіе его, вообще крайне слабое вниманіе фабрики къ религіознымъ потребностямъ рабочихъ, конечно, еще болѣе пріучаетъ послѣднихъ обходиться безъ храма, забывать свои обязанности въ отношеніи къ нему, забывать и о себѣ, какъ о членѣ извѣстнаго прихода. Слишкомъ большая скученность фабричнаго населенія, устанавливающая неизбѣжно безразличное, вполне равнодушное отношеніе къ требованіямъ и уставамъ Церкви, еще болѣе способствуетъ развитію и укорененію среди рабочихъ привычки обходиться во всѣхъ, самыхъ даже важнѣйшихъ случаяхъ своей жизни безъ благословенія Церкви, безъ страха быть ея ослушникомъ, нарушителемъ закона Божескаго и человѣческаго и вмѣстѣ съ этимъ привычки совершенно не знать храма. Возвращаясь въ деревню, откуда они большею частію родомъ, такіе рабочіе являются не только чуждыми для своихъ соприхожанъ, но и вносятъ и въ ихъ скромную жизнь растлѣвающее вліяніе

Все вышесказанное нами имѣеть въ виду показать, что та сила, которая наиболѣе всего связывала и пока еще связываетъ прихожанъ въ одно цѣлое и способствуетъ созданію и проявленію въ жизни началъ общественности, которая, быть можетъ, первая разбудила въ душѣ русскаго человѣка сознаніе необходимости въ общественной жизни, основывающейся не на однихъ только матеріальныхъ интересахъ,—эта сила подвергается въ настоящее время непрестанному и сильному испытанію. Вслѣдствіе исторической необходимости, правильно или ложно понимаемаго стремленія къ лучшему, и русскій народъ, какъ и всѣ другіе, воспринимаетъ новыя формы общественной жизни, дѣятельности, идетъ по пути развитія условій матеріальнаго своего быта, что неизбежно вноситъ соотвѣтствующія измѣненія и въ основныя начала этой жизни. Отрицать необходимость улучшеній въ матеріальномъ быту народномъ, вооружаться противъ видоизмѣненій въ жизни села, противъ роста городовъ, фабричной и заводской промышленности не только бесполезно,—потому что только какая нибудь чрезвычайная катастрофа можетъ все это остановить или уничтожить,—не только безцѣльно,—потому что бѣдность, малолюдство и патріархальность быта далеко не гарантіи высокаго развитія нравственныхъ началъ,—но и прямо таки вредно. Вредно такое отрицаніе уже по тому одному, что вызываетъ людей на безцѣльную трату силъ, что безцѣльное сопротивленіе естественному стремленію людей и движенію ихъ жизни въ сторону видимо лучшаго, всѣми понимаемаго какъ лучшее и по существу своему, дѣйствительно, лучшаго, способно вызвать только вражду и къ тѣмъ истиннымъ началамъ нравственной жизни, которыя должны одухотворять матеріальные успѣхи человѣчества, придавать имъ значеніе истиннаго блага. Долгъ всѣхъ, кому поручена охрана и развитіе высшихъ интересовъ человѣческой жизни, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы всѣми силами, вполне соотвѣтствующими высотѣ защищаемыхъ интересовъ, направлять мысль и чувство людей постоянно къ этимъ интересамъ, изы-

скивать надлежащія жизнеспособныя формы для осуществленія ихъ въ жизни будить въ людяхъ нерѣдко, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ временныхъ теченій жизненныхъ, угасающее сознаніе добра и призваніе всѣхъ людей къ насажденію въ жизни истиннаго начала—христіанской любви.

Убѣжденіе, вынесенное изъ опыта жизненнаго и постоянно имъ подкрѣпляемое, въ томъ, что объединяющее значеніе храма и всего, что создано государствомъ въ цѣляхъ наилучшаго нормированія внѣшней жизни членовъ государства, замѣтно ослабляется во всѣхъ приходахъ, что этой объединительной силы, до послѣдняго времени почти исключительно внѣшне прилагавшейся къ жизни, въ настоящее время недостаточно для сохраненія приходской жизни,—это убѣжденіе должно привести насъ къ сознанію необходимости изыскивать другія средства, примѣнять и всѣ издавна дѣйствующія съ большою интенсивностью и большимъ разнообразіемъ формъ. Это сознаніе тѣмъ болѣе должно возникнуть въ насъ и стоять руководящимъ побужденіемъ къ указываемой дѣятельности, что та же жизнь наша, жизнь нашего прихода немолчно свидѣтельствуетъ, въ чемъ наиболѣе всего нуждается въ настоящее время приходъ, чего въ жизни вообще и въ частности въ ея религіозно-нравственной и церковно-общественной областяхъ ищутъ православные члены Церкви, чего они ждутъ и отъ своихъ руководителей—пастырей церкви.

Присмотримся къ болѣе или менѣе характернымъ явленіямъ нашей приходской жизни и постараемся хотя немного уяснить себѣ причины ихъ, а равно причины, почему они, эти явленія, выливаются въ извѣстныхъ формахъ.

Мы уже достаточно привыкли всѣ болѣе или менѣе значительныя реформы въ законодательствѣ, въ общественной и административной жизни государства повѣрять или ретроспективно или возможностью въ будущемъ тѣхъ или другихъ неизбежныхъ слѣдствій, отражающихся вообще на внѣшней жизни государства и въ частности на міровоззрѣніи образованныхъ классовъ. Но мы, въ силу ли привычки мало обращать

вниманія на простой народъ, или по другимъ какимъ либо причинамъ, рѣдко, весьма рѣдко, къ сожалѣнію, повѣряемъ реформы государственныя дѣйствительною и возможною въ будущемъ жизнию народа. Въ этомъ виновны не только обыкновенные дѣятели, но и самые инициаторы великихъ реформъ. Усвоивши себѣ кабинетнымъ путемъ извѣстные основныя взгляды, они обыкновенно и полагаютъ ихъ и исходною точкою отправленія въ своей реформаторской дѣятельности и исключительно руководящими принципами при детальной разработкѣ, теоретической и практической, вводимыхъ въ жизнь реформъ. Какъ отразится давняя реформа на жизни внѣшней народа, въ особенности въ извѣстной, всегда почти крайне ограниченной ея области,—этимъ вопросомъ реформаторы еще задаются, этотъ вопросъ они еще стремятся такъ или иначе связать и одновременно съ проведеніемъ въ жизнь реформъ разрѣшить. Но каковы будутъ слѣдствія задуманной реформы для духовной жизни народа, какъ она отразится на міровоззрѣніи народа, на всѣхъ тѣхъ устояхъ, которые выработывались всѣмъ историческимъ прошлымъ народа и та или другая степень колебанія которыхъ должна повлечь несомнѣнно къ многоразличнымъ, весьма важнымъ слѣдствіямъ,—эти вопросы почти всегда были чужды реформаторамъ, тѣмъ болѣе проводившимъ въ жизнь реформы обыкновеннымъ администраторамъ. Если мы бывали и бываемъ хладнокровны къ этимъ вопросамъ при теоретической разработкѣ тѣхъ или другихъ реформъ, касающихся быта народнаго, то тѣмъ болѣе невнимательными, неинтересующимися оказываемся къ внутреннимъ духовнымъ движеніямъ народа тогда, когда приходится дополнять, измѣнять сдѣланное и т. д. Открывшуюся болѣзнь или рану снѣпать замазать тѣмъ или другимъ пластыремъ и вполне оказываются удовлетворенными, когда эта рана не бьетъ въ глаза, забывая, что зло, вогнанное внутрь, дѣлается еще болѣе разрушительнымъ. Къ такому поверхностному отношенію къ народной жизни мы всѣ привыкли, о всѣхъ ея явленіяхъ мы всѣ судимъ, не стараясь связать того,

что сдѣлано, съ тѣмъ, что дѣлается, найти причины, дѣйствительно оправдывающія наблюдаемыя нами явленія,—и только въ ужасъ приходимъ, когда эти явленія принимаютъ несомнѣнно грозный характеръ. Такъ обыкновенно поступаютъ недалновидные воспитатели дѣтей,—отъ чего страдаютъ и дѣти и сами воспитатели.

Со второй половины прошлаго вѣка у насъ быстро слѣдовали реформы за реформами, которыми наша общественная жизнь измѣнена до неузнаваемости, которыя коснулись всѣхъ слоевъ народа, всѣхъ сторонъ жизни народной; съ того же самаго времени основы нашей экономической жизни совершенно измѣнились; тогда же сдѣлана попытка положить начало и просвѣщенію народному. Что всѣ эти реформы были необходимы,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но что онѣ могли бы пройти въ жизнь въ иной формѣ и съ другимъ темпомъ,—въ этомъ убѣдило послѣдующее время, когда потребовалось ввести кое-какія поправки. Но внесенныя поправки дѣйствительно ли вполнѣ соотвѣтствуютъ всѣмъ сторонамъ и интересамъ народной жизни? Этотъ вопросъ текущею жизнію ставится съ неотразимостію и, что всего важнѣе, разрѣшается чаще всего отрицательно.

Въ настоящее время, когда недавно-прошлое можно уже разсматривать въ исторической перспективѣ, невольно являются при изученіи времени нашихъ реформъ такіе вопросы. Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, земство, новые суды, всеобщая воинская повинность, быстрое развитіе желѣзнодорожной сѣти, новые правительственные институты мировыхъ посредниковъ, мировыхъ судей, присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и т. п.,—все это должно было не только самымъ серьезнымъ образомъ отразиться на внѣшней жизни народа, но и внести цѣлые потоки, а не струи, новыхъ мыслей, чувствъ въ душу народа, возбудить необъятное количество и смутныхъ и ясно сознаваемыхъ желаній, стремленій. Однимъ словомъ—все это должно было всколыхнуть жизнь народа до самой глубины,—до того, что должны были обна-

житься въ своихъ корняхъ и главные устои народной жизни. Невольно спрашиваешь себя, что же было сдѣлано для того, чтобы эти устои, если только находили ихъ нужными,—а ихъ находили попрежнему необходимыми,—не пошатнулись подъ напоромъ расходившихся волнъ народной жизни? Когда хотятъ едва-едва текущему ручейку дать силу и изъ водъ его извлечь необходимую пользу, то устраиваютъ плотину, расчистивши предварительно источники его и русла; но когда плотина устроена и поставлена мельница, не пускаютъ же въразъ всѣ воды пруда на мельничье колесо, не засоряютъ источника. Между тѣмъ во время реформъ у насъ поступлено было какъ разъ наоборотъ. Всѣ силы народныя старались поднять, не обративши вниманія на главнѣйшіе источники этихъ силъ, не приложивши никакого почти старанія къ тому, чтобы уберечь эти источники отъ послѣдствій подъема народной дѣятельности. Народъ призывался этими реформами къ полезной, широкой дѣятельности. Народъ вводился этими реформами въ новую колею жизни, въ непосредственное общеніе со всѣми другими силами государственной жизни, вслѣдствіе чего подала самому разнообразному вліянію, вслѣдствіе чего само собою въ душѣ народной должны были явиться новые запросы, новые взгляды. Что же было сдѣлано для того, чтобы вѣра народная,—всегда его спасавшая, всегда его ободрявшая и давшая ему возможность стать могучимъ, была не поколеблена, чтобы церковная жизнь народа получила соотвѣтствующія всему новому строю земской, государственной жизни формы, пользуясь которыми она могла бы противостать разрушительному потоку смутныхъ стремленій, возникшихъ внутри самой жизни, и мутныхъ вѣяній, шедшихъ въ изобиліи отъ инуду, чтобы главнѣйшія силы, дѣйствовавшія въ этой области, были поставлены въ полную возможность и при новомъ сильномъ теченіи общегосударственной жизнедѣятельности оберегать святое святыхъ народной души и церковнаго строя? А главнѣйшими силами были православное духовенство и школа, правда, слабо развитая, но что же тогда, до реформъ, было

сильно развито въ народѣ? Мы должны констатировать тотъ фактъ, что въ то время, какъ реформы коснулись всѣхъ сторонъ жизни народной, какъ прилагаемы были чрезвычайныя усилія для возбужденія всесторонней энергіи народной, православное духовенство, приходская жизнь были оставлены почти въ томъ же дореформенномъ видѣ, при прежнихъ условіяхъ жизни, если, конечно, не считать тѣхъ измѣненій, которыя вызваны были косвеннымъ вліяніемъ реформъ въ другихъ областяхъ народной жизни,—а школа церковная была совершенно забыта, мало того—въ ея полезности и необходимости даже усумнились.

Достаточно и этого общаго указанія на общую сумму дѣйствовавшихъ и продолжающихъ дѣйствовать въ нашей жизни причинъ, чтобы понять, объяснить себѣ всѣ тѣ отрицательныя явленія, отъ которыхъ страдаетъ нашъ приходъ, борьба съ которыми въ настоящее время, будучи главнѣйшею задачею дѣятельности православнаго духовенства, является такою тяжелою и не всегда съ благими послѣдствіями

М. Гн.

Русское духовенство въ Галиціи ¹⁾.

Другое зло и зло страшное, парализующее доброе па-стырское вліяніе галицко-русскихъ священниковъ на своихъ прихожанъ, есть партійность, царящая между галицко-русскимъ духовенствомъ. Къ сожалѣнію, партійность, какъ мы выше видѣли, составляетъ отличительную особенность общественной жизни всего русскаго населенія Галиціи. Русскій галичанинъ, по условіямъ этой общественной жизни, рѣшительно не можетъ существовать безъ того, чтобы не принадлежать къ какой либо политической партіи: старо-русской, младо-русской, народно-русской, украинофильской, радикальной и т. п. Разумѣется, въ этомъ господствѣ партійности

¹ См. № 5 за 1903 годъ.

среди русских галичанъ и вообще въ боевомъ положеніи русскаго населенія Галиціи заключается нѣкоторая доля и оправданія для духовенства, которое волею неволею должно считаться съ раздѣленіемъ народа на партіи. Но бѣда въ томъ, что есть и очень много среди галицко-русскихъ священниковъ такихъ, которые уже чрезмѣрно увлекаются партійностію, которые интересы политическихъ партій ставятъ выше интересовъ пастырскихъ, которые партійную страстность вносятъ въ чисто духовныя, пастырскія отношенія свои къ прихожанамъ. Такая именно партійность составляетъ великое зло церковно-общественной дѣятельности галицко-русскаго духовенства, такъ какъ весьма сильно подрываетъ авторитетъ священника въ глазахъ народа, довѣріе послѣдняго къ слову, пастырскому наставленію и увѣщанію перваго. Такую же именно партійность среди галицко-русскаго духовенства осуждаетъ и порицаетъ и митрополитъ Шептицкій, говоря: „тамъ, гдѣ вѣрныя дѣлятся на партіи, пастырь не можетъ становиться на сторонѣ однихъ *для борьбы* съ другими. Поступая такимъ образомъ, онъ создалъ бы между собою и частію своего стада стѣну, которая раздѣляла бы его отъ людей, съ которыми онъ долженъ быть неразрывно связанъ для высшихъ интересовъ и цѣлей. Разногласіе убѣжденій во многихъ дѣлахъ останется между вами всегда: но не должно быть между вами яркихъ контрастовъ и тѣмъ болѣе страстной партійности. И уже никакимъ образомъ не можетъ быть между вами той безумной нетерпимости, которой столько между нами, русинами, и которая начинается съ ожесточеннаго бросанія грязи въ своего противника. У насъ водится такъ, что нѣтъ, кажется, замѣчательнѣйшаго русина, котораго бы кто либо изъ русиновъ же не забросалъ грязью, не обвинялъ публично въ измѣнѣ и безчестіи. Исчерпавши весь запасъ эпитетовъ брани и презрѣнія къ противникамъ, по поводу самаго факта разногласія въ убѣжденіяхъ, мы не имѣемъ уже критерія для оцѣнки того, что называется доброю дѣятельностію человѣка. Называя своего противника измѣн-

никомъ, человѣкомъ безчестнымъ потому только, что онъ нашъ политическій противникъ, мы чрезъ то самое бываемъ недалеко и отъ того, чтобы признать его даже злодѣемъ. А между тѣмъ для насъ, пастырей, „кто не противъ насъ, есть съ нами“; единственными нашими противниками должны быть противники Господа и Спасителя нашего Христа, да и тѣхъ мы должны побѣждать любовію, чтобы пріобрѣсти ихъ для Христа и для церкви. Даже не принадлежащихъ къ нашему стаду привлекайте любовію: пусть они познаютъ въ насъ слушателей Христовыхъ, отцовъ, пастырей духовныхъ, пусть приходятъ къ намъ съ довѣріемъ и мы, навѣрно, не откажемъ имъ ни въ отеческой любви, ни въ трудѣ“.

А вотъ что пришлось одному священнику, радикалу, украинофилу, произнесшему предъ собраніемъ замѣчательную рѣчь, въ которой онъ забросалъ грязью своихъ противниковъ, называя ихъ „кацапами“, „москвофилами“, выслушать отъ одного изъ этихъ послѣднихъ: ваша рѣчь, изобиловавшая фразами: „кацапы“, „москвофилы“, „кацапская ложь“ и т. д., произвела на насъ удручающее впечатлѣніе. Вы увлеклись риторическимъ рвеніемъ и забыли о собственномъ достоинствѣ и о своемъ званіи. Вы ругали публично своихъ братьевъ о Христѣ! Народъ остолбенѣлъ отъ ужаса. Онъ никогда еще ни на какихъ собраніяхъ не слышалъ такихъ словъ изъ устъ священника. Онъ, читая газеты, освѣдомлялся о нашей русской жизни и о партійной борьбѣ, но объ этой борьбѣ онъ читалъ доселѣ на столбцахъ газетъ, предполагая, что полемическія статьи пишутся мірскими людьми. А тутъ онъ услышалъ рѣчь изъ устъ священника, сердце котораго исполнено жаждою мести и ненавистію къ „кацапамъ“. Прилично ли вамъ говорить такъ: „враги наши—поляки, враги—нѣмцы, враги—правительство, но наибольшіе наши враги—„кацапы“, „москвофилы“. Значить, они ниже и хуже жидовъ, которые, по вашему мнѣнію, суть друзья нашего народа... Ваша безтактность вызвала постройку латинской каплицы въ вашемъ приходѣ, а духовно-религіозная жизнь прихожанъ

значительно упала, ибо вашъ взоръ обращенъ не на церковь, а на Украину“...

Борьба партій въ Галиціи неблагопріятно отражается на пастырской дѣятельности галицко-русскаго духовенства и въ другомъ отношеніи. Ожесточенно борющіяся между собою галицко-русскія партіи стремятся овладѣть простымъ русскимъ населеніемъ въ Галиціи, подчинить его себѣ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. Однимъ изъ самыхъ главныхъ средствъ къ достиженію сей цѣли избирается учрежденіе разныхъ правительственныхъ обществъ, назначенныхъ спеціально для распространенія въ народѣ полезныхъ свѣдѣній. Такія просвѣтительныя общества имѣются какъ у старо-русской, или народно-русской партіи, такъ и у младо-русской, или украинофильской партіи. Изъ просвѣтительныхъ учреждений первой заслуживаютъ упоминанія въ особенности институтъ, извѣстный подъ именемъ „Народнаго Дома“, существующій во Львовѣ и владѣющій богатѣйшею *русскою* библіотекою и *рускимъ же* музеемъ, и Общество имени М. Качковскаго, раскинувшее свою просвѣтительную дѣятельность на все пространство восточной Галиціи подъ видомъ народныхъ домовъ и народныхъ читалень, существующихъ теперь едва ли не во всякомъ болѣе или менѣе значительномъ русскомъ поселеніи.

Изъ просвѣтительныхъ учреждений младо-русской партіи намъ извѣстно общество „Просвѣтъ“, существующее во Львовѣ и проявляющее свою энергичную, можно сказать, даже лихорадочную дѣятельность преимущественно въ изданіи и въ распространеніи всевозможныхъ популярныхъ брошюръ.

Сами мы не имѣли возможности ближайшимъ образомъ наблюдать просвѣтительную дѣятельность двухъ главныхъ партій въ Галиціи, въ частности, вліяніе этой ихъ дѣятельности на простой народъ. Сами мы, при встрѣчѣ и сношеніяхъ съ представителями украинофильской партіи, не получали отъ нихъ ничего, кромѣ самаго добраго впечатлѣнія. Но справедливость требуетъ въ то же самое время сказать, что все то, что намъ приходилось слышать и читать о просвѣтительной

дѣятельности двухъ главныхъ галицко-русскихъ народныхъ партій, говорить не въ пользу украинофильской партіи.

Не говоримъ уже о томъ, какое чисто политическое вліяніе на русскій народъ въ Галиціи можетъ имѣть партія, стремящаяся всѣми возможными средствами къ отдѣленію Галицкой Руси отъ нашей Россіи. Нашему „Русскому“, путешествовавшему недавно среди „Зарубежной Руси“, представителю старо-русской партіи такъ изображали это вліяніе украинофильской партіи на народъ. „Не унія религіозная страшна для насъ“, говорили они. „Эта унія утратила въ настоящее время всякій смыслъ, да и сами поляки махнули на неѣ рукой, ибо убѣдились, что она не даетъ имъ того, чего они искали. Галицкая Русь осталась Русью и останется ею навсегда и именно благодаря этой самой униатской вѣрѣ, которая является хранительницею русской народности. Но у насъ—новое историческое несчастіе, которое будетъ похуже религіозной уніи. Это—политическое украинофильство, дѣйствующее въ союзѣ съ поляками, которые видятъ въ украинофилахъ разновидность поляка. Украинофильство съ его фонетикой, а, можетъ быть, со временемъ и съ латиницей,—вотъ то страшное зло, которое, въ случаѣ успѣха, погубитъ Галичину, отторгнетъ эту вѣтвь русскаго дерева отъ его ствола и привьетъ къ польскому дереву... Нѣтъ русскихъ: свѣтъ знаетъ только Москву и Польшу. Вотъ новая польская программа: на сценѣ появится союзъ русскихъ съ поляками. Средствомъ къ осуществленію этого адскаго плана служитъ украинофильство, которое поляки всѣми мѣрами постарались поставить во враждебныя отношенія къ русской исторической партіи,—постарались, какъ говорятъ сами поляки, „пустить русина на русина“¹⁾.

Хотя въ этой характеристикѣ украинофильства есть доля преувеличенія, внушеннаго ожесточенною партійною борьбою, такая теперь происходитъ въ Галиціи и какую, какъ мы ви-

¹⁾ См. „Странникъ“ 1900 г. т. 3, стр. 414—415.

дѣли, такъ сильно порицаетъ митрополитъ Шептицкій, но есть здѣсь и своя доля правды. Несомнѣнно, что младо-русская партія, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые представители ея сильно нерасположены къ Россіи, а газеты этой партіи преисполнены такой вражды и такой брани въ отношеніи ко всему русскому, что мы, просматривая ихъ сначала, съ теченіемъ времени не имѣли возможности читать ихъ...

Но для насъ важна не столько политическая, сколько именно просвѣтительная сторона дѣятельности галицко-русскихъ партій. Съ этой стороны между двумя главными галицко-русскими партіями существуетъ глубокое и радикальное различіе. Старо-русская партія, какъ консервативная, въ своей народно-просвѣтительной дѣятельности идетъ рука объ руку съ церковью и съ духовенствомъ, стремится распространять въ народѣ просвѣщеніе въ духѣ христіанской религіи, въ согласіи съ преданіями родной, отеческой, греко-католической церкви. Наоборотъ, украинофильская партія, какъ либеральная, несетъ въ народъ просвѣщеніе въ новомъ современномъ духѣ, часто совершенно несогласномъ и даже противномъ не только традиціямъ родной церкви, но и ученію христіанской религіи.

Приходилось намъ слышать и читать, что „народники“ изъ т. н. украинофиловъ проповѣдуютъ среди простого галицко-русскаго населенія крайне отрицательныя, антихристіанскія идеи, въ родѣ того, напр., что ему „не нуженъ якій-тамъ Богъ“, не нужна церковь, не нужны и „поны“. Но при скорбнѣе всего то, что и само духовенство галицко-русское, особенно молодое, принадлежащее къ младо-русской партіи, равнодушно, сквозь пальцы смотритъ на такую „просвѣтительную“ дѣятельность такихъ „просвѣтителей“, какъ ихъ называютъ въ Галиціи, не препятствуетъ имъ развращать простой, вѣрующій народъ, не заботится о принятіи рѣшительныхъ мѣръ, которыми можно было бы парализовать вредное вліяніе непризванныхъ просвѣтителей народа.

Какъ иллюстрація такого именно печальнаго настроенія известной части галицко-русскаго духовенства, любопытна слѣдующая привѣтственная рѣчь, съ которою обратились 6-го февраля 1901 года члены „Селянской Рады“ г. Бродъ къ митрополиту Андрею Шептицкому. „Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь“, говорила делегация, состоявшая изъ 3 священниковъ, 3 мѣщанъ и 3 крестьянъ. „Съ сыновнею преданностію и довѣріемъ приходимъ мы, депутаты „Селянской Рады“, представляющіе національные интересы русскаго населенія въ Бродскомъ повѣтѣ, чтобы отъ имени того же населенія привѣтствовать васъ на галицкомъ митрополичьемъ престолѣ. Но мы имѣемъ также и просьбу, къ которой просимъ васъ милостиво отнестись. Просимъ именно, чтобы вы, нашъ архипастырь, силою своего высокаго и авторитетнаго положенія повліяли на духовенство, дабы оно держалось возможно ближе къ народу и заботилось о немъ. Нашъ русскій народъ—набожный, вѣрующій, преданный своей святой греко-католической церкви, обрядъ которой неразрывно связанъ съ русскою народностію. Противъ сей церкви возстаютъ нынѣ чужіе враги и свои отступники, а одна часть нашего духовенства, вмѣсто того, чтобы защищать народъ отъ пропаганды невѣрія, нерѣдко соединяется съ этими врагами нашего народа, подрываетъ авторитетъ духовенства и сама расчищаетъ путь къ упадку вѣры въ народѣ. Просимъ также взять подъ свою защиту тѣхъ нашихъ священниковъ, которые, честно исполняя свои пастырскія обязанности и не служа противонароднымъ планамъ, не пользуются милостію вліятельныхъ сферъ и за свою вѣрную службу церкви и народу терпятъ преслѣдованія и не могутъ получить лучшаго прихода“.

(Продолженіе будетъ).

Священникъ *Θ. Титовъ*.

Законъ авторитета и отношеніе къ нему современнаго общества

Современная общественная и частная жизнь обнаруживаетъ во всѣхъ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ такую тревожную неустойчивость, что вдумчивому наблюдателю не на чемъ остановиться своею мыслью и чувствомъ. Ничто не внушаетъ полнаго довѣрія къ законмѣрности и цѣлесообразности своего хода развитія. И экономическая сторона жизни, и нравственно-бытовая, и религіозно-просвѣтительная въ своемъ развитіи подверглись за послѣднее время весьма серьезнымъ колебаніямъ, происхожденіе которыхъ трудно опредѣлить съ точностью, но которыя несомнѣнно могутъ разрѣшиться крушеніемъ народнаго благосостоянія—и матеріальнаго и духовнаго, какъ объ этомъ можно судить по многимъ признакамъ переживаемаго нами историческаго момента. Очевидно, въ условіяхъ современной жизни произошли, хотя окончательно еще не завершились, очень существенныя измѣненія, стремящіяся выбить ее изъ прежней колеи и дать ей новое направленіе, отличное и, можетъ быть, даже совершенно противоположное старому. Въ виду этого естественно возникаетъ чрезвычайной важности вопросъ о томъ, какъ должны держать себя въ отношеніи къ такому переходному времени лучшіе люди страны, умѣющіе „различать знаменія временъ“ и призванные быть руководителями народныхъ массъ? Должны ли они предоставлять жизнь собственнымъ ея теченіямъ и спокойно ждать въ сторонѣ, куда вынесутъ русскій народъ нахлынувшія на него мутныя волны, или же слѣдуетъ энергично бороться противъ теченія, сознательно направляя жизнь къ опредѣленнымъ цѣлямъ?

Конечно, новыхъ теченій жизни никто не можетъ остановить; это не во власти человѣка, потому что исторія имѣетъ свои законы, непреодолимые для воли отдѣльныхъ лицъ. Но послѣднія, особенно когда они соединяются въ одно цѣлое желаніемъ сообща работать въ одномъ направленіи, достаточно сильны для осуществленія одной изъ важнѣйшихъ

соціальныхъ задачъ всякаго переходнаго времени, состоящей въ томъ, чтобы спасти отъ разрушенія великія пріобрѣтенія многовѣковой культуры народной и тѣмъ обезпечить для будущихъ поколѣній непрерывное движеніе впередъ по тому пути истины, добра и счастья, который намѣченъ основными началами народной жизни. Если бы эти пріобрѣтенія не переходили изъ одной эпохи въ другую неизмѣнно, то народу суждено было бы вѣчно начинать сначала свою культуру, и никогда онъ не имѣлъ бы твердой увѣренности, что усиліями отдѣльныхъ поколѣній создается счастье будущаго. Тогда бы не возможенъ былъ никакой успѣхъ, и самая жизнь потеряла бы свой смыслъ. Но, къ счастью, всѣ переходныя эпохи вызываютъ напряженную дѣятельность лучшихъ людей, которымъ цѣною многихъ усилій и удается передача будущему наилучшихъ благъ прошедшаго. Въ отношеніи къ нашему времени однимъ изъ этихъ благъ, обусловливавшихъ благосостояніе, благоденствіе народа во всѣ моменты его исторической жизни и теперь подлежащихъ новому поколѣнію, должно быть признано уваженіе къ авторитетамъ.

Исторія и послѣдовательныя наблюденія надъ различными современными народами убѣждаютъ безпристрастныхъ изслѣдователей въ томъ, что, при всевозможныхъ перемѣнахъ въ строѣ жизни, благосостояніе каждаго народа въ прямомъ соотношеніи съ тѣмъ уваженіемъ, которымъ пользуется среди него авторитетъ—родителей, воспитателей юношества, руководителей народныхъ, а затѣмъ разныхъ общественныхъ учрежденій и Верховной Власти. Гдѣ уваженіе къ авторитетамъ, какъ склонность однихъ преклоняться предъ умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ другихъ, поставлено высоко и въ охраненіи его отъ ослабленія заинтересованы всѣ въ равной мѣрѣ, тамъ получается наличность одного изъ самыхъ необходимыхъ условій благоденствія, потому что мирная, проникнутая чувствомъ взаимной любви и доброжелательства, передача новому поколѣнію отъ стараго основныхъ началъ жизни и здравыхъ преданій, провѣренныхъ

многовѣковымъ опытомъ, дѣласть возможнымъ медленное, но въ то же время непрерывное, сообразное съ измѣняющимися условіями жизни, а потому правильное, плодотворное развитіе общественнаго организма и устраняетъ всякія неожиданныя потрясенія его, съ чѣмъ всегда связываются страшныя бѣдствія народныя. Гдѣ молодое поколѣніе видитъ въ „старикахъ“ достойныхъ великаго уваженія руководителей своихъ и искренно вѣритъ въ ихъ безкорыстную работу, тамъ рука объ руку, съ равнымъ усердіемъ работаютъ надъ удовлетвореніемъ тѣлесныхъ и духовныхъ нуждъ народа и старики, богатые жизненнымъ опытомъ и трезвымъ практическимъ взглядомъ на вещи, и молодежь, богатая энергіей и идеалистическимъ настроеніемъ. Но гдѣ нѣтъ должнаго уваженія къ авторитетамъ, тамъ молодое поколѣніе очертя голову бросается на встрѣчу разнымъ соціальнымъ теоріямъ сомнительнаго свойства, увлекается несбыточными мечтами и съ легкимъ сердцемъ подкапывается подъ старые порядки въ неосновательной надеждѣ, что на развалинахъ старой жизни оно устроитъ новую, которая будетъ, молъ, гораздо выше, лучше, счастливѣе. Отсюда происходитъ разладъ и даже непримиримая вражда, переходящая иногда въ открытую войну, между „отцами и дѣтьми“—одна изъ самыхъ ужасныхъ язвъ жизни общественной и частной. Дѣти свысока смотрятъ на отцовъ, считаютъ ихъ отсталыми, отжившими свое время и вовсе негодными для какой-либо полезной дѣятельности. Они съ лихорадочною поспѣшностью сбрасываютъ съ себя тяжелую опеку отцовъ, чтобы поскорѣе сдѣлаться полноправными наследниками и вождями новой жизни. Въ „Бригадирѣ“ Фонвизина сынъ говоритъ: „Я пренесчастливый человекъ: живу ужъ двадцать пять лѣтъ, а имѣю еще отца и мать“. На это совѣтница отвѣчаетъ весьма характерно: „Ахъ, радость моя, мнѣ мило твое чистосердечіе: ты не щадишь отца своего: вотъ прямая добродѣтель нашего вѣка“. Вслѣдствіе такого отношенія къ нимъ дѣтей, отцы начинаютъ чувствовать себя чужими въ жизни и если добровольно не сходятъ со сцены, то дальнѣй-

шая ихъ роль оказывается самой печальной какъ для нихъ самихъ, такъ и для дѣтей. При такомъ разладѣ люди не могутъ работать для общаго блага своего спокойно и самоувѣренно, и оттого благосостояніе ихъ съ каждымъ днемъ падаетъ все ниже и ниже.

Эти мысли на много читателя, конечно, могутъ произвести впечатлѣніе общихъ мѣстъ, азбучныхъ истинъ, ни для кого ненужныхъ; но социальный законъ авторитета въ наше время находится въ такомъ всеобщемъ пренебреженіи, а съ этимъ связано такое множество современныхъ настроеній и золь, что возстановленіе его должно быть начато немедленно же, и—по нашему мнѣнію—именно съ разъясненія принципіального значенія его. Благодаря вліянію литературно-общественныхъ теченій послѣдней половины 19 вѣка, съ которыми бессильно было бороться просвѣтительное вліяніе школы и церкви, у насъ, во всѣхъ слояхъ общества, образовалось настроеніе крайне враждебное всякимъ авторитетамъ, и это настроеніе теперь, какъ ржа, разъѣдаетъ всю нашу жизнь. Увлеченные безумной жаждой личной независимости, мы никого и ничего не удостоиваемъ своего полного довѣрія, всему съ упорствомъ противопоставляемъ свой личный взглядъ и свою личную волю; слово „авторитетъ“ раздражаетъ насъ, о чемъ бы ни шла рѣчь, оно кажется намъ обиднымъ посягательствомъ на нашу свободу, для спасенія которой мы ни предъ чѣмъ не останавливаемся и готовы принести какую-угодно жертву. Всякое чужое дѣйствіе, чувство и мысль, всякое предложеніе, распоряженіе, совѣтъ, не отъ насъ исходящее, мы тотчасъ подвергаемъ разрушительному анализу и злостной критикѣ для того, чтобы все обдать ядомъ сомнѣнія, признать ложнымъ, отвергнуть, осмѣять. Словомъ, мы потеряли уваженіе къ авторитетамъ и—что всего печальнѣе—потеряли уваженіе къ авторитету вѣры и Церкви. Что составляло предметъ почитанія для человѣчества въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій, предъ чѣмъ благоговѣнно преклонялись величайшіе умы, оставившіе неизгладимый слѣдъ въ исторіи человѣческой

мысли, то теперь выброшено на улицу и кощунственно треплется всѣмъ и каждымъ. Теперь не превосходство совершенной нравственной жизни и высокой умственной культуры открываетъ доступъ къ „святому святыхъ“ нашей вѣры, а одно только желаніе поупражняться въ „богословствованіи“ для собственнаго развлеченія или для потѣхи праздной толпы. И вотъ, вчерашній нехристь, только по наслышкѣ знавшій нашу вѣру, но никогда не жившій по ея уставамъ и потому бессильный понять духъ ея, сегодня съ важнымъ видомъ жреца поучаетъ народъ, возбуждая его противъ истинныхъ учителей словами: возьмите ихъ! Скажите же, гдѣ тутъ уваженіе къ авторитету—не скажу: чужихъ мнѣній и чувствъ, хотя объ этомъ такъ много хлопочетъ наше время, но вѣковой мудрости всего человѣчества? Не ясно ли, что все достойное уваженія мы готовы заклеить насмѣшкой ради своего тщеславія, ради ребяческой манифестаціи своей культурности и независимости? А между тѣмъ эта независимость наша въ высшей степени призрачна, потому что всѣ мы раболѣпствуемъ предъ кумиромъ вѣка—золотымъ мѣшкомъ. Все, обезпечивающее или только обѣщающее намъ внѣшнее благоденствіе, имѣетъ неограниченную власть надъ всѣмъ нашимъ существомъ. Интересы матеріальные занимаютъ въ нашей жизни господствующее положеніе и заслоняютъ собою всѣ интересы духа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ авторитеты. Никогда еще золотой мѣшокъ не пользовался такимъ уваженіемъ, какъ въ наше время, потому что еще никогда онъ не считался за лучшее, что есть на землѣ. Гораций говорилъ: „добродѣтель послѣ червонцевъ! Вотъ что проповѣдуетъ Янусъ всѣмъ римлянамъ—молодымъ и старымъ. Въ наше время необходимо имѣть 400,000 сестерцій. Если у васъ не хватаетъ шести или семи тысячъ, то какъ бы вы ни были умны, высоконравственны, краснорѣчивы и честны,—вы все-таки будете плебеемъ“. Эти слова съ полнымъ правомъ мы можемъ приложить и къ нашему времени, какъ наилучшую его характеристику.

Въ атмосферѣ такого болѣзненного самолюбія, попирающаго ногами всякіе авторитеты, и такого постыднаго преклоненія предъ житейскимъ матеріализмомъ — въ атмосферѣ, заражающей пошлостью и семейную нашу жизнь и общественную, сверху до низу, принуждено чахнуть молодое, подрастающее поколѣніе, идущее на смѣну намъ безъ всякихъ порывовъ чистаго идеала, съ однимъ только чудовищнымъ желаніемъ обезпеченнаго положенія, неограниченныхъ правъ на полную независимость во всѣхъ своихъ мысляхъ и дѣлахъ. Чтобы спасти будущее, можетъ быть даже очень недалекое, отъ страшныхъ бѣдствій, которыми чревато такое настроеніе молодого поколѣнія и размѣровъ которыхъ мы въ настоящую пору даже не можемъ опредѣлить приблизительно, необходимо намъ начать серьезнѣйшую работу надъ созданіемъ особой „школы воспитанія“ для нашихъ дѣтей. Необходимо намъ отказаться отъ чрезмѣрной увѣренности въ совершенствѣ нашихъ дѣтей и отъ слишкомъ оптимистическаго взгляда на полнѣйшее оскудѣніе въ нихъ чувства уваженія къ авторитету вообще.

Н. Гр.

(Окончаніе будетъ).

О пользованіи церковнымъ дровянымъ и строевымъ лѣсомъ для нуждъ причтовъ.

Вслѣдствіе рапорта одного изъ благочинныхъ Новгородской епархіи, въ коемъ онъ проситъ опубликовать правила относительно пользованія духовенствомъ церковною землею, лѣсомъ для построекъ и отопленія, опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства положено: „Такъ какъ на основаніи указа Св. Синода, отъ 31 августа 1864 года за № 2025, причты церквей епархіи на вырубку строевого лѣса въ церковныхъ лѣсныхъ дачахъ для поправокъ и ремонтовъ собственныхъ строеній каждый разъ должны письменно испрашивать разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, и такъ какъ никакихъ ука-

заній о дозволеніи причтамъ церковей пользоваться безъ такого разрѣшенія въ церковныхъ лѣсныхъ дачахъ строевымъ лѣсомъ на собственные надобности не имѣется, то разъяснить благочинному, что никто изъ членовъ ввѣреннаго ему благочинническаго округа не можетъ для собственной надобности, безъ особаго разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, пользоваться *строевымъ лѣсомъ*, растущимъ на церковныхъ лѣсныхъ земляхъ, а поэтому само собою разумѣется, что нигдѣ не можетъ быть какого либо раздѣла церковной лѣсной земли между членами причта для пользованія строевымъ лѣсомъ. Что же касается запроса благочиннаго о томъ, въ какомъ количествѣ причты церковей могутъ пользоваться въ церковныхъ дачахъ *дровами* для отопленія своихъ домовъ, то разъяснить благочинному, что, по силѣ того же указа Св. Синода и на основаніи § 22 Высочайше утвержденной 12 іюня 1890 г. Инстр. церк. старостамъ, каждый членъ причта можетъ пользоваться изъ церковной лѣсной дачи дровами для отопленія своего дома въ размѣрѣ дѣйствительной надобности и поэтому не можетъ продавать дрова на сторону, за удовлетвореніемъ собственной нужды въ нихъ. Объ опредѣленіи этого дать знать всему духовенству епархіи чрезъ напечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. (Новг. Епарх. Вѣдом. 1903 г. № 2).

Редакторъ, Ректоръ Киев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεοδοσίη.

Отъ Киев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Киевъ, 9 февраля 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академикъ, прот. *Г. Корольковъ*.

Киевъ. Университетская типографія Акц. Общ. П. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 8.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, февраля 23-го.

Содержаніе: Торжество православія въ первую недѣлю великаго поста въ Кіевѣ и въ Малой Россіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій. (Историческая справка) — Можно ли мѣнять редакцію текста военной присяги? — Русское духовенство въ Галиціи (продолженіе). — Наблюденія и замѣтки сельскаго священника. — „Образцовый“ народный домъ.

Торжество православія въ первую недѣлю великаго поста въ Кіевѣ и въ Малой Россіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій.

(ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА).

Въ прошедшемъ году въ Св. Синодѣ состоялось, какъ извѣстно, постановленіе о повсемѣстномъ празднованіи въ Россіи недѣли православія совершеніемъ во всѣхъ храмахъ не только обычной службы, положенной въ Тріоди Постной для этого дня, но и *особаго молебствія*, по окончаніи литургии, которое доселѣ отправлялось лишь въ соборныхъ каѳедральныхъ храмахъ и входило въ составъ, такъ называемаго, *чина православія или анаематствованія*. На православномъ Востоцѣ такое молебствіе совершается всюду и съ давняго вре-

мени, и о немъ мы вели рѣчь въ статьѣ: „Торжество православія въ первую недѣлю великаго поста на православномъ Востокѣ“, напечатанной на страницахъ журнала „Руков. для сельскихъ пастырей“ за прошлый годъ (№ 11, стр. 318—323). Но и въ русской церкви распоряженіе Св. Синода никоимъ образомъ не можетъ считаться *новшествомъ*, совершенно неизвѣстнымъ въ ея богослужебной практикѣ. Напротивъ, точно такой же обычай существовалъ и въ нашей церкви на югѣ Россіи въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, и о немъ-то мы хотимъ сообщить любопытныя свѣдѣнія нашимъ читателямъ, имѣя въ виду и ту мысль, между прочимъ, что наши пастыри, *первые* приступающіе къ совершенію этого молебствія, могутъ воспользоваться тѣми указаніями относительно него, какія содержатся въ ниже помѣщаемомъ нами весьма интересномъ литургическомъ памятникѣ. Но предварительно необходимо сказать нѣсколько словъ о самомъ памятникѣ и его внѣшнемъ видѣ.

Въ музеѣ Оренбургской ученой архивной комиссіи имѣется листовая рукописный сборникъ ¹⁾ XVIII или самаго начала XIX столѣтія (149 листовъ), содержащій въ себѣ въ большей части переводъ извѣстной книги Томы Кемпійскаго „о подражаніи Христу“ (безъ начала) и нѣсколько другихъ статей историческаго и литургическаго характера. Въ концѣ этого сборника присоединена уже переплетчикомъ печатная брошюра въ шесть листовъ (138—143) подъ заглавіемъ: „*Приложеніе на похвалу Божію къ Уставу Церковному, предложенное чину духовному совѣтально*“ съ датой на поляхъ ея: „року 1700“. Заканчивается статья почти повтореніемъ заглавія: „сія вся воспоминаются *по совѣту, а не по повеленію*, яже вся подъ разсужденіе Церкви святой православной подаются“.

¹⁾ Сборникъ этотъ подаренъ въ музей хорунжимъ оренбургскаго казачьяго войска А. И. Мякутинымъ въ 1901 году, а къ нему онъ попалъ отъ Н. И. Федурина, войскового старшины того же войска.

Настоящій сборникъ несомнѣнно южно-русскаго происхожденія. За это, помимо типичнаго шрифта южно-русскихъ и именно кievскихъ типографій, говоритъ и его содержаніе. Такъ, предписывается здѣсь „изряднѣе, по подобію большого праздника апостольскаго святыхъ верховныхъ Петра и Павла, *въ Россіи первое на горахъ кievскихъ благословеніе, ко пріятію вѣры во Христа пріемшей отъ святаго первоозваннаго апостола Христова Андреа, потомъ же и крещеніе святое получившей отъ престола его константинопольскаго, подобаетъ и того святаго первоозвателя ко списенію нашему, апостола Христова Андреа первоозваннаго праздновати нарочито съ всенощнымъ пѣніемъ, не токмо съ самымъ поліелеемъ, при звоненіи всѣхъ кампанъ*“. О памяти великомученицы Варвары замѣчено: „*Святая великомученицы Варвары святое чудодѣйствующее тѣло, понеже въ Россіи почиваетъ, того ради нарочитіе праздникиъ zde ея съ звоненіемъ въ вся кампаны почитатися иматъ*“.

Кievскіе святые Владиміръ, великій князь, его дѣти Борисъ и Глѣбъ и преп. Антоній и Θεодосій, печерскіе подвижники, имѣють, по этому Приложенію къ Уставу Церковному, торжественныя богослуженія. „Въ той же Россіи, просвѣтившейся крещеніемъ святымъ отъ святаго равноапостольнаго великаго князя Владиміра, читаемъ мы здѣсь, *подобаетъ и того святаго просвѣтителя праздникъ почитати нарочито, при звоненіи во вся кампаны съ поліелеемъ, но и съ всенощнымъ пѣніемъ въ храмахъ его (наче же въ первопрестолномъ градѣ его бо^гспасаемомъ)*“... „Подобаетъ же и святыхъ чудотворныхъ страстотерлицъ князей россійскихъ Бориса и Глѣба праздновати нарочито, съ звоненіемъ всекампаннымъ“... „Такожде и святыхъ преподобныхъ отецъ нашихъ печерскихъ, *первоначальниковъ иночеству въ Россіи, Антонія Θεодосія подобаетъ праздновати честно съ поліелеемъ и звоненіемъ во вся кампаны, а идѣже ихъ храмы, тамо и съ всенощнымъ пѣніемъ*“.

Въ числѣ Богородичныхъ праздниковъ, „должайше празднуемыхъ“ съ пѣніемъ всенощнаго указывается и „непорочное зачатіе Богоматери отъ святыхъ Анны“.

„Въ четыредесятницу святого великого поста въ дни пятковья, по навечерниці малої въ церквахъ нарочитшихъ монастырскихъ или и мірскихъ соборныхъ, по *установленію святыхъ памяти православнаго и блаженнаго митрополита кіевскаго Петра Могилы, совьтуется*, по этому Приложенію, да *чтутся евангелія страстныя*, по двѣ главѣ предъ воскресными изъ коегождо евангелиста съ припѣваніемъ предъ самымъ чтеніемъ и по чтеніи: „Слава страстемъ твоимъ Господи“¹⁾).

Въ чинѣ „всенощнаго пѣнія о коемъ либо празднику“, по поводу мелодіи пѣснопѣній „Блаженъ мужъ“, дается такое указаніе: „Да поются же сія стихи: „блаженъ мужъ“ и прочая *сладкопѣнно, напѣломъ кіево-печѣрскимъ благоприятнѣйшимъ должайшимъ, а не скорократкимъ, новоизобрѣтаемымъ въ церквахъ мірскихъ*“. „Между стихами же, поемыми якоже въ псалмѣ початковомъ вечернемъ (т. е. „Благослови душе моя Господа“) сиче и въ початку каензмы первыя, да *псаломское чтеніе, посредъ непоемое, чтется въ слухъ всѣмъ, а*

¹⁾ Такъ какъ чинъ *пассій*, по этому памятнику, имѣеть нѣкоторыя любопытныя особенности съ нынѣ практикуемымъ въ церквахъ кіевскихъ и вообще южно-русскихъ, то мы находимъ не лишнимъ привести здѣсь цѣликомъ этотъ чинъ. „Въ *пятюкъ первый*, говорится о чтеніи на пассіяхъ евангелій, отъ Матѳея глава 26 и 28, отъ зачала 107 до зачала, кончающагося 114; *въ пятюкъ второй* отъ Марка глава 14 и 15, отъ зачала 63 до зачала, кончающагося 69; *въ пятюкъ третій* отъ Луки глава 22 и 23, отъ зачала 150 до зачала, кончающагося 111; *въ пятюкъ четвертый* отъ Іоанна глава 18 и 19, отъ зачала 58 до зачала, кончающагося 62. Прежде чтенія же тѣхъ страстныхъ евангелій, на амбонѣ предъ святыми царскими вратами, отъ іереев, одѣяннаго въ ризы черныя, сослужащу и діакону, и предваршу звоненію въ кампанъ большій. *По прочтеніи молитвы: „Нескверная“ и „И даждь намъ владыко“* да поется отъ клира *среди церкви умиленно изъ Ирмолой* стихира святого великаго пятка, „Слава и нынѣ“ „Тебѣ одѣющагося свѣтомъ, яко ризою“. А по чтеніи евангельскомъ да поется стихира святыхъ великихъ субботы надгробная *изъ Ирмолой такожде умиленно* „Слава и нынѣ“ „Приндите ублажимъ Іосифа приснопамятнаго“. еже да кончится сиче, якоже на девятомъ часѣ царскомъ святого великаго пятка: „Покланяемся страстемъ Твоимъ, Христе, покланяемся страстемъ твоимъ, Христе, покланяемся страстемъ твоимъ, Христе, покажи намъ и славное твое воскресеніе“. Посемъ да кончится навечеряппа, поюще по странахъ: „Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ“ и прочая“.

не тихо и молчкомъ, немогущимъ услышати прочіимъ, ниже да минается и оставляется отнюдь“. О пѣвнн „Господи помилуй“ въ праздники замѣчено: „по вся воскресныя дни недѣльныя и по вся праздники, въ няже бываетъ поліелей и славословіе великое, да поется не токмо на святыхъ литургіяхъ, но и на вечерняхъ и утреняхъ „Господи помилуй“ *великое кіевское, паче же печерское праздничное“*... „Блажены на литургіяхъ недѣльныхъ и праздничныхъ да поются, а не токмо читаются *и по церквахъ мірскихъ градскихъ. Письмъ херувимскія да поется по печерскому“.*

Наконецъ, говоря о поліелеяхъ и величаніяхъ въ праздники парочитые, составитель „Приложенія къ Уставу Церковному“ указываетъ на обычай въ этомъ отношеніи, практикуемый въ сѣверной Московской Руси, рекомендуетъ его и православнымъ обитателямъ „въ Малой Россіи“. „А здѣ о поліелеяхъ и величаніяхъ на утреняхъ праздниковъ парочитыхъ вспомянемъ, говоритъ онъ: яко *въ Россіи великой* въ церквахъ монастырскихъ или и мірскихъ, имѣющихъ клира много, на величаніе исходятъ вси священници и діакони въ одѣяніяхъ священныхъ среди церкви, и держаще въ рукахъ горящія свѣци, *поютъ по странахъ величаніе на стихи многи,* и по ряду кадятъ окрестъ иконы того праздника, поставленныя посреди, кадятъ же и иныя иконы намѣстныя и людей. *Еже и въ Малой Россіи хранити бы примчно“.*

Итакъ, на основаніи всѣхъ представленныхъ выдержекъ несомнѣнно, что въ этомъ „Приложеніи къ Уставу Церковному“ 1700 года мы имѣемъ весьма любопытный памятникъ богослужбной практики южно-русской церкви вообще и кіевскихъ церквей въ частности. За кіевское происхожденіе памятника говорятъ многочисленные кіевскіе мѣстные праздники ¹⁾ въ честь напр., св. апостола Андрея Первозваннаго, св. великомученицы Варвары, св. російскихъ страстотерп-

¹⁾ Упомянутое въ числѣ богородичныхъ праздниковъ праздника „на нешорочное зачатіе Богоматери отъ святыхъ Анны“ ни мало не препятствуетъ считать памятникъ кіевского происхожденія, такъ какъ кіевскіе

цевъ князей Владиміра, Бориса и Глѣба и печерскихъ угольниковъ Антонія и Θεодосія, превосходное знакомство автора съ богослужебною практикою Кіево-печерской лавры и особенное предпочтеніе принятымъ въ ней напѣвамъ, какъ „приятнѣйшимъ должайшимъ“ (т. е. напѣвамъ *кіевскимъ, печерскимъ*). Изъ тѣхъ же выписокъ, а особенно о пѣніи всенощнаго бдѣнія, съ несомнѣнностію становятся яснымъ, что составитель „Приложенія къ Уставу Церковному“ былъ инокомъ Кіево-печерскія обители, такъ какъ онъ прямо противопоставляетъ свои монастырскіе обычаи и напѣвы обычаямъ и напѣвамъ „новозобрѣтеннымъ въ церквахъ мірскихъ“.

Кого же, въ такомъ случаѣ, можно считать авторомъ занимающаго насъ памятника?

Выше всякаго сомнѣнія, составитель „Приложенія къ Уставу Церковному“ не былъ лицомъ *властнымъ* и не занималъ епископской самостоятельной кафедры, чѣмъ и объясняется тотъ фактъ, что это Приложеніе „предложено духовному чину *совѣтально*“, или „*по совѣту, а не по повелѣнію*“, чего не могло бы быть, если бы оно выходило отъ кіевского, напр., митрополита или вообще отъ лица, власть имѣющаго. Невольно, поэтому, мысль наша останавливается на просвѣщенномъ и энергичномъ архимандритѣ Кіево-печерской лавры (1690—1708 г.) *Іоасафѣ Краковскомъ*, бывшемъ ректорѣ Кіево-могилянской академіи¹⁾, въ 1708 году избранномъ даже на кіевскую митрополию. Годъ изданія 1700-й этого памятника падаетъ на время правленія Кіево-печерскою лаврою именно архимандрита Іоасафа Краковского, который, какъ образованный и хорошо освѣдомленный относительно порядковъ богослуженія на югѣ Россіи въ Кіевѣ и въ Московской Руси,

ученые XVII и начала XVIII вѣка въ своихъ сочиненіяхъ нерѣдко доказывали нынѣ признанный католическою церковью догматъ о непорочномъ зачатіи Богоматери.

¹⁾ Труды Кіев. дух. Акад. 1900 г. № 12, стр. 598; С. Т. Голубева, Кіевская Академія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій. Кіевъ. 1901, стр. 53—55.

могъ съ большимъ удобствомъ напечатать настоящее „Приложеніе къ Уставу Церковному“. Кіево-печерская типографія не только въ это время, но и позже до 1718 года ¹⁾ находилась въ полномъ распоряженіи своего архимандрита и была всегда къ его услугамъ, чѣмъ не могъ не воспользоваться ревностный и просвѣщенный дѣятель юго-западной Церкви, заявившій себи немалочисленными трудами по изданію богослужебныхъ книгъ ²⁾. Архимандритъ Іоасафъ Краковскій былъ хорошо освѣдомленъ относительно богослужебной практики московской Руси, такъ какъ имѣлъ случай самолично наблюдать и изучать эту послѣднюю. „Въ 1697 году митрополитъ Варлаамъ Ясинскій, пишетъ митрополитъ Евгеній, представляя его (т. е. въ ту пору игумена Іоасафа) Государю съ прошеніемъ о посвященіи себѣ въ коадьюторы, *и онъ вызываемъ уже былъ въ Москву*, но неизвѣстно почему не посвященъ“ ³⁾. Нѣтъ надобности прибавлять, что этому архимандриту Іоасафу, стоявшему во главѣ Кіево-печерской обители около двадцати лѣтъ, хорошо были извѣстны богослужебные порядки обители и милы и дороги, рекомендованные имъ „духовному чину“ въ малой Россіи, *напѣвы кіевскій и печерскій...*

Какъ же описывается торжество православія въ разсматриваемомъ нами „Приложеніи къ Уставу Церковному“ архимандрита Іоасафа Краковскаго?

„Въ недѣлю первую святого великого поста о православномъ поклоненіи святымъ иконамъ, говорится здѣсь, положено въ Тріодѣ Постной *постѣдованіе, бываемое при архіерейскихъ престолахъ на проклятіе еретиковъ, а наимаче иконоборцевъ*, но и, кромѣ престоловъ архіерейскихъ, въ монастырехъ великихъ, въ церквахъ соборныхъ можетъ то по-

¹⁾ П. Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, Спб. 1862 т. II. Описаніе славяно-русскихъ книгъ и типографій 1698—1725 г., стр. 669—670.

²⁾ Тамъ же, стр. 30, 42—43.

³⁾ Описан. Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи. Кіев. 1825, стр. 213.

слідованіе правитися безъ проклятiя архіерейскаго, поуще токмо молебень соборный съ канономъ того послѣдованiя.

„По святой литургiи, изшедшимъ среди Церкви священникомъ и діакономъ въ одѣянiяхъ священныхъ, окрестъ икопостаса, поставленнаго съ иконами Спасителя и Богородици, паче же и самымъ іереємъ и діакономъ держащимъ святыя иконы, вдѣже, сотворше начало молебну обычное, да поется по Богъ Господь тропарь: „Пречистому ти образу“ трижды съ поклоненiемъ, и богородиченъ приложше, Слава и нынѣ, „Вся паче смысла“, а по 50 псалмѣ, канонъ того послѣдованiя съ ирмосы повторяемыми: „Помощникъ и покровитель“ и прочая, прилагающе по коейждо пѣсни катавасiи молебну обычныя: „Избави отъ бѣдъ рабовъ своихъ, Многомилостиве“, „Спаси отъ бѣдъ рабовъ своихъ, Пресвятая Богородице Дѣво“, „Сохрани отъ бѣдъ рабовъ своихъ, вси святыи“. По третьей же пѣсни сѣдальна отъ канона утреняго тоя недѣли: „Божественный твой зракъ на иконѣ образующе“, тажъ ектенiи великiя, молебну обычныя, *за царя, за чинъ духовный, за обитель, за благодѣтелей и за предстоящихъ*. А по шестой пѣсни ектенiя малая и кондакъ: „Неописанное Слово Отчее“, по семь прокимень: „Господи во свѣтѣ лица твоего поидемъ и о имени твоемъ возрадуемъ зѣло“, стихъ: „Яви лицо твое и спасени будемъ“, стихъ 2: „Боже, ущедри ны и благослови ны, просвѣти лице твое на ны и помилуй ны“. Апостоль къ Филипписеомъ, глава 2, зачало 240: „Братіе, сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Исусѣ“. Конецъ: „и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Исусъ Христосъ въ славу Бога Отца“. Евангеліе отъ Матѳея, глава 22, зачало 90: „Во время оно, совѣтъ прiяша фарисее, яко да оболстятъ Исуса въ словѣ“. Послѣ: „и слышавше дивишася, и оставльше егѡ отъидоша“, замѣчено: „Здѣ же присовокупити и отъ Луки изъ главы 10, зачало 52 отъ полу: „И обращся Исусъ къ ученикомъ единъ рече: „Блажени очи видящiи, яже видите. Глаголю бо вамъ, яко мнози пророцы и царіе восхотѣша видѣти, яже видите и не видѣша и слышати,

яже слышите и не слышаша“. По окончаніи же молебна, „Достойно есть“ и Трисвятое, и наки тропарь: „Пречистому ти образу“ и ектенія великая, яже бѣ по 3 пѣсни и отпустъ“.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ прибавить, что описанная нами старопечатная брошюра съ весьма любопытнымъ литургическимъ содержаніемъ въ библиографіи совершенно неизвѣстна и заслуживаетъ полнаго вниманія нашихъ литургистовъ, мало знакомыхъ съ особенностями богослужебной практики южно-русской Церкви. Въ недалекомъ будущемъ мы намѣреваемся обнародовать ее въ цѣльномъ видѣ, на что и имѣемъ уже разрѣшеніе ученой Оренбургской архивной комиссіи.

Проф. А. Дмитріевскій.

Можно ли мѣнять редакцію текста военной присяги?

Отвѣтъ на поставленный вопросъ даетъ генераль М. И. Драгомировъ¹⁾.

На нашъ взглядъ, этотъ отвѣтъ даетъ цѣнный матеріаль пастырю для опроверженія тѣхъ ходячихъ возраженій противъ *присяги* вообще, на которыя приходится наталкиваться, приводя къ присягѣ лицъ *молодыхъ не столько по возрасту, сколько по уму*. Ссылка на авторитетъ знаменитаго военнаго дѣятеля и писателя могла бы имѣть для такихъ лицъ особое значеніе.

„Вы не довольны текстомъ военной присяги, находя его устарѣлымъ, расплывчатымъ, мало понятнымъ солдату, новобранцу въ особенности. По видимости, Вы человекъ молодой, рѣшительный и своихъ убѣжденій не прячущій, что почтенно. Подписываете Вы подъ замѣткой всю Вашу фамилію, что въ нашъ вѣкъ псевдо-и анонимовъ даже сугубо почтенно

Но въ вопросѣ присяги Вы видите только одну сторону и притомъ не важнѣйшую, именно умовую; волевой (эмоціональной, сердечной) Вы еще не видите; а послѣдняя въ жизни

¹⁾ „Развѣдчикъ“ 1903 г.

неизмѣримо важнѣе первой, и упущеніе ея изъ вида приводитъ Васъ къ выводу одностороннему. Прежде всего нужно помнить, что текстъ присяги не есть статья какого-либо свѣтскаго устава, ни тѣмъ болѣе литературная, а документъ религіозно-государственный; и приносящій ее исполняетъ не какую-либо заурядную служебную обязанность, а совершаетъ актъ тоже религіозно-государственный. Актъ, до такой степени важный и единственный въ жизни солдата, что, вѣроятно, и духовенство ничего не имѣло бы противъ, если бы присягѣ предшествовало говѣніе. Что же касается до объясненія значенія и содержанія присяги, то, само собою разумѣется, это объясненіе должно быть сдѣлано ближайшими начальниками и ей предшествовать.

Все это, по моему мнѣнію по крайней мѣрѣ, *заставляетъ отнести присягу къ категоріи молитвъ*; а придетъ ли кому въ голову мѣнять текстъ молитвъ? Собственно говоря, въ этомъ весь мой отвѣтъ на поставленный вопросъ: слѣдуетъ ли измѣнять устарѣвшій текстъ присяги? Но отвѣтъ былъ бы не полонъ безъ выясненія того, почему я считаю выводы Ваши односторонними. Обращали-ль Вы вниманіе на то свойство человѣка, что уваженіе, а иногда и благоговѣніе, внушаютъ ему именно не новыя, а старыя учрежденія? Вѣдь съ точки зрѣнія ума, что старо, то годится только на словъ, съ точки зрѣнія сердца—совсѣмъ наоборотъ: чѣмъ оно старѣе, тѣмъ болѣе заслуживаетъ охраны, попеченія и почтенія. Что возбуждаетъ въ Васъ болѣе благочестивое настроеніе: древняя ли церковь, иногда невзрачная, съ потускнѣвшимъ, закопченнымъ, едва выказывающимъ лики иконостасомъ, или же новый, великолѣпной архитектуры съ ослѣпительнымъ иконостасомъ соборъ? Спросите Ваше сердце—оно Вамъ отвѣтитъ; и въ этомъ отвѣтѣ я не сомнѣваюсь, каковы бы ни были Ваши убѣжденія и исповѣданіе.

Вотъ разница между логикой сердца и логикой ума.

Но пойдѣмъ дальше. Какое чувство возбуждаетъ въ Васъ знамя съ исковерканнымъ и сломаннымъ древкомъ, съ истре-

паннымъ, безформеннымъ отрепьемъ вмѣсто полотна, и рядомъ съ нимъ, новенькое, чистенькое, съ иголки?.. Что бы сказали Вы, если бы кому-нибудь пришло въ голову подмалевывать древніе чтимые образа; или, спускаясь ниже, окрашивать каменные замки, существующіе 500, 600 лѣтъ, казенной охрой?

Обратимся къ присягѣ. По умовой логикѣ текстъ нашей присяги страшно отсталъ (а не самый актъ присяги, какъ Вы ошибочно начинаете Вашу замѣтку).

По волевой логикѣ чѣмъ дольше и неизблѣмѣ этотъ текстъ просуществуетъ, чѣмъ архаичнѣе будетъ, тѣмъ лучше, ибо тѣмъ большее будетъ внушать къ себѣ уваженіе. (По умовой логикѣ, чѣмъ языкъ присяги яснѣе, тѣмъ лучше; по волевой— не подобаетъ молиться и присягать на томъ самомъ языкѣ, на коемъ говоримъ пошлости, а иногда и сквернословимъ. Да и то, что слишкомъ попятно, особеннаго вниманія къ себѣ не возбуждаетъ.

Стоитъ вспомнить, какое благоговѣніе внушаютъ народу заговоры, состоящіе изъ совершенно бессмысленныхъ иногда словъ...

По умовой логикѣ присяга должна быть „безусловно“ понятна лицу, ея принимающему; по волевой логикѣ сразу ничто серьезное понятно исполнѣ не бываетъ. Дѣтей начинаютъ учить молитвѣ Господней, когда они въ ней ничего или почти ничего не понимаютъ. Да и какая возможность дать новобранцу реальное представленіе хоть о баталіи или крѣпости, если онъ ихъ никогда не видѣлъ? А слово, обозначающее предметъ или явленіе, никогда не даетъ о нихъ понятія, пока ихъ не увидишь.

Пониманіе приходитъ потомъ, да и то не исполнѣ и не для всѣхъ. Акимъ изъ „Власти тьмы“ конечно понимаетъ молитву Господню лучше насъ съ Вами, хоть можетъ быть не въ состояніи былъ бы ее прочесть правильно и всю. Присягу нужно понимать сердцемъ, а не умомъ. „Коли ты присягу принялъ, тебѣ все равно, жить или помереть“. Вотъ солдатское ея пониманіе и пониманіе вѣрное. А въ текстѣ

присяги даже и словъ этихъ въ такомъ смыслѣ нѣтъ. Осѣненные этой присягой десятки миллионъ русскихъ людей въ теченіе двухсотъ лѣтъ несли военное бремя; изъ нихъ миллионы легли вдоль всей почти Европы и половины Азіи, и легли не безславно и не безъ пользы—значить, она своей цѣли достигала и достигаетъ недурно. Вѣдь такія сочиненія нужно разбирать не какъ литературное произведеніе, а по практическимъ результатамъ: „отъ плодъ ихъ познаете ихъ“.

По умовой логикѣ, „въ сознаніи простолюдина, принимающаго присягу, отдѣльныя слова и фразы проносятся какими-то разрозненными клочками, а общей связи нѣтъ“. По волевой—слова-то увѣсистыя, какія человѣку массы и нужны. Онъ относится къ такимъ вещамъ не аналитически, а синтетически, и по своему понимаетъ ихъ очень недурно, зачастую повѣрнѣе интеллигента. Что касается до детальности нѣкоторыхъ выраженій, то она дѣлу не вредить; вѣдь если оговорено „тѣломъ и кровію“, „водою и сухимъ путемъ“, „и въ прочихъ воинскихъ случаяхъ чинить сопротивленіе“, то чего же больше? Вѣдь въ послѣднее выраженіе входятъ даже понравившіеся Вамъ воздушные шары, велосипеды, моторы и подводныя лодки... И опять же Ваша критика чисто умовая, умѣстная въ примѣненіи къ литературному произведенію, а не къ документу, имѣющему въ виду такія цѣли.

Что касается до длины и велерѣчивости присяги, то ее избѣгнуть было трудно. Не нужно забывать, что все это создавалось на развалинахъ стараго порядка, котораго приверженцы затихли, но не покорились. Имѣя дѣло съ такимъ народомъ, нельзя было не оговаривать съ возможной точностью обязанностей: 1) къ представителямъ верховной власти въ области общегосударственной; 2) въ военной области собственно; 3) наконецъ, общихъ этическихъ.

Г. С. сѣтуетъ, что ее запоминать очень трудно; да ее и не нужно запоминать умомъ, а нужно держать въ сердцѣ. И кто требуетъ знанія ея наизусть, дѣлаетъ положительную ошибку.

Умъ тянетъ въ „усовершенствованія“, не замѣчая того, отъ чего предостерегаетъ воля: именно отъ шатанія, которое неминуемо сопровождаетъ даже самыя необходимыя перемѣны. Послѣ Крымской войны, нарѣзного оружія, уничтоженія въ войскахъ тѣлеснаго наказанія, поневолѣ пришлось обновить уставы: что же? Съ 59 года идетъ это обновленіе, и до сихъ поръ успокоиться не можетъ.

Никонъ патріархъ хотѣлъ даже не текстъ перемѣнить, а исправить только неправильности, происшедшія отъ невѣжества переписчиковъ, а чѣмъ кончилось?

Нѣтъ, присяги Петровскаго сложенія подмалевать нельзя, не только потому, что она Его, не только потому, что живеть она и дѣйствуетъ уже двѣсти лѣтъ, но еще и потому, что годность свою за эти двѣсти лѣтъ доказала она презрительно. Отъ худа добра можно искать, хотя и за это иногда дорого поплатиться приходится; но отъ добра добра не ищутъ“.

Русское духовенство въ Галиціи ¹⁾.

Печальнымъ положеніемъ галицко-русской церкви сильно смущены добрые пастыри изъ среды галицко-русскаго духовенства, равно какъ и нѣкоторые изъ мірянъ, искренно желающіе блага своему и безъ того злосчастному народу. Указываютъ, между прочимъ, на *церковныя братства*, которыя, при хорошемъ устройствѣ и умѣломъ веденіи дѣла, могли бы принести величайшую пользу дѣлу истиннаго просвѣщенія народа.

Должно сказать, что въ Галиціи доселѣ сохранился и пользуется широкимъ распространеніемъ этотъ древне-русскій церковный институтъ. Въ Галиціи и теперь существуютъ почти при каждой не только „матерней“ (т. е. приходской, самостоятельной), но и „дочерней“ (т. е. приписной) церкви братства. Цѣль этихъ братствъ — преимущественно, почти исключительно, ре-

¹⁾ См. № 7 за 1903 годъ.

лигіозно-просвѣтительная. Для осуществленія этой высокой цѣли они могли бы имѣть достаточныя средства въ видѣ существующихъ также при всякой церкви братскихъ кассъ („скарбекъ“), которыми особо завѣдуютъ избранные, братчики, т. н. провизоры, соотвѣтствующіе нашимъ церковнымъ старостамъ. Средства этихъ церковныхъ кассъ собираются во 1) изъ обязательныхъ сборовъ, производимыхъ съ прихожанъ за освѣщеніе храма при браковѣчаніи, погребеніи, крещеніи и проч. священнодѣйствіяхъ и во 2) изъ добровольныхъ пожертвованій набожныхъ прихожанъ.

Къ сожалѣнію, только, въ послѣднее время галицко-русское духовенство обращало весьма мало вниманія и на церковныя братства и на церковно-приходскія кассы, почему первыя въ послѣднее время почти совершенно бездѣйствуютъ, а вторыя или совершенно опустѣли, или же находятся въ безконтрольномъ распоряженіи т. н. провизоровъ, которые рѣшительно не желаютъ допускать священниковъ не только до распоряженія, но даже и до ревизіи церковно-приходскихъ кассъ. Недавно былъ такой случай. Одинъ священникъ, поступивъ на приходъ, пожелалъ посмотрѣть церковно-приходскую кассу и попросилъ провизора открыть ее. Но провизоръ дерзко отвѣтилъ ему на это слѣдующее: *„его милость можетъ заниматься престоломъ, а я — деньгами“*. Впослѣдствіи оказалось, что предшественникъ этого священника не обращалъ никакого вниманія на церковно-приходскую кассу и не заботился о томъ, чтобы провѣрять отъ времени до времени дѣятельность поставленныхъ имъ провизоровъ: онъ ввѣрилъ имъ ключи, передалъ имъ всецѣло распоряженіе церковнымъ имуществомъ и церковно-приходскими суммами и больше ни во что не вмѣшивался. Такіе же порядки существуютъ и во всѣхъ галицко-русскихъ приходяхъ. Оттого галицко-русскія церкви въ послѣднее время не имѣютъ средствъ для покрытія самыхъ необходимыхъ расходовъ. Оттого же галицко-русскія церковныя братства теперь всѣ „спятъ“, какъ о нихъ выражаются сами ревнители „русской вѣры“ въ Галиціи.

Въ самое послѣднее время было высказано слѣдующее предложеніе касательно пробужденія галицко-русскихъ церковныхъ братствъ отъ „спячки“ и оживленія ихъ религіозно-просвѣтительной дѣятельности. Предполагается основать во Львовѣ *всеобщее церковное братство во имя св. ап. Андрея Первозваннаго*. Это, такъ сказать, архибратство должно состоять подъ покровительствомъ галицко-русскаго митрополита. Въ составъ членовъ сего архибратства должны войти всѣ галицко-русскія церковныя братства, находящіяся во всѣхъ трехъ галицко-русскихъ униатскихъ епархіяхъ,—Львовской, Перемышльской и Станиславовской. Цѣлю всеобщаго Андреевскаго церковнаго братства должно служить, съ одной стороны, оживленіе религіозно-просвѣтительной дѣятельности всѣхъ вообще „спящихъ“ теперь галицко-русскихъ церковныхъ братствъ, а съ другой стороны, и ближайшимъ образомъ, изданіе и возможно болѣе широкое распространеніе среди галицко-русскаго народа дешевыхъ популярныхъ брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія. Въ этихъ брошюрахъ должны кратко и общедоступно излагаться важнѣйшія истины христіанской вѣры, изъясняться главнѣйшіе вопросы христіанской этики и описываться религіозно-церковные обычаи русскаго народа. Цѣль этихъ листовъ должна быть преимущественно полемическая, или, точнѣе, пропедевтическая, чтобы, какъ выражаются сами инициаторы сего симпатичнаго дѣла, „парализовать дьявольскую работу безъидеальныхъ просвѣтныкивъ“. Печатное слово больше побуждаетъ къ размышленію, чѣмъ слово живое. Поэтому, въ нынѣшнія времена побѣдителемъ оказывается тотъ, кто свои воззрѣнія и убѣжденія распространяетъ посредствомъ письма. Авторитетный писатель Альбанъ Штольцъ говоритъ, что „въ наше время на бумагѣ и буквами сражаются между собою небо и адъ.“ Поэтому, и намъ, говорятъ ревнители галицко-русской греко-католической церкви, слѣдуетъ взять въ руки то же оружіе и побѣда будетъ несомнѣнно за нами по всей линіи:“

Нынѣшній галицко-русскій митрополитъ Андрей Шептицкій имѣетъ въ виду другой способъ для оживленія и даже для радикальнаго преобразованія существующихъ галицко-русскихъ церковныхъ братствъ, равно какъ и вообще для искорененія серьезныхъ недостатковъ и безпорядковъ, вкравшихся въ церковно-приходскую жизнь галицко-русской униатской церкви. Онъ предполагаетъ завести по всѣмъ приходамъ галицко-русской церкви особыя *братства любви*. Такое свое предположеніе онъ высказалъ въ посланіи, съ которымъ обратился къ своей паствѣ въ началѣ 1901 года, при прощаніи съ Станиславовскою епархією, предъ вступленіемъ на митрополичью кафедру. Въ этомъ своемъ посланіи онъ, между прочимъ, въ такомъ видѣ изображаетъ задачи и цѣли дѣятельности проектируемыхъ имъ братствъ любви. „По селамъ“, говоритъ онъ, „имѣется уже множество различныхъ братствъ. Существуетъ братство трезвости, братство св. таянъ. Оба прекрасны и приносятъ свою пользу. Однако ихъ цѣль, будетъ ли то трезвость, будетъ ли то чествованіе Іисуса Христа, не обнимаетъ всей общественной жизни прихода. Есть при каждой церкви и братство, называемое обыкновенно „свѣчевымъ“, такъ какъ цѣль сего братства часто не иная, какъ только та, чтобы держать свѣчу. Я же хотѣлъ бы учредить у васъ братство любви, которое помогло бы ввести вамъ всякіе порядки въ вашей приходской жизни... Тотъ приходъ будетъ въ мирѣ и въ силѣ, въ которомъ будетъ больше любви. При христіанской любви, легко устроится и общественная лавка, и общественный погребъ, и приходская читальня, общественное имущество не будетъ напрасно тратиться, легко учредите у себя и общественную кассу, и церковь, когда явится нужда, постройте себѣ и украсите безъ особенныхъ затрудненій, избавитесь отъ тяжелыхъ процентовъ по долгамъ, пробудитесь отъ пьянства и самая корча преобразуется въ полезнѣйшее для прихода заведеніе, люди просвѣтятся, а что самое главное—не будетъ въ такомъ приходѣ никакихъ судебныхъ процессовъ и сосѣдъ не будетъ обижать своего сосѣда, но каждый будетъ заботиться о благѣ

всѣхъ, потому что всѣ будутъ заботиться о благѣ его: одинъ будетъ стоять за всѣхъ, а всѣ за одного, и, дѣйствительно, такая громада будетъ однимъ великимъ человѣкомъ. И во всемъ вообще тогда для васъ будетъ лучше, однако только посредствомъ христіанской любви. Если же не будетъ между вами любви, то не помогутъ вамъ и самыя лучшія учрежденія, не помогутъ вамъ ничто“.

Съ именемъ митрополита Андрея Шептицкаго, проявляющаго, при расположеніи и сочувствіи къ бѣлому галицко-русскому духовенству, широкую и кипучую церковно-общественную дѣятельность, галицко-русское духовенство соединяетъ надежду на осуществленіе еще одной своей завѣтной мечты. Дѣло въ томъ, что одну изъ важныхъ отрицательныхъ сторонъ въ жизни и дѣятельности галицко-русскаго духовенства составляетъ отсутствіе живого общенія между духовенствомъ галицко-русскимъ. Правда, въ галицко-русской церкви существуетъ обыкновеніе собираться священникамъ ежегодно на т. н. соборники. Эти соборники состояются по деканатамъ (нашимъ благочиніямъ) и въ нихъ участвуютъ только священники, принадлежащіе къ тому или другому деканату, почему и называются *деканальными соборниками*. Дѣятельность этихъ деканальныхъ соборниковъ—чисто юридическая, формальная, весьма много напоминающая наши благочинническія собранія духовенства. На деканальныхъ соборникахъ галицко-русскаго духовенства обсуждаются вопросы преимущественно административнаго, или же экономическаго характера.

Между тѣмъ въ средѣ галицко-русскаго духовенства, особенно лучшей части его, сознающей серьезность положенія своей церкви и отвѣтственность своего служенія, живо чувствуется потребность возможно большаго чисто интеллектуальнаго и нравственнаго общенія другъ съ другомъ. Галицко-русское духовенство сознаетъ всю необходимость и пользу такихъ собраний, въ которыхъ бы принимали участіе священники (если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ избранныхъ представителей) всѣхъ трехъ епархій галицко-русской церкви и на

когорыхъ бы могли обсуждаться вопросы касательно положенія русскаго духовенства въ Галиціи, условій его пастырскаго служенія, быта и т. п. Такія собранія галицко-русскихъ священниковъ всѣхъ трехъ епархій тѣмъ болѣе, казалось бы, естественны и возможны, что подобныя явленія существуютъ въ Галиціи и вообще въ Австріи уже давно. Такъ, напр., католическое духовенство Австріи отъ времени до времени устраиваетъ общіе „конгрессы“, въ которыхъ участвуютъ всѣ желающіе изъ среды католическихъ ксендзовъ и на которыхъ обсуждаются и рѣшаются вопросы, подобныя именно тѣмъ, какіе выше обозначены.

Къ сожалѣнію, практиковавшіяся доселѣ попытки устроить собранія галицко-русскихъ священниковъ не удавались, потому что встрѣчали сильное противодѣйствіе въ высшей іерархіи. Въ 1895, или 1896 г. два священника Львовской епархіи пригласили желающихъ собратьевъ изъ всѣхъ трехъ епархій на „вѣче священническое“. „Вѣче“ собралось, поставлены были на обсужденіе животрепещущіе вопросы, распределены были и рефераты... но бывшій митрополитъ галицко-русскій Сильвестръ Сембратовичъ, положившій начало происходящему теперь постепенному окатоличенію галицко-русской церкви, наложилъ свое veto на собраніе священническое, которое такъ и не состоялось. Въ 1899 году снова была сдѣлана попытка, по инициативѣ одного священника, устроить „вѣче“ священниковъ галицко-русской церкви, но тогочасовременный митрополитъ Юліанъ Куиловскій своимъ нерасположеніемъ воспрепятствовалъ развитію дѣла.

Въ самое послѣднее время среди галицко-русскаго духовенства оживились надежды на осуществленіе завѣтной идеи. Дѣло въ томъ, что нынѣшній митрополитъ Андрей Шептицкій—самъ сторонникъ возможно большаго общенія между священниками. Въ бытность свою Станиславовскимъ епископомъ, онъ не только охотно разрѣшилъ въ 1896 году вѣче мѣстныхъ священниковъ, но и самъ даже обѣщалъ прибыть на вѣче, и если не исполнилъ своего обѣщанія, то по независѣвшимъ отъ

него обстоятельствамъ. Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ началъ и словомъ и дѣломъ покровительствовать развитію общенія и солидарности среди галицко-русскаго духовенства. Во время т. н. каноничныхъ визитацій церквей, онъ обыкновенно собираетъ въ извѣстные пункты окрестное духовенство и старается, по возможности, объединить его, держитъ предъ нимъ пространныя краснорѣчивыя рѣчи о задачахъ современнаго пастырства, входитъ въ положеніе духовенства, ближайшимъ образомъ знакомится съ интересами, его занимающими и т. п. Кроме того, у себя въ архіепископскомъ дворцѣ во Львовѣ онъ каждую недѣлю по вторникамъ устраиваетъ „вечеринки“, или „конференціи“. Онѣ начинаются въ 6 ч. в. и оканчиваются въ 9^{1/2} ч. в. На нихъ собирается только духовенство г. Львова и окрестныхъ селеній. На этихъ собраніяхъ, подъ руководствомъ гостепріимнаго хозяина, ведутся оживленныя и непринужденныя бесѣды о предметахъ церковныхъ вообще и, въ частности, о приходскихъ, пастырскихъ и т. п. „Вечеринки“ обыкновенно заканчиваются скромнымъ угощеніемъ присутствующихъ. Духовенство относится весьма сочувственно къ заведеннымъ митрополитомъ Андреемъ Шептицкимъ конференціямъ.

Митрополитъ Андрей Шептицкій видимо желалъ бы идею солидарности, живого общенія другъ съ другомъ провести въ сознаніе и всего вообще галицко-русскаго духовенства, именно какъ противовѣсъ той партійности, которая господствуетъ особенно въ послѣднее время среди него. Въ изданномъ недавно пастырскомъ посланіи подъ заглавіемъ: „О каноничной визитаціи“, по поводу послѣдней ревизіи церквей, митрополитъ Андрей Шептицкій съ особенною силою настаиваетъ на необходимости возможно большей солидарности и товарищески-сосѣдской жизни между духовенствомъ. „Товарищеская жизнь среди духовенства,“ говоритъ онъ, „имѣетъ, несомнѣнно, гораздо большее значеніе, чѣмъ это кажется. Она состоитъ не только въ добрыхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, но утверждается на основѣ любви къ Богу, любви къ ближнимъ и на трудѣ надъ ихъ спасеніемъ, которыя соединяютъ насъ неразрывно въ одну

семью. Эта солидарность должна выражаться въ сердечныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ между нами, людьми, которые посвятили себя одному и тому же дѣлу. Партійные политическіе раздоры, составляющіе несчастье въ нашемъ обществѣ, никогда не найдутъ доступа въ такое солидарное общество, развѣ только въ томъ случаѣ, если священники отступятъ отъ духа Христова... Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что свѣтскіе люди, которые различаются между собою въ общественныхъ и политическихъ убѣжденіяхъ, вѣчно спорятъ между собою, хотя и можно было бы удивляться такому спору ихъ; но было бы совсѣмъ непонятно, еслибы различіе во взглядахъ на свѣтскія дѣла до такой степени раздѣляло священниковъ, чтобы утрачивалась сердечность отношеній между ними. Отголосокъ свѣтскихъ дѣлъ и споровъ легко можетъ проникнуть и къ намъ, но, кажется, и онъ не можетъ стереть духовнаго, клерикальнаго признака съ жизни и взаимныхъ отношеній нашего клира“.

Священникъ *Θ. Титовъ*.

(Продолженіе будетъ).

Наблюдения и замѣтки сельскаго священника.

Извѣстно, что грамотность очень замѣтно распространяется среди нашего сельскаго населенія. Теперь уже рѣдко можно встрѣтить такую семью, гдѣ бы не было грамотнаго. Понятно, что одна грамотность—это только ступень, средство для просвѣщенія. Для народа нужна книга, которую бы могли читать грамотные. Замѣтно и стремленіе народа къ чтенію, но въ томъ бѣда, что читать часто нечего.

Правда, заводятся библіотеки при школахъ и эти библіотеки дѣлаютъ свое дѣло; но, прежде всего, книгъ бываетъ мало въ этихъ библіотекахъ, часто и не всѣ книги оказываются подходящими для народа; да и самое полученіе книгъ изъ библіотекъ сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями, такъ какъ онѣ выдаются только въ извѣстные дни.

Нужно приучить народъ имѣть свои книги, покупать ихъ, а также выписывать журналы, газеты и т. п.

Нужно намъ, духовенству, приняться за это дѣло, именно нужно при всякомъ удобномъ случаѣ совѣтовать прихожанамъ выписывать газеты и покупать книги. Уже лѣтъ 10 я всѣми мѣрами стараюсь приучить прихожанъ выписывать газеты. Въ первое время мало было охотниковъ: выписывали всего одинъ—два экземпляра „Сельскаго Вѣстника“; а потомъ стали привыкать, и въ этомъ году выписываютъ уже 8 экземпляровъ „Сельскаго Вѣстника“, 2 экземпляра „Русскаго Чтенія“ и 1 экземпляръ „Родной Рѣчи“.

Я дѣлалъ такъ: просить кто-либо книжку почитать, я и говорю: „чѣмъ просить каждый разъ, ты бы себѣ выписалъ журналъ“.—„Да какъ, батюшка, это сдѣлать!“ „Очень просто: у меня есть бланки для переводовъ,—прийди ко мнѣ, я напишу, и ты пошлешь 1 р. и 15 к. и будешь получать цѣлый годъ газету—„Сельскій Вѣстникъ“. Равнымъ образомъ, въ концѣ и въ началѣ каждаго года, во время внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, я обыкновенно совѣтую грамотнымъ выписывать газеты—беру № „Сельскаго Вѣстника“, напр., и расскажу въ общемъ содержаніе статей, а иное прочту и цѣликомъ и при этомъ прибавлю: „вотъ видите, что тутъ пишется? Все это полезно, выписывайте. „Государь Императоръ изъ собственныхъ своихъ средствъ выдаетъ вспомошествованіе для изданія „Сельскаго Вѣстника“, и этотъ журналъ бесплатно высылается во всѣ волости и правленія. Стало быть, самъ Государь желаетъ, чтобы вы, сельскіе жители, читали полезныя книги, выписывали ихъ, и Сельскій Вѣстникъ высылается всего только за 1 руб. чрезъ волостныя правленія, а по почтѣ—за 1 руб. 20 коп“. Чтобы нагляднѣе показать, сколько высылается редакціею за 1 руб., и въ концѣ года приношу все изданіе „Сельскаго Вѣстника“ и показываю, говоря притомъ: „вотъ видите, сколько чтенія дается за 1 руб.—и чтенія полезнаго“?

Еще указываю на то, что въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“ помѣщаются поученія, самыя простыя, самыя подходящія для народа.

Приходитъ ко мнѣ одинъ крестьянинъ *идить* за свадьбу. Я назначаю ему, сколько нужно уплатить, онъ соглашается, только съ условіемъ, чтобы въ счетъ этой платы ему выданъ былъ „Сельскій Вѣстникъ“: крестьянинъ этотъ не бывалъ на внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ и не зналъ, откуда получается „Сельскій Вѣстникъ“, а вообразилъ себѣ, будто онъ всегда имѣется въ достаточномъ запасѣ при церкви. Я разъяснилъ, что „Сельскій Вѣстникъ“, какъ и другія газеты, нужно выписывать. Онъ согласился выписать, и я написалъ ему *переводъ*.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что намъ, духовенству, нужно знакомить населеніе съ такими установленіями, какъ *переводъ* денегъ. Крестьяне почти совсѣмъ не знаютъ, что такое *переводы*, и рѣдкій сельскій грамотей сумѣетъ написать вѣрно переводъ. Я въ воскресной школѣ, а также при внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ часто показываю бланки переводовъ и объясняю, какъ ихъ писать.

Сколько разъ прежде я совѣтовалъ *пѣвчимъ* выписать какой либо журналъ вмѣстѣ—всѣмъ на тѣ тѣ деньги, которыя они собираютъ, когда въ праздники ходятъ „съ концертомъ“; но всѣ мои совѣты были безуспѣшны. Въ этомъ году назначенъ былъ новый регентъ—крестьянинъ, довольно развитой, любитель—фотографъ. Онъ уговорилъ пѣвчихъ выписать собственно для хора „Русское Чтеніе“ и „Сельскій Вѣстникъ“, что и сдѣлано было мною, т. е. написаны были *переводы* въ редакціи этихъ журналовъ.

Можно добиться всегда извѣстныхъ результатовъ, если только неуклонно и постепенно стремиться достигнуть намѣченной цѣли, сразу же ничего, конечно, нельзя сдѣлать у насъ въ деревнѣ, гдѣ еще царятъ тьма и невѣжество. Кому же и вносить свѣтъ въ эту тьму, какъ не намъ—духовенству?

Однимъ изъ средствъ, и при томъ очень дѣйствительныхъ, можетъ служить выписка самими крестьянами журналовъ и газетъ; нужно только ихъ къ тому пріохотить.

Пріятно было видѣть такую картину на этихъ праздникахъ: въ одной *хатѣ* сидитъ грамотный крестьянинъ и читаетъ газету; вокругъ него столпилась масса слушателей—сосѣдей. Я похвалилъ ихъ. На это нѣкоторые заявили мнѣ, что они убѣдились, наконецъ, что такъ проводить праздничное время гораздо лучше, чѣмъ „биться на кулачки“ и т. п.

Какъ хорошо было бы, если бы всѣ наши прихожане пришли къ такому сознанию! Кулачные бои, картежная игра, а также пьянство—великое зло деревни; неужели мы, пастыри духовные, не сможемъ, если и не совсѣмъ уничтожить это зло, то ослабить его?! Горе наше, что мы сами часто подаемъ примѣръ своимъ прихожанамъ неправильнаго препровожденія времени, особенно въ праздники!

И въ частности, не мы ли, духовные, виноваты, что карты есть почти въ каждомъ домѣ, а Евангелій и вообще книгъ хорошихъ — очень мало? Если мы не будемъ хлопотать, то кто же позаботится о томъ, чтобы у народа было чтеніе — и чтеніе полезное? Начинать нужно, конечно, со школьниковъ,—нужно имъ совѣтовать всею школою выписывать подходящіе журналы. Я дѣлалъ опыты въ этомъ родѣ, и выходило хорошо: одинъ годъ мы выписывали на добровольный сборъ „Читальню народной школы“, а другой—„Юный Читатель“.

Понятно, если бы ученики нашихъ школъ приучены были со школьной скамьи къ выпискѣ журналовъ, то съ возрастомъ, они выписывали бы уже сами, безъ особеннаго посторонняго побужденія.

Жаль, что у насъ нѣтъ журналовъ дѣтскихъ—духовныхъ, подходящихъ къ направленію нашихъ церковно-приходскихъ школъ!.. Впрочемъ, недостатокъ этотъ отчасти восполняется нѣкоторыми не духовными журналами—дѣтскими, а также издаваемыми специально для народа, ихъ и слѣдовало бы выписывать на пожертвованныя средства самихъ школьниковъ. Это, съ одной стороны, приучало бы дѣтей выписывать и вообще имѣть свои книги, а съ другой—объеди-

няло бы всѣхъ школьниковъ въ одну семью и привязывало бы ихъ къ школѣ. Затративши извѣстныя деньги, школьники имѣли бы побужденія ходить въ школу и потому еще, чтобъ читать книжки, на ихъ деньги приобрѣтенныя.

Хорошо было бы также, если бы при всѣхъ школахъ заведена была продажа книгъ. Я дѣлалъ пробу, и почти всѣ книги, предназначенныя для продажи въ школѣ, были довольно скоро раскуплены. Нужно бы это дѣло организовать, какъ слѣдуетъ. Продажа книгъ при школахъ могла бы много послужить дѣлу приближенія книги къ народу и наоборотъ. Духовенству на съѣздахъ благочинническихъ и общепархіальныхъ не мѣшало бы обратить вниманіе на продажу книгъ въ селахъ. Было время, что книги не нужны были, потому что ихъ читать было некому, теперь же не то.

„Народу грозитъ неминуемая духовная смерть, если никто не протянетъ ему руку помощи и не выведетъ изъ бездны паденія, въ которую онъ низвергся, живя безъ вѣры и безъ Христа“, говоритъ Рачинскій („Рук. для сельск. паст.“, № 48, 1902 г., стр. 353). Далѣе Рачинскій порицаетъ ту часть духовенства, которая не хочетъ считаться съ требованіями жизни, и которой не дорого духовное благо пасомыхъ (тамъ же, 354 стр.). Духовное благо, требуемое жизнью, это и есть просвѣщеніе народа; а просвѣщеніе не мыслимо, если не будетъ у народа книгъ для чтенія и книгъ, „которыя бы,—говоря словами того же Рачинскаго,—могли уврачевать духовныя язвы, отъ которыхъ страждетъ и гибнетъ народъ“.

Пріятно было прочесть въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ (№ 51—52 за 1902 г.), что при пріемѣ ученицъ въ Казанское Епарх. женское училище былъ произведенъ допросъ всѣхъ дѣвочекъ, что онѣ читали въ періодъ подготовки къ поступленію въ училище. Этотъ фактъ показываетъ, что у насъ начинаютъ болѣе и болѣе сознавать, какъ важно чтеніе книгъ во всѣхъ возрастахъ, даже и въ дѣтскомъ, до поступленія въ учебныя заведенія. Если же признана важность чтенія книгъ для дѣтей самого духовенства, которыя будутъ

учиться—и учатся, сравнительно съ крестьянскими дѣтьми, долго, то что сказать о значеніи чтенія книгъ для дѣтей народа и для него самого?

Учитель одной церковно-приходской школы послѣ Святокъ, при занятіяхъ съ учениками младшей группы, пораженъ былъ тѣмъ, что дѣти стали читать гораздо лучше, чѣмъ читали въ школѣ до Святокъ. А причина оказалась очень простая: „на Святки давались всѣмъ школьникамъ *Листки* и другія книги для чтенія; и ученики младшей группы также получили по *Листку*, и дома сами разбирали слова, вслѣдствіе чего и стали читать лучше. Если бы не дано было *Листковъ*, ученики, конечно, многое забыли бы изъ того, что было преподавано.—Вотъ что значитъ книга!

Какое значеніе имѣеть книга для народа, и особенно Евангеліе, это поразительно и наглядно показываютъ отчеты Общества распространенія Свящ. Писанія, а болѣе всего—разказы *книгоношей* этого Общества. Евангеліе многихъ исправило, напр., отъ пьянства и вообще не мало уврачевало извъ народныхъ. Честь и слава неутомимымъ и безкорыстнымъ *книгоношамъ*, которые съ такими трудностями дѣлаютъ великое дѣло спасенія нашихъ прихожанъ! Они могутъ служить *блѣзномъ на нашемъ—духовенства—глазу*. Они трудятся—отчего же мы не слѣдуемъ ихъ примѣру? Отчего мы не помогаемъ имъ въ ихъ святомъ дѣлѣ?—Слѣдовало бы дѣлать такъ: приходитъ въ село *книгоноша* Общества. Въ ближайшій воскресный или праздничный день священникъ можетъ сказать въ церкви, что вотъ „прибыль къ намъ самимъ Богомъ посланный челоувѣкъ съ книгами „Свящ. Писанія“ и при этомъ разъяснить спасительное значеніе чтенія его и посоветовать прихожанамъ покупать у книгоноши книги. Можно было бы имѣть и своихъ книгоношей по епархіи или даже по благочиніямъ, а еще лучше было бы, если бы и въ каждомъ приходѣ были такіе книгоноши, которые бы въ известное время разносили книги для продажи по домамъ.

Такими книгоношами иногда могли бы быть и мы сами, когда ходимъ по приходу. А чтобы имѣть на это, такъ сказать, юридическое право, слѣдовало бы состоять членами Общества распространенія Свящ. Писанія.

Подумаемъ, отцы, объ этомъ дѣлѣ...

Когда мы, напр., читаемъ въ 40-й день молитву родильницѣ, то просимъ Бога такъ: *яко Ты, Господи, привелъ его, т. е. ребенка, и показалъ ему свѣтъ чувственный, да и умнаго сподобится свѣта*. Но какъ же онъ, этотъ ребенокъ, сподобится впослѣдствіи „умнаго свѣта“, если не будетъ имѣть возможности читать святое Евангеліе и другія книги... Много вѣковъ читаемъ мы въ молитвѣ: *просвѣти умъ святомъ святаго Евангелія*,—а между тѣмъ, это Евангеліе мало у кого есть и мало кому извѣстно. Не являются ли эти молитвы въ нашихъ устахъ только *кимваломъ звяцающимъ*... Да не будетъ сего!

Нужно намъ, духовнымъ, непременно взять въ руки мечъ *духовный*, т. е. слово Божіе. Очень жаль, что у насъ этотъ мечъ лежитъ безъ употребленія, тогда какъ употребленіе его въ дѣло—наша прямая и существеннѣйшая, обязанность. Возьмемъ же, отцы, этотъ мечъ и будемъ благоразумно дѣйствовать имъ направо и налево, какъ храбрые воины. Враговъ у насъ много. Начнемъ прежде всего съ себя самихъ, а потомъ чрезъ Слово Божіе, будемъ бороться и со зломъ среди нашихъ прихожанъ.

Да поможетъ намъ въ томъ Господь Богъ!

Свящ. В. Д—въ.

„Образцовый“ народный домъ.

Какое впечатлѣніе производятъ народные дома на самый народъ, объ этомъ свидѣтельствуеетъ отзывъ о „Народномъ домѣ Императора Николая II“ въ Петербургѣ, сдѣланный однимъ провинціаломъ, котораго водилъ туда петербургскій

пріятель, чтобы показать ему эту *гордость* современнаго Петербурга. Отзывъ передается отъ лица петербургскаго пріятеля и помѣщенъ въ одной изъ свѣтскихъ провинціальныхъ газетъ.

„Мы вошли (разсказываетъ петербуржець). Глухой шумъ ходилъ въ громадной залѣ народнаго дома. Залъ былъ биткомъ набитъ публикой; свободно было только у входа. Заплативъ по 10 коп., мы присоединились къ толпѣ, которая плыла отъ зрительнаго зала къ открытой сценѣ. Наверху гремѣли трубы. На открытой сценѣ ломались акробаты. Страшно, жутко было глядѣть на тѣ фокусы, которые они продѣлывали на сценѣ. Громъ аплодисментовъ провожалъ окончившихъ ломаться отдѣтыхъ въ трико дѣвиць.

„Небольшой антрактъ. Вышли на сцену размазанные паяцы, и началось кривлянье точь въ точь, что на ярмарочныхъ балаганахъ.

„Тошнило отъ тѣхъ глупостей, которыми они угрожали народъ. Мы бросили смотрѣть на „ахтеровъ“ и снова поплыли въ толпѣ.

„Давка была ужасная. Солдаты, дѣвицы, рабочіе, молодые и пожилые, тѣснили насъ со всѣхъ сторонъ; одни лица быстро смѣнялись другими и тонули въ морѣ головъ.

„Смотрю на своего пріятеля. Куда дѣлось у него то восторженное настроеніе, съ какимъ онъ пріѣхалъ сюда. Онъ какъ-то вдругъ притихъ, замолчалъ, пытливо взглядываясь въ проходившихъ. Его поразила та масса уличныхъ женщинъ, которыя наполняли громадный залъ народнаго дома. Парами, тгю ходили онѣ отъ зрительнаго зала къ открытой сценѣ и обратно; или стояли кучками—три, четверо. Оживленный говоръ, смѣхъ, бойкіе взгляды по сторонамъ. Много совсѣмъ молодыхъ 16—18 лѣтъ, много истощенныхъ разгуломъ красивыхъ фізіономій; на нихъ дешевыя, бьющія въ глаза украшенія. Это—жертвы петербургскаго темперамента.

„—Балаганъ,—этимъ воспитываютъ народъ,—возмущался мой пріятель,—кабакъ и тотъ лучше: тамъ пьянствовали, да, но душу человѣка не трогали, а вѣдь здѣсь душу отрав-

ляютъ; эхъ, вы, просвѣтители,—злобно накинулся онъ на меня. Не просвѣщаете вы, а развращаете народъ. Развратятъ народъ, а потомъ начинаютъ устраивать разныя благотворительныя общества „спасанія погибшихъ“ и успокоиваютъ себя этимъ. И какъ хватаетъ совѣсти говорить: народный домъ—просвѣтительное учрежденіе, онъ преслѣдуетъ воспитательныя цѣли! Подумаешь, чѣмъ питаютъ духъ народа: петрушки, акробаты. Народный домъ—это лавка дешевыхъ удовольствій, коммерческое предпріятіе, рассчитанное на дурные вкусы толпы, а никакъ не просвѣтительное учрежденіе. И какъ это не видятъ тѣ, кому нужно это видѣть, что идея учрежденія ополена, что народный дворецъ—школа самыхъ дурныхъ вкусовъ. школа цинизма, разсадникъ разврата...“ (*Сѣв. Кр.* 1903, 12).

Но не есть ли и самая идея этихъ домовъ фальшивая, несоотвѣтствующая ни нуждамъ, ни характеру народа, какъ онъ проявился въ нашей исторіи? Стоитъ только прослѣдить нашу многострадальную исторію, чтобы ясно видѣть, чѣмъ созидалось и устраивалось колоссальное тѣло нашего государственнаго организма. Во всей этой исторіи главнымъ предметомъ заботъ и исканій народа была и доселѣ является вѣра. Даже самыя заблужденія народные возвращаются въ области вѣры. Вѣра является, такъ сказать, главнымъ нервомъ народной жизни, съ оздоровленіемъ коего должна оздоровиться вся жизнь народа. (*Костр. Еп. Вѣд.* 1903 г. № 3).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 17 февраля 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 9.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, марта 2-го.

Содержаніе: Памяти въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнаго Теофоста, митрополита Кіевского и Галицкаго.—Изъ дневника священника.—Изъ исторіи народнаго образованія въ Юго-Западномъ краѣ Россіи (продолженіе).—Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго (продолженіе).

Памяти въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнаго Теофоста, митрополита Кіевского и Галицкаго.

Почти наканунѣ своего пятидесятилѣтняго юбилея неустаннаго служенія въ монашескомъ санѣ върѣ и Церкви ¹⁾ скончался митрополитъ кіевскій Теофостъ. Болѣе десяти лѣтъ покойный владыка служилъ на учебно-педагогическомъ поприщѣ и болѣе тридцати пяти лѣтъ въ свитательскомъ санѣ:

¹⁾ Покойный митрополитъ принялъ монашество 14 марта 1853 г.

кирилловское духовное училище (новгородской епархіи), петербургская семинарія, александровское и новгородское духовныя училища, орловская и подольская семинаріи были мѣстами учебной дѣятельности почившаго митрополита, а епархіи астраханская, подольская, владимірская, новгородская и кievская послѣдовательно были подъ его архипастырскимъ управленіемъ. Какъ членъ св. Синода съ 1895 г., покойный митрополитъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ высшаго управленія всею русскою Церковью.

Полная и всесторонняя оцѣнка свѣтлой личности, многосторонней и многоплодной дѣятельности митрополита Θεогноста принадлежитъ исторіи, мы же, почитая въ почившемъ владыкѣ великаго труженика на нивѣ Христовой и всегдашняго печальника объ интересахъ православнаго русскаго духовенства, постараемся отмѣтить выдающіяся черты въ его личности и церковно-общественной дѣятельности.

Кто лично зналъ митрополита Θεогноста, тотъ не забудетъ его доброты и привѣтливости. „Граждане астраханской губерніи, читаемъ мы въ Астраханскомъ Вѣстникѣ (№ 4056), вспоминаютъ его особенно за его привѣтливость, простоту, доступность и способность примѣняться къ понятіямъ и интересамъ тѣхъ лицъ, съ которыми ему приходилось бесѣдовать“. Подчиненные, видя предъ собой добрые и привѣтливые глаза владыки, забывали въ немъ начальника и архипастыря, а видѣли лишь добраго отца и снисходительнаго руководителя. И они не ошибались, всегда находя въ немъ нравственную поддержку и матеріальную помощь. Не придавая лично никакой цѣны деньгамъ, почившій владыка щедрою рукой раздавалъ ихъ неимущимъ и нуждающимся, а также на разныя добрыя дѣла. Но добрый и снисходительный къ другимъ, почившій митрополитъ былъ весьма строгъ къ себѣ. Его поразительная энергія и трудолюбіе не покидали его до послѣднихъ дней жизни. Люди, близко стоявшіе къ почившему владыкѣ, рассказываютъ, что онъ не вставалъ изъ-за своего рабочаго стола до тѣхъ

поръ, пока не прочитывалъ всѣхъ нужныхъ бумагъ и не дѣлалъ всѣхъ необходимыхъ распоряженій, не давая себѣ отдыха даже тогда, когда чувствовалъ себя нездоровымъ,—и это въ послѣдніе годы своей дѣятельности, когда посторонніе видѣли въ немъ слабого болѣзненнаго старца. Казалось, глубокая вѣра въ Бога и беззавѣтная преданность Его благому Промыслу поддерживала немощныя силы и оживляла духъ.

Личный характеръ высокопреосвященнаго Теоноста всецѣло отражался въ его учебно-педагогической и церковно-общественной дѣятельности. Какъ педагогъ, почившій митрополитъ, помимо выдающихся способностей своего ума, отличался рѣдкою гуманностью и умѣніемъ дѣйствовать на учащуюся молодежь мѣрами любви и снисхожденія, а не мѣрами строгости и кары. Одинъ изъ стариковъ—преподавателей такъ рассказываетъ о воспитательной дѣятельности почившаго митрополита въ бытность его ректоромъ подольской семинаріи ¹⁾. До него въ этой семинаріи царила необычайная строгость и практиковались самыя суровыя мѣры исправленія, до тѣлеснаго наказанія включительно. И тѣмъ не менѣе воспитанники были очень распущены: чтобы они не разбѣгались отъ уроковъ, начальство принуждено было запираить на замки двери и ворота и ставить у нихъ сторожей,—и все-таки воспитанники умудрялись уходить отъ уроковъ. Когда пріѣхалъ новый ректоръ архимандритъ Теоностъ, то прежде всего приказалъ прекратить эти и подобныя принудительныя и непедагогичныя мѣры обученія и воспитанія, составилъ инструкцію для учениковъ; собравши ихъ въ залъ, прочиталъ ее имъ и въ одушевленной, духомъ отеческой любви согрѣтой рѣчи постарался убѣдить воспитанниковъ въ необходимости и полезности подчиняться правиламъ семинарской инструкціи. Отмѣнивъ суровыя мѣры дисциплинарныхъ взысканій, онъ старался дѣйствовать на воспитанниковъ мѣрами любви, снисхожде-

¹⁾ Записано со словъ бывшаго преподавателя подольской семинаріи М. Ф. В-го.

нія и убѣжденія. Затѣмъ новый ректоръ постарался привлечь къ дѣлу воспитанія и руководства воспитанниками преподавателей семинаріи, настойчиво приглашая ихъ присутствовать въ педагогическихъ собраніяхъ и участвовать въ обсужденіи семинарскихъ дѣлъ. Эта послѣдняя мѣра особенно характеризуетъ свѣтлый и здравый взглядъ почившаго владыки на воспитаніе, если вспомнимъ, что онъ былъ ректоромъ подольской семинаріи (1864—1866) еще до введенія въ семинаріяхъ устава 1869 года. Немудрено, что такими дѣйствіями новаго ректора въ подольской семинаріи открылась новая эра жизни... И впоследствии высокопреосвященный Θεогностъ былъ всегда противникомъ суровыхъ и карательныхъ мѣръ въ дѣлѣ обученія и воспитанія.

Но, конечно, наиболѣе выдающіеся и обильные плоды принесла многолѣтняя архинастырская дѣятельность митрополита Θεогноста. Духъ неутомимой энергіи, любви и кротости проникалъ и эту дѣятельность покойнаго владыки: „миръ и любовь, смиреніе и трудъ, безпристрастіе и осторожность — отличительныя черты этой дѣятельности“, говоритъ историкъ новгородской епархіи ¹⁾. Плоды архинастырской дѣятельности митрополита Θεогноста столь многочисленны, что отмѣтить даже важнѣйшіе изъ нихъ въ краткой замѣткѣ трудно. Въ этомъ отношеніи русское духовенство не можетъ не вспомнить съ великой благодарностью постоянную заботливость почившаго владыки о поднятіи матеріальнаго благосостоянія и просвѣтительной дѣятельности духовенства, а также заботу его о сиротахъ и вдовахъ духовенства. Будучи епископомъ астраханскимъ, высокопреосвященный добился того, что причтамъ малолюдныхъ и бѣдныхъ приходоѡ было назначено (еще около 1870 г.) жалованье, хотя и очень небольшое—отъ 40 до 300 руб. въ годъ. Съ 1872 года онъ принимаетъ рядъ другихъ мѣръ къ возможному улучшенію матеріальнаго быта духовенства: озабочивается на-

¹⁾ Церк. вѣдомости, № 4, 1903 г.; стр. 110.

дѣленіемъ землями тѣхъ причтовъ, которые раньше не были надѣлены ими, хлопочеть объ отпускѣ бѣднымъ причтамъ дровъ изъ общественныхъ лѣсовъ и о приведеніи въ удовлетворительное состояніе причтовыхъ домовъ и проч. Астраханское духовенство съ особенною благодарностью вспоминаетъ дѣло устройства энергичными усиліями покойнаго митрополита въ зданіяхъ упраздненнаго Спасопреображенскаго монастыря пріюта для сиротъ и вдовъ духовенства, епархіальной бібліотеки и—впослѣдствіи—духовной семинаріи; не говоря уже о томъ, что весьма значительная сумма бывшихъ монастырскихъ денегъ и денегъ, вырученныхъ отъ продажи монастырскихъ угодій, поступила на увеличеніе духовно-учебнаго капитала. „Признательность потомства будетъ лучшею наградою для преосвященнаго Θεогноста, совершившаго это доброе дѣло“, говоритъ историкъ астраханской епархіи ¹⁾. Не менѣе почившій митрополитъ заботился о поднятіи просвѣтительной и миссіонерской дѣятельности духовенства. Съ этой цѣлью высокопреосвященный поощрялъ и упорядочивалъ церковное проповѣдничество, вводилъ или поддерживалъ внѣбогослужебныя церковныя собесѣдованія; во Владимірѣ основанное имъ братство святаго князя Александра Невскаго, подъ руководствомъ почившаго владыки, учредило проповѣдническіе комитеты, составило братскую бібліотеку и устроило книжные склады въ разныхъ мѣстахъ епархіи; ту же просвѣтительную задачу по отношенію къ духовенству при почившемъ митрополитѣ въ Новгородѣ исполняло братство св. Софіи, а въ Астрахани съ этою же цѣлью учреждено владыкою братство во имя Св. Троицы.

Особымъ вниманіемъ м. Θεогноста пользовалось миссіонерство среди иновѣрныхъ и раскольниковъ. Онъ не только всѣми мѣрами побуждалъ къ миссіонерской дѣятельности приходское духовенство, но основывалъ и особыя учрежденія миссіонер-

¹⁾ М. Дубровскій. Дѣятельность сѣздовъ духовенства астрахан. епархіи; стр. 134.

скаго характера. Такъ, въ Астрахани для противодѣйствія распространенію молоканской секты, устроена въ 1873 году походная Свято-Троицкая церковь съ особымъ при ней причтомъ, состоящимъ изъ священника и псаломщика; для обращенія отпавшихъ отъ христіанства татаръ къ Церкви высокопреосвященный образовалъ комитетъ подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ, принималъ мѣры для распространенія среди нихъ просвѣщенія, а въ 1871 году вообще для болѣе успѣшнаго распространенія среди инородцевъ христіанской вѣры открылъ астраханскій епархіальный комитетъ миссіонерскаго общества и былъ его первымъ предсѣдателемъ; миссіонерскимъ же цѣлямъ служили и братства, или основанныя, или оживленныя энергіей почившаго митрополита.

Весьма плодотворна была дѣятельность почившаго владыки на пользу церковно-приходскихъ школъ. Поощряемое имъ духовенство повсемѣстно заводило эти школы, такъ что въ астраханской епархіи число школъ при немъ удвоилось, а въ другихъ мѣстахъ служенія покойнаго іерарха значительно увеличилось. Словомъ, въ церковно-епархіальной жизни не было ни одного болѣе или менѣе важнаго явленія или добраго начинанія, какое не обратило бы вниманія почившаго достопамятнаго іерарха и не встрѣтило-бы въ немъ энергичнаго руководителя и покровителя. Историки тѣхъ епархій, гдѣ проходилъ свое служеніе почившій іерархъ, единодушно отмѣчаютъ значительное одушевленіе при немъ церковно-епархіальной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ; при чемъ во всемъ отмѣчаютъ присутствіе личной энергіи владыки, его инициативы и его любви къ Церкви и духовенству.

Нельзя еще при этомъ не указать на особенную любовь почившаго митрополита къ церковно-историческимъ и археологическимъ памятникамъ. Онъ не только зналъ эти памятники, но оберегалъ и реставрировалъ ихъ. Во Владимірѣ Владимірскій кафедральный соборъ былъ реставрированъ въ своемъ первоначальномъ видѣ и древнемъ благолѣпіи, такъ что теперь служитъ лучшимъ украшеніемъ города, а въ Нов-

городѣ онъ ревностно, не щадя личныхъ своихъ средствъ, занялся возстановленіемъ великаго памятника старины—собора св. Софіи и, благодаря своей энергіи, побѣдилъ необычайныя трудности этого дѣла.

Въ заключеніе не можемъ не выразить глубокой признательности почившему владыкѣ отъ лица Кіевской семинаріи и нашего журнала. Интересы Кіевской семинаріи всегда особенно были близки доброму сердцу почившаго митрополита,— часто посѣщаль онъ стѣны ея, любилъ подолгу оставаться въ ней, особенно въ украшенномъ на его личные средства храмѣ; въ концѣ своей жизни почившій владыка мечталъ обезпечить карпорацію преподавателей семинаріи дешевыми и удобными квартирами, но безжалостная смерть не дала ему осуществить своего желанія. Особымъ вниманіемъ покойнаго владыки пользовался и нашъ журналъ, служащій интересамъ дорогаго ему духовенства,—и однимъ изъ послѣднихъ распоряженій его была настойчивая рекомендація нашего журнала православному духовенству.

Миръ же праху твоему и вѣчная память о дѣлахъ твоихъ въ благодарномъ потомствѣ, доблестный іерархъ Церкви русской!

А. Тр.

Изъ дневника священника.

„Могучія невѣдомыя силы вѣчно движутся, сталкиваются, и великое движеніе ихъ рождаетъ видимый нами міръ, въ которомъ жизнь мысли и бытїи подчинены однимъ и тѣмъ же законамъ. Это движеніе не имѣло начала и не будетъ имѣть конца“—такъ опредѣляетъ свое механическое міровоззрѣніе ученый ботаникъ одной изъ повѣстей г. Горькаго.

Понятно, что съ этой точки зрѣнія нельзя говорить о свободѣ человѣка, о должномъ по отношеніи къ нему; съ этой точки зрѣнія добро не имѣетъ реального смысла: въ лучшемъ случаѣ оно есть только, по выраженію поэта, „насъ возвыша-

ющій обманъ“. Міровыя событія могутъ быть оцѣниваемы лишь съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Это—путь атеизма и отрицанія нравственнаго міропорядка, свойственный умственно развитымъ людямъ, способнымъ къ философскимъ обобщеніямъ. Другой путь отрицанія добра—путь практическаго пессимизма. Каждый изъ насъ встрѣчалъ людей, которые не вѣрятъ въ добро въ смыслѣ его власти надъ жизнью людей. Идеалы, говорятъ они, есть, да только къ жизни нашей они не имѣютъ примѣненія: люди въ своихъ дѣлахъ руководятся одной только личной выгодой. Одна категорія этого рода людей легко свыкается съ указаннымъ „мрачнымъ“ взглядомъ на жизнь,—усвояетъ его, какъ правило жизни, и представляетъ собою тѣхъ практическихъ матеріалистовъ, у которыхъ нѣтъ никакой связи между рѣчами о Богѣ, въ Котораго, какъ имъ кажется, они вѣрують, и жизнью... Слишкомъ ихъ много среди насъ, чтобы нужно было продолжать ихъ характеристику!.. Другая категорія—люди мучительно переживающіе данный процессъ постепенной потери вѣры въ нравственный смыслъ жизни. Съ болѣзненной тревогой ищутъ они хотя бы рѣдкихъ случаевъ конкретнаго воплощенія добра и, не находя ихъ, переживаютъ мучительныя минуты,—иногда минуты страшнаго трагизма... До поры до времени въ ихъ душѣ еще остается вѣра въ Бога, но она по существу уже чужда имъ, и нуженъ такимъ людямъ незначительный рефлексъ, чтобы формулировать съ ясностью и опредѣленностью *свое* атеистическое міросозерцаніе. Тяжелый душевный анализъ послѣдняго рода захватываетъ людей и малообразованныхъ, не привыкшихъ къ философскому развитію... Нечего говорить о томъ, какого участія и какого глубокаго сожалѣнія заслуживаютъ подобнаго рода люди!..

Большая повѣсть г. Горькаго „Трое“ посвящена разработкѣ религіозной идеи именно послѣдняго характера. Главный герой повѣсти Илья Яковлевъ Луневъ типъ человѣка, не встрѣтившаго въ своей жизни справедливости и правды и потому потерявшаго вѣру въ Бога.

Вышнюю своею стороною повѣсть г. Горькаго очень бѣдна: Илья Луневъ — сначала бездомный нищій, — затѣмъ „мальчикъ“ купца, наконецъ, самостоятельный мелкій торговецъ, — въ молодые годы оканчиваетъ свою жизнь самоубійствомъ подъ вліяніемъ тяжелой душевной борьбы на сказанной выше почвѣ. Вся сила повѣсти въ талантливомъ анализѣ душевнаго настроенія Ильи.

Илья Луневъ унаслѣдовалъ отъ своего отца крестьянина Якова Лунева богато одаренную религіозную натуру. Въ дѣтскіе годы онъ остался круглымъ сиротою на попеченіи своего дяди горбуна Терентія: мать умерла, а отецъ былъ сосланъ въ каторгу по обвиненію односельчанами въ поджогъ. Ненависть къ отцу окружающіе люди несправедливо перенесли на сына, десятилѣтняго мальчика „не по годамъ серьезнаго“. Когда Илья появлялся на улицѣ своей деревни, его всячески преслѣдовали. Различными несправедливыми притѣсненіями крестьяне вынудили горбуна Терентія уйти изъ ихъ деревни навсегда. На убогой своей лошаdkѣ отправился съ болью въ сердцѣ Терентій съ своимъ пока еще малолѣтнимъ племянникомъ Ильею въ городъ искать счастья.

Эта первая явная и жестокая несправедливость больно поразила въ высшей степени воспримчивую дѣтскую душу Ильи: всю обиду, всю горечь своего сердца онъ излилъ въ рыданіяхъ на колѣняхъ у дяди своего Терентія, когда они прощались съ своимъ селомъ, вынужденно мѣняя его на невѣдомую даль...

Въ городѣ, благодаря своему земляку Петру Филимонову, служившему буфетчикомъ въ одномъ трактирѣ низшаго разбора, Терентій нашелъ себѣ скудный кусокъ хлѣба — онъ пристроился туда же мыть посуду. Домъ, въ которомъ поселились дядя и племянникъ, былъ одною изъ тѣхъ городскихъ трущобъ, гдѣ ютится нищета. Онъ съ своими подвалами и былъ главнымъ воспитателемъ даровитаго мальчика.

Въ одномъ изъ подваловъ вышеозначеннаго трактира жилъ тряпичникъ старикъ Еремѣй, на попеченіи котораго былъ нѣкоторе время Илья, и которому суждено было оказать бла-

готворное вліяніе на послѣдняго. Старикъ Еремѣй—единственный въ романѣ безусловно положительный типъ, къ которому авторъ относится съ любовью. Душу старика составляла вѣра въ Бога Промыслителя, Который все знаетъ, все видитъ и непременно придетъ на помощь, когда человѣку, Его рабу, приходится очень плохо. „Мы Его, разсуждаетъ Еремѣй, вродѣ какъ крѣпостные. Онъ непременно слѣдитъ за каждымъ нашимъ жизненнымъ шагомъ“. По словамъ автора, старикъ Еремѣй такъ любовно и съ такою вѣрою въ правду говорилъ о Богѣ, точно онъ проникалъ всѣ сокровенныя Его мысли и намѣренія. Приплось тяжело бѣдняку Терентію. „Ничего! утѣшаетъ его Еремѣй. Ты знай себѣ, на Бога уповай!.. Онъ твою жизнь видитъ. Онъ батюшка все видитъ! И придетъ такой свѣтлый день твой, скажетъ Онъ ангелу: слуга мой небесный! иди облегчи житіе Терентію, мирному рабу Моему. И дойдетъ въ тѣ поры до тебя твое счастье... дойдетъ!“ И что замѣчательно: сохранилъ старикъ такую вѣру въ Бога, не выдавъ, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ, въ теченіе своихъ восьмидесяти лѣтъ правды на землѣ...

Еремѣй настолько хорошъ, что уже впоследствии, когда Илья озлобленно опорочивалъ всѣхъ людей въ угоду своей тогда уже установившейся теоріи, на него онъ ничего не могъ возвести, кромѣ того, что „онъ втайнѣ деньги копилъ“. А забылъ Илья предсмертныя минуты Еремѣя, когда онъ говорилъ ему, что всю свою жизнь копилъ деньги, чтобы выстроить въ своемъ селѣ храмъ Божій, который, по его словамъ, такъ нуженъ нашему крестьянину...

Спасибо г. Горькому за такой типъ изъ быта нашего народа!

Старикъ Еремѣй взялъ къ себѣ Плью для совмѣстнаго собранія выброшенныхъ тряпокъ и ненужнаго другимъ хлама, а за его помощь, снарядивъ его платьемъ и обувью, отдалъ въ училище. Илья, такимъ образомъ, имѣлъ возможность начать свое развитіе при благотворномъ и тепломъ религіозно-нравственномъ вліяніи удивительно хорошаго человѣка.

Своими рѣчами о Всеблагомъ Богѣ, „Который все зачтетъ и кромѣ Котораго —никого“, Еремѣй предохранялъ Илью отъ ранняго озлобленія. А почва для послѣдняго была: въ школѣ товарищи неустанно преслѣдовали Илью за его ремесло тряпичника... „Пріятно было, говорить авторъ, Ильѣ слушать увѣренныя и любовныя рѣчи старика о Богѣ, и подъ ихъ ласковыя звуки въ сердцѣ мальчика рождалось гордое и крѣпкое чувство надежды на что-то хорошее, радостное, что ожидало его впереди. Онъ повеселѣлъ и сталъ больше ребенкомъ, чѣмъ былъ первое время жизни въ городѣ“. Такъ до поры до времени въ душѣ Иліи боролись съ перевѣсомъ лучшаго разнородныя чувства: всюду окружающая его и больно бьющая по чувствительнымъ нервамъ людская несправедливость, подкапывавшая вѣру въ Бога, тушевалась пока предъ увѣренными рѣчами старика о покорности Спасителю... Проживи старикъ Еремѣй дольше, мы въ Ильѣ, очень вѣроятно, увидали бы человѣка съ свѣтлымъ религіозно-нравственнымъ настроеніемъ. Но старикъ умеръ,—погасъ для Ильи свѣтлый лучъ, а сопровождавшія смерть старика обстоятельства еще болѣе сгустили наступившую тьму.

На ряду съ старикомъ Еремѣемъ, большимъ авторитетомъ для Ильи былъ богобоязненный, нѣжно любившій его дядя Терентій. Подъ сильнымъ давленіемъ буфетчика Петра, Терентій ограбляетъ умирающаго Еремѣя въ послѣднія минуты его агоніи, ограбляетъ человѣка, такъ много благодѣтельствовавшего ему. Илья дѣлается невольнымъ свидѣтелемъ этой отвратительной сцены... Трудно съ достаточною ясностью изобразить то сильное мучительное впечатлѣніе, какое произвелъ этотъ поступокъ на Илью. Вечеромъ того дня, въ который Терентій совершилъ свое преступленіе, онъ по обычаю сталъ на молитву. Грабительство близкаго человѣка съ одной стороны, молитва съ другой—это противорѣчіе, какъ пожемъ, рѣзнуло по сердцу Иліи: его вѣра была слишкомъ чиста для такого противорѣчія. „Терентій услыхалъ во время молитвы своей голосъ Иліи:

— Не молись!

— Что ты?

— Не молись! настойчиво повторилъ мальчикъ. Темнота и сырость все тяжелѣе давили Илью, ему трудно было дышать, а внутри его клокоталъ страхъ, жалость къ дѣду, злое чувство къ дядѣ. Онъ завозился на полу, сѣлъ и застоналъ.

— Что ты? что? испуганно шепталъ дядя, хватая его руками. А Илія отталкивалъ его и со слезами въ голосѣ, съ тоскою и ужасомъ говорилъ:

— Господи! хоть бы спрятаться куда-нибудь... ото всего Господи!

Слезы перехватили ему горло. Онъ съ усердіемъ глотнулъ гнилого воздуха и зарыдалъ, ткнувшись лицомъ въ полъ“.

Съ этого времени каждый почти фактъ окружавшей Илью жизни болѣе и болѣе подтверждалъ ему ту истину, что на землѣ нѣтъ мѣста правдѣ и справедливости, что люди нисколько не руководствуются въ своихъ дѣлахъ тѣми правилами вѣры и нравственности, которыя на словахъ исповѣдуютъ они. А въ соотвѣтствіи съ этимъ болѣе и болѣе тускнѣлъ въ душѣ благодатный свѣтъ вѣры въ Бога... Немного спустя послѣ описанныхъ событій, бесѣдуетъ Илья съ своимъ товарищемъ, сыномъ Петра Филимонова, мистикомъ Яковомъ. Яковъ рѣшилъ ходить въ устроенную имъ въ дуилѣ дерева часовню по ночамъ молиться и говорить Ильѣ:

— „Я маленький: днемъ мою молитву Богъ не слышитъ... А ночью то ужъ будетъ слышно. Будетъ?“

— Не знаю!.. Можетъ услышитъ... задумчиво сказалъ Илья, глядя на большеглазое блѣдное лицо товарища“. Мы присутствуемъ при зачаткахъ разрушительнаго религіознаго анализа Іліи...

Вся послѣдующая жизнь Лунева—непрерывное мученіе съ рѣдкими просвѣтами. Удаленный изъ мальчиговъ купцомъ Строгановымъ за „излишнюю“ правдивость и честность, которымъ нѣтъ мѣста, по мнѣнію купца, въ торговомъ быту, Илья возвратился въ свой старый домъ, столь богатый событіями,

способными поколебать и болѣе твердую, чѣмъ у Ильи, вѣру въ силу добра. Присматриваясь къ жизни своимъ уже окрѣпленнымъ умомъ Илья повсюду видѣлъ, что люди идутъ къ своей цѣли личной выгоды, нисколько не думая о другихъ, опрокидывая ихъ, если это надо,—болѣе того: обижаютъ своихъ ближнихъ не рѣдко безъ всякой даже пользы для себя,—„такъ просто ради удовольствія обидѣть человѣка“. И при всемъ томъ неустанно говорятъ о Богѣ, о любви!.. „Порой ему, молчаливому и серьезному, становилось такъ скучно смотрѣть на людей, что хотѣлось закрыть глаза и уйти куда-нибудь далеко,—уйти и ужъ не возвращаться сюда въ эту сѣрую скуку и не понятную людскую суету“...

Прилаживаясь къ характеру такъ осуждаемыхъ имъ людей, Илья сталъ втискивать себя въ рамки узко-эгоистической мѣщанской жизни. Добиться сытой, чистой и спокойной жизни—вотъ цѣль, которую сталъ онъ себѣ ставить въ мечтахъ. Такимъ, именно, путемъ, думалось ему, онъ уйдетъ отъ ненавистныхъ ему людей—„поголовно жадныхъ, поголовно безжалостныхъ“. Но такое рѣшеніе вопроса не могло удовлетворить богато-одареннаго, глубоко рефлектирующаго человѣка: оно было, употребляя выраженіе Ильи, уходомъ отъ жизни и самого себя... Въ душѣ Ильи прежде всего и болѣе всего требовалъ такого или иного рѣшенія вопросъ объ этическомъ смыслѣ жизни и стоящей съ ними въ связи вопросъ о Богѣ... Могъ ли успокоить его при такихъ условіяхъ идеаль мѣщанскаго счастья?!.. Илья продолжалъ ходить почти неопустительно въ церковь, а тамъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, душевная борьба обострялась. „Онъ, пишетъ авторъ, рѣдко пропускалъ церковныя службы, съ удовольствіемъ посѣщая обѣдни и всенощныя. Онъ не молился, а просто стоялъ гдѣ-нибудь въ углу и, ни о чемъ не думая, смотрѣлъ на людей, слушалъ пѣніе. Люди стояли неподвижно, и было въ ихъ молчаніи что-то единодушное, какъ будто каждый человѣкъ упорно думалъ о томъ же, о чемъ думали другіе. Волны пѣнія носились по храму вмѣстѣ съ облаками ладана, и порой Ильѣ казалось, что и онъ вмѣ-

стѣ со звуками поднимается вверхъ, плаваетъ съ ними въ теплой и ласковой пустотѣ и теряетъ себя въ ней. Въ торжественномъ и важномъ настроеніи, которое, наполни храмъ, миротворно вѣяло на душу, было что-то совершенно чуждое суетѣ жизни, непримиримое съ ея стремленіями. Сначала въ душѣ Ильи это впечатлѣніе укладывалось отдѣльно отъ другихъ обычныхъ впечатлѣній его дня, не смѣшивалось съ ними, не беспокоило его. Но потомъ онъ замѣтилъ, что въ сердцѣ его живетъ нѣчто, всегда наблюдающее за нимъ. Оно пугливо скрывается гдѣ-то въ немъ и безмолвно въ суетѣ жизни, но когда онъ приходитъ въ церковь, оно тихо растетъ въ груди его и вызываетъ въ ней что-то особенное, тревожное, *противорѣчивое ею мечтамъ* о чистой (сытой) жизни. Въ эти моменты ему всегда вспоминались любовные рѣчи тряпичника о Богѣ.

— Господь все видитъ, всему мѣру знаетъ. Кромѣ Его—никого!

Илья приходилъ домой полный смутнаго безпокойства, чувствуя, что его мечта о будущемъ выцвѣла и слиняла, и что въ немъ же самомъ есть кто-то, не желающій открыть галантерейную лавочку. Но жизнь брала свое, и скоро этотъ кто-то скрывался въ глубь души“.

Дальнѣйшія обстоятельства жизни Ильи складывались такъ, что въ нихъ онъ находилъ бѣльшее и бѣльшее подтвержденіе своему пессимизму. Ему не нужно было вызывать изъ памяти своей подходящіе факты людской несправедливости и людского сплошнаго лицемерія: жизнь сама давала ихъ въ избыткѣ. „Видимъ, говорилъ онъ не разъ своимъ друзьямъ, что-то давить насъ всѣхъ“—быть можетъ за то, что мы лучше другихъ. „Жулику на свѣтѣ лучше, чѣмъ честному человѣку“—говорить онъ въ другой разъ. Соотвѣтственно этому этическому невѣрію растетъ въ Ильѣ и невѣріе въ Бога,—что неразрывно одно съ другимъ. Характерна въ этомъ отношеніи бесѣда Ильи съ женщиной Матицей, жившей также въ трактирѣ.

— „Кто много хочет,“ говоритъ между прочимъ Матица, съ того много и спросятъ.

— Кто спроситъ? отозвалася Илья.

— А Богъ? Развѣ ты того не знаешь“?

Илья ничего не отвѣтилъ ей. Холодное мертвящее невѣріе, видимо, начинаетъ овладѣвать душой его.

Мы подошли въ анализѣ душевнаго настроенія Ильи Лунева до рѣшительнаго пункта, послѣ котораго онъ уже безповоротно погружался въ мрачную пучину невѣрія.

Подъ вліяніемъ аффекта Илья убиваетъ неожиданно для себя купца Полуэктова, на содержаніи котораго жила любимая имъ женщина. Зашедши однажды въ мѣняльную лавку купца—ростовщика, онъ предложилъ ему купить старую монету и когда тотъ разсматривалъ ее, Илья, движимый злобою, задушилъ старика. Въ душевное настроеніе Ильи вошли новыя чувства, которыя въ связи съ прежними терзали его. Много разъ въ послѣдующее время Илья отмахивался отъ совершеннаго имъ преступленія, говоря, что „Полуэктовъ не грѣхъ, а лишь несчастіе его“. А совѣсть, какъ и у Раскольникова „Преступленія и наказанія“ Достоевскаго, была мучительную тревогу. Илья не разъ хотѣлъ укрыться отъ ея угрызения подъ покровомъ религіи, своей вѣры въ Бога Промыслителя. „Грѣшитель я не хотѣлъ, говорить кощунственно Илья,—само собою все вышло... на все воля Божія... Чего же мнѣ беспокоиться? Коли Ему это не нужно было—удержалъ бы меня. А Онъ не удержалъ... стало быть я правъ въ моемъ дѣлѣ“. И при всемъ томъ думы о купцѣ Полуэктовѣ отравляли существованіе Ильи. Отправившись однажды гулять, онъ попалъ на кладбище и на немъ случайно наткнулся на памятникъ убитаго имъ купца. Воспоминанія быстро возникли въ его душѣ и жгли его сердце. „И безмолвно, съ жаркимъ негодованіемъ въ сердцѣ, съ глубокою увѣренностью въ правдѣ своихъ словъ онъ говорилъ купцу:

— Изъ-за тебя, проклятый, всю свою жизнь изломалъ я, изъ-за тебя! Старый демонъ ты! Какъ буду жить.. изъ-за тебя? Навсегда я объ тебя испачкался“.

Убийство купца въ повѣсти Горькаго—несущественный эпизодъ, почти не обработанный авторомъ. Въ душевное настроеніе Ильи онъ внесъ новое чувство муки и безпокойства, не прибавивъ и не измѣнивъ существеннымъ образомъ его основнаго направленія.. Апперцецируя и на этотъ „несчастный“ фактъ въ своей жизни, Илья хотѣлъ видѣть въ немъ новое доказательство невѣрiю въ добро и Бога. Вотъ, думалось ему не разъ, совершилъ я преступленіе, а Богъ не наказываетъ меня. Значить, некому наказывать.

Около разсматриваемаго времени произошла перемѣна въ жизненныхъ обстоятельствахъ Ильи: онъ переселился изъ стараго дома на квартиру къ околоточному надзирателю Автономову, въ компаніи съ которымъ вскорѣ открылъ мелкую галантерейную лавочку. Въ лицѣ четы Автономовыхъ на первыхъ порахъ онъ, какъ казалось ему, впервые встрѣтилъ хорошихъ, честныхъ, любящихъ другъ друга людей. И какъ путникъ въ знойной пустынѣ радуется встрѣтившемуся ключу, такъ измученный Илья обрадовался своей встрѣчѣ. Наконецъ-то, думалъ онъ, я нашелъ то хорошее, чистое, спокойное, что такъ долго искалъ. Въ свѣтлую минуту душевной радости Илья высказалъ свои мысли Автономовымъ. „Я съ малыхъ лѣтъ настоящаго искалъ, а жилъ, какъ щена въ ручьѣ... бросало меня изъ стороны въ сторону. И все вокругъ меня было мутное, грязное, безпокойное. Пристать мнѣ было не къ чему... Видѣлъ я вокругъ себя одно горе и всякую пакость. И вотъ бросило меня къ вамъ. Вижу въ первый разъ жизни: живутъ люди тихо, чисто, въ любви“.

Онъ посмотрѣлъ на нихъ съ ясной улыбкой и низко поклонился имъ.

— Спасибо вамъ! У васъ я душу облегчилъ“.

Представьте же теперь всю силу разочарованія и новаго приступа озлобленія Ильи, когда онъ скоро убѣдился, что и

въ жизни Автономовыхъ та же грязь—болѣе циничная, чѣмъ въ быту „старого дома“, потому что прикрывается ханжествомъ и лицемѣріемъ. А Автономова, ставшая къ нему въ близкія отношенія, своими откровенными рѣчами до ясности убѣждала его, что и въ высшемъ „благородномъ“ кругу нѣтъ въ жизни Бога.. Еще тяжелѣе стало Ильѣ. Онъ ясно чувствовалъ теперь, что его вѣра въ Бога пошатнулась. Болѣзненно любимую темою разговоры Ильи съ друзьями стали вопросомъ о бытіи Бога.

— „Знаешь, странно усмѣхаясь говорилъ какъ-то Илья своему товарищу Павлу Грачеву: Яковъ дочитался до того, что въ Богѣ сомнѣвается.“

Павель взглянулъ на него и неопредѣленнымъ образомъ спросилъ:

— Ну?

— Да! Нашелъ такую книгу... А какъ ты насчетъ этого?

— Я видишь ли, задумчиво и тихо сказалъ Павель, я какъ-то такъ... не думалъ про это.. въ церковь не хожу.

— А я думаю... Много думаю.. И не могу я понять, какъ Богъ терпѣть?..“

А вотъ около того же времени происшедшій разговоръ Лулева съ безшабашнымъ пьяницей сапожникомъ Перфишкой.

— „Погоди, говоритъ Илья,—хочу я тебя спросить: ты Бога боишься?“

Перфишка неторопливо переступилъ съ ноги на ногу и почти съ обидою сказалъ:

— Мнѣ Бога бояться нечего... Я людей не обижаю... да и никогда не обижалъ..

— А молишься ты? допрашивалъ Илья, повизивъ голосъ.

— Н-ну молюсь... извѣстно... рѣдко“.

Не трудно видѣть, что въ душѣ Ильи религіозный кризисъ завершился потерей дорогого достоянія человѣческой жизни. Что прежде онъ самъ смутно чувствовалъ въ себѣ, теперь болѣе или менѣе ясно созналъ. Когда возвратился Те-

рентій съ богомолья, куда онъ ходилъ отмаливать свой „грѣхъ“, Илья говоритъ ему:

— „И напрасно ты ходилъ... все равно, ничего тебѣ не было-бы! Не только грабь,—убивай: ничего не будетъ. Некому наказывать.. Наказываютъ неумѣющихъ, а кто умѣетъ, тотъ все можетъ дѣлать, все!

— Безбожіемъ Бога не прогнѣвишь, говоритъ ему на это Терентій, но себя погубишь“.

Пришелъ, такимъ образомъ, Илья къ опредѣленному отрицательному выводу. Успокоилась ли его мятущаяся душа? Нѣтъ и нѣтъ. Наоборотъ. Свою вѣру дѣтскихъ лѣтъ онъ оплакивалъ какъ дорогого покойника. „Пришелъ однажды онъ, говоритъ авторъ, на городскую свалку, гдѣ собиралъ въ давнее время тряпки съ Еремѣемъ. Онъ оглянулся вокругъ, стараясь узнать во тьмѣ то мѣсто, гдѣ старикъ любилъ отдыхать съ нимъ. Но этого мѣста не было: должно-быть его завалили мусоромъ. Илья вздохнулъ, чувствуя, что и въ его душѣ чего-то нѣтъ уже, тоже что-то завалено мусоромъ“.

Характеренъ конецъ жизни Ильи. На именинахъ Автономовой онъ сдѣлалъ скандалъ—публично объявилъ спокойнымъ и веселящимся гостямъ о своей связи съ хозяйкой и одновременно о своемъ убійствѣ купца Полуэктова. Его связали.

— „Совѣсть замучила? спросилъ окологлочный вполголоса.

— Совѣсти нѣтъ,—твердо отвѣтилъ Илья...

— Побожитесь, говоритъ далѣе полицейскій, оставляя Илью развязаннаго, что не убѣжите.

Луневъ взглянулъ на сморщенное, сожальющее лицо окологлочнаго и угрюмо сказалъ:

— Въ Бога не вѣрю“...

По пути Луневъ намѣренно разбился о каменную стѣну.

Правъ-ли г. Горькій,—доведшій своего Илью Лунева до потери вѣры въ Бога и Его вліянія на мировую жизнь?

И правъ и нѣтъ.

Правъ онъ настолько, насколько своимъ типомъ, который является продолженіемъ „Юмы Гордѣева“, указываетъ

на великое значеніе въ дѣлѣ религіи личнаго примѣра, жизненнаго воплощенія идеаловъ Христа... Самъ нашъ Божественный Учитель заповѣдалъ своимъ ученикамъ *жизнью своею* освѣщать путь другимъ, *своими дѣлами* оживлять и предохранять отъ порчи сердца ихъ...

И что бы мы ни говорили, несравнимымъ ни съ чѣмъ останется по своимъ результатамъ вліяніе примѣра! Кто изъ насъ не переживалъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ какой-то обиды въ лучшемъ чувствѣ души своей, когда предъ глазами совершалась какая-либо явная и неприправленная несправедливость?! Люди, употребляя любимое выраженіе г. Горькаго, высокой культуры духа, привыкшіе къ рефлексу, теряются и болѣзненно тоскуютъ, когда зло въ многообразныхъ его формахъ попираетъ добро,—что же сказать о людяхъ непосредственнаго душевнаго строя, вродѣ Ильи Лунева или Юмы Гордѣева?! И какую, слѣдовательно, отвѣтственность несетъ каждый изъ насъ, на которыхъ обращены взоры другихъ людей, по дѣйствіямъ и поступкамъ которыхъ судятъ о вѣрѣ Христовой!

Мысль эта, говорилъ нѣкогда смоленскій витія, трепетомъ сердечнымъ наполняетъ сердце человѣка. „Пусть каждый изъ насъ подумаетъ, что всякая его мысль, чувство, слово, всякое его дѣло...—все это живо въ жизни и составляетъ уже фактъ невозвратный; все это полетѣло изъ души въ міръ и тамъ неудержимо произвело сродныя себѣ дѣйствія; тамъ, встрѣтившись съ другими подобными себѣ фактами, усложнилось и усилилось, и такимъ образомъ живо и дѣйственно вошло въ составъ атмосферы, обнимающей, проникающей, наполняющей жизнь міра! Ты не думаешь объ этомъ, ты забылъ, какимъ чувствомъ или намѣреніемъ или словомъ нѣсколько лѣтъ назадъ ты дохнулъ на свѣтъ Божій. Но это дуновеніе твое пошло живою струею въ воздухъ міра и тамъ вмѣстѣ съ другими струями составило тучу, облагающую горизонтъ надъ тобою и другими (Слово на Нов. Годъ (1867))

еп. Иоанна Смоленскаго)“. И сколько „малыхъ сихъ“ погибнуть въ этой гибельной атмосферѣ!

Неправъ въ разрѣшеніи поставленной имъ религіозно-нравственной проблемы г. Горькій потому, что онъ оставилъ Илью Лунева въ сферѣ одной только естественной религіи,—болѣе того—въ сферѣ одного лишь исканія *отвлеченнаго* идеала. Вопреки художественной и исторической правдѣ Илья Луневъ былъ и остался совершенно чуждымъ даже въ смыслѣ знакомства съ христіанской религіей.

Въ этомъ отношеніи Луневъ близко стоитъ ко многимъ другимъ типамъ изъ произведеній г. Горькаго.

Исканіе смысла жизни, или что-то же, тоска по идеалѣ, который представляетъ собою нѣчто; возвышенное, скрашивающее жизнь человѣка,—любимая тема г. Горькаго. — Она проникаетъ все его произведение „*Томъ Гордѣевъ*“. Жаждой идеала живетъ мельникъ Тихонъ Павловичъ („Тоска“): она „томитъ его“ до муки и выбиваетъ изъ привычной колеи жизни. Ищеть смысла и добра въ жизни своей и чужой сапожникъ Орловъ—эта даровитая натура, отосланная въ концѣ концовъ авторомъ въ классъ босяковъ („Супруги Орловы“)... Люди, повидимому, уже падшіе нравственно, оживляются, когда встрѣчаютъ на своемъ тернистомъ пути нѣчто хорошее, когда видятъ предъ собой что-либо доброе. Добро даже только услышанное „подобно теплomu туману очищаетъ сердце, загрязненное жизнью („Коноваловъ“). Предъ нами босякъ Емельянь Пилиай, который всю жизнь сводитъ на словахъ къ однимъ утробнымъ инстинктамъ,—который на вопросъ, что такое право, подноситъ къ лицу вопрошающему свой кулакъ... Увидѣлъ этотъ типичнѣйшій золоторотецъ однажды на себѣ доброе ласковое, безкорыстно любовное отношеніе чуждаго человѣка—несчастной дѣвицы, выразившееся въ нѣсколькихъ привѣтливыхъ словахъ и никогда не могъ забыть этого... „Лучше этого у меня, говорилъ онъ потомъ, за всѣ 47 лѣтъ ничего не было („Емельянь Пилиай“)“.

Но что же представляет собою тотъ идеаль, къ которому такъ мучительно тянутся указанные люди? Каково содержаніе его?

Минуя положительное религіозное рѣшеніе вопроса ¹⁾, Горькій въ своихъ попыткахъ—отвѣтахъ на данный вопросъ не выходитъ изъ области чего-то „таинственнаго, чарующе-красиваго“. Добро, понимаемое такъ, не поддается такому анализу и при своемъ исключительно-субъективномъ значеніи теряетъ свою силу.—Въ произведеніяхъ г. Горькаго выведены нѣкоторыя лица, которыя за отсутствіемъ въ своей личной жизни чего-либо хорошаго, оживляющаго душу человѣка, завѣдомо выдумываютъ себѣ таковое. „Разсказываетъ, говоритъ по этому поводу одинъ умный и хорошій босякъ, такой человѣкъ выдуманную имъ сказку и самъ себѣ вѣритъ, будто оно такъ было,—вѣритъ, ну ему и пріятно („Коноваловъ“, „Болесь“)“. Вотъ на степень такого чарующаго обмана и сводитъ г. Горькій свой идеаль.

У одного изъ новѣйшихъ писателей г. Андреева есть высоко-художественный разсказъ, озаглавленный „Ангель“. Жили въ чрезвычайной бѣдности чиновникъ съ женою и сыномъ Сашей. Послѣдній ничего хорошаго на своемъ вѣку не видалъ. Озлобленный противъ всѣхъ Саша считался потеряннѣмъ, неблагодарнымъ злымъ мальчикомъ. Однажды на елкѣ въ богатомъ домѣ своихъ благодѣтелей онъ вымолилъ у хозяйки восковую фигуру ангела. Радости мальчика не было конца. Въ сильномъ волненіи возвратился Саша домой и отецъ и сынъ—бѣдные горюны—на восковую фигурку перенесли всѣ свои лучшія чувства... Къ утру, повѣшенный около печи ангель восковой растаялъ... То же бываетъ и съ идеалами, сводимыми на степень лишь поэтическихъ „чарующе красивыхъ“ вымысловъ. Понятно: такіе идеалы не устоятъ противъ невзгодъ и неправды, которыми богата людская жизнь. И не-

¹⁾ Надъ стремленіемъ къ личному самоусовершенствованію онъ смѣется въ своихъ повѣстяхъ „Еще о чертѣ“ и „Проходимецъ“...

удивительно поэтому, если они скоро сводятся на ничто. „Идеаль, говорить одинъ изъ героевъ г. Горькаго, костыль, придуманный въ ту пору, когда человѣкъ сталъ плохимъ скотомъ и началъ ходить на однѣхъ заднихъ лапахъ. Поднявъ голову отъ сѣрой земли, онъ увидаль надъ ней голубое небо и былъ ослѣпленъ великолѣпиемъ его ясности. Тогда онъ по глупости сказалъ себѣ: я достигну его! И съ той поры онъ шляется по землѣ съ этимъ костылемъ, держась при помощи его до сего дня все еще на заднихъ лапахъ („Проходимецъ“).

Религіозныя представленія Ильи Лунева не шли дальше понятія о Богѣ, какъ Источникѣ всего хорошаго и Судіѣ за дурныя дѣла. Замѣчательно: на протяженіи всей большой повѣсти Илья ни разу не произноситъ имени Христа. Даже отъ старика Еремѣя онъ ничего не слышитъ ни о жизни, ни объ ученіи Спасителя.

Могла ли такая вѣра устоять противъ контроля жизненныхъ фактовъ?

Только на почвѣ христіанской религіи рѣшается міровой вопросъ о добрѣ и злѣ. Голгоетскій крестъ показалъ разъ навсегда человѣчеству, что фактическое господство зла не есть побѣда его. Наоборотъ. Идя принять позорную смерть отъ руки спасеннаго Имъ человѣка, Божественный Страдалецъ сказалъ Своимъ ученикамъ: „держайте, потому что я побѣдилъ міръ“. Г. Горькій, какъ мы говорили выше, оставилъ Илью непонятно чуждымъ Христовой вѣрѣ, и вполнѣ естественной является гибель его...

Свящ. К. Анеевъ.

Изъ исторіи народнаго образованія въ Юго-Западномъ краѣ Россіи ¹⁾).

Такой образъ дѣйствія Управленія Учебнаго Округа при открытіи новыхъ училищъ вызвалъ вполне справедливыя нареканія и жалобы со стороны духовнаго вѣдомства, такъ какъ имъ въ корнѣ подрывается созидательная дѣятельность этого вѣдомства. Дѣятельность духовенства по народному образованію въ Юго-Западномъ краѣ имѣетъ за собой почтенное прошлое. Безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ въ рукахъ, и общественныхъ, и личныхъ, оно, памятуя лишь завѣтъ Христа Спасителя: „шедше научите вся языки“, понесло свѣтъ школьнаго ученія въ среду освобожденнаго отъ рабства русскаго народа, заставило этотъ народъ полюбить грамотность и подготовило, такимъ образомъ, почву для болѣе широкой дѣятельности на поприщѣ народнаго образованія. Сколькихъ трудовъ, сколькихъ непріятностей и какой борьбы стоило ему созданіе болѣе или менѣе правильно поставленныхъ и хорошо обеспеченныхъ церковныхъ школъ. И вдругъ эти самыя школы, надъ созданіемъ которыхъ трудилось не одно поколѣніе сельскихъ пастырей, однимъ общественнымъ приговоромъ невѣжественной толпы уничтожаются навсегда потому лишь, что другому вѣдомству есть расчетъ на подготовленной почвѣ сажать свое училище. А почему бы этому вѣдомству не идти по той же дорогѣ, по которой шло въ созданіи своихъ школъ наше православное духовенство? Вѣдь и теперь есть не мало въ Юго-Западномъ краѣ такихъ населенныхъ пунктовъ, куда свѣтъ школьнаго ученія еще не проникъ, а если и проникъ, то поддерживается столь ничтожными средствами, что при такихъ средствахъ не можетъ быть и рѣчи о хорошихъ школьныхъ помѣщеніяхъ, о правоспособныхъ учителяхъ и правильной постановкѣ школьнаго дѣла. И если бы Управленіе Учебнаго Округа пошло

¹⁾ См. № 6 за 1903 годъ.

сюда съ своими богатыми средствами, то, получая здѣсь отъ сельскихъ обществъ ничтожное пособіе, оно принесло бы гораздо больше пользы, чѣмъ создавая свои училища на мѣстѣ закрытыхъ, болѣе или менѣе обезпеченныхъ церковно-приходскихъ школъ. Тогда бы количество благоустроенныхъ начальныхъ школъ ежегодно увеличивалось бы, а не оставалось неизмѣннымъ по существу, хотя и не по названію, какъ замѣчается это теперь.

Но противъ такого рода доводовъ представители М. Н. П. возражаютъ, что въ дѣлѣ закрытія церковно-приходскихъ школъ не они виноваты, а самъ народъ, который на опытѣ убѣдился, что школы эти не даютъ имъ того, чего отъ нихъ требуетъ жизнь. „Усложненіе общественныхъ и экономическихъ отношеній, говорятъ они, несомнѣнно, требуетъ повышенія общаго уровня умственного развитія населенія. Но въ особенности это нужно сказать относительно такой мѣстности, какъ Кіевская губернія и весь Юго-Западный край, гдѣ быстрое промышленное развитіе захватываетъ въ свой круговоротъ мѣстное населеніе и требуетъ отъ него приспособленности къ новымъ условіямъ и формамъ жизни. Указанная особенность вызываетъ необходимость и потребность въ систематической подготовкѣ мѣстнаго населенія къ активному участию въ прогрессирующей жизни края, подѣ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, отсталости и непричастности мѣстнаго населенія къ выгодамъ положенія, создаваемого новыми условіями. Отсталость эта уже и въ настоящее время замѣчается. Наблюдателю мѣстной жизни бросается въ глаза обычное явленіе, что мѣста нижней технической службы и по надзору на фабрикахъ и заводахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ заняты, по большей части, пришлымъ элементомъ, въ большинствѣ случаевъ, иноплеменнымъ и инороднымъ; мѣстное же населеніе, неудовлетворяющее сравнительно высокимъ требованіямъ развитія для исполненія разныхъ операцій по службѣ, принуждено отрываться отъ деревни и искать заработковъ въ городахъ на болѣе доступ-

ныхъ для него черныхъ работахъ и въ сельско-хозяйственномъ отходѣ (въ южныя губерніи). Такое положеніе нельзя признать нормальнымъ. При быстро развивающемся въ краѣ малоземеліи, положеніе это въ недалекомъ будущемъ можетъ стать угрожающимъ для населенія...

Рядомъ съ указанными измѣненіями въ экономической области нельзя не отмѣтить значительнаго усложненія въ послѣднее время гражданскихъ и общественныхъ отношеній. Преобразование учреждений, введеніе новыхъ институтовъ, развитіе законодательства, требуютъ отъ сельскаго населенія и въ особенности отъ представителей сельскихъ обществъ—должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія—общихъ познаній и извѣстнаго развитія... Такимъ образомъ, и общія условія русской дѣйствительности, и особыя условія мѣстной жизни обнаруживаютъ умственную отсталость населенія Юго-Западнаго края и вызываютъ необходимость подготовки къ культурному подъему, между тѣмъ такая подготовка возможна только путемъ школы болѣе или менѣе образовательной,—каковою до извѣстной степени является школа министерская. Церковно-приходская школа отвѣчать болѣе высокимъ образовательнымъ задачамъ едва-ли можетъ“ (Копія журн. Кіев. Губ. Распор. Ком.).

Изъ этого длиннаго разсужденія вполне естественно вытекаетъ такое заключеніе, будто бы открытіе министерскихъ училищъ въ Юго-Западномъ краѣ есть неотложная потребность прогрессирующей жизни мѣстнаго населенія, удовлетвореніе которой представляетъ нравственную обязанность Управленія Кіевскаго Учебнаго Округа. И если при этомъ страдаютъ церковно-приходскія школы, то сами же онѣ въ томъ виноваты: онѣ не удовлетворили народа въ его образовательныхъ стремленіяхъ, а потому народъ и вправѣ отказаться отъ содержанія ихъ, какъ отъ непроизводительной для себя затраты.

Но такъ ли все это на самомъ дѣлѣ? Неужели только министерская школа есть „болѣе или менѣе образовательная“,

а церковно-приходская не может „отвѣчать болѣе высокимъ образовательнымъ задачамъ“? Такъ утверждать, значитъ не знать церковно-приходской школы, или преднамѣренно умалять ея значеніе. Программа церковно-приходской школы нисколько не меньше программы школы министерской. Ученики правильно-поставленныхъ церковно-приходскихъ школъ по своему развитію далеко не ниже учениковъ министерскихъ училищъ, а ученики второклассныхъ школъ безусловно превосходятъ послѣднихъ. Опытъ показываетъ, что ученики, окончившіе двухклассныя и одноклассныя школы Мин. Нар. Пр., поступающіе для довершенія образованія въ церковно-учительскія второклассныя школы, нисколько не выше, а нерѣдко и ниже по своему развитію учениковъ церковно-приходскихъ школъ двухклассныхъ и одноклассныхъ. Во всякомъ случаѣ сужденія о превосходствѣ министерскихъ школъ предъ церковно-приходскими въ Кіевской губерніи ни на чемъ не основаны. Если же и есть плохія церковно-приходскія школы съ плохими учителями и малоразвитыми учениками, то это свидѣтельствуетъ не о томъ, что она лучшей и не можетъ быть, а о томъ, что она въ данное время не располагаетъ достаточными для надлежащей постановки въ ней дѣла матеріальными средствами. Такія же плохія школы съ плохими учителями, съ слабымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ есть и среди министерскихъ въ Кіевской губерніи. Но слѣдуетъ ли отсюда, что такія школы нужно закрывать? Намъ кажется вполне естественнымъ иное заключеніе. Если школа плоха въ зависимости отъ недостатка матеріальныхъ средствъ на ея содержаніе, то нужно не закрывать ее, а дать ей средства, и она начнетъ достигать добрыхъ результатовъ. Не въ томъ заслуга дѣятелей по народному образованію, что они съ готовыми и при томъ большими средствами создаютъ хорошія школы, а въ томъ, что принявшись за дѣло обученія народа, не имѣя для того никакихъ матеріальныхъ средствъ, постепенно находятъ они эти средства и создаютъ вполне благоустроенныя учебныя заведенія. Доброе дѣло матеріально помочь народу,

но еще лучше—раскрыть ему, что просвѣщеніе не роскошь и не прихоть, а насущная потребность, удовлетворять которую долженъ, хотя отчасти, самъ народъ.

Такой истины, однако, не хотятъ понять нѣкоторые изъ завѣдающихъ начальнымъ народнымъ образованіемъ въ Юго-Западномъ краѣ и продолжаютъ открывать новыя училища, нисколько не заботясь о судьбѣ существующихъ въ тѣхъ же пунктахъ церковно-приходскихъ школъ. Причиняя, такимъ образомъ, вредъ церковно-школьному дѣлу, они вмѣстѣ съ этимъ вносятъ нѣчто нежелательное и во всю церковно-общественную жизнь мѣстнаго населенія. Сельскіе жители не могутъ не видѣть и не понимать, что открытіе министерскихъ училищъ совершается нерѣдко тайно отъ духовенства.

Не могутъ не видѣть крестьяне и того, что положеніе священника въ министерской школѣ отчасти зависимое отъ завѣдующаго школой—учителя, и во всякомъ случаѣ онъ занимаетъ въ школѣ второстепенное мѣсто, а не то, какое онъ занималъ въ церковно-приходской школѣ,—что едва-ли полезно для приходской жизни и легко можетъ отразиться не въ благопріятномъ смыслѣ и на отношеніяхъ прихожанъ къ священнику.

Предвидя всѣ дурныя послѣдствія для церковно-школьнаго дѣла открытія министерскихъ училищъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ существовали удовлетворительно поставленныя церковно-приходскія школы, органы епархіальной власти, завѣдающіе этимъ дѣломъ въ губерніяхъ Юго-Западнаго края неоднократно обращались въ Управленіе Учебнаго Округа съ просьбой не открывать министерскихъ училищъ въ томъ случаѣ, если это необходимо повлечетъ за собой закрытіе церковно-приходскихъ школъ. Но просьбы и заявленія ихъ почти всегда оставлялись безъ удовлетворенія. Тогда на такой порядокъ вещей послѣдовалъ цѣлый рядъ жалобъ въ высшее Управленіе Вѣдомства Православнаго Исповѣданія, и результатомъ этихъ жалобъ было командированіе въ Юго-Западный край отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ наблю-

дателя церковныхъ школъ, д. с. с. В. И. Шемякина и отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія—вице-директора департамента этого министерства, д. с. с. Н. Г. Дебольскаго. На нихъ была возложена миссія изслѣдовать на мѣстѣ причины недоразумѣній, возникшихъ между Духовнымъ Вѣдомствомъ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія по вопросу объ открытіи министерскихъ училищъ и закрытіи церковно-приходскихъ школъ.

На этихъ совмѣстныхъ совѣщаніяхъ чиновъ обоихъ вѣдомствъ было рассмотрѣно и изслѣдовано нѣсколько дѣлъ объ открытіи министерскихъ училищъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Ю.-З. края, повлекшемъ за собою закрытіе существовавшихъ тамъ церковно-приходскихъ школъ и даже захватъ въ вѣдомство М. Н. П. тѣхъ помѣщеній, которыми въ теченіе многихъ лѣтъ пользовались эти школы. Результатомъ этихъ совѣщаній было признаніе того, что инспекція народныхъ училищъ дѣйствуетъ только лишь на основаніи исходящихъ отъ сельскихъ обществъ *юридически состоятельныхъ актовъ и документовъ, но не считаетъ нужнымъ сообразоваться со взглядами на этотъ предметъ духовнаго вѣдомства и съ результатами своихъ дѣйствій для мѣстныхъ церковно-приходскихъ школъ*, что и повело къ ихъ закрытію. Такой образъ дѣйствій инспекціи народныхъ училищъ былъ признанъ неправильнымъ и на будущее время выражено принципиальное пожеланіе открывать школы того и другого типа при наличности школы одного типа не иначе, *какъ только по взаимному соглашенію между тѣмъ и другимъ вѣдомствомъ*.

Желая лично провѣрить, насколько успѣшно и правильно ведется дѣло обученія въ церковно приходскихъ школахъ и въ министерскихъ училищахъ, В. И. Шемякинъ и Н. Г. Дебольскій посѣтили въ Кіевѣ Маріинско-Благовѣщенскую и Борисо-Глѣбскую церковно-приходскія школы г. Кіева и Свято-Владимірское мужское и женское, Подольское двухклассное и одноклассное женское и мужское училище и дѣтскій садъ. Особенное впечатлѣніе произвело на нихъ посѣщеніе Борисо-

Глѣбской церковно-приходской школы. По предложенію В. И. Шемякина, завѣдывающій этой школой и М. Е. Е—ій подробно и весьма интересно изложилъ исторію возникновенія и развитія школы, ходъ постройки школьнаго помѣщенія и дальнѣйшія цѣли школы. По словамъ о. Е—го, мысль объ устройствѣ школы въ Борисо-Глѣбскомъ приходѣ зародилась у него тотчасъ послѣ поступленія его въ этотъ приходъ въ 1893 году. Его поразили видъ толпы уличныхъ дѣтей рабочаго класса, остающихся безъ призора и руководства вслѣдствіе того, что родители ихъ должны были уходить на работу для снисканія себѣ дневнаго пропитанія. Мысль о томъ, что уличная жизнь подъ воздѣйствіемъ прибрежнаго отребья рода человѣческаго—Кіевскихъ босяковъ, можетъ толкнуть и этихъ невинныхъ дѣтей на путь бездомной, празднои и порочнои жизни тяготила его, а потому онъ и задумалъ собрать ихъ подъ кровомъ церковно-приходской школы. Полное отсутствіе средствъ на устройство школы его не утратило. О своемъ намѣреніи строить школу онъ объявилъ въ храмѣ своемъ и на его призывъ откликнулась одна бѣдная женщина и пожертвовала на устройство школы три рубля. Эта лепта бѣдной женщины и послужила основнымъ фондомъ для строительныхъ нуждъ школы. Мало по малу, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ помощью Божіей и добрыхъ людей (въ томъ числѣ нѣсколькихъ евреевъ), и при поддержкѣ церковнаго правительства и Кіевского городского управленія, три рубля разрослись въ десятки тысячъ рублей, на которыхъ сначала было устроено просторное двухклассное школьное помѣщеніе, а затѣмъ надъ нимъ возведено еще два этажа, дающихъ возможность значительно расширить дѣятельность школы. До сихъ поръ Борисо-Глѣбская школа представляетъ типъ одноклассной съ двумя отдѣленіями—мужскимъ и женскимъ. Дѣти младшаго возраста обучаются въ особомъ отдѣленіи, представляющемъ собою смѣшанную школу грамоты. Обучается въ школѣ до 200 душъ дѣтей обоего пола, въ томъ числѣ болѣе 20 евреевъ. При школѣ состоитъ два законоучи-

тели, три учительницы и особый учитель пѣнія. Кромѣ выполненія общей программы церковно-приходской школы, въ Борисо-Глѣбской школѣ дѣти обучаются переплетному, столярному и слесарному ремесламъ и руководѣльнымъ работамъ подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ и учительницы руководѣлія, занимающихся въ школѣ бесплатно. По воскреснымъ днямъ въ помѣщеніи школы занимается многолюдная воскресная школа для взрослыхъ людей. Дальнѣйшая цѣль Борисо-Глѣбской школы, по мысли о. М. Е. Е—аго, собрать подъ сѣнь ея все простое населеніе прихода, желающее получать школьное обученіе. Здѣсь должны быть собраны малолѣтніи дѣти отъ 4 до 7 лѣтняго возраста, покидаемые отцами и матерями во время ухода на работы на попеченіе ненадежныхъ людей. Изъ этихъ дѣтей образуется школьный дѣтскій садъ, а въ лѣтнюю пору—пріютъ—ясли. Изъ дѣтскаго сада дѣти должны переходить въ одноклассную школу и заканчивать свое школьное ученіе здѣсь же въ двухклассной школѣ. По выходѣ изъ школы они не должны порывать связи съ ней. Здѣсь будетъ для нихъ бібліотека, здѣсь же будутъ устраиваться въ обширной аудиторіи чтенія, вечера и школьные праздники, могущіе доставить имъ здоровое развлеченіе.—Послѣ доклада о завѣдывающей школой посѣщены были классы. Посѣщеніе школы произвело на гостей прекрасное впечатлѣніе. Прощаясь съ о. М. Е. Е—мъ, Н. Г. Дебольскій выразился, что онъ, присутствуя въ школѣ, пережилъ минуты истиннаго удовольствія, а затѣмъ, дѣлясь впечатлѣніями отъ посѣщенія церковно-приходскихъ школъ и городскихъ училищъ, выразилъ отрадную для духовнаго вѣдомства мысль о томъ, что *церковно-приходская школа обладает внутренними богатствами, которыхъ иногда не замѣчается въ богато внѣшне-обставленныхъ министерскихъ и городскихъ училищахъ.*

Результатомъ посѣщенія церковно-приходскихъ и министерскихъ школъ г. Кіева, Волыни и Подолія была выработка правилъ для совмѣстнаго и дружнаго дѣйствованія въ

дѣлѣ народнаго просвѣщенія двухъ вѣдомствъ—Духовнаго и Министерства Народнаго Просвѣщенія въ видѣ „проекта“ правилъ для этого соглашенія. Сущность проекта сводится къ пожеланію создать въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія такой порядокъ вещей, въ силу котораго всякій новый шагъ былъ бы результатомъ детальнаго обсужденія и взаимнаго соглашенія представителей того и другого вѣдомства, начиная отъ низшихъ—уѣздныхъ наблюдателей и инспекторовъ народныхъ училищъ—и окончивая высшими въ г. Петербургѣ.

Дай Богъ, чтобы мирный трудъ двухъ заинтересованныхъ въ умственномъ и нравственно-религіозномъ ростѣ народа сторонъ не парушался въ будущемъ недостойнымъ соревнованіемъ. Юго-Западный край представляетъ еще много мѣстъ и матеріала для добрыхъ дѣлателей на нивѣ просвѣщенія. Долгъ представителей М. Н. Просвѣщенія и Духовнаго Вѣдомства найти эти мѣста и правильно воспользоваться этимъ матеріаломъ, а не тратить средства, время и силы на обезсиливающую борьбу, выражающуюся иногда въ неразборчивыхъ средствахъ, въ родѣ составленія приговоровъ отъ лица крестьянскихъ обществъ, на—половину безграмотныхъ, о преимуществахъ школы извѣстнаго типа.

Свящ. Д. Н—нъ.

Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго¹⁾.

Подъ „прочими одеждами“ епископа, о которыхъ говорится въ чинѣ, нужно разумѣть возлагаемые у насъ на вновь рукоположенныхъ въ епископа *панатию*, наперсный *крестъ* съ украшениями и *митру*.¹⁾ О всѣхъ этихъ отличіяхъ нашихъ епископовъ чины архіерейской хиротоніи русскіе и греческіе хранятъ полное молчаніе, но въ богослужебной практикѣ, какъ на Востокѣ, такъ и у насъ въ Россіи, нѣкоторыя изъ этихъ отличій несомнѣнно возлагались на епи-

¹⁾ См. № 5 за 1903 г.

скоповъ при хиротоніи. Симеонъ Солунскій прямо говоритъ, что новопосвященный въ епископа, послѣ литургіи, получаетъ „энколтіи (τὸ ἐγκόλπιον) нанѣдренникъ, какъ божественный залогъ, въ знакъ того, что онъ представляетъ лице Христа и во Христѣ перваго архіерея, и что онъ сталъ женихомъ Церкви Христовой, и во время брака получаетъ полную свободу благословлять и молиться, какъ и Самъ истинный архіерей“¹⁾. Новоизбранному константинопольскому патріарху, по свидѣтельству того же писателя, царь въ числѣ прочихъ знаковъ отличій, посмалъ и „церковный энколтіи (τὸ τῆς ἐκκλησίας ἐγκόλπιον), который онъ хранилъ, какъ слуга и стражъ Церкви“²⁾. „Крестъ или энколтіи (σταυρίον ἢ ἐγκόλπιον), висяціе на груди архіерея, суть печать и свидѣтельство вѣры. Потому они и вѣшаются на груди, чтобы (свидѣтельствовать) объ исповѣданіи вѣры отъ сердца“³⁾. Итакъ, вѣ всякаго сомнѣнія, епископы и патріархи восточные украшались крестомъ или энколтіемъ, которые они носили не только поверхъ рясы вѣ храма, но и во время богослуженія сверхъ церковныхъ облаченій⁴⁾, за что ясно говоритъ и наименованіе патріаршаго энколтіона церковнымъ.

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet. t. 155, col. 429; Писан. отц. и учителей Церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуж. т. II, стр. 277.

²⁾ Ibid. col. 441; тамъ же, стр. 286.

³⁾ Ibid. col. 257; тамъ же, стр. 98.

⁴⁾ Яковъ Гоаръ, имѣвшій случай изучать обряды греческой церкви лично, въ одной изъ своихъ нотціи по поводу интересующаго насъ вопроса, говоритъ слѣдующее: „Прибавлю, что, по принятіи омофора (pallio geserto), (епископы) получаютъ драгоценный крестъ съ мощами святыхъ, называемый энколтіономъ (такъ какъ онъ висѣлъ на цѣпочкѣ у груди — ἐν κόλπῳ) съ присоединеніемъ привѣтствія словомъ: Ἄξιός“ (Εὐχολογ. Goar. pag. 258). Это замѣчаніе ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ Византіи въ XVI вѣкѣ обрядъ возложенія энколтіона совершался во время самой хиротоніи, по облаченіи новорукоположеннаго въ священныя архіерейскія одежды, и такъ же, какъ у насъ нынѣ, съ провозглашеніемъ: „Аксиосъ“. Въ XVII столѣтіи патріархи восточные надѣвали при священнослуженіи сверхъ омофора „крестъ отъ драгихъ камней въ златѣ, цепь злагая же, и *панатию*“ (вѣрнѣе энколтіи) (Прав. Палест. сборн. т. VII; в. III, стр. 253—254).

По примѣру восточныхъ іерарховъ, и наши русскіе епископы носили на груди „икону золоту-воротную“ или просто „икону“, которая возлагалась на нихъ послѣ чина хиротоніи и по окончаніи литургіи, когда они, снявъ священныя облаченія, одѣвались въ „переманатку съ источники“, въ мантию съ источники и клобуцъ¹⁾. Изъ этихъ греческихъ энколпионовъ или ковчежцевъ для храненія святыхъ мощей и вообще святыни всякаго рода и нашихъ „иконъ золотоворотныхъ“ и выродилось то архіерейское украшеніе, которое получило нынѣ у насъ наименованіе „панагіи“ (Παναγία²⁾). Этимъ именемъ Παναγία съиздавна называютъ православные греки заступницу рода христіанскаго Пресвятую Дѣву Богоматерь, такъ какъ чаще всего на „иконахъ“ этого рода изображалась именно Богоматерь въ видѣ оранты—молитвенницы и заступницы рода христіанскаго, посящей у лона своего на груди образъ Предвѣчнаго Младенца Христа, благословляющаго имянословно по архіерейски обѣими руками. Такія иконки—панагіи начали носить у насъ съ XVI вѣка³⁾ не только патріархи, митрополиты и епископы, но даже нѣкоторые архимандриты, напр.

¹⁾ Русск. истор. библ. т. VI, ст. 562; А. Дмитріевскій. Богослуж. въ русской церкви въ XVI в. ч. I, стр. 378.

²⁾ Объясняя происхожденіе „панагій паперсныхъ“, „святительскихъ“ и др. изъ тѣхъ складныхъ сосудовъ—панагіаровъ, которые употреблялись въ древности иноками для храненія просфоры въ честь Богоматери, возносимой за трапезою, и брались ими съ собою въ дорогу, какъ предохранительное и спасительное средство, имѣя эти панагіары всегда на цѣпочкахъ на шеѣ у груди—ἐν κόλπῳ, проф. П. П. Кондаковъ говоритъ о нихъ слѣдующее: „подобныхъ паперсныхъ панагій у византийцевъ, повидимому, не было, и существующія нынѣ въ греческихъ и авонскихъ монастыряхъ и ризницахъ относятся къ русскимъ подаркамъ, а древнѣйшія филактеріи не имѣютъ отношенія къ панагій и артосу“ (Памятники христіанскаго искусства на Аѳонѣ. Сиб. 1902, стр. 229—230).

³⁾ Христ. Чтен. 1879, № 11—12, стр. 571; арх. Савва. Указатель Моск. патріаршей ризницы стр. 6—8. До XVI в. и у насъ употреблялись не панагіи, а энколпиіи, на которыхъ изображались или Распятіе или святыя, но не Божія Матерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ у лона. Энколпій св. Петра, митрополита кіевскаго, на ониксѣ имѣетъ рельефное изображеніе пророка Даніила, а энколпій № 3 ризницы Московской синодальной

кієво-печерській и троице-сергієвській¹⁾. Это послѣднее обстоятельство—ношеніе панагіи архимандритами—свидѣтельствуєтъ о томъ, что данному украшенію въ древности у насъ не придавали столь важнаго значенія, какое ему придается въ настоящее время. Изъ постановленій же московскаго собора 1674 года можно видѣть и то, что панагія—энколпій и обычный наперсный крестъ имѣли значеніе одинаковое въ церковномъ употребленіи²⁾, и іерархи русской церкви даже въ концѣ XVII столѣтія не украшали себя одновременно панагією и наперснымъ крестомъ. „Энколпій, си есть внедрникъ, на недрѣ на веризѣ посимый, говорится въ актахъ этого собора, иже являетъ разумъ Евангелія Христова, егоже пріємъ имать въ недрѣ сердца: или являетъ исповѣданіе вѣры, еже бываетъ отъ сердца“³⁾, надѣвался патріархомъ, митрополитами и епископами на омофоръ или на фелонь кресчатую, по непремѣнно „единъ энколпій⁴⁾ или крестъ на веризцахъ сребропозлащенныхъ“⁵⁾. Въ актахъ этого собора пѣтъ указанія даже на то, чтобы московскій патріархъ носилъ при богослуженіи два энколпія или двѣ панагіи, хотя и существуетъ мнѣніе,

также на онцѣхъ—изображеніе пр. Іоанна Лѣтвичинка, а на обратной сторонѣ по золоту подъ чернью изображенія Марка, епископа ареусійскаго и Кирилла діакона. (Арх. Саввы. Указатель стр. 6—7).

¹⁾ Амвросій. Исторія російской іерархіи ч. I, стр. 317—320.

²⁾ Въ южно-русскомъ чинѣ епископской хиротоніи 1650 года говорится о возложеніи *креста* на хиротонисуемаго въ такихъ выраженіяхъ: „Воземлетъ рукоположитель *златый крестъ съ верши златыми* отъ святыя трапезы и благословляетъ его рукою... *возмаетъ наверхъ омофора*, сущаго на выи новопосвященнаго, глаголя: „Прійми, брате, отъ руки Христовы и отъ престола славы его креста его знаменіе, въ еже не быти тебѣ хвалитися, токмо о крестѣ Господа Нашега Іисуса Христа, иже тебѣ миръ да расцѣлитъ, и ты мірови. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. (Рук. библ. Кієво-Соф. собора № 77, л. 65).

³⁾ Амвросій. Исторія російской іерархіи ч. I, стр. 329.

⁴⁾ Впрочемъ, патріархи московскіе носили по три даже панагіи (правильнѣе—двѣ панагіи и одинъ крестъ), а нѣкоторые митрополиты, какъ напр., кієвскій и повгородскій по двѣ панагіи. (Амвросій. Исторія російской іерархіи ч. I, стр. 317—318).

⁵⁾ Амвросій. Исторія росской іерархіи ч. I, стр. 336.

что этотъ обычай, по примѣру восточныхъ патріарховъ, введенъ былъ въ русскую церковь патріархомъ Никономъ¹⁾. Мнѣніе это находитъ для себя подтвержденіе и въ нынѣшнемъ „Чинovníкъ архіерейскаго священнослуженія“, исправленномъ при патріархѣ Іоакимѣ въ 1677 году и съ тѣхъ поръ неизмѣнно сохраняющемъ свой настоящій составъ, въ которомъ въ архіерейскомъ облаченіи предъ литургіей указано, хотя и въ скобкахъ, возлагать два *нандреника* (эколпіона), первый съ чтеніемъ стиха: „Сердце чисто созиждетъ въ тебѣ Богъ“ и второй—„Да отрыгнетъ сердце твое слово благо“ и одинъ *крестъ* со стихомъ: „Аще кто хочетъ послѣдовати мнѣ“²⁾. Очевидно, всѣ эти стихи были прежде всего необходимы для патріаршаго облаченія, и нынѣ имѣютъ примѣненіе въ богослужебной практикѣ лишь кіевской митрополіи³⁾. Что же касается митрополитовъ русскихъ времени собора 1674 года, то имъ въ своей епархіи дозволено было надѣвать поверхъ саккоса „эколпій и крестъ“, „и единому токмо повгородскому митрополиту налагати *крестъ и эколпій*“, даже въ присутствіи патріарха⁴⁾. Архимандриты наиболѣе извѣстныхъ монастырей въ это время не были еще почтены никакими знаками отличій для ношенія на груди сверхъ фелоней и на рясахъ виѣ богослуженія. Это отличіе къ нимъ переходитъ,

¹⁾ Арх. Савва. Указатель для обозр. Московск. патріарш. библиот. Пояснительный Словарь стр. 25 и прим. а).

²⁾ Чинovníкъ. М. 1897, л. 8, об. 9; Сравни. изд. М. 1677 стр. 48—49.

³⁾ Кіевскій митрополитъ, по примѣру Великой церкви константинопольской, какъ патріаршій экзархъ, всегда пользовался при богослуженіи двумя эколпіями (панагіями). Со времени подчиненія кіевской митрополіи патріарху московскому, право это за нимъ признали въ 1686 году и московскіе патріархи (Описан. Кіево-Софійскаго собора и кіевской іерархіи. Кіев. 1825, прилож., стр. 110 и 200; Арх. Савва. Указат. для обозр. Моск. патріар. библ. Поленит. Словарь стр. 25), и оно сохраняетъ свою силу и въ настоящее время. Нынѣ право ношенія двухъ *панагій* при богослуженіи дается Государемъ Императоромъ, какъ награда митрополитамъ петербургскому и московскому.

⁴⁾ Амвросіѣ. Исторія російской іерархіи ч. I, стр. 333—334.

какъ уже намъ извѣстно (см. § 18 стр. 119), въ самомъ началѣ XVIII вѣка, при императорѣ Петрѣ Великомъ, и окончательно дѣлается принадлежностію ихъ сана при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ въ 1742 году, при чемъ въ это время нѣкоторые архимандриты нагрѣждаются не только наперснымъ крестомъ, но даже и панагією. Распространеніе указанныхъ отличій на архимандритовъ русской церкви имѣло своимъ послѣдствіемъ въ нашей практикѣ то, между прочимъ, явленіе, что въ первой же половинѣ XVIII столѣтія, въ отличіе отъ архимандритовъ, всѣ епископы наши въ богослуженія на рясы начали возлагать панагіи, а при богослуженіяхъ на саккосъ, по примѣру митрополитовъ,—одновременно съ панагією и наперсный крестъ¹⁾. Этотъ обычай сохраняетъ свою силу и до настоящаго времени.

Проф. А. Дмитриевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Нѣкоторые изъ заслуженнѣйшихъ іерарховъ нашей церкви жалуются иногда Государемъ Императоромъ правомъ пошенія панагіи вмѣстѣ съ наперснымъ крестомъ и во время виѣбогослужебное на рясы. Такое отличіе въ 1799 году получили архіепископъ казанскій Амвросій, вполнѣдствіи митрополитъ новгородскій и санктпетербургскій. (Амвросій. Исторія россійской іерархіи ч. I, стр. 353).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 26 февраля 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Авц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 10.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, марта 9-го.

Содержаніе: Законъ авторитета и отношеніе къ нему современнаго обще-
ства (окончаніе).—Русское духовенство въ Галиціи.—Наблюденія
и замѣтки сельскаго священника.—Грѣхъ о. Арсеція (разсказъ).

Законъ авторитета и отношеніе къ нему совре- меннаго общества ¹⁾).

Въ возстановленіи надлежащаго уваженія къ авторите-
тамъ прежде всего должна быть заинтересована наша семья,
такъ какъ прежде всего и болѣе всего страдаетъ отъ необуз-
даннаго своеволія подростяющаго поколѣнія именно семья.
Семейныя отношенія представляютъ собою самую плодотвор-
ную почву для укорененія въ дѣтяхъ тѣхъ благодѣтельныхъ
привычекъ послушанія, повинновенія и самоограниченія, въ
которыхъ находятъ свое выраженіе законъ авторитета. Раз-
вивая умственныя способности дѣтей, родители легко могутъ
внушить имъ и укоренить въ ихъ сознаніи то основное на-

¹⁾ См. № 7 за 1903 годъ.

чало всякаго умственнаго прогресса, которое говоритъ: не отвергай того, чего понять не можешь, а принимай на вѣру, потому что есть безконечное число вещей, превышающихъ человеческое пониманіе, и только по довѣрію къ учителю мы обогащаемъ свой умъ познаніями. Особенно въ вопросахъ религіозныхъ должно быть строгимъ и послѣдовательнымъ; здѣсь убѣждать дѣтей нужно не силою разума, а авторитетомъ говорящаго, потому что аргументы разума всегда бываютъ болѣе или менѣе слабы: разумъ, очень часто находящійся въ рабскомъ подчиненіи чувствамъ, можетъ быть склоняемъ ко всему. Правда, разумныя основанія для принятія той или другой истины не должны быть вовсе отвергаемы, какъ авторитетъ внутренній, но только въ той мѣрѣ, въ какой они болѣе способствуютъ всестороннему уразумѣнію истины, чѣмъ утвержденію ея непрерываемой достовѣрности. Религіозный скептицизмъ и индифферентизмъ почти всегда являются слѣдствіемъ чрезмѣрной работы разума надъ вопросами вѣры. Въ наше время сильно распространено заблужденіе, что безусловное повиновеніе противорѣчитъ человѣческому достоинству. Очевидно, совсѣмъ позабыто слово апостольское, что въ этой жизни мы *вѣрою ходимъ, а не видѣниемъ*, позабыто и то, что дѣлать разумъ судьей въ вопросахъ вѣры значитъ на мѣсто вѣры ставить сомнѣніе, или—что тоже—разрушать вѣру. Далѣе, воздѣйствуя на сердце дѣтей, съ цѣлью развитія въ нихъ здоровыхъ чувствъ, родители должны пріучать ихъ оцѣнивать вещи по внутреннему ихъ достоинству, а не по тому, доставляютъ ли онѣ намъ пользу или вредъ, соотвѣтствуютъ ли онѣ нашимъ вкусамъ или нѣтъ: здоровые вкусы образуются подъ вліяніемъ объективной цѣнности предметовъ, а не субъективныхъ нашихъ настроеній, которыя, мѣняясь безпрестанно, въ зависимости отъ всякихъ случайностей, могутъ только тиранизировать наши отношенія ко вѣшнему міру, если не будутъ подавляемы съ дѣтства авторитетомъ всеобщей правды. Наконецъ, чрезвычайно тщательной культуры въ семьѣ требуютъ проявленія воли дѣтей, ихъ стремленія, желанія и поступки; въ

этой области съ особенною настойчивостью обнаруживается у дѣтей, съ самыхъ же первыхъ дней, склонность къ независимости, самостоятельности, способная перейти въ неудержимый эгоизмъ и своеволие, а потому весьма враждебная авторитету. На развитіе воли родители должны обращать серьезнѣйшее вниманіе и твердо стоять за неприкосновенность своего авторитета въ глазахъ дѣтей, подчиняя волю послѣднихъ требованіямъ воли высшей даже тогда, когда эти требованія не могутъ быть осмыслены дѣтскимъ сознаніемъ: у кого образуется съ малолѣтства привычка подчиняться тамъ, гдѣ нужно, тотъ впоследствии найдетъ въ ней самый вѣрный залогъ счастья и благоденствія. Конечно, легко при этомъ впасть въ крайность и воспитать въ дѣтяхъ рабскія чувства, приниженность, страхъ предъ самостоятельной мыслью, предъ самостоятельнымъ рѣшеніемъ, склонность всегда и во всемъ искать поддержку въ другихъ. Но опасность эта близка только въ тѣхъ семействахъ, гдѣ въ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ господствуетъ полный деспотизмъ, систематически преслѣдующій въ дѣтяхъ всякое проявленіе самодѣятельности, а это уже составляетъ весьма печальное явленіе. Кромѣ того не нужно забывать, что „безумная жажда независимости“, присущая человѣку отъ природы, проявляется въ немъ, въ такой или иной степени, въ зависимости не только отъ условій домашняго воспитанія, но и отъ вліяній стороннихъ.

Такимъ образомъ, начала уваженія къ авторитету должны быть заложены въ семьѣ, и задача эта всецѣло лежитъ на обязанности родителей, которымъ слѣдовало бы помнить слѣдующія слова Паскаля: „Нужно умѣть сомнѣваться, гдѣ нужно, быть увѣрену, гдѣ нужно, и подчиняться тоже въ пору. Кто не такъ поступаетъ, тотъ не слушается силы разума. Есть люди, которые погрѣшаютъ противъ этихъ трехъ правилъ: одни довѣряютъ всему, какъ будто все убѣдительно, не будучи знатоками въ доказательствахъ; другіе сомнѣваются во всемъ, не умѣя, гдѣ нужно, подчиниться; третьи подчиняются всему, не умѣя, гдѣ нужно, имѣть свое сужденіе“ (Мысли, изд.

1888 г., стр. 139). Во всѣхъ нашихъ сословіяхъ встрѣчаются эти три типа людей, но среди т. н. интеллигенціи преобладаютъ первый и второй типъ, причемъ второй имѣетъ склонность сдѣлаться господствующимъ повсюду, не исключая и деревни, которая до сихъ поръ не поддавалась, повидимому, этой повальной болѣзни городовъ. Такъ какъ легковѣріе и сомнѣніе (и то и другое характеризуютъ полное отсутствіе уваженія къ вышнему авторитету) интеллигентныхъ классовъ общества не могутъ создать семейныхъ условій, благоприятныхъ для воспитанія въ подростяющемъ поколѣніи повиновенія авторитетамъ, и такъ какъ эти интеллигентные классы имѣютъ громадное вліяніе на ходъ и направленіе всей нашей жизни и въ послѣднее время все болѣе и болѣе втягиваютъ въ свое русло и крестьянство, то легко можетъ въ будущемъ случиться, что и крестьяне пойдутъ по слѣдамъ ихъ, и также постараются освободиться отъ подчиненія авторитетамъ. Предупредить это будущее народное бѣдствіе могли бы наши школы и другія общественныя учрежденія.

Вліяніе школы въ данномъ отношеніи признаютъ наиболѣе дѣйствительнымъ потому, что школа имѣетъ въ своемъ распоряженіи такую нравственно-воспитательную дисциплину, какой не можетъ быть въ семьѣ, кромѣ того, что въ образованіи школьномъ содержатся элементы, раждающіе въ дѣтяхъ чувства уваженія къ авторитету сами по себѣ. Но, къ сожалѣнію, современная школа поставлена въ такія условія, что—пожалуй—не въ состояніи исполнять своей великой воспитательной задачи. Если позволительны историческія аналогіи, то нашу систему школьнаго воспитанія можно сравнить съ воспитательной системой римлянъ въ періодъ имперіи, когда прежняя строгость правовъ исчезла и общество, подъ вліяніемъ александрійской образованности, насквозь проникнутой утилитарнымъ направленіемъ, исключительно стало предаваться удовлетворенію матеріальныхъ интересовъ жизни. Въ это время о воспитаніи юношества общество мало беспокоилось, но предъявляло большія требованія къ умственному обра-

зованію, понимая его въ смыслѣ механическаго усвоенія разныхъ наукъ и знаній, имѣющихъ отношеніе къ практической жизни. Вслѣдствіе этого высшая цивилизація римлянъ шла рядомъ съ наибольшимъ нравственнымъ разложеніемъ общества. Вотъ какъ описываетъ печальный разладъ между воспитаніемъ и образованіемъ Л. Н. Модзалевскій, со словъ пѣмецкаго историка Вебера: „Науки и искусства находили себѣ пріютъ и поощреніе въ дворцахъ богачей; торговли и ремесла процвѣтали; благосостояніе и образованность привели къ наслажденію жизнью; красивыя постройки многолюдныхъ городовъ производили впечатлѣніе общаго счастья; и въ Римѣ и въ другихъ большихъ городахъ возвышалось множество учебныхъ заведеній, распространявшихъ знаніе. Но такъ какъ вся образованность римская была лишь чуждымъ, экзотическимъ растеніемъ, то ей недоставало внутренней одушевляющей и возвышающей силы: она только полировала поверхность, но не проникала внутрь, въ сердце человѣка. Строгость права, благородство души, сила характера признавались и цѣнились столь же мало, какъ и гениальность въ изобрѣтеніи и творчество“ (Очеркъ исторіи воспитанія и обученія. Т. I. стр. 119). Не такого ли взгляда на образованность держится и наше общество, мечтающее найти въ наукѣ исцѣленіе отъ всѣхъ недуговъ своихъ? И что удивительнаго, послѣ этого, въ томъ, что строй нашей школы не удовлетворяетъ задачамъ истиннаго воспитанія? Общество всегда создаетъ школу по образу своему: еще недавно мы все были свидѣтелями начавшейся— было, но на время остановленной, ломки старой школы именно подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія. И конечно, если послѣднее настойчиво требуетъ, чтобы школа образовывала главнымъ образомъ умъ дѣтей, и цѣнить ее исключительно съ точки зрѣнія житейской, утилитарной, то, какъ бы школа ни была вѣрна идеальнымъ традиціямъ, она рано или поздно, незамѣтно для себя самой, уступитъ этому стороннему вліянію и мало по малу пріобрѣтетъ характеръ не „мастерскихъ гуманности“, какъ говорилъ А. Коменскій, а мастерскихъ

производства дипломовъ всякаго рода. Къ сожалѣнію, мы до этого дожили. Какъ въ семьѣ, такъ и въ школѣ мы восхищаемся только успѣхами въ умственномъ развитіи дѣтей и ради этихъ успѣховъ мы готовы извинить въ дѣтяхъ какіе угодно пороки и недостатки, утѣшая себя пошлыми фразами, въ родѣ слѣдующихъ: молоды еще, придетъ время — образуются. Отсюда происходитъ наше двусмысленное отношеніе къ дѣятельности школы. Когда послѣдняя заявляетъ о своихъ правахъ на воспитаніе нашихъ дѣтей и ищетъ отъ насъ поддержки въ этомъ дѣлѣ, мы начинаемъ коситься на нее и глухо, а иногда и открыто, даже въ печати, выражаемъ свое неудовольствіе не только системою школьнаго воспитанія, но и самымъ принципомъ воспитательнымъ, какъ будто въ воспитаніи дѣтей мы одни компетентны. Когда же дѣти наши оказываются неблаговоспитанными и намъ первымъ приходится вкушать плоды этой неблаговоспитанности, мы не прочь бросить школѣ укоръ въ небрежномъ отношеніи ея къ задачамъ воспитанія. И само собою понятно, что въ обоихъ случаяхъ мы оказываемъ одинаково плохую услугу и школѣ и молодому поколѣнію, унижая авторитетъ школы въ глазахъ молодежи и лишая послѣднюю точки опоры въ ея умственномъ и нравственномъ развитіи. Всѣ лица, заинтересованныя воспитательными задачами нашей школы, должны быть очень осторожны въ своихъ сужденіяхъ о ней, помня, что громкія порицанія и жалобы на недостатки школы только усиливаютъ зло: если я говорю въ присутствіи сына, что учитель не умѣетъ внушать къ себѣ уваженія, то навѣрное мой сынъ сдѣлается еще болѣе дерзокъ и непочтителенъ.

Есть еще одно важное обстоятельство въ жизни нашихъ школъ, вредно отзывающееся на ихъ воспитательныхъ задачахъ. Одинъ педагогъ говоритъ: „Всякая школа представляетъ собою отдѣльный индивидуумъ, опредѣленную, болѣе или менѣе установившуюся личность, съ различными особенностями, созданными самыми обстоятельствами. Какъ каждое отдѣльное растеніе зависитъ и измѣняется подъ вліяніемъ почвы, кли-

мата и ухода, какъ характеръ и стремленія каждаго чело-
вѣка различно складываются, смотря по происхожденію его,
физическимъ качествамъ и по всевозможнымъ непредвидимымъ
случайностямъ,—точно также и школа“ (Кельнеръ. Мысли о
воспитаніи). Наши же школы слишкомъ мало индивидуальны.
Школьное законодательство обнаруживаетъ стремленіе опре-
дѣлить жизнь школъ до мелочей и выработать общій типъ для
всѣхъ ихъ, какъ будто все можно мѣрить на свой аршинъ.
Отсюда происходятъ вмѣшательства въ школьныя дѣла такихъ
лицъ, которыя слишкомъ далеко стоятъ отъ этихъ дѣлъ, и
стоящая въ зависимости отъ такого вмѣшательства неувѣрен-
ность непосредственныхъ руководителей школы въ своихъ во-
спитательныхъ дѣйствіяхъ. Кто знакомъ съ жизнью школы,
тотъ легко пойметъ, какъ все это вредно отзывается на благо-
состояніи школы, и—въ частности—какъ быстро ослабляетъ
въ учащихся чувство уваженія къ авторитету школы: дѣти
охотно подчиняются только тому, на чей сторонѣ видятъ пре-
восходство силы—физической ли то, умственной или нрав-
ственной.

Но если, такимъ образомъ, школа не можетъ одна, по
указаннымъ причинамъ, воспитывать въ подростающемъ по-
колѣннн надлежащаго повиновенія авторитету, то къ ней на
помощь должны придти разныя общественныя учрежденія, ко-
торыя всегда и у всѣхъ народовъ служатъ самой дѣйстви-
тельной, *практической школой* для воспитанія въ гражданахъ
различныхъ соціальныхъ доблестей и въ томъ числѣ—уваже-
нія къ авторитету. Мы не беремся судить здѣсь о томъ, ка-
кимъ образомъ это можетъ быть достигнуто, но безъ всякаго
сомнѣнія громадное значеніе имѣло бы въ данномъ случаѣ
поставленіе общественныхъ учрежденій въ такое независимое
положеніе, чтобы не ученые дипломы и не ходатайства силь-
ныхъ открывали къ нимъ доступъ работникамъ, а испытан-
ная на дѣлѣ способность послѣднихъ честно работать и быть
полезными. Почему общественное мнѣніе въ послѣднее время
дискредитируетъ множество учреждений? Потому, что въ нихъ

работаютъ люди, служащіе не дѣлу, а лицамъ, имѣющимъ въ виду исключительно свои матеріальныя выгоды. Конечно, человѣкъ не можетъ не заботиться о хлѣбѣ насущномъ какъ для себя, такъ и для другихъ близкихъ ему лицъ; но, на ряду съ этою тѣлесною потребностью, у него есть высшія потребности духа, которыя удовлетворяются только соотвѣтствующею дѣятельностью и для развитія которыхъ не безразлично, какими средствами мы добываемъ хлѣбъ. А между тѣмъ теперь, когда лишь дипломы и покровительство распредѣляютъ между людьми мѣста въ общественныхъ учрежденіяхъ, немногіе задумываются надъ избраніемъ себѣ профессіи по внутреннему влеченію, а предпочитаютъ идти за теченіемъ въ надеждѣ найти себѣ уголокъ потеплѣе. Вслѣдствіе этого въ общественныхъ учрежденіяхъ убивается духъ жизни и на его мѣсто водворяется рутина, лишаящая ихъ довѣрія со стороны общества.

Итакъ, отмѣченное нами соціальное зло, состоящее въ потерѣ обществомъ уваженія къ авторитету, можетъ быть устранено *только* совокупными усиліями семьи, школы и общественныхъ учрежденій.

Н. Гр.

Русское духовенство въ Галиціи ¹⁾.

Кромѣ сильнаго распространенія въ народѣ невѣрія, или же индифферентизма въ вѣрѣ и партійности въ средѣ самаго духовенства, къ числу неблагопріятныхъ условій пастырской дѣятельности галицко-русскаго духовенства должны быть отнесены: угнетенное, или, въ крайнемъ случаѣ, приниженное положеніе греко-католическаго обряда въ Галиціи, неправильная постановка религіозно-нравственнаго воспитанія русской молодежи въ школѣ и малочисленность священниковъ, сравнительно съ общимъ русскимъ населеніемъ Галиціи и, въ частности, съ количествомъ греко-католической паствы отдѣльныхъ приходо́въ.

¹⁾ См. № 8 за 1903 годъ.

Угнетенное, или, въ крайнемъ случаѣ, приниженное положеніе греко-католическаго обряда въ Галиціи съ особенною рельефностію выражается въ пренебрежительномъ отношеніи мѣстной власти и даже низшей администраціи, каковая въ Галиціи преимущественно польская, къ русскимъ праздникамъ и церковнымъ торжествамъ. Въ Галиціи весьма нерѣдко практикуется и теперь такое же отношеніе къ русской греко-католической церкви и ея обряду, какое существовало въ давно прошедшее время въ Польшѣ. Чаще всего бываетъ такъ, что представители мѣстной администраціи, разумѣется, поляки, назначаютъ разныя собранія крестьянъ русскихъ въ селахъ и мѣщанъ въ городахъ, или же вызываютъ ихъ въ судебныя учрежденія для допросовъ, или же производятъ сборы повинностей въ самые большіе праздники русскіе, и притомъ именно въ часы, назначенные для совершенія богослуженія. Въ послѣднее время, подъ вліяніемъ общаго усиленія польскаго господства въ Галиціи, случаи подобнаго пренебрежительнаго отношенія къ русскимъ праздникамъ и вообще къ религіозно-правственнымъ потребностямъ и запросамъ русскаго населенія сдѣлались особенно частыми.

Вотъ нѣсколько примѣровъ подобнаго отношенія. Въ городѣ Любачевѣ, населенномъ почти исключительно русскими, громадскій секретарь Козеровскій, полякъ, вызвалъ всѣхъ русскихъ мѣщанъ къ себѣ въ канцелярію на 10 час. утра 14 сентября 1901 г., въ праздникъ Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня. 6 августа 1902 г. въ г. Тоусте явился экзекуторъ уѣзднаго суда въ Грималовѣ, Вильчинскій, для сбора налога на собакъ. Несмотря на то, что жители этого города, почти исключительно русскаго обряда, указывали на всю неумѣстность и даже незаконность такого сбора въ великій русскій праздникъ, чиновникъ-полякъ произвелъ экзекуцію сбора налога на собакъ какъ разъ въ то время, когда въ храмѣ совершалась Божественная литургія.

Такіе факты являются странными и обидными для галицко-русскаго населенія особенно потому, что существуютъ прямыя и

рѣшительныя распоряженія высшей власти о томъ, чтобы ни суды, никакія вообще правительственныя учрежденія и лица не отвлекали русскихъ жителей Галиціи отъ дома въ дни русскихъ праздниковъ. Впрочемъ, это самое обычное правило польскаго права: высшая власть издаетъ самыя строгія распоряженія касательно непритѣсненія русскихъ, а низшая администрація всячески тѣснить и давить ихъ, а когда русскіе начнутъ жаловаться, то высшая власть наивно указываетъ имъ на свои гуманныя и либеральныя распоряженія касательно ихъ.

Но прискорбиѣе всего то, что въ пренебрежительномъ отношеніи къ русскимъ праздникамъ и вообще къ религіознымъ и церковнымъ обычаямъ галицко-русскаго народа повинно даже само духовенство русское, особенно молодое и именно украинофильскаго направленія. Въ повременной печати намъ приходилось читать жалобы самихъ же русскихъ на то, что духовенство украинофильской партіи пренебрежительно относится къ церковнымъ праздникамъ и уставамъ, назначая, напр., прогулки и вечера съ танцами во время поста, или же наканунѣ праздниковъ.

Еще больше доброе пастырское вліяніе русскаго духовенства на своихъ прихожанъ и въ особенности на молодое поколѣніе парализуетъ въ высшей степени ненормальное положеніе дѣла съ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ русской молодежи въ школахъ. Положеніе это до такой степени печально, что едва ли гдѣ-либо въ другой странѣ и съ другимъ народомъ что нибудь подобное практикуется.

Прежде всего, далеко не во всякой нижней школѣ, часто состоящей преимущественно изъ русскихъ дѣтей, имѣется русскій священникъ-законоучитель, такъ называемый катихитъ. Польская администрація пользуется всякимъ случаемъ для того, чтобы законоучителемъ въ школѣ былъ латинскій ксендзъ, которому поручается обучать закону Божию и русскихъ дѣтей. Такимъ образомъ, русскіе греко-католики уже съ дѣтскихъ лѣтъ отдаляются отъ своего пастыря и постепенно привыкаютъ къ латинскому ксендзу.

Управленіемъ низшихъ народныхъ школъ завѣдуетъ особый училищный совѣтъ („школьная рада“), председателемъ и вліятельными членами котораго обыкновенно бывають поляки. Совѣтъ и пользуется всякимъ случаемъ для того, чтобы возможно болѣе парализовать доброе пастырское вліаніе русскихъ священниковъ на дѣтей своего народа. Съ этою же цѣлью совѣтъ старается, гдѣ только возможно, унижать русскихъ католиковъ предъ латинскими. Такъ, напр., въ испытательныя комиссіи на экзамены въ народныхъ школахъ делегатами-экзаменаторами по Закону Божію назначаются преимущественно латинскіе ксендзы и притомъ именно въ такія школы, въ которыхъ учатся преимущественно, почти исключительно, русскія дѣти. Несмотря на самыя сильныя протесты со стороны русскихъ, этотъ порядокъ практикуется и доселѣ и, очевидно, будетъ практиковаться до тѣхъ поръ, пока училищные совѣты не будутъ состоять изъ двухъ філій (отдѣленій)—польской и русской, чего желаютъ и сами русскіе.

Дѣло съ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ русскихъ дѣтей въ среднихъ школахъ—гимназіяхъ еще хуже того обстоитъ. И здѣсь, какъ и въ низшихъ школахъ, бываетъ нерѣдко, что русскіе гимназисты остаются безъ своего катихита и слушаютъ уроки Закона Божія вмѣстѣ съ католическими товарищами у латинскаго ксендза. Но даже и тамъ, гдѣ есть русской катихитъ, дѣло часто стоитъ весьма неправильно, что зависитъ частію отъ общей постановки преподаванія закона Божія въ средней школѣ, частію же и, главнымъ образомъ, отъ приниженаго положенія русскихъ катихитовъ въ этой школѣ.

„Хотя“, говоритъ одинъ изъ видныхъ публицистовъ галиційскихъ, „ въ гимназіяхъ нашихъ наука религіи есть обязательный предметъ и занимаетъ въ школьныхъ свидѣтельствахъ даже первое мѣсто, однако, этого еще далеко не достаточно, чтобы правила Христовой науки перешли въ плоть и кровь ученика и стали руководствомъ его будущей жизни. Не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что нынѣ многіе абн-

турієнты, оставляющіе разъ на-всегда гимназію, не обладаютъ изъ христіанскаго ученія даже такимъ запасомъ свѣдѣній, какой имѣютъ порядочно воспитанныя сельскія дѣти, окончившія лишь сельскую школу. Теперь самое обыкновенное явленіе, что многіе абитуриєнты, желающіе поступить въ семинарію, только передъ т. н. экзаціею на-скоро изучаютъ шесть правдъ (истинъ) вѣры, семь главныхъ грѣховъ, десять заповѣдей Божіихъ и пр. О томъ же, чтобы такой „зрѣлый“ юноша имѣлъ страхъ Господень, чтобы его жизнь была проникнута христіанскою этикою, терпимостію и т. п., нѣтъ и рѣчи. Неудивительно, поэтому, что первымъ подвигомъ такихъ „зрѣлыхъ“ гражданъ является исповѣданіе изреченія царя Давида: „рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“. Соотвѣтственно этому же принципу развивается и дальнѣйшая пылкая юношеская жизнь такихъ „зрѣлыхъ“ гражданъ, изобилующая подвигами дикости...

Мы далеки отъ того, чтобы считать катихитовъ гимназій главными и тѣмъ болѣе единственными виновниками упадка религіозной морали среди учащейся молодежи. Положеніе законоучителей бываетъ часто прямо невыносимымъ. Находясь среди элементовъ, равнодушно относящихся ко всему, что касается религіи, катихитъ, естественно, не пользуется среди учениковъ авторитетомъ, какой онъ долженъ былъ бы имѣть. Если законоучитель внушаетъ ученикамъ любовь и уваженіе къ ближнимъ, кто бы онъ ни былъ, слѣдовательно, ко всѣмъ людямъ безъ исключенія, а свѣтскій учитель своимъ поведеніемъ прямо парализуетъ ученіе катихита и похваляетъ глупыя выходки юнцевъ, то ясно, что самыя усердныя старанія законоучителей останутся безъ всякаго успѣха. Для того, чтобы сколько нибудь усилить вліяніе катихитовъ на ихъ учениковъ и чтобы послѣдніе оставляли гимназію проникнутыми духомъ Христова ученія, необходимо, по крайней мѣрѣ, ввести экзаменъ зрѣлости и по наукѣ религіи. Теперь ученикъ долженъ выдержать экзаменъ зрѣлости по языкамъ: латинскому, греческому, нѣмецкому, польскому, по исторіи и мате-

матикъ, а религія, которая служить вѣнцомъ науки, упущена изъ вида... Ученикъ, зная напередъ о томъ, что по предмету религіи ему не нужно держать экзамена зрѣлости, трактуетъ этотъ предметъ, какъ самый маловажный, относится къ нему равнодушно и, благодаря этому, въ теченіе гимназическаго курса забываетъ изъ закона Божія то, что онъ вынесъ изъ своего родительскаго дома.

Нельзя сказать однако, чтобы и сами русскіе катихиты были совершенно неповинны въ печальномъ положеніи религіозно-нравственнаго воспитанія русской молодежи. Въ періодической галицко-русской печати отмѣчались примѣры такихъ русскыхъ катихитовъ, которые, какъ, напр., Θεодоръ Костишинъ, катихитъ въ школѣ св. Антонія во Львовѣ, учить закону Божию *русскихъ дѣтей по польски*. Есть несомнѣнно и такіе катихиты, которые болѣе или менѣе равнодушно относятся къ исполненію своихъ законоучительскихъ обязанностей

Нынѣшній митрополитъ Андрей Шентицкій, повидимому, намѣренъ обратить самое серьезное вниманіе на преподаваніе закона Божія русскимъ дѣтямъ въ низшихъ и среднихъ школахъ. Въ своемъ посланіи, по поводу вступленія на митрополию, онъ обращается ко всѣмъ вообще катихитамъ народныхъ школъ съ такими словами: „буду помогать хорошей катихизаціи дѣтей. Не будетъ въ моихъ глазахъ хорошимъ священникомъ тотъ, въ селѣ котораго дѣти не будутъ знать катихизиса. Катихизація есть первая и самая важная обязанность пастыря. Кто не исполняетъ ея, того вполне справедливо можно упрекнуть въ совершенно безсовѣстномъ отношеніи къ своему пастырскому долгу. Наоборотъ, кто заботится о школьной молодежи и воспитываетъ изъ нея хорошихъ христіанъ, тотъ заслуживаетъ глубокой признательности. Въ виду этого, при визитаціяхъ буду обращать особенное вниманіе на катихизацію и, помимо каноничнаго обзорѣнія, не буду упускать случая, чтобы убѣдиться, насколько школьная молодежь обучена истинамъ христіанской вѣры“.

Въ томъ же самомъ своемъ пастырскомъ посланіи митрополитъ проситъ и обязываетъ всѣхъ катихитовъ среднихъ школъ доставлять ему самые подробные и точные отчеты о состояніи учащейся русской молодежи и обращать особенное вниманіе на тѣхъ молодыхъ людей, которые изъявляютъ желаніе поступить въ духовную семинарію.

Наконецъ, одно изъ самыхъ неблагопріятныхъ условій пастырской дѣятельности галицко-русскаго духовенства составляетъ, какъ сказано, малочисленность галицко-русскаго духовенства сравнительно съ общимъ числомъ русскаго греко-католическаго населенія Галиціи. При 3.103 410 чел. всего галицко-русскаго населенія, въ трехъ епархіяхъ галицко-русской митрополіи насчитывается всѣхъ священниковъ только 2,423 (967 во Львовской, 900 въ Перемышльской и 556 въ Станиславовской епархіяхъ), притомъ вмѣстѣ съ монахами-базилианами.

Въ виду особеннаго, исключительнаго положенія духовенства въ средѣ галицко-русскаго народа, гдѣ священникъ является не только пастыремъ, но и учителемъ, совѣтникомъ и руководителемъ своего народа, опекуномъ вдовъ и сиротъ его, посредникомъ между властію и народомъ русскимъ, это количество русскихъ священниковъ въ Галиціи является безусловно недостаточнымъ.

Галицко-русское духовенство само сознаетъ это и настоятельно, хотя и безуспѣшно, домогается увеличенія числа русскихъ священниковъ въ Галиціи. Вопросъ объ этомъ предполагалось возбудить и на конгрессѣ всего католическаго духовенства Австріи, къ которому желало примкнуть и русское духовенство въ Галиціи и который предполагалось созвать въ 1901 году. Одинъ изъ инициаторовъ этого дѣла такъ мотивировалъ необходимость увеличенія числа русскихъ священниковъ въ Галиціи. „Въ то время, какъ, напр., въ другихъ провинціяхъ (Каринтія, Сирія, Крайнѣ, Верхней Австріи и пр.), говоритъ онъ, „на одного пастыря приходится приблизительно по 444—938 душъ, нашъ, т. е. га-

лицко-русскій пастырь долженъ имѣть попеченіе приблизительно о 1131—1702 душахъ. Сколько у насъ священниковъ, вдвое столько церквей, а школъ еще больше! Гдѣ же физическія (другія оставляю въ сторонѣ) силы для удовлетворенія такимъ великимъ и сложнымъ обязанностямъ? То не штука—быть канонически поставленнымъ настоятелемъ прихода въ 2000 душъ: но кто изъ насъ въ силахъ на самомъ дѣлѣ пасти этихъ 2000 Христовою кровію искупленныхъ людей, какъ училъ и велѣлъ пасти Христосъ? Изъ этого слѣдуетъ, что мы должны всѣми силами помогать, чтобы въ приходахъ съ населеніемъ свыше 1200 душъ назначались на счетъ „религійнаго фонда“ сотрудники священникамъ и, кромѣ того, на счетъ того же фонда поставлены были при школахъ особые катихиты. Ибо требовать отъ пастыря, которому ввѣряются 2000 нашихъ крестьянъ, или мѣщанъ, чтобы онъ исполнялъ среди нихъ, какъ слѣдуетъ, апостольское и культурно-просвѣтительное служеніе, положительно немыслимо“.

Затруднительное положеніе галицко-русскихъ священниковъ, въ виду крайней малочисленности ихъ сравнительно съ обширностію приходоу и общимъ числомъ русскаго населенія въ Галиціи, увеличивается еще значительно въ виду слѣдующаго обстоятельства.

Всѣ русскія церкви въ Галиціи раздѣляются на два разряда: 1) *церкви матерныя*, т. е. самостоятельныя приходскія и 2) *церкви дочерныя*, т. е. приписныя къ самостоятельнымъ. Количество *дочерныхъ* церквей довольно значительно. Такъ, напр., во Львовской епархіи въ 1900 году *матерныхъ* церквей числилось 751 и *дочерныхъ* 496; въ Перемышльской епархіи къ началу 1902 г. *матерныхъ* церквей было 712 и *дочерныхъ* 572 (относительно Станиславовской епархіи точныхъ свѣдѣній не имѣется; но можно думать, что и тамъ отношеніе *дочерныхъ* церквей къ *матернымъ* такое же, какъ и въ остальныхъ двухъ епархіяхъ). Кромѣ *дочерныхъ* церквей, при нѣкоторыхъ *матерныхъ* церквахъ имѣются каплицы; напр., во Львовской епархіи въ 1900 г. таковыхъ каплицъ

было 28. Еще характернѣе въ данномъ случаѣ свѣдѣнія объ отношеніи *матерныхъ* и *дочерныхъ* церквей въ отдѣльныхъ приходахъ. Есть, напр., приходы, которые имѣютъ въ себѣ, при одной *матерней*, по двѣ и даже по три *дочерныхъ* церкви, при чемъ не всегда настоятели такихъ приходовъ имѣютъ у себя сотрудниковъ. Повятно теперь, какъ неблагопріятно все это должно отзываться на пастырской дѣятельности русскихъ священниковъ въ Галиціи. Несомнѣнно, что, вслѣдствіе многочисленности паствы, множества церквей и школъ въ приходѣ, русскіе священники въ Галиціи физически не могутъ быть вполне исправными не только въ дѣлѣ пастырства и катихизаціи, но даже и въ отношеніи священнослуженія. Сами галицко-русскіе священники, какъ мы видѣли, желаютъ облегчить свое положеніе чрезъ увеличеніе т. н. *систематизированныхъ* (т. е. штатныхъ) сотрудниковъ. Но едва ли эта мѣра можетъ быть признана дѣйствительною и радикальною. Сотрудникъ, какъ псамостоятельный и временный дѣятель, не можетъ замѣнить настоящаго пастыря, дѣятеля самостоятельнаго и отвѣтственнаго. Поэтому, гораздо полезнѣе для дѣла было бы образованіе самостоятельныхъ „приходовъ“ при каждой церкви т. н. дочерней, разумѣется, при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы правительство на счетъ т. н. „религійнаго фонда“ вознаградило теперешнихъ галицко-русскихъ священниковъ, матеріальные интересы которыхъ, при такой реформѣ, обязательно должны пострадать, и обезпечило бы матеріальное положеніе новыхъ „приходниковъ“.

Что касается церквей галицко-русскихъ, то со стороны своего ви́шняго благоустройства онѣ весьма разнообразны. Въ этомъ отношеніи существуетъ большое различіе, прежде всего, между городскими и сельскими церквями. Городскія церкви въ Галиціи преимущественно каменные, просторныя, свѣтлыя и довольно красивой архитектуры, представляющей оригинальное смѣшеніе византійскаго съ западно-европейскимъ стилемъ. Самыя лучшія церкви находятся несомнѣнно во Львовѣ, главномъ городѣ Галиціи. Есть между ними и весьма

дорогія, по своей судьбѣ, для всякаго православно-русскаго человѣка. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи должно быть, безспорно, отведено церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, находящейся на улицѣ Русской, рядомъ съ зданіемъ Ставропигійскаго института, и извѣстной подъ именемъ *Волошской*. Называется она такъ потому, что построена на средства Волошскихъ (Молдавскихъ) господарей. Построена эта церковь въ XVI в. на мѣстѣ прежней церкви, существовавшей съ начала XVI в. и сгорѣвшей въ 1527 г. Въ XVII в. она была значительно расширена на средства Молдавскихъ господарей изъ рода Могиль и освящена въ 1631 г. Рядомъ съ церковью находится высокая, 6—7 ярусная колокольня, имѣющая форму башни и устроенная въ 1570—1580 гг. Константиномъ Корніактомъ. Церковь и колокольня построены изъ тесаннаго камня, въ стилѣ *renaissance*, изобилуютъ пилястрами и арками съ дорическимъ карнизомъ и скульптурными украшеніями. Великолѣпный храмъ увѣнчивается 3 куполами. Церковь сравнительно невелика, но свѣтла и уютна. Она представляетъ продолговатый 4-угольникъ, заканчивающійся полукруглымъ абсидомъ. 4 тосканскія колонны дѣлятъ храмъ по длинѣ его на три части, изъ коихъ первую и третью покрываютъ крестообразно пересѣкающіеся своды, а надъ среднею, оканчивающеюся стрѣльчатыми аркадами, возвышается куполь, украшенный гербами московскихъ великихъ князей, польскихъ королей и молдавскихъ господарей. Другой куполь находится надъ хорами, при входѣ въ храмъ, а третій надъ алтарною частію. Иконостасъ—XVII в., невысокій, въ стилѣ *rococo*. Съ лѣвой стороны церкви, во дворѣ, находится часовня, построенная въ 1672 г., украшенная снаружи и внутри оригинальными барельефами и вообще представляющая драгоценный архитектурный памятникъ въ византійскомъ стилѣ.

Не менѣе замѣчательна и церковь св. Георгія, или, какъ во Львовѣ принято выражаться, св. Юра, кафедральный храмъ, при которомъ находится резиденція галицко-русскаго митрополита. Храмъ этотъ построенъ въ половинѣ XVIII в. львов-

скими униатскими епископами—Аванасіемъ и Леонтіемъ Шептицкими для монаховъ-базилианъ, на мѣстѣ принадлежавшей послѣднимъ древней деревянной церкви. Въ 1817 г. базилиане были переведены къ церкви св. Онуфрія, а монастырь ихъ былъ превращенъ въ кафедральную капитулу, при чемъ храмъ св. Юра сдѣлался митрополичьею церковью. Особенно замѣчательно мѣстоположеніе храма. Онъ находится на высокой горѣ, господствующей надъ Львовомъ. Величественный храмъ имѣетъ форму греческаго креста, устроенъ въ стилѣ готтоссо, зданіе увѣнчивается красивыми широкими куполами, фасадъ украшенъ конною статуею св. великомуч. Георгія Побѣдоносца, а всѣ колонны и пилястры—красивыми вазами. Внутри храмъ св. Юра, въ отличіе отъ Волошской церкви, болѣе похожъ на католическій костель, чѣмъ на униатскую церковь. Алтарь находится въ западной сторонѣ, иконостаса почти нѣтъ, иконы очень малы, почти незамѣтны и развѣшаны на колоннахъ, стѣны храма, вмѣсто иконъ, украшены портретами митрополитовъ львовскихъ, а въ правомъ углу церкви возвышается громадная фигура папы Пія IX, по сторонамъ храма — нѣсколько открытыхъ престоловъ и между ними конфессіоналы (исповѣдальни).

Изъ другихъ церквей Львова замѣчательны или своею древностію, или оригинальною архитектурою, или же сравнительнымъ благоустройствомъ еще слѣдующія русскія церкви: св. Онуфрія при базилианскомъ монастырѣ, св. Параскевы съ 5-ти яруснымъ, совершенно православнымъ, богато раззолоченымъ иконостасомъ, св. Николая, св. Духа при семинаріи и еще только строящаяся новая кафедральная церковь.

Въ Перемышлѣ замѣчателенъ кафедральный храмъ св. Іоанна Предтечи, въ Галичѣ церковь Богородичная и въ Краковѣ единственная униатская (этимъ и ограничивается ея знаменитость) церковь во имя св. Бенедикта.

Сельскія церкви намъ не пришлось видѣть вблизи. Сколько можно заключить по наблюденіямъ, сдѣланнымъ изъ вагона желѣзной дороги, которая, пересѣкая Галицію поперекъ, даетъ

путешественнику возможность сравнительно широкаго наблюденія, сельскія церкви въ Галиціи преимущественно деревянныя, незатѣйливой архитектуры. Въ глаза ярко бросается мизерность и бѣдность уніатскихъ церквей по сравненію съ возвышающимися гордо рядомъ съ ними римско-католическими костелами. Сразу видно, что если въ такихъ центрахъ Галицкой Руси, какъ Перемышль и особенно Львовъ, унія стоитъ еще болѣе или менѣе прочно, то въ селахъ она уже совершенно подавлена католичествомъ.

Судя по печатнымъ извѣстіямъ, внутреннее устройство и украшеніе большинства уніатскихъ церквей въ Галиціи, особенно же сельскихъ, отличается поразительною бѣдностью, крайнимъ убожествомъ. Объясняется это тѣмъ, что русское населеніе Галиціи, состоящее, какъ мы выше видѣли, преимущественно изъ крестьянъ и мелкихъ мѣщанъ, очень бѣдно, а въ послѣдніе годы особенно обѣднѣло.

Для воспособленія приходамъ, которые отъ времени до времени рѣшаются строить новыя, или же ремонтировать старыя церкви, въ Галиціи существуетъ особый „фондъ построенія новыхъ и обновленія старыхъ“ уніатскихъ церквей. По львовской епархіи въ 1901 г. этотъ фондъ равнялся 8.766 кор. 95 гел.

Кромѣ того, въ галицко-русской церкви существуетъ особое общество подъ именемъ „Ризницы“. Ближайшая цѣль этого симпатичнаго общества заключается въ снабженіи галицко-русскихъ церквей различными предметами церковной утвари.

Въ Галиціи вся торговля сосредоточена въ рукахъ евреевъ. Эти послѣдніе были прежде поставщиками и всѣхъ предметовъ церковной утвари для галицко-русскихъ церквей. Религіозное чувство ревнителей галицко-русской церкви давно возмущалось этимъ ненормальнымъ явленіемъ. Къ тому же еврейскія фирмы, по обыкновенію своему, страшно эксплуатировали галицко-русскія церкви и духовенство. Тогда и возникла среди нѣкоторой части галицко-русскаго духовенства

мысль объ освобожденіи церкви отъ еврейской зависимости и эксплуатаціи путемъ учрежденія общества подъ именемъ „Ризницы“. Основной капиталъ общества образовался изъ членскихъ взносов преимущественно отъ самихъ же церквей и священниковъ. „Ризница“ выдѣлываетъ и торгуетъ всѣмъ, что необходимо для церквей: сосудами, крестами, иконами, облаченіями и т. п. Ближайшая цѣль учрежденія „Ризницы“—освобожденіе галицко-русскихъ церквей отъ зависимости со стороны еврейскихъ эксплуататоровъ—была скоро и весьма успѣшно достигнута. Еврейскія фирмы, богатѣвшія торговлею церковными вещами, прекратили свое существованіе, а христіанскія фирмы, однородныя съ обществомъ „Ризницей“, значительно понизили цѣны на всѣ предметы церковно-богослужебнаго обихода. Но задача „Ризницы“—далеко не исключительно торгово-промышленная. Общество это есть церковное и въ высокой степени гуманно-благотворительное. „Ризница“ даетъ 40% чистаго своего дохода въ пользу фонда вдовъ и сиротъ галицко-русскаго духовенства, 10% отлагаетъ въ капиталъ, собираемый для учрежденія пріюта-богадѣльни для совершенно неимущихъ вдовъ и сиротъ священническихъ, даетъ мѣста крайне бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ священниковъ въ своихъ магазинахъ и швейняхъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ссужаетъ въ долгъ церкви и братства церковными вещами и, сверхъ всего этого, роздала до 1000 кор. нуждающимся церквамъ и бурсамъ (низшимъ русскимъ училищамъ). Въ самое послѣднее время среди галицко-русскаго духовенства и ближайшимъ образомъ среди управителей „Ризницы“ возникла мысль объ учрежденіи на собранный „Ризницею“ капиталъ, вмѣсто проэктированнаго пріюта для вдовъ и сиротъ, которая съ 1896 г. пользуются пенсіей, училища для дѣвочекъ—дочерей галицко-русскаго духовенства. Вопросъ объ этомъ возбужденъ на одномъ изъ послѣднихъ собраній „Ризницы“ и, къ сожалѣнію, вызвалъ сильный расколъ среди галицко-русскаго духовенства, дотолѣ согласно участвовавшаго въ дѣятельности и сочувствовавшаго интересамъ „Ризницы“.

Причина происшедшаго раскола, впрочемъ, заключается не въ самой дѣятельности „Ризницы“. Эта причина коренится въ господствующей среди галицко-русскаго духовенства партійной борьбѣ.

Дѣло въ томъ, что завѣдываніе дѣлами „Ризницы“ до послѣдняго времени находилось въ рукахъ духовенства, принадлежащаго къ старо-русской, или народно-русской партіи. Въ то же самое время единственное во всей Галиціи женское учебное заведеніе, въ которомъ доселѣ могли получать образованіе,—скольکو-нибудь удовлетворительное и соотвѣтственное интересамъ русскаго народа вообще и, въ частности, русской церкви и духовенства въ Галиціи,—именно женскій институтъ въ Перемышлѣ перешелъ недавно въ руки сторонниковъ младо-русской, или украинофильской партіи, крайнихъ сепаратистовъ, которые стремятся всячески оттереть отъ института не только духовенство народно-русской партіи, но и вообще, обѣлое духовенство. Въ виду этого среди членовъ и дѣятелей „Ризницы“ возникла симпатичная мысль основать свой женскій институтъ, въ которомъ могли бы воспитываться дочери духовенства. Но противъ этого проэкта со всею рѣшительностію выступили члены „Ризницы“, принадлежащіе къ украино-фильской партіи, и въ своемъ ожесточеніи противъ своихъ же собратьевъ дошли до того, что объявили даже бойкотированіе „Ризницы“... Печальная картина этого бойкотированія, чрезвычайно ярко характеризующая нравы галицко-русскаго духовенства и особенно извѣстной части его, и нынѣ продолжаетъ смущать всѣхъ преданныхъ и благоразумныхъ членовъ галицко-русской церкви.

Священникъ *Θ. Титовъ*.

Наблюденія и замѣтки сельскаго священника.

Недавно со мною случилось слѣдующее обстоятельство. Дѣло происходило во время призыва подлежащихъ отбыванію воинской повинности. Пришлось мнѣ быть въ „сборнѣ“ нашего села. Одинъ крестьянинъ обратился ко мнѣ съ такимъ вопросомъ: почему его сына теперь не призываютъ, тогда какъ ровестниковъ его призываютъ? Я справился въ метрикахъ, — и оказалось, что сына этого крестьянина я пропустилъ, не внесъ въ выпись о призываемыхъ. А ошибка вышла потому, что сынъ его былъ совсѣмъ пропущенъ въ метрикахъ, и только по слѣдствію установлено было, что онъ родился 20 мая 1881 года. Указомъ консисторіи предписано было внести эту статью о крещеніи въ концѣ 1-й части о родившихся, т. е. уже послѣ засвидѣтельствованія книги благочиннымъ. Когда я дѣлалъ выписъ призываемыхъ съ 1 октября 1880 года по 1 октября 1881 года, то выписалъ всѣхъ, а на него и не обратилъ вниманія, такъ какъ онъ не записанъ былъ въ ряду. Увидѣвши свою ошибку, я въ тотъ же день рѣшилъ ѣхать въ село, гдѣ еще производился пріемъ новобранцевъ (верстахъ въ 30); туда же повезли и призывавшаго, пропущеннаго мною, парня. Его признали *годнымъ*, но не приняли, а оставили до слѣдующаго года, если только изъ принятыхъ раньше кто-либо не окажется не годнымъ.

Много тревоженій пережила по этому поводу семья крестьянина, не мало переволновался и я самъ. Да, нужно какъ можно тщательнѣе дѣлать выписи призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности; нужно, добавлю, просматривать статьи о родившихся *до конца года*, а не до октября только, потому что могутъ быть такіе случаи, что рожденіе было до октября извѣстнаго года, а крещеніе совершено послѣ: или же, какъ въ данномъ случаѣ, майское рожденіе и крещеніе были записаны въ концѣ года. Считаю нужнымъ подѣлиться свѣдѣніями объ этомъ „инцидентѣ“ со мною для того, чтобы съ кѣмъ-либо не случилось подобное же.

А еще раньше со мною произошел такой неприятный случай. Крестьяне нашего села, въ количествѣ приблизительно 60 семействъ, переселились въ Томскую губернію. Нѣкоторыя семьи приписались тамъ, а инья живутъ и до сихъ поръ безъ приписки. Мы обыкновенно каждый годъ представляемъ въ волостное правленіе метрическія выписи о призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности, а волостное правленіе выписи о призываемыхъ, живущихъ въ Томской губ., пересылаетъ въ Томскую губ., по мѣсту ихъ жительства.

Разъ я получаю *грозную* бумагу изъ одного воинскаго присутствія Томской губ.: почему мною не представлена была выпись объ одномъ призываемомъ, рожденномъ и крещенномъ у насъ?—Благо, что я, по совѣту одного священника, писавшаго, кажется, въ „Руков. для сельск. пастырей“, оставляю копіи съ выписей, которыя дѣлаю ежегодно. Я нашелъ нужную копію, разыскавъ въ разносной книгѣ расписку сельскаго писаря, которому передана была выпись, и тотчасъ же написалъ въ волостное правленіе отношеніе съ просьбою выслать мнѣ справку, когда была отправлена выпись о призываемомъ, о которомъ возбуждена переписка. Волостное правленіе прислало справку, и я ее отправилъ въ воинское присутствіе, изъ котораго получилъ *грозную* бумагу. Новаго запроса уже не было, и тѣмъ дѣло и кончилось.

Этотъ случай показываетъ, что непременно нужно оставлять у себя копіи съ выписей о призываемыхъ. Еще лучше представлять въ волостное правленіе *два* экземпляра таковыхъ выписей съ тѣмъ, чтобы оно *копію* возвращало съ надписью: „съ подлиннымъ вѣрно“; эти копіи нужно хранить при документахъ церковныхъ, а также, конечно, нужно хранить и разносныя книги.

Далѣе, нужно какъ можно тщательнѣе дѣлать эти выписи, а то бываютъ часто недоразумѣнія, особенно съ именами, часто повторяющимися, какъ *Иванъ* и т. п. Можно очень легко, если въ семьѣ два брата *Ивана*, живого отмѣтить умершимъ и наоборотъ. Пришлось мнѣ какъ-то въ консисторіи,

куда я пріѣхалъ по дѣламъ, встрѣтиться съ однимъ товарищемъ по семинаріи—священникомъ. Онъ былъ грустенъ. На мой вопросъ: почему онъ здѣсь, въ консисторіи, и почему грустенъ,—онъ отвѣчалъ, что вызванъ въ консисторію „по дѣлу объ ошибкѣ при составленіи выписи о призываемыхъ“: діаконъ живого Ивана отмѣтилъ умершимъ—было два брата Ивана.

Слѣдуетъ прежде всего при крещеніи спрашивать, нѣтъ ли въ семьѣ, и особенно у родителей крещаемого, лица съ именемъ, которое предполагается дать новорожденному, и если есть, то лучше дать другое имя. Трудныхъ для произношенія именъ совсѣмъ не нужно давать, о чемъ уже много разъ рассылались указы.

Составленія выписей о призываемыхъ не слѣдуетъ поручать причетникамъ. Хорошо составлять ихъ такимъ членамъ причта, которые долго живутъ въ приходѣ, и потому знаютъ составъ семей прихожанъ; еще лучше, конечно, составлять эти выписи не одному лицу, а совмѣстно всѣмъ членамъ причта: документы эти очень важны.

Одинъ дѣлопроизводитель уѣзднаго воинскаго присутствія жаловался мнѣ, что „выписи о призываемыхъ часто представляются въ присутствіе очень небрежно. Когда присутствіе сдѣлаетъ запросъ причту, почему невѣрно составлена выпись, священники ссылаются обыкновенно на то, что выпись сдѣлана діаконѣмъ, или псаломщикомъ: а эти послѣдніе, въ оправданіе себя, представляютъ часто безграмотно написанныя извиненія. Переписки бываетъ масса“ (и все—отъ небрежности причта, а вѣрнѣе—отъ невниманія къ дѣлу священника, чего не должно быть).

Затруднительно теперь пріискивать умершихъ, записанныхъ въ призывныя выписи,—приходится смотрѣть или вѣрнѣе—искать по лѣтамъ умершихъ. *Слѣдовало бы измѣнить форму 3-й части—„О умершихъ“ нашихъ метрикъ: нужно бы сдѣлать графу для именъ умершихъ, какъ это сдѣлано въ 1-й части—„О родившихся“,—тогда удобнѣе было бы пріискивать ихъ.*

Теперь часто въ выписяхъ о призываемыхъ, въ граффъ: „если умеръ, то годъ и мѣсяцъ и число смерти“ пишется: „умеръ, но въ метрикахъ оказался не записаннымъ“, потому что очень трудно отыскать всѣхъ умершихъ: чтобы отыскать, нужно прочитывать полностью всѣ статьи объ умершихъ за извѣстные годы. Пропуски умершихъ бываютъ, надо полагать, больше потому, что часто причты правятъ погребеніе не надъ самыми младенцами, а послѣ, т. е., прихожане сами хоронятъ, а послѣ уже отправляется погребеніе. Такъ дѣлать не слѣдуетъ: всегда могутъ быть пропуски въ записяхъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что метрики и вообще церковные документы нужно писать крѣпкими чернилами, такъ какъ отъ времени даже и хорошія чернила выцвѣтають, не говоря уже о плохихъ. Кошіи съ метрикъ лучше писать тѣмъ лицамъ причты, которыя долго живутъ въ приходѣ: они хорошо знаютъ прихожанъ, и потому меньше могутъ допустить ошибокъ въ записи статей.

При опросѣ нужно громче и отчетливѣе спрашивать, напр., имена родителей крещаемыхъ и т. п., потому что прихожане часто путають: вмѣсто именъ родителей называютъ имена восприемниковъ и т. п. Особенно нужно быть внимательнымъ, когда приходится крестить въ одинъ разъ нѣсколькихъ дѣтей: а также нужно хорошо допрашивать: мальчикъ или дѣвочка? Недавно въ одномъ приходѣ былъ такой случай: крестили дѣвочку, а оказался мальчикъ. Равнымъ образомъ, и восприемникамъ нужно отчетливѣе говорить, какое имя дано крещаемому, иначе бываютъ недоразумѣнія: хорошо не слышать, и называютъ окрещеннаго не тѣмъ именемъ, какое ему дано, а другимъ.

Хорошо было бы упростить дѣло исправленія ошибокъ, бываемыхъ въ церковныхъ документахъ. Теперь, обыкновенно, при всѣхъ неправильностяхъ записей въ метрикахъ доносится консисторіи, и назначается формальное слѣдствіе: тратится много времени и труда, бываетъ масса переписки. Гораздо цѣлесообразнѣе было бы поставить это дѣло такъ. Благочин-

ные объѣзжаютъ всѣ приходы своего округа два раза, а иногда и больше. Причты могли бы заявить благочинному о *неправильностяхъ по метрикамъ, даже и о пропускѣ крещенія и т. п.*; благочинный, съ своей стороны, могъ бы призвать родителей пропущеннаго, свидѣтелей и, совмѣстно съ причтомъ и при участіи сельскаго старосты, составить актъ и *неправильность прямо исправить, а актъ представить* въ консисторію для исправленія подлинныхъ метрическихъ книгъ, хранящихся въ архивѣ консисторіи. Меньше было бы хлопотъ для епархіальнаго начальства, меньше ихъ было бы и для духовенства, а главное—для прихожанъ, для которыхъ слишкомъ обременительна и тягостна вся теперешняя процедура: *вѣдь они страдаютъ въ данномъ случаѣ совершенно невинно.* Вообще нужно сказать, что у насъ есть много „дѣлъ“, которыя можно бы передать вѣдѣнію благочинныхъ. Консисторіи наши, какъ извѣстно, слишкомъ обременены „дѣлами“ (въ иныхъ консисторіяхъ ихъ бываетъ до 20000 и болѣе въ годъ), у благочинныхъ же, тѣмъ болѣе у благочинническихъ совѣтовъ, очень мало.

Напримѣръ, теперь на израсходованіе 200 руб. церковныхъ суммъ необходимо разрѣшеніе епархіальнаго начальства, тогда какъ разрѣшеніе расходованія суммъ, даже до 500 руб., можно бы предоставить благочинническому совѣту, которому ближе это дѣло и извѣстнѣе, нужно ли подобное израсходованіе. А между тѣмъ, сколько бы чрезъ одно это сократилось переписки, и выиграно было времени. Иногда бываетъ, что разрѣшеніе долго не приходитъ, а дѣло не ждетъ...

Когда я говорилъ объ измѣненіи формы 3-й части метрическихъ книгъ, я забылъ упомянуть еще, что слѣдовало бы измѣнить также и форму исповѣдныхъ книгъ нашихъ. Въ исповѣдныхъ книгахъ есть отдѣлъ: „военные“. Очень затруднительно теперь проставлять, кто такіе военные? Въ прежнее время на службѣ состояли 25, а послѣ 15 лѣтъ, и „военныхъ“ въ приходахъ было не много сравнительно. Теперь же „военныхъ“ въ селахъ почти на половину, а если принять

во вниманіе еще и „ополченцевъ“, то окажется, что почти всѣ прихожане—„военные“. „Военными“ большею частію пишутъ старыхъ солдатъ прежней службы, что, конечно, не вѣрно. Слѣдовало бы въ настоящее время вовсе уничтожить отдѣлъ „о военныхъ“ въ исповѣдныхъ книгахъ.

Еще нужно сказать, что теперь всѣ взносы съ церковей дѣлаются *по раскладкѣ*, т. е. по количеству душъ по исповѣднымъ книгамъ. Это не всегда вѣрно. Нѣкоторые причты (грѣха нечего таить) вносятъ въ исповѣдныя книги не всѣхъ прихожанъ изъ опасенія, чтобы не были увеличены штаты или по какимъ-либо другимъ причинамъ; тогда какъ остальные пишутъ всѣхъ, и на такіе приходы падаетъ больше взносовъ. Это несправедливо. Нужно бы благочиннымъ внимательнѣе слѣдить за составленіемъ причтами исповѣдныхъ книгъ. Да и самому духовенству не слѣдуетъ утаивать числа прихожанъ.

Слѣдовало бы также обратить вниманіе и на предбрачные документы. Теперь очень трудно вступать въ бракъ, особенно людямъ, не живущимъ на одномъ мѣстѣ, каковыми являются въ селахъ главнымъ образомъ бывшіе дворовые люди: имъ, часто очень бѣднымъ, приходится брать свидѣтельства—въ одномъ приходѣ о рожденіи, въ другомъ о бытіи у исповѣди и св. причастія, въ третьемъ о томъ, что женихъ холостъ, а невѣста—дѣвица; о послѣднемъ особенно затруднительно бываетъ получить документы для лицъ, проживающихъ не въ одномъ мѣстѣ, потому что причты не могутъ знать подлинно, *холостъ* ли женихъ, и *дѣвица* ли невѣста. Многіе священники по паспортамъ совсѣмъ не вѣнчаютъ, а требуютъ свѣдѣній отъ причтовъ приходоѡ, гдѣ жили намѣревающіеся вступить въ бракъ.

Нужно упростить это дѣло: слѣдовало бы вѣнчать по паспортамъ и вообще по заявленію, напр., сельскихъ старостъ, волостнаго правленія или же—всего проще—по ручательству свидѣтелей, т. е., чтобы отвѣчали за неправильно совершенный бракъ не духовенство, а *поруचितели*. Въ послѣдніе время на этотъ вопросъ обращено уже, кажется, вниманіе. Мы, съ

своей стороны, считаемъ нужнымъ заявить о томъ-же, именно, что необходимо войти въ положеніе людей, которымъ приходится претерпѣвать многу, чтобы собрать требующіеся теперь предбрачныя документы. Въ нашемъ обыскѣ 13 пунктовъ,—не мало приходится представлять, потому, и документовъ. Да и на духовенствѣ лежало-бы тогда гораздо меньше совершенно насильственно навязанной на него отвѣтственности.

Въ настоящее время всесторонне разрабатывается вопросъ объ улучшеніи сельско-хозяйственнаго положенія крестьянъ, собираются комитеты, обсуждаются условія, вырабатываются средства улучшенія быта крестьянъ. Очень жаль, что въ эти комитеты не приглашается приходское духовенство: оно ближе всего стоитъ къ народу, и потому какъ нельзя лучше знаетъ нужды народа и могло бы принести громадную пользу въ этомъ дѣлѣ. Если приходскаго духовенства не приглашаютъ на засѣданія комитетовъ, то намъ слѣдовало бы хотя путемъ печати высказать свое мнѣніе по поводу улучшенія быта крестьянъ.

Нечего и говорить, конечно, что давно уже назрѣлъ вопросъ и вообще объ измѣненіи къ лучшему условій быта приходскаго, въ особенности сельскаго, духовенства. Это измѣненіе, безъ сомнѣнія, благотвѣтельно повліяло бы и на условія быта прихожанъ—сельскихъ жителей. За границей мы видимъ, что приходское духовенство, иначе поставленное, чѣмъ у насъ, служить руководителемъ своихъ прихожанъ не только въ духовной жизни, но и въ матеріальной: оно лѣчитъ больныхъ, даетъ сельско-хозяйственные совѣты и т. п. Стало быть, уже хотя бы для одного того, чтобы лучше жилось сельскимъ обывателямъ, настоятельно необходимо улучшить во всѣхъ отношеніяхъ положеніе приходскаго духовенства, изъ среды котораго теперь, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе бѣгутъ лучшія силы.

Свящ. В. Д.

Грѣхъ о. Арсенія.

(РАЗСКАЗЪ).

Въ небольшой съ низкими потолками, бѣдно, но уютно обставленной комнатѣ сильно пахнуло лекарствами. „Святой“ уголь былъ уставленъ иконами; предъ ними еле замѣтно теплилась лампадка; тутъ же аналой съ евангеліемъ и правильникомъ съ крестомъ и епитрахилью. На дворѣ—въ полномъ разгарѣ весна. Лучи весенняго солнца весело играли по окнамъ, сквозь спущенныя шторы врывались въ комнату. Доносилось веселое щебетанье воробьевъ, шумъ весеннихъ ручейковъ.

Мы,—два священника и одинъ діаконъ,—задумчиво и печально сидѣли у постели больного и, мы знали, умирающаго нашего школьнаго товарища о. Арсенія Смирницкаго. Его еще недавно цвѣтущее здоровье было подкошено страшнымъ недугомъ—чахоткой. Теперь мы видѣли предъ собой блѣдное безъ кровинки, осунувшееся лицо, ввалившіеся въ орбиты глаза, почти прозрачныя, худыя руки. Только глаза почти не измѣнились—въ нихъ свѣтились прежній вдумчивый умъ, отраженіе печали и спокойствія, въ нихъ то вспыхивалъ, то погасалъ огонь энергіи и душевной силы. Жаль, очень жаль намъ было дорогого о. Арсенія, самоотверженнаго пастыря, истиннаго христіанина, рѣдкаго товарища, жаль было безвременно (ему было около 40 лѣтъ) угасающей жизни. А онъ такъ сильно хотѣлъ жить и трудиться,—вѣрилъ, что будетъ жить. Онъ только что говорилъ о любимомъ дѣтищѣ—церковномъ попечительствѣ, говорилъ о его успѣхахъ, о своихъ надеждахъ и планахъ. Теперь онъ задумчиво устремилъ свой взоръ на окно, сквозь которое доносился шумъ пробуждающейся природы,—и по его лицу пробѣжала тѣнь, глаза стали еще печальнѣй.

„Весна—символь молодости, разцвѣта надеждъ, время любви, грустно сказалъ онъ. А знаете ли вы, дорогіе това-

рищи, весна давно производит на меня какое-то грустное впечатлѣніе, вызываетъ томленіе духа, и даже... даже раскаяніе⁴. Сухой кашель сдавилъ его горло, и на бѣломъ платкѣ, поданномъ ему мною, появилось красное пятно. „Да, раскаяніе, нѣсколько минутъ спустя продолжалъ онъ. Я расскажу вамъ одинъ случай изъ своей жизни, который часто и теперь, по прошествіи почти пятнадцати лѣтъ, встаетъ предо мною, какъ тяжелый сонъ; не онъ ли отравилъ для меня прелесть весны?—То было весной. Я тогда только-что женился и, послѣ четырехлѣтняго учительства, пріѣхалъ сюда съ молодою женою уже священникомъ. Полный силъ и энергіи, переживая невѣдомое доселѣ чувство, идеалистъ, презиравшій зло и всей душой вѣрившій въ добро, мечтатель,—я былъ одушевленъ жаждой дѣятельности, горячимъ желаніемъ служить добру. Счастливое то было время! Бѣдность не страшила, тяжесть матеріальныхъ невзгодъ не чувствовалась и вѣрилось, вѣрилось. Кое-какъ устроились съ женою въ крестьянской избѣ и начали работать. Она стала хлопотать по устройству яслей въ школѣ, а я—по приходу. Горячо взялись мы за дѣло: днемъ—минуты не давали себѣ отдыха, а вечеромъ—чтеніе привезенныхъ съ собою книгъ и безконечные разговоры. И у насъ—мирно и счастливо, и съ крестьянами ладно.

Однажды ночью — мы только что улеглись спать — слышимъ стукъ въ окно. Накинулъ я подрясникъ, выхожу, — стоитъ почти наша сосѣдка — бѣдная старушка Авдотья, жившая съ своимъ сыномъ и невѣсткою. „Что, говорю, Авдотья?“ „Къ боли пожалуйте, батюшка, сынокъ-то что-то плохъ, — зашибся“. Я не сталъ спрашивать, посиѣшню взялъ епитрахиль, св. Дары, и за нею. „Сынокъ-то намедни, рассказала мнѣ быстро Авдотья, ѣздилъ вишь на мельницу къ Тихону хлѣбца смолоть; мѣшокъ тяжелъ что ль былъ, онъ не поостерегся, какъ-то неудобно взялъ, — что-то, сказываетъ, внутри хрустнуло, теперь лежитъ, стонетъ, говоритъ — умираю“. Плачетъ старуха. Жалко мнѣ стало и старуху и ея кормилица сына — крѣпкаго мужика, самое въ лѣтахъ. Прихожу. Лежитъ

Иванъ въ кожухѣ, блѣдный, руками за животъ держится, стонеть. „Что ты, говорю, Иванъ! Завтра пошлю за фельдшеромъ,—пройдетъ, не унывай“. „Нѣтъ, отвѣчаетъ, батюшка, плохо—не жить мнѣ“. Постарался я его немного утѣшить, а потомъ, видя, что плохо очень онъ, приступилъ къ исповѣди. Вотъ тутъ и случилось самое страшное. „Тяжелъ мой грѣхъ, батюшка, началъ Иванъ, очень тяжелъ, и не знаю, можно ли простить мнѣ его. Душа въ ужасъ приходитъ, когда вспомню, что скоро предстану суду Вышняго и буду отвѣчать за свой грѣхъ. Отъ людей утаилъ, а отъ Господа получу-ли милосердіе“. Стоны постоянно прерывали его рѣчь: „Скоро тому десять лѣтъ, какъ это случилось. Мы ѣздили съ покойнымъ отцомъ въ городъ продать немного хлѣба, зимою, въ мясоѣдъ. Я тогда полюбилъ Параску, мою жену, круглую сироту, полюбилъ такъ, что и жить безъ нея не могъ, — словно приколдовала она меня... Продали мы съ отцемъ хлѣбъ, зашли въ трактиръ и выпили тамъ изрядно; сѣли на санки и поѣхали обратно домой. Сначала ничего, говорили о томъ, о семь и мирно. Потомъ и говорю отцу: „позвольте, батюшка, мнѣ жениться на Параскѣ“. Я просилъ его о томъ и раньше, но онъ согласія своего не давалъ. „Нѣтъ, говоритъ и теперь, во вѣкъ не позволю жениться на гулящей дѣвкѣ“. Я просить, умолять. Онъ одно: „нѣтъ, не позволю“. Озлился я. „Да что, говорю, тебѣ, что-ль, отцу, жить съ нею“? Озлился и онъ, сталъ меня ругать щенкомъ и все больше и больше. Потомъ, когда я сталъ грубить ему, онъ хватилъ меня по лицу кнутомъ, который держалъ въ рукѣ. Кровь у меня прихлынула къ лицу, духъ захватило, озвѣрѣлъ я и не помню, какъ схватилъ отца за горло... Опомился уже около села и увидѣлъ, что отецъ не дышитъ. Ужасъ напалъ на меня, но и мысль явилась какъ бы скрыть свое злодѣйство. Пріѣхавъ домой и говорю матери: „отецъ-то умеръ, водки перепилъ и умеръ“. Стала она плакать, она повѣрила и всѣмъ такъ рассказала, и батюшкѣ, теперь покойному о. Ивану: старецъ былъ добрый и слабый, не сталъ до-

прашивать и похоронилъ, а односельчане поговорили, поговорили и замолчали“...

Но я уже не слушалъ, что дальше рассказывалъ и говорилъ Иванъ. Вы сами можете представить, какое впечатлѣніе на меня, не знавшаго жизни, мечтателя, произвелъ этотъ ужасный простой рассказъ. Какая то злоба, ненависть къ этому умирающему Ивану заклокотала въ моей груди; казалось, все лучшее во мнѣ возстало противъ прощенія отцеубійцы. Онъ сначала смотрѣлъ на меня съ мольбою и надеждой, потомъ въ глазахъ его появилось отраженіе ужаса, отчаянія. „Батюшка! во имя Господа, простите меня“! простоналъ умирающій; но я съ ненавистью взглянулъ на него и со словами: „нѣтъ тебѣ прощенія, злодѣй“! быстро вышелъ изъ хаты. Я не спалъ всю ночь; самыя разнородныя чувства боролись во мнѣ—то вспыхивала ненависть къ отцеубійцѣ, то являлось сознаніе пастырскаго долга и пастырской любви; лишь утромъ я рѣшилъ дать отпущеніе отцеубійцѣ; но было уже поздно—онъ умеръ. Болѣзнь ли его привела къ смерти, или его смерть ускорили мои слова,—не знаю. Дѣло это осталось между мною и покойнымъ отцеубійцей, но вы не можете себѣ представить, какія я душевныя муки пережилъ. И теперь это событіе встаетъ предо мною, какъ что-то страшное, какъ величайшій грѣхъ моего пастырства. Я понималъ тогда, какъ трудно пастырство, какую любовью должно быть согрѣто сердце пастыря; я всю жизнь старался искупить свой грѣхъ. Прости меня, милосердый Боже“!

О. Арсеній закашлялся, кровь хлынула горломъ.—Черезъ нѣсколько дней его не стало.

А. Дмитриевъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 2 марта 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 11.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, марта 16-го.

Содержаніе: Галицко-русскіе дьяки. — Митра (историко-археологическій очеркъ). — Чѣмъ можно содѣйствовать распространенію въ народѣ книгъ Священнаго Писанія? — Изъ дневника священника. — При-
мѣръ достойный подражанія.

IV.

Галицко-русскіе дьяки.

Клиръ галицко-русской греко-католической церкви, по подобію римско-католической церкви, состоитъ изъ епископовъ и пресвитеровъ. Діаконовъ въ ней нѣтъ. Только при архіерейской капитулѣ имѣется должность архидіакона, но и то почетная, которую занимаетъ обыкновенно одинъ изъ самыхъ видныхъ крылошанъ—протоіереевъ. Во Львовѣ, напр., должность эту занимаетъ бывший ректоръ духовной семинаріи, митрофорный протоіерей Л. Туркевичъ.

Причтъ каждой отдѣльной церкви, такимъ образомъ, состоитъ изъ священника, или же, въ большихъ приходахъ, изъ нѣсколькихъ священниковъ. Помощниками священниковъ преимущественно въ дѣлѣ совершенія богослуженія и требоисправленія являются т. н. *дьяки*. Дьяки въ Галиціи до не-

давняго еще времени сохраняли типъ древняго русскаго дьяка, долѣ всего существовавшій у насъ въ малороссійскихъ епархіяхъ. Галицко-русскій *дьякъ* еще въ недавнее сравнительно время былъ столько же церковнымъ чтецомъ и пѣвцомъ, сколько и насадителемъ и распространителемъ элементарной грамоты среди русскаго населенія Галиціи. Дьякъ галицко-русскій былъ преимущественно вольнонаемнымъ служителемъ церкви. На обязанности его лежало читать и пѣть во время богослуженія и при требосправленіяхъ, а также слѣдить за чистотою и порядкомъ въ церкви. Очень часто дьякъ церковный бывалъ служителемъ священника, отъ котораго главнымъ образомъ зависѣло и опредѣленіе и служеніе и увольненіе его отъ должности. Высшая церковная власть не обращала почти никакого вниманія на дьяковское сословіе, которое, поѣтому, было безправнымъ, бѣднымъ и униженнымъ.

Въ средѣ этого сословія господствовали недостатки, которые бывають неизбѣжнымъ слѣдствіемъ бѣдности, забитости и безправія. Прежде всего, галицко-русскіе дьяки до самаго недавняго времени были почти поголовно невѣжественны. Это объясняется просто тѣмъ, что они не получали обыкновенно никакого школьнаго образованія. Да тогда не существовало въ Галиціи и такихъ школъ, гдѣ бы кандидаты дьяковства могли получить хоть какое-либо образованіе.

Другимъ недостаткомъ дьяковскаго сословія, сильно распространеннымъ среди него и теперь, служить пьянство. Пьянство до такой степени обычно для галицко-русскаго дьяка, что составляло до недавняго времени едва ли не самую характеристическую черту его. На этотъ недостатокъ указываетъ и галицко-русская пословица: „что ни дьякъ, то піякъ“.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что какъ теперь, такъ и прежде существовали среди дьяковскаго сословія въ Галиціи добрые, симпатичные типы. Встрѣчались въ Галиціи и даже не такъ ужъ рѣдко дьяки, которые были не только хорошими чтецами и пѣвцами въ церкви, но и вмѣстѣ съ тѣмъ добрыми и усердными распространителями грамот-

ности среди русскаго народа въ Галиціи. Въ настоящее время подобныя личности встрѣчаются еще чаще.

Кромѣ того, въ послѣднее время, такъ-же какъ и прежде, дьяки, помимо прямыхъ своихъ обязанностей, исполняютъ и другія должности, являясь весьма полезными дѣятелями общественной русской жизни въ Галиціи. Благодаря тому, что дьяки выходятъ изъ среды самаго же народа и очень часто являются въ селахъ единственно грамотными людьми, галицко русскіе дьяки очень часто исполняютъ въ селахъ обязанности сельскихъ господарей, громадскихъ писарей, завѣдующихъ общественными лавками, нерѣдко даже начальниками сельскихъ громадъ. Благодаря всему этому, дьяки галицко-русскіе находятся въ ближайшей и тѣснѣйшей связи съ народомъ, знаютъ его нужды, потребности, недостатки, прекрасно понимаютъ духъ и настроеніе народной массы. Такимъ образомъ, дьяки, при умѣломъ и хорошемъ руководствѣ ими, могли бы являться и быть весьма полезными помощниками галицко-русскихъ священниковъ въ ихъ пастырской и общественной дѣятельности.

Къ сожалѣнію, этого нѣтъ въ дѣйствительности. Зависитъ это, кажется, больше всего отъ неправильныхъ отношеній, существующихъ между священниками и дьяками. Галицко-русскіе священники, сколько позволяютъ намъ судить о томъ наши наблюденія, и теперь относятся къ дьякамъ очень пренебрежительно, глядя на нихъ не столько какъ на своихъ помощниковъ, при совершеніи богослуженія и требоисправленій, сколько какъ на церковныхъ и *своихъ* служителей. Галицко-русскій дьякъ и теперь, какъ прежде, является не штатнымъ, постояннымъ членомъ церковнаго причта, а вольно-наемнымъ церковникомъ.

Впрочемъ, въ послѣднее время въ Галиціи обращено серьезное вниманіе на прискорбное положеніе дьяковъ. Прежде всего, принимаются мѣры къ тому, чтобы хоть сколько-нибудь возвысить умственный уровень дьяковскаго сословія. Съ этою цѣлію во Львовѣ, Перемышлѣ и Станиславовѣ устроены спе-

ціальныя дьяковскія школы. Въ этихъ школахъ обращается особенное вниманіе на обученіе кандидатовъ дьяковства церковному чтенію и пѣнію и знанію церковнаго устава. Сколько можно судить по печатнымъ свѣдѣніямъ о томъ, нынѣшнія дьяковскія школы въ Галиціи имѣютъ много существенныхъ недостатковъ въ своей организаціи. На это теперь обращено вниманіе и заявляются настойчивыя требованія открытія новыхъ дьяковскихъ школъ, или же, по крайней мѣрѣ, радикальнаго реформированія нынѣ существующихъ.

Въ послѣднее время во всѣхъ трехъ епархіяхъ галицко-русской церкви при консисторіяхъ образованы особыя коммиссіи, которыя въ установленные сроки производятъ испытанія всѣмъ кандидатамъ, ищущимъ дьяковского званія. Мѣра эта, недавно еще введенная, оказала самое благодѣтельное вліяніе на дьяковское сословіе въ Галиціи.

Съ тою же самою цѣлію—внести хотя какой-либо умственный свѣтъ въ массу дьяковского сословія—основанъ особый печатный органъ для дьяковъ подъ заглавіемъ: „*Дьяковскій гласъ*“.

Не менѣе серьезныя и дѣятельныя мѣры принимаются и къ тому, чтобы облегчить и улучшить тяжкое и крайне бѣдственное матеріальное положеніе галицко-русскихъ дьяковъ.

Съ этою цѣлію вотъ уже нѣсколько лѣтъ во всѣхъ трехъ епархіяхъ галицко-русской церкви функціонируютъ особыя *дьяковскія общества*. Главная задача дѣятельности этихъ обществъ, состоящихъ подъ покровительствомъ высшей епархіальной власти, заключается въ изысканіи и собираніи средствъ для помощи нуждающимся дьякамъ.

Съ особенною энергіею дьяковскія общества стремятся добиться у правительствъ—центрального и мѣстнаго—назначенія опредѣленнаго содержанія галицко-русскимъ дьякамъ. Съ этою цѣлію дьяковскія общества ежегодно высылаютъ свои петиціи и особыя депутаціи на сеймъ.

И хотя доселѣ просимое содержаніе дьякамъ еще не назначено, но нельзя сказать, чтобы дѣятельность дьяковскихъ

обществъ въ этомъ направленіи оставалась совершенно безрезультатною. Вопросъ о назначеніи содержанія дьякамъ и объ установленіи опредѣленной платы имъ за исполняемыя ими обязанности не сходитъ съ очереди неотложныхъ вопросовъ сеймоваго обсужденія съ 1889 года.

Главнымъ мотивомъ домогательства дьяковскихъ обществъ и всѣхъ вообще лицъ, стремящихся хоть сколько-нибудь облегчить матеріальное положеніе дьяковского сословія, служитъ то совершенно резонное соображеніе, что большинство галицко-русскихъ дьяковъ, какъ мы видѣли, кромѣ исполненія прямыхъ своихъ служебныхъ обязанностей, исполняетъ много и другихъ важныхъ функцій общественно-народной дѣятельности.

Не меньшую энергію обнаруживаютъ дьяковскія общества и въ изысканіи и собираніи матеріальныхъ средствъ другими путями и способами. Такъ, напр., общества эти въ послѣднее время, по инициативѣ священника Тапякевича, одного изъ ревностнѣйшихъ дѣятелей по улучшенію матеріальнаго быта галицко-русскихъ дьяковъ, устраиваютъ спеціальныя *дьяковскія лоттереи*. Доходъ съ этихъ лоттерей поступаетъ въ капиталъ, съ процентовъ котораго выдаются пособія бѣднѣйшимъ дьякамъ, а также ихъ вдовамъ и сиротамъ.

Священникъ *Θ. Титовъ*.

М и т р а.

(Историко археологическій очеркъ).

На голову каждого епископа при богослуженіи нынѣ возлагается у насъ *митра* ¹⁾, всюду въ Чиновникѣ архіерейскаго священнослуженія называемая *шапкою* ²⁾. Это головное

¹⁾ Названіе *митра* (*мітра*), данное головному украшенію нашихъ епископовъ, заимствовано изъ книги Исход. XXVIII, 37; XXIX, 6.

²⁾ Имѣя въ виду это наименованіе и форму нашей древне-русской митры, употреблявшейся епископами до патріарха Никона, проф. Е. Е. Голубинскій высказываетъ слѣдующее соображеніе относительно происхожденія ея. „У архіереевъ нашихъ, говоритъ онъ, было принято (вошло

украшеніе нашихъ епископовъ сдѣлалось принадлежностію ихъ сана сравнительно въ недавнее время, чѣмъ и объясняется тотъ весьма знаменательный фактъ, что всѣ древнѣйшіе и позднѣйшіе чины хиротоній не только епископа, но митрополита и даже патріарха, чины греческіе, южно-славянскіе

въ обычай) служить не во всякой скуфѣ, а имѣть для сего нарочитыя, именно для богослуженія назначенныя, скуфы. Такъ какъ скуфы во время богослуженія снимались съ головы, то, чтобы не класть ихъ пазыми и сплюсненно, что весьма не представительно, а ставить, начали дѣлать ихъ (богослужебныя скуфы) на твердой подкладкѣ, такъ что онѣ получили видъ шапочекъ. Шапочки начали дѣлать изъ дорогихъ матерій, украшать простыми украшеніями и иконами, и такимъ образомъ, и явились у нашихъ архіереевъ особыя богослужебныя шапочки, увеличенныя потомъ до размѣра шапокъ, и *эти-то сначала шапочки, потомъ шапки*, и суть наши нынѣшнія митры. Скуфы, превращенныя посредствомъ подложенія твердой подкладки въ шапочки, остались таковыми, т. е. малыми шапками до конца XVI в. (напр. митра патріарха Іова 1595 г. въ Московской патріаршей ризницѣ. Арх. Савва. Указатель Московск. патріарш. ризницы М. 1863, изд. 4, стр. 13, табл. V, сним. 22); послѣ этого онѣ нѣсколько были увеличены въ размѣрахъ и, сохраняя скуфьеобразную форму, стали *шапками*, какъ начали и называться“ (Истор. русск. церкви т. I, полов. II, стр. 294—295). Если, конечно, мы будемъ имѣть въ виду богослуженія нашихъ епископовъ внѣ храма, во время крестныхъ ходовъ и торжественныхъ процессій, и при томъ при нашихъ суровыхъ климатическихъ условіяхъ, такъ какъ въ храмахъ, по примѣру православнаго Востока, наши архіереи совершали богослуженія въ древнее время, несомнѣнно, съ открытою головою, то потребность въ митрѣ-шапкѣ для нихъ въ этомъ случаѣ внѣ всякаго сомнѣнія. Наши древнія шапки-митры устроились не только на ватной атласной подкладкѣ, но и опушивались горностаевымъ мѣхомъ внизу, чтобы, конечно, не только придать красоту имъ, но и сдѣлать ихъ теплыми для головы и ушей. Съ этою же цѣлью иногда устроились при митрахъ и прямо *наушники* (А. Дмитріевскій. Патмосскіе очерки стр. 200—201). Парча, атласъ, алтабасъ, изорбафъ (Арх. Савва. Указат. ризницы, стр. 2, объяснит. словарь) и другія матеріи, изъ которыхъ устроились у насъ священныя облаченія, составляли наружную оболочку этихъ шапокъ-митръ. Съ теченіемъ времени, въ виду своего богослужебнаго употребленія и изъ глубокаго почтенія къ сану епископскому, шапки-митры стали украшаться золотыми дробницами съ изображеніями святыхъ, унизываться жемчугомъ и убираться драгоценными камнями. Такая шапка митра сдѣлалась уже драгоценною церковною утварью, принадлежностію церковныхъ ризницъ, и могла употребляться при богослуженіи въ храмѣ даже съ большимъ удобствомъ, особенно въ зимнее время,

и наши славяно-русскіе, писанные, старо-печатные и даже нынѣ употребляемые въ богослужебной практикѣ на Востокѣ и у насъ въ Россіи о митрѣ хранятъ полное молчаніе. Какъ будто-бы митра даже и не считается принадлежностію епископскаго облаченія. Исключеніе въ этомъ отношеніи пред-

въ холодныхъ нашихъ храмахъ при ужасающихъ сѣверныхъ морозахъ. И дѣйствительно, въ XVI вѣкѣ шапка-митра или „шапочка“ (Описан. рки. Моск. Синод. библ. отд. III, ч. I, стр. 96) становится у насъ неотъемлемою богослужебною принадлежностію всѣхъ епископовъ, а съ половины этого столѣтія украшаетъ голову уже и нѣкоторыхъ почетныхъ архимандритовъ (§ 18 стр. 128). Но этимъ и ограничивается пока наше согласіе съ почтеннымъ профессоромъ по вопросу о происхожденіи митры-шапки, исторія которой, какъ мы полагаемъ, и оканчивается въ предѣлахъ нашего отечества концомъ первой половины XVII столѣтія. Утверждать вмѣстѣ съ проф. Голубинскимъ, что „*греки заимствовали отъ насъ шапки въ XVI в., придавъ имъ форму вѣнцовъ или коронъ своихъ императоровъ. какую имѣли эти послѣдніе въ позднѣйшее время, предшествовавшее взятію Константинополя Турками*“ (Исторія русской церкви т. I, пол. II, стр. 235), мы не считаемъ себя въ правѣ. Извѣстные намъ факты говорятъ не въ пользу этого предположенія. Изъ словъ Симеона Солунскаго ясно видно, что въ его время, въ первой половинѣ XV столѣтія, митры на Востокѣ носили не только патріархъ александрійскій, но уже *весьма* (ἄλλοι πλείστοι) *многіе другіе архіереи* (Mign. Patrol. Cours. complet. t. 155 col. 717). Слѣдовательно, форма митры на Востокѣ въ это время уже была выработана (Таковы сохраняющаяся до нынѣ въ скевофилакѣ лавры св. Аѳанасія митра-вѣнецъ якобы императора Фоки и митры патмосской скевофилакин), и въ XVI вѣкѣ греческимъ архіереямъ ни было никакой надобности заимствовать митру-шапку у насъ въ Россіи. Митра восточныхъ патріарховъ своимъ видомъ и украшеніями рѣзко отличалась отъ нашей русской архіерейской шапки и въ началѣ XVII в. приводила уже въ недоумѣніе нашихъ ревнителей старины и знатоковъ церковнаго ритуала. „*А шапка на немъ была, замѣчаетъ очевидецъ служенія патріарха іерусалимскаго Теофана съ русскими митрополитами и архіепископами въ Москвѣ въ 1619 году, безопушки на черномъ бархатѣ прибаваны плаши, какъ коруна позлашены, да камения сажены, а святыхъ нѣтъ, лише наверху вбитъ крестъ, да по странамъ четыре херувима и серафима*“ (Чтен. общ. и истор. древа. при М. универ. 1883, кн. II, отд. II, стр. 166). Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, восточные епископы и патріархи, пріѣзжавшіе къ намъ на Русь за милостынею въ XVI—XVII вѣкахъ, охотно принимали, въ видѣ подарковъ отъ царей и митрополитовъ и патріарховъ, шапки-митры и даже просили этихъ даровъ (Сиошен. Россіи съ Восток. по дѣламъ церкви. Спб. 1858 г., ч. I, стр. 88, 101). но ими не пользова-

ставляють чины хиротоній южно-русскихъ литургическихъ памятниковъ, въ которыхъ говорится не только о *митръ* и о возложеніи ея на епископовъ при хиротоніи, но даже при возведеніи въ санъ архимандрита ¹⁾. Несмотря на все это, въ практикѣ греческой церкви издавна патріархъ александрійскій, а, по его примѣру, позднѣе и нѣкоторые другіе во-

лись при богослуженіи, а, въ виду ихъ матеріальной цѣнности, сбывали жидамъ въ залогъ (Прав. Палест. сборн. в. 21 (т. VII, в. III, стр. 82); греч. дѣла въ архивѣ мин. иностр. дѣлъ св. 33, дѣло № 16), или же передѣлывали. Наши *митры-шанки* съ соболью опушкою на Востокѣ были не по климату.—Не имѣя возможности здѣсь подробно останавливаться на вопросѣ о происхожденіи у насъ формы митры-шанки, мы, однако же, позволяемъ себѣ высказать, въ видѣ предположенія, мысль о происхожденіи ея, и нѣсколько отличную отъ вышеприведенныхъ соображеній на этотъ счетъ проф. Голубинскаго. Присматриваясь ближе къ формѣ древне-русской епископской митры, сохранившейся и въ памятникахъ (Арх. Савва. Указат. къ патріарш. Москов. ризницы стр. 13, табл. V, № 22), и сравнивая ее съ формою велико-княжескихъ шапокъ, какъ онѣ извѣстны по иконнымъ стариннымъ изображеніямъ святыхъ русскіихъ князей (Древности. Археол. вѣсти., издаваемый М. археол. общ. 1867, январь—февраль, стр. 3—4, рисунки 1, 2 и особенно 3 и 4; Древности русск. госуд. отд. II, стр. 47) св. Владимира, Бориса, Глѣба и др., нельзя не видѣть большого сходства между тѣми и другими. Сходство шапокъ великокняжескихъ и епископскихъ митръ въ древнее время было такъ велико, что сохраняющуюся и по нынѣ въ ризницѣ новгородскаго Софійскаго собора древнюю „шаночку“ ученые считаютъ и „великокняжескою“ шапкою и архіерейскою митрою-шаночкою (Древност. русск. государства отд. I, стр. 150, отд. II, стр. 24; арх. Макарій. Археол. опис. церковныхъ древностей въ Новгородѣ и его окрестностяхъ М. 1860, ч. II, стр. 358). Не произошло-ли, и въ самомъ дѣлѣ, съ нашею древнею митрою-шанкою то же самое, что случилось у грековъ съ митрою-короною? Если послѣдняя была коніею вѣнца византійскаго императора позднѣйшаго времени, то наша митра-шанка не имѣла-ли своимъ образцомъ великокняжескую шапку, съ которой сходство въ формѣ отрицать едва ли можно? Не получили-ли это головное украшеніе наши епископы съ головы нашихъ набожныхъ князей, глубоко чтившихъ епископскій санъ?..

¹⁾ Въ „указѣ како подобаеть епископа поставляти“ 1650 года епископа Діонисія Балабапа читаемъ слѣдующее: „Потомъ *взметъ митру* рукоположитель отъ святыхъ трапезы, и аще есть непосвященна, подавъ ю единому отъ предстоящихъ епископовъ въ десную руку, благословляетъ ю крестообразно... и окронивъ водою священною (по прочтеніи молитвы),

сточные епископы стали употреблять при богослуженіи головное украшеніе, которое и называлось *митрою*²⁾. Объ этомъ ясно говорить Симеонъ Солунскій, писатель первой половины XV вѣка. Отвѣчая на вопросъ: „почему, кромѣ, александрійскаго патріарха, архіерей и священники служатъ съ открытою головою и что лучше служить съ непокрытою головою“, нашъ экзегетъ пишетъ: „*съ непокровенною главою всѣ восточные іерархи* и священники, за исключеніемъ александрійскаго патріарха, *совершаютъ священнодѣйствіе* не по уничиженію какому либо, но по слову возвышеннѣйшему и особенно священному, которое богоглаголивый Павелъ предлагаетъ въ наученіе, называя главою нашею Христа, насъ же членами Его, и что должно чтущимъ нашего Главу Христа во время молитвы имѣть головы открытыми. И не только по этому, но и потому, что на открытую голову хиротонисуемый принимаетъ рукоположеніе, и долженъ, такимъ образомъ, молиться и священнодѣйствовать, какъ онъ былъ рукоположенъ. *Іерархъ*

абіе, *способствуяши ему* и прочимъ епископомъ, подаютъ ему лобзати, еюже лобзавъ, возлагаютъ на главу его, глаголющу рукоположителю сіе: „Господи Боже нашъ, о имени Твоемъ возлагаемъ на главѣ сего архіепископа и воина Твоего *митру* сію рукама насъ недостойныхъ рабъ Твоихъ, и молимтиса *славою и честію архіерейскою* вѣнчай его, и благоволи еже быти ему въ шлемъ спасенія и утвержденія, въ побѣду на вся противящаяся истинѣ святого Евангелія Твоего, на сопреніе сопротивныхъ *дьявольскія* силы въ вся дни живота его. Ты бо еси крѣпость и утверженіе рабъ Твоихъ и Тебѣ славу возсылаемъ безпечальному Отцу съ едиnorodнымъ ты Сыномъ и всесвятымъ благимъ и животворящимъ ти Духомъ нынѣ и присно“ (Ркп. библ. Соф. Кіев. собора № 77, л. 65 об.—66 об.). Почти въ тѣхъ же выраженіяхъ читается епископомъ молитва, и при возложеніи митры на главу архимандрита: „Молимтиса вѣнчай его Твоимъ вышнѣмъ благословеніемъ и благоволи быти ему въ шлемъ спасенія и утверженія, и въ побѣду съпротивъ всемъ кознемъ дьявольскимъ и врагомъ истины Твоея въся дни живота его“. (Тамъ же л. 34).

²⁾ Форму *митръ* или головныхъ повязокъ александрійскихъ патріарховъ древнѣйшаго времени можно видѣть на изображеніяхъ святыхъ Аванасія и Кирилла, александрійскихъ патріарховъ, у Card. *Albani* въ его „Menologium Graecorum jussu Basillii imperatoris. Urbini 1737, pars II, pag. 116.

же въ особенности, такъ какъ хиротонисуемый имѣеть на главѣ богопреданныя словеса, т. е. святое Евангеліе, а другого покрыва въ ту пору, когда священнодѣйствуетъ божественнѣйшія (тайны), не долженъ имѣть на главѣ. Но быть можетъ кто нибудь скажетъ: александрійскій патріархъ, имѣющій на главѣ священное покрывало (*ἱερόν ἐπιχάλωμα*), и весьма многіе другіе, по древнему преданію, не поступаютъ-ли не благочестно? Я этого не говорю, ибо у поступающихъ такимъ образомъ (оправданіемъ служить) древнее преданіе, но лучше—законнѣйшее. Въ самомъ дѣлѣ, законный (ветхозавѣтный) архіерей носилъ на головѣ *кидарь* (*κίδαριν*), который и митрою (*μίτραν*) называли, какъ и архіереи, надѣвающие ее, любятъ называть (*οἱ περιτιθεμένοι ἱεράρχοι τοῦτο φιλοῦσι καλεῖν*) (т. е. въ настоящее время). Быть можетъ они имѣютъ ее по подобію терноваго вѣнца Владыки или сударя, находившагося на главѣ Его. Но, однако же, поелику снимаютъ съ себя митру и они въ важнѣйшія времена священнодѣйствія, то этимъ показываютъ, что преданіе блаженнаго Павла важнѣе, ибо образъ терноваго вѣнца изображается постриженіемъ волосъ на главѣ посвящаемыхъ, при совершеніи священной печати... Важнѣе, конечно, молиться и совершать священнодѣйствіе съ открытою головою, и не должно этимъ пренебрегать и въ особенности въ важнѣйшія времена¹⁾. Въ отвѣтахъ Гавріилу, епископу пентапольскому, Симеонъ Солунскій возвращается еще разъ къ объясненію вопроса, почему александрійскій патріархъ и римскій папа совершаютъ богослуженіе *въ митрѣ*, а прочіе архіереи съ открытою головою, и указываетъ для перваго—основанія въ подражаніи одѣянію ветхозавѣтнаго первосвященника и въ разрѣшеніи собора, дозволившаго ему *по болѣзни* надѣвать на голову митру, оставаясь при прежнемъ объясненіи символическаго значенія этого одѣянія, а для папы римскаго основанія въ хрисовулѣ или дарственной грамотѣ

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet. t. 155 col. 716—717; Св. Писан. отц. и учт. ц. т. III, стр. 23—25.

царя Константина папѣ Сильвестру ¹⁾. Въ слѣдующемъ затѣмъ 21 отвѣтѣ разъясняетъ снова важность обычая совершать богослуженіе епископамъ съ открытою головою, для которой митрою должно считаться св. Евангеліе, возлежавшее на главѣ ихъ во время хиротоніи ²⁾. Изъ этихъ разсужденій экзегета богослуженія на православномъ Востоцѣ XIV—XV в. ясно вытекаетъ то заключеніе, что самъ лично онъ не употреблялъ при богослуженіи митры и другимъ своимъ сослуживцамъ и современникамъ, напр., епископу пентапольскому Гавриилу, рекомендовалъ предпочтительно держаться болѣе распространеннаго на Востоцѣ обычая и, по его мнѣнію, болѣе законнаго—совершать богослуженія съ открытою головою безъ митры.

И дѣйствительно, мы видимъ въ практикѣ православнаго Востока, что не только въ XV вѣкѣ, но даже въ XVI ³⁾ и XVII вѣкахъ восточные іерархи не употребляютъ митръ при богослуженіи, за исключеніемъ патріарховъ ⁴⁾. Нашъ путешественникъ по Востоку начала второй половины XVII столѣтія, извѣстный старецъ Арсеній Сухановъ, описывая хиротонію митрополита вилеемскаго Неофита въ Іерусалимѣ, говоритъ между прочимъ слѣдующее: „А сакка и шапки ему (патріархъ) не далъ, потому что вси митрополиты у себя служатъ въ саккахъ, а съ патріархомъ въ ризахъ (sic), а шапокъ и наединъ ни у кою нѣту, и носить не смѣтъ,

¹⁾ Обстоятельныя доказательства относительно подложности этого хрисовула см. у проф. А. С. Павлова. Сборникъ пензданныхъ памятниковъ церковнаго права. Спб. 1893, стр. 54—92.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet. t. 155 col. 872—873.

³⁾ „Употребленія перстня *греческіе епископы* не знаютъ, и митръ, говоритъ Яковъ Гоаръ, *не носятъ* (nes mitras ambire), но легаты Востока отъ папы Григорія X, по обычаю латинскихъ епископовъ, тиарами, митрами и перстнями были украшены, какъ свидѣтельствуеъ Пахимерь“ (Εὐχολογ. Goar. pag. 258).

⁴⁾ Константинопольскій патріархъ Іоасафъ II въ 1557 году обращался съ просьбою къ царю Ивану Васильевичу прислать новую митру для патріаршаго служенія въ Константинополѣ (Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ ч. I, стр. 88).

кроме патриарха¹⁾. „Митрополиты все въ шапкахъ были, пишетъ тотъ же Арсеній Сухановъ о патриаршемъ служеніи въ великій пятокъ, не замѣчая вышериведеннаго противорѣчія въ своихъ словахъ относительно употребленія саккозовъ митрополитами Палестины, *а все безъ шапокъ, понеже шапокъ, кроме патриарха, никто нигдѣ не носитъ, и нѣтъ у нихъ и не бывало*. А назаретской митрополитъ билъ челомъ Государю, будто у него была шапка да изветшала, и чтобъ Государь пожаловалъ велѣлъ сдѣлать новую, и ту Государеву шапку назаретской, пріѣхавъ, далъ патриарху, и саккъ совсѣмъ одинъ. *А въ Назаретъ шапки отъ начала не бывало, и нынѣ не будетъ же носить*. И патриархъ, взявъ ее, сказывали, заложилъ въ закладъ. *И при насъ назаретской служилъ съ патриархомъ и безъ патриарха безъ шапки*“²⁾. Въ „Тактиконѣ, еже есть Чиновникъ како греки церковный чинъ и нѣніе содержать“, описывая служеніе патриарховъ александрійскаго, іерусалимскаго и антїохійскаго, онъ говоритъ, что предъ литургією они *кладутъ шапку*, глаголя: „Господь воцарися въ лѣноту облечеса, облечеса Господь въ силу и препоясася; ибо утверди вселенную, яже не подвижится, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь“³⁾. Въ сочиненіи того же автора, составленномъ послѣ появленія „Проскинитарія“ (послѣ 1653 года) и извѣстномъ подъ именемъ: „О чинѣхъ греческихъ вкратцѣ“, по интересующему насъ вопросу говорится въ болѣе спокойномъ тонѣ, безъ всякой полемики, и потому ближе къ истинѣ: *„А шапки святительскія не на многихъ архіепископахъ и митрополитахъ, которымъ отъ древнихъ благочестивыхъ царей дано, а прочіи (все митрополиты и епископы) безъ шапокъ. Архимандрита у нихъ ни одного нѣтъ (в шапке)“*⁴⁾.

¹⁾ Прав. Палест. сборн. в. 21 (т. VII, в. III) стр. 73; Св. стр. 263.

²⁾ Тамъ же, стр. 82.

³⁾ Тамъ же, стр. 254.

⁴⁾ С. А. Бѣлокуровъ. Арсеній Сухановъ. Ч. II, в. I, изд. 2, М., 1894, стр. 114.

На основаніи приведенныхъ выдержекъ ясно, слѣдовательно, что на Востокѣ во второй половинѣ XVII столѣтія началъ устанавливаться относительно пошенія митръ-коронъ епископами тотъ самый порядокъ, который соблюдается и до настоящаго времени. Т. е. правомъ пошенія митръ пользовались всѣ восточные патріархи, но, отдавая почтеніе старшинству занимаемаго престола, при совмѣстномъ служеніи, не возлагали митръ всѣ, а только старѣйшій изъ нихъ по своему положенію ¹⁾. Митрополиты и епископы получаютъ митру съ головы патріарха въ концѣ литургіи, но не при самой хиротоніи, и пользуются ею при богослуженіяхъ въ своей епархіи и когда первенствуютъ въ богослуженіяхъ, въ присутствіи же своего патріарха, митръ не надѣваютъ, а покрываютъ голову камилавкою съ флеровою наметкою.

Что касается формы восточной митры, то, не пускаясь въ глубокія разысканія о формѣ древней александрійской митры, опредѣлить которую, въ виду отсутствія положительныхъ данныхъ, не легко ²⁾, мы можемъ въ рѣшеніи этого вопроса свое вниманіе сосредоточить прежде всего на принятомъ на всемъ Востокѣ, и при томъ съ давнихъ поръ названіи ея—*короною* (*κρόνος*) или *вѣнцомъ* (*στέφανος*). Дѣйствительно, извѣстная намъ древнѣйшая восточная митра, хранящаяся нынѣ въ скевофилакѣ лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ и слывающая въ преданіи за *вѣнецъ* императора византійскаго Никифора Фоки (963—969), ктитора лавры, относится, по

¹⁾ Этимъ слѣдуетъ объяснять тотъ фактъ, что нашъ посланникъ Борисъ Благово, наблюдавшій въ 1585 году въ Константинополѣ совмѣстное служеніе трехъ патріарховъ константинопольскаго, александрійскаго и антioxійскаго съ девятью митрополитами и шестью архіепископами, митру видѣлъ на одномъ лишь патріархѣ александрійскомъ и далъ этому факту такое объясненіе: „а нарицають его въ панино мѣсто и ставятъ больше всѣхъ патріарховъ“ (Сношен. Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ ч. I, стр. 149).

²⁾ Е. Е. Голубинскій. Исторія русской церкви, т. I, пол. II, стр. 231—232, прим. 3; Св. Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kirchengeschichte 1899, Heft. 2—3, S. 96—102; Taf. VI.

опредѣленію академика Н. П. Кондакова, къ XVI вѣку¹⁾ и представляетъ форму *короны* позднѣйшихъ византійскихъ императоровъ, т. е. высокой шанки съ ободкомъ вокругъ головы и съ закругленіемъ вверху²⁾. Немногимъ отличается по своей формѣ отъ *митры-короны* и принятая нынѣ въ практикѣ александрійской церкви *вторая* патріаршая митра³⁾, употребленіе которой введено, по преданію, съ глубокой древности. Греческому національному самолюбію было вполне естественно, послѣ паденія Константинополя въ 1453 году, возложить вѣнецъ несуществующихъ уже императоровъ на голову своего вселенскаго патріарха, главнаго и единственнаго блюстителя интересовъ православія и самой національности на всемъ мусульманскомъ Востоку, тѣмъ болѣе, что еще раньше, въ эпоху разцвѣта византійской имперіи, патріархъ изъ рукъ императора получилъ такіе знаки царскаго

¹⁾ Н. П. Кондаковъ. Памятники искусства на Аѳонѣ. Сиб. 1902, стр. 242. „Вполнѣ подобна саккосу (по преданію сомнительнаго свойства, сдѣланному изъ военнаго плаща или мавтіи императора Никифора Фоки) и даже, по нашей догадкѣ, говоритъ проф. Кондаковъ, составляетъ, быть можетъ, одно съ нимъ облаченіе, *митра*, будто бы бывшій *вѣнецъ* того же императора въ той же Лаврской ризницѣ, показываемая всѣмъ на праздникъ ея 5 іюля. Митра современна саккосу или немного позже его сдѣлана. Причина, почему лаврское монашество остановилось именно на ней въ своихъ желаніяхъ, чисто греческаго свойства, имѣтъ реальный знакъ исторической дружбы императора съ первымъ игуменомъ Лавры, заключается въ небольшой детали этой митры: по ея низу, также износившемуся, нашитъ металлическій, очень грубый и сдѣланный изъ позолоченнаго серебра, вѣничикъ. На вѣничикѣ укрѣплена бляшка въ видѣ орла, украшенная алмазами и бриліантами. Вѣничикъ составленъ изъ листьевъ, загнутыхъ вдоль козыря, и рисунокъ ихъ намъ показался не имѣющимъ ничего общаго съ древностью. Не можемъ поручиться за всѣ подробности своего описанія, но даже парча митры показалась намъ плохую и позднюю, какъ и вся эта легендарная исторія прямою баснею, изобрѣтенною въ прошломъ вѣкѣ для паломниковъ“.

²⁾ Д. Θ. Бѣляевъ. Византина т. II, стр. 292—293 и прим. 1.

³⁾ См. изображеніе этой митры у еп. Порфирія Успенскаго въ его атласѣ: „Востокъ христіанскій. Египетъ и Синай. Виды, очерки, планы и надписи къ путешествіямъ“ Сиб. 1857, табл. III; Св. арх. Савва. Указат. Москов. патріарш. ризницы стр. 14—15, табл. III, рис. 23.

достоинства, какъ далматика или саккосъ, лоръ или омофоръ и др.¹⁾ Въ этой формѣ *короны* митра изъ Константинополя перешла къ другимъ восточнымъ патріархамъ и епископамъ, а въ 1653 году, по желанію любителя греческихъ порядковъ патріарха Никона, и къ намъ въ Россію²⁾, замѣнивъ въ нашей богослужебной практикѣ существовавшую дотолѣ форму— *шапки-митры*.

Что же касается времени появленія въ нашей церковной богослужебной практикѣ митры въ формѣ *шапки* или *шапочки*, то, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ³⁾, съ

¹⁾ Думается намъ, что и кундуры или *башмаки съ вышитыми на нихъ золотомъ орлами*, употреблявшіеся при богослуженіи патріархами александрійскимъ и антиохійскимъ, о чемъ говоритъ нашъ старецъ Арсеній Сухановъ (Прав. Палест. сборн. в. 21 (т. VII, в. III) стр. 254, прим. 1), перешли въ облаченіе патріарховъ также изъ костюма византійскихъ императоровъ.

²⁾ Христ. Чтен. 1881 № 11—12, стр. 795, прим. 1; Арх. Савва. Указатель Москов. патріаршей ризницы стр. 15—16 и табл. III, рис. 25—27; Древности російскаго государства, М. 1849, отд. I, стр. 124—132.

³⁾ Въ настоящее время извѣстны *три митры*, которыя *преданіемъ* относятся къ XI—XII вѣкамъ: одна находится въ Новоторжскомъ Борисоглѣбскомъ тверской епархіи монастырѣ и приписывается преподобному Ефрему, архимандриту и основателю этого монастыря († 1053), (Древности. Труды Моск. археол. общ. т. VII, в. 1, стр. 27 прим.; Св. Церк. Вѣдом. 1902 № 43, стр. 1525—1526; Прав. Собесѣдн. 1902, кн. X, стр. 462—465), а двѣ другія въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, изъ коихъ одна была на свитителѣ Никитѣ во гробѣ яко бы съ 1108—1550 г., а другая признается за „велико-княжескую“ (Арх. Макарій. Археологич. описан. церковныхъ древн. въ Новгородѣ и его окрестностяхъ. М. 1860, ч. II, стр. 357—358; Древности російскаго государства, отд. I, стр. 150; отд. II, стр. 24). Если бы на этомъ *преданіи* можно было успокоиться, то вопросъ о времени появленія въ нашей богослужебной практикѣ митръ въ видѣ „*шапочекъ*“, напоминающихъ форму древней скуфейки, носимой, по предположенію проф. Е. Е. Голубинскаго нашимъ духовенствомъ въ до-монгольскій періодъ нашей исторической жизни (Истор. русск. ц. т. I, полов. II, стр. 232, 234—235) и гораздо позднѣе, рѣшался бы самымъ положительнымъ образомъ. Но, къ сожалѣнію, имѣются основательныя причины сомнѣваться въ тѣхъ датахъ, которыя устанавливаются преданіемъ относительно времени происхожденія названныхъ митръ. О митрѣ преподобнаго архимандрита Ефрема (если вѣрить преданію) свѣдѣнія у насъ имѣются самыя общія и, по существующему описанію (Древности, т. VII,

точностію сказать затрудняемся. Едва ли, однакоже, мы погрѣшимъ много, если время появленія у насъ *митръ-шапокъ*, какъ богослужебной принадлежности, отнесемъ къ XV вѣку,

в. I, стр. 27, прим.), судить о древности этой митры весьма трудно. Можно говорить только, что эта митра по своему происхожденію не раньше XVI в., такъ какъ русскіе *архимандриты*, какъ извѣстно, начали украшать свои головы митрами лишь во второй половинѣ XVI в. Митра эта изъ шелковой матеріи съ горностаевою опушкою, что также не препятствуетъ относить ее къ этому времени. Болѣе имѣется данныхъ у насъ для сужденія о митрахъ новгородскаго Софійскаго собора. Первал новгородская митра, въ видѣ синей гродетуровой шапочки, опушенной горностаевымъ мѣхомъ, съ вышитыми на ней золотомъ небольшими крестами и двумя херувимами и серафимами съ надписями: „хѣровимъ, сѣраимъ“, лежала на головѣ святителя Никиты якобы съ 1008 по 1558 годъ, т. е. до времени открытія его мощей. Но дѣло въ томъ, что въ это же время въ 1558 году въ гробу святителя найденъ и посохъ его (sic!), изъ трехъ жимолостныхъ палочекъ, съ рѣзными тремя яблоками и рѣзными же на моржовой кости, которою украшены его поперечина и верхняя часть, изображеніями святыхъ, какъ напр., *святителя московскаго Петра, ростовскаго Леонтія и пр. Сергія Радонежскаго* (Древн. Россійскаго государства отд. I, стр. 157). Ясно, слѣдовательно, что посохъ этотъ, относимый мѣстнымъ преданіемъ и церковною описью также къ *XI вѣку*, никоимъ образомъ не можетъ быть приуроченъ ко времени кончины святителя Никиты. Ученые описыватели древностей русскіихъ совершенно справедливо датируютъ настоящій посохъ или вѣрище его украшенія XV или даже первую половину XVI в., и готовы считать ихъ плодомъ усердія или архіепископа Евфимія II (1429—1458), или даже знаменитаго Макарія (1526—1540), вносаѣдствіи всероссійскаго митрополита (Тамъ же стр. 158). Можно и совершенно справедливо поэтому усомниться и въ хронологіи другихъ предметовъ, найденныхъ въ 1558 году въ гробу св. Никиты. Вполнѣ естественно считать и ихъ знакомъ святительской ревности и почтенія къ св. епископу Никитѣ со стороны тѣхъ же новгородскихъ владыкъ XV—XVI вѣковъ. Форма митры нисколько не противорѣчитъ этому весьма вѣроятному предположенію. Что касается другой шапочки-митры, которую описыватели древностей русскіихъ называютъ такъ: „*шапка древняя великокняжеская или архіерейская новгородская*“ (Тамъ же отд. II, стр. 24) и которая, будучи деревянной круглой формы, обложена алымъ атласомъ съ вышитыми на ней золотомъ, серебромъ и шелками Деусомъ, двумя ангелами и херувимами, съ деревяннымъ позолоченнымъ крестомъ въ деревянномъ кругѣ, опушена внизу горностаевымъ мѣхомъ (Арх. Макарій. Арх. описан. церк. древн. въ Новгородѣ ч. II, стр. 358; Древн. рос. госуд. II, стр. 24), то эта шапочка, какъ видно

потому что съ такимъ значеніемъ эти главныя украшенія являются у нашихъ епископовъ несомнѣнно въ XVI вѣкѣ¹⁾ и переходятъ въ это время даже къ нѣкоторымъ почетнымъ архимандритамъ²⁾. Возможно предположеніе, что обычай возлагать митры нѣкоторыми епископами на Востокѣ, отмѣченный и Симеономъ Солунскимъ, оказалъ свое вліяніе и на нашу богослужебную практику, въ которой употреблялись до толѣ епископами внѣ храма головныя украшенія въ видѣ

и изъ ея наименованій, сомнительнаго происхожденія и едва ли можетъ быть признана за древнюю митру новгородскихъ владыкъ. Но, несмотря на отсутствіе вещественныхъ данныхъ для рѣшенія занимающаго насъ вопроса, и проф. Е. Е. Голубинскій, въ своей Исторіи русской церкви *домонгольского періода* удѣлившій немало мѣста на ея страницахъ вопросу „о головномъ покровѣ“ нашихъ архіереевъ при богослуженіи „въ древнее и старое время“ (т. I, полов. II, стр. 230—236), и составители „Древностей російскаго государства“ (Оленинъ, Солицевъ, С. Строгановъ, М. Загоскинъ, Ив. Снигеревъ и А. Вельтманъ), повидимому, не сомнѣваются въ происхожденіи нашей архіерейской митры изъ глубокой древности. „Въ числѣ свитительскихъ отличій, говорятъ послѣдніе, митра *издревле* (sic) въ отечествѣ нашемъ служила украшеніемъ не только епископовъ, но даже нѣкоторыхъ *архимандритовъ*“ (sic!) (Древн. російск. госуд. отд. I, стр. 122). Въ частности по вопросу о формѣ епископской митры у насъ въ Россіи они пишутъ слѣдующее: „между тѣмъ какъ на христіанскомъ Востокѣ, подъ владычествомъ латиновъ и магометанъ, внѣшнія отличія сана іераршескаго подверглись измѣненію, *россійская церковь и подъ ярмомъ монгольскимъ удержала ихъ ненарушимо, въ такомъ видѣ, въ какомъ (?) они приняты были отъ византійской церкви*“. (Тамъ же). Изъ сказаннаго нами выше и въ данномъ случаѣ и на основаніи приведенныхъ нами исторически-несомнѣнныхъ свидѣтельствъ можно видѣть, на сколько заслуживаютъ вниманія отмѣчаемые нами здѣсь соображенія по вопросу о времени происхожденія епископской митры и ея формѣ, и можно ли считать вопросъ этотъ, при существующихъ наличныхъ данныхъ, хотя бы и близкимъ къ положительному рѣшенію.

¹⁾ Служебн. ркп. XVI в. М. Синод. библ. № 366 (680), л. 47 (Опис. ркп. Моск. Синод. библ. отд. III, ч. I, стр. 96); А. Дмитріевскій. Архіепископъ елассонскій Арсеній и его историческіе мемуары. Кіев. 1899, стр. 86; *Σάδα Βιογραφ. οὐχέδιασμα περί τοῦ πατρ. Ἱερεμίου β.* 'Εν 'Αθῆν. 1870, σελ. 48, 52, 76; Арх. Савва. Указат. М. патріар. ризницы стр. 13; Хр. Чтен. 1879, № 11—12, стр. 569.

²⁾ См. выше § 18.

шапочекъ, получившихъ съ этого времени значеніе принадлежности епископскаго сана. По крайней мѣрѣ, акты московскаго собора 1674 года даютъ намъ ясно понять, что отцамъ этого собора не была чужда мысль о заимствованіи нами митры съ православнаго Востока, по примѣру восточныхъ патріарховъ. „Митра, имущая горѣ креста образъ¹⁾, говорится въ актахъ этого собора относительно патріаршей митры, по подобію, яко имутъ святѣйшіи гречестіи патріарси, во священнодѣйствіи, по обычаю святыхъ восточныхъ Церкви, яко и великій святой Кириллъ александрійскій по главѣ златымъ увисломъ обложися, егда святому и селенскому 3 собору предстательствоваше; и величался, по уставу равноапостольнаго святаго великаго царя Константина, бывшему ко святому Сильвестру, и яко Теофилу александрійскому (правильнѣе іерусалимскому) патріарху царь Василій (976—1025) багрянородный возложи діадиму, и во церкви украшати предзаконоіями повелѣ“²⁾. Правилами того же собора установлено, чтобы у митрополитовъ была „шапка золотая или среброкованная, позлащенная“, а у архіепископовъ и епископовъ— „шапка сребропокованная“³⁾.

Проф. А. Дмитріевскій.

¹⁾ Митру съ крестомъ наверху въ 1686 году было „позволено“ носить и кіевскому митрополиту (Опис. Кіево-Софійск. собора и кіевской іерархіи стр. 200 и приб. стр. 101) „ради въ той странѣ обыкности“.

²⁾ Амвросій. Исторія російской іерархіи ч. I, стр. 328.

³⁾ Тамъ же стр. 332, 335.

Чѣмъ можно содѣйствовать распространенію въ народѣ книгъ Священнаго Писанія?

Не разъ уже отмѣчалось на страницахъ разныхъ органовъ духовной печати, что народъ нашъ совершенно почти не знаетъ основныхъ истинъ Христіанскаго православнаго ученія. Одною изъ причинъ столь печальнаго явленія нужно признать отсутствіе въ народѣ знакомства съ Священнымъ Писаніемъ. Русскій народъ, всегда отличавшійся религіозностію, уже съ первыхъ временъ принятія христіанства смотрѣлъ на книги Св. Писанія, какъ на лучшее и самое полезное для него чтеніе. Казалось, можно было бы ожидать, что любовь къ религіозному чтенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число обращающихся въ народѣ книгъ Св. Писанія, все больше будетъ расти; дѣйствительно, народъ и доселѣ сохранилъ любовь къ „прочитанію Божественному“ и доказательство этому можно видѣть на каждомъ шагу. Пишущему эти строки пришлось натолкнуться недавно на такой случай: отецъ беретъ обратно изъ школы сына потому, что въ этой школѣ учатъ не по Псалтири. Разумѣется, это крайность, но здѣсь ясно высказывается взглядъ на то, чего хочетъ нашъ народъ отъ школы, какъ привязанъ онъ къ божественнымъ книгамъ. Нельзя не радоваться этой привязанности народа къ Слову Божію, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не поскорбѣть о томъ, что все же народъ нашъ очень мало Его знаетъ. Причинъ тому много и прежде всего слабое развитіе грамотности. Пишущему эти строки приходилось знакомиться съ крестьянами нѣсколькихъ губерній, вести бесѣды, бывать въ крестьянской избѣ,—и вездѣ наблюдается одно и то же: даже въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть нѣсколько чловѣкъ грамотныхъ, отсутствуетъ не только Библия, но даже Евангеліе. Ежегодные отчеты „Общества распространенія Св. Писанія въ Россіи“ даютъ въ общемъ поразительно малую цифру продаваемыхъ ежегодно книгъ. Невѣрующій, какъ его иногда называютъ, Западъ, въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо выше нашей святой Руси; въ 1881 году въ Америкѣ былъ из-

данъ новый переводъ Библии на англійскій языкъ. Въ самый день появленія его въ Нью-Йоркѣ продано было 300 т. экземпляровъ, на другой день 200 т. Одна газета въ Чикаго по телеграфу напечатала все Евангеліе отъ Матѳея въ количествѣ 500 т. экземпляровъ, которые и распространены были въ одинъ день ¹⁾.

Британское библейское Общество за одинъ годъ (1898) распространило 4,387 т. экземпляровъ Библий и отдѣльныхъ священныхъ книгъ. Гораздо слабѣе дѣйствуетъ „Общество распространенія Св. Писанія въ Россіи“: за тотъ-же годъ имъ было распространено всего только 74,456 экземпляровъ священныхъ книгъ, съ начала же дѣятельности Общества, больше чѣмъ за 20 лѣтъ, 1,897 т. экземпляровъ; на 87 милліоновъ православныхъ русскихъ людей такое число нужно признать очень скромнымъ. И затѣмъ объ этомъ числѣ нужно сказать, что только незначительная его доля попадаетъ въ деревни, особенно деревни захолустныя. Это и понятно: книжные склады Общества существуютъ только въ большихъ городахъ, книгоноши дѣйствуютъ главнымъ образомъ по бойкимъ торговымъ мѣстамъ и промышленнымъ, на пароходахъ, по желѣзнымъ дорогамъ и рѣдко очень попадаютъ въ мѣста захолустныя.

Быстрое распространеніе за послѣднее время грамотности, особенно благодаря церковно-приходскимъ школамъ, требуетъ отъ лицъ, близко стоящихъ къ народу, заботы и о томъ, чтобы удовлетворить его духовный голодъ: мало дать чело-вѣку грамотность, нужно дать ему въ руки книгу и прежде всего книгу книгъ—Библию.

Важное значеніе книгъ Св. Писанія для религіозно-прав-ственнаго развитія и воспитанія народа указываетъ духовен-ству на то, что оно должно взять на себя дѣло распростра-ненія св. книгъ. Дѣло это, какъ увидимъ, не трудное. При нѣкоторыхъ большихъ храмахъ и монастыряхъ существуетъ про-

¹⁾ Заокеанскій Западъ въ религіозн.-прав. отношеніи. А. Лопухина. 19 стр.

даже иконъ и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія; такая же продажа можетъ быть организована, въ меньшихъ размѣтахъ, и при каждой церкви. Начинать, конечно, дѣло слѣдуетъ съ малаго, а если оно разрастется, то его можно расширить; завѣдываніе этимъ дѣломъ всего естественнѣе поручить церковнымъ старостамъ подѣ контролемъ приходскаго священника. Если-бы это дѣло привилось при всѣхъ храмахъ, то Русь въ нѣсколько лѣтъ покрылась бы цѣлою сѣтью небольшихъ книжныхъ складовъ, которые принесли бы громадную пользу народу. Раскрывать значеніе Слова Божія для человѣка—долгъ cadaго пастыря; касаясь этого вопроса въ своихъ проповѣдяхъ, священникъ вмѣстѣ съ тѣмъ могъ-бы указывать и на то, гдѣ его слушатели могутъ найти и приобрести священныя книги.

Главный вопросъ здѣсь—вопросъ о средствахъ, необходимыхъ для приобрѣтенія книгъ. Такъ какъ дѣло придется начинать съ маленькихъ размѣровъ, то на первыхъ порахъ для него достаточно 10—20 р., сумма не такъ уже большая, чтобы могла затруднить причтъ и церковнаго старосту. Затѣмъ, расходуя такую сумму даже изъ своихъ личныхъ средствъ, церковный причтъ ничѣмъ совершенно не рискуетъ: затраченную сумму онъ, можетъ быть и не всегда скоро, но непременно возвратитъ, такъ какъ книги Св. Писанія никогда не утратятъ своего значенія: это совсѣмъ не то, что книги свѣтскаго характера, на которыя есть своя мода и спросъ.

Книги Св. Писанія для распространенія въ народѣ духовенство могло-бы получать и отъ „Общества распространенія книгъ Св. Писанія въ Россіи“ на коммиссіонныхъ началахъ.

Большую помощь въ дѣлѣ распространенія книгъ Св. Писанія въ народѣ можетъ оказать духовенству церковно-приходская школа. Для того, чтобы народъ читалъ Слово Божіе, необходимо пріучить его къ этому, а это и должна взять на себя прежде всего школа. Въ церковно-приходской школѣ, имѣющей въ виду прежде всего воспитаніе народа, Библия должна быть самою употребительною книгою.

Каждый день въ церковно-приходской школѣ читаются утреннія молитвы; весьма желательно было-бы, чтобы каждый день читалось и дневное евангеліе; это потребуетъ каждый день всего какихъ-нибудь 5—10 минутъ, а такимъ способомъ въ теченіе года будетъ прочитано все Евангеліе. Такъ какъ на утренней молитвѣ присутствуетъ и законоучитель, то онъ могъ-бы дѣлать и краткія объясненія къ прочитанному евангелію.

Желательной для указанной цѣли мѣрой могло-бы послужить преподаваніе Закона Божія по Библии. Здѣсь такимъ образомъ соединилось-бы изученіе двухъ предметовъ: Закона Божія и церковно-славянскаго языка; такое преподаваніе было-бы полезно въ томъ отношеніи, что оно приучало-бы дѣтей съ раннихъ лѣтъ къ чтенію Св. Писанія, а преподаванію Закона Божія этимъ были-бы приданы живость и интересъ.

Многія церковно-приходскія школы располагаютъ весьма незначительными средствами, которыхъ не хватаетъ на всѣ необходимыя пособія и учебники: приходится иногда учебники выдавать на двухъ учениковъ: желательно, чтобы Евангеліе выдавалось, особенно въ старшихъ группахъ, непременно каждому ученику, съ тѣмъ чтобы дѣти читали его дома; нерѣдко и старики неграмотные просятъ своихъ дѣтей что-нибудь почитать имъ, а школьники нерѣдко не имѣютъ ничего подходящаго, кромѣ учебной книжки; здѣсь то и необходимо Евангеліе, какъ самая спасительная, полезная и для всѣхъ доступная книга.

Въ нѣкоторыхъ школахъ ученикамъ, оканчивающимъ курсъ, особенно оказавшимъ успѣхи, выдаются награды, похвальные листы; всего лучше было-бы, если-бы вмѣсто этого выдавали Евангеліе, а то и всю Библию, какъ лучшее благословеніе дѣтямъ воспитавшей ихъ школы. В. П.

Изъ дневника священника.

По поводу статьи о. В. Бабуры „о нашихъ неудачахъ“ (Стран. 1902, XI, 719 и дал.).

Когда я прочитываю статьи, подобныя выписанной въ заглавіи статьѣ о. В. Бабуры, мнѣ всегда становится какъ то не по себѣ: немного досадно, еще болѣе—грустно...

Хорошія, безукоризненно хорошія, искреннія, иногда горячія и задушевные мечты о ясномъ небѣ идеаловъ.. Необыкновенно чистосердечныя слова, выходяція изъ несомнѣнно идейнаго настроенія... Однимъ словомъ, вся наличность данныхъ, способныхъ повидимому подбодрить тебя и всколыхнуть...

И, однако, этого нѣтъ. Чувствуется неудовлетворенность, и прежде всего легкая досада. Досада вотъ на что: зачѣмъ такъ много и такъ часто говорить о томъ, что уже давно и достаточно хорошо изложено, изучено и читано, пожалуй—выстрадано?..

И хочется сказать о. автору: дорогой друже и сотрудниче! Нуждъ и болѣзней нашихъ, дѣйствительно, очень много, такъ много, что и перечестъ ихъ затруднительно,—болѣзней тяжелыхъ и нуждъ горькихъ.. И о томъ, чтобы ихъ не было, думаю, всѣмъ намъ мечталось и мечтается (знаю случай: мечталось до слезъ, до рыданій).. Но каждый недугъ имѣетъ свои причины, свои корни.. Болѣзнь надо лѣчить съ корня. Вы же, говоря о „нашихъ нуждахъ“; предлагаете лишь слабо-отвлекающее средство...

Въ самомъ дѣлѣ. О. Бабура съ справедливымъ сокрушеніемъ и печалью удостовѣряетъ (неопровержимый) фактъ существованія почти повсюду разлада, даже вражды между священниками одного прихода (стр. 723) и предлагаетъ средство противъ этого прискорбнаго явленія: оживить дѣятельность благоточинническихъ собраній? т. е. онъ полагаетъ, что разладъ, вражда, ссоры, разногласія одноприходныхъ священниковъ, разъ организуются благоточинническія собранія, исчез-

нутъ сами собою, и взаимѣнь ихъ тоже сами собою появятся возвышенность настроенія, миролюбіе, кротость, жажда живого дѣла?.. Простите, не вѣрю... Очевидно о. Владимира незамѣтно запутали собственныя мысли. Почему онъ приписываетъ такое чудотворное дѣйствіе благочинническимъ собраніямъ? Припомните его слова. „когда благочинный станетъ живымъ центромъ, около котораго сгруппируется извѣстное число сопастырей, — мы увѣрены — духовенство заживетъ иною жизнью“. Значить и по нему—суть дѣла не въ собраніи, а въ благочинномъ: будетъ хорошій благочинный, по образцу хотя бы упоминаемаго на стр. 728 благочиннаго градскихъ церквей,—и священникамъ будетъ лучше; нѣтъ такого благочиннаго, — и дѣло оживленія пастырской дѣятельности не устроится.

Но и это, воля ваша, не пошло и не вѣрно. Во-первыхъ, надо, чтобы налицо въ дѣйствительности, а не въ условномъ только оборотѣ рѣчи, существовалъ благочинный съ искрой Божіей въ груди. А откуда такихъ благочинныхъ взять? Исключенія, подобныя приведенному примѣру, возможны и—слава Богу!—есть. Но мы говоримъ о правилѣ. А правило таково: благочинные берутся отъ своей братіи, которая, по признанію о. автора замѣтки, именно и требуетъ исцѣленія.

Во вторыхъ, для меня лично весьма затруднительно вѣрить, чтобы одинъ идеально настроенный благочинный могъ все возродить вокругъ себя. Вѣрю, что отдѣльные пастыри радостно почувствуютъ его нравственное обаяніе и потянутся къ нему, какъ тянется къ свѣту и теплу все, жаждущее жизни. Но за этими единицами не надо забывать большинства, о которомъ свидѣлствуется, что оно живетъ среднею,—иногда даже ниже того—жизнію. По моему, о. Б. не съ той стороны посмотрѣлъ на дѣло. Священники живутъ „за рѣдкими исключеніями“ не ладно между собою, „не сближены нравственно“, „отношенія ихъ крайне обострены“ и. т. д. Картина грустная—хотѣлось бы думать: нѣсколько преувеличенная. Но предлагать средство разцвѣтить ее мягкими то-

нами пастырскаго идеализма, не указавъ напередъ, откуда же у пастырей, этихъ отвѣтственныхъ дѣлателей Господняго дѣла, такое унылое существованіе, такое пониженіе духовныхъ интересовъ, значить не рѣшать вопроса по существу, а сдвигать его на такое поле, гдѣ теряются всякія начала и концы темы...

Для меня рѣшеніе вопроса ясно. Священники—прежде всего—люди съ человѣческою плотью и человѣческими нуждами, духовными и вещественными. До принятія сана они готовятся къ пастырскому служенію годами долгаго ученія. Эта подготовка должна постепенно открыть предъ ихъ сознаниемъ величіе и священную отвѣтственность будущей ихъ дѣятельности. Изъ школы они должны выйти съ представленіемъ того, что такое они и на какое дѣло идутъ. И если, по минованіи немногихъ уже лѣтъ пастырской жизни, мы видимъ, что и тотъ и тотъ и многое множество другихъ пастырей вмѣсто того, чтобы ярко горѣть свѣтильниками на свѣщницѣ своего прихода, питають своею дѣятельностью только „судебную консисторскую литературу“, тогда не естественно ли истолковать это явленіе такъ: или эти пастыри вышли изъ школы съ худо заправленными лампадами и потому тусклы и чадятъ вмѣсто того, чтобы свѣтить и грѣть; или хорошо заправленные въ школѣ свѣтильники ихъ примеркають и тухнуть, задуваемыя какими либо противными вѣтрами жизни; а можетъ быть въ томъ одновременно повинны и школа и жизнь...

Но тогда рѣчь вести нужно не о благочинническихъ собраніяхъ, а о коренныхъ условіяхъ, опредѣляющихъ постоянное пастырское жизненастроеніе, т. е. о томъ, въ какой мѣрѣ современная духовная школа помогаетъ выработкѣ типа самоотверженнаго пастыря—идеалиста и какихъ измѣненій нужно желать въ строѣ духовновоспитательныхъ заведеній для того, чтобы они были на высотѣ своей задачи... И съ другой стороны:—какъ устранить главное и самое тяжкое испытаніе, стоящее на многотрудномъ пути пастырства и вырывающее изъ груди даже не малодушныхъ священниковъ подчасъ вопль отчая-

нія,—разумѣю—матеріальную необезпеченность нашего духовенства...

По первому вопросу въ одной непріятной газетѣ были написаны слѣдующія строки: „семинаріи надо спасать... Реформируйте ихъ такъ, чтобы это были дѣйствительно институты, въ которыхъ питомцы свободно воспитывали (?) бы въ себѣ духъ и силу для предстоящаго великаго и святаго служенія; сдѣлайте семинарію прежде всего воспитательнымъ, а потомъ уже образовательнымъ учебнымъ заведеніемъ“.

Итакъ, семинарія *должна* воспитать и подготовить будущаго пастыря къ идейному служенію въ приходѣ, должна вдохнуть въ него душу живую; влить въ него огненную ревность о Богѣ и Его народѣ; всѣмъ своимъ строемъ громко и неустанно будить въ немъ наилучшія чувства и порывы, чтобы въ концѣ концовъ вывести его на жизненную арену въ полной боевой готовности апостола любви и подвижника долга. Это—святая обязанность всѣхъ, стоящихъ у семинарскаго образованія, на нихъ мы не лишены права возложить значительную (если не наибольшую) часть отвѣтственности за то, если ихъ питомецъ, выйдя на дѣланіе Христово, поторопится съ легкою душою надѣть на себя унизительное одѣяніе лукаваго и лѣниваго наемника... Какъ должна семинарія осуществлять свою воспитательную задачу—подробное развитіе этихъ мыслей выходитъ за рамки моей бѣглой замѣтки. Равно не имѣю въ виду подробно распутывать старый и громадный по размѣрамъ вопросъ о ненормальности матеріальнаго существованія нашихъ пастырей.

А кратко вотъ непоколебимое мое убѣжденіе: пока не исчезнетъ для священника тяжкая борьба за кусокъ насущнаго хлѣба; пока онъ не освободится отъ унизительнаго способа обезпеченія себя и своей семьи путемъ нищенскаго вымаливанія подаяній; пока душа его будетъ двоиться между долгомъ поднять на ноги семью и соблюсти въ чистотѣ пастырскую совѣсть, до тѣхъ поръ идеалисты—пастыри, пастыри—

подвижники будутъ насчитываться единицами; до тѣхъ поръ „наши недуги“ и въ томъ числѣ „отсутствіе единства и взаимообщенія въ дѣятельности духовенства“ останутся недугами упорными и трудно исцѣлимыми...

Свящ. *Евгеній Капраловъ.*

Примѣръ достойный подражанія.

Присматриваясь къ жизни своихъ прихожанъ, одинъ изъ священниковъ Волынской епархіи убѣдился, что ничто такъ не губить ихъ, духовно и матеріально, какъ неизбѣжно связаные съ ихъ жизненными обычаями расходы по хмѣльному угощенію гостей въ тѣхъ или иныхъ, радостныхъ или печальныхъ, событіяхъ ихъ жизни. Таковы расходы при празднованіяхъ: 1) „похрыстынь“—пріема и угощенія гостей на другой и даже третій день послѣ отпразднованныхъ крестинъ, хотя этотъ обычай не всѣми и не всегда соблюдается; 2) „двѣдохъ“—посѣщеній родильницы родственниками и другими въ теченіе времени пребыванія ея въ дому до времени воцерковленія дитяти; 3) „заборовъ“—или предсвадебнаго сговора; 4) „сватаній“—торжественнаго объявленія предъ родными и знакомыми сговореннаго брака; 5) послѣ свадебныхъ торжествъ, продолжающихся нѣсколько дней, и т. п. Все это побуждало его не разъ говорить прихожанамъ объ умѣстности оставленія ими такихъ тяжелыхъ для нихъ обычаевъ, но въ то время, когда благоразумнѣйшіе изъ нихъ соглашались съ нимъ, другіе въ силу противорѣчія смотрѣли на его доводы недружелюбно. Въ минувшіе Рождественскіе святки, при посѣщеніи прихожанъ, онъ опять завелъ съ ними рѣчь о неудобности для нихъ ихъ тяжелыхъ обычаевъ и они, признавая доводы въ данномъ случаѣ вѣрными, не рѣшаясь же, во избѣжаніе пареканія со стороны чьей либо, быть инициаторами въ данномъ случаѣ, просили его взять дѣло въ свои руки, говоря, что большинство прихожанъ будетъ ему только благодарно, если онъ избавитъ ихъ отъ непосильныхъ для нихъ тратъ. Въ силу этого предложено было прихожанамъ въ церкви разсудить, желательно ли имъ устранить празднованіе „заборовъ“ и „сватаній“. О другихъ обычаяхъ, менѣе значительныхъ и обременительныхъ, рѣчи не было, дабы не повредить начатому дѣлу. Такъ какъ прихожане, за ничтожнымъ исключеніемъ, съ значительной радостью и одобреніемъ

встрѣтили его предложеніе, то былъ составленъ соотвѣтствующій приговоръ, каковой и былъ подписанъ прихожанами.

Вотъ текстъ этого приговора.

„1903 года 12 января, мы, нижеподписавшіеся, прихожане Любарской св. Троицкой церкви, на церковномъ сходѣ при сей церкви, составленномъ по предложенію нашего приходскаго священника, имѣли разсужденіе о неблаговидности и разорительности нѣкоторыхъ нашихъ обычаевъ, соединенныхъ съ свадебными торжествами, а потому и постановили: 1) предсвадебные такъ называемые „заборы“ и „сватанья“, а равно и послѣ свадебную чуть не недѣльную волокиту, влекуція за собою многочисленныя траты на устройство хмѣльнаго угощенія гостей, уничтожить; 2) свадьбу зачинать въ воскресенье и оканчивать въ понедѣльникъ такъ называемой „даровизной“ или одариваніемъ „молодыхъ“ со стороны гостей безъ дальнѣйшаго угощенія „молодыми“ послѣднихъ; 3) вообще способствовать тому, чтобы хмѣльное угощеніе не было причиной разстройства благосостоянія нашего; 4) нарушителей сего приговора штрафовать по опредѣленію прихожанъ. (Слѣдуютъ подписи).

1903 г. 19 января, мы, нижеподписавшіеся прихожане Любарской св. Георгіевской церкви, рѣшеніемъ своимъ на церковномъ сходѣ отъ 19 сего января, постановили и дѣйствительно присоединяемся къ данному приговору прихожанъ св. Троицкой церкви отъ 12 января 1903 г., въ чемъ подписуемся. (Слѣдуютъ подписи)“.

Владыкѣ Антонію, на благоусмотрѣніе коего былъ представленъ этотъ приговоръ, угодно было изъявить священнику благодарность, а прихожанамъ преподать Божіе благословеніе.

(Вол. Еп. Вѣд. 1903 г., № 7.)

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 9 марта 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акд. Общ. П. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 12.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, марта 23-го.

Содержаніе: Пастырскія собранія, какъ выраженіе пастырскаго взаимооб-
щенія.—Лазарево воскресеніе и недѣля вай въ Иерусалимѣ.—При-
чины, почему церковное Богослуженіе не располагаетъ насъ иногда
къ сердечной молитвѣ предъ Богомъ.—Народные обычаи на Благо-
вѣщеніе Пресв. Богородицы въ Назаретѣ.— Кто изъ священнослу-
жителей долженъ первенствовать при соборныхъ Богослуженіяхъ.

Пастырскія собранія, какъ выраженіе пастыр- скаго взаимообщенія.

Наше духовенство ведетъ очень разобщенную между со-
бою жизнь: ни средствъ, ни способовъ истиннаго, плодотвор-
наго пастырскаго взаимообщенія въ обиходѣ пастырской жизни
не имѣется. Живя въ деревнѣ, удивляешься тому явленію,
что духовенство не только отдаленныхъ другъ отъ друга при-
ходовъ, но и приходовъ ближайшихъ въ большинствѣ случа-
евъ, кромѣ оффиціальныхъ сношеній, никакого другого обще-
нія между собою не имѣетъ. Если и бываютъ исключенія, то
они рѣдки и большею частью касаются родственниковъ, если
эти родственники живутъ поблизости. Правда, храмовые празд-
ники и семейныя торжества собираютъ иногда значительное
количество ближайшихъ духовныхъ лицъ къ священнику, въ

приходъ котораго храмовой праздникъ или въ домъ котораго семейное торжество. Но эти собранія имѣютъ исключительно праздничный характеръ и по существу очень мало способствуютъ сближенію духовенства, объединенію его на почвѣ болѣе или менѣе серьезныхъ интересовъ. Часто приходилось намъ бывать у священниковъ во время такихъ праздничныхъ собраній. Общенія на почвѣ существенно-важныхъ интересовъ пастырской жизни и дѣятельности здѣсь не замѣчается. Разговоры рѣдко принимаютъ принципиальный характеръ и вращаются обыкновенно около вопросовъ личной жизни священниковъ и ихъ матеріальныхъ нуждъ; интересуются постановленіями и дѣлами мѣстнаго архіерея и консисторіи, событіями изъ жизни окрестнаго духовенства. Къ сожалѣнію, намъ рѣдко приходилось на такихъ собраніяхъ слышать разговоры и споры принципиальнаго въ отношеніи пастырской дѣятельности духовенства характера. Впрочемъ, оно и понятно. Для празднично настроеннаго собранія споры и разговоры серьезнаго характера и сами по себѣ малоподходящи; къ тому же на такихъ праздничныхъ собраніяхъ присутствуютъ не одни духовныя лица, а и люди свѣтскіе и притомъ такіе, для которыхъ серьезные разговоры были бы и мало интересны и, быть можетъ, мало понятны. Другихъ же способовъ болѣе плодотворнаго пастырскаго взаимообщенія пока не существуетъ.

Должно сознаться, что условія жизни и дѣятельности сельскаго духовенства представляютъ не мало препятствій для его болѣе тѣснаго взаимообщенія. Къ такимъ препятствіямъ нужно отнести прежде всего отдаленность приходоѡвъ. Ъхать за 10—20 верстъ не всегда удобно, особенно если не представляется къ тому крайней необходимости. Обязанности же священника многосложны, и присутствіе его въ приходѣ можетъ оказаться необходимымъ каждую минуту. Если прибавить къ этому еще и постоянную заботу духовенства о своихъ матеріальныхъ нуждахъ, то станетъ болѣе или менѣе понятнымъ и извинительнымъ отсутствіе среди нашего сельскаго духовенства тѣснаго и частаго взаимообщенія.

Въ значительно лучшемъ положеніи въ этомъ отношеніи находится городское духовенство. Здѣсь препятствій къ тѣснѣйшему единенію и взаимообщенію почти не существуетъ. Работы, конечно, и здѣсь много, но она не непрерывна, такъ какъ трудъ бываетъ значительно меньше, и отлучка священника изъ предѣловъ своего прихода всегда возможна въ виду близости другъ къ другу городскихъ приходоу. Къ сожалѣнію, однако, и въ городахъ не замѣчается тѣснаго взаимообщенія и единенія духовенства между собою. Сходятся здѣсь священники чаще, но это общеніе происходитъ не на почвѣ серьезныхъ и важныхъ интересовъ. Разговоры и споры и тутъ въ большинствѣ случаевъ носятъ тотъ же характеръ, что и среди собравшагося сельскаго духовенства. Явленіе печальное.

Намъ представляется, что взаимообщеніе духовенства на почвѣ интересовъ чисто пастырскихъ есть дѣло необходимости, дѣло настолько важное, что надъ нимъ слѣдуетъ серьезно подумать, особенно подумать надъ устраненіемъ тѣхъ препятствій, какія находятся на пути къ осуществленію его, и надъ выработкой формъ пастырскаго взаимообщенія. Извѣстная истина, что въ единеніи и взаимообщеніи — сила и залогъ успѣха, а въ разобщенности — слабость и безсиліе, — истина, приложимая ко всѣмъ сферамъ человѣческой дѣятельности, — приложима и къ дѣятельности пастырской. Это сознали враги христіанства самыхъ разнообразныхъ убѣжденій и вѣрованій, ищущіе искусственныхъ точекъ соприкосновенія для своего единенія и находящіе ихъ едва ли не въ одной враждѣ къ христіанству. Христіанамъ же и особенно христіанскимъ пастырямъ заповѣдь любви и единенія оставилъ Пастыреначальникъ Христосъ: „О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою“ (Іоан. 13, 35), сказалъ Онъ апостоламъ и, покидая ихъ тѣлесно во враждебномъ имъ мірѣ, молился о нихъ: „да вси едино будутъ, якоже ты, отче, во мнѣ и азъ въ тебѣ“ (Іоан. 17, 21). И выраженіемъ и источникомъ любви и единенія пастырей не только въ вѣрѣ, но и въ дѣятельности должно быть возможно частое и воз-

можно тѣсное взаимообщеніе. Въ немъ же залогъ бодрости, плодотворности и успѣха пастырской дѣятельности. Пастырская дѣятельность и сама по себѣ, независимо отъ условій того или другого времени, широка, многостороння и многосложна: условія же современной жизни дѣлаютъ ее еще труднѣй и отвѣтственнѣй, такъ какъ эти условія вызываютъ пастырей на стойкую и упорную борьбу. Личная энергія и личныя усилія часто ослабѣваютъ предъ препятствіями, личный опытъ оказывается часто недостаточнымъ для всѣхъ случаевъ жизненной борьбы, а особенно борьбы на основѣ интересовъ многосторонней дѣятельности пастыря. Практика пастырской дѣятельности, приемы борьбы съ расколомъ и сектантами, поведеніе въ различныхъ случаяхъ жизни и взаимоотношеній пастыря и пасомыхъ—все это и многое другое нуждается въ постоянной провѣркѣ и постоянномъ руководствѣ болѣе широкаго опыта и болѣе всестороннихъ знаній, чѣмъ знанія и опытъ одного, хотя бы и очень опытнаго и образованнаго, пастыря. Необходимость живого обмѣна мыслей между пастырями для достиженія ими въ своей дѣятельности большаго единства и въ цѣляхъ болѣе ея плодотворности не подлежитъ сомнѣнію, какъ это признано теперь во всѣхъ сферахъ дѣятельности. Полезность съѣздовъ представителей самыхъ разнообразныхъ сферъ дѣятельности теперь общепризнана и эти съѣзды стали явленіемъ обычнымъ. Дѣятельность пастырей столь многостороння и широка, что ее и невозможно сравнивать въ этомъ отношеніи съ какою-либо иною дѣятельностью. Какъ дѣятельность живая и жизненная, дѣятельность пастырей менѣе всего можетъ быть регламентирована опредѣленными правилами, заключена въ опредѣленные рамки; напротивъ, она постоянно развивается и видоизмѣняется въ зависимости отъ условій ея проявленія, отъ теченія жизни общества, хотя остается неизмѣнной по своимъ цѣлямъ. Житейское же волнующееся море широко и необъятно; его не окинуть однимъ взглядомъ, не понять одной думой. Во взаимномъ обмѣнѣ мыслей, въ общемъ рѣшеніи не-

доумѣній, выдвигаемыхъ жизни и пастырской дѣятельностью, въ общемъ обсужденіи явленій современной общественной жизни пастыри почерпнуть незамѣнимое знаніе, дорогой опытъ и новую бодрость для своей дѣятельности. Правда, есть духовные журналы, ставящіе своей задачей — удовлетворить запросамъ современной жизни и дѣятельности духовенства, дать возможность пастырямъ дѣлиться съ сопастырями мыслями и наблюденіями; но, не говоря уже о томъ, что журналы не въ состояніи предвидѣть и удовлетворить всѣ насущныя потребности, предъявляемыя къ жизне-дѣятельности духовенства той или другой мѣстности, того или другого округа, такъ какъ эти журналы по необходимости имѣютъ въ виду болѣе общіе интересы духовенства, — не говоря уже объ этомъ, печатное слово не можетъ всецѣло замѣнить живого слова, живого обмѣна мыслей. Это признано во всѣхъ сферахъ дѣятельности, гдѣ практикуются съѣзды.

Существуютъ съѣзды и духовенства, епархіальные и уѣздные, но эти съѣзды имѣютъ въ виду рѣшеніе вопросовъ чисто практическаго свойства, вопросовъ о благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній, объ устройствѣ общепархіальныхъ или уѣздныхъ мѣсть призрѣнія для сиротъ и вдовъ духовенства и проч.; къ тому же эти съѣзды рѣдки, по необходимости кратковременны, представляется лишь очень небольшою частью духовенства. Повидимому, скорѣе могли бы вести къ осуществленію идеи пастырскаго взаимообщенія съѣзды духовенства по благочиніямъ, хотя бы и кратковременные, но за то болѣе частые. Къ сожалѣнію, съѣзды по благочиніямъ весьма рѣдко практикуются и въ большинствѣ случаевъ носятъ характеръ съѣздовъ епархіальныхъ и уѣздныхъ, т. е. ограничиваются рѣшеніемъ вопросовъ практическихъ и избраніемъ различныхъ должностныхъ лицъ.

Вопросъ, во всякомъ случаѣ, не столько въ важности и плодотворности пастырскаго взаимообщенія, сколько въ возможности и формахъ его осуществленія. Въ городахъ возможность осуществленія идеи пастырскаго взаимообщенія пред-

ставляется полная. Здѣсь сама жизнь болѣе, чѣмъ въ сельскихъ приходяхъ, призываетъ пастырей къ единенію и взаимнообщенію. Здѣсь пульсъ общественной жизни бьется сильнѣе, запросы и вопросы современной общественной и церковной жизни настойчивѣй врываются въ жизнь духовенства. Какъ бы ни былъ уменъ и образованъ пастырь, онъ не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ все, происходящее вокругъ него, надлежаще понялъ и надлежаще оцѣнилъ. Чаще, чѣмъ въ селахъ, встрѣчаясь съ свѣтскими людьми и неправо—и иномыслящими, городской пастырь не можетъ быть увѣренъ, что лагаемый или данный имъ отвѣтъ на вопросы этихъ людей есть самый лучший и самый цѣлесообразный. Да, наконецъ, и при существованіи такой самоувѣренности онъ долженъ думать не о себѣ только, но и о самомъ защищаемомъ имъ дѣлѣ и о другихъ защитникахъ того же дѣла, о сопастыряхъ, и у него должно являться желаніе подѣлиться съ ними своими знаніями и своимъ опытомъ. Съ другой стороны неумѣтна и гордость въ общемъ дѣлѣ, особенно святомъ дѣлѣ пастырскомъ, которое многосложно и подвижно, какъ многосложна и подвижна сама жизнь; а потому никогда не мѣшаетъ провѣрить себя мнѣніями другихъ, какъ всегда необходимо опираться не на свой только опытъ.

Настойчиво вызываемое теченіями современной церковно-общественной жизни и запросами къ пастырской дѣятельности тѣсное и плодотворное взаимообщеніе пастырей уже нашло въ городахъ и подходящую форму своего выраженія. Въ нѣкоторыхъ городахъ (въ Петербургѣ, Кіевѣ, Калугѣ и др.), по инициативѣ энергичнѣйшихъ пастырей и по благословенію мѣстныхъ преосвященныхъ, заведены „братскія собранія“ или „пастырскія бесѣды“. Мы бывали на этихъ собраніяхъ и не можемъ не привѣтствовать ихъ отъ всей души, какъ лучшую форму осуществленія идеи пастырскаго взаимообщенія. Дѣло это сравнительно новое, а потому оно можетъ и должно развиваться, такъ какъ плодотворность и насущная потребность осуществленія его не подлежатъ ни малѣйшему

сомнѣнію. Пока поставлено оно такъ. По извѣстнымъ днямъ, приблизительно одинъ разъ въ двѣ недѣли или, если есть возможность, каждую недѣлю желающіе священники собираются поочередно у участниковъ этихъ братскихъ собраний; причемъ заранѣе намѣчается какой-либо вопросъ для обсужденія,—вопросъ, или выдвинутый текущей церковно-общественной жизнью или подвергаемый разнымъ рѣшеніямъ или вообще интересный для многихъ священниковъ вопросъ изъ области богословія, пастырской жизни и дѣятельности. Каждый разъ собраніе выбираетъ изъ своей среды предсѣдателя, который руководитъ спорами и резюмируетъ результатъ обсужденія. Стѣсненія въ выраженіи своихъ мнѣній и недоумѣній не существуетъ, да и не должно быть никакого. Если вопросъ не считается рѣшеннымъ или достаточно уясненнымъ, то онъ переносится на обсужденіе слѣдующаго собранія. Если же этотъ вопросъ достаточно исчерпанъ, то настоящее собраніе намѣчаетъ предметъ для обсужденія слѣдующаго собранія, причемъ проситъ кого-либо изъ участниковъ приготовить къ тому собранію небольшой докладъ по намѣченному предмету. Что касается самыхъ предметовъ для обсужденія, то въ нихъ недостатка быть не можетъ и, какъ замѣчено на описываемыхъ бесѣдахъ (въ Кіевѣ), скорѣе наблюдается обратное явленіе—одинъ вопросъ вызываетъ другой и вопросы возникаютъ цѣлой вереницей. Это, разумѣется, еще не окончательно выработанная и не единственная форма выраженія пастырскаго взаимообщенія, но она, мы убѣждены, таитъ въ себѣ превосходный зародышъ развитія пастырскаго единенія въ той или иной постановкѣ. Здѣсь, кстати, должно отмѣтить то отрадное явленіе, что многіе свѣтскіе люди живо интересуются братскими собраніями и, съ дозволенія или согласія священниковъ, охотно присутствуютъ на нихъ, принимая участіе въ обсужденіи интересующихъ ихъ вопросовъ. Можно надѣяться, что при болѣе широкой постановкѣ братскихъ собраний, т. е. при открытіи доступа на нихъ и интересующимся религіозными и церковно-общественными вопросами свѣтскимъ людямъ, эти

братскія собранія могутъ служить средствомъ къ сближенію столь разобщенныхъ интеллигенціи и духовенства, а вмѣстѣ— средствомъ къ оживленію интереса среди интеллигенціи къ религіознымъ и церковно-общественнымъ вопросамъ. По крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ съ недавняго времени существуетъ „Религіозно-философское Общество“, преслѣдующее именно эти цѣли и допускающее на свои собранія духовныхъ и свѣтскихъ лицъ съ правомъ принимать участіе въ обсужденіи религіозныхъ и философскихъ вопросовъ; на этихъ собраніяхъ постоянное и живое участіе принимаютъ нѣкоторые извѣстные свѣтскіе писатели. Какъ бы то ни было, но весьма желательно, чтобы пастырскія братскія собранія, практикующіяся пока въ немногихъ городахъ, получили возможно широкое распространеніе. Для устройства ихъ нужна элергія и инициатива нѣсколькихъ пастырей и доброе желаніе со стороны другихъ. Ужели въ болѣе значительныхъ центрахъ русской жизни не найдется у пастырей Церкви того и другого? Доброе же начинаніе принесетъ добрые плоды.

Осуществленіе идеи пастырскаго взаимообщенія среди сельскаго духовенства труднѣй, хотя настойчивая необходимость единенія едва ли меньше, чѣмъ въ городахъ. Правда, въ сельскихъ приходахъ жизнь еще сравнительно проста и несложна, настроеніе и запросы церковно-приходской жизни болѣе ясны и понятны, но уже и сюда, чрезъ различныя средства и пропаганду, проникаютъ различныя вѣянія, съ которыми пастырю нужно достойно считаться, и тутъ появляются разные враги, съ которыми нужно стойко и энергично бороться *общими и единомышленными* усиліями. Враги, съ которыми настоятъ теперь потребность бороться и сельскому пастырю, разнообразны; значитъ разнообразны должны быть и средства борьбы съ ними. И самое усвоеніе этихъ средствъ борьбы съ врагами Церкви Христовой и способы примѣненія ихъ на дѣлѣ требуютъ отъ пастыря многостороннихъ знаній и широкой опытности, пріобрѣтаемыхъ не вдругъ, а постепенно, многолѣтней практикой и не единоличными усиліями, а друж-

ной общей работой. Много значить также во время замѣтить появленіе врага, понять его сильныя и слабыя стороны, чтобы дружными и общими усиліями не дать ему окрѣпнуть и укорениться. При обсужденіи нуждъ церковно приходской жизни въ пастырскихъ собраніяхъ лучше будетъ понять врагъ, изъ многихъ предложенныхъ способовъ борьбы съ нимъ будутъ выбраны лучшіе и болѣе дѣйствительные. А главное, знакомясь на пастырскихъ собраніяхъ съ практической постановкою дѣла пастырскаго въ разныхъ приходахъ и съ мѣрами, примѣняемыми пастырями болѣе опытными въ своихъ приходахъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, молодые и малоопытные священники получаютъ возможность скорѣе приобрѣсти необходимую имъ опытность и избѣжать ошибокъ, столь естественныхъ въ трудной и многосторонней дѣятельности пастыря. Въ этомъ отношеніи пастырскія собранія были бы даже болѣе плодотворны для сельскихъ пастырей, чѣмъ для городскихъ, потому что послѣдніе болѣе имѣютъ возможности восполнить недостающее имъ знаніе или опытность.

Для осуществленія идеи пастырскаго взаимообщенія между сельскимъ духовенствомъ существуютъ значительныя препятствія, но это не значить еще, что препятствія эти совершенно неустранимы и что въ высшей степени плодотворное общеніе между сельскими пастырями не можетъ быть значительно оживлено. Прежде всего желательно, чтобы сельское духовенство вообще вело менѣе разобщенную жизнь, чтобы священники, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ приходо́въ почаще собирались вмѣстѣ, пользуясь удобными къ тому поводами, и на своихъ собраніяхъ высказывали свои недоумѣнія и обсуждали событія текущей церковно-общественной и приходской жизни. Если священники ближайшихъ приходо́въ, хотя бы одинъ разъ въ мѣсяцъ, будутъ собираться другъ у друга,—то и это будетъ имѣть несомнѣнно добрыя послѣдствія въ смыслѣ оживленія взаимообщенія и развитія единства и согласія пастырской дѣятельности. Было бы у пастырей желаніе побесѣдовать другъ съ другомъ и сознаніе пользы отъ та-

кихъ бесѣдъ—и удобное время найдется и важнѣйшія препятствія будутъ устранены,—вѣдь собираются же и теперь священники у ближайшихъ сосѣдей во время, напр., храмовыхъ праздниковъ.—Къ оживленію пастырскаго взаимообщенія могутъ служить и теперешніе съѣзды по благочиніямъ, если придать имъ нѣсколько иной характеръ, т. е. характеръ пастырскихъ собраній для обсужденія не только вопросовъ практическаго свойства и рѣшенія официальныхъ дѣлъ, но для рѣшенія и другихъ вопросовъ пастырской жизни и дѣятельности, и если, съ другой стороны, сдѣлать эти благочинническіе съѣзды болѣе частыми. Тѣ или другіе вопросы и предметы для обсужденія могутъ быть заранѣе намѣчаемы благочиннымъ по заявленію пастырей или по его усмотрѣнію. Еще лучше, если каждый данный благочинническій съѣздъ будетъ указывать предметы для обсужденія слѣдующаго съѣзда. Желательно только, чтобы обсужденіе вопросовъ было чуждо официальнойности, было возможно свободнымъ, искреннимъ и безпристрастнымъ и велось подъ предсѣдательствомъ или благочиннаго или нарочито каждый разъ избираемаго священника, способнаго руководить преніями. Время для такихъ съѣздовъ, или пастырскихъ собраній, должно быть выбираемо наиболѣе удобное для большинства священниковъ данной мѣстности и всего лучше, если это время будетъ назначаться каждый разъ собраніемъ же. Не бѣда, если одинъ или два священника по неотложнымъ нуждамъ не будутъ присутствовать на собраніи, но желательно, чтобы такія уклоненія отъ собраній были вызываемы дѣйствительно-важными, а не мало-значительными причинами. Несомнѣнно, осуществленіе идеи такихъ пастырскихъ собраній въ значительной степени будетъ зависѣть отъ отношенія къ нимъ мѣстнаго архіерея и энергіи мѣстнаго благочиннаго, но мы вѣримъ, что самая идея такихъ собраній столь симпатична, что она встрѣтитъ должное сочувствіе и вызоветъ должную энергію.

Повторяемъ, если среди сельскаго духовенства явится и созрѣетъ сознаніе важности и плодотворности пастырскаго

взаимообщенія, то возникнутъ и пастырскія собранія, въ какой бы то ни было формѣ.

А. Тр.

Лазарево воскресеніе и недѣля ваій въ Іерусалимѣ.

Жизнь паломническая въ Іерусалимѣ достигаетъ наивысшаго своего напряженія особенно въ концѣ великаго поста. Последніе дни шестой недѣли и вся страстная седмица вплоть до вечерни перваго дня Пасхи—представляются непрерывнымъ церковнымъ празднествомъ, участіе въ которомъ каждый истый паломникъ считаетъ для себя священнымъ долгомъ. Храмы іерусалимскіе днемъ и ночью оглашаются въ это время церковными пѣснопѣніями, постоянно въ нихъ совершаются церковныя литаніи и крестныя ходы, и народъ во множествѣ тысячъ, сошедшійся сюда съ разныхъ концовъ свѣта—„отъ запада и сѣвера, и моря и востока“, лишая себя нерѣдко сна и пищи, непрерывно переполняетъ эти храмы. Страстная недѣля и первый день Пасхи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и конецъ паломническаго сезона, потому что громадное большинство паломниковъ послѣ литургіи въ первый день Пасхи покидаетъ Іерусалимъ и сѣздить въ Іѳфу, чтобы попасть на первый отходящій въ Россію русскій пароходъ. Слѣдовательно, каждому паломнику, посѣщая продолжительныя служенія въ святоградскомъ храмѣ, приходится много удѣлять времени на хожденія по лавкамъ для закупки всякихъ іерусалимскихъ реликвій въ даръ роднымъ на память о паломничествѣ ко св. Гробу. На улицахъ царитъ поэтому большое оживленіе, и мѣстные и пріѣзжіе торговцы, съѣзжающіеся сюда со своими товарами издалека, на разныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ ласково зазываютъ къ себѣ паломниковъ, расхваливая свои товары и поражая ихъ чудесами своей фантазіи и изобрѣтательности.

Храмъ святоградскій, обыкновенно грязный, закоптѣлый и крайне неряшливо содержимый, въ виду наступленія вели-

кихъ праздниковъ, начинается чиститься и принимать не только благообразный, но даже торжественно-величественный видъ. Иконы намѣстныя замѣняются новыми иконами съ изображеніемъ „страстей Господнихъ“, разбитыми золотомъ по темно-фіолетовому бархату. Иконы у кувуклія Гроба Господня будничныя убираются, и на ихъ мѣсто ставятъ новыя и дорогія, усыпанныя жемчугомъ, драгоцѣнными камнями и убранныя живыми цвѣтами. Въ алтарѣ воскресенскаго храма по карнизамъ, въ храмѣ на веревкахъ, въ видѣ причудливыхъ гирляндъ, по различнымъ направленіямъ, кругомъ кувуклія Гроба Господня и въ нишахъ купола храма разставляются и развѣшиваются въ несмѣтномъ количествѣ богатыя серебрянныя и золоченыя лампы съ разноцвѣтными стаканчиками. По карнизамъ кувуклія въ нѣсколько рядовъ устанавливаются узорчатыя восковыя свѣчи и между ними рѣзныя херувимы. Надъ дверями Гроба Господня вѣшается громадная драгоцѣнная лампада съ пятью стаканчиками—даръ покойнаго Государя Николая Павловича. Живоносный Гробъ внутри окропляется ароматами и украшается дорогими подсвѣчниками и вазами съ цвѣтами. Вычищенные драгоцѣнныя лампы, горящія неугасимо надъ Божественнымъ ложемъ, наполняются елеемъ. Три громадныя люстры, спускающіяся изъ купола храма, переполняются громадными свѣчами. Драгоцѣнная одежды облакаютъ въ главномъ алтарѣ престолъ, на который ставятся серебрянныя подсвѣчники—прекрасной вѣнской работы, въ видѣ пальмовыхъ деревьевъ.

Празднества въ Іерусалимѣ начинаются торжественнымъ богослуженіемъ патріарха въ субботу праведнаго Лазаря. Въ древнее время въ память этого знаменательнаго событія, совершившагося въ Вифаніи, торжество этого дня переносилось изъ Іерусалима въ Вифанію, гдѣ на мѣстѣ пещеры, въ которой пребывалъ четыре дня праведный Лазарь, царицею Еленою былъ воздвигнутъ великолѣпный храмъ. Сюда изъ Іерусалима совершалась патріархомъ торжественная литанія, и здѣсь служилась литургія, но, послѣ разрушенія храма, отъ

котораго нынѣ не сохранилось и слѣдовъ, при тяжелыхъ стѣсненіяхъ со стороны мусульманъ-владыкъ, всѣ эти торжественныя богослуженія и литаніи были оставлены и до послѣдняго времени не совершались. Въ настоящее время торжество этого дня приурочивается къ Елеону, чтобы быть, такъ сказать, въ виду Виѳаніи и вблизи погребальной пещеры праведнаго Лазаря. Здѣсь, во дворѣ, средину котораго занимаетъ круглая часовня, воздвигнутая на мѣстѣ вознесенія Господня и хранящая подъ своимъ купольнымъ сводомъ чудесно отпечатлѣнную на камнѣ стопу возпесшагося Спасителя, разбивается походная палатка-церковь. Престоломъ въ ней служитъ пьедесталь одной изъ колоннъ древняго храма на мѣстѣ вознесенія Господня, воздвигнутаго ревностною храмоздательницею св. Еленою, матерью св. Константина Великаго. Пьедесталь этотъ находится по правую сторону упомянутой часовни, такъ какъ на лѣвой сторонѣ ея мѣсто принадлежитъ католикамъ. Въ этой походной церкви совершаетъ торжественную литургію нерѣдко патріархъ іерусалимскій, но чаще престарѣлый іорданскій митрополитъ Епифаній, устроившій для своего постоянного пребыванія домъ съ прекраснымъ храмомъ въ, такъ называемой, „Малой Галилеи“. Такъ какъ этотъ владыка-старецъ не разъ бывалъ въ Россіи и прекрасно владѣетъ русскимъ языкомъ, то за литургіею на Елеонѣ въ этотъ день онъ часто произноситъ возгласы на славянскомъ языкѣ, и даже иногда читаетъ и дневное евангеліе на томъ же языкѣ, къ великому утѣшенію нашихъ многочисленныхъ паломниковъ, переполняющихъ не только дворъ названной часовни, но и всѣ улицы приютившейся здѣсь арабской деревушки.

По окончаніи литургіи, если погода благоприятствуетъ, греческій клиръ, при пѣніи троцаря праздника: „Общее воскресеніе прежде Твоея страсти увѣряя“, совершаетъ литанію ко гробу праведнаго Лазаря въ Виѳанію. Толпы богомольцевъ сопровождаютъ эту литанію

Погребальная пещера праведнаго Лазаря представляетъ естественную пещеру, высѣченную въ скаль. Въ нее ведетъ лѣстница въ нѣсколько ступенекъ, высѣченныхъ въ той же скаль. Эта лѣстница приводитъ въ пещеру или гротъ съ довольно возвышеннымъ потолкомъ. Въ углу на правой сторонѣ близъ стѣны имѣется католическій престолъ, на которомъ въ день празднованія памяти праведнаго Лазаря совершается „месса“. Близъ этого престола съ лѣвой стороны находится небольшое отверстіе, полуприкрытое громаднымъ монолитнымъ камнемъ, отваленнымъ, по слову Спасителя, плакавшаго здѣсь надъ другомъ своимъ. Нѣсколько ступеней въ глубину чрезъ это отверстіе ведутъ въ четверугольную комнатку, на лѣвой сторонѣ которой устроено ложе, на коемъ возлежало четыре дни мертвое тѣло праведнаго Лазаря до мощнаго гласа: „Лазаре, гряди вонъ“. (Іоан. XI, 43). Вся эта пещера съ поразительною точностію воспроизведена мастерскою кистию художника Свѣдомскаго въ картинѣ воскрешеніе Лазаря, написанной на западной стѣнѣ праваго нефа кievскаго Владимірскаго собора.

Здѣсь въ пещерѣ праведнаго Лазаря прочитанное евангеліе о воскресеніи Лазаря, при пѣннн соотвѣтствующихъ воспоминаемому событію церковныхъ пѣснопѣній, производитъ на многочисленныхъ богомольцевъ глубокое впечатлѣніе и у многихъ изъ нихъ исторгаетъ невольныя слезы.. Послѣ окончанія этой литаніи, въ теченіе цѣлаго дня множество богомольцевъ посѣщаютъ эту пещеру, и подъ сводами ея непрестанно раздаются звуки умилительнаго тропаря: „Общее воскресеніе прежде твоя страсти увѣряя, *изъ мертвыхъ воздвигъ еси Лазаря, Христе Боже*“.

Богомольцы, пришедшіе вмѣстѣ съ литавіею въ Виѳанію, заходятъ потомъ въ Внесфагію, гдѣ ученики Спасителя, по Его указанію, нашли для Него „осля привязано“, на которомъ Онъ совершилъ свой торжественный входъ въ Іерусалимъ, а потомъ черезъ Клеонъ, отдохнувъ подъ радушнымъ кровомъ нашихъ русскихъ построекъ, воздвигнутыхъ трудами и забо-

тами приснопамятнаго о. архимандрита Антонина Капустина, спѣшать возвратиться въ городъ, одни, чтобы присутствовать въ воскресенскомъ храмѣ на торжественномъ патріаршемъ служеніи великой вечерни недѣли вай, а другіе, чтобы отстоять всенощное бдѣніе въ русскомъ Свято-Троицкомъ храмѣ на нашихъ постройкахъ.

Въ ненастную дождливую погоду не совершаютъ литанію въ пещерѣ праведнаго Лазаря, и охотниковъ паломничать туда въ этотъ день находится немного. Богомольцы, по понятной причинѣ, не многочисленны, отслушавъ литургію на Елеонѣ, лобызаятъ стопу Спасителя въ часовнѣ и прямо возвращаются въ городъ. Каждый изъ паломниковъ по пути считаетъ долгомъ своимъ заготовить *пальмовую вѣтвь*, съ которой стоятъ всю утреню и литургію въ недѣлю вай. Вѣтви здѣсь не раздаются въ храмахъ, и ими каждый паломникъ запасается заранѣе на свои средства. Пальмовыя вѣтви въ своемъ естественномъ видѣ и иногда громадныхъ размѣровъ, или же завитыя весьма искусно въ кресты и звѣзды и украшенныя живыми цвѣтами, продаются мѣстными арабами-христіанами близъ храма воскресенія на площади и на базарахъ въ громадномъ количествѣ. Цѣна ихъ, смотря по убранству и величинѣ, колеблется между 10 копѣйками и 2 рублями за штуку.

Вечерня наканунѣ недѣли вай совершается торжественно патріархомъ въ храмѣ воскресенія, который, будучи великолѣпно убранъ, горитъ множествомъ огней. Патріархъ приходитъ въ храмъ въ сопровожденіи синодальныхъ архіереевъ и многочисленнаго святогробскаго духовенства. Его встрѣчаютъ такъ же, какъ и наканунѣ православія, близъ камня помазанія въ южныхъ дверяхъ храма и съ пѣніемъ ведутъ сначала въ Гробъ Господень для лобызанія, а потомъ въ тронъ, стоящій съ правой стороны храма воскресенія. Въ совершеніи выхода на благословеніе хлѣбовъ участвуетъ множество іеромонаховъ въ богатыхъ облаченіяхъ. Вечерня эта совершается такъ же торжественно, какъ и въ канунъ недѣли православія.

Ночью на Гробѣ Господнемъ въ обычное время служится однимъ изъ архіереевъ первая литургія, за которой присутствуетъ множество богомольцевъ, остающихся на цѣлую ночь въ храмѣ воскресенія.

Патріархъ совершаетъ вторую литургію въ храмѣ воскресенія утромъ, при участіи синодальныхъ архіереевъ и множества іеромонаховъ. По окончаніи литургіи, отправляется внутренняя литанія, во многомъ напоминающая порядокъ литаніи въ недѣлю православія. Всѣ участники литаніи держатъ въ рукахъ ваи и зажженные свѣчи вмѣстѣ съ букетами живыхъ цвѣтовъ. Народъ, находящійся въ храмѣ за литургією, стоитъ также съ пальмами и свѣчами. Присоединяются въ этотъ день къ процессіи большая масляная вѣтвь, богато украшенная живыми цвѣтами и несомая клирикомъ въ стихарѣ, и большая хоругвь съ изображеніемъ воскресенія Христова, которыя слѣдуютъ въ концѣ процессіи за патріархомъ. Литія совершается при пѣніи стихиры: „Днесъ благодать святаго Духа насъ собра“ и праздничнаго канона. По обхожденіи троекратномъ кувуклія и всего храма воскресенія, процессія останавливается предъ кувукліемъ, гдѣ читывается праздничное евангеліе и произносится сугубая ектенія о всѣхъ православныхъ христіанахъ и вступаетъ, внутрь храма воскресенія. Патріархъ, стоя въ тронѣ, раздаетъ богомольцамъ антидоръ и совершаетъ отпустъ литургіи. По окончаніи литургіи, клирики сопровождаютъ его до патріархіи и угощаются имъ по обычаю. Масличную вѣтвь, носимую въ крестномъ ходѣ, богомольцы разхватываютъ на память о торжествѣ.

Проф. А. Дмитріевскій.

Причины, почему церковное Богослужение не располагает насъ иногда къ сердечной молитвѣ предъ Богомъ.

Такія причины бываютъ двухъ родовъ: 1) въ насъ самихъ и 2) въ порядкѣ совершенія Богослуженія и часто въ характерѣ чтенія и пѣнія и возгласовъ за Богослуженіемъ.

I. Причины, заключающіяся въ насъ самихъ, слѣдующія:

Первая и главная — неподготовленность къ Богослуженію а) черезъ невоспитаніе въ себѣ чувства благоговѣнія къ Богу и всему Божественному, б) чрезъ отсутствіе сосредоточенности мыслей, чувствъ и вниманія.

За часъ до начала Богослуженія полезно уединиться въ келліи, сосредоточивать свои мысли, чувства и вниманіе на значеніи и великой важности предстоящаго Богослуженія и, ничѣмъ не отвлекаясь по дорогѣ, идти къ Богослуженію.

Вторая причина—предпочтеніе устной, виѣшней молитвы съ крестнымъ знаменіемъ и поклонами—молитвѣ сердечной, внутренней, а главное—простому, безыскусственному, неухищренному сокрушенію о своихъ грѣхахъ, возгрѣванію въ себѣ—покаяннаго чувства предъ Богомъ, —сердца сокрушенна и смиренна.

Третья причина—легкомысленная разсѣянность въ томъ, что не относится къ содержанію совершаемаго Богослуженія, осматриваніе стѣнъ храма, молящихся, входящихъ и выходящихъ, слушаніе случайныхъ разговоровъ и прислушиваніе ко всякому шуму въ церкви.

Четвертая причина — осужденіе священнослужителей, чтецовъ и пѣвцовъ, стремленіе подмѣчать у нихъ промахи и пропуски.

Пятая причина—увлеченіе красотами церковнаго краснорѣчія въ молитвословіяхъ, красотами церковнаго пѣнія и голосами чтецовъ и пѣвцовъ съ оставленіемъ молитвеннаго настроенія.

Шестая причина—лишеніе себя должнаго отдыха предъ Богослуженіемъ и вслѣдствіе того чувство усталости, изнуренія, сонливости, скуки, нетерпѣнія, малодушія.

Седьмая причина—вялость въ молитвѣ и непринужденіе себя къ молитвѣ духомъ бодрымъ, мужественнымъ съ воодушевленіемъ, съ вѣрою и надеждою получить просимое.

Осьмая причина—незаботливость о должной степени пониманія всего за Богослуженіемъ не только въ самое время совершенія Богослуженія, но и въ прочее время.

Девятая причина—удовлетворенность тѣмъ участіемъ въ Богослуженіи, какое считается обыкновеннымъ у мірянъ, и неисканіе отъ Бога *благодатной* силы, которая заключается въ молитвословіяхъ за Богослуженіемъ.

Десятая причина—забывчивость о Богослуженіи вскорѣ послѣ совершенія онаго и незаботливость о поддержаніи въ себѣ молитвеннаго настроенія послѣ выхода изъ храма.

II. Причины, заключающіяся въ порядкѣ совершенія Богослуженія и часто въ характерѣ чтенія и пѣнія и возгласовъ за Богослуженіемъ.

Первая и главная—пропуски противъ церковнаго устава, на примѣръ: а) въ каѳизмахъ на вечерни, полунощницѣ, утрени; б) библейскихъ пѣсенъ при канонахъ утрени; в) въ полувелейныхъ псалмахъ; г) въ пѣніи 1, 2 и 3-го псалма на утрени и 103 псалма на вечерни; д) въ стихахъ псаломскихъ на „Господи воззвахъ“; е) въ ирмосахъ и тропаряхъ каноновъ на утрени и повечеріи; ж) въ тропаряхъ и стихирахъ на „блаженны“ и аллилуаріевъ; з) Богородичнаго канона за повечеріемъ и особенно и) положенныхъ по Типикону назидательныхъ чтеній.

Вторая причина—возгласы, чтеніе и пѣніе неблагоговѣйныя или неправильныя, не въ тонѣ, не по гласу или торопливыя, невнятные, невыразительныя или слишкомъ громкіе или слишкомъ тихіе или съ „игрой голоса“ безъ нужды.

Третья причина—незаботливость самихъ священнослужителей, чтецовъ и пѣвцовъ въ должной степени уразумѣть все за Богослуженіемъ и, проникнувшись этимъ, произносить и пѣть съ теплымъ сердечнымъ молитвеннымъ чувствомъ, съ сокрушеніемъ о грѣхахъ, съ воззваніемъ къ Богу „отъ всей души и всего помышленія“, съ благодарной любовью къ Богу за Его неизреченное милосердіе къ намъ грѣшнымъ.

Четвертая причина—удовлетворенность священнослужителей, чтецовъ и пѣвцовъ тѣмъ совершеніемъ Богослуженія, какое считается обыкновеннымъ у мірянъ, и неисканіе отъ Бога *благодатной* силы, коотрая заключается въ возгласахъ, молитвословіяхъ и священныхъ дѣйствіяхъ за Богослуженіемъ.

Пятая причина—внѣшнее отношеніе къ совершенію Богослуженія, какъ-бы только наблюденіе за однимъ *порядкомъ* Богослуженія.

Шестая причина—незаботливость о томъ, чтобы за всякимъ Богослуженіемъ употребить всѣ возможные способы къ постепенному образованію внутренней духовной связи между священнослужителями, чтецами и пѣвцами, съ одной стороны, и между богомольцами—съ другой такъ, чтобы *расположить, воодушевить, ободрить, утѣшить, укрѣпить, сосредоточить* вниманіе молящихся самымъ совершеніемъ Богослуженія; для достиженія этого особенно необходима проповѣдь и, если возможно, безъ записи ея, живою рѣчью.

Седьмая причина—недостаточная или даже малая подготовленность къ совершенію Богослуженія какъ самихъ священнослужителей, согласно всѣмъ указаніямъ, для сего даннымъ въ „Учительномъ Извѣстіи“ при Служебникѣ, такъ и чтецовъ и пѣвцовъ—вслѣдствіе непросмотра предварительно до Богослуженія не только порядка совершенія онаго по Богослужебнымъ книгамъ, но и содержанія читаемаго и поемаго и вслѣдствіе отсутствія или недостаточности предварительныхъ свѣвокъ.

Осьмая причина—непониманіе того, что важны—не громгласіе, не сочность, красота и игра голоса, а вѣрный тонъ,

отчетливость, выразительность и скромность въ возгласахъ, чтеніяхъ и пѣнопѣніяхъ.

Священникъ или архіерей, какъ пастырь своего стада, произноситъ возгласы и молитвословія пѣжнымъ, краткимъ и ласковымъ голосомъ, подобно пастушеской свирѣли;

діаконъ или протодіаконъ звучнымъ и сильнымъ голосомъ произноситъ прошенія и молитвословія, подобно трубѣ:

чтецы и пѣвцы—умилительными, кроткими и *плавными* голосами совершаютъ чтеніе и пѣніе, уподобляясь настроеннымъ въ минорные аккорды пѣжнымъ струннымъ инструментамъ.

Девятая причина—увлеченіе священнослужителей, чтецовъ и пѣвцовъ красотами церковнаго краснорѣчія въ молитвословіяхъ, красотами церковнаго пѣнія и голосами съ оставленіемъ молитвеннаго настроенія.

Десятая причина—непониманіе того, что какъ произношеніе возгласовъ, такъ и чтеніе и пѣніе за Богослуженіемъ должны быть въ строгомъ соотвѣтствіи древнимъ лучшимъ для сего образцамъ (нѣкоторые изъ этихъ образцовъ помѣщены въ книжкахъ „Пособіе къ церковному чтенію, положенное для вразумительности чтенія на ноты“ псаломщикомъ Евѣміемъ Богдановымъ, и „Методъ богослужебныхъ возгласовъ, положенныхъ на ноты“ іеромонахомъ Геронтіемъ Кургановскимъ).

Для гласоваго пѣнія лучшіе древніе образцы находятся въ нотныхъ книгахъ Синодальнаго изданія („Обиходъ“ полномъ, сокращенномъ, учебномъ, въ „Октоихъ“, въ „Ирмологіи“, въ „Трїоди постной и цвѣтной“ и въ „Праздникахъ“, а особенно въ изданіи Общества любителей древней письменности „Кругъ церковнаго древняго знаменнаго пѣнія“ въ шести частяхъ).

Какъ чтеніе, такъ и пѣніе церковное должны быть умилительны и, слѣдовательно, должны возбуждать чувства по преимуществу тихой грусти и сокрушенія о грѣхахъ, серьезнаго душевнаго настроенія, отрезвляющаго насъ, имѣть всегда молитвенный характеръ.

„Читая въ Церкви, помни всегда, что твоими устами произносится и возносится къ Престолу Божию молитва всѣхъ предстоящихъ и что каждое произносимое тобою слово должно проникать въ слухъ и душу каждаго молящагося въ храмъ“. Это прекрасный совѣтъ одного опытнаго Архипастыря священникамъ, діаконамъ и чтецамъ.

Какъ одно изъ лучшихъ средствъ къ уразумѣнію смысла молитвословій за Богослуженіемъ признается чтеніе Священнаго Писанія, твореній святыхъ отцовъ, четій-миней и самыхъ Богослужебныхъ книгъ.

Кромѣ всего вышеизложеннаго должно всегда памятовать, что соотвѣтственно содержанію нашихъ молитвъ долженъ слагаться весь строй нашей жизни до самыхъ послѣднихъ мелочей; если-же мы не заботимся о такомъ именно устроеніи нашей жизни, то никакое Богослуженіе не принесетъ намъ никакой пользы для нашего душевнаго спасенія. (Гоб. епарх. вѣд. 1903 г. № 3).

Епископъ Антоній.

Народные обычаи на Благовѣщеніе Пресв. Богородицы въ Назаретѣ.

Праздникъ Благовѣщенія Пресвят. Богородицы, будучи важнѣйшимъ религіознымъ торжествомъ въ Назаретѣ, имѣеть также важное значеніе и въ народной жизни назаретянъ и окрестнаго населенія. Съ нимъ связываются нѣкоторые народные обычаи, показывающіе уваженіе къ сему всерадостному событію всѣхъ мѣстныхъ жителей, даже магометанъ. Таково именно исполненіе ими въ сей день нѣкоторыхъ *обѣтовъ*. На востокѣ вообще среди народа, какъ христіанскаго, такъ и нехристіанскаго (т. е. магометанъ), въ обычаѣ давать обѣты, имѣющіе священное значеніе для всѣхъ жителей, безъ различія исповѣданія. Къ числу такихъ обѣтовъ принадлежитъ и слѣдующій. Родители, не имѣющіе еще сына, даютъ обѣтъ посвятить своего сына-первенца Богу. Это *посвященіе* внѣшне

напоминает *библейское назорейство*: родители обѣщаютъ не стричь волосъ своему перворожденному сыну до извѣстнаго времени. Такой обреченный Богу сынъ долженъ носить длинныя волосы до извѣстнаго срока, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, даже до 15-лѣтняго возраста. Первое снятіе волосъ такого мальчика составляетъ праздникъ для семьи и рода. Мѣстомъ же стрижки волосъ мальчику въ первый разъ избираютъ какую-нибудь святыню. Подобный обѣтъ даютъ и жители окрестностей Назарета и другихъ мѣстъ Палестины, какъ христіане, такъ и магометане. Мѣстомъ для исполненія этого обѣта служитъ имъ *православный Благовѣщенскій греко-арабскій соборъ въ Назаретъ*, а обычнымъ временемъ для сего—*праздникъ Благовѣщенія*. Наканунѣ сего праздника ежегодно пріѣзжаютъ въ Назаретъ нѣсколько семействъ, имѣющихъ такихъ обѣщанныхъ Богу мальчиковъ, вмѣстѣ со всѣми родственниками. Въѣздъ ихъ въ городъ совершается съ нѣкотораго рода помпой. Собравшись предварительно за городомъ, они начинаютъ пѣть разныя веселыя народныя пѣсни, сопровождал ихъ стрѣльбой изъ ружей по воздуху. Возвѣстивъ такимъ образомъ о своемъ пріѣздѣ, они ожидаютъ здѣсь, пока къ нимъ не присоединятся нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей. Въ сопровожденіи послѣднихъ они затѣмъ съ пѣснями направляются къ Благовѣщенскому собору, гдѣ и останавливаются до завтра. На другой день совершается обрядъ стриженія обреченныхъ Богу мальчиковъ. Во время обѣдни послѣ Евангелія выходитъ митрополитъ изъ алтаря и останавливается въ Царскихъ вратахъ. Здѣсь онъ читаетъ особенную положенную для этого молитву и тогда къ нему подводятъ по одному мальчику,—спачала православныхъ, а потомъ и магометанъ (если они есть); митрополитъ крестообразно стрижетъ у нихъ волосы на головѣ. Волосы эти полагаются въ особую коробку и хранятся при храмѣ. Этимъ обрядъ и оканчивается. Послѣ этого мальчику позволено стричь волосы, какъ и другимъ. Въ послѣдующее время жизнь его ничѣмъ не отличается отъ другихъ.

Также по объѣту на праздникъ Благовѣщенія прїѣзжаютъ въ Назаретъ изъ окрестностей и другихъ мѣстъ, чтобы крестить своихъ дѣтей. Иногда между послѣдними бываютъ и дѣти магометанъ, но надъ такими совершается только троекратное погруженіе въ воду, безъ обычныхъ христіанскихъ обрядовъ и молитвословія крещенія. Таинство крещенія надъ дѣтьми христіанъ совершается послѣ крестнаго хода, который бываетъ непосредственно послѣ объѣда. Послѣ троекратнаго обхожденія съ крестами, иконою Благовѣщенія и хоругвями, съ молебнымъ пѣніемъ и чтеніемъ Евангелія, крестный ходъ во главѣ съ духовенствомъ направляется въ митрополичью церковь. Получивъ здѣсь благословеніе отъ назаретскаго архипастыря, народъ расходится по домамъ. Многие, впрочемъ, возвращаются къ Благовѣщенскому собору. Здѣсь по обычному церковному чинопослѣдованію совершается въ соборѣ крещеніе привезенныхъ по объѣту дѣтей. По совершеніи таинства новокрещенныхъ обвозятъ на коняхъ вокругъ площади собора (въѣ ограды) съ пѣніемъ различныхъ праздничныхъ народныхъ пѣсенъ. Затѣмъ слѣдуетъ пиршество, продолжающееся до вечера. Вечеромъ виновники и участники пиршества большею частію уѣзжаютъ изъ города обратно.

Въ обоихъ приведенныхъ обычаяхъ самое интересное — это участіе въ томъ и другомъ мѣстныхъ магометанъ. Чтобы понять причину этого явленія, нужно имѣть въ виду силу христіанскихъ традицій въ арабскомъ населеніи и послѣ принятія мусульманства, а также уваженіе мусульманъ къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи.

Что касается самихъ назаретянъ, то у нихъ въ послѣднее время также стали вводить нѣкоторые праздничные обычаи, главнымъ образомъ по подражанію католикамъ. Лѣтъ шесть тому назадъ здѣшнее католическое дѣховенство наканунѣ своего праздника Благовѣщенія (на 13 дней раньше православнаго) въ своемъ монастырѣ (францисканскомъ) стало устраивать *иллюминацію*: освѣщали монастырь вокругъ, высокую колокольню и въ особенности крышу собора, посредствомъ

разноцвѣтныхъ фонарей, пускали ракеты и веселились во дворѣ монастыря. Подражая имъ, бывшій назаретскій митрополитъ Фотій (нынѣ патріархъ александрійскій) на второмъ году своего пребыванія въ Назаретѣ устроилъ и для православныхъ въ митрополичьемъ домѣ иллюминацію вмѣстѣ съ приличнымъ угощеніемъ. Онъ не щадилъ ни вина, ни закусокъ для собравшихся повеселиться въ его домѣ наканунѣ праздника Благовѣщенія. Съ тѣхъ поръ дѣлается это ежегодно и понинѣ. Иллюминація на митрополичьемъ дворѣ бываетъ также и наканунѣ Успенія Богоматери, какъ особенно уважаемомъ постѣ Благовѣщенія.

II. II.

Кто изъ священнослужителей долженъ первенствовать при соборныхъ Богослуженіяхъ?

При соборныхъ богослуженіяхъ: 1) іерей долженъ безусловно уступать мѣсто протоіерею, молодой священникъ старѣйшему по рукоположенію, не имѣющій награды имѣющему таковыя, если только они не состоятъ старшими священниками въ одной церкви; 2) благочинный изъ священниковъ уступаетъ мѣсто только протоіерею, хотя онъ и не унизитъ своего званія, если предоставитъ первое мѣсто болѣе заслуженному и старѣйшему священнику, особенно духовнику; 3) ученые священники и протоіереи преимуществуютъ предъ неучеными, хотя бы сіи послѣдніе и раньше были рукоположены въ священный санъ и 4) если храмоздатель или прихожане приглашаютъ для освященія храма или по другому случаю кого либо изъ протоіереевъ, то онъ предстоитъ въ служеніи, хотя бы это дѣло и поручено было благочинному священнику, который долженъ руководить порядкомъ богослуженія. (Херс. епарх. вѣдом. 1903 г., № 4).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 14 марта 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. П. Г. Корчакъ-Шовицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 13.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, марта 30-го.

Содержаніе: Высшая іерархія галицко-русской церкви и базилиане.—Приготовление мѣра и освященіе его въ Константинополь въ Великой церкви.—Пастырскій дневникъ.—Объ условіяхъ успѣха пастырской дѣятельности.—Отъ редакціи.

V.

Высшая іерархія галицко-русской церкви и базилиане.

Галицко-русская греко-католическая церковь, по своему управленію и устройству, принадлежитъ къ типу т. н. митрополій, но съ существенными отличіями отъ митрополитальной формы устройства и управленія, какая существуетъ въ православной церкви.

Эта существенная особенность галицко-русской греко-католической митрополіи отъ нашихъ митрополій-церквей заключается въ томъ, что первая не есть автокефальная церковь. Галицко-русская митрополія не только признаетъ римскаго папу своимъ главою, что имѣетъ болѣе догматическое,

нежели каноническое значеніе, но и находится въ подчиненіи ему.

Римскій папа, однакоже, управляетъ галицко-русскою греко-католическою церковью не самъ непосредственно, а черезъ посредство особой конгрегаціи *propagandae de fide*. Черезъ посредство этой послѣдней конгрегаціи папа разрѣшаетъ для галицко-русской церкви рѣдкіе, недоумѣнные или же вообще въ какомъ-либо отношеніи трудно разрѣшимые случаи супружескихъ дѣлъ, вопросы о переходахъ изъ римско-католическаго въ греко-католическій обрядъ, и наоборотъ, прошенія объ „отпустахъ“ для отдѣльныхъ церквей, наконецъ, нѣкоторыя дѣла обрядоваго и чисто литургійнаго, или дисциплинарнаго характера. Впрочемъ, въ послѣдніе годы, когда галицко-русская церковь, въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, базилианъ-монаховъ, поставлена подъ контроль и опеку о. о. іезуитовъ, дѣла литургійнаго свойства разрѣшаются преимущественно провинціальнымъ синодомъ; вопросы о переходѣ изъ одного обряда въ другой восходятъ, черезъ посредство пропаганды *de fide*, на судъ папы въ тѣхъ только случаяхъ, когда римско-католическая и греко-католическая консисторія неодинаково выскажутся по этимъ вопросамъ.

Помимо и безъ посредничества пропаганды *de fide*, римскій папа только *преконизуетъ*, т. е. утверждаетъ галицко-русскаго митрополита въ его званіи. Въ случаѣ освобожденія мѣста митрополита галицко-русской церкви, министерство исповѣданій входитъ въ соглашеніе съ римскою нунціатурою въ Австріи и государственнымъ секретаріатомъ, а затѣмъ государственный секретаріатъ чрезъ консисторскую конгрегацію представляетъ избраннаго кандидата на утвержденіе папѣ.

Въ послѣднее время въ Галиціи возникъ сильный протестъ противъ такого отношенія галицко-русской церкви къ апостольскому престолу, именно: противъ подчиненія ея пропагандѣ *de fide*. Галицко-русскіе ревнители вѣры и патріоты справедливо видятъ въ подчиненіи пропагандѣ *de fide* униженіе своей церкви. Конгрегація *propagandae de fide* учре-

ждена и существуетъ при папскомъ престолѣ собственно для распространенія католической вѣры между язычниками и для обращенія еретиковъ. Такимъ образомъ, подчиненіе галицко-русской церкви этой конгрегаціи *implicite* заключаетъ въ себѣ предположеніе, что между галицко-русскими уніатами необходимо еще распространеніе католической вѣры и что, слѣдовательно, они еще недостаточно правовѣрные католики, подобно язычникамъ и еретикамъ. Въ виду этого нынѣшнему галицко-русскому митрополиту Андрею Шептицкому предъявлена была русскими галичанами просьба о томъ, чтобы онъ, во время прошлогодняго своего путешествія въ Римъ, ходатайствовалъ тамъ объ установленіи непосредственнаго подчиненія галицко-русской церкви святѣйшему отцу, съ устраненіемъ пропаганды *de fide*. Ближайшимъ поводомъ къ возбужденію галичанами этого вопроса послужило несомнѣнно также еще и то обстоятельство, что во главѣ конгрегаціи *propagandae de fide* въ послѣднее время стоялъ извѣстный ненавистникъ русскаго народа, недавно умершій (22 іюля 1902 г.) кардиналъ Ледоховскій. Неизвѣстно, какъ ходатайствовалъ въ Римѣ галицко-русскій митрополитъ и даже ходатайствовалъ ли онъ вообще объ этомъ. Знаемъ только, что 7/20 августа 1902 года онъ издалъ свое обширное пастырское посланіе по дѣлу конгрегаціи *propagandae de fide* и русско-американскаго церковнаго раскола. Первая часть сего посланія спеціально посвящена доказательству той мысли, что въ подчиненіи галицко-русской церковной провинціи конгрегаціи *propagandae de fide* нѣтъ ничего ни оскорбительнаго и унизительнаго для галицко-русской церкви, ни исключительнаго, потому что папа управляетъ и всѣми другими церковными провинціями не самъ непосредственно, а чрезъ посредство различныхъ конгрегацій, или же отдѣльныхъ чиновниковъ, а съ другой стороны, подчиненіе галицко-русской церкви другой какой-либо конгрегаціи, кромѣ *propagandae de fide*, принесло бы вмѣсто пользы только одинъ вредъ. Неизвѣстно, какое впечатлѣніе на русскихъ галичанъ произвело это по-

сланіе митрополита. Думается намъ, что галицко-русскую церковь успокоить не столько это посланіе митрополита, страдающее отсутствіемъ искренности и прямоты, сколько смерть предсѣдателя конгрегаціи *propagandae de fide*, „руссоѣда“, какъ его называли въ Галиціи, кардинала Ледоховскаго. За исключеніемъ вышеуказанныхъ случаевъ, галицко-русская церковь во внутренней своей жизни и управленіи пользуется, по крайней мѣрѣ, *de jure* правомъ извѣстнаго самоуправленія.

Представителемъ всей галицко-русской церкви является галицко-русскій митрополитъ, имѣющій такой оффиціальнй титулъ: „Божіею милостію и святаго апостольскаго престола благословеніемъ митрополитъ галицкій, архіепископъ львовскій, епископъ каменецкій, членъ палаты вельможъ Австрійской державной думы (верховнаго совѣта), членъ и вице-маршалокъ сейма королевства Галичины и Володимири съ великимъ княжествомъ Краковскимъ“.

Митрополитъ „преконизуетъ“ епископовъ: Перемышльскаго и Станиславскаго. Онъ же, въ случаяхъ нужды, созываетъ ихъ на соборъ, или т. н. провинціальный синодъ. Митрополитъ состоитъ предсѣдателемъ суда церковнаго, который служитъ инстанціальнымъ судомъ для епархій: Перемышльской и Станиславской.

Въ настоящее время высокій и вліятельный постъ галицко-русскаго митрополита занимаетъ „высокопреосвященный и всесвѣтлѣйшій киръ Андрей Александръ графъ на Шептицяхъ Шептицкій“.

Митрополитъ Андрей Шептицкій, о которомъ мы уже неоднократно упоминали въ своихъ предыдущихъ рѣчахъ о галицко-русскомъ духовенствѣ, представляетъ личность во многихъ отношеніяхъ замѣчательную, любопытную и даже загадочную.

Митрополитъ Андрей Шептицкій сравнительно еще очень молодой архіерей. Онъ — сынъ польскаго графа Яна Шептицкаго, сеймоваго посла, предсѣдателя уѣзднаго совѣта въ Яво-

ровѣ, помѣщика въ Прилбичахъ, и его жены Софіи, дочери извѣстнаго польскаго драматурга гр. Александра Фредры. Онъ родился въ родовомъ имѣніи отца Прилбичахъ 29 іюля 1865 г. и въ мірѣ назывался Александромъ. Родители митрополита Андрея Шептицкаго доселѣ живы и принадлежатъ къ числу самыхъ знатныхъ и богатыхъ фамилій польскихъ въ краѣ. Но родъ графовъ Шептицкихъ, сравнительно недавно ополченный, принадлежитъ къ числу извѣстныхъ старинныхъ русскихъ родовъ. Какъ видно изъ рѣчи покойнаго д-ра Исидора Шараневича, сказанной на другой день послѣ интронизаціи митрополита, при представленіи новому митрополиту различныхъ русскихъ обществъ и учреждений, родъ Шептицкихъ есть старо-русскій боярскій родъ, корнемъ своимъ восходящій до галицко-русскаго князя Льва, знаменитаго основателя города Львова. Члены рода Шептицкихъ были всегда ревностными поборниками русской (т. е. православной до 1700 г.) вѣры и русскаго обряда, при чемъ въ теченіе многихъ вѣковъ одни изъ нихъ прославились рыцарскими подвигами, а другіе своими заслугами въ области церковной и гражданской жизни, или же просто содѣйствовали распространенію просвѣщенія въ своемъ народѣ; такъ, напр., родоначальниками нынѣшняго митрополита были основаны въ свое время славяно-русскія типографіи въ Угерцахъ, Уневѣ и Почаевѣ. Были въ родѣ Шептицкихъ, какъ и въ другихъ благочестивыхъ старо-русскихъ фамиліяхъ, и монахи, которые мѣняли рыцарскіе доспѣхи и славу военную на скромныя монашескія келліи и одежду и всѣ силы свои посвящали на служеніе родной церкви. Три изъ нихъ, именно: Варлаамъ, Аѳанасій и Левъ занимали епископскую кафедру Львова въ XVIII в., при чемъ Аѳанасій и Левъ были вмѣстѣ и митрополитами галицко-русскими и *киевскими*, какъ они назывались тогда. Въ послѣднее время, впрочемъ, родъ Шептицкій, главнымъ образомъ вслѣдствіе брачныхъ связей съ различными польскими фамиліями (напр., Яблоновскихъ, Фредровъ и др.), совершенно ополчился и—что самое важное—окатоличился. Нынѣшній

митрополить Андрей Шептицкій—также *католикъ по рожденію* и по воспитанію.

Первоначальное образованіе гр. Александръ Шептицкій, какъ именовался въ мірѣ нынѣшній галицко-русскій митрополить, получилъ въ краковской гимназіи, а высшее—въ Краковскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ, отъ котораго, по выдержаніи экзамена, получилъ степень доктора правъ. По окончаніи университетскаго образованія, молодой графъ въ теченіе одного года отбывалъ военную службу въ качествѣ добровольца и получилъ званіе резервнаго офицера. По свѣдѣніямъ періодической печати, появившимся во время уже назначенія Шептицкаго на должность митрополита, онъ въ военной службѣ тяжело заболѣлъ и тогда далъ, будто бы, обѣтъ, что если выздоровѣетъ, то возвратится къ вѣрѣ своихъ предковъ и пострижется въ монахи. Съ большимъ трудомъ ему, будто бы, удалось сдержать этотъ свой обѣтъ и получить разрѣшеніе отъ римской куріи на переходъ изъ римско-католическаго обряда въ греко-католическій. Тотчасъ же послѣ перехода въ греко-католичество, молодой (26-лѣтній) графъ Александръ Шептицкій принялъ монашество и имя Андрея. Это случилось какъ разъ въ то время, когда, съ согласія и при содѣйствіи печальной памяти галицко-русскаго митрополита—кардинала Сильвестра Сембратовича, базилианскіе монастыри галицко-русской церкви были реформированы и отданы подъ руководство и опеку о.о. іезуитамъ. Такимъ образомъ, новый монахъ-базилианинъ, съ первыхъ же шаговъ своей иноческой жизни и дѣятельности, сталъ ученикомъ о.о. іезуитовъ. Приходилось намъ слышать, что и самый переходъ молодого графа въ греко-католичество изъ римско-католичества и вся послѣдующая карьера его служебная была устроена тѣми же почтенными о.о. іезуитами.

Въ качествѣ монаха чина св. Василія Великаго будущій митрополить заявилъ себя строгимъ аскетомъ и самоотверженнымъ миссіонеромъ. Впослѣдствіи онъ былъ *magistr'омъ povitiogum* въ Добромысльскомъ монастырѣ, игуменомъ бази-

ліанскаго монастыря св. Онуфрія во Львовѣ и въ 1898 году профессоромъ богословія въ Христинопольскомъ монастырѣ. Въ 1899 году онъ сдѣлался епископомъ Станиславовскимъ, имѣя отъ роду только 34 года.

Въ качествѣ епископа Станиславовскаго, Андрей Шептицкій пріобрѣлъ себѣ широкую симпатію среди русскаго духовенства и общества своею энергичною дѣятельностію, общительностію, глубокою образованностію и рѣшительною защитою интересовъ русской церкви и русскаго народа. Пріобрѣтеніе этой популярности давалось ему, однакоже, съ великимъ трудомъ. Зависѣло это, главнымъ образомъ, отъ того, что, сдѣлавшись епископомъ Станиславовскимъ, онъ вступилъ въ сферу, съ которою былъ совершенно незнакомъ и для дѣятельности въ которой онъ былъ рѣшительно неподготовленъ всею своею предшествующею жизнію: воспитаніемъ, образованіемъ и службою.

Но то, чего ему недоставало, образованный и талантливый епископъ старался восполнить, не щадя ни силъ, ни труда для этого, пренобѣждая на этомъ пути самыя, казалось бы, непреодолимыя препятствія. Онъ часто заѣзжалъ и заходилъ къ приходскимъ священникамъ частнымъ образомъ и знакомился съ ихъ жизнію, бытомъ и условіями ихъ пастырской дѣятельности. Иногда онъ появлялся даже среди массы простого русскаго народа и непринужденно бесѣдовалъ съ нимъ о его нуждахъ. При канонической визитаціи приходоѡ Станиславовской епархіи, онъ входилъ во всѣ стороны церковно-приходской жизни, съ рѣдкимъ усердіемъ говорилъ т. н. реколекціи (т. е. пастырскія наставленія) и экзгортаціи (увѣщанія) духовенству и проповѣди народу, посѣщаль гимназіи и народныя школы, гдѣ усердно испытывалъ русскіхъ учениковъ въ знаніи ими религіи. Въ то же самое время онъ принималъ мѣры къ охраненію чистоты греко-католическаго церковнаго обряда и всѣхъ памятниковъ русской церковной старины. Съ этою цѣлію онъ издавалъ распоряженія о томъ, чтобы русское духовенство ни подъ какимъ видомъ не уви-

чтожало и не продавало изъ церквей старинныхъ вещей, напр., богослужебныхъ книгъ, облаченій, священныхъ сосудовъ и т. п., учредилъ въ Станиславовѣ музей и, по назначеніи на должность митрополита, подарилъ Станиславовской кашитулѣ свою богатую бібліотеку, изобилующую весьма рѣдкими и цѣнными русскими изданіями. Въ бытность свою Станиславовскимъ епископомъ, онъ рѣшительно и смѣло возставалъ противъ факта подчиненія галицко-русской церкви конгрегаціи *propagandae de fide*, существующей специально для распространенія католичества между язычниками и обращенія еретиковъ, т. е. противъ того, что онъ, какъ мы видѣли, теперь защищаетъ.

Все это доставило Станиславовскому епископу Андрею Шептицкому популарность и любовь среди галицко-русскаго духовенства и народа, и, вмѣстѣ съ родовитостью и широкими связями въ высшемъ аристократическомъ обществѣ, безъ сомнѣнія, проложило скорый и легкій путь къ занятію настоящаго высокаго и вліятельнаго положенія.

21 апрѣля 1900 года скончался галицко-русскій митрополитъ Юліанъ Куиловскій. Общественное мнѣніе въ Галиціи тогда же намѣтило молодого Станиславовскаго епископа, какъ самаго вѣроятнаго и желательнаго кандидата на постъ митрополита. Единственное чисто формальное препятствіе заключалось только въ томъ, что Андрей Шептицкій былъ базилианинъ; между тѣмъ какъ со временъ австрійскаго владычества въ Галиціи, слѣдовательно, въ теченіе 100 лѣтъ не было примѣра, чтобы митрополичій престолъ занималъ базилианинъ. До того времени въ Галиціи епископы и митрополиты избирались обязательно изъ монаховъ базилианскаго ордена. Но австрійское правительство отмѣнило правило Замойскаго собора: *nemo episcopus, nisi monachus*, и основанный на немъ порядокъ избранія епископовъ и митрополитовъ. Вирочемъ, это препятствіе значительно ослаблялось уже тѣмъ, что Андрей Шептицкій былъ готовымъ епископомъ, тѣмъ болѣе, что австрійское правительство и римская курія были на

сторонѣ его кандидатуры, а галицко-русское общество нисколько не противилось ей.

Назначеніе Андрея Шептицкаго митрополитомъ замедлилось нѣсколько единственно только благодаря тому, что онъ не соглашался на требованіе правительства выдавать изъ средствъ митрополичьей каѳедры 12,000 гульденовъ бывшему галицко-русскому митрополиту, доблестному русскому патріоту Іосифу Сембратовичу, который былъ незаконно удаленъ съ каѳедры и заточенъ въ Римъ за то, что противился окатоличенію своей церкви, и которому правительство обязалось платить 12,000-ную ежегодную пенсію. Андрей Шептицкій не соглашался принять на себя уплату сей пенсіи, совершенно справедливо считая это симоніей. Только, по улаженіи этого затрудненія, 31 сентября Андрей Шептицкій былъ номинированъ правительствомъ и 17 декабря 1900 г. преконизованъ папою въ званіи галицко-русскаго митрополита.

Назначеніе Станиславовскаго епископа Андрея митрополитомъ было встрѣчено общею радостію во всѣхъ кругахъ и корпораціяхъ русскаго общества въ Галиціи. Когда новоназначенный митрополитъ ѣхалъ изъ Рима въ Галицію чрезъ Инсбрукъ, то въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ посѣтилъ извѣстнаго патріота галиційскаго, Нестора галицко-русскаго, А. И. Добрянскаго, который расплакался и, провожая митрополита, сказалъ: „теперь я уже смѣло могу сказать: „нынѣ отпускаеши раба Твоего... яко видѣста очи мои, что даже галицко-русское дворянство, отпавшее отъ вѣры отцовъ, начинаетъ возвращаться въ лоно русской церкви“. Съ неменьшимъ восторгомъ собралась привѣтствовать въ то же время новаго своего митрополита и вѣнская галицко-русская молодежь, которая семь лѣтъ предъ тѣмъ встрѣчала крикомъ и тухлыми яйцами бывшаго митрополита Сильвестра Сембратовича, возвращавшагося изъ Рима въ новомъ кардинальскомъ званіи, которое онъ купилъ цѣною измѣны своей церкви и своему народу. Выразительницею симпатій какъ этой молодежи, такъ и всего вообще галицко-русскаго народа явилась

вѣнская галицко-русская колонія, представитель которой, привѣтствуя митрополита, между прочимъ, сказалъ: „Само Провидѣніе Божіе посылаетъ Галицкой Руси такого крѣпкаго, умнаго и образованнаго дѣятеля, въ лицѣ митрополита, который сзумѣетъ отстоять права ея и предъ Римскимъ и предъ Вѣнскимъ престоломъ, постарается смыть тѣ пятна, которыми очернили галицко-русскую церковь ея враги“, и при этомъ выразилъ надежду на то, что митрополитъ и на новомъ мѣстѣ своего служенія дастъ тѣ же доказательства своей любви и привязанности ко всему русскому, которыми онъ заслужилъ себѣ всеобщую любовь въ Станиславовѣ

Знаменателенъ и отвѣтъ митрополита привѣтствовавшей его депутаціи. „Мнѣ чрезвычайно пріятно“, сказалъ онъ, „что отъ имени вашего привѣтствуетъ меня мужъ, посѣдѣвшій въ борьбѣ за право русскаго народа. *Даю вамъ свое обѣщаніе, что всѣми силами буду стараться и въ будущемъ заслужить себѣ любовь русскаго народа. Но для этого мнѣ необходима поддержка со стороны всѣхъ безъ различія политическихъ корпорацій, всѣхъ вѣрующихъ въ нашу святую церковь и въ спасительныя ея дѣла*“.

4 января 1901 года въ кафедральной св. Георгіевской церкви г. Львова совершилась торжественная интронизація новаго митрополита. Торжество это, однакоже, омрачилось двумя весьма прискорбными инцидентами (по крайней мѣрѣ, два сдѣлались извѣстными намъ, по ихъ, говорятъ, было гораздо больше), краснорѣчиво показавшими всѣмъ, съ одной стороны, тѣ ожиданія, какія римско-католическая церковь соединяетъ съ новымъ галицко-рускимъ митрополитомъ, а съ другой стороны, и то, что и въ самомъ русскомъ обществѣ далеко не всѣ съ полнымъ довѣріемъ относятся къ дѣятельности новаго митрополита, онопаченнаго католика по рожденію и родственнымъ связямъ и воспитанника іезуитовъ.

Разумѣемъ слѣдующіе факты. Львовскій армянскій архіепископъ Исаковичъ, вручая, по распоряженію папы, pallium митрополиту Андрею Шенцицкому, обратился съ слѣдующею

краткою, но выразительною рѣчью къ нему: „приведи себѣ на память, какъ мы оба, когда ты былъ еще молоденькимъ монахомъ, были у кардинала Ледоховскаго въ Римѣ. Тогда я *спицимъ духомъ предсказалъ тебѣ твою настоящую карьеру. Сегодня же выражаю желаніе, чтобы ты послѣ самой долгой жизни не оставилъ въ семъ краѣ ни одного русина, который бы высматривалъ чужихъ боговъ, ни одного русина, который бы питалъ ненависть къ братскому племени*“.

Какъ бы въ униссонъ этой привѣтственной рѣчи, проникнутой самыми прискорбными для галицко-русскаго народа ожиданіями отъ будущей дѣятельности митрополита Андрея Шептицкаго, хоръ воспитанниковъ Львовской духовной семинаріи во время самой интронизаціи митрополита пѣлъ покаянный псаломъ: „*вскую прискорбна еси, душа моя*“.

Пѣніе этого покаяннаго концерта вполне естественно, такъ какъ оно превосходно выражаетъ настроеніе извѣстной части галицко-русскаго общества. Несмотря на предшествующую безукоризненную (съ русской точки зрѣнія) дѣятельность митрополита Андрея Шептицкаго, несмотря на его постоянныя увѣренія въ томъ, что онъ любитъ русскій народъ и русское духовенство, преисполненъ желанія сдѣлать тому и другому добро, часть галицко-русскаго общества никакъ не можетъ освободиться отъ разныхъ страховъ и опасеній насчетъ своего митрополита. Галицко-русскій митрополитъ занимаетъ особенное, исключительное положеніе. Онъ есть не только начальникъ галицко-русской церкви, но и вмѣстѣ съ тѣмъ вліятельный представитель своего народа предъ высшимъ гражданскимъ правительствомъ. Отъ его дѣятельности существенно зависитъ положеніе и благополучіе галицко-русскаго народа въ краѣ и въ государствѣ.

Нельзя не согласиться съ тѣми галицко-русскими патріотами, которые находили и находятъ положеніе новаго митрополита крайне неопредѣленнымъ, двусмысленнымъ и рискованнымъ. Съ одной стороны, онъ—полякъ, католикъ, іезуитскій питомецъ, базилианинъ; а съ другой стороны, онъ—уніат-

скій митрополитъ и, какъ таковой, долженъ постоянно, каждую минуту стоять на стражѣ интересовъ русской церкви и русскаго народа, къ которымъ крайне враждебно настроены какъ поляки, такъ и о.о. іезуиты.

Священникъ *Θ. Титовъ.*

Приготовление мѹра и освященіе его въ Константинополѣ въ Великой церкви.

Въ великій четвертокъ страстной седмицы настоящаго года въ Кіево-печерской лаврѣ ея новымъ священно-архимандритомъ и кіевскимъ митрополитомъ Флавіаномъ имѣеть быть совершенно таинство мѹроосвященія. Это церковное торжество, повторяющееся у насъ въ Кіевѣ черезъ каждые два года, составляетъ исключительную привилегію двухъ старѣйшихъ нашихъ митрополичьихъ кафедръ — кіевской и московской—и обставлено у насъ продолжительными весьма тщательными предварительными приготовленіями и сложными религиозными церемоніями, которыя совершаются въ первые три дня страстной седмицы и въ великій четвертокъ—въ самый день освященія мѹра. „Чинъ мѹроваренія“, напечатанный въ „чинѣ священнослуженія и обрядовъ, наблюдаемомъ въ большомъ Успенскомъ соборѣ“, хорошо извѣстенъ у насъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ и воспроизводится всякій разъ на страницахъ періодическихъ изданій. Болѣе поэтому интереса представляютъ для нашихъ читателей церемоніи и обряды, при совершеніи того же священнодѣйствія, соблюдаемые на православномъ Востокѣ нашею матерью—Великою константинопольскою церковью. Особенности и любопытныя подробности греческаго чина мѹроосвященія тѣмъ болѣе интересны, что и Великая церковь константинопольская готовится къ подобному же церковному торжеству въ наступающій великій

четвертокъ, которое совершается тамъ довольно рѣдко¹⁾, и съ порядками котораго мы почти не знакомы, благодаря малой распространенности ея печатнаго „*Διάταξις περὶ τοῦ ἀγίου μύρου*“.

Чинъ муро-освященія греческой константинопольской церкви, составленный извѣстнымъ ученымъ патриархомъ ея *Констанціемъ I* (1830—1834), бывшимъ питомцемъ нашей Кіевской духовной Академіи, былъ напечатанъ въ первый разъ въ 1833 году и повторенъ печатаніемъ въ патриаршей константинопольской типографіи въ количествѣ лишь 50 экземпляровъ въ 1890 году²⁾. Составитель нынѣ практикуемаго на Востокѣ чина муроваренія и освященія его, какъ питомецъ русской высшей богословской школы, ознакомившійся, въ бытность свою въ Кіевѣ, съ порядками, соблюдаемыми здѣсь при этомъ священнодѣйствіи, на практикѣ, въ значительной степени сблизилъ оба чина—восточный и русскій, подчинивъ первый сильному вліянію послѣдняго.

¹⁾ На православномъ христіанскомъ Востокѣ муровареніе и его освященіе, кромѣ Константинополя, съ 1882 года совершается только въ Букарештѣ въ Румыніи (*Echos d'Orient*, 1899, № 1, pag. 7). По требованію константинопольскаго патриаршаго Синода 1850 г. іюля 29 и 1879 г. апрѣля 27, автокефальныя церкви элладская и сербская должны получать освященное муро отъ Великой церкви, дабы чрезъ то соблюдалось „каноническое единеніе съ Великою константинопольскою церковью и съ прочими православными Христовыми церквами“ (Id. p. 6), т. е. александрійскою, антїохійскою и іерусалимскою церквами, которыя также получаютъ муро изъ Константинополя. Болгарская церковь, со времени отдѣленія отъ церкви греческой и признанія ея *схизматическою*, обращается за муромъ къ намъ въ Россію. Откуда станетъ получать муро нынѣшняя антїохійская церковь, не принятая въ братское общеніе восточными церквами—константинопольскою, александрійскою и іерусалимскою—это пока вопросъ открытый.

²⁾ Чинъ освященія мюра, сдѣлавшійся намъ извѣстнымъ благодаря любезности о. аббата *Ити*, которому мы приносимъ глубокую благодарность за сообщеніе, общаго съ чиномъ Великой константинопольской церкви, напечатаннымъ у Гоара (*Εἰδηλοῦ*, pag. 509), имѣетъ весьма мало. Этотъ послѣдній чинъ любопытенъ лишь, какъ историческій документъ.

Если и въ нашемъ благословенномъ Богомъ отечествѣ вареніе мѹра, со времени собора московскаго 1674 года, было исключительно привиллегіею каеодры московскаго митрополита, „за неудобовозможное, еже собирать довольно пристояція вещи на таковое составленіе, кромѣ благочестивѣйшаго царя апоѳеки“¹⁾, и лишь съ 29 декабря 1731 года дозволено было совершать это таинство и кievскому митрополиту, то гораздо болѣе затрудненій встрѣчали іерархи православной восточной церкви, находившіеся подъ тяжелымъ игомъ мусульманскихъ государей, не только не покровительствовавшихъ и не помогавшихъ православнымъ церквамъ, но грабившихъ ихъ и всячески притѣснявшихъ. Нисколько поэтому не удивительно, что весьма дорого стоящее мѹровареніе, въ виду многочисленнаго состава предметовъ, входящихъ въ мѹро, и ихъ высокой матеріальной цѣнности, совершается только въ Константинополѣ въ Великой церкви, и при томъ и здѣсь съ весьма значительными промежутками времени. Въ истекшее столѣтіе мѹровареніе, сколько мы знаемъ, совершалось въ Константинополѣ въ 1856, въ 1865, въ 1879 и въ 1890 годахъ, т. е. въ среднемъ на каждое десятилѣтіе приходится одно мѹровареніе. Обставляется здѣсь оно весьма любопытными торжествами и приготовленіями.

За два или за три мѣсяца до начала варенія мѹра константинопольскій патріархъ въ засѣданіи синода избираетъ особую епитропію или комиссію, называемую „епитропіею мѹра“, которая обязана собрать необходимыя для варенія мѹра деньги и закупить или заготовить потребныя для сего вещества. Назначенная епитропія обращается путемъ разсылки воззваній съ приглашеніемъ ко всѣмъ христіанамъ православнаго Востока, живущимъ не только въ предѣлахъ Турціи, но и въ Эладѣ, въ Россіи, въ Индіи и другихъ мѣстахъ земного шара. Разсѣянные по лицу земли христіане греческѣй національности—бѣдные и богатые—охотно отзывав-

¹⁾ Амвросій. Исторія російской іерархіи. М. 1807 ч. I, стр. 344.

ются на приглашеніе епитропіи мѣра и шлють въ Константинополь пожертвованія предметами, входящими въ составъ мѣра, и деньгами, которыя достигаютъ иногда значительныхъ цифръ. Присылаемыя пожертвованія, состоящія изъ веществъ, необходимыхъ при вареніи мѣра, хранятся до поры до времени въ особомъ изящномъ павильонѣ, находящемся подлѣ сѣверной стѣны, окружающей патріархію и ея церковь св. Георгія.

Въ педѣлю вай патріархъ за литургіею посвящаетъ, по особому чину, такъ называемаго „*μυρεψός*“, т. е. специалиста мастера изъ мѣстныхъ константинопольскихъ аптекарей, на обязанности котораго лежитъ трудъ главнаго наблюденія за приготовленіемъ веществъ, необходимыхъ для варки мѣра, и за вареніемъ его въ теченіе первыхъ трехъ дней страстной седмицы и за разливкою его въ сосуды. *Μυρεψός*, входящій въ составъ епитропіи мѣра, считается почетнымъ лицомъ и обязывается хранить секретъ состава мѣра.

Епитропія обязана приготовить и павильонъ для варенія мѣра достоюмымъ образомъ. Всѣ стѣны его, увѣшанныя старыми полинявшими иконами, вышедшими изъ практическаго употребленія, убираются зелеными листьями лавра и мирта. Подъ паникадилломъ, спускающимся со сводовъ его и переполненнымъ свѣчами, ставится столъ, покрытый пеленою. Вокругъ стола разставляются большіе подсвѣчники, а четыре меньшихъ серебряныхъ подсвѣчника, поставленные на четыре угла, составляютъ украшеніе стола, на которомъ посрединѣ помѣщаются корзина съ благовонными ароматами, превращенными въ порошокъ, убранная живыми цвѣтами, и по бокамъ ея два кувшинчика съ узкими горлышками безъ ручекъ, называемые *алавастрами*: въ одномъ находится вино, а въ другомъ елей. Близъ стола на полу размѣщаются семь большихъ металлическихъ сосудовъ, подаренныхъ патріархіи въ 1807 году, для сливанія въ нихъ уже свареннаго мѣра. Въ одномъ изъ угловъ названнаго павильона устроенъ очагъ для варки мѣра и здѣсь складываются связки старыхъ поли-

нявшихъ иконъ¹⁾, предназначенныхъ служить матеріаломъ неугасимаго огня, поддерживаемаго обыкновенно въ теченіе первыхъ трехъ дней страстной седмицы. Павильонъ огражденъ особою желѣзною рѣшеткою, чтобы сдерживать натискъ народа, собирающагося въ эти дни въ стѣнѣ патриархіи въ громадномъ количествѣ.

Въ составъ мѹра, по чину Великой константинопольской церкви, входятъ *пятьдесятъ семь* веществъ²⁾.

¹⁾ Обычай этотъ практикуется на Восокѣ съ древнѣйшихъ временъ. „И оттолѣ (т. е. отъ алтаря св. Софіи), говоритъ нашъ паломникъ XII в. архіепископъ Новгородскій Антоній, близъ мѣсто, *идѣже мѹро священное варятъ иконами ветхими, иже не знати святыягъ*; и тѣмъ же мѹромъ дѣти крестятъ“ (П. Саввантовъ. Путешеств. новгор. архіеп. Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII столѣтія. Сиб. 1872, ст. 71—72).

²⁾ 1. Чистое оливковое масло въ количествѣ 700 турецкихъ окъ.

Примѣчаніе. Око турецкое равняется почти нашему тремъ фунтамъ. Въ каждомъ окѣ содержатся 400 ливровъ.

2. Красное вино въ количествѣ 200 окъ.

3. Цвѣтная вода лучшаго качества, приготовленная изъ цвѣтовъ апельсина или горькаго померанца, въ количествѣ 12 окъ.

4. Розовая вода въ количествѣ 12¹/₂ окъ.

5. Чистая мастика въ количествѣ 7¹/₂ окъ.

6. Благовонная древесная смола или росной ладанъ въ количествѣ 7¹/₂ окъ.

7. Аюмонъ (*Cissus vitiginea*) въ количествѣ 2¹/₂ окъ.

8. Ксилоалой въ количествѣ 1¹/₂ ока.

9. Длинный перецъ въ количествѣ 1³/₄ ока.

10. Мушкатный орѣхъ въ количествѣ 2¹/₂ окъ.

11. Индѣйскій листъ въ количествѣ 1¹/₂ ока.

12. Богемскій дягиль или ксилокасія, корень котораго отличается весьма пріятнымъ благовоніемъ, въ количествѣ 1¹/₂ ока.

13. Росной ладанъ жидкій (стираксъ) въ количествѣ 1¹/₂ ока.

14. Чистая смирна въ количествѣ 4¹/₂ окъ.

15. Черный перецъ въ количествѣ 3³/₄ ока.

16. Благовонный тростникъ въ количествѣ 1¹/₂ окъ.

17. Бальсамное дерево въ количествѣ 1¹/₂ ока.

18. Азовскій миртъ (родъ благовоннаго тростника) въ количествѣ 2¹/₄ окъ.

19. Ирѣ флорентійская въ количествѣ 4¹/₂ окъ.

20. Бакхарисъ или царскій корень въ количествѣ 2⁴/₄ окъ.

21. Кирказонъ (*aristolochia longa*) въ количествѣ 1¹/₂ ока.

Въ понедѣльникъ страстной седмицы съ ранняго утра толпы константинопольскихъ жителей—православныхъ и даже инославныхъ, въ виду рѣдкости настоящаго торжества, стекаются въ Фанарь и переполняютъ весь дворъ патріархіи. Кровли, окна и балконы сосѣднихъ съ патріархіею домовъ заняты любопытствующими зрителями, по преимуществу женщинами и дѣтьми. Въ патріаршемъ храмѣ св. Георгія, въ присутствіи патріарха, членовъ-синодаловъ и многочисленнаго мѣстнаго духовенства, совершается литургія преждеосвященныхъ Даровъ. По окончаніи ея, патріархъ въ мантии и епитрахили, въ предшествіи ему митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ-синодаловъ, духовенства и пѣвчихъ, выходитъ въ торжественной мантии изъ храма и направляется въ павильонъ мѹра. Здѣсь прежде всего совершается малое водоосвященіе, въ началѣ котораго, при пѣніи тропарей:

-
22. Бальсамный плодъ въ количествѣ $1\frac{1}{2}$ ока.
 23. Морской ситникъ (*cyperus rotundus*) въ количествѣ $2\frac{1}{4}$ окъ.
 24. Миртовая ягода въ количествѣ $\frac{3}{4}$ ока.
 25. Кельтскій нардь въ количествѣ $1\frac{1}{2}$ ока.
 26. Черная кассія или каскарилевая кора, при куреніи издающая благовонный пріятный запахъ, въ количествѣ $1\frac{1}{2}$ ока.
 27. Благовонный жолудъ въ количествѣ $\frac{1}{2}$ ока.
 28. Малый кардамонъ въ количествѣ $2\frac{1}{4}$ ока.
 29. Гвоздика въ количествѣ $4\frac{1}{2}$ окъ.
 30. Кинамомонъ въ количествѣ $4\frac{1}{2}$ окъ.
 31. Нардь дикій въ количествѣ $2\frac{1}{4}$ окъ.
 32. Мушкатный цвѣтъ въ количествѣ $1\frac{1}{2}$ ока.
 33. Теревинѣ или терпентинъ венеціанскій въ количествѣ $5\frac{1}{4}$ окъ.
 34. Бѣлая чистая древесная смола въ количествѣ $10\frac{1}{2}$ окъ.
 35. Благовонный жолудъ черный или индѣйскій въ количествѣ $1\frac{1}{2}$ ока.
 36. Майоранъ въ количествѣ $1\frac{1}{2}$ ока.
 37. Чистый ладанъ бѣлый въ количествѣ $7\frac{1}{2}$ окъ.
 38. Нардь индѣйскій въ количествѣ $1\frac{1}{2}$ ока.
 39. Ливанъ бѣлый въ количествѣ $7\frac{1}{2}$ окъ.
 40. Имбирь бѣлый въ количествѣ $4\frac{1}{2}$ окъ.
 41. Дикій имбирь или зарнабасъ въ количествѣ $1\frac{3}{4}$ ока.
 42. Греческая душистая пшеница, имѣющая запахъ на подобіе мускуса, въ количествѣ $1\frac{1}{2}$ ока.

„Благословенъ еси, Христе Боже нашъ“, „Егда снишедъ языки слія“, „Днесъ мы освящаемъ, Господи, святое муро“, „Слава и нынѣ, „Освятяя сіе святое муро, мы просимъ, Господи, освятить и сподобить Твоя благодати“, кадить весь навильонъ и сосуды, стоящіе на столѣ и близь стола. Взявъ въ руки сначала алавастръ съ елеемъ, а потомъ алавастръ съ виномъ, онъ по три раза крестообразно выливаетъ изъ нихъ въ каждый сосудъ того и другого вещества, произнося слова: „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“, а потомъ влагаетъ въ нихъ поровну тѣхъ ароматическихъ веществъ, которыя въ порошкахъ лежатъ въ корзинѣ, убранный живыми цвѣтами и стоящей на столѣ между алавастрами. Назначенныя для муроваренія священники и діаконъ наполняютъ сосуды масломъ, виномъ и ароматами въ томъ количествѣ, какое требуется указанною выше нормою, и устанавливаютъ ихъ на горнѣ. Патріархъ, благословивъ сосуды крестнымъ

43. Девясилъ или ароматическій корень, называемый *еленіемъ*, въ количествѣ $1\frac{1}{2}$ ока.

Къ указаннымъ веществамъ послѣ ихъ варки примѣшиваются еще слѣдующія эссенціи:

44. Масло цейлонской корицы въ количествѣ $\frac{1}{2}$ ока.

45. Гвоздичное масло въ количествѣ $\frac{1}{2}$ ока.

46. Мушкатное густое масло въ количествѣ 1 ока.

47. Бальсамъ меккскій въ количествѣ $5\frac{1}{4}$ окъ.

48. Розовое масло въ количествѣ $\frac{1}{2}$ ока.

49. Масло изъ мушкатнаго цвѣта въ количествѣ 21 драма.

Примѣчаніе. Драма равняется $\frac{3}{4}$ золотника.

50. Лимонное масло въ количествѣ 70 драмъ.

51. Масло изъ бальсамнаго плода въ количествѣ 35 драмъ.

52. Майоранное масло въ количествѣ 36 драмъ.

53. Лавровое масло въ количествѣ 70 драмъ.

54. Розмариновое масло въ количествѣ 35 драмъ.

55. Нардовое масло или левандовое въ количествѣ 35 драмъ.

56. Индѣйскій мушкатъ въ количествѣ 40 драмъ

57. Амбра въ количествѣ 65 драмъ.

Перечисленный нами составъ веществъ и эссенцій, потребныхъ для варенія мѹра, достаточно краснорѣчиво говорить, какъ за дороговизну его приготовления, такъ равно и за то, что часто это торжество, при бѣдности восточныхъ церквей, не можетъ совершаться тамъ.

знаменіемъ съ словами: „Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“, беретъ дикирій и трикирій и возжигаетъ огонь подъ каждымъ сосудомъ. Затѣмъ патріархъ читаетъ первую главу евангелія Маттея, за нимъ читаютъ по главѣ далѣе изъ того же евангелиста митрополиты и архіепископы-синодалы. По прочтеніи главы послѣднимъ изъ синодаловъ, совершается отпустъ, и патріархъ съ духовенствомъ выходятъ изъ навильона и идутъ обычнымъ порядкомъ въ храмъ. Въ навильонѣ устанавливается безпрерывное чтеніе евангелія въ теченіе всѣхъ трехъ дней страстной седмицы до четверга: читаютъ его послѣ митрополитовъ сначала протосинкелль, секретарь синода, священники патріархіи, а потомъ по очереди и приходскіе священники. Діаконы въ это время заняты растираніемъ и толченіемъ ароматическихъ веществъ, разведеніемъ ихъ въ ароматическихъ маслахъ и въ винѣ, и переливаніемъ ихъ съ крайнею осторожностію въ приготовленные и освященные св. водою сосуды. Все это дѣлается подъ неослабнымъ надзоромъ главнаго аптекаря—ὁ μρεψός. Наблюдается въ это время, чтобы вино было въ котлахъ ниже масла на пять пальцевъ.

Во вторникъ послѣ литургіи повторяется патріархомъ такая же торжественная литанія въ навильонѣ мвра и послѣ краткаго молитвословія, при иѣннн указанныхъ выше тропарей, собственноручно имъ полагается въ котлы вино, масло и благовонныя вещества въ извѣстномъ количествѣ, и затѣмъ прочитывается первая глава изъ евангелія Марка. По прочтеніи главы послѣднимъ изъ епископовъ-синодаловъ совершается отпустъ, и всѣ уходятъ обратно въ храмъ. Чтеніе евангелія продолжаютъ пресвитеры.

Утромъ въ великую среду варка мвра оканчивается. Изъ котловъ мвро переливается въ сосуды для того, чтобы оно могло остыть и отстояться. По окончаніи литургіи преждеосвященныхъ даровъ, патріархъ съ синодалами и духовенствомъ въ третій разъ въ торжественной литаніи идетъ въ навильонъ мвра, совершаетъ краткое молитвословіе и съ иѣ-

ніемъ: „Богъ, иже бѣ прежде вѣковъ, Отець всемогущій, Сынъ едиnorodный, сіяніе Отчее, Духъ вѣчный, исходящій отъ Отца“, вливаеть въ сосуды тѣ 14 эссенцій, которыя значатся въ спискѣ веществъ подъ цифрами съ 44—57, произноситъ отцую: „Иже въ видѣніи огненныхъ языкъ“ и удаляется изъ навильона въ храмъ. До захода солнца діаконы, подъ наблюденіемъ аптекаря, разливають сваренное муро по мѣднымъ сосудамъ, находящимся въ навильонѣ близъ стола, и залечатывають ихъ восковыми печатями.

Рано утромъ въ великій четвертокъ митрополиты и архієпископы-синодалы со всѣмъ духовенствомъ собираются въ залъ патріархіи. Облачившись въ полное священное одѣяніе, патріархъ съ епископами-синодалами, духовенствомъ и пѣвчими, отправляется прямо въ навильонъ мѹра. Отсюда, когда сосуды съ мѹромъ будутъ розданы на руки пресвитерамъ, торжественная литанія въ храмъ совершается въ такомъ порядкѣ: впереди идетъ блюститель порядка, очищающій дорогу отъ народа, за нимъ клирикъ въ стихарѣ съ крестомъ, по бокамъ его клирики въ стихаряхъ съ ршндами; далѣ священники рядами съ сосудами, наполненными свареннымъ мѹромъ, которое безпрерывно кадятъ діаконы, идущіе по бокамъ ихъ, потомъ епископы и патріархъ, предшествуемые пѣвчими съ пѣніемъ тропаря храма. По входѣ въ храмъ, священники съ сосудами съ мѹромъ направляются черезъ сѣверныя двери въ алтарь и ставятъ одинъ алавастръ съ новымъ мѹромъ на жертвенникѣ, гдѣ стоитъ другой алавастръ съ мѹромъ, прежде освященнымъ, прочіе же сосуды съ новымъ мѹромъ располагаются на полу близъ жертвенника.

Литургію служитъ торжественно патріархъ со всѣми епископами-синодалами и многочисленнымъ духовенствомъ. Во время великаго выхода процессія перенесенія новаго мѹра съ жертвенника на престолъ совершается въ такомъ порядкѣ: во главѣ процессіи идетъ клирикъ съ крестомъ, за нимъ діаконы съ кадилницами, далѣ великій архимандритъ съ алавастромъ преждеосвященнаго мѹра, потомъ протосинокелль

съ алавастромъ новаго мѣра, за нимъ священники съ сосу-
дами новаго мѣра. По бокамъ священниковъ, несущихъ мѣро,
идуть діаконъ съ рипидами. Процессію замыкають священно-
служители со св. Дарами. Въ царскихъ дверяхъ патріархъ
встрѣчаетъ великаго архимандрита, принимаетъ отъ него, по-
цѣловавъ предварительно, алавастръ преждеосвященнаго мѣра
и ставитъ его на престолъ на правую сторону св. потира. На
лѣвую сторону потира помѣщается имъ алавастръ новаго мѣра,
который принимаетъ патріархъ отъ протосинкелла тоже въ
царскихъ дверяхъ. Вокругъ престола разставляются другіе
сосуды съ новымъ мѣромъ.

Послѣ возгласовъ патріарха: „И даждь намъ единѣми
усты“ и „И да будутъ милости великаго Бога“, архидіаконъ
возглашаетъ: „Вонмемъ“. Патріархъ приближается къ пре-
столу, сламываетъ печать съ алавастра новаго мѣра и, благо-
словляя его трижды рукою, произноситъ: „Во имя Отца, и
Сына, и святаго Духа“. Подобнымъ же образомъ онъ благо-
словляетъ и остальные сосуды съ новымъ мѣромъ, стоящіе во-
кругъ престола. Въ это время пѣвчіе поють слѣдующіе тропари:
„Страхъ и радость и святая ревность да воодушевляють насъ,
христіане, въ селеніяхъ Господнихъ“, „Сонмъ святыхъ іере-
евъ, вожди народа вѣрнаго во градѣ Бога живаго“, „Радуйся,
непорочная Жена Божія, сей Духъ, изліяніе коего даетъ воз-
можность рещи Авва—Отче“, Слава Отцу, „Ты, иже въ
нѣдрахъ Отчихъ, Слово Боже, низнесли благодать Духа Твоего
Святого на сіе мѣро приготовленное во имя Твое совершити
и освятити“. По окончаніи тропарей архидіаконъ произно-
ситъ: „Вонмемъ“, патріархъ снова благословляетъ трижды
крестообразно мѣро со словами: „Во имя Отца“. Второй діа-
конъ произноситъ высокимъ голосомъ слѣдующіе стихи, пре-
рываемые отвѣтами на нихъ патріарха и епископовъ на
гласъ 7:

1) „Се что добро, или что красно, но еже жити братіи
вкушѣ“.

Патріархъ и епископы поютъ: „Да почиеть благодать безначальнаго Отца на тебѣ, муро божественное“.

2) Діаконъ: „Яко муро на главѣ, сходящее на браду Аарону“.

Патріархъ и епископы: „Да почиеть благодать Сына, Слово Божіе, на тебѣ, божественное муро“.

3) Діаконъ: „Сходящее на ометы одежды его: яко роса аермонская, сходящая на горы Сіонскія“.

Патріархъ и епископы: „Да почиеть благодать Духа святости и совершенства на тебѣ, божественное муро“.

Третій діаконъ возглашаетъ: „Господу помолимся“. Патріархъ и епископы становятся на колѣна и читаютъ слѣдующую молитву (патріархъ громко, а прочіе шопотомъ): „Господи милости и Отче свѣтовъ, отъ Тебѣ всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ дается“. По прочтеніи этой молитвы, патріархъ возглашаетъ: „Миръ всѣмъ“, діаконъ произноситъ: „Главы ваша“ и читается молитва: „Тебѣ Богу всѣхъ и царю, выю сердца благодаряще преклоняемъ“. Духовенство поетъ слѣдующіе тропари; „Вся подаетъ Духъ святой, точить пророчествія, священники совершаетъ“, „Во пророцѣхъ возвѣстия еси намъ путь спасенія“, „Днесъ освящается твоею благодатію муро; смертные, получая крещеніе Христово, освящаются Духомъ“, Слава, „Богъ иже бѣ прежде вѣковъ, Отецъ всемогущій, Сынъ единородный, сіяніе отчее“, и нынѣ, „Видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа небеснаго.“ Патріархъ въ это время въ послѣдній разъ благословляетъ св. муро въ сосудахъ по трижды съ произнесениемъ словъ: „Во имя Отца“ и покрываетъ алавастръ и другіе сосуды. Затѣмъ выходитъ патріархъ изъ алтаря благословляетъ народъ трикиріемъ, который и передаетъ діакону, начинающему ектеню литургіи: „Вся святія помянуше“.

По окончаніи литургіи, патріархъ вручаетъ алавастры, стоявшіе на престолѣ, епископамъ, а прочіе сосуды съ муромъ берутъ на руки пресвитеры и, при пѣніи 44 псалма „Отрыгну сердце мое“, въ торжественной процессіи несутъ въ хранитель-

ницу мѹра (μυροδέχη), роскошно реставрированную нынѣшнимъ патріархомъ Іоакимомъ III, въ первое его правленіе константинопольскою церковью. Здѣсь стоятъ двѣнадцать амфоръ, (πίδοι), въ которыя патріархъ вливаетъ сначала по немногу преждеосвященнаго мѹра, потомъ наполняетъ ихъ съ большою осторожностію новымъ мѹромъ и, наконецъ, запечатываетъ ихъ восковыми печатями. Это мѹро, по требованіи епархій, разсылается патріаршею канцеляріею, которая замѣнила особое должностное лицо при патріархѣ, завѣдывавшее въ древнее время разсылкою мѹра по епархіямъ и называвшееся „μυροδότης“.

Изъ представленнаго нами изложенія особенностей чина варенія и освященія мѹра въ Константинополѣ въ Великой церкви ясно видно, что чинъ этотъ имѣетъ сравнительно съ нашимъ современнымъ чиномъ немного особенностей, которыя состоятъ въ большемъ количествѣ веществъ, входящихъ въ составъ мѹра (57, а у насъ 31 вещество), въ большей торжественности обрядовъ при вареніи мѹра въ теченіе трехъ первыхъ дней страстной седмицы (у насъ митрополитъ принимаетъ участіе лишь въ понедѣльникъ, а въ прочіе дни все совершаютъ синодальный ризничій съ соборными ключарями, тогда какъ на Востокѣ патріархъ съ синодомъ и духовенствомъ появляются въ павильонѣ мѹра каждодневно, имѣютъ тщательный надзоръ и непосредственное участіе за приготовленіемъ мѹра и читаютъ евангеліе), въ введеніи въ чинъ особыхъ тропарей и стиховъ, которыхъ нашъ чинъ не знаетъ и которые составлены были патріархомъ константинопольскимъ Констанціемъ I. Впрочемъ, тропари нынѣшняго византійскаго чина частію позаимствованы изъ службы Пятидесятницы, а частію составлены вновь послѣ патріарха Констанція и съ его тропарями имѣютъ сходство лишь въ содержаніи¹⁾. Къ числу особенностей константинопольскаго чина нужно отнести также опущеніе молитвы, читаемой у

1) Θ. Ἀριστοχλέους. Κωνσταντίου ἁ βιογραφία καὶ συγγραφῆ κ. τ. λ. Ἐν Κωνσταντ. 1866 σελ. 332—334.

насъ въ понедѣльникъ послѣ малаго водоосвященія, а именно:
„Господи Исусе Христе, Сыне едиnorodный безначальнаго
Отца“ и ношеніе въ процессіи алавастра съ муромъ прежде-
освященнымъ.

Проф. *А. Дмитриевскій.*

Пастырскій дневникъ ¹⁾.

Всматриваюсь въ явленія окружающей насъ дѣйствительности и съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе поражаюсь несоотвѣтствіемъ ея съ идеаломъ истиннаго христіанства. Ну что, въ самомъ дѣлѣ, представляетъ собою современная намъ такъ называемая *увеселительная благотворительность* нашихъ большихъ — а за ними вслѣдъ и малыхъ — городовъ? Все, что хотите, другое, — по никакъ не благотвореніе въ христіанскомъ смыслѣ и значеніи этого слова. Взгляните — что обыкновенно дѣлаютъ на нашихъ благотворительныхъ вечерахъ: на однихъ пляшутъ до разсвѣта, на другихъ поютъ, играютъ на музыкальныхъ инструментахъ, на третьихъ даютъ тѣ или инныя театральныя представленія и т. д. Однимъ словомъ — веселятся каждый разъ въ собственное удовольствіе на всѣхъ этихъ музыкальныхъ, театральныхъ, танцевальныхъ и другихъ благотворительныхъ вечерахъ. И пусть бы веселились, сколько имъ угодно и какъ угодно... Но нѣтъ, всѣ эти веселящіеся люди, а особенно — устроители благотворительныхъ вечеровъ и баловъ самымъ пресерьезнымъ образомъ рассуждаютъ и доказываютъ вамъ, что они, веселясь и танцуя, дѣло дѣлаютъ и притомъ великое — спасаютъ множество людей отъ нищеты, убожества, разоренія, голода и даже смерти. Вѣдь путемъ веселія и танцевъ, говорятъ они, собираются деньги — подчасъ не большія, а иногда и весьма крупныя — цѣлыми тысячами рублей, — и эти самыя деньги идутъ на удовлетвореніе разнообразныхъ нуждъ бѣдняковъ... Какъ же послѣ этого не устраивать благотвори-

¹⁾ См. № 44 за 1902 г.

тельныхъ вечеровъ, концертовъ, театровъ и разныхъ другихъ общественныхъ развлеченій, какъ на нихъ не веселиться, не танцевать..., вѣдь всѣмъ этимъ — повидимому — достигается великая цѣль—спасенія цѣлыхъ тысячъ меньшей братіи отъ нищеты, голода и другихъ житейскихъ невзгодъ. Инымъ путемъ, говорятъ, теперь и не соберешь,—мелкими подачками притомъ и не удовлетворишь разнообразныхъ нуждъ нуждающихся. Притомъ, кому вредъ отъ того, что я веселюсь на благотворительныхъ вечерахъ,—очевидно никому,—а польза громадная... Запретите всѣ эти благотворительные вечера, балы, концерты и большая часть нашихъ благотворительныхъ обществъ должна будетъ прекратить свое существованіе.

Повидимому, глубокая правда въ словахъ защитниковъ увеселительной! благотворительности... Но только повидимому... Въ дѣйствительности же одна фальшь и ложь въ этихъ словахъ, какъ равно и въ самомъ характерѣ увеселительной благотворительности.

Веселіе, танцы, разные игры, забавы и христіанское благотвореніе..., не правда ли, какъ странно звучать эти понятія со свойственнымъ каждому изъ нихъ смысломъ. Что можетъ быть общаго между нами?. Не болѣе того, скажемъ, что имѣютъ общаго между собою свѣтъ и тьма... Въ одномъ, мы видимъ, дается просторъ грѣховнымъ влеченіямъ плоти, въ другомъ—ограниченіе, какъ бы нѣкое стѣсненіе ея: въ веселіи и разнаго рода забавахъ ярко выступаетъ господство плоти надъ духомъ,—въ истинномъ же христіанскомъ благотвореніи, наоборотъ, духа надъ плотію. Понятно каждому, что дающій лепту на то или другое доброе дѣло тѣмъ самымъ не только лишаетъ себя предполагаемаго или вѣриѣе предлагаемаго удовольствія,—но извѣстнымъ образомъ ограничиваетъ себя въ удовлетвореніи и своихъ насущныхъ потребностей. Истинный благотворитель при видѣ крайней нужды ближняго не только не расточаетъ своего имущества на свои прихоти или любимыя имъ развлеченія и удовольствія, а—напротивъ—бываютъ

весьма скупъ для себя и жертвуетъ часто послѣднимъ достоинствомъ въ пользу брата своего.

Безъ благотворительныхъ вечеровъ, концертовъ и разныхъ другихъ развлеченій теперь, говорятъ, и не обойдешься, такъ какъ инымъ путемъ и не соберешь тѣхъ громадныхъ суммъ, какія постушаютъ въ кассы благотворительныхъ обществъ. Нечего грѣха таить: въ приведенныхъ словахъ защитниковъ увеселительной благотворительности есть доля правды, хотя и весьма прискорбной. Пользуясь сравнительною легкостью добыванія денегъ чрезъ разнаго рода увеселительныя приманки, многочисленныя у насъ благотворительныя общества получаютъ большія суммы на дѣло благотворенія. Но этимъ фактомъ смущаться нечего: онъ лишній разъ доказываетъ только то, что благотвореніе, какъ Божіе дѣло, требуетъ не малаго труда и усилій и тогда оно бываетъ дѣйствительно прочнымъ и плодотворнымъ; пріобрѣтаемыя же легкимъ способомъ деньги, хотя бы и большія, неизвѣстно часто, куда уходятъ и во всякомъ случаѣ съ меньшимъ расчетомъ расходуются. Одно дѣло—трудоваѣ—такъ сказать—копѣйка, и другое—легко добытая... А что сказать о томъ родѣ благотворительныхъ приманокъ, какой представляютъ собою такъ называемыя лоттереи—аллегри, когда за одинъ вечеръ собираются часто десятки тысячъ рублей? Это не простое уже, бьющее только на чувственность, развлеченіе—въ родѣ вечеровъ, концертовъ и т. п.—это прямое потакательство худшимъ инстинктамъ человѣческой природы, совершенно напоминающее собою азартную игру въ карты.

А сколько матеріальныхъ—а еще болѣе нравственныхъ потерь и страданій, семейныхъ неурядицъ и разнаго рода крупныхъ и мелкихъ нестроеній въ жизни влекутъ за собою указанныя лоттереи—аллегри?—Я никогда не забуду тяжелой сцены—вѣриѣ—житейской драмы, видѣнной мною еще въ раннемъ дѣтствѣ. Въ одномъ губернскомъ городѣ сѣверо-западнаго края дамы—патронессы устроили въ городскомъ скверѣ лоттерею-аллегри съ благотворительною цѣлью. Весьма

красиво и живописно были разставлены при этомъ и многочисленные предметы выигрыша—въ родѣ вазъ, самоваровъ, серебряныхъ сервизовъ и т. д. И вотъ, бѣдный сторожъ мѣстной духовной школы Иванъ Левчукъ, заработавшій тяжелымъ трудомъ 15 р. сбереженій за многіе мѣсяцы, не утерпѣлъ, чтобы не попробовать счастья на своего рода „зеленомъ полѣ“. Сначала счастье ему улыбнулось и онъ выигралъ какую-то бездѣлушку,—но засимъ, когда у счастливица глаза разгорѣлись при видѣ лоттерейныхъ приманокъ, онъ сталъ покупать одинъ за другимъ билеты и скоро, увы, лишился всего своего состоянія—15-ти трудовыхъ рублей. Финалъ немедля разыгрался на дворѣ духовной школы, гдѣ служилъ Левчукъ: онъ и жена его навзрыдъ горько плакали или вѣрнѣе рыдали, оглашая своими воплями прилегающія ко двору улицы и окрестности. Со стороны казалось, какъ будто плакавшіе лишились любимыхъ дѣтей или другихъ дорогихъ существъ... И это благотвореніе?!

А сколько подобныхъ Левчуку несчастныхъ плакало можетъ быть втайнѣ, а то и открыто, проклиная въ тотъ вечеръ все и всѣхъ на свѣтѣ, а болѣе всею злосчастною лоттерейю... И много отъ нея плачетъ и стонетъ русскаго народа отъ края до края святой Руси...

Городской Терей.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Объ условіяхъ успѣха пастырской дѣятельности.

Не рѣдко встрѣчаются люди, которые не съ подобающимъ вниманіемъ изображаютъ на себѣ знаменіе креста Господня. Недостатокъ этотъ, замѣчаемый и у нѣкоторыхъ пастырей Церкви, рѣзко бросается въ глаза прихожанамъ, особенно въ приходахъ съ населеніемъ, склоннымъ къ такъ называемому древнему благочестію, и много вредитъ уваженію къ пастырю. Извѣстно, что въ такихъ приходахъ народъ съ буквальнойю

точностью старается выполнить прежде всего предписаніе отеческихъ книгъ о томъ, какъ должно полагать на себѣ крестное знаменіе. По понятію людей, склонныхъ къ такъ называемому древлему благочестію, крестное знаменіе есть „вѣнецъ Царя Небеснаго“,—альфа и омега благочестиваго дѣла и всякаго занятія. И потому весьма естественно, что таковыя прихожане не могутъ не смотрѣть безъ предубѣжденія на пастыря, который является предъ ними какъ бы не знающимъ самаго главнаго правила благочестія. „Какое ужъ тамъ благочестіе, гдѣ нѣтъ ни креста, ни поста“, говорятъ обыкновенно послѣдователи древляго благочестія по отношенію къ тѣмъ изъ православныхъ, которые небрежно изображаютъ на себѣ крестное знаменіе и дозволяютъ себѣ нарушать установленныя посты. А такъ какъ приходовъ съ населеніемъ, склоннымъ къ такъ называемому древлему благочестію, находится довольно значительное количество, то для пастырей является настоятельною необходимостью внимательно отнестись къ дѣлу изображенія на себѣ крестнаго знаменія, дабы при исполненіи обязанности учительства не быть подобнымъ *облаку безводному или же бьющимъ воздухъ*.

Въ перепискѣ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей противъ нашего старообрядчества — Н. И. Субботина и архимандрита Павла (Прусскаго) читаемъ слѣдующее.

„Больно сознаться, пишетъ Н. И., что невѣжественный, полуграмотный раскольнический пошъ, съ нарочитою тщательностію крестящійся и благословляющій, имѣетъ въ этомъ отношеніи преимущество даже иногда предъ истинно-просвѣщеннымъ и искренно благочестивымъ православнымъ священникомъ. Нужно, необходимо нужно, чтобы священникъ истово и правильно изображалъ крестное знаменіе, и когда молится и когда благословляетъ народъ и подходящихъ подъ благословеніе. Этимъ онъ не только освободитъ себя отъ незаслуженнаго упрека въ невнимательности къ дѣйствию, которымъ подается освященіе и благословеніе, въ неуваженіи къ святынь креста Христова, но и отнимаетъ у раскольника одинъ изъ

первѣхъ и главнѣйшихъ предлоговъ къ осужденію православнаго духовенства и Православной Церкви; этимъ онъ пріобрѣтаетъ себѣ даже невольное уваженіе среди раскольниковъ и откроетъ себѣ путь къ сношеніямъ съ ними въ видахъ примиренія ихъ съ Церковію.—Наоборотъ, неистовое изображеніе крестнаго знаменія можетъ послужить поводомъ къ уклоненію въ расколъ. „Въ Нижегородской губерніи, писалъ о. архимандритъ Павелъ, много православныхъ уклонилось въ расколъ. А причина уклоненія та, что духовенство не хочетъ слѣдовать народнымъ русскимъ религіознымъ обычаямъ, то есть не хочетъ молиться, какъ молится русскій народъ, но хотять какъ-то молиться по модѣ, и тѣмъ отчуждаются отъ русскаго народнаго обычая, утвержденного русскою Православною Церковію. Также не хотять исполнять установленныхъ поклоновъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ не соблюдаютъ апостольскаго правила: *вся вамъ благообразно и по чину да бывають*. Хотя нечистота такая и не повсюду встрѣчается, но несомнѣнно, что бываетъ въ немалой части. Значить, у нашего духовенства есть какъ будто отвращеніе къ народному русскому обычаю“.

Истовость крестнаго знаменія состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, чтобы правая рука съ усвоеннымъ перстосложеніемъ полагалась сперва на лобъ, потомъ на грудь, а затѣмъ на правое и лѣвое плечо. При этомъ народъ строго наблюдаетъ, чтобы прикосновеніе руки къ этимъ частямъ тѣла совершалось съ осязательною отчетливостію. Не доносить руки до лба, а также до края праваго и лѣваго плеча, а тѣмъ болѣе—водить рукою по груди, дѣлая косыя линіи, это, по понятіямъ послѣдователей древляго благочестія, значить дѣлать *богомерзкое маханіе, которому бѣси радуются*. Затѣмъ надобно помнить, что крестное знаменіе есть отдѣльный актъ отъ поклона, и потому не должно соединять одно съ другимъ, т. е., совершивъ истово крестное знаменіе въ прямомъ положеніи, надобно опустить руку и затѣмъ совершить поклонъ.

Другимъ необходимымъ условіемъ успѣха пастырской дѣятельности является благолѣпіе церковнаго богослуженія, особенно важнѣйшей части его—церковнаго пѣнія. Въ томъ же самомъ письмѣ о. архимандрита Павла говорится, что, „если бы исправная была служба въ церквахъ, не было бы нужды въ единовѣрїи“, т. е. устранено было бы одно изъ важнѣйшихъ препятствій, которымъ смущаются ревнители старообрядчества. „Кто успѣетъ вывести заброшенную церковь въ свѣтъ благолѣпія и пѣнія, тотъ подлинно осіаетъ свѣтомъ страну и сѣнь смертную, онъ воскреситъ умершихъ и поверженныхъ, спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ“. Эти слова будутъ понятны, если мы представимъ себѣ иную небрежную службу въ какомъ либо заброшенномъ храмѣ, гдѣ народъ „тупо стоитъ въ церкви, ничего не понимая, подъ козлогласованіе дьячка или бормотаніе клирика“.

Наконецъ, для успѣха пастырской дѣятельности и прїобрѣтенія вліянія на прихожанъ необходимо священнику считаться съ тѣми взглядами на пастырское служеніе, какіе высказываются народомъ. Народу нравятся такіе священники, какихъ желаютъ имѣть и руководители ихъ—архипастыри, такъ что желанія народа въ этомъ отношеніи отвѣчаютъ болѣе или менѣе идеалу добраго пастыря. Прежде всего, простой народъ цѣнитъ священниковъ, которые „хорошо служатъ“. Ему нравится не только истовое, благоговѣйное и отчетливое произношеніе молитвъ; но и продолжительныя и частыя службы. Не менѣе уважаетъ народъ и пастырей учительныхъ, пребывающихъ въ служеніи слова (1 Тим. 2; Дѣян. 17, 4), при чемъ народъ предпочитаетъ живое, не книжное слово и весьма радуется, когда вполне понимаетъ слова священника. Особеннымъ уваженіемъ пользуются также священники опытные въ исповѣди, которые могутъ успокоить и утѣшить волнующагося, поддержать вѣру въ Бога въ изнемогающемъ, научить молиться сомнѣвающагося, а также нравятся духовники строгіе и нелицепріятные, потому что, по свидѣтельству зна-

тока русской души Достоевскаго, русскій человекъ любить каяться и страданіями загладить преступленіе.

Прихожане не рѣдко желаютъ видѣть въ своемъ пастырѣ судью-посредника при разрѣшеніи домашнихъ распрей и сѣтуютъ, если священникъ не вразумляетъ членовъ ихъ семей въ проповѣди или частной бесѣдѣ. Ничего не имѣя противъ того, если священникъ отличаетъ особымъ вниманіемъ почетныхъ прихожанъ, ревнителей церкви и жертвователей на церковно-приходскія нужды, они проникаются чувствомъ глубокаго почтенія къ пастырю, когда онъ безбоязненно обличаетъ пороки лицъ, прикрывающихся лицемерною ревностью къ храму. Наконецъ, наряду съ учительными способностями, народъ цѣнитъ въ священникѣ и его практическія хозяйственныя способности. Крестьяне не рѣдко обращаются къ любимымъ пастырямъ съ своими практическими матеріальными нуждами: совѣтуются, какъ имъ купить землю, написать духовное завѣщаніе, полѣчить больного и т. п. Высокимъ уваженіемъ пользуется тотъ батюшка, который умѣетъ изыскать средства для расширенія храма, на построеніе школы и пр. Вообще священникъ долженъ быть участливъ къ духовнымъ и матеріальнымъ нуждамъ народа, не долженъ быть священникомъ аристократомъ, который имѣетъ знакомство только съ мѣстною интеллигенціею и какъ бы пренебрегаетъ сѣрымъ мужичкомъ; ему нужно имѣть тактъ, умѣнье, чтобы *снизойти* любовью до умственнаго уровня пасомыхъ, чтобы потомъ *высвить* ихъ до себя.

(Перм. енарх. вѣдом. 1902 № 37).

Отъ редакціи.

Въ февральской книжкѣ „Проповѣдей“ за нынѣшній годъ (стр. 93) напечатано поученіе въ недѣлю сыропустную, представляющее собою почти буквальное — съ незначительными лишь измѣненіями—воспроизведеніе одного изъ поученій по-

койнаго прот. Р. Путятина. Въ объясненіе подобнаго недосмотра считаемъ необходимымъ заявить, что отъ сотрудниковъ—проповѣдниковъ мы получаемъ столько проповѣдническаго матеріала, что разобратъся въ немъ и непогрѣшимо рѣшить вопросъ объ относительной оригинальности тѣхъ или другихъ поученій, признаваемыхъ годными для напечатанія въ журналѣ, часто бываетъ весьма и весьма трудно. Изъ прошлаго нашего и другихъ журналовъ намъ извѣстны случаи, когда въ печать проникали поученія, заимствованныя изъ разныхъ проповѣдническихъ сборниковъ. Надѣмся, что за это не станутъ слишкомъ строго судить насъ тѣ изъ нашихъ читателей, которые знаютъ, что въ области проповѣднической (да и одной ли проповѣднической?) литературы заимствованія въ послѣднее время приняли весьма широкіе размѣры и разоблаченіе ихъ настолько трудно, что даже издатели проповѣдническихъ трудовъ отдѣльныхъ проповѣдниковъ не свободны бываютъ отъ ошибокъ въ опредѣленіи оригинальности находящагося у нихъ подъ руками матеріала. Но это не можетъ, конечно, служить извиняющимъ обстоятельствомъ для нашихъ сотрудниковъ, которые доселѣ пользовались довѣріемъ редакціи и къ которымъ нынѣ редакція считаетъ благовременнымъ обратиться съ просьбою не злоупотреблять этимъ довѣріемъ и не вводить въ обманъ читателей, имѣющихъ въ отношеніи къ печатному слову опредѣленные права.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεοδοσίη.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 22 марта 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ*.

Кіевъ. Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 14.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Киевской
духовной Семинаріи.

1903 года, апрѣля 6-го.

Содержаніе: Великая суббота въ святогробскомъ храмѣ.—Высшая іерархія галицко-русской церкви и базилиане (продолженіе).—По поводу разсужденій о народныхъ праздникахъ въ совѣщаніяхъ о нуждахъ сельскаго хозяйства.—Нѣсколько словъ о церковныхъ доходахъ и расходахъ.

Великая суббота въ святогробскомъ храмѣ

Первые три дня страстной седмицы наши палестинскіе паломники говѣютъ и готовятся въ послѣдній разъ принять Тѣло и Кровь Христовы на Гробѣ Господнемъ. Многіе изъ нихъ, прибывшіе въ Іерусалимъ къ Пасхѣ и не посѣщавшіе Іордана на святкахъ, путешествуютъ въ эти дни на Іорданъ, совершая омовеніе въ прохладныхъ струяхъ священной рѣки. Въ среду вечеромъ паломники присутствуютъ въ патриаршемъ монастырѣ святыхъ равно-апостольскихъ царей Константина и Елены на елеосвященіи и помазуются, по греческому обычаю, семикратно каждый, по окончаніи чина. Ночь на великій четвергъ они проводятъ въ святогробскомъ храмѣ и за литургією на гробѣ Господнемъ приобщаются Св. Таинъ. Утромъ всѣ стараются насладиться созерцаніемъ умирительнаго

и торжественнаго обряда умовенія ногъ. Пятницу проводятъ большинство паломниковъ или на русскихъ постройкахъ, или по іерусалимскимъ монастырямъ, гдѣ службы этого дня совершаются торжественно и въ чинномъ порядкѣ. О службахъ великой пятницы въ святогробскомъ храмѣ этого нельзя сказать, потому что суета, страшная давка и непрестанные крики ликующихъ арабовъ, явившихся къ торжеству полученія святого огня, мѣшаютъ въ значительной степени стройному и чинному теченію здѣсь службъ. Эти дѣти пустыни, объятые религіознымъ экстазомъ, составляютъ хороводы и въ духовномъ веселіи кружатся около кувуклія, громко прославляя преимущества православной вѣры передъ другими вѣрами. „Православные арабы, пришедшіе изъ деревень (между ними бываютъ и за—іорданскіе) для полученія благодатнаго огня, по словамъ одного очевидца, жившаго въ Іерусалимѣ нѣсколько лѣтъ, видя себя среди многочисленной сѣмьи единовѣрцевъ, выражаютъ свою радость, что они исповѣдаютъ православную вѣру—тѣмъ способомъ, который восходитъ къ глубокой древности, ибо упоминаются у Псалмопѣвца: „Все языци восплещите руками, воскликните Богу гласомъ радованія“. Исполняя буквально это приглашеніе, они, составивъ вереницу, бѣгаютъ вокругъ кувуклій св. Гроба и плещутъ руками, припѣвая въ тактъ разныя религіозныя выраженія, между коими чаще слышится слѣдующій стихъ: „*воля динъ, илля динъ ел-мессія*“, что значитъ въ буквальномъ переводѣ: „нѣтъ (подразумѣвается: иной) вѣры, едина вѣра православныхъ христіанъ“ (Душеп. Чтен. 1863, № 3 стр. 284). „Признаюсь откровенно, во всѣхъ видѣнныхъ мною въ это время проявленіяхъ ихъ дѣтской радости я, заключаю свои замѣчанія тотъ же наблюдатель, не нашель ничего „возмутительнаго“, какъ пишутъ иные изъ нашихъ, вслѣдъ за писателями западной церкви, не желая вникнуть въ сущность этого восторга... Кто не хочетъ вникнуть въ сущность дѣла, пусть, вмѣстѣ съ легкомысленною Меллою, осуждаетъ подражателей пѣснопѣвца Давида“ (Тамъ же стр. 315—319).

Но не одни дѣти пустыни плещуть и ликують подь сводами святогробскаго храма и тѣмъ способствуютъ нарушенію тишины и порядка въ святомъ мѣстѣ, но и пришедшіе отовсюду на это единственное и исключительное зрѣлище—полученіе „небеснаго“, „святого“ огня паломники всѣхъ странъ и народностей ведутъ себя въ храмѣ не менѣе нервно и оживленно. Всѣ карнизы храма, галереи, свободные балконы и окна, устроенныя нарочито мѣста для зрителей на трибунахъ уже давно закуплены и перекуплены счастливыми и располагающими хорошими денежными средствами, но и „паломники-бѣдняки“, Христовымъ именемъ добравшіеся въ Іерусалимъ и проживавшіе здѣсь со всѣми лишеніями и нуждами, не желаютъ отказать себѣ въ счастіи видѣть это необыкновенное торжество „своими очами“. Имъ приходится буквально „съ бою“ брать себѣ болѣе или менѣе удобныя мѣста въ храмѣ, и отбивать ихъ отъ посягательства другихъ силою своихъ мускуловъ и упорнымъ терпѣніемъ. Въ храмѣ нерѣдко слышатся споры, крупныя разговоры, отчаянныя крики и даже истерическія рыданія... Занявшіе удобныя мѣста на карнизахъ или балконахъ храма и стоящіе на трибунахъ, чтобы не потерять ихъ, вынуждены съ вечера пятницы до полудня субботы, когда совершается чинъ полученія святого огня, оставаться все время въ напряженномъ положеніи, не двигаясь съ мѣста... Отъ криковъ, давки и тяжелой атмосферы въ храмѣ дѣлается со многими головокруженіе и потеря сознанія. Въ громадномъ количествѣ переполняющіе въ эти дни храмъ турецкіе солдаты съ ружьями въ рукахъ, введенные по распоряженію мѣстной администраціи, не въ силахъ, однако, поддерживать необходимый порядокъ и сдерживать нервно настроенную многотысячную толпу разноплеменныхъ богомольцевъ въ ея религіозномъ экстазѣ. Солдатамъ, при помощи кавасовъ, нерѣдко пускающихъ въ дѣло тяжелыя плети по спинамъ расходившихся богомольцевъ, съ великимъ усиліемъ удается давать свободный проходъ для духовенства и почетныхъ посѣтителей храма воскресенія.

Часовъ въ 9^{1/2} вечера въ пятницу появляется, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, въ храмъ воскресенія патріархъ, и шумъ, царившій здѣсь дотолѣ, на время затихаетъ. Патріархъ, вставъ въ тронѣ, даетъ благословеніе епископу, который входитъ на колокольню, находящуюся надъ иконостасомъ воскресенскаго храма, и весьма искусно начинаетъ перебирать била и клепала, повѣшенные здѣсь въ достаточномъ количествѣ. Этотъ торжественный звонъ въ іерусалимскомъ храмѣ совершается только въ нарочитые праздники, въ присутствіи патріарха, длится довольно долго и составляетъ несомнѣнно украшеніе праздничнаго богослуженія сіонской церкви. Не смотря на непривычность къ этому звону русскаго уха, въ виду искусства мѣстныхъ звонарей, звонъ въ била и клепала производитъ и на русскихъ богомольцевъ пріятное впечатлѣніе. Въ ту пору, какъ въ храмѣ царитъ тишина и всѣ услаждаются своеобразнымъ звономъ билъ и клепалъ, изъ алтаря выходитъ два діакона въ полномъ облаченіи, имѣя въ одной рукѣ кадило, а другою поддерживаютъ лежащую на лѣвомъ плечѣ, покрытомъ богатою пеленою, ладоницу въ видѣ церковки, подходятъ къ трону патріарха, получаютъ у него благословеніе и кадятъ весь храмъ и всѣ святыя мѣста (такое кажденіе всѣхъ святыхъ мѣстъ передъ началомъ утренняго богослуженія совершается каждодневно и при томъ не только православными діаконами, но армянскими и коптскими).

Около полуночи начинается утренняя. Чинъ ея совершается по обычаю. 17 канѣнъ поютъ патріархъ, всѣ присутствующіе на лицо архіереи и іеромонахи по стихамъ. Во время цѣннѣ канона патріархъ одѣвается въ полное облаченіе. То же дѣлаютъ и два другіе изъ старѣйшихъ синодальныхъ архіереевъ. Прочіе епископы, участвующіе въ выносѣ плащаницы, имѣютъ на себѣ только епитрахили и малые омофоры. Священники облачаются въ фелони и епитрахили.

Св. плащаница, сдѣланная изъ плотной матеріи, величиною превосходящая употребляемая у насъ въ практикѣ въ

три раза, съ богатыми золотыми кистями по угламъ, во все время утрени, усыпанная живыми цвѣтами, возлежить на св. престолѣ въ алтарѣ. Послѣ великаго славословія архимандриты берутъ плащаницу на головы свои, а іеромонахи поддерживаютъ ее за кисти и черезъ южную дверь въ самоѣ алтарѣ несутъ ее на Голгоѣу. Клирики святогробскаго храма предшествуютъ плащаницѣ съ хоругвями, крестомъ и свѣчами, а патріархъ и епископы, имѣя въ рукахъ евангелія и горящія свѣчи, слѣдуютъ позади ея. По приходѣ процессіи на Голгоѣу, св. плащаница полагается на престолѣ, передъ столцимъ здѣсь крестомъ, патріархъ произноситъ ектенью сугубую о православныхъ царяхъ и патріархахъ, на которую клиръ отвѣчаетъ многократнымъ пѣніемъ „Господи помилуй“. Затѣмъ, съ благословенія патріарха, который садится въ приготовленное для него кресло (то же дѣлаютъ и другіе архіереи), русскій архимандритъ, начальникъ нашей миссіи, произноситъ съ возвышеннаго амвона, придѣланнаго къ правой стѣнѣ, проповѣдь на русскомъ языкѣ.

Послѣ проповѣди плащаница подымается на головы священнослужителей и черезъ сѣверную лѣстницу спускается внизъ къ камню помазанія. Обнеся св. плащаницу трижды вокругъ камня помазанія, ее полагаютъ на нѣкоторое время на немъ. По произнесеніи ектеньи о православныхъ поклонникахъ св. Гроба, назначенный іерокириксъ (проповѣдникъ) произноситъ проповѣдь на арабскомъ языкѣ.

По окончаніи проповѣди, плащаница поднимается съ камня помазанія и съ крестнымъ ходомъ ее несутъ къ кувуклію Гроба Господня. По троекратномъ обнесеніи плащаницы кругомъ кувуклія, епископы вносятъ плащаницу внутрь кувуклія и полагаютъ на св. Гробѣ. Архіереи, облаченные въ священныя одежды, становятся передъ плащаницею внутри св. Гроба и кадятъ передъ нею до окончанія утрени. По прочтеніи евангелія и по произнесеніи сугубой ектеньи, говорятся одна за другою двѣ проповѣди на греческомъ и турецкомъ языкахъ. Послѣ того, какъ архіереи и священнослужи-

тели облобызають св. плащаницу, выносятъ ее изъ Гроба Господня, вносятъ въ алтарь Воскресенскаго храма, обносятъ трижды кругомъ престола и полагаютъ на немъ.

Послѣ утрени тушатся всѣ огни въ храмѣ воскресенія. Кувуклій запечатывается. Народъ, не смотря на утомленіе, остается на своихъ позиціяхъ, въ ожиданіи обряда полученія благодатнаго огня. Арабы, на время прекратившіе свои ликованія и круговыя движенія около кувуклія, возобновляютъ ихъ съ новою энергіею. Энтузіазмъ ликующихъ достигаетъ, можно сказать, безграничныхъ предѣловъ. На плечи кружащихся и ликующихъ арабовъ, вскакиваютъ болѣе ловкіе, образуя второй хоръ ликующихъ, носимый первыми. Слышатся среди толпы смѣхъ, брань и крики...

Въ 2 часа по-полудни начинается въ храмѣ воскресенія обрядъ полученія св. огня. Патріархи греческій и армянскій съ своимъ многочисленнымъ духовенствомъ, при помощи кавасовъ, съ трудомъ проходятъ къ кувуклію. Патріархъ греческій и 12 іеромонаховъ облачаются въ бѣлыя одежды и приготавливаются къ совершенію литаніи. Изъ алтаря выносятъ 12 хоругвей, за ними идутъ пѣвчіе съ пѣніемъ тропаря: „Воскресеніе Твое, Христе Спасе“, далѣе попарно іеромонахи и, наконецъ, патріархъ въ полномъ облаченіи. Послѣ троекратнаго обхожденія кувуклія, хоругви, пѣвчіе и іеромонахи возвращаются въ алтарь, а патріархъ, ставъ предъ гробомъ Господнимъ, снимаетъ съ себя священныя облаченія, оставивъ только въ подризникѣ и въ маломъ омофорѣ на плечахъ. Стража снимаетъ у Гроба печати. Внутри его входятъ патріархи греческій и армянскій, при чемъ двери Гроба снова закрываются. По бокамъ кувуклія съ сѣверной стороны близь имѣющагося здѣсь отверстія становится священникъ арабъ съ лампадою, чтобы принять св. огонь, а близь южнаго такого же отверстія становится одинъ изъ армянскихъ клириковъ съ тою же цѣлію. Въ храмѣ водворяется глубокая благоговѣйная тишина, длящаяся не менѣе пятнадцати минутъ. Взоры всѣхъ въ это время устремлены на кувуклій, и всѣ съ

нетерпѣніемъ ожидаютъ оттуда появленія св. огня. Оглушительный звонъ во „вся тяжкая“ съ колокольні храма воскресенія прерываетъ напряженную тишину и возвѣщаетъ благочестивымъ паломникамъ объ окончаніи церемоніи. Въ отверстіяхъ кувуклія показывается св. огонь, который моремъ, въ мгновеніе ока, разливается по всему храму. Каждый богомолецъ, находящійся въ храмѣ, имѣя въ рукѣ пучъ свѣчей въ количествѣ 33, по числу лѣтъ жизни Спасителя нашего на землѣ, спѣшитъ въ духовной радости возжечь его отъ св. огня. Не многіе, однако, изъ богомольцевъ сохраняютъ св. огонь до окончанія церемоніи, большая часть изъ нихъ, по возженіи отъ св. огня, скоро тушитъ свѣчи нарочито для сего продающимися колпачками изъ бумаги, наполненными ватою. Это дѣлается съ тою цѣлю, чтобы свѣчи, освященные святымъ огнемъ, сохранить на память и отвезти, въ качествѣ паломнической реликвіи, на родину. Дымъ и смрадъ наполняютъ, благодаря этому, іерусалимскій храмъ, и атмосфера въ немъ и безъ того удушливая, благодаря громадному стеченію богомольцевъ, дѣлается положительно невыносимою...

Съ полученіемъ св. огня ликованія арабовъ не знаютъ себѣ предѣловъ. Съ пѣніемъ тѣхъ же стиховъ, въ священномъ экстазѣ, они опалютъ себѣ огнемъ грудь, руки, уста и даже тушатъ пучи горящихъ свѣчъ прямо на лбу или па груди, считая, что этимъ они себя застраховываютъ отъ всякихъ болѣзней. Патріархъ, находившійся въ кувукліѣ, имѣя въ обѣихъ рукахъ зажженные свѣчи, выходитъ изъ гроба и появляется среди народа. Это появленіе усиливаетъ народное ликованіе, и энтузіазму его нѣтъ предѣловъ. Всѣ бросаются къ патріарху, чтобы зажечь свѣчу отъ его свѣчи, съ благоговѣніемъ прикоснуться къ его одеждѣ и т. д. Патріаршимъ кавасамъ, при помощи солдатъ и тяжелыхъ нагаекъ, съ великимъ усиленіемъ удается провести измученнаго патріарха въ алтарь. Духовенство привѣтствуетъ патріарха съ полученіемъ святой благодати. Народъ мало-по-малу начинаетъ покидать храмъ Воскресенія, чтобы отдохнуть и подкрѣпить себя для

пасхальнаго бдѣнія. Выходятъ многіе изъ храма съ св. огнемъ, чтобы возжечь лампаду въ своей келіи и потомъ хранить св. огонь цѣлый годъ. Ликованіе арабовъ тоже мало-по-малу утихаетъ, переходя на улицы, и святогробскій храмъ пустуетъ и провѣтривается.

Въ храмѣ воскресенія, по уходѣ патріарха и синодаловъ, начинается литургія св. Василия Великаго, которую совершаетъ одинъ изъ архіереевъ. Богомольцевъ за нею обыкновенно бываетъ немного, а между тѣмъ служба эта обставлена на православномъ Востокѣ любопытными подробностями, совершенно неизвѣстными у насъ. Служба эта носитъ названіе „Перваго воскресенія“, и обряды, совершающіеся во время ея отправленія, вполнѣ оправдываютъ это названіе. По прочтеніи только *трехъ паремій*, вмѣсто нашихъ пятнадцати, а именно изъ книги Бытія, изъ книги Исходъ и изъ пророка Даніила, и апостола, архіерей, одѣтый въ свѣтлыя ризы, начинаетъ пѣть передъ престоломъ стихъ: „Воскреси, Боже, суди земли“. При пѣніи того же стиха по клиросамъ, архіерей отворяетъ царскія двери и, имѣя въ рукахъ корзину съ живыми цвѣтами и дафнами, разбрасываетъ ихъ по всему храму съ привѣтствіемъ къ народу: „Христосъ воскрес“. Въ это время била и клепала воскресенскаго храма аккомпанируютъ умильному пѣнію сладкогласныхъ пѣвцовъ о воскресеніи Спасителя. Литургія эта оканчивается отпustomъ: „Воскресый изъ мертвыхъ Христосъ истинный Богъ нашъ“.

Проф. А. Дмитріевскій.

Вышняя іерархія галицко-русской церкви и базиліане ¹⁾.

Двойственность положенія новаго митрополита весьма ярко отображается и на всей его дѣятельности, въ качествѣ начальника русской церкви и представителя русскаго народа

¹⁾ См. № 13 за 1903 г.

въ Галиціи. Съ одной стороны, онъ пишетъ посланія, въ которыхъ намѣчаетъ цѣлый рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлю благо русскаго варода и его церкви; а съ другой стороны, онъ не принимаетъ никакихъ мѣръ къ пресѣченію весьма вредной дѣятельности базилианскихъ монаховъ, искажающихъ уніатское богослуженіе, полонизующихъ русскихъ дѣтей въ содержимыхъ ими школахъ, вводящихъ расколъ своимъ вмѣшательствомъ въ сферу пастырской дѣятельности приходскихъ священниковъ, портящихъ церковно-богослужебныя книги и т. п. Съ одной стороны, онъ при всякомъ случаѣ показываетъ себя защитникомъ чистоты восточнаго греко-католическаго обряда, возможно большей автономіи галицко-русской церкви, а, съ другой стороны, онъ пишетъ обширное и краснорѣчивое посланіе въ защиту сохраненія status quo въ дѣлѣ подчиненія галицко-русской церкви конгрегаціи *progranda de fide*, противъ чего возставалъ онъ, въ бытность свою Станиславовскимъ епископомъ. Съ одной стороны, онъ усердно ревизуетъ приходы и церкви Львовской епархіи; „самоотверженно“ поучаетъ духовенство и народъ своими краснорѣчивыми рѣчами, сближается съ священниками и народомъ, обѣщаетъ отстаивать ихъ интересы, а, съ другой стороны, онъ молчаливо и безучастно созерцаетъ отвратительную картину происходящей нынѣ въ Галиціи польской экзекуціи надъ крестьянами, взбунтовавшимися весною и лѣтомъ минувшаго года, вслѣдствіе рѣшительной невозможности больше терпѣть гнетъ страшныхъ податей и еврейской эксплоатаціи...

Но ни въ чемъ такъ рельефно не выразилась двойственность и неопредѣленность положенія митрополита Андрея Шенцицкаго, какъ въ его отношеніи къ вопросамъ о сецессіи русскихъ богослововъ изъ университета и задуманной реформѣ семинаріи, о замѣщеніи Станиславовской епархіи и объ участіи галицко-русской церкви въ празднованіи 25-лѣтняго юбилея папы и соединенныхъ съ этимъ послѣднимъ событіемъ желаніяхъ галицко-русскаго народа.

Исторія перваго вопроса намъ уже извѣстна, а потому переходимъ къ рѣчи о двухъ другихъ.

Митрополитъ Андрей Шенцицкій, при самомъ прощаніи своемъ съ Станиславовскою епархією и вступленіи на митрополичью Львовскую кафедру, издалъ пастырское посланіе къ духовенству и вѣрнымъ Станиславовской епархіи и въ этомъ посланіи обѣщалъ имъ скоро дать епископа, по ихъ желанію и нуждамъ епархіи. „Послѣдній мой совѣтъ, послѣднее мое прошеніе къ вамъ“, говоритъ онъ здѣсь, „заключается въ слѣдующемъ. Держитесь своихъ духовныхъ отцовъ, повинуйтесь имъ, любите ихъ и не давайте никогда прельстить себя людямъ, которые желаютъ оторвать васъ отъ св. церкви, чтобы затѣмъ удалить васъ и отъ Бога. Не забывайте, что тотъ, кто не считаетъ церкви своею матерью, не имѣетъ и Бога за отца. Будьте, поэтому, всегда вѣрными дѣтьми святой церкви. Сохраните до смерти вѣрность св. отцу, папѣ римскому, будьте вѣрными и слушайтесь того, кого я дамъ вамъ во епископы. *Кто бы имъ ни былъ, будьте увѣрены, что выберу его вамъ пастыремъ, имѣя въ виду только ваше благо.* Примите его съ любовію и довѣріемъ, какъ бы вы встрѣтили Христа Спасителя, Котораго онъ есть слуга“.

Но скоро само дѣло показало, что это были только красивыя слова краснорѣчиваго оратора и больше ничего. И духовенство и міряне Станиславовской епархіи и все вообще галицко-русское духовенство и общество открыто высказало свое желаніе, чтобы преемникомъ митрополита на Станиславовской архіерейской кафедрѣ былъ кто либо или изъ заслуженныхъ крылошанъ, членовъ капитулы Львовской, или Станиславовской, или же кто-либо изъ заслуженныхъ вдовыхъ приходскихъ священниковъ. При этомъ назывались въ печати самыя почтенныя и популярныя имена, въ родѣ Бѣлецкаго, предсѣдателя Львовской капитулы и консисторіи, Комарницкаго, профессора богословія въ Львовскомъ университетѣ и др. Но никого изъ нихъ митрополитъ не избралъ. А между тѣмъ съ первыхъ, можно сказать, дней, по освобожденіи Ста-

нелавовской архіерейской каѳедры, кандидатомъ митрополита на эту послѣднюю стали всѣ называть монаха-базиліанина П. Филяса. Сколько можно судить по отзывамъ галицко-русской печати всѣхъ направлений, этотъ П. Филясъ—самая непопулярная, несимпатичная личность, человекъ, исполненный чрезмѣрной угодливости предъ о.о. іезуитами и величайшей ненависти ко всему русскому народу и, въ особенности, къ русскому духовенству. Неудивительно, поэтому, если русское общество сразу возстало противъ его кандидатуры, о которой и доселѣ не можетъ спокойно слышать. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ отзывовъ о личности П. Филяса, который до послѣдняго времени оставался единственнымъ кандидатомъ митрополита на Станиславовскую архіерейскую каѳедру. „О. Платонидъ—то *реформованный* молоденькій монахъ-игумень. Вотъ и все... Не имѣя силъ, кажется, преодолѣть трудностей въ гимназіи, онъ изъ VI класса перешелъ прямо въ монастырь и тамъ, подъ руководствомъ однихъ патеровъ іезуитовъ, приобрѣлъ всю мудрость (т. н. хитрость), знаніе свѣта и людей, ихъ нужды и потребностей... Силенъ ли онъ въ наукахъ богословскихъ, того никто не знаетъ; зато знаютъ всѣ, кому случалось имѣть съ нимъ дѣло, что его міровоззрѣніе весьма скудно, что вмѣсто монашеской скромности и кротости у него ничѣмъ неоправдываемая надменность, что онъ въ обращеніи съ священниками и ихъ семьями (*sit venia verbo*) настоящей „брусъ“. Такимъ же „брусомъ“ является онъ и на профессорской каѳедрѣ, съ которой, во время послѣдней миссіи, подъ его руководствомъ, сыпались на тему VI заповѣди Божіей такія слова, какихъ ни русскій мужикъ, ни русская интеллигенція никогда ни отъ кого не слышали. Просто соблазнъ: мужики скалили зубы и хохотали, интеллигенція, краснѣя отъ стыда, уходила какъ можно скорѣе изъ церкви. Таковъ ли намъ нуженъ архіерей? Успѣетъ ли онъ достойно и съ честію представлять высокій архіерейскій санъ? Найдеть ли онъ у клира и народа подобающее архіерейскому сану ува-

женіе? Съумѣеть ли онъ отстоять, гдѣ и когда слѣдуетъ, права свои и права русской церкви“?

Другіе выражали еще болѣе рѣшительные протесты противъ проведенія митрополитомъ П. Филяса на Станиславской архіерейской престолъ и предлагали самыя рѣшительныя мѣры къ недопущенію этого. „Если теперь будетъ замѣщенъ Станиславской епископскій престолъ, какъ всѣ громко говорятъ, игуменомъ Львовскаго монастыря о. Филясомъ“, читаемъ, напр., въ одной статьѣ, посвященной вопросу о замѣщеніи Станиславской кафедры, „то это будетъ служить знакомъ того, что наши друзья (разумѣются иезуиты) не отступили отъ своего завѣтнаго стремленія, т. е. латинизаціи русской церкви и ополяченія русскаго народа. Для избѣжанія такихъ злыхъ послѣдствій у насъ нѣтъ другого исхода, какъ только, по замѣщеніи архіерейскаго престола не по нашему желанію, созвать во всѣхъ повѣтахъ Галиціи народныя вѣча и, наглядно представивши народу грозящую нашей церкви опасность, избрать уполномоченныхъ изъ среды независимыхъ и любящихъ свой обрядъ мірскихъ людей, чтобы они отправились прямо къ папѣ въ Римъ и, указавши на всякія злоупотребленія, просили о покровительствѣ и защитѣ русской церкви въ Галиціи“.

Такіе и подобные имъ рѣшительные протесты, повидимому, возымѣли надлежащее дѣйствіе на кого слѣдуетъ. По полученнымъ нами въ самое послѣднее время свѣдѣніямъ изъ Галиціи, самъ Платонидъ Филясъ, который сначала настойчиво домогался архіерейства, былъ увѣренъ въ полученіи епископскаго сана и даже принималъ поздравленія съ этимъ, теперь рѣшительно отказался отъ мысли объ архіерействѣ и даже совсѣмъ оставилъ Галицію, выѣхавъ за океанъ, въ далекую Канаду съ цѣлію миссіонерскою. Этимъ самымъ онъ, несомнѣнно, и съ плечъ митрополита Андрея Шептицкаго снялъ нелегкое бремя.

Въ настоящее время для митрополита Андрея Шептицкаго явилась новая забота, возникшая по поводу 25-лѣтняго

юбилея римскаго папы, исполнившагося (юбилея) въ октябрѣ 1902 года. Здѣсь опять во всей силѣ сказалось двусмысленное положеніе митрополита Андрея Шептицкаго. Онъ первый предложилъ духовенству и всѣмъ вѣрнымъ галицко-русской церкви принять участіе въ папскомъ юбилеѣ. 8 августа 1902 года было первое засѣданіе особаго комитета, подъ предсѣдательствомъ митрополита, причемъ было рѣшено, съ одной стороны, устроить паломничество галицко-русскихъ вѣрныхъ во главѣ съ митрополитомъ въ Римъ ко дню юбилея (20 октября 1902 г. и с. выѣхать изъ Львова, 23 октября быть въ Римѣ и 26 октября представиться папѣ) и, съ другой стороны, чрезъ депутацію, имѣющую принять участіе въ этомъ паломничествѣ, представить папѣ меморіаль, съ изложеніемъ въ немъ нуждъ галицко-русской церкви. Для обсужденія содержанія этого меморіала, равно какъ и подробностей самаго юбилейнаго паломничества въ Римъ былъ созванъ 8 сентября 1902 года болѣе многочисленный комитетъ, съ участіемъ въ немъ и мірянъ. Въ комитетѣ приняли участіе около 150 лицъ духовнаго и свѣтскаго званія. Собраніе, между прочимъ, постановило устроить возможно многочислѣннѣйшее паломничество въ Римъ и чрезъ паломниковъ вручить папѣ адресъ, съ выраженіемъ вѣрности и преданности, и вмѣстѣ съ адресомъ— меморіаль о трудномъ и критическомъ положеніи уніатской церкви въ Галиціи и Америкѣ, съ просьбою объ устраненіи всѣхъ затрудненій, препятствующихъ развитію уніатскаго вѣроисповѣданія. Въ меморіаль, который галицко-русскіе паломники имѣли вручить папѣ и кардиналамъ, на первомъ планѣ были поставлены слѣдующія просьбы: 1) *чтобы Львовскій митрополитъ имѣлъ титулъ, права и отличія патріарха*; 2) *чтобы въ составъ римской коллегіи кардиналовъ входилъ всегда одинъ русскій уніатскій епископъ*; 3) *чтобы каждый священникъ, который нарушитъ конкордію, т. е. переманитъ уніата въ латинство, тотчасъ же былъ подвергаемъ суспенсіи*.

Во время засѣданія комитета одинъ изъ членовъ его, избранный и въ составъ паломнической депутаціи, священникъ Стефановичъ въ самыхъ яркихъ краскахъ представилъ собранію нынѣшнее безотрадное положеніе уніатской церкви и прямо заявилъ, что если положеніе галицко-русской церкви не измѣнится къ лучшему, то она не можетъ имѣть никакой будущности и въ такомъ случаѣ нельзя будетъ и думать о томъ, чтобы посредствомъ и при помощи такой церкви папа могъ разсчитывать на соединеніе Востока съ католическою церковью, такъ какъ нынѣшнее положеніе греко-уніатской церкви въ Галичинѣ и Америкѣ можетъ только оттолкнуть восточныхъ христіанъ отъ соединенія съ Римомъ.

Не знаемъ, какъ выполнилъ это желаніе галицко-русскаго народа и духовенства представитель галицко-русской юбилейной паломнической комиссіи, митрополитъ Андрей Шептицкій; но несомнѣнно только то, что положеніе его и въ этомъ дѣлѣ весьма двусмысленное, такъ какъ онъ долженъ обязательно считаться, съ одной стороны, съ прежними своими отношеніями къ папѣ и конгрегаціи *propagandae de fide*, а, съ другой стороны, и съ любовью къ нему русскаго народа и духовенства, *желающаго видѣть его даже своимъ патриархомъ*.

Вообще сказать что-либо опредѣленное относительно направленія и характера будущей дѣятельности митрополита Андрея Шептицкаго нельзя пока. Но прежняя его дѣятельность говоритъ безусловно въ его пользу и вполне оправдываетъ и достаточно объясняетъ широкую популярность, какою онъ несомнѣнно пользуется въ средѣ галицко-русскаго духовенства и даже всего народа.

Насколько энергична дѣятельность митрополита Андрея Шептицкаго, видно изъ слѣдующаго.

Вскорѣ послѣ своей торжественной интронизаціи, 11 го февраля 1901 г. митрополитъ послѣ полудня посѣтилъ духовную семинарію, съ которой началъ свою каноничную визи-тацію своей епархіи, какъ онъ выразился. Съ того дня онъ

сталъ *ежедневно* бывать въ семинаріи, разспрашивалъ ректора, префектовъ, профессоровъ и *даже каждаго изъ учениковъ* о ихъ положеніи, нуждахъ и желаніяхъ. Послѣдствіемъ этихъ посѣщеній семинаріи явилось уже извѣстное намъ посланіе митрополита по адресу семинаріи, обнаруживающее въ авторѣ весьма близкое и всестороннее знаніе внутренней жизни семинаріи.

Не менѣе энергіи показываетъ митрополитъ Андрей Шептицкій и въ дѣлѣ ревизіи церковей своей епархіи, о чемъ мы имѣли уже поводъ упомянуть выше.

Наконецъ, въ пользу митрополита Андрея Шептицкаго весьма много говоритъ и то обстоятельство, что онъ, сохраняя вообще нейтральное положеніе въ отношеніи къ различнымъ борющимся въ Галиціи русскимъ партіямъ, видимо, не желаетъ поддаваться давленію, оказываемому на него со стороны украино-фильской партіи и больше склоняется на сторону народно-русской партіи. Въ своемъ послѣднемъ посланіи, изданномъ по поводу визитаціи церковей въ 1902 году, митрополитъ рѣшительно осудилъ политику украино-фильствующихъ священниковъ, за что онъ самъ и его посланіе подверглись рѣзкому осужденію со стороны печатныхъ органовъ украино-фильской партіи: „Діла“ и „Руслана“. Въ этихъ органахъ сужденія митрополита по нѣкоторымъ вопросамъ признаны „весьма односторонними и совершенно несправедливыми“, а самому митрополиту было поставлено на видъ, между прочимъ, то, что онъ, какъ членъ ополяченной и окатоличенной русской фамиліи, недостаточно знакомъ съ положеніемъ дѣла.

Священникъ *Θ. Титовъ*.

(Окончаніе будетъ).

По поводу разсужденій о народныхъ праздникахъ въ совѣщаніяхъ о нуждахъ сельскаго хозяйства.

Въ засѣдающихъ въ настоящее время комитетахъ, учрежденныхъ для совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства, поднятъ старый вопросъ о народныхъ праздникахъ. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, съ особеннымъ вниманіемъ къ этому вопросу отнеслись комитеты волынской и подольской губерній. Въ специальныхъ и подробныхъ докладахъ, сдѣланныхъ въ этихъ комитетахъ относительно народныхъ праздниковъ, опять констатируется, прежде всего, чрезвычайное обиліе ихъ. Докладчики опредѣляютъ число нерабочихъ дней въ году цифрой 130—180. При этомъ обращаютъ вниманіе на то, что крестьяне юго-западнаго края празднуютъ не только свои церковные праздники, но и католическіе, и даже еврейскіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, кромѣ того, соблюдаютъ обычай понедѣльничанья и празднуютъ праздники, представляющіе пережитокъ древнихъ языческихъ временъ. По мнѣнію докладчиковъ, это обиліе дней, въ которые крестьяне уклоняются отъ сельско-хозяйственныхъ работъ, приноситъ огромный матеріальный вредъ. Одинъ изъ докладчиковъ утверждаетъ, что для одного его уѣзда ежегодный убытокъ отъ обилія праздниковъ опредѣляется въ *миллиардъ рублей!* Этотъ убытокъ падаетъ какъ на землевладѣльцевъ, страдающихъ отъ недостатка рабочихъ рукъ въ лѣтнее время, такъ и на самихъ крестьянъ, теряющихъ ради праздниковъ заработокъ. Въ виду такой важности вопроса о праздникахъ для сельско-хозяйственной экономіи, комитеты волынской и подольской губерній намѣтили рядъ мѣръ, которыми можно бы достигнуть сокращенія числа праздниковъ. Одинъ комитетъ предложилъ прямо возбудить предъ правительствомъ ходатайство объ уменьшеніи количества праздниковъ и о вмѣненіи духовенству въ обязанность проповѣдывать народу и внушать, что работать въ праздникъ не грѣхъ. Другой настаиваетъ на строгой регламентаціи обя-

зательныхъ праздничныхъ и рабочихъ дней. Иные комитеты высказали пожеланіе, чтобы ярмарочные и базарные дни, отвлекающіе крестьянъ отъ работы были перенесены на церковные праздники, чтобы табельные дни были обращены въ число рабочихъ и пр. Въ докладахъ, дѣлавшихся въ комитетахъ, подчеркнута, при этомъ, что уклоняясь вообще въ праздники отъ работъ, крестьяне не считаютъ грѣхомъ работать на причтъ, и духовенство въ этомъ ихъ не разубѣждаетъ.

Нужно сказать, что вопросъ о праздникахъ съ экономической точки зрѣнія въ послѣдніе годы возбуждался у насъ неоднократно. Еще въ 1888 г. надѣлало много шума оффиціальное отношеніе тогдашняго управляющаго Юго-Западными желѣзными дорогами г. Витте къ архіепископу херсонскому Никанору. Въ этомъ отношеніи г. Витте во имя государственныхъ интересовъ просилъ Преосвященнаго запретить мѣстному духовенству убѣждать рабочихъ не работать по праздникамъ на желѣзныхъ дорогахъ.

Въ 1890 г. тотъ же вопросъ о народныхъ праздникахъ былъ поднятъ на областномъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ г. Кіевѣ. При этомъ также высказывались предложенія ходатайствовать предъ правительствомъ о сокращеніи числа праздниковъ. По газетнымъ извѣстіямъ того времени, въ св. Синодѣ и Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ было до 140 ходатайствъ отъ земскихъ и крестьянскихъ учрежденій относительно уменьшенія числа праздничныхъ дней. Нынѣ этотъ старый вопросъ возбужденъ вновь, и опять, какъ видно, радѣтели народнаго благосостоянія склоняются къ тому же, чего желали многіе и прежде.

Что сказать по поводу этихъ желаній и предложенныхъ комитетами мѣръ для борьбы съ обиліемъ праздниковъ?

Прежде всего, несомнѣнно, что постановка, которая дана въ комитетахъ вопросу о праздникахъ, не можетъ быть признана правильной. Данный вопросъ относится къ области жизни религіозной; вопросы же религіозные не могутъ быть рѣшаемы съ одной экономической точки зрѣнія. Съ экономи-

ческой точки зрѣнія вѣдь и церковныя свѣчи, и ладанъ, и украшенія храмовъ, и многое другое представляетъ излишній расходъ, вредно отзвѣвающийся на благосостояніи народа, и многіе пылкіе политико-экономы не прочь-бы все это устранить. Между тѣмъ, основное свойство религіознаго служенія въ томъ и состоитъ, что совершается нѣкоторая жертва ради Бога. И праздники установлены именно съ тою цѣлью, чтобы человѣкъ въ извѣстныя времена забывалъ о своихъ выгодахъ и расчетахъ, отдавался всецѣло служенію Богу. Такимъ образомъ, матеріальные убытки сами по себѣ не должны быть вообще причиной уничтоженія извѣстныхъ религіозныхъ обязанностей, если это дѣйствительно обязанности. Равнымъ образомъ и при обсужденіи спеціальнаго вопроса о праздникахъ нужно бы принять во вниманіе не одни экономическія соображенія, а многія другія, высшія, о которыхъ, повидимому, въ комитетахъ и не упоминалось.

Что касается, далѣе, самыхъ проектированныхъ въ комитетахъ для сокращенія праздниковъ мѣръ, то онѣ, безъ сомнѣнія, не отличаются практичностью и своей цѣли едва-ли могутъ достигнуть. Никакая оффиціальная регламентація праздничныхъ и рабочихъ дней не можетъ заставить свободнаго человѣка работать, если онъ этого не желаетъ. Лѣнливый или не нуждающійся въ заработкѣ человѣкъ всегда можетъ увеличить для себя число праздниковъ, не смотря ни на какой календарь. Если, какъ указывается въ докладахъ, заслушанныхъ въ комитетахъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ празднуется и понедѣльникъ и католическій праздникъ „Божія Тѣла“¹⁾, и еврейскій „Рахманскій великъ-день“,—то это зависитъ не отъ того, что нѣтъ регламентаціи праздничныхъ и рабочихъ дней, а отъ сравнительной обезпеченности юго-западнаго крестьянина, не имѣющаго особой потребности въ заработкахъ. Во многихъ мѣстностяхъ Великороссіи, напротивъ, крестьяне въ

¹⁾ 5 іюня. Въ сборникѣ проповѣдей на м. іюнь будетъ помѣщено поученіе, разъясняющее православнымъ значеніе и причины установленія этого измышленнаго папистами праздника.

лѣтнее время работают и въ большіе праздники. Такимъ образомъ, если стать на точку зрѣнія комитетовъ, выходить, что здѣсь отсутствіе желаемой регламентаціи дней ведетъ уже къ недостатку праздниковъ, а не къ обилію ихъ, какъ на Юго-Западѣ... Ясно, что суть дѣла не въ регламентаціи.

Къ сказанному должно добавить, что такія явленія, какъ праздники, явленія сросшіяся съ жизнью, завѣщанныя глубокою древностью, не могутъ быть устранены сразу. Одними официальными предписаніями въ этомъ случаѣ трудно достигнуть желаемой цѣли. Для борьбы съ такими явленіями, если примѣшивается къ нимъ что либо ненормальное, нужно продолжительное время, и здѣсь имѣютъ значеніе не столько приказанія, сколько внушенія, разъясненія и убѣжденія. Поэтому, если какая-либо изъ проектированныхъ комитетами для урегулированія отношеній къ праздникамъ мѣръ можетъ имѣть значеніе, такъ это только обращеніе къ пастырскому воздѣйствію на прихожанъ.

Есть-ли дѣйствительно въ настоящее время нужда въ этомъ воздѣйствіи? Повидимому, есть. Разговоры о празднованіи народомъ праздниковъ въ послѣднее время поднимались очень часто. Правда, въ этихъ разговорахъ много преувеличеній, тенденціозности; въ основѣ ихъ въ значительной мѣрѣ лежитъ практическій духъ нашего времени, ставящаго экономическіе интересы выше всѣхъ другихъ и къ нимъ сводящаго всѣ проявленія человѣческой жизни. Но, безъ сомнѣнія, эти разговоры, поднимающіеся нерѣдко людьми, весьма близко стоящими къ народу, не могутъ быть признаны совершенно беспочвенными; ясно, что въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, существуютъ значительныя ненормальности. Идея церковнаго праздника—идея великая и она должна быть охраняема не только во имя интересовъ религіозныхъ, но и экономическихъ. Однако, если любовь къ празднованію доходитъ до того, что соблюдаются и католическіе, и даже еврейскіе праздники, то въ этомъ уже нельзя не видѣть извращенія истинной идеи церковнаго празднества и во имя послѣдней нельзя не бороться

противъ неумѣренной любви къ праздникамъ. Очевидно, народъ нуждается въ разъясненіи ему смысла христіанскаго праздника, и долгъ пастыря дать ему это разъясненіе.

Въ настоящее время, какъ замѣчено выше, вопросъ о праздникахъ возбужденъ собственно въ виду потребностей сельскаго хозяйства, въ виду неотложности нѣкоторыхъ сельскохозяйственныхъ работъ, препятствіемъ для исполненія которыхъ являются праздники. Каково должно быть отношеніе пастыря именно къ этому обстоятельству?

Библейская и церковная точка зрѣнія на данный вопросъ та, что праздникъ есть день служенія Богу—въ этомъ главная цѣль учрежденія праздника. Чтобы исполнить этотъ долгъ, необходимо воздержаніе отъ житейскихъ дѣлъ, покой. Но покой самъ по себѣ есть не обязанность религіозная, а только средство. Если бы можно было служить *всему* Богу и во время занятій житейскими дѣлами, то въ работѣ праздничной не было-бы ничего грѣховнаго. Но если покой не есть обязанность *религіозная*, то отсюда слѣдуетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ можетъ быть нарушаемъ. Отношеніе Господа Іисуса Христа къ заповѣди о субботахъ, показываетъ, что дѣла необходимыя могутъ быть совершаемы и въ праздники. „Кто изъ васъ“, говорилъ онъ обличая слѣпую фарисейскую ревность о субботахъ, — „имѣя одну овцу, если она въ субботу упадетъ въ яму, не возьметъ ея и не вытащитъ“ (Мтѣ. 12, 11). „Не отвязываетъ-ли каждый изъ васъ вола своего или осла отъ яслей въ субботу и не ведетъ ли поить“ (Лук. 13, 15).

Могутъ-ли сельско-хозяйственныя работы быть отнесены къ числу неотложныхъ? Безъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ. Бываетъ, что отъ удачно выбраннаго времени зависитъ участь всѣхъ годовичныхъ трудовъ земледѣльца, что просрочка одного дня губитъ весь урожай. Въ виду этого, въ древней Церкви земледѣльческія работы считались такими, которыя иногда являются неотложными и потому позволительными даже въ праздники. Какъ извѣстно, императоръ Констан-

тинъ Великій, издавшій въ 321 г. эдиктъ о соблюденіи покоя въ воскресный день, сдѣлалъ въ эдиктѣ исключеніе для земледѣльцевъ. „Всѣ судьи,“ читаемъ мы въ эдиктѣ, „городское населеніе и ремесленники всякаго рода въ досточтимый день солнца пусть покоятся. Однако, въ деревняхъ земледѣльцы пусть безпренятственно и свободно работаютъ, потому что часто случается, что въ иной день слишкомъ неудобно бываетъ ввѣрять зерна бороздѣ или виноградъ ямѣ, чтобы упустивши удобный случай, не лишиться ниспосылаемаго небеснымъ провидѣніемъ благопріятнаго времени“. Изъ церковныхъ учителей никто не возражалъ противъ этого исключенія. А отцы Лаодикійскаго собора (364 г.) прямо его подтверждаютъ, когда говорятъ (пр. 29): „не подобаетъ христіанамъ іудействовати и въ субботу праздновати, но дѣлати имъ въ сей день; а день воскресный преимущественно праздновати, аще могутъ, яко христіане“. Замѣчаніе *аще могутъ* показываетъ, что и отцы собора не считаютъ праздничнаго покоя ненарушимымъ. Законъ Константина Великаго былъ въ силѣ нѣсколько столѣтій, и только императоръ Левъ Философъ запретилъ въ воскресный день полевья работы, найдя ихъ противорѣчащими ученію апостоловъ.

Нужно сказать, что и древне-русская Церковь признавала неотложность нѣкоторыхъ работъ и позволительность ихъ въ праздничные дни. Въ одномъ древнемъ поученіи даже возвѣщается „горе“ тѣмъ, которые чтутъ священные дни „пороздною“, т. е. ничего недѣланіемъ. Въ XI и XII вв. рускіе люди интересовались вопросомъ: „достоитъ-ли рѣзати въ недѣлю (воскресный день) скоть, или овецъ, или птицъ, или иное что“?. За разрѣшеніемъ этого вопроса князь Изяславъ обращался къ преподобному Θεодосію Печерскому, а Кирикъ къ епископу новгородскому Нифонту. И Θεодосій, и Нифонтъ отвѣчали, что дѣла, которыхъ касались вопросы, позволительно совершать и въ праздники. Преп. Θεодосій при этомъ замѣчаетъ, что повелѣнія „субботу хранити, отинудь не дѣлати, ни огня возгнѣтати, ни заклати, по вечерѣ все готовить заутра ясти“ даны лишь для іудейскаго народа, и съ пришествіемъ

Сына Божія „жидовська вся умолвоша“. Тотъ же преп. Θεодосій, между прочимъ, находилъ непригоднымъ для воскреснаго дня названіе „недѣля“: „недѣля“, говоритъ онъ, „убо не наречется, якоже вы глаголите, но первый день“. Очевидно, по мысли преподобнаго, сущность христіанскаго празднованія не въ ничего недѣланіи („недѣля“).

Древніе русскіе люди, повидимому, не относились слишкомъ ригористически къ соблюденію праздничнаго покоя. Иностранецъ Герберштейнъ въ своихъ „запискахъ о Московіи“ такъ говоритъ о праздникахъ нашихъ предковъ: „знатные люди чтятъ праздники тѣмъ, что послѣ обѣдни бражничаютъ и надѣваютъ пышную одежду; простой народъ, слуги и рабы большею частью работаютъ, говоря, что праздновать и пользоваться досугомъ дѣло господъ. Горожане и ремесленники бывають у обѣдни, а послѣ ея возвращаються къ работѣ, думая, что честиѣ заниматься трудомъ, чѣмъ попусту терять достатокъ и время въ пьянствѣ, игрѣ и подобныхъ вещахъ“. „Въ первое мое посольство“, продолжаетъ Герберштейнъ, „я видѣлъ (въ Москвѣ) въ праздникъ Успенія болѣе ста человѣкъ, работавшихъ во рву Кремля, потому что праздники соблюдаютъ обыкновенно одни лишь князья и бояре“... Только къ XVII мысль о необходимости праздничнаго покоя у насъ созрѣла и былъ предпринятъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ прекращенію праздничныхъ работъ. Но и въ этомъ случаѣ обыкновенно имѣлось въ виду прежде всего содѣйствіе посѣщенію богослуженія, а не огражденіе покоя самого по себѣ. При этомъ въ законодательствѣ нашемъ, старомъ и новомъ, всегда предполагается возможность совершенія нѣкоторыхъ дѣлъ и въ праздники.

Такимъ образомъ, библейское и отеческое ученіе, а такъ же древняя практика, повидимому, позволяютъ въ неотложныхъ случаяхъ нарушать праздничный покой полевыми работами,—особенно, если эти работы совершаются послѣ богослуженія. Самое же рѣшеніе вопроса о томъ, есть-ли извѣстное дѣло неотложное или нѣтъ, должно быть предоставлено хри-

стіанской совѣсти каждаго. Никакой общеобязательной регламентаціи отложныхъ и неотложныхъ дѣлъ быть не можетъ. Разумѣется, тѣ, которые хлопочуть усиленно о сокращеніи праздниковъ, готовы всякое сельско-хозяйственное дѣло причислить къ разряду неотложныхъ. Но въ дѣйствительности, конечно, далеко не такъ. Если, напр., землевладѣлецъ, сиѣша захватить высокую цѣну на хлѣбъ, готовъ сзывать рабочихъ на молотьбу и на Преображеніе, и на Успеніе,—то ясно, что здѣсь не требованія необходимости, а дѣло простого коммерческаго расчета. Нарушить великій праздникъ ради такого дѣла значить служить мамонѣ болѣе, чѣмъ Богу. Но, безъ сомнѣнія, есть и такія сельско-хозяйственныя дѣла, которыя могутъ быть по справедливости названы неотложными. Долгъ пастыря внушить своимъ пасомымъ истинное понятіе о христіанской свободѣ и умѣнье ею пользоваться: только путемъ этого христіанскаго воспитанія и можетъ быть разрѣшенъ пресловутый вопросъ объ обиліи праздниковъ.

Вл. Р.

Нѣсколько словъ о церковныхъ доходахъ и расходахъ.

Кромѣ религіозно-нравственнаго значенія, православно-русскіе храмы имѣютъ еще значеніе благотворительное: изъ тѣхъ скромныхъ грошей, какіе собираютъ въ храмахъ образуются десятки тысячъ рублей, которые идутъ на самыя разнообразныя нужды. Со стороны фарисействующихъ либераловъ нерѣдко приходится слышать упреки по поводу того, что въ нашихъ храмахъ идетъ продажа свѣчей, производятся сборы пожертвованій, при этомъ обычно указывается на примѣръ Господа Іисуса Христа, который изгналъ торжниковъ изъ храма. Здѣсь, очевидно, забывается, что Христосъ изгналъ торжниковъ за безчинія, что сами торжники были комерсантами чистой воды, думавшими только о своей личной выгодѣ. Наши, большею частью, убогіе храмы, собирающіе на дѣла благотыни по крупницамъ большія суммы, скорѣе можно уподобить

бѣдной вдовицѣ, превознесенной Христомъ за ея бѣдную лепту. Откуда же получаютъ тѣ лепты, какими располагають наши храмы? Даетъ ихъ, разумѣется, народъ и прежде всего бѣдность, болѣе привязанная къ храму, какъ источнику для него радости и утѣшенія, болѣе отзывчивая на всякую нужду и горе. Источниковъ церковныхъ доходовъ два: свѣчной доходъ и кружечный; при нѣкоторыхъ церквахъ существуютъ еще вклады, недвижимая собственность, дающая значительный доходъ; но о послѣднимъ статьяхъ дохода говорить не приходится, такъ какъ онѣ существуютъ только въ не многихъ храмахъ. Сказать что нибудь опредѣленное о величинѣ и размѣрѣ церковныхъ доходовъ довольно трудно, такъ какъ они далеко не вездѣ одинаковы и колеблются въ зависимости отъ числа жителей въ данной мѣстности, ихъ матеріальнаго достатка, усердія къ храму. Среди свѣтскихъ лицъ, незнакомыхъ совершенно съ доходами церквей, не рѣдко весьма распространень тотъ взглядъ, что церкви собирають въ доходъ большія суммы. На самомъ дѣлѣ не такъ: доходъ церквей, каждой въ отдѣльности, незначителенъ и его едва хватаетъ на покрытие тѣхъ расходовъ, какіе лежатъ на каждой церкви.

Въ жизни каждаго храма, какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка, есть и свои нужды, требуются свои расходы: сюда относится обновленіе храмовъ, пополненіе утвари, богослужебныхъ книгъ и т. д. Между тѣмъ, средства большинства церквей очень незначительны: церковные доходы обычно расходуются на разныя общепархіальныя нужды, на взносы по подписнымъ листамъ, такъ что сбереженій въ концѣ концовъ не остается никакихъ.

Множество самыхъ разнообразныхъ поборовъ съ церквей довольно обременительно ложится на духовенство уже хотя-бы по одному тому, что плодитъ излишнюю переписку. По многимъ сборамъ мало того, что нужно сказать приличную случаю рѣчь, требуется составить актъ, съ печатями, съ подписями не только причта, но и лицъ свидѣтелей. Обнаруживается какъ бы недовѣріе къ причту, что онъ станетъ укры-

вать деньги, пожертвованные на то или другое доброе дѣло. Вообще изъ бесѣдъ съ лицами духовными различныхъ мѣстъ пишущій эти строки вынесъ впечатлѣніе, что духовенство очень тяготится многими сборами и чрезъ нихъ ставится иногда въ довольно двусмысленное положеніе и вотъ почему. Народъ нашъ добръ и отзывчивъ: онъ охотно оказываетъ помощь и дѣлаетъ жертву на то дѣло, какое ему понятно; между тѣмъ по церквамъ производятся иногда и такіе сборы, которые не для всѣхъ понятны и такіе сборы въ итогѣ ничего не даютъ. Намъ пришлось быть очевидцемъ сборовъ въ пользу бѣлаго креста (2 февраля). Общество бѣлаго креста имѣетъ цѣлю призрѣніе, воспитаніе и опредѣленіе въ кадетскіе корпуса малолѣтнихъ сиротъ и полусиротъ гг. офицеровъ, убитыхъ на войнѣ, умершихъ на службѣ или оставшихъ таковую по болѣзни, или потерявшихъ на ней здоровье. Къ сборамъ долженъ быть приложенъ актъ за подписями свидѣтелей. Священникъ сказалъ нѣсколько словъ о назначеніи сбора, его цѣли, и сборъ въ результатѣ далъ 10 коп. Представляя такую малую сумму священникъ постѣснялся и потому изъ общихъ церковныхъ доходовъ отчислилъ 1 рубль въ пользу Общества. Такъ какъ сборовъ съ церковей очень много, такъ какъ почти на каждый праздникъ назначенъ особый сборъ, то подобные случаи встрѣчаются нерѣдко: нѣкоторые священники, видя почти полную бесполезность нѣкоторыхъ сборовъ, не производятъ ихъ совсѣмъ, а просто отчисляютъ изъ кружки, разумѣется въ ущербъ общецерковному доходу, ту сумму, какую сами находятъ возможнымъ.

Множество расходовъ, лежащихъ на церквахъ, необходимость имѣть каждому храму хотя небольшія сбереженія наводятъ на мысль о томъ, какъ возможно сократить церковные расходы и чѣмъ возможно увеличить доходность ихъ?

Церковныя суммы, свѣчной доходъ вѣдаютъ церковные старосты, причту принадлежитъ только право контроля надъ церковными суммами. Слѣдовательно, здѣсь весьма важенъ вопросъ о томъ, каковъ будетъ церковный староста, какъ онъ

будеть относиться къ церковнымъ суммамъ. Наблюденіе показываетъ, что въ церковные старосты не рѣдко выбираются далеко не лучшіе люди—крестьяне болѣе вліятельные, не рѣдко кулаки и міроѣды. Приходится наблюдать, что крестьянинъ, ставши церковнымъ старостой, становится, какъ говорятъ, на ноги, заводитъ мельницу, скоть и т. д., очевидно здѣсь пускаются въ обороть церковныя деньги и нельзя не допустить, чтобы изъ нихъ что нибудь не приставало къ рукамъ безцеремоннаго хозяина; мы знаемъ даже такой случай, гдѣ староста, пользуясь старостію и довѣрчивостію священника, отдаетъ церковныя деньги въ ростъ. Какъ это ни грустно, но иногда самъ приходъ смотритъ на ктиторство, какъ на доходную статью. Такъ, намъ пришлось присутствовать на однихъ выборахъ церковнаго старосты въ малороссійскомъ селеніи. Крестьяне, толковавшіе о томъ, кого выбрать, присутствовавшему тамъ благочинному заявили со свойственнымъ малороссамъ юморомъ: „Выберемъ Пономаренка, нехай піднїме уха, а то винъ заслабъ“. Пономаренко былъ когда то богатымъ кулакомъ, и какъ думали крестьяне, приносилъ имъ пользу, дѣлая имъ разныя услуги за жидовскіе проценты.

Вообще, чѣмъ строже будетъ отношеніе къ лицамъ, избираемымъ на должность старостъ, чѣмъ строже будетъ контроль, тѣмъ, можно думать, меньше будетъ идти на сторону церковныхъ денегъ.

Бываютъ иногда случаи, что и само духовенство забываетъ о назначеніи церковныхъ суммъ и, пользуясь невѣжествомъ церковныхъ старостъ, упогребляетъ ихъ иногда на свои личныя нужды. Кромѣ церковныхъ взносовъ съ церквей, духовенство, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, дѣлаетъ еще при отчетахъ взносы личныя, напримѣръ, въ эмеритуру. Такіе взносы иногда дѣлаются изъ церковныхъ суммъ;—явленіе весьма грустное, могущее вести къ печальнымъ послѣдствіямъ въ случаѣ жалобъ или доноса со стороны старостъ, — явленіе весьма некрасивое съ нравственной точки

зрѣнія: отъ кого-же, какъ не отъ духовенства, ожидать уваженія къ церковному грошу?

Главную статью церковнаго дохода составляетъ свѣчной доходъ: понятно, чѣмъ дешевле будутъ церкви получать свѣчи изъ свѣчныхъ заводовъ, тѣмъ больше будетъ оставаться въ пользу церквей. Между тѣмъ, цѣна на свѣчи не вездѣ одинакова: плата за пудъ колеблется отъ 25 — 40 рублей. Удешевленію церковныхъ свѣчей могло-бы содѣйствовать само духовенство широкимъ развитіемъ пчеловодства и поставкою воска на заводы. Не во всѣхъ епархіяхъ одинаково хорошо организована доставка свѣчей отъ заводовъ къ церквамъ: передъ нами сейчасъ приходо-расходная книга одной церкви, гдѣ записано: за 3 пуда свѣчей 90 рублей, за доставку ихъ 10 рублей. Доставка значительно удешевилась-бы, если-бы свѣчи высылались на цѣлое благочиніе сразу, а не въ каждую церковь отдѣльно: правильная организація доставки церковныхъ свѣчей сберегла-бы церквамъ не одну сотню рублей.

Изъ расходовъ церквей самыми крупными являются расходы на общеепархіальныя нужды, особенно на духовно-учебныя заведенія. Особенно много церквамъ приходится расходовать изъ своихъ средствъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ епархіи затѣвается что нибудь новое: открытіе новаго училища, постройка новыхъ зданій. Ничего конечно нельзя возразить противъ такихъ расходовъ: духовно-учебныя заведенія имѣютъ своею цѣлію приготовленіе будущихъ пастырей церкви, поэтому церкви и должны принимать участіе въ расходахъ на ихъ воспитаніе. Но вотъ что можно было-бы сказать противъ такихъ расходовъ: съѣзды духовенства не во всѣхъ епархіяхъ одинаково заботятся о томъ, чтобы раскладка производилась справедливо: всего чаще расходы раскладываются на вдѣ церкви *поровну*, что едва-ли можно признать справедливымъ: справедливѣе было-бы, если-бы эти расходы раскладывались по богатству и достатку церквей и приходовъ. Есть церкви богатые, для которыхъ не составляетъ особаго затрудненія дѣлать каждый годъ большіе взносы, но есть церкви

и совсѣмъ бѣдныя: намъ приходилось видѣть отчеты нѣкоторыхъ церквей, гдѣ расходъ превышаетъ доходъ, и такимъ образомъ церковь остается должникомъ. Въ нѣкоторыхъ епархіяхъ довольно широко развито навязываніе церквамъ книгъ, вовсе не важныхъ для церковныхъ библіотекъ; хорошая книга сама себѣ найдетъ дорогу; зачѣмъ же ихъ насильно навязывать тѣмъ, кому онѣ быть можетъ не нужны? Поощреніе отечественныхъ талантовъ хорошо, но тогда когда дѣлается изъ личныхъ средствъ, а не на счетъ часто бѣдныхъ церквей.

Желательной мѣрой, могущей вести къ сокращенію церковныхъ расходовъ, является предоставленіе самому духовенству каждой епархіи печатать бланки для приходо-расходныхъ и метрическихъ книгъ. И это статья довольно убыточная для церквей: на бланки на 1902 годъ значится, напримѣръ, въ приходо-расходной книгѣ села N 7 р. 44 коп., на *скрѣпу* приходо-расходныхъ книгъ 2 р., переплетъ исповѣдныхъ вѣдомостей 1 р.; значить, на одинъ переплетъ только исповѣдныхъ книгъ каждая епархія расходуетъ до 1000 рублей: какъ будто слишкомъ много...

На благочинныхъ лежитъ сравнительно больше обязанностей, чѣмъ на простомъ духовенствѣ, особенно много лежитъ на нихъ работы на канцеляріи, такъ что многіе благочинные должны мѣть особаго письмоводителя; такъ какъ благочинные за свой трудъ особаго вознагражденія не получаютъ, то приходскія церкви отъ себя выдаютъ имъ вознагражденіе, которое въ книгахъ всего чаще обозначается: „на канцелярію по благочинію“. Сумма эта не вездѣ одинакова,—колеблется отъ 5—30 рублей въ годъ. Гораздо лучше было-бы, если бы этотъ способъ вознагражденія былъ замѣненъ казеннымъ содержаніемъ благочинныхъ за ихъ трудъ.

В. М. П.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 30 марта 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ. Университетская типографія Авц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 15.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, апрѣля 13-го.

Содержаніе: Нѣсколько словъ по поводу предстоящей реформы села.—
Изъ наблюденій надъ жизнію духовенства.—Чинъ избранія и руко-
положенія архіерейскаго (Продолженіе).—Замѣтка.

Нѣсколько словъ по поводу предстоящей рефор- мы села.

Въ настоящее время мы находимся наканунѣ реформы нашего села. Объ этой реформѣ возвыщено во всеобщее свѣдѣніе народа русскаго съ высоты Царскаго Престола.

„Мы“, сказано въ Высочайшемъ манифестѣ 26 февраля 1903 года, „съ непреклонною рѣшимостью незамедлительно удовлетворитъ назрѣвшимъ нуждамъ государственнымъ, признали за благо предначертанные Нами труды по пересмотру законодательства о сельскомъ состояніи, по ихъ первоначальномъ выполненіи въ указанномъ Нами порядкѣ, передать на мѣста для дальнѣйшей ихъ разработки и согласованія съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ, при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, доверіемъ

общественнымъ облеченныхъ. Въ основу сихъ трудовъ положить неприкосновенность общиннаго строя крестьянскаго землевладѣнія, изыскавъ одновременно способы къ облегченію отдельнымъ крестьянамъ выхода изъ общины“ (Церковныя Вѣдомости 1903 г. № 9 стр. 56).

Такимъ образомъ, дальнѣйшая разработка и согласованіе съ мѣстными особенностями предложеннаго законодательства о сельскомъ состояніи, первоначально выполненнаго въ Высочайше указанномъ порядкѣ, будутъ возложены на губернскія совѣщанія, при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣріемъ общественнымъ облеченныхъ.

Извѣстно, что въ минувшемъ году во всѣхъ мѣстахъ Россіи трудились губернскіе и уѣздные комитеты надъ выясненіемъ нуждъ сельско-хозяйственной промышленности. Эти комитеты, въ свою очередь, дѣйствовали по указаніямъ и подъ руководствомъ „Особаго Совѣщанія“ по вопросамъ сельско-хозяйственной промышленности, Высочайше учрежденнаго. Главная руководящая роль въ губернскихъ комитетахъ принадлежала начальникамъ губерній, а въ уѣздныхъ—предводителямъ дворянства, которые, по своему усмотрѣнію и соображеніямъ, въ интересахъ возможно болѣе полного и лучшаго выясненія нуждъ нашей деревни, приглашали тѣхъ или другихъ лицъ въ составъ комитетовъ.

Къ концу минувшаго года и особенно въ началѣ настоящаго года стали проникать свѣдѣнія о ходѣ занятій и о результатахъ дѣятельности уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности и въ печать. Свѣдѣнія эти оказались чрезвычайно любопытными и важными. Поэтому, неудивительно, если къ нимъ на нѣкоторое время было привлечено самое серьезное вниманіе всѣхъ русскихъ людей и въ особенности, разумѣется, всѣхъ тѣхъ, кто знаетъ и любитъ наше русское село и его обитателей—крестьянъ и вообще нашъ простой народъ.

Думаемъ, что и многіе изъ нашихъ читателей болѣе или менѣе знакомы съ обнародованными въ печати свѣдѣніями о

результатахъ дѣятельности уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ, выяснявшихъ и обсуждавшихъ нужды сельско-хозяйственной промышленности.

Оказывается, что, при обсужденіи нуждъ *собственно сельско-хозяйственной промышленности*, затронуты были комитетами весьма важные вопросы, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ устраненіе недостатковъ, сознанныхъ въ нашемъ сельскомъ быту, улучшеніе сельскаго быта и вообще созданіе такихъ условій, при которыхъ наше село, наша деревня могли бы правильно развиваться и преуспѣвать.

Въ частности, здѣсь были возбуждены и, какъ можно думать, живо обсуждались вопросы, касающіеся религіозно-нравственнаго и умственнаго состоянія нашего сельскаго населенія, въ иныхъ мѣстахъ даже церковно общественные вопросы, т. е. такіе вопросы, которые, съ одной стороны, ближайшимъ образомъ касаются нашего сельскаго духовенства, и въ рѣшеніи которыхъ, съ другой стороны, наиболѣе компетентнымъ должно быть признано по всей справедливости наше духовенство, въ частности, сельское, такъ какъ именно оно ближе и лучше и полнѣе другихъ знаетъ нужды нашего села.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ нѣкоторые изъ наиболѣе важныхъ и существенныхъ въ данномъ случаѣ вопросовъ, возбуждавшихся и обсуждавшихся въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности.

Въ иныхъ мѣстахъ поднимался, напр., вопросъ о *земской единицѣ и всесловной волости*. Такое или иное рѣшеніе этого чрезвычайно важнаго и серьезнаго въ жизни нашего народа вопроса необходимо связано съ вопросомъ о приходѣ. Въ нѣкоторыхъ комитетахъ эта тѣснѣйшая связь вопроса о *земской единицѣ и всесловной волости* съ вопросомъ о *церковномъ приходѣ*, видимо, сознавалась и потому нѣкоторые совершенно справедливо обновленіе нашего прихода, какъ центра религіозной жизни, полагали въ основу предложенной реформы нашего села, тѣсно связанной (реформы) съ об-

новленіемъ религіозно-нравственной, духовной жизни сельскаго населенія.

Но русскій приходъ есть церковно-общественный институтъ, а вопросъ о приходѣ есть вопросъ строго каноническій. Вопросъ этотъ имѣетъ свою исторію. Въ послѣднее время въ нашей духовной періодической литературѣ этотъ вопросъ живо и всесторонне обсуждался. Въ этомъ обсужденіи выяснились весьма многія стороны приходской жизни, тѣснѣйшимъ образомъ связанная съ общественною жизнію (напр., грамотность, благотворительность, право надзора приходской общины за жизнію отдѣльныхъ членовъ ея и т. п.) нашего сельскаго населенія.

Постановка и рѣшеніе вопросовъ о приходѣ отчасти извѣстны и читателямъ нашего журнала. Имъ должно быть, въ частности, извѣстно, что назрѣвшій вопросъ о необходимости реформы прихода въ трудахъ лучшихъ изслѣдователей этого вопроса (г. Папкова) получилъ, можно сказать, одностороннюю постановку. Вопросъ о приходѣ разсматривали доселѣ съ чисто теоретической стороны—исторической и юридической (канонической). Неудивительно, если и рѣшеніе этого вопроса получилось одностороннее. Извѣстно, что наши изслѣдователи прихода (въ лицѣ г. Папкова) не нашли въ исторіи и теоріи лучшаго образца для имѣющаго быть обновленнымъ православно-русскаго прихода, какъ католическіе и лютеранскіе приходы, существующіе въ Россіи и руководящіеся въ своей жизни и дѣятельности особыми законодательными положеніями. Результатъ этотъ самымъ краснорѣчивымъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что вопросъ о приходѣ изслѣдовался односторонне, исключительно теоретически.

Разумѣется, что при рѣшеніи всякаго вопроса безусловно необходимо справляться съ исторіею, которая недаромъ называется *magistra vitae*. Но жизнь не стоитъ на одномъ мѣстѣ, а постоянно движется, видоизмѣняется и разнообразится отъ привходящихъ новыхъ условій. Поэтому, необходимо,

справляясь съ исторіею, принимать во вниманіе и потребности, запросы современной жизни.

Этого доселѣ не было сдѣлано въ отношеніи вопроса о приходѣ, и это могутъ сдѣлать только наши сельскіе пастыри, какъ наиболѣе хорошо, близко и всесторонне знакомые съ жизнію нашего сельскаго прихода. А потому и желательно было бы, чтобы, въ виду, съ одной стороны, предстоящей реформы нашего села, которая можетъ существенно коснуться и прихода, а съ другой стороны, исключительно теоретическаго, отвлеченнаго обсужденія вопроса о приходѣ въ нашей духовной печати, къ обсужденію и рѣшенію этого вопроса было привлечено и духовенство. Пусть наше духовенство, которому нельзя, разумѣется, отказать ни въ знаніи дѣла, ни въ умѣнїи, ни въ довѣрїи со стороны общества сельскаго, скажетъ свое откровенное слово о приходѣ: въ какомъ состояніи онъ теперь находится? какіе недостатки въ немъ сознаны? какимъ образомъ и способомъ могутъ быть устранены эти недостатки? Что необходимо для правильнаго преуспѣянія сельскаго прихода, какъ центра религіозно-нравственной и умственной жизни нашего сельскаго населенія?

Въ иныхъ комитетахъ возбуждался и обсуждался вопросъ *о праздникахъ церковно-общественныхъ и о вліяніи ихъ на жизнь нашего сельскаго населенія*. Въ печати сообщалось, что нѣкоторые комитеты высказывались за желательность внесенія „Особымъ Совѣщаніемъ“ „въ Государственный Совѣтъ“ представленія и разъясненія дѣйствующихъ узаконеній о праздникахъ въ томъ смыслѣ, что узаконенія эти не заключаютъ въ себѣ правила, запрещающаго производство добровольныхъ работъ въ праздничные дни;—предоставленія синодальному Оберъ-Прокурору обратиться съ предложеніемъ къ Св. Синоду, не признаетъ ли онъ возможнымъ поручить епархіальнымъ преосвященнымъ вмѣнить приходскимъ сельскимъ священникамъ въ непремѣнную обязанность объяснять прихожанамъ истинное значеніе христіанскихъ праздниковъ и всѣми средствами располагать прихожанъ къ труду, отклоняя отъ разоритель-

ныхъ для хозяйства празднованій, равно отъ устройства новыхъ праздниковъ, не установленныхъ ни церковными, ни гражданскими узаконеніями; предоставленія министру внутреннихъ дѣлъ, по разрѣшеніи въ законодательномъ порядкѣ упомянутаго выше представленія, разъяснить чрезъ губернаторовъ, что подвѣдомственныя полицейскія и сельскія власти не имѣютъ права воспрепятствовать обывателямъ добровольное исполненіе работъ въ праздничные дни“.

Такимъ образомъ, комитетами о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности поднятъ весьма серьезный и важный вопросъ *о празднованіи воскресныхъ и другихъ праздничныхъ дней сельскимъ населеніемъ*. Этотъ вопросъ есть также вопросъ чисто каноническій, церковный. Онъ имѣетъ свою исторію. Въ рѣшеніи его какъ съ теоретической, такъ и съ практической стороны должно быть признано наиболѣе компетентнымъ и правоспособнымъ наше духовенство. Поэтому, весьма желательно было бы, чтобы, при рѣшеніи этого вопроса, былъ выслушанъ голосъ духовенства, которое пусть скажетъ свое откровенное слово о томъ: во 1) дѣйствительно ли празднованіе христіанскихъ праздниковъ нашимъ сельскимъ населеніемъ разорительно для хозяйства? во 2-хъ) какое значеніе имѣютъ христіанскіе праздники для религіозно-нравственной жизни сельскаго населенія, и въ 3) само это сельское населеніе желаетъ ли сокращенія праздничныхъ дней, чувствуетъ ли и сознаетъ ли оно дѣйствительную нужду въ этомъ?

Чаще всего въ уѣздныхъ и губернскихъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности обсуждался вопросъ *о необходимости всеобщаго обученія и всеобщей грамотности для нашего народа и вообще возможно большаго распространенія среди него просвѣщенія*. Этотъ вопросъ необходимо связанъ съ другимъ *вопросомъ о школахъ, въ частности, о церковно-приходской школѣ*. Сколько приходилось читать печатныя свѣдѣнія о результатахъ дѣятельности комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, въ

нихъ часто раздавались голоса противъ церковно-приходской школы... Но въ рѣшеніи и этого вопроса—о необходимости всеобщаго обученія, органахъ его—школахъ и вообще о возможно лучшихъ способахъ и средствахъ распространенія просвѣщенія среди народа и притомъ просвѣщенія, наиболѣе пригоднаго, наиболѣе соотвѣтствующаго запросамъ и потребностямъ народа самымъ существеннымъ образомъ заинтересовано наше духовенство. Въ частности, наша церковно-приходская школа, признанная теперь школою не только церковною, но и государственною, имѣетъ свою многолѣтнюю исторію. Возражать противъ этой школы могутъ только принципиальные противники всего церковнаго, или же незнакомые съ исторіею сей школы, ея заслугами для русскаго народа и ея современнымъ положеніемъ и состояніемъ.

Съ вопросомъ школьнымъ неразрывно связанъ вопросъ *о чтеніяхъ для народа*. Это также и чрезвычайно важный и серьезный вопросъ. Нашъ народъ въ настоящее время, по общему признанію, переживаетъ знаменательный, единственный по своему значенію моментъ. Не даромъ и не безъ основаній нынѣшнее время сравниваютъ съ шестидесятыми годами прошлаго столѣтія,—эпохою освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Говорятъ, что тогда была дарована крестьянамъ внѣшняя свобода, а теперь имъ должна быть дарована свобода внутренняя въ видѣ просвѣщенія, всеобщей грамотности.

Разумѣется, весьма желательно дать всему русскому народу просвѣщеніе, грамотность, духовный свѣтъ. Но какое просвѣщеніе должно быть даровано русскому народу? вотъ вопросъ, въ высшей степени серьезный и важный. Этотъ вопросъ необходимо рѣшить, прежде чѣмъ будетъ рѣшено дать русскому народу всеобщее обученіе, ибо, къ сожалѣнію, просвѣщеніе народа бываетъ различное.

Весьма многимъ дѣятелямъ на исприцѣ просвѣщенія русскаго народа, вѣроятно, хорошо памятно наше сравнительно недавнее увлеченіе западно-европейскими образцами народной

школы. При этомъ совершенно забывалась принципиальная разница между православною Россією и католическо-протестантскимъ западомъ во взглядѣ на воспитаніе и обученіе дѣтей.

Въ основѣ западно-европейскаго взгляда на просвѣщеніе народа лежитъ т. н. антропологическій принципъ равнаго гармоническаго развитія задатковъ, находящихся въ природѣ человѣка, какъ будто эта природа представляетъ одно совершенство; а въ основѣ православно-русскаго воззрѣнія на этотъ предметъ, согласнаго (воззрѣнія) съ библейскимъ и вселенско-церковнымъ ученіемъ о природѣ человѣка согрѣшившаго, лежитъ сознаніе необходимости борьбы съ недостатками и злыми склонностями сей природы, испорченной грѣхопадениемъ человѣка.

А между тѣмъ въ 60 и 70-хъ годахъ прошедшаго столѣтія нѣкоторые просвѣтители нашего народа желали устроить народную школу по точному образцу западно-европейской. Къ этому времени окно въ Европу, прорубленное Петромъ I, увеличилось до размѣровъ широкихъ воротъ, которыя теперь распахнулись настезь. Черезъ нихъ понеслись къ намъ, въ Россію, съ особенною стремительностію всякія новыя вѣянія, долго предъ тѣмъ сдерживаемыя. Появилось тогда у насъ много педагогическихъ журналовъ, учебниковъ, учебныхъ пособій, переводовъ заграничныхъ изданій, въ которыхъ царили мысли, чуждыя русскому народу, стремленія, нерѣдко совершенно противныя всему строю нашего государства (см. у прот. П. А. Смирнова Сочиненія вып. IV стр. 31 и др.). Тогда, подъ вліяніемъ моды на все новое, иностранное, нашу старую русскую церковно-приходскую школу совсѣмъ забросили и замѣнили ее школою новою, устроенною по послѣднему слову педагогической науки.

Слова нѣтъ, что новая школа, ставшая рядомъ и скоро даже совсѣмъ отгѣспившая на задній планъ старую русскую церковно-приходскую школу, принесла и свою пользу дѣлу народнаго образованія въ Россіи. Она значительно облегчила

обученіе дѣтей чтенію, письму и счисленію. Выучиться грамотѣ тогда стало у насъ гораздо легче, чѣмъ въ прежнее время. Немало добраго внесла эта новая школа и въ вопросъ о нравственныхъ обязанностяхъ, какія лежатъ на родителяхъ и воспитателяхъ дѣтей.

Но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ добрымъ наша новая народная школа восприняла отъ чуждаго Россіи запада много и худаго. Въ погонѣ за облегченіемъ обученія, стали вводиться концентрическія системы преподаванія, катихизація и притомъ въ примѣненіи даже къ такому предмету, какъ Законъ Божій. Подъ вліяніемъ новой системы преподаванія, цѣльный образъ какого-либо лица, или событія стали такъ дробить, что онъ совершенно исчезалъ изъ ума, а мелкія микроскопическія частички впечатлительнаго въ своей цѣльности разсказа сами собою улетучивались потомъ и изъ памяти. Производилось нѣчто подобное тому, какъ еслибы кто въ дребезги разбилъ цѣльное зеркало, или изрѣзалъ дорогую картину на мелкіе кусочки. Но самая важная неблагопріятная сторона новаго теченія, проникшаго изъ страны чуждой въ нашу народную школу, заключалась въ томъ, что оно обнаружило прискорбную попытку—частію сознательную, а частію бессознательную—совершенно вытѣснить изъ народной русской школы духъ церковности, религіозности, самое дорогое наслѣдіе старой русской школы.

Къ счастью, это продолжалось недолго. Самъ народъ нашъ скоро замѣтилъ, что въ его школу проникъ чуждый духъ, и грудью своею всталъ на защиту родной школы, которая воспитывала его предковъ. Когда въ школьныхъ азбукахъ, вмѣсто изображеній ангеловъ и святыхъ, появились изображенія животныхъ и гадовъ, когда начали учить не со псалтири и часослова, а съ басенъ, побасенокъ, шутокъ и прибаутокъ, когда самонаначальному ученію, вмѣсто поучительнаго и священнаго, придали характеръ шутливый и смѣхотворный, въ особенности когда отъ школы устраненъ былъ неизмѣнный ея учитель и руководитель—священникъ,—народъ нашъ сразу по-

чувствовалъ, что творится что-то неладное и сталъ просить прежней, церковной школы (см тамъ же стр. 33—34).

Годы царствованія въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, по общему признанію, были временемъ оживленія и обновленія русскаго народнаго самосознанія. Долго блуждавшій предъ тѣмъ по распутіямъ чуждыхъ странъ, ученій и вѣяній, русскій народъ, подъ державнымъ руководствомъ Царя-Миротворца, очнулся отъ своего кошмара, опомнился, вошелъ въ себя и принялся за возстановленіе всего того истинно-русскаго, что предъ тѣмъ было забыто, заброшено, или даже попрано.

Возстановленіе церковно-приходской школы, совершившееся въ первые годы царствованія Императора Александра III, составило, безспорно, алмазь неизмѣримой цѣны и достоинства въ блестящемъ вѣнци въ Бозѣ почившаго Монарха. При Немъ и Его державною волею церковно-приходская школа возстановлена во всей ея древней цѣлости, чистотѣ и неприкосновенности, во всемъ ея истинно-русскомъ, истинно-народномъ образѣ, съ ея строгою церковностію, проникающею весь строй ея, она призвана была теперь къ новой жизни, такъ какъ за нею признано полное право гражданства, ей дано правильное, постоянное и однообразное устройство, ей даны и средства, хотя и малыя, но постоянныя.

Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ довершилъ великое дѣло Своего Родителя, давъ церковно-приходской школѣ потребныя средства и надлежащее устройство, причемъ она признана съ минувшаго года школою *государственною*, равноправною министерской, программа ея значительно расширена сравнительно съ прежнимъ и доведена до предѣловъ первоначальнаго образованія, необходимаго при современныхъ условіяхъ жизни русскаго народа.

Изъ приведенной сейчасъ краткой справки видно, какъ неразрывна связь между церковью и школою и какъ близко отношеніе духовенства, служителей церкви, къ школѣ и во-

обще къ великому дѣлу просвѣщенія народа. „Церковь—мать, школа—ея дщерь“, говоритъ одинъ духовный писатель, немало потрудившійся на поприщѣ народнаго просвѣщенія. „Школа—это училище дѣтей и отроковъ, церковь—высшая наставница и руководительница и дѣтей и всѣхъ взрослыхъ ко спасенію. Въ церкви сокрыты высшія благодатныя силы, и она простираетъ свое благодѣтельное вліяніе и на школу, при ней стоящую, и сія послѣдняя отъ нея заимствуется и свѣтомъ истины, и другими благодатными силами къ воспитанію и укрѣпленію дѣтей въ вѣрѣ и благочестіи. Школа приноситъ свою долю пользы Церкви, воспитывая юныхъ чадъ ея: но, обязанная всѣмъ своимъ добрымъ Церкви, она есть одно изъ орудій, которымъ дѣйствуетъ Церковь въ исполненіи лежащихъ на ней обязанностей“ (см. у прот. П. А. Смирнова сочиненія т. IV стр. 64).

Поэтому, весьма желательно было бы, чтобы духовенство было спрошено и сказало свое слово по такимъ важнымъ вопросамъ, которые возбуждены нынѣ въ виду предстоящей реформы села, какъ, напр., слѣдующіе: во 1-хъ) въ чемъ именно нуждается нашъ простой народъ со стороны умственнаго развитія и образованія? во 2-хъ) какая школа наиболѣе соотвѣтствуетъ исторіи, условіямъ жизни и потребностямъ русскаго народа? въ 3-хъ) въ какомъ чтеніи нуждается нашъ народъ? и т. п.

Въ нѣкоторыхъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности поднимался и обсуждался *вопросъ о церковно-приходскихъ братствахъ и попечительствахъ*. Предстоящая реформа села также должна „поставить задачей дальнѣйшаго упорядоченія мѣстнаго быта *сближеніе общественаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ*“. (Церков. Вѣд. 1903 г. № 9 стр. 57). Но вопросъ о церковно-приходскихъ братствахъ и попечительствахъ есть вопросъ наполовину *церковный, каноническій*. Церковно-приходскія братства и попечительства вышли изъ

нѣдръ церкви, выросли и развились подъ сѣнію и покровительствомъ Церкви, совершали и совершаютъ свое святое дѣло служенія русскому народу подъ руководствомъ Церкви. Въ происхожденіи и дѣятельности этихъ церковно-общественныхъ институтовъ принимало живѣйшее участіе духовенство.

Поэтому, желательно было бы, чтобы наше духовенство было спрошено и сказало свое авторитетное слово о церковно-приходскихъ братствахъ и попечительствахъ, о наиболѣе важныхъ современныхъ нуждахъ ихъ, о средствахъ оживленія ихъ дѣятельности, о возможно лучшихъ и цѣлесообразныхъ способахъ *„сближенія общественнаго управленія съ дѣятельностью приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ тамъ, гдѣ это представится возможнымъ“*.

Все вышеизложенное сказано нами съ тою именно цѣлію, чтобы показать, какъ необходимо, важно и полезно было-бы привлеченіе нашего духовенства, которое нынѣ Высочайшею волею призывается къ *услуженному плодотворному участію въ духовной и общественной жизни его паствы*,—привлеченіе его къ обсужденію предстоящей реформы нашего села, каковая реформа, какъ видно, должна будетъ коснуться и важныхъ церковно-общественныхъ учрежденій и условій жизни народа. Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ органомъ Петербургской духовной Академіи, который говоритъ слѣдующее: „слѣдя за дѣятельностію этихъ комитетовъ (разумѣются комитеты о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности) и наблюдая, какъ всѣ образованныя русскія сословія заявляли на нихъ свои мнѣнія относительно поднятія экономическаго благосостоянія русской деревни, нельзя было не выразить недоумѣнія: *почему же сельское духовенство не принимало участія въ этихъ комитетахъ?* По нашему мнѣнію, отсутствіе духовенства въ мѣстныхъ комитетахъ можетъ принести немаловажный ущербъ самому этому дѣлу первостепенной государственной важности. Развѣ сельское духовенство не пожелало бы подать свой голосъ въ разрѣшеніи мѣстныхъ вопросовъ? Развѣ оно не принадлежитъ къ числу „мѣстныхъ“, „жи-

выхъ людей“, т. е. людей, не изъ книгъ и кабинетовъ, а своими собственными глазами видѣвшихъ и видящихъ горе и нужду деревни? Сельское духовенство идетъ искони рука объ руку съ крестьянствомъ, пьетъ съ нимъ изъ общей чаши страданья и отрады. Духовенство, поэтому, лучше, безпристрастнѣе другихъ сословій знаетъ бытъ и нужды деревни“. (См. Церковн. Вѣстн. 1903 г. № 9 стр. 258).

Поэтому (еще разъ повторяемъ), весьма желательно было бы, чтобы наше духовенство было привлечено, по крайней мѣрѣ, теперь къ обсужденію нуждъ деревни, когда законодательство о сельскомъ состояніи будетъ разрабатываться и согласоваться съ мѣстными особенностями въ губернскихъ совѣщаніяхъ, при ближайшемъ участіи достойнѣйшихъ дѣятелей, довѣрjemъ общественныхъ облеченныхъ

Кромѣ того, духовенство могло бы подать свой голосъ объ этихъ нуждахъ и путемъ печатнаго слова, при посредствѣ такихъ, напр., органовъ, какъ „Руководство для сельскихъ пастырѣй“.

Священникъ *Θ. Титовъ.*

Изъ наблюденій надъ жизнію духовенства.

Какую бы сферу человѣческой дѣятельности мы ни взяли, какой бы трудъ ни разсматривали, для успѣшнаго ихъ совершенія и осуществленія, кромѣ личной энергіи отдѣльныхъ труженниковъ, необходимы еще тѣсная связь и единеніе отдѣльныхъ представителей на почвѣ общаго дѣла; только та работа будетъ спориться, которую будутъ нести отдѣльные представители въ любви и согласіи между собою. Согласіе и мирь—это главнѣйшія условія успѣха всякаго вообще дѣла; важны эти условія и для успѣха пастырской дѣятельности. Отъ служителей Церкви даже больше, чѣмъ отъ кого-либо другого, требуется любви и согласія между собою, и на это есть свои важныя причины. Если присмотрѣться къ жизни духовенства, то не трудно видѣть, что среди другихъ сословій оно, по своему

положенію и дѣятельности, является одинокимъ и обособленнымъ. Наше такъ называемое интеллигентное общество къ духовенству всего чаще относится или же индифферентно или враждебно и слѣдовательно, ожидать отсюда особой помощи или поддержки въ своемъ трудѣ послѣднее не можетъ. Крестьянская масса по своему развитію стоитъ гораздо ниже духовенства и хотя въ общемъ она относится съ уваженіемъ къ духовенству, но и здѣсь духовенство не можетъ рассчитывать на особую нравственную поддержку и помощь: не гдѣ-либо на сторонѣ, но въ своемъ собственномъ кругу, въ средѣ духовной отдѣльные его представители будутъ находить нравственную поддержку, дѣлить свои радости и горести, а это возможно только въ томъ случаѣ, если въ средѣ духовенства будутъ царить миръ и согласіе.

Взаимное согласіе открываетъ духовенству возможность болѣе широкаго вліянія на народъ, на его жизнь. Одно изъ весьма печальныхъ явленій современной, какъ городской, такъ и деревенской жизни,—это раздоры и несогласія особенно въ семейной жизни. Духовенство во многихъ случаяхъ являлось и является для народа миротворцемъ, вносившимъ любовь и согласіе въ семейства; при семейныхъ раздорахъ, при земельныхъ и имущественныхъ раздѣлахъ, въ тяжбахъ и раздорахъ тяжущіяся и спорящія стороны не рѣдко обращаются къ суду священника, вполне справедливо рассчитывая на его практическую опытность и безпристрастіе въ разрѣшеніи спорнаго вопроса; понятно, что только къ тѣмъ пастырямъ будетъ обращаться народъ со своими житейскими недоразумѣніями, спорами и ссорами, которые сами живутъ со всѣми въ любви и мирѣ.

Если мы отъ этихъ теоретическихъ разсужденій перейдемъ къ фактамъ обыденной жизни, присмотримся къ взаимнымъ отношеніямъ между отдѣльными представителями духовенства, то увидимъ, что здѣсь не мало весьма печальныхъ явленій, нарушающихъ взаимный миръ и согласіе.

Считаемъ долгомъ своимъ напередъ оговориться, что тѣ печальныя явленія, о которыхъ мы желаемъ поговорить въ настоящій разъ, мы вовсе не возводимъ въ законъ, не считаемъ явленіемъ повсюднымъ; нѣтъ, намъ не мало приходилось наблюдать случаевъ, гдѣ причтъ той или другой церкви живетъ въ дружбѣ и согласіи между собою и не только причтъ, но и духовенство цѣлаго округа; гдѣ отношенія отдѣльныхъ членовъ духовенства согрѣты любовію и взаимопомощію. Ссоры и непріязненные отношенія между духовенствомъ только частныя случаи, и если мы желаемъ поговорить о нихъ въ настоящій разъ, то по слѣдующей причинѣ. Нужно совершенно закрыть глаза, чтобы не видѣть, что ни къ одному званію или сословію не примѣняется въ такой самой широкой мѣрѣ способъ умозаключенія отъ частнаго къ общему, какъ къ духовенству. Единичные темныя факты въ жизни духовенства поставляются въ упрекъ цѣлому сословію; тотъ или иной частный случай темнымъ пятномъ ложится на репутацію цѣлаго званія. Отчего происходитъ такой взглядъ и такое отношеніе къ духовенству? Прежде всего здѣсь сказывается нерасположеніе, пристрастіе нѣкоторой части общества къ духовенству, но не только одно это: бессознательно здѣсь сказывается и идеальный взглядъ на духовенство, какъ на сословіе, которое должно служить истиннымъ образцомъ доброй, святой жизни.

Изъ разнообразныхъ взаимныхъ отношеній въ духовенствѣ прежде всего обращаетъ вниманіе отношеніе членовъ причта, служащаго при одной церкви. „Живя другъ подлѣ друга, видясь почти ежедневно за однимъ и тѣмъ-же служеніемъ, въ одной и той же церкви, вращаясь среди однихъ и тѣхъ-же прихожанъ, они должны составлять единое цѣлое, дышащее однимъ духомъ, и образовать собою одну семью, соединенную не внѣшнею только оффиціальною связью, но внутреннимъ союзомъ братолюбія“¹⁾. Являясь помощниками священника, остальные члены причта вмѣстѣ съ тѣмъ подчинены ему,

¹⁾ Священникъ В. О. Пѣвницкій 241 стр.

такъ какъ священникъ является ихъ руководителемъ и начальникомъ. Истинная христіанская власть требуетъ со стороны начальствующихъ любовнаго отношенія къ младшимъ членамъ, сыновней покорности и преданности подчиненныхъ къ старшимъ. Къ прискорбію нужно сознаться, что этихъ то необходимыхъ условій иногда и не замѣчается въ отношеніяхъ между членами причта, тѣмъ прискорбнѣе это обстоятельство, что нерѣдко виноваты въ этомъ бывають священники, т. е. лица, отъ которыхъ всего больше зависитъ дать такое или иное направленіе причтовымъ взаимоотношеніямъ. Многіе священники понимаютъ дѣло такъ, что чѣмъ отдаленнѣе они будутъ держаться отъ своихъ сотрудниковъ, тѣмъ послѣдніе съ большимъ почтеніемъ будутъ къ нимъ относиться, такъ какъ близкія отношенія всегда ведутъ за собою нѣкоторую фамиллярность. Возьмемъ такую простую вещь, какъ семейные праздники въ домѣ священника, именины, храмовой праздникъ и т. д. У священника собираются не рѣдко люди самые разнообразныя, напр. учитель мѣстной школы, сидѣлецъ казенной винной лавки, болѣе именитые и зажиточные изъ прихожанъ, но очень рѣдко вы увидите здѣсь мѣстнаго діакона, еще рѣже псаломщика: это явленіе можно наблюдать гдѣ угодно, въ какой угодно епархіи; неужели можно думать, что всегда виноваты въ этомъ низшіе члены клира, что они намѣренно сторонятся своего духовнаго отца и начальника. Нѣтъ, думаемъ, что причина здѣсь въ самихъ пастыряхъ, которые слишкомъ отдаленно держатся отъ своихъ помощниковъ. Такая отдаленность порождаетъ со стороны подчиненныхъ недовѣріе, холодность, подозрительность. Лишенные общества своего настоятеля и его семейства низшіе члены причта стараются пріобрѣсти себѣ кругъ болѣе близкихъ знакомыхъ среди прихожанъ, часто далеко не лучшихъ, и въ своемъ кругу толкують нерѣдко вкривъ и вкось дѣятельность своего настоятеля, отъ чего естественно кромѣ вреда ничего не можетъ быть для пастырской дѣятельности. Еще съ полгоря, если отношенія священника къ подчиненнымъ ему членамъ

причта отличаются только холоднымъ формализмомъ, но бываетъ еще хуже, когда священникъ является обидчикомъ по отношенію къ нимъ, Какъ ни грустно сознаться въ этомъ, но такія явленія бывають и намъ лично приходилось наблюдать печальные случаи такихъ явленій. Почвой, на которой совершаются такія явленія, служить прежде всего и главнѣе всего матеріальная сторона, тотъ способъ вознагражденія, какой практикуется у насъ на Руси—такъ называемая поручная плата. Каждому хочется ѣсть хлѣбъ, и нерѣдко человѣкъ въ этомъ исканіи хлѣба забываетъ, что другіе нуждаются еще больше его; забываютъ это многіе, забываютъ это и нѣкоторые изъ пастырей. Намъ пришлось бесѣдовать по этому вопросу съ однимъ изъ членовъ консисторіи, съ нѣсколькими благочинными и всѣ они согласно утверждаютъ, что большая часть ссоръ и дразгъ, какія происходятъ между членами причта, совершаются именно на этой почвѣ.

Поручная плата за требы даетъ не рѣдко поводъ къ несогласіямъ въ духовенствѣ. Священникъ пользуется въ приходѣ почетомъ и уваженіемъ несравненно большимъ, чѣмъ его помощники, особенно псаломщикъ; естественно, что ему и платятъ больше, чѣмъ его сотрудникамъ, что можетъ вызвать въ послѣднихъ недовольство и жалобы. Такъ мы знаемъ такой случай: въ одномъ приходѣ богатый помѣщикъ приглашалъ мѣстный причтъ для совершенія различныхъ требъ раза 3—4 въ годъ, и всегда платилъ одинаково: священнику 5 р., діакону рубль и псаломщику 50 коп. Такъ дѣло шло нѣсколько лѣтъ. Но вотъ смѣнился псаломщикъ; вновь назначенный молодой псаломщикъ сталъ выражать недовольство и требовать, чтобы поручная плата поступала въ кружку; затѣялась ссора, а затѣмъ судъ. Знаемъ мы и другой случай подобнаго же характера: въ другомъ приходѣ (въ городѣ) псаломщикъ, умный, толковый, настолько пріобрѣлъ расположеніе прихожанъ своею дѣловитостію, энергіей, добрымъ поведеніемъ и характеромъ, что многіе изъ прихожанъ стали платить ему столько же, сколько и насто-

ятелю; здѣсь уже недовольнымъ оказался священникъ, который сталъ требовать, чтобы поручная плата поступала въ кружку.

Относительно дѣлежа духовенствомъ денежныхъ поступлений, вообще говоря, существуетъ разнообразная практика, которая можетъ подавать поводъ къ несогласіямъ и раздорамъ въ духовенствѣ. Обычай сильнѣе закона писаннаго и, не смотря на синодальные указы и разъясненія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ руководятся не столько ими, сколько установившейся практикой; такъ, на примѣръ, въ однѣхъ епархіяхъ *всѣ денежные доходы безъ исключенія* поступаютъ въ кружку; въ другихъ существуютъ доходы личные какъ у священника, такъ и у псаломщика: священникъ, на примѣръ, получаетъ полностью плату за крещеніе, исповѣдь, молитву въ 40 день, псаломщикъ за написаніе поминаній, за записку при причащеніи. И этотъ способъ можетъ подавать поводъ къ несогласіямъ: одинъ изъ членовъ причта находитъ для себя болѣе выгоднымъ придерживаться мѣстныхъ обычаевъ и практики, другой—синодальныхъ распоряженій; одинъ не хочетъ уступить другому, считая себя болѣе правымъ; въ результатѣ ссора, жалобы, судъ со всѣми его непріятностями. Иногда поводъ къ ссорамъ подаетъ плата за метрическія выписи. Обычно дѣло ведется такъ: человекъ, живущій гдѣ нибудь на сторонѣ, проситъ священника выдать ему ту или другую необходимую выпись изъ метрическихъ книгъ, при этомъ предлагаетъ плату за хлопоты и трудъ. Такъ какъ священникъ и писмоводство церковное знаетъ больше, чѣмъ его сослуживцы, и грамотнѣе, то справку пишетъ и выдаетъ онъ самъ, отъ остальныхъ членовъ причта требуется только подпись. Одни изъ священниковъ въ этихъ случаяхъ придерживаются распоряженія Синода о поступленіи всѣхъ доходовъ въ кружку, другіе разсуждаютъ такъ: „я одинъ работалъ, рылся въ книгахъ, писалъ; мнѣ должна поступить и плата“,—а послѣднее разсужденіе едва ли придется по вкусу его сотрудикамъ—остальнымъ членамъ причта.

Такъ называемые натуральные доходы духовенства тоже нерѣдко подаютъ поводъ къ разнаго рода непріятностямъ. Возьмемъ прежде всего землю. Намъ приходилось въ трехъ епархіяхъ наблюдать слѣдующее явленіе: очень часто надѣлы земли для членовъ причта не соотвѣтствуютъ тому количеству, какое назначается каждому изъ нихъ въ отдѣльности: въ то время, какъ у священниковъ они иногда превышаютъ назначенную имъ цифру, у псаломщиковъ и діаконовъ ея недостаетъ; часто бываетъ такъ, что священнику достается земля лучшая, а песокъ, гора, кустарники, вмѣсто лѣса, отходятъ къ низшимъ членамъ причта; такое явленіе намъ приходилось наблюдать не разъ. Объясняется это просто. Когда совершался надѣлъ духовенства землей, каждый приходъ приглашалъ для обмѣра земли землемѣра. Послѣдній, разумѣется, жилъ у священника, получалъ отъ него содержаніе а также черезъ его руки плату изъ церковныхъ суммъ за свой трудъ; нечего удивляться тому, что и землю священнику можетъ быть и безъ вѣдома его онъ отмѣрилъ лучшую и не скупо, въ ущербъ діакону и псаломщику. Съ той поры прошло много времени, пользованіе землей причтомъ приобрѣло характеръ давности, а все то въ одномъ, то въ другомъ приходѣ поднимается ссора изъ-за земли...

Возможны непріятности и при дѣлежѣ натуральныхъ доходовъ: хлѣба, яицъ, холста; въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже невозможно раздѣлить предметъ дохода такъ, чтобы не обдѣлить какую нибудь сторону: избѣжать здѣсь непріятности или недовольства зависитъ вполнѣ отъ священника, его миролюбія и братолюбія. Одинъ священникъ можетъ въ такихъ случаяхъ рассуждать такъ: „я старше, выше по положенію, слѣдовательно мнѣ должна идти и лучшая часть дохода“; другой, напротивъ, скажетъ: „я больше обезпеченъ, чѣмъ мои сослуживцы, лучше я поступлюсь своимъ, чѣмъ мнѣ вызывать недовольство въ моихъ подчиненныхъ“. Что дѣйствительно въ этихъ случаяхъ бываютъ непріятности, всего лучше показываетъ та масса анекдотовъ о ссорахъ духовныхъ при дѣлежѣ,

какая циркулируетъ не только среди духовенства, но и въ народѣ.

Какъ бы ни было плохо матеріальное обезпеченіе духовенства, во всякомъ случаѣ священники вездѣ матеріально обезпечены лучше, чѣмъ низшіе члены причта, такъ какъ они больше получаютъ жалованья, земли и доходовъ; естественно, что при такихъ условіяхъ священники скорѣе могутъ довольствоваться той скромной платой за требы, какую имъ даютъ прихожане, или даже совсѣмъ ничего не брать. Но такое отношеніе священника къ доходамъ, часто встрѣчаетъ недовольство со стороны низшихъ членовъ причта и если принять во вниманіе тѣ условія, въ какихъ послѣдніе живутъ, то ихъ и судить нельзя строго: положеніе много-семейнаго діакона, псаломщика въ такихъ случаяхъ прямо безвыходное: діаконы казеннаго жалованья совсѣмъ не получаютъ, псаломщики получаютъ самое пищенское; съ чего, спрашивается, жить, если нѣтъ никакого дохода по приходу?

Бываютъ, конечно, и такіе случаи, гдѣ виною непріязненныхъ отношеній между членами причта служатъ низшіе члены причта. Духовное сословіе, какъ и всякое другое, не застраховано отъ вступленія въ него лицъ вздорныхъ, грубыхъ, невоспитанныхъ; среди низшихъ членовъ причта такія лица тѣмъ болѣе могутъ встрѣчаться, что въ причетники идутъ далеко не лучшіе представители изъ духовнаго сословія—лица, исключенныя изъ духовныхъ училищъ и семинарій за дурное поведеніе, плохіе успѣхи: плохое матеріальное обезпеченіе, отсутствіе общества, могущаго воспитывающе дѣйствовать на такихъ лицъ—все это понижающе дѣйствуетъ на моральное состояніе такихъ лицъ. Вздорные люди всюду встрѣчаются, есть они и между причетниками; и если сослуживцами такихъ лицъ являются люди добрые, кроткіе, избѣгающіе всякихъ непріятностей, то на ихъ долю выпадаетъ не мало всякихъ непріятностей и нравственныхъ мученій. Въ настоящее время все чаще стали встрѣчаться низшіе члены причта изъ окончившихъ семинарію. Среди таковыхъ лицъ иногда

замѣчается отсутствіе правильнаго взгляда на отношеніе ихъ къ священнику, на обязанности свои и преувеличенный взглядъ на полученное ими образованіе. Горделивый взглядъ такихъ лицъ на свое образованіе ведетъ къ тому, что они смотрятъ на священника, іерархически стоящаго выше ихъ, какъ на лицо имъ равное. Распоряженія священника, не дай Богъ—замѣчанія, принимаются такими лицами съ неохотою, особенно еще если случится, что священникъ изъ неокончившихъ семинарію или окончилъ ее по второму разряду, въ то время какъ его подчиненный окончилъ ее по первому разряду. „Какъ у него, неуча, хватаетъ смѣлости учить меня“—приходится слышать отъ такихъ не въ мѣру ретивыхъ и горячихъ перворазрядниковъ, или же „студентовъ“.—О томъ, чтобы подойти къ священнику подъ благословеніе и тѣмъ подать примѣръ прихожанамъ нечего и говорить; вообще это дѣло у современныхъ семинаристовъ не въ модѣ: современный псаломщикъ-семинаристъ при встрѣчѣ со священникомъ не о благословеніи священническомъ думаетъ, а норовитъ какъ бы поймать священника за руку, прежде чѣмъ ее подадутъ ему. Подобное самопревозношеніе, гордость своимъ образованіемъ встрѣчается не только въ отношеніяхъ между низшими и высшими, но и между равными: напримѣръ, между священниками одной церкви, благочинія и т. д. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, очевидно, забывается то, что преимущества пастыря церкви, право его на уваженіе и почтеніе пріобрѣтаются не столько количествомъ лишнихъ балловъ въ аттестатѣ, сколько благодатію священства, доброю жизнію, полезною дѣятельностію, довѣріемъ къ нему высшей епархіальной власти. Причиною ссоръ между лицами духовными, живущими въ одномъ и томъ же приходѣ, иногда являются ссоры между женами лицъ духовныхъ. Въ ихъ ссоры вовлекаются и мужья; поднимаются непріятности, которыя приходится распутывать благочиннымъ, а затѣмъ и консисторіямъ. *В. П—въ*

Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго¹⁾.

Цѣлованіемъ мира новорукоположеннаго со всѣми архіереями, участвовавшими въ хиротоніи, чинъ рукоположенія въ епископа оканчивается. По объясненію Симеона Солунскаго, этимъ цѣлованіемъ свидѣтельствуется, что новорукоположенный равенъ имъ по чину и достоинству, и они, съ своей стороны, цѣлуютъ его, „какъ соединившагося съ ними, какъ возлюбленнѣйшаго, какъ получившаго божественную благодать, какъ равночиннаго, удостоившагося равныхъ во всемъ даровъ, какъ любящаго и любимаго, единомысленнаго и содѣйственнаго и сослужащаго имъ въ дѣлахъ божественныхъ“²⁾.

Нынѣшнее восхожденіе на сопрестоліе новорукоположеннаго въ епископа предъ чтеніемъ апостола и преподаніе отсюда возгласа къ народу: „Миръ всѣмъ“ есть несомнѣнно остатокъ древняго, весьма торжественно совершавшагося на Востокѣ и у насъ въ Россіи³⁾, „настолованія“ или посажденія на каѳедру (ἐνθρονισμός). „Это посажденіе на престоль прежде, говоритъ Симеонъ Солунскій, совершалось великолѣпно, какъ нынѣ патріаршее, именно архіерей былъ посаждаемъ на престоль въ церкви, при собраніи епископовъ епархіи, совершавшихъ посаженіе по грамотѣ архіепископа. *Нынѣ же оно прекратилось по причинѣ варварскихъ набѣговъ и постигшихъ церкви искушеній и смятеній*“⁴⁾. „На-

¹⁾ См. № 11 за 1903 г.

²⁾ Mign. Patrol. Curs. complet. t. 155 col. 424; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истолков. прав. богослуж. т. II, стр. 271—272.

³⁾ „Вземъ отъ десныя страны подь руку рукоположитель, описываетъ данный обычай „Чиновникъ“ Діонисія Балабана 1650 г., другій же епископъ отъ предстоящихъ старѣйшій подь шуйцу новопоставленнаго, держащаго въ руцѣ своей святое Евангеліе, и, помалу идуще, проводятъ его ко горнему сѣдалищу, предъидущимъ имъ прочімъ епископомъ, презвитеромъ и діакономъ“ (Ркп. библ. Кіево-Соф. собора № 77 л., 67).

⁴⁾ Mign. Patrol. Curs. complet., t. 155, col. 428; Писан. отц. и учит. ц. т. II, стр. 276.

добно, говорить тотъ же экзегетъ, чтобы всѣ присутствовали, при возведеніи на престолъ пастыря ихъ и видѣли его на престолѣ, какъ бы самаго Господа нашего Иисуса Христа, Сына Бога живого, были благословлены имъ, въ особенности тогда вначалѣ (κἄρχαίς), и приняли отъ него *миръ* съ святѣйшаго престола, и отъ себя пожелали ему того же. Это—миръ Спасителя нашего, превосходящій всякій умъ, наслѣдіе наше, вождѣльное слово, вѣчное чаяніе, дабы мы были едино съ Нимъ, и съ Отцемъ Его и Духомъ, какъ Онъ молился,—миръ, соединяющій насъ съ Богомъ и ангелами и доставляющій намъ блага и въ настоящей и въ будущей жизни. Сему миру Иисусову нѣтъ предѣла, и его Онъ, шествуя на страданіе, оставилъ намъ въ наслѣдіе, какъ сказано, и по воскресеніи прежде всего изрекъ, преподавъ и насадилъ въ насъ¹⁾.

Новорукоположенный епископъ во время литургіи занимаетъ второе мѣсто послѣ первенствующаго архіерея, поэтому благословляетъ народъ, произноситъ нѣкоторые возгласы, принимаетъ св. потиръ на великомъ входѣ, совершаетъ хиротонію и преподаетъ священнослужителямъ Честную Кровь. Въ частности поминовеніемъ Св. Правительствующаго Синода, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ и прочихъ, при принятіи св. чаши, онъ свидѣтельствуетъ предъ народомъ и свою солидарность и единомысліе со всѣми іерархами, и братскую къ нимъ любовь, и свое обязательство непрестанно молиться за всѣхъ членовъ ввѣренной его попеченію церкви.

По окончаніи литургіи, послѣ того какъ всѣ епископы снимутъ съ себя священныя облаченія и надѣнутъ обычныя одѣянія и мантии, на новорукоположеннаго, въ алтарѣ у престола, съ благословенія первенствующаго архіерея, возлагаются ряса, панагія, мантия съ источниками, камилавка и клобукъ и дается въ руки „вервица“ или чотки. Въ нашихъ древнерусскихъ чинахъ епископской хиротоніи говорится лишь о возложеніи на новорукоположеннаго митрополичьимъ келей-

¹⁾ Ibid. col. 444; Тамъ же, 288 - 289.

никомъ „параманатки съ источники, иконы и мантии съ источники“¹⁾, и ни о какихъ другихъ одеждахъ епископа не упоминалось. Нынѣшняя практика впервые является въ чинѣ епископской хиротоніи при патріархѣ Іоакимѣ²⁾. Въ чинахъ греческой церкви хотя и говорится только лишь о врученіи новопоставленному архіерейскаго жезла, а о мантии съ источниками не упоминается, но въ практикѣ оба эти отличія и на Востокѣ считаются принадлежностію высшаго въ іерархіи сана.

Мантию³⁾ съ источниками епископъ получаетъ, по объясненію Симеона Солунскаго, „какъ учитель“, поэтому источ-

¹⁾ Русск. истор. библ. т. VI, ст. 562.

²⁾ Рки. библ. Сиб. дух. Акад. № 126, л. 27 об.

³⁾ Мантию архіерейскую съ источниками и съ скрижалями на передней сторонѣ, въ своемъ начальномъ происхожденіи, нужно искать также въ гардеробѣ византійскаго императора и его важнѣйшихъ сановниковъ. Царскую *хламиду* (χλαμῖς или χλαμίδιον), въ которую императоръ, а также и важнѣйшіе византійскіе сановники облачались поверхъ дивитисія или саккоса во время торжественныхъ выходовъ (Mign. Patrol. Curs. complet. t. 112 col. 432—436. 361, 380, 401, 424 и др.), можно считать за одежду аналогичную съ архіерейскою мантиею. Хламиды византійскихъ вельможъ также, какъ и архіерейскія мантии, украшались *таблицевидными нашивками* или вышивками (ταβλίον), которыя бывали и нуриурныя (ἀπὸ ὀρέων), и золотыя (χρυσόταβλα или ὑποχρυσόχλαβη) (Ibid. col. 401, 268). Считать *мантию съ источниками и скрижалями* одеждою придворною даютъ основаніе и Симеонъ Солунскій, и чинъ избранія въ патріарха древне-византійской церкви. По чину, патріархъ мантию съ источниками надѣвалъ во дворцѣ, въ присутствіи чиновъ синклита и высшихъ духовныхъ сановниковъ, до появленія своего еще предъ лицо императора для полученія архіерейскаго жезла (А. Дмитріевскій. Описан. литург. рки., хранящ. въ библиот. прав. Востока т. II Εὐχολόγια стр. 629). „Когда появится избранный (въ патріарха), пишетъ Симеонъ Солунскій, *прежде чѣмъ увидится, царь выражаетъ ему свое благорасположеніе, посылаетъ мантию съ источниками и церковный энколтій, который служитъ какъ бы залогомъ, и онъ хранитъ (ихъ) какъ слуга и стражъ Церкви*“ (Mign. Patrol. Curs. complet. t. 155 col. 441; Писан. отц. и учит. ц. т. II, стр. 286). Слѣдовательно, мантия съ источниками и скрижалями не принадлежность церковная, какъ высшаго духовнаго лица въ іерархіи, а знакъ—царскаго благоволенія (φιλοφρονεῖ), отличіе его, какъ государственнаго сановника. Этимъ обстоятельствомъ нужно объяснить и тотъ фактъ въ жизни церковной на православномъ Востокѣ, что игумены, наир., аеонскихъ монастырей съ давнихъ поръ (А. Дмитріевскій. Современное богослуженіе на прав. Востокѣ

ники, украшающіе ее означаютъ „благодать учительства, пребывающую въ архіереѣ и вмѣстѣ разнообразіе принадлежащихъ ему высшихъ дарованій, чрезъ него на всѣхъ изливаемыхъ“... „Названіе источниковъ основано на словахъ Спасителя въ евангеліи: *вручай въ мя, рѣки изъ чрева его истекуть воды живы*“ (Іоан. VII, 38). Нашитыя внизу и вверху по обѣимъ сторонамъ мантии *скрижали* (та ꙗбѣра—яблоки), „во образъ древней и новой благодати“, и лежатъ, поверхъ источниковъ съ тою цѣлю, чтобы показать, что учитель „долженъ почерпать и предлагать ученіе изъ двухъ Заѣтовъ“¹⁾.

По примѣру греческой церкви, и у насъ въ Россіи мантии съ источниками сдѣлались принадлежностію архіереевъ съ давняго времени²⁾. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ патріархи имѣли „мантию бархатную зеленую съ высокими травы и съ источники золотыми и серебряными“ по великимъ праздни-камъ, а въ прочіе дни „объяринныя и иныя разныя съ источ-

в. I, стр. 136) и до настоящаго времени, а равно и нѣкоторыхъ другихъ важнѣйшихъ восточныхъ обитателей, напр., Іоанно-Богословской на Патмосѣ (А. Дмитріевскій. Патмоскіе очерки стр. 49), носятъ именно архіерейскія мантии съ источниками. Очевидно, это отлчіе перешло къ нимъ, въ силу особаго благоволенія византійскихъ императоровъ къ ихъ монастырямъ.

¹⁾ Mign. Patrol. Cusr. complet. t. 155 col. 429, 712; Писан. отц. и учит. церкви, относящ. къ истока. прав. богослуж. т. II, стр. 277; т. III, стр. 19. Съ большею обстоятельностью выясняется символическое значеніе епископской мантии въ южно-русскомъ чинѣ епископской хиротоніи Діоннісія Балабана 1650 г. „Рукоположивый, читаемъ мы здѣсь, возьмъ священную воду, кропитъ мантию, держимую протопопомъ, и рукою благословляетъ ю крестообразно, возьмъ обѣма рукама, придержащими ю и прочіими архіереомъ, глаголетъ къ митрополиту: „Прими, преосвященный отче, пастырю и сослужителю нашъ, *архіерейскія одежду чести*, юже нося и взирая на четыре знаменія, на ней сущая, долженъ будещи всегда поучати я, еже четырехъ святыхъ божественныхъ Евангелій Христовыхъ ученія, яко рѣки животныя ис тебе людемъ, тебѣ отъ Господа нами врученнымъ, всегда в душевную ихъ и себѣ самому ползу источати, и еже усты учити имати, и дѣломъ сіе самъ исполнити да тщишия. Во имя Отца и Сына и Святого Духа“ (Рки. библи. Кіево-Соф. собора № 77, л. 71).

²⁾ Е. Е. Голубинскій. Исторія русской церкви, т. I, полов. I, изд. 2, 1901, стр. 573—574.

ники, на скрижалѣхъ херувимы и кресты“, митрополиты носили скрижалы „червленныя“, при чемъ митрополиты кievскій, новгородскій и казанскій — на скрижаляхъ нашивали кресты, архіепископы—мантіи „съ зелеными скрижалями“, а епископы—„скрижалы, облокитныя или лазоревыя“¹⁾. Соборъ московскій 1674 года относительно мантій сдѣлалъ слѣдующіи постановленія: у патріарховъ должна быть „мандіа, имущая рѣпки... помата же превыше рѣкъ лежащая и *имущая крестная изображенія*... на долнихъ же поматахъ звонцы бряцающія, гласъ хожденія его“; у митрополитовъ — „мандіа съ источники багряновидная, но не багряно-свѣтло-цвѣтная, ниже червленая, или зеленая и свѣтлолазоревая. *Помата* верхняя червлено-атласная или червлено-камчатая безъ всякаго приложенія²⁾, подобно и дольная помата, имущая звонцы бряцающа, точію въ своей кійждо епархіи“, и у архіепископовъ и епископовъ— „мандія со источники черная или багряновидная, но не багряносвѣтлоцвѣтная, ниже червленая, ниже зеленая или свѣтло-лазоревая. *Помата* верхняя и дольная у мандіи архіепископовъ зеленого цвѣта, епископовъ же лазореваго цвѣта безъ всякихъ прилоговъ и безъ звонцовъ“³⁾. Новыхъ послѣ этого собора распоряженій по этому вопросу, сколько намъ извѣстно, не было. Петръ Великій, раздававшій отличія патріаршаго сана всѣмъ епископамъ, и въ отношеніи мантій епископовъ допускалъ большую свободу въ выборѣ цвѣта и матеріала и въ украшеніи ихъ поматами или скрижалями и позвонцами. Въ началѣ XVIII вѣка у всѣхъ епископовъ мантіи получила свой настоящій видъ. Но и въ это время въ

¹⁾ Амвросій. Исторія російской іерархіи ч. I, стр. 317—319.

²⁾ Не смотря на это постановленіе московскаго собора, кievскіе епископы и даже архимандриты остались и до настоящаго времени при прежнемъ обычаѣ, т. е. украшаютъ и доселѣ *помата* или скрижалы на мантіяхъ „крестными изображеніями“. Объ этомъ отличіи не упомянуто, однако же, въ настольной грамотѣ патріарха Іоакима 1686 г., данной кievскому митрополиту Гедону Святополкъ-Четвертинскому.

³⁾ Амвросій. Исторія російской іерархіи ч. I, стр. 328—329, 332, 335—336.

исключительныхъ случаяхъ, въ видѣ заслуги, нѣкоторымъ выдающимся іерархамъ жаловались Государемъ бархатныя мантии и отличныхъ отъ принятыхъ цвѣтовъ. Такъ, въ 1806 г. Александръ I пожаловалъ митрополиту новгородскому и петербургскому Амвросію бархатную мантию фіолетоваго цвѣта ¹⁾

Проф. А. Дмитріевскій.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ Тамъ же стр. 353.

²⁾ По поводу статьи свящ. Д.: „Изъ письма въ редакцію“ (Р. д. С. II. 1902 г. № 50).

З А М Ъ Т К А 2).

Прочитавши статью свящ. Д. „Изъ письма въ редакцію“, я рѣшилъ написать по поводу ея нѣсколько словъ.

При размышленіи по поводу прочитанной статьи, дѣйствительно, приходятъ мысли: „что всѣ изъ насъ могутъ писать“, потому что всѣ мы, по большей части, учились въ семинаріи и исполняли письменныя работы, и перѣдко вполнѣ удовлетворительно; но тѣмъ не менѣе, поступивши въ священники, пишутъ весьма немногіе, изъ сельскихъ же пастырей почти никто. Что это значитъ? гдѣ всему этому искать причину? Авторъ статьи „изъ письма въ редакцію“ видитъ эту причину „въ хожденіи по приходу, занятіи по хозяйству“ и т. п., однимъ словомъ „въ житейскихъ дѣлахъ, отвлекающихъ насъ отъ писательства“.

Съ этими взглядами о. Д. можно согласиться только отчасти. Главная причина, по нашему мнѣнію, заключается не въ этомъ, а совершенно въ другомъ: намъ лично извѣстны многіе изъ сельскихъ священниковъ, даже и не занимающіеся хозяйствомъ, а живущіе исключительно умственными интересами, могущіе поговорить о какихъ угодно вопросахъ и поговорить съ достоинствомъ, но тѣмъ не менѣе не принимающіе участія въ литературныхъ трудахъ (печати), хотя ведущіе ихъ кабинетнымъ путемъ. Кромѣ этихъ, намъ также извѣстны и такія лица, которыя начинали свои литературныя труды, но затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, бросали ихъ.

Что-же это значитъ? Неужели эти лица, по нѣкоторомъ упражненіи въ литературномъ трудѣ, признали себя безсиль-

¹⁾ Тамъ же стр. 353.

²⁾ По поводу статьи свящ. Д.: „Изъ письма въ редакцію“ (Р. д. С. II. 1902 г. № 50).

ными и свои труды непригодными къ печати? Нѣтъ, далеко не такъ: вся причина заключается въ томъ, что наши, такъ называемые, духовные органы, въ видѣ Епархіальныхъ Вѣдомостей (гдѣ всего приличнѣе и удобнѣе дѣлиться мыслями съ своими братьями и сотоварищами по различнымъ епархіальнымъ и пастырскимъ многосложнымъ запросамъ), можно сказать *перестали* обслуживать тѣ нужды, которыя имѣлись въ виду при ихъ открытіи. Они остались органами сельскаго духовенства только *de jure*; *de facto*-же эти епархіальные органы заполняются, во 1) статьями преподавателей духовныхъ заведеній—научнаго характера, которыя могли-бы печататься на страницахъ духовныхъ журналовъ наиримѣрь: „Странника“, „Вѣры и Разума“ и др.; во 2)—хотя и рѣже—поученіями городскихъ священниковъ, вовсе непригодными и неприспособленными для сельскихъ прихожанъ. Литературнымъ-же трудамъ сельскихъ священниковъ тамъ, обыкновенно, не хватаетъ по заявленію редакторовъ, свободнаго мѣста. Вотъ главная причина, почему сельскіе священники не печатаютъ своихъ литературныхъ трудовъ, хотя, повторяю, весьма многіе трудятся въ своихъ кабинетахъ.

Слѣдовательно *мнимая косность* духовенства по отношенію къ литературнымъ трудамъ, въ которой такъ склонны въ послѣднее время упрекать его, зависитъ не отъ насъ, пастырей сельскихъ, а отъ недостатка мѣста въ нашихъ органахъ. Слѣдовало бы расширить объемъ нашихъ епархіальныхъ вѣдомостей; если же это невозможно, то необходимо открыть другой, подобный журналъ съ редакторомъ изъ хорошо знакомыхъ съ сельскимъ бытомъ священниковъ, такъ какъ въ послѣднее время замѣчается сильное стремленіе къ литературнымъ трудамъ и среди сельскаго духовенства, которому, какъ начинающему, надо въ этомъ покровительствовать, ибо кто не знаетъ того, какъ первый неудачный шагъ можетъ убить чедовѣка, быть можетъ, и съ весьма хорошими и широкими задатками къ литературнымъ трудамъ.

Свящ. В. Поповъ.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Теодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 9 апрѣля 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 16.

Подписна принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, апрѣля 20-го.

Содержаніе: Новые пути жизни.—Изъ наблюденій надъ жизнію духовен-
ства.—Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго (окончаніе).—
Поучительная резолюція.

Новые пути жизни.

*Азъ есмь путь и истина
и животъ (Іоанн. XIV, 6).*

Кому приходилось внимательно, — не мимоходомъ, слу-
чайно и вскользь, а намѣренно и надолго—остановиться мыслью
на этихъ словахъ нашего Господа, тотъ не могъ не прекло-
ниться предъ широтою и глубиною смысла ихъ. „Я—путь,
истина, жизнь“—всего четыре слова; но если бы мы хотѣли
коротко и вмѣстѣ съ тѣмъ точно опредѣлить все дѣло Сына
Божія на землѣ, мы не нашли бы болѣе подходящей формы
для этого, какъ именно эти Его собственныя слова о Себѣ.
Весь смыслъ воплощенія, цѣль всего ученія, причина и въ
то же время цѣль страданій и смерти—все дѣло Его, во всей
глубинѣ и широтѣ своей, можетъ быть опредѣлено этими сло-

вами Его. „Во Мнѣ, въ томъ, что Я говорилъ и дѣлалъ, найдетъ человѣкъ вѣрный *путь* для себя; во Мнѣ узнаетъ онъ дѣйствительную, неложную *истину*; во Мнѣ открытъ для него источникъ вѣчной, неумирающей *жизни*“. Чтобы ясно показать этотъ путь, нужно было Самому пройти его. Чтобы открытъ и водворить истину, нужно было устранить ложь. Чтобы дать источникъ жизни, необходимо было побѣдить смерть. И все это было дано, открыто, сдѣлано. Чтобы все это „совершить“, именно для этого приходитъ на землю Сынъ Божій, живетъ среди людей, учитъ, творить чудеса, несетъ неописуемая страданія и умираетъ позорнѣйшею смертью— на крестѣ, среди двухъ разбойниковъ. И только послѣ того, какъ все это было „исполнено“, земная жизнь Спасителя міра оканчивается. *Совершишася!* вотъ послѣднее слово Его на крестѣ, послѣ котораго *преклонъ главу, предаде духъ* (Іоанн. XIX, 30).

Итакъ, путь нашъ,—тотъ путь жизни человѣческой, который лежитъ предъ каждымъ изъ насъ, но предъ которымъ мы останавливаемся въ раздумьи, рѣшая вопросъ: какъ пройти его и куда приведетъ онъ насъ,—былъ пройденъ Самимъ Христомъ, и съ тѣхъ поръ онъ долженъ лежать предъ нами ясный, совершенно открытый. Истина,—это неизвѣстное и всегда искомое, столь заманчивое, съ такою силой всегда къ себѣ влекущее и вмѣстѣ съ тѣмъ столь недоступное, постоянно ускользающее,—эта истина указана Самимъ Христомъ, и отселѣ долженъ наступить конецъ человѣческимъ блужданіямъ. Жизнь,—это благо столь драгоценное и вмѣстѣ съ тѣмъ столь кратковременное, столь скоро отнимающееся, лишеніе котораго повергаетъ насъ въ трепетъ и недоумѣніе, эта величайшая изъ тайнъ міра, надъ разгадкою которой вотще трудится умъ нашъ,—жизнь, не эта краткая, земная, такъ тягостно оканчивающаяся, а жизнь истинная, неумирающая, вѣчная дана человѣку Самимъ Христомъ. Отселѣ нѣтъ смерти, а есть жизнь.

Гдѣ же этотъ путь, эта истина и эта жизнь?

Путь земной жизни нашей послѣ того, какъ прошелъ имъ Самъ Христосъ, открылся намъ какъ путь креста. Это если и не тотъ самый крестъ (ибо по тяжести можетъ ли быть ему равный?), то подобный тому, какой несъ Господь нашъ на землѣ. Это—путь полного самоотверженія (Лук. IX, 23), безграничной любви (Матѣ. V, 43—45), совершенной правды (Матѣ. V, 6), безпредѣльной кротости (—V, 5), высокой нищеты духа (—V, 3), въ общемъ—это путь великихъ лишеній и страданій внѣшнихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ путь истиннаго, глубокаго внутренняго счастья: это тотъ „плачь“, который ведетъ къ великому „утѣшенію“ (Матѣ. V, 4), ибо такимъ путемъ пріобрѣтается та святая „чистота сердца“, достигая которой человекъ способенъ „зрѣть Бога“ (—V, 8).

Истина, открытая человекъ Христомъ, есть прежде всего устраненіе кореннаго заблужденія человека, что онъ самъ можетъ знать истину,—признаніе имъ своего полного безсилія овладѣть ею. „Что есть истина“ (Іоан. XVIII, 38)? вотъ характерное заявленіе, устами образованнаго римлянина Пилата, всего древняго міра о своемъ полномъ отчаяніи найти истину. Человѣчество истомилось въ своихъ долгихъ и напрасныхъ исканіяхъ тѣхъ идеаловъ—истины, добра, красоты, которые могли бы служить для него неизбежною основою міровоззрѣнія и жизни. Нѣтъ истины: ее не можетъ знать человекъ, предоставленный самому себѣ, своимъ собственнымъ силамъ. Ее можетъ указать человеку лишь Тотъ, Кто есть сама истина. И Онъ сдѣлалъ это: *Азъ на сіе родихся, и на сіе приидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину* (Іоанн. XVIII, 37). Въ этой истинѣ, „засвидѣтельствованной“ Христомъ, даны рѣшеніе или путь къ рѣшенію всѣхъ „вопросовъ жизни“. Богъ, міръ и человекъ, въ ихъ существѣ и взаимныхъ отношеніяхъ, приближены здѣсь къ нашему слабому пониманію настолько, насколько въ нашихъ силахъ воспринять ихъ. Поэтому истина богооткровенная, данная міру Самимъ Сыномъ Божиимъ, утвердивъ границы между тѣмъ, что доступно че-

ловѣческому познанію, и особою областью вѣры, должна успокоить мятуційся умъ нашъ.

Наконецъ, завершеніемъ „пути“ человѣка и вѣнцомъ открытой ему „истины“ является *жизнь*, та не прекращающаяся со смертью тѣла вѣчная жизнь, которой такъ жаждетъ духъ нашъ. Какъ первородный грѣхъ повлекъ за собою естественное слѣдствіе — удаленіе человѣка отъ Источника жизни, а потому и смерть (Римл. V, 12), такъ великая жертва Христа за весь грѣшный міръ, Его страданія и смерть, загладивъ вину человѣка, искупивъ грѣхъ его, вернули его къ тому же источнику жизни — Отцу Небесному. Отселѣ человекъ *живетъ*, — живъ вѣрою во Христа, слѣдуя по Его „пути“, утверждаясь въ Его „истинѣ“.

Таковы плоды дѣла Христа для человѣка — „путь, истина и жизнь“, открытые Имъ міру въ Себѣ Самомъ. Это были *новыя* основы жизни, пріобрѣтенныя великою цѣною — крестомъ Богочеловѣка. Ихъ не зналъ міръ древній. Проповѣдь о самомъ Христѣ Ряспятомъ являлась „соблазномъ“ для однихъ, „безуміемъ“ для другихъ (1 Кор. I. 23). Что же касается тѣхъ законовъ и нормъ жизни человѣческой, какіе самымъ тѣснымъ образомъ соединялись въ ней съ лицомъ и дѣломъ Христа, то они были настолько новы, что принятіе ихъ равнялось коренному измѣненію всѣхъ возрѣвній тогдашняго человечества, всего уклада жизни его — личной, семейной, общественной, государственной. Естественно, что не сразу и не безъ борьбы они могли войти въ міръ древній, языческой. Они были такъ же противоположны ему, какъ свѣтъ тьмѣ; и свѣтъ долженъ былъ побѣдить и разогнать тьму. И вотъ, постепенно, этотъ чудный свѣтъ Христовъ сталъ распространяться по всему лицу земли, вездѣ принося съ собой благодатную новую жизнь, открывая новый путь людямъ...

Много времени прошло отъ дней земной жизни нашего Господа; девятнадцать вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ великой жертвы, принесенной за весь міръ на Голгоѣѣ. Повидимому, за такое время истина Христова и путь жизни, указанный

имъ, должны бы были не только сдѣлаться извѣстными чело-
вѣку, но *глубоко* войти въ его сознание и жизнь—создать
твердое міровоззрѣніе человѣчества, недоступное уже колеба-
ніямъ и кореннымъ измѣненіямъ. Но что же видимъ мы?

Ученіе Христа дѣйствительно стало достояніемъ міра.
Идеалы, открытыя въ Его словѣ и дѣлѣ, сначала такъ пора-
зившіе языческой міръ, постепенно стали входить въ сознание
человѣка, а *бѣстѣ* съ тѣмъ, до извѣстной степени, вліять и
на весь укладъ жизни его. Въ общемъ получилось то, что
христіанство, какъ явленіе міровое, легло въ основу исторіи,
создавъ особою новою эру въ ней. Все это несомнѣнно такъ.
И однако-же, можемъ ли мы сказать, что „истина“ и „путь“
Христа уже *вполнѣ* вошли въ міръ? Во-первыхъ, они далеко
еще не вошли *въ жизнь* челоѣка. И теперь чаще всего она
течетъ тѣмъ же мутнымъ, грязнымъ потокомъ страстей, эго-
изма, вражды, что и въ древнемъ языческомъ мірѣ. Но можетъ
быть, мы могли бы сказать здѣсь въ нѣкоторое оправданіе
свое, что путь креста слишкомъ труденъ, что безъ паденій
и изнемоганій не пройти его челоѣку: и пусть будетъ такъ
(хотя это и не *вполнѣ* такъ). Но спросимъ далѣе: высокое
ученіе Христа принято ли, если не *жизнію*, то хотя бы *мыслію*
человѣка, но уже *вполнѣ*, т. е. всею мыслію и до такой
степени, чтобы челоѣкъ, всецѣло отлаившись „истинѣ“ Христа,
окончательно и твердо остановился на ней и здѣсь нашель
покой для ума своего? Къ сожалѣнію, и этого сказать мы
не можемъ. И теперь, какъ въ дни древніе, челоѣкъ все
еще стремится *самъ* найти путь свой, *собственными* силами
познать истину. И думаетъ онъ, что это удастся ему,—что
онъ дѣйствительно открываетъ *новые пути* жизни, *взамѣнъ*
даннаго Христомъ, яко-бы устарѣваго и потому не удовле-
творяющаго его. Но что же выходитъ? Вотъ нѣсколько при-
мѣровъ изъ жизни нашихъ дней, примѣровъ *наиболѣе* яркихъ
и извѣстныхъ, которые на глазахъ у всѣхъ насъ.

Предъ нами великій талантъ, краса и слава нашего
русскаго генія, дивная сила въ области художественнаго ли-

тературнаго творчества. Натура глубокая, вдумчивая, философствующая, при этомъ съ запросами высоко-идеальными, онъ поражается тѣмъ разладомъ между высокимъ христіанскимъ идеаломъ и слишкомъ низменною дѣйствительностью, какой представляетъ вся наша такъ называемая культурная жизнь. Задумываясь надъ причинами столь печальнаго явленія, онъ находитъ ихъ въ культурѣ и въ религіи, именно—въ ложномъ направленіи ихъ: та и другая идутъ, по его мнѣнію, ложною дорогою, потеряли свой первоначальный, естественный и вѣрный путь. Причина найдена; остается устранить ее, т. е. указать и возстановить утраченный истинный путь жизни. И вотъ, начинается самостоятельная (такъ думается ему) работа надъ уясненіемъ для себя (но вмѣстѣ съ тѣмъ и для другихъ!) основъ жизни, путемъ ложныхъ толкованій тѣхъ истинъ христіанской вѣры, которыя хранятся въ церкви Христовой. Но къ чему же приходитъ онъ? Какъ ни странно и страшно это,—къ отрицанію Того, Кто далъ эти истины: онъ проповѣдуетъ христіанство безъ Христа, Сына Божія. Ему дороги высокіе христіанскіе идеалы жизни и онъ беретъ ихъ; но божественный источникъ ихъ и благодатная помощь человѣку въ достиженіи ихъ представляются ему ненужными: это пережитокъ старины, догматическая метафизика, ничего кромѣ вреда человѣку не приносящая.

Вотъ печальная участь даже лучшихъ изъ людей, разъ они мечтаютъ въ своей гордынѣ указать міру будто бы новый путь жизни послѣ Христа: жалкое заблужденіе, ослѣпляющее ихъ духовный взоръ, становится ихъ удѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, что иное, какъ не такое именно заблужденіе—самоослѣпленіе представляетъ эта странная мечта помочь человѣчеству въ жизни его, научить жить, отнявъ у него Господа Иисуса Христа и оставивъ одни нравственные идеалы Его? Не значить ли это, вынуть душу изъ тѣла, думать, что послѣ этого оно будетъ жить еще лучше, чѣмъ прежде! Но чѣмъ же оно будетъ жить, если источникъ жизни его—душа оставила его! Не то же ли должно сказать и о высокихъ нравственныхъ

идеалахъ, давныхъ челоѣку Христомъ? Безъ Самого Христа, какъ Сына Божія, Искупителя грѣшнаго челоѣчества,—возрождающагося вѣрою въ Него и получающаго отъ Него благодатную помощь на путяхъ нравственнаго преуспѣянія своего,—безъ этого Источника своего всѣ эти идеалы теряютъ свою истинную жизненную силу, то величайшее значеніе для челоѣка, какое они должны имѣть. Они нисходятъ въ область обыкновенной, *человѣческой* морали, колеблющейся, мѣняющейся, имѣющей значеніе лишь временное, и главное—ничѣмъ ни за что не рущающейся. Только во Христѣ и со Христомъ, т. е. при *Его* помощи идеалы эти являются для насъ дѣйствительными свѣточами жизни. Безъ Него же что значать они для челоѣка, существа слабаго, вѣчно колеблющагося между добромъ и зломъ и всегда побѣждаемаго силою зла, жалкаго въ своемъ безсиліи! *Безъ Мене не можете творити ничесоже*, говоритъ Самъ Господь нашъ (Іоанн. XV, 5). *Азъ есмь путь...* *Никтоже придетъ ко Отцу, токмо Мною* (Іоанн. XIV, 6). Итакъ, напрасны эти мятежныя стремленія проложить свой путь жизни, не „*чрезъ Него*“ проходящій: такой путь не приведетъ „къ Отцу“, т. е. туда, гдѣ заключается для челоѣка источникъ истинной жизни и истиннаго счастья. Онъ не можетъ дать намъ того, въ чемъ такъ нуждается духъ нашъ, къ чему всегда такъ стремится все челоѣчество,—тѣхъ послѣднихъ незыблемыхъ основъ, на которыхъ мы могли бы окончательно утвердить свою жизнь и свое счастье. То же блужданіе, какое было въ древнемъ, языческомъ мѣрѣ, и ничего болѣе не приноситъ намъ этотъ путь.

Но вотъ примѣръ еще болѣе поразительный по своимъ печальнымъ, прямо ужаснымъ послѣдствіямъ.

На глазахъ всего міра разыгралась страшная драма жизни челоѣка выдающихся дарованій, отмѣченнаго богатыми силами ума, направившаго ихъ на изысканіе *своихъ* путей жизни и облекшаго свои мысли въ увлекательную художественную форму. Предъ нами другой философъ—художникъ. И что же? что сказалъ онъ намъ: какой надежный путь

жизни нашелъ онъ и сказалъ людямъ? Увы! Онъ не нашелъ ничего, и погибъ самъ.

Страшный бурный потокъ его мысли, отвергшій всѣ общечеловѣческія преграды, не сдерживаемый ничѣмъ, разбилъ и унесъ отъ него все, что есть у человѣка высшаго и лучшаго, чѣмъ человѣкъ живетъ, въ чемъ весь смыслъ его существованія. Разбивая „все, что издавна чтило сердце человѣческое“, „всѣ старыя скрижали“, опрокидывая „всѣ пограничныя столбы и образы“, онъ отвергъ все, всѣ человѣческія „цѣнности“. Ничего истинно цѣннаго, по его ученію, у насъ нѣтъ.

Прежде всего—нѣтъ Того, Кто есть Творецъ и Виножникъ всего. Даже „тѣнь Бога“ должна быть побѣждена и отвергнута нами, какъ остатокъ той старины, которую давно уже переросло человѣчество. Но если нѣтъ Его, то что же есть тогда? Нѣтъ ни добра, ни зла, ни истины, ни лжи. Что такое добродѣтель? Это—„игрушки, погремушки“ въ рукахъ дѣтей, „пестрыя раковины“, которыми забавляются они и плачутъ, когда ихъ уноситъ море. „Нѣтъ такого добра и зла, что были бы вѣчными“. Что такое мудрость? „Ея алчутъ и не насыщаются, на нее смотрятъ сквозь покровъ, ее ловятъ сѣтью. Но красива ли она, мы даже этого не знаемъ“. Гдѣ истина? Ее нужно еще найти, создать. Но какъ, какими средствами? „Все, что добрые зовутъ зломъ, должно собраться вмѣстѣ для того, чтобы родилась истина. Отчаянное дерзновеніе, долгое недовѣріе, жестокое отрицаніе, пресыщеніе жизнью—изъ такихъ сѣмянъ вырастаетъ истина“. Это будетъ новая цѣнность, а „міръ вращается именно вокругъ изобрѣтателей новыхъ цѣнностей“. Но что же такое этотъ міръ и человѣкъ, гдѣ причина и цѣль бытія ихъ и гдѣ истинный путь жизни нашей? Какой отвѣтъ можно дать на эти вопросы, отвергнувъ драгоцѣннѣйшую изъ человѣческихъ цѣнностей—премудраго и всеблагаго Творца міра? Приходится признать, что случайность, бессознательность и безцѣльность царятъ во всемъ. „Всѣ вещи вѣчно возвращаются, и мы возвращаемся съ ними“, повинуюсь закону бессознательнаго, круговраща-

тельнаго движенія вселенной. Земля—случайное астрономическое явленіе, органическая природа на землѣ—случайная плѣсень на ней, а человѣкъ—это часть той же плѣсени. Онъ „совершилъ путь отъ червя до человѣка, но многое въ немъ еще осталось отъ червя“. Это жалкое ничтожество, которое не должно и существовать, „посмѣшище и мучительный позоръ“. Это—переходная ступень, „канатъ надъ пропастью“, отдѣляющею человѣка отъ той высшей ступени, къ которой онъ долженъ стремиться, и которою служить для него „сверхъ—человѣкъ“—дикое, полное противорѣчій произведеніе безумной больной фантазіи.

Послѣ этого можно-ли говорить о смыслѣ жизни, о какой нибудь одной истинной цѣли ея и объ одномъ истинномъ пути къ достиженію таковой? „Есть-ли у меня цѣль,—пристань, гдѣ остановится корабль мой,—попутный вѣтеръ? Ахъ, только тотъ, кто знаетъ, куда идетъ онъ, знаетъ также, какой вѣтеръ попутный ему и несетъ его въ море“. Но какъ же безъ этого жить? Гдѣ взять силы для жизни? Какъ жить безъ солнца, безъ цѣли, безъ пути? „У человѣчества нѣтъ еще цѣли... Но если человѣчеству до сихъ поръ недостаетъ цѣли, то существуетъ ли само оно?“ „Какъ! Ты живъ еще? Почему? Зачѣмъ? Для чего? Гдѣ и какъ? Развѣ не безуміе жить еще?“...

Да, выводъ совершенно естественный: не зная ни себя самого, ни своего пути, ни своей пристани, жить нельзя: *нечтъмъ* жить. Здѣсь, на этомъ пути философскихъ исканій,—съ факеломъ безграничнаго отрицанія, съ молотомъ, разбивающимъ всѣ священныя скрижали человѣчества,—ни свѣта, ни жизни не можетъ быть: здѣсь мракъ и смерть. Они положили конецъ и безумному бреду поэта—философа (Ницше).

Итакъ, вотъ особенно яркій примѣръ той *бездны*, въ какую можетъ зайти человѣческой разумъ, оставившій „путь“ и „истину“, данныя ему Христомъ, и устремившійся на отысканіе ихъ своими собственными слабыми силами. Нужны ли еще примѣры? Ихъ особенно много именно въ наши дни,

характеризующіеся весьма замѣтными чертами недовольства, неудовлетворенности и исканій. Эти волненія и шумныя пререканія о свободѣ совѣсти, направленные къ тому, чтобы ниспровергнуть истинныя основы совѣсти человѣческой, дающія ей дѣйствительную нравственную свободу,—это всецѣло отрицательное отношеніе къ современной жизни въ художественной литературѣ, передовые корифеи которой, оставивъ „устарѣлый“ путь служенія высокому и прекрасному, конаются въ гнилыхъ болотахъ, упиваясь смрадомъ ихъ и распространяя его повсюду,—этотъ оригинальный призывъ къ „правильному“ взгляду на классическое язычество, съ цѣлью найти въ немъ идеалы христіанскіе, — о чемъ говорить все это? Подъемъ ли это духовныхъ силъ, какъ думаютъ нѣкоторые, или наоборотъ—признаки безсилія, одрябленія, духовнаго обнищанія? Да не будетъ! Пусть знаменуютъ они даже и ростъ силъ, особый временный притокъ ихъ; пусть будетъ и такъ. Но и тогда, чтобы этотъ приливъ оказался дѣйствительно благодѣтельнымъ, безъ жертвъ опустошенія принесъ обильные плоды,—необходимо удержать его въ крѣпкихъ берегахъ и дать ему вѣрное направленіе. И вотъ здѣсь и обнаруживается все значеніе тѣхъ началъ жизни, какія даны были міру Господомъ Іисусомъ Христомъ.

Это постоянное и, въ частности, современное исканіе новыхъ путей жизни говоритъ не о томъ, будто бы „путь“ и „истина“ Христовы не имѣютъ значенія абсолютнаго, т. е. не могутъ удовлетворять человѣка вполне и всегда, на всѣхъ степеняхъ развитія его, будто бы и они, какъ все въ мірѣ, изживаются, старѣютъ и отходятъ, наконецъ, въ область исторіи. Отнюдь нѣтъ. Это непрерывное исканіе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ прежде всего о томъ, что вопросы о цѣли и пути жизни слишкомъ важны для человѣка, чтобы онъ когда нибудь пересталъ интересоваться ими. Въ нихъ—центральный пунктъ всего нашего міровоззрѣнія: поэтому совершенно понятна и естественна эта никогда не умолкающая въ человѣкѣ потребность опять и опять рѣшать ихъ для себя.

Но съ другой стороны, вся исторія этихъ исканій человѣческихъ столь же ясно показываетъ намъ, какъ бесплодны и даже гибельны оказываются они тамъ, гдѣ переходятъ границы свои.

Девятнадцать вѣковъ назадъ впервые засіялъ надъ міромъ свѣтъ „истины“ Христовой, и человѣку указанъ былъ истинный „путь“ жизни его. Но-этимъ положенъ ли былъ *конецъ* работѣмъ человѣческаго ума? Напротивъ: то, что дано было ему, открывало предъ человѣкомъ такіе безпредѣльные горизонты, обнять которые, или хотя бы только приблизить къ возможному духовному созерцанію было слишкомъ трудно для него. Для этого потребовалась непрерывная работа всего дальнѣйшаго времени, и можемъ ли мы сказать, что къ нашимъ днямъ она уже закончилась? Она совершается и теперь; она не прекратится, пока живъ будетъ человѣкъ на землѣ. Съ различныхъ сторонъ, различными путями и средствами, — въ зависимости отъ условій національно-историческаго характера, — мы направляемся къ одному и тому же, къ проясненію, къ возможно большому приближенію къ своему человѣческому пониманію „пути, истины и жизни“ — Господа Иисуса Христа. Но одного мы никогда не должны забывать при этомъ: въ основѣ возможнаго для человѣка постиженія ихъ должна лежать *вѣра* въ открывшаго ихъ міру Христа — *Сына Божіа*. Нѣтъ этой основы, — и у насъ отнимается единственный ключъ къ пониманію ихъ: рушится все зданіе нашего міровоззрѣнія, и тщетными оказываются всѣ, самыя могучія, повидимому, усилія построить его на данныхъ одного *разума*. Какъ бы ни старались мы „подмѣнить“ вѣру Христову, взять отъ нея одну мораль и отставить въ сторону „догматику“, — никакая эстетика добрыхъ дѣлъ не прикроетъ зіяющихъ подъ ними пустоты и убожества, за отсутствіемъ истиннаго единственнаго Источника ихъ величія, красоты и силы. Но еще печальнѣе положеніе наше, если мы уклонимся совершенно отъ „пути“ и „истины“ Христа и задумаемъ создать свой собственный путь жизни. Онъ заве-

детъ насъ въ такія бездны, изъ которыхъ выхода нѣтъ, и гдѣ
царятъ лишь мракъ и смерть.

Проф. *Н. Маккавейскій*.

Изъ наблюденій надъ жизнью духовенства ¹⁾).

Непріязненныя отношенія между священниками случаются рѣже, чѣмъ между священниками и низшими членами причта; чаще эти ссоры происходятъ между священниками, служащими въ одной церкви, рѣже между священниками-сосѣдами по приходу. Изъ двухъ или нѣсколькихъ священниковъ, служащихъ въ одномъ приходѣ, одинъ обычно считается старшимъ — настоятелемъ, остальные—младшими. Пастырское служеніе и дѣятельность представляютъ массу случаевъ, гдѣ мнѣнія священнослужителей могутъ не сойтись; всѣ такіе случаи можно разяснить и распутать только при томъ условіи, если стороны будутъ уступчивы. Взаимныя отношенія священниковъ, служащихъ въ одной церкви, перѣдко омрачаются соперничествомъ въ вліяніи на прихожанъ, излишнимъ стремленіемъ настоятелей показать свою власть надъ подчиненными сослужащими имъ священниками, а со стороны младшихъ—задоромъ, неуступчивостію. Такъ, напримѣръ, въ одномъ приходѣ долгое время тянулась ссора между двумя священниками, почти товарищами по семинаріи, по слѣдующему *важному* поводу: настоятель требовалъ, чтобы его сослуживецъ при совмѣстномъ богослуженіи становился на правой сторонѣ, а послѣдній желалъ стоять рядомъ...

Каждому священнику приходится по разнымъ причинамъ входить въ болѣе или менѣе близкія сношенія со своими сосѣдами, тоже приходскими священниками; въ сосѣднихъ приходяхъ бываетъ много случаевъ, когда священнику приходится имѣть дѣло съ своимъ собратомъ и сосѣдомъ по служенію:

¹⁾ См. № 15 с. г.

самому помогать ему и въ свою очередь пользоваться его помощію и услугами. Священникъ заболѣлъ, отлучился изъ прихода, семейныя дѣла отрываютъ отъ службы; къ кому въ такихъ случаяхъ обращаться, какъ не къ сосѣду-сопастырю? Кажется, нѣтъ поводовъ къ нарушенію хорошихъ отношеній между сосѣдями—священниками, но это только кажется, и здѣсь бываютъ неприятели и здѣсь причиною ихъ является вопросъ о хлѣбѣ, вопросъ матеріальный. Взять на примѣръ такой случай. Священникъ за другого исполняетъ требы; всего естественнѣе было-бы плату за нихъ возвращать приходскому священнику, лишенному почему-либо возможности самому совершить требу; такъ и дѣлается въ большинствѣ случаевъ, но бываютъ и исключенія. Вотъ случай, наблюдавшійся нами весьма недавно: молодому священнику, бездѣтному, иногда приходится исполнять требы за своего сосѣда—человѣка много-семейнаго; семейныя дѣла, поѣздки къ дѣтямъ въ училище иногда отрываютъ послѣдняго отъ прихода. Кажется, второй въ-правѣ былъ-бы расчитывать на поддержку сосѣда. Но молодой батюшка, видно изъ раннихъ, прямо заявилъ сосѣду, что разлѣзжать онъ самъ не любитъ, и помощь ему по приходу не нужна, а сосѣду онъ можетъ оказывать помощь только при томъ условіи, если плата за требы будетъ поступать въ его пользу. Дѣло зависитъ здѣсь отъ полюбовнаго согласія, но какія же возможны братскія отношенія при такихъ условіяхъ?

Иногда причиною ссоръ и неприяностей между сосѣдями священниками служить зависть одного къ лучшему приходу другого; зависть эта иногда ведетъ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ, порождаетъ грустныя явленія. На одинъ и тотъ же приходъ, очень доходный, подають прошеніе нѣсколько человѣкъ сосѣднихъ священниковъ, семейныхъ, пожилыхъ, но приходъ отдается молодому кандидату священства. Кажется, чѣмъ бы виноватъ послѣдній предъ своими сосѣдами, которыхъ онъ раньше даже не зналъ; но послѣдніе разсудили иначе: на него стали, что называется, коситься, смотрѣть какъ на человѣка пришлаго, сѣвшаго не на свое мѣсто. Взаимныя отношенія сосѣ-

дей подають не мало поводовъ къ придиркамъ, особенно если принять во вниманіе неопытность, непрактичность молодого священника. Такъ, одинъ изъ сосѣдей четыре раза возвращалъ ему выданное имъ предбрачное свидѣтельство и отказывался повѣнчать бракъ по слѣдующимъ причинамъ: въ метрической выписи, выданной въ первый разъ, не было указано село, во второй—число оглашеній, въ третій—когда они были совершены, въ четвертый не было № бумаги. Если бы здѣсь было чувство дружбы и товарищества, то болѣе опытному священнику нужно было отправить своему малоопытному сосѣду образецъ предбрачнаго свидѣтельства и тогда не было-бы надобности изводить сосѣда отношеніями, перепиской, а крестьянину четыре раза ѣздить туда и обратно за необходимымъ для него документомъ. Зависть къ приходамъ порождаетъ явленія и еще болѣе печальныя, чѣмъ рассказанный случай. Бываютъ случаи, что завистливые люди подстрекають даже прихожанъ къ недовольству своимъ пастыремъ, къ жалобамъ. Разсчетъ здѣсь ясенъ: удалить нежеланнаго человѣка съ прихода, а самому, пользуясь поддержкой прихожанъ, симпатіи которыхъ завоевать *на время* не трудно, проситься на его мѣсто. Такіе происки иногда и удаются: навести на человѣка тѣнь, очернить его не такъ трудно; въ крайнемъ случаѣ можно отравить человѣку настолько существованіе, что онъ и самъ не пожелаетъ сидѣть на мѣстѣ, гдѣ встрѣчаетъ столько неприятностей. Затѣмъ интригану остается только отправить депутацію изъ прихожанъ къ мѣстному архіерею съ просьбою о назначеніи его на приходъ... А обиженный священникъ иногда и не подозрѣваетъ, по чьей милости случилась съ нимъ неприятная исторія? Подобныя исторіи, хотя рѣдко, но случаются; намъ приходилось наблюдать ихъ.

Разнообразіе пастырской практики въ сосѣднихъ приходѣхъ тоже можетъ подавать поводъ къ несогласіямъ. „Приглядитесь повнимательнѣе къ жизни, пишетъ одинъ священникъ, и вы легко замѣтите, что весьма важное значеніе въ пастырской практикѣ имѣетъ, такъ называемое, личное усмо-

трѣніе. Ради него пастырская практика и даетъ столько разнообразій и отличій, что для напечатанія ихъ потребуется не одинъ объемистый томъ. Конечно, всё эти различія, касаясь лишь внѣшняго, не измѣняютъ самого существа дѣла, но кто не знаетъ, что немощные (а такихъ большинство) не имѣютъ способности и желанія усвоить внутренней смыслъ религіи¹⁾ Крестьяне наши вообще очень внимательно относятся ко всему, что касается богослуженія: замѣтивъ какую нибудь разницу въ отправленіи богослуженія въ сосѣднемъ приходѣ, они представляютъ на видъ это своему священнику. Такія разности ведутъ иногда къ простому обмѣну мнѣній и мыслей; а иногда,—такъ какъ вообще русскій человѣкъ спорить не умѣетъ и переводить дѣло на личности—къ ссорамъ и непріятностямъ.

Хотя духовенство по закону должно пользоваться добротными подавнiями за требы, но вообще въ каждомъ районѣ само собою устанавливается болѣе или менѣе опредѣленная плата за требы. Случается такъ, что въ приходъ назначается молодой священникъ, не знакомый съ мѣстными условіями или же совсѣмъ не интересующійся никакой платой; прихожане начинаютъ платить ему совсѣмъ мало или же ничего не платятъ, что заразительно дѣйствуетъ и на крестьянъ сосѣднихъ приходо́въ, а это подаетъ поводъ къ недовольству на священника со стороны его собратьевъ, быть можетъ менѣе его обеспеченныхъ, людей многосемейныхъ.

Между священниками есть старшіе и младшіе по службѣ и положенію; есть облеченные особымъ довѣріемъ епархіальной власти. Къ старшимъ нужно относить благочинныхъ, настоятелей церквей, протоіереевъ, членовъ консисторіи. Наконецъ, за послѣднее время явились еще новыя должностныя лица, часто со священнымъ саномъ и занимающія какъ-бы начальственное положеніе по отношенію къ рядовымъ священникамъ,

¹⁾ Сиб. Еп. Вѣдм. 1902 года, № 21. Духовно-правственная взаимопомощь духовенства.

разумѣемъ епархіальныхъ и уѣздныхъ наблюдателей. Если между этими лицами и простыми священниками замѣчаются холодность или непріязненные отношенія, то думаемъ, что виною бываютъ чаще первые, чѣмъ вторые. Власть, хотя-бы небольшая, многихъ, а особенно людей малоразвитыхъ, надмеваетъ; приходится видѣть, что простой, самый заурядный пастырь, съ повышеніемъ мѣняется,—становится гордымъ, заносчивымъ. „Умный и уважающій свой санъ старшій представитель духовенства, пишетъ высокочтимый профессоръ Пѣвницкій, не заставитъ своего младшаго собрата по цѣлымъ часамъ дожидать, пока онъ выйдетъ къ нему, не приметъ его въ передней, не будетъ держать его на ногахъ предъ собою и не допуститъ, чтобы онъ для выраженія почтенія къ нему употребилъ что-либо унизительное для своего достоинства. Братолюбія должны не забывать священники, отличенные отъ другихъ своихъ сослужителей нѣкоторыми преимуществами и этимъ духомъ братолюбія должны опредѣляться всѣ отношенія ихъ къ своимъ младшимъ сослужителямъ“¹⁾. Этого-то братолюбія, къ прискорбію, иногда и не замѣчается у священниковъ, возвышенныхъ надъ другими. Нѣкоторые благочинные обращаются довольно гордо, требовательно и придирчиво къ подчиненному имъ духовенству; особенно это нужно сказать о тѣхъ, которые избираются не за личныя достоинства, а по протекціи, у которыхъ есть рука.

Благочинные, какъ извѣстно, за свой довольно сложный и тяжелый трудъ, ничего не получаютъ, а довольствуются тѣмъ, что имъ даютъ священники за трудъ; но встрѣчаются и такіе, которые не довольствуются добровольными подаяніями, желаютъ получить побольше, вводятъ прямо таксу той суммы, какую должны вносить приходскіе священники при годовыхъ и полугодовыхъ отчетахъ. Если послѣдніе откажутся отъ такихъ взносовъ, благочинный всегда найдетъ возможность при-

¹⁾ Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. В. Пѣвницкаго. 254 стр.

драться къ какойнибудь опискѣ въ книгѣ, или другой мелочи и тѣмъ смирить непокорнаго.

Такъ какъ благочинные первые доносятъ консисторіи объ освободившихся вакансіяхъ, то они же имѣютъ возможность извѣщать болѣе желательныхъ для нихъ кандидатовъ о свободныхъ мѣстахъ и всячески содѣйствовать имъ занять освободившееся мѣсто: отсюда случается, что иногда во многихъ церквахъ благочинія служатъ исключительно родственники. Мы знаемъ даже большой губернской городъ, гдѣ всѣ почти священническія мѣста заняты родственниками, во главѣ которыхъ стоитъ маститый протоіерей: интересы рода блюдутся очень зорко, всякій посторонній элементъ пріемлется съ неохотою, а иногда путемъ происковъ выживается.

Во всѣхъ учрежденіяхъ награды и ордена выдаются за выслугу лѣтъ, духовенство получаетъ ихъ по представленію; въ этомъ дѣлѣ многое зависитъ отъ усмотрѣнія благочинныхъ и благочинническихъ совѣтовъ: иногда къ наградамъ представляются не лица достойнѣйшія, а тотъ, кто угодилъ благочинному, родственники его и т. д. Такой порядокъ не можетъ не вызывать конечно недовольства среди духовенства къ благочиннымъ. Личный произволъ въ этомъ дѣлѣ былъ-бы уничтоженъ, если-бы духовенство представлялось къ наградамъ за выслугу лѣтъ, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, напримѣръ нижегородской, и практикуется, а то вѣдь приходится наблюдать, что совсѣмъ молодой священникъ, ничѣмъ особеннымъ себя не заявившій, имѣетъ камилавку, наперсный крестъ, а старикъ, прослужившій пастыремъ безпорочно больше 30 лѣтъ, по не умѣющій кланяться, не получаетъ и камилавки.

Нужно-ли говорить о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія ведутъ за собою непріязненные отношенія, наблюдаемая иногда въ духовенствѣ? Такіе случаи вносятъ фальшь и диссонансъ въ нравственную жизнь духовенства. Высота пастырскаго служенія требуетъ спокойствія духа, мира и любви со всѣми. Любовь ко всѣмъ и миръ со всѣми—это величайшее благо этой

жизни, а вмѣстѣ необходимое условіе истиннаго служенія Богу; Церковь неоднократно желаетъ чрезъ пастыря „мира всѣмъ,“ но эти слова будутъ лишены всего своего значенія и глубины въ устахъ того пастыря, который самъ не хранитъ со всѣми мира. Правила церковныя требуютъ отъ пастыря, чтобы онъ, приступая къ литургіи, примирился со всѣми, по заповѣди Слова Божія: „если принесешь даръ твой къ алтарю и тутъ вспомнишь, что братъ имѣетъ что нибудь на тебя, иди, прежде примиришься съ братомъ своимъ“; священники передъ причащеніемъ на литургіи даютъ другъ другу братскій поцѣлуй, поцѣлуй любви и мира: будетъ оскорбленіемъ таинства, ложью предъ Самимъ Богомъ, если священникъ будетъ совершать это таинство, не имѣя въ душѣ мира со всѣми. Человѣкъ съ развитымъ, отзывчивымъ сердцемъ не можетъ не чувствовать въ такомъ случаѣ раздвоенія въ своей душѣ, не можетъ не страдать нравственно, зная, что въ его сердцѣ есть непріязнь къ ближнему, сослуживцу.

Если дружба и согласіе между сотрудниками не можетъ, какъ мы сказали выше, не отражаться благотворно на совмѣстной работѣ лицъ сослужащихъ, то, наоборотъ, непріязненные отношенія могутъ вредить этой работѣ; такіе случаи можно наблюдать всюду, во всякой работѣ. Со стороны лица обиженнаго ими чѣмъ нибудь оскорбленнаго всегда возможно ожидать непріятности, препятствія и задержки въ дѣлѣ; при непріязненныхъ отношеніяхъ недостатки, промахи ближняго кажутся всегда крупнѣе. Намъ пришлось наблюдать такой случай. Священникъ, будучи чѣмъ-то недоволенъ псаломщикомъ, сталъ придираться къ тому, что у него плохо поютъ на клиросѣ, при чемъ замѣчанія дѣлалъ иногда вслухъ, при народѣ и достигъ того, что въ приходскомъ храмѣ вмѣсто хотя и слабенькаго хора не стало никакого. Псаломщикъ старался не оставаться въ долгу предъ священникомъ и съ своей стороны дѣлалъ ему, гдѣ можно, замѣчанія. Одинъ разъ священникъ пропустилъ эктению между каѳизмами; псаломщикъ вмѣсто того, чтобы читать слѣдующій псаломъ каѳизмы остановился и на

всю церковь проговорилъ: „батюшка, вы ектенію пропустили.“ Здѣсь мы видимъ, какъ непріязненные отношенія переносятся уже въ самую сферу служенія и ничего, кромѣ подрыва уваженія къ духовенству, не приносятъ.

Въ жизни каждаго человѣка случаются несчастія и кто можетъ сказать, что застрахованъ отъ нихъ? Въ такихъ случаяхъ за совѣтомъ, добрымъ словомъ утѣшенія и за помощію всего естественнѣе обратиться человѣку къ тому, кто стоитъ къ нему ближе—къ своему сослуживцу. Разумѣется, тотъ, кто затѣваетъ непріятности и ссоры, лишаетъ себя помощи и поддержки, которыя часто бываютъ такъ необходимы въ жизни.

Какія мѣры могли-бы удалить изъ нашей жизни то печальное явленіе, о которомъ мы говорили въ настоящей статьѣ?

И по нашимъ личнымъ наблюденіемъ, и по признанію тѣхъ лицъ, съ которыми намъ приходилось говорить по этому вопросу, начало непріязненныхъ отношеній принадлежитъ почти всегда лицамъ старшимъ въ служебномъ отношеніи. Слѣдовательно, по отношенію къ нимъ всего прежде нужно высказать пожеланіе, чтобы они всемѣрно заботились о томъ, чтобы собственнымъ примѣромъ распространять и поддерживать въ окружающей ихъ средѣ начала любви, завѣщанной всѣмъ намъ Христомъ, прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы прекращать всѣ непріятности, могущія встрѣтиться въ жизни—собственнымъ примѣромъ, словомъ увѣщанія, даже собственными уступками. По слову Апостола, сильные должны немощи немощныхъ носить и не себѣ угождать, по Богу. Чѣмъ выше человѣкъ стоитъ по своему положенію, тѣмъ, предполагается, онъ *сильнѣе*, не только въ оффиціальномъ или правовомъ отношеніи, но и во всѣхъ другихъ—умственномъ, нравственномъ; а нравственная сила, при строгости къ самой себѣ, предполагаетъ мягкое, снисходительное, полное любви и прощенія отношеніе къ другимъ.

Трудно даже допустить, чтобы человѣкъ, занимающій болѣе высокое положеніе, при искреннемъ съ своей стороны

желаніи, не могъ завоевать себѣ расположеніе и довѣріе своихъ подчиненныхъ: любовію и кротостію побѣждаютъ даже дикихъ звѣрей, а человѣка покорить любовію всегда возможно. Лучше поступиться своими интересами, мелкимъ самолюбіемъ, но сохранить драгоцѣннѣйшее благо этой жизни—миръ.

Поводомъ къ раздорамъ и несогласіямъ среди духовенства служатъ часто споры изъ-за доходовъ. Здѣсь мы можемъ высказать пожеланіе, которое не разъ уже высказывалось, о томъ, чтобы духовенство было обезпечено казеннымъ содержаніемъ, о чемъ пока только мечтать приходится. Казенное содержаніе, кромѣ другихъ благихъ послѣдствій, о которыхъ сейчасъ мы не будемъ говорить, замѣнило бы собою добротныя подаванія, изъ-за которыхъ иногда бывають ссоры и непріятности, уничтожило-бы различіе между приходами по доходности и сократило бы число происковъ, какіе дѣлаются нѣкоторыми, разумѣется, болѣе худшими представителями духовенства, съ цѣлію занять тотъ или другой болѣе выгодный приходъ.

Наконецъ, моральное воздѣйствіе на духовенство, на укрѣпленіе въ немъ любви и согласія должна оказывать и епархіальная власть, призывая его къ миру и согласію. Ссоры и непріятности въ средѣ духовенства нерѣдко доходятъ и до суда церковнаго; всего желательнѣе было-бы, чтобы ссоры и непріятности въ духовенствѣ разрѣшались семейнымъ образомъ чрезъ самихъ епархіальныхъ архіереевъ безъ излишней огласки, судебной волокиты со всѣми ея непріятностями, чтобы при этомъ выдвигалась не юридическая, а нравственная сторона — долгъ духовенства служить для паствы примѣромъ любви и мира. Въ одной епархіи былъ такой случай. Псаломщикъ и священникъ жили между собою во враждѣ: виноватою стороною былъ псаломщикъ, человѣкъ со вздорнымъ, заносчивымъ характеромъ. На литургіи со священникомъ случилось несчастіе: онъ опрокинулъ чашу со святыми Дарами. Псаломщикъ немедленно отправился къ мѣстному епископу—приснопамятному высокопреосвященному Амвросію съ

доносомъ на него, а священникъ въ тотъ же день отправился туда же покаяться своему архипастырю въ невольномъ грѣхѣ. Явились они оба вмѣстѣ. Священника архіерей принялъ раньше, а потомъ уже псаломщика. Священнику владыка приказалъ каждый день въ теченіе недѣли совершать литургію и помолиться о своемъ грѣхѣ, а псаломщику былъ сдѣланъ строгій выговоръ за то, что онъ дерзнулъ доносить на своего духовнаго отца и начальника и приказано было просить у него прощенія. Намъ приходилось слышать этотъ рассказъ отъ нѣсколькихъ лицъ, при чемъ всѣ они выражали своему архипастырю глубокую признательность за то, что онъ разобралъ дѣло своею собственною властію безъ всякихъ формальныхъ слѣдствій, чѣмъ наглядно показалъ духовенству, какихъ взаимныхъ отношеній желаетъ онъ отъ него.

Объ одномъ изъ нынѣ здравствующихъ архипастырей передаютъ такой случай. Два подчиненныхъ ему священника затѣяли между собою долгую тяжбу, которая то затихала, то снова возбуждалась. Епархіальный архіерей, присутствовавшій въ то время въ Синодѣ, видя, что слѣдствія и судъ по ихъ дѣлу не приводятъ къ желанному миру, вызвать обоихъ въ Петербургъ, принялъ ихъ въ одно время, выслушалъ ихъ дѣло и спросилъ: „кто же изъ васъ виноватъ?“ Виноватаго не нашлось. „Оба вы виноваты“, сказалъ владыка.— „Поэтому кланяйтесь другъ другу въ ноги, да поцѣлуйтесь“. Послѣ этого владыка сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ о томъ, какъ должно жить духовенство между собою, особенно въ наше трудное время, благословилъ обоихъ и сказалъ въ заключеніе: „Дѣло ваше я прекращаю, поѣзжайте съ миромъ домой, и смотрите, чтобы пока я живъ, я ничего не слышалъ о вашей ссорѣ“. Съ той поры бывшіе враги примирились и, какъ говоритъ молва, живутъ въ мирѣ и согласіи. Случай этотъ скоро разнесся по епархіи, и въ духовенствѣ вызвалъ удовольствіе и благодарность къ мудрому владыкѣ.

Число непріятностей и ссоръ въ духовенствѣ будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ больше въ немъ будетъ солидарности, а ея-то, къ

сожалѣнію, доселѣ мало замѣчалось въ духовенствѣ. Всего чаще духовенство трудится въ-одиночку. Духовенство дѣйствуетъ единодушно и согласно, но это объясняется единствомъ принциповъ, воспитанія и церковнаго служенія; необходимо чтобы единодушіе это возможно чаще поддерживалось и возгрѣвалось на почвѣ общаго дѣланія. Въ послѣднее время общественная жизнь на Руси значительно оживилась; оживленіе это выражается въ образованіи различныхъ обществъ и кружковъ; оживляется, слава Богу, жизнь и дѣятельность и духовенства, доказательство чему можно видѣть въ открытіи братствъ, религіозно-просвѣтительныхъ кружковъ, миссіонерскихъ сѣздовъ, союзовъ законоучителей. Однако нужно сказать, что такое оживленіе касается главнымъ образомъ городского духовенства; желательно, чтобы эти добрыя начинанія поскорѣе и пошире проникли и въ жизнь сельскаго духовенства.

Говоря объ отсутствіи въ духовенствѣ сельскомъ солидарности священникъ В. Бабура въ ноябрьской книжкѣ „Странника“ совершенно справедливо отмѣчаетъ то значеніе, какое въ данномъ случаѣ могъ-бы занять благочинный. Думаемъ, что отъ благочиннаго въ значительной степени зависитъ оживить жизнь и дѣятельность духовенства своего округа учрежденіемъ сѣзда духовенства по разнымъ вопросамъ пастырской практики. Такіе сѣзды значительно сблизили-бы духовенство между собою, придали-бы оживленіе его жизни и дѣятельности.

Этимъ мы и закончимъ нашу замѣтку. Но въ заключеніе намъ хотѣлось-бы сказать нѣсколько словъ въ предупрежденіе ложнаго толкованія нашей статьи. Могутъ поставить намъ въ упрекъ, почему мы на страницахъ богословскаго журнала, предназначеннаго для чтенія духовенства, затрогиваемъ явленіе, которое ему служить упрекомъ? О духовенствѣ и такъ не мало говорятъ плохого, зачѣмъ же еще добавлять къ этому, набрасывать тѣни на наше сословіе и званіе? На это скажемъ, что сознать свой грѣхъ еще не значитъ набрасывать на себя тѣнь, компрометировать себя. Повторя-

емъ еще разъ, что указаннаго сейчасъ явленія мы не обобщаемъ, не считаемъ его явленіемъ повсюднымъ; а если это явленіе частное, то тѣмъ грустнѣе, что оно даетъ иногда поводъ къ нареканіямъ на *все* духовенство.

Мы были-бы весьма рады, если-бы по затронутому нами вопросу высказались болѣе насъ опытные и свѣдуція лица.

В. П—въ.

Чинъ избранія и рукоположенія архіерейскаго¹⁾.

(ОКОНЧАНИЕ).

Вторымъ знакомъ „архіерейскія чести“ послѣ мантии нужно признать жезлъ²⁾ епископскій (ῥάβδος, πατερίσσα, δικάσιον), вручаемый нынѣ каждому новорукоположенному епископу все-

¹⁾ См. № 15 с. г.

²⁾ Имѣя своимъ прототипомъ простой пастушескій жезлъ или палку (ῥάβδος, βακτηρία), съ которымъ восточные пастухи и доселѣ выгоняютъ свои стада въ поле или въ горы, чтобы, при помощи его, защищать свои стада отъ хищныхъ звѣрей, а, въ случаѣ надобности, и подгонять имъ отстающихъ отъ стада овецъ, жезлъ епископскій принять былъ и въ богослужебную практику христіанской Церкви для нагляднаго выраженія тѣхъ прямыхъ обязанностей епископа, которыя возлагались на него прежде всего и главнымъ образомъ этимъ саномъ, т. е. оберегать отъ духовныхъ волковъ слюзесное стадо (Матѳ. X, 6; Тит. I, 9—11; 2 Тимое. IV, 2). Сообразно съ этимъ, на первыхъ порахъ, и форма епископскаго жезла, и матеріалъ, изъ котораго жезлы приготовлялись, и даже украшенія ихъ были просты и несложны, и напоминали вполнѣ свой первообразъ. (Образчикъ древняго игуменскаго жезла можно видѣть въ Извѣст. русск. археол. инстит. въ Константинополѣ т. IV в. 2 3, 1901, стр. 330 и миньят. II. Древняя форма епископскихъ жезловъ сохраняется и доселѣ въ практикѣ католической церкви). Но такъ какъ обязанности пастыря словеснаго стада болѣе сложны и разнообразны, чѣмъ обыкновеннаго пастыря, то и его жезлъ пастырскій вскорѣ долженъ былъ выразить это наглядно самымъ устройствомъ или формою и его украшеніями. Названіемъ πατερίσσα или πατερίζα давалось указаніе на вѣжныя отеческія отношенія епископа къ вѣренному его попеченію словесному стаду и гуманность его отношеній, а названіемъ δικάσιον—намекалось на его судебныя обязанности, на его власть вязать и рѣшить этихъ пасомыхъ (Іоанн. XX, 21—22). Къ такимъ сложнымъ обязанностямъ отца, руководителя въ жизни и судіи могло быть призвано лицо, лишь умудрен-

народно, на срединѣ храма, послѣ окончанія литургіи. Значеніе этого знака опредѣляется словами, которыя произносятся первенствующимъ архіереемъ новорукоположенному: „Прими жезль, да пасеши ввѣренную тебѣ паству Христову: и послушающимъ убо буди жезль и укрѣпленіе: непослушнымъ же и непокаряющимся ко исправленію, кротости и послушанію направи, да въ должности повиновенія пребудутъ“¹⁾. Нѣсколько полнѣе даетъ объясненіе символическаго значенія жезла блаженный Симеонъ Солунскій. „Жезль, который держитъ епископъ, означаетъ, по словамъ этого экзегета, власть Духа, силу укрѣпляющую и руководящую по отношенію къ

ное житейскимъ опытомъ и не юное по лѣтамъ, а, слѣдовательно, нуждавшееся въ физической опорѣ для скорого и успѣшнаго выполненія своихъ сложныхъ папскихъ обязанностей. Рукоятка или поперечина, положенная на палку, дѣлала весьма удобнымъ для употребленія подобный жезль лицу, нуждающемуся въ этой опорѣ. Такой формы жезлы епископскіе употреблялись долго и на Востокѣ, какъ это видно изъ словъ Симеона Солунскаго (Mign. Patrol. Curs. complet. t. 155, col. 257; Дмитріевскій. Патмоскіе очерки стр. 200 и Δελτίον Α', περιέχον τὰς ἐργασίας τῆς ἐταπρίας χριστ. ἀρχιεπ. ἐν Ἀθῆναις 1892, σελ. 136) и у насъ въ Россіи (Таковъ жезль XIV—XV в., приписываемый Никитѣ, епископу новгородскому (Древн. рос. госуд. отд. I, стр. 158), посохъ, подаренный царемъ Михаиломъ Θεодоровичемъ въ Смоленскій Успенскій соборъ (Тамъ же, стр. 156; см. арх. Савва. Указъ къ патр. Моск. ризницъ стр. 33, табл. X, рис. 49). Стремленіе выразить мудрость, какъ необходимое качество, при выполненіи высокаго архипастырскаго долга, побудило епископовъ въ XVI—XVII в. в. рукоятку епископскаго жезла превратить въ двухъ змій (Матѣ. X, 16), взаимно обращенныхъ другъ къ другу. Такіе епископскіе жезлы употреблялись на Востокѣ (Goag. Εἰχονολογ. pag. 98; А. Дмитріевскій. Патмоскіе очерки, стр. 199—200; Δελτίον Α', περιέχον τὰς ἐργασίας τῆς ἐτ. χρ. ἀρχ. σελ. 136) и перешли въ XVII столѣтіи къ намъ въ русскую церковь (арх. Савва. Указат. къ Москов. патр. ризницѣ стр. 33, табл. X, рис. 50). Что касается матеріала, изъ котораго устроались епископскіе жезлы, то онъ былъ самый разнообразный. Дерево, кость, черепаха, металлы различной цѣнности и достоинства считаются въ одинаковой степени пригодными матеріалами для изготовленія этихъ богослужебныхъ принадлежностей. Какъ церковно-богослужебная принадлежность, посохи украшались драгоценными камнями и другими дорогими матеріалами.

¹⁾ Чинъ избранія и рукоп. архіерейскаго. М. 1885, стр. 69.

народу, возможность руководить и воспитывать непокорныхъ и собирать къ себѣ находящихся вдали (въ отчужденіи),— по этому онъ имѣеть и поперечину вверху, какъ якорь (*λαβὰς ὡς ἀγκύρας ἀνωθεν ἔχει*),—поражать людей дикихъ и вредныхъ, и, наконецъ, онъ знаменуетъ крестъ Христа и трофей, которымъ мы побѣждаемъ и укрѣпляемся, и руководимся, и пасемся, и запечатлѣваемся, воспитываемся и привлекаемся ко Христу, умерщвляя страсти, и прогоняемъ враговъ, и со всѣхъ сторонъ ограждаемся“¹⁾).

Жезль архипастырскій, служившій знакомъ „архіерейскія чести“ и надѣлявшій епископа высокими правами и полномочіями не только въ Церкви, но и въ государствѣ, какъ важнаго государственнаго сановника, вручался въ древности покровителемъ и защитникомъ Церкви—императоромъ, который жезлы раздавалъ не только епископамъ, но и другимъ духовнымъ сановникамъ, пользовавшимся довѣріемъ его: архимандритамъ и игуменамъ, какъ настоятелямъ многочленныхъ и важнѣйшихъ монастырей, а равно протосинкеламъ и другимъ должностнымъ лицамъ²⁾). Въ частности по отношенію къ патріарху константинопольскому издавна до времени Симеона Солунскаго прочно держался обычай—получать пастырскій жезль изъ рукъ императора во дворцѣ съ словами: „Святая Троица и дарованная мнѣ власть царская избираетъ (*προχειρίζεται*) святиню твою патріархомъ Константинополя“, при чемъ царь цѣловалъ руку новоизбраннаго³⁾). Царь, по словамъ Симеона Солунскаго, вручаетъ новому патріарху „и жезль, какъ даръ честнѣйшій и знакъ пастырской власти, даетъ ему собственною рукою, ради чести и большей вѣрности, и чрезъ то показываетъ всѣмъ, что и онъ самъ почитаетъ

¹⁾ Mign. Patrol. Cours. complet. t. 155, col. 257; Писан. отд. и учит. ц., относящ. къ истолков. прав. богосл. т. II, стр. 98.

²⁾ Mign. Patrol. Cours. complet. t. 157, col. 117, 120.

³⁾ А. Дмитриевскій. Описан. литург. рук. т. II *Εὐχολόγια* стр. 629; Conf. Mign. Patrol. Cours. complet. t. 127, col. 117.

сего пастыря, котораго избралъ Богъ“¹⁾. Обычай этотъ перешелъ и въ нашу церковную практику: наши цари также вручали епископскій жезлъ сначала митрополитамъ²⁾, пока они стояли во главѣ русской церкви, а потомъ и патріархамъ³⁾. Такъ какъ епископы и на Востокѣ и у насъ въ Россіи до времени уничтоженія патріаршества находились въ зависимости и полномъ подчиненіи у патріарховъ, то и знакъ своего полномочія въ ввѣряемой имъ епархіи они получали отъ патріарховъ. Съ 1725 года обязанность эта была возложена Св. Синодомъ на первенствующаго при хиротоніи епископа.

Отличіемъ епископскаго жезла отъ жезла архимандритовъ у насъ въ Россіи служить, такъ называемый, *сулогъ или сулокъ*, прикрѣпляемый къ посоху у самой его рукоятки. Покойный епископъ Порфирій Успенскій, производя это названіе отъ греческихъ словъ: σοῦ λόγου, даетъ такое объясненіе этой принадлежности епископскаго жезла: „сулогъ означаетъ пастырскій долгъ его учить пасомыхъ“⁴⁾. Оставляя на отвѣтственности нашего покойнаго востоконвѣда это филологическое производство слова—*сулогъ*, мы должны сказать, что епископы и даже патріархи православнаго Востока своихъ жезловъ не украшаютъ сулогами. Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ патріархъ александрійскій, посохъ котораго украшается сулогомъ⁵⁾, но особенной формы. Сулогъ этотъ состоитъ изъ тонкаго платка, окаймленнаго цвѣточками, перекинутаго черезъ рукоятку змѣвидной формы. И епископъ Порфирій, указывая на эту особенность

¹⁾ Mign. Patrol. Cours. complet t. 155, col. 441; Писан. отд. и учит. ц., относящ. къ истолков. прав. богослуж. т. II, стр. 286—287.

²⁾ А. Дмитріевскій. Богослуж. въ русск. ц. въ XVI в. ч. I, стр. 379.

³⁾ Тамъ же, 379; Σάββα. Βιογραφ. σχεδ. περί τοῦ πατριάρχου Ἱερμίου β', ἐελ. 51—52; Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церкви ч. I, стр. 211; Арх. Савва. Указат. патріарш. Московск. ризницы стр. 34; Христ. Чтен. 1879, № 11—12, стр. 571.

⁴⁾ Востокъ христіанскій. Египетъ и Синай. Указатель видовъ, очерковъ, плановъ и іероглифическихъ и синайскихъ надписей, стр. 1.

⁵⁾ См рисунокъ тамъ же, табл. III.

жезла александрійскаго патріарха, прямо заявляєть, что ея „отличается жезлъ его отъ посоха другихъ святителей“ (т. е. православнаго Востока ¹). Яблоки или шипы составляютъ неотъемлемое второе украшеніе святительскаго посоха.

Упомянаніе въ нашемъ современномъ чинѣ епископской хиротоніи о благословеніи, „со осѣненіемъ руки“ первенствующаго архіерея, рясы архіерейской, камилавки и клобука, перешедшее изъ „чина поставленія архіерейскаго“ патріарха Іоакима 1677/78 года, гдѣ оно впервые появилось, нужно объяснить ничѣмъ инымъ, какъ желаніемъ со стороны этого патріарха, „яко да вся самомнѣнія нѣкихъ и самомышленія престануть и упразднятся, *останеть же точію согласіе и единоміе во всѣхъ*“.²) Внѣбогослужебный костюмъ нашего бѣлаго и чернаго духовенства подвергся нѣкоторымъ преобразованіямъ и измѣненіямъ при патріархѣ Никонѣ. На большомъ московскомъ соборѣ 1667 года повелѣно было: „всѣхъ велико-россійскаго государства архіереевъ и архимандритовъ и прочихъ властей, священномонаховъ и монаховъ носить *камилавки* во образъ, якоже носимъ вселенскія патріархи и вси православніи архіереи и архимандриты, и игумены, и прочіи монахи святыя восточныя церкви, якобы во святой православной Церкви было *единомысліе и согласіе во всемъ*, якоже во священнодѣйствіи и во священныхъ ризахъ и во прочихъ церковныхъ чинѣхъ, *такоже быти согласію и во всякихъ одѣянїяхъ, иже носимъ*. Обаче архіепископи и епископи, и архимандрити и прочіи власти, священномонахи и монахи да носятъ черныя клобуки, а митрополитомъ *снизхожденіемъ извоишхомъ носити* имъ и бѣлыя клобуки, ради нѣ котораго и древняго обычая великороссійскаго государства“³). Что же касается верхняго одѣянія духовныхъ лицъ, т. е. рясы, то на

¹) Тамъ же, стр. 1.

²) Амвросій. Исторія россійской іерархіи ч. I, стр. 326.

³) Проф. Н. И. Субботинъ. Матеріалы для исторіи раскола т. I, ч. II, стр. 232 – 233.

этотъ счетъ соборъ сдѣлалъ постановленіе нерѣшительное и предоставлялъ русскому духовенству свободу выбора греческой рясы или русской. „Благословихомъ убо, пишуть отцы того же собора, яко всякій освященнаго чина и монахи одѣяніе да носятъ, якоже носятъ вси освященнаго чина и монахи святыя восточныя церкви. Обаче *не принуждаемъ, но подражателей ея благословляемъ*. Аще же кто непокорень и не хочетъ такова одѣянія носити, повелѣваемъ, да не укоряетъ носящихъ“¹⁾. Но это снисходительное отношеніе отцовъ собора къ внѣбогослужебному костюму духовенства повело къ спорамъ и нареканіямъ со стороны приверженцевъ старины, вызывало недоумѣнія у принявшихъ совѣтъ въ этомъ отношеніи большого московскаго собора и побудило патріарха Іоакима на московскомъ соборѣ 1674 года издать по этому поводу болѣе рѣшительныя постановленія. „*Камилавъ*, говорится въ актахъ этого собора о патріаршемъ клобукѣ, имѣти аще и бѣловидный изъ яковы либо вещи, по обычаю нашея великороссійскія страны, обаче по образу, яко носятъ патріарси гречестіи (Sic!), точію со нашвеніемъ образа херувимова: паче же пріискрениѣ имѣти нашвенъ образъ креста, егоже должны вѣрніи *цѣловати*: понеже яко глава всѣхъ есть патріархъ, тако крестъ церквѣ и всѣхъ богомудрыхъ глава; и крестомъ паче всего должно есть хвалитися“... „*Камилавъ* (митрополитовъ) бѣловидный безъ всякаго нашвенія“.. „*Камилавъ* (архіепископовъ и епископовъ) чернаго сукна, по образу и устроенію греческихъ архіереевъ, *безъ всякаго прилога и ухищренія и примышленія новомышленнаго*“²⁾. Относительно рясы и другихъ одѣяній, какъ бѣлаго, такъ и чернаго духовенства, находимъ въ постановленіяхъ этого собора, слѣдующее распоряженіе: „одежды же имъ (т. е. бѣлому духовенству) носити по подобію греческихъ монашескихъ рясы, или по обычаю россійскому священническому, точію *не цвѣт-*

¹⁾ Тамъ же, стр. 235.

²⁾ Амвросій. Исторія россійской іерархіи ч. I стр. 329—330, 332, 336.

ныя, но черныя или багряновидныя, *изъ сукна сошвенныя*, и не изъ иныхъ тканей или цвѣтовъ. Такожде и шапки имѣти на главахъ *смирныхъ цвѣтовъ*. Подобнѣ и монахомъ одеждѣ, *кромѣ изъ черныхъ суконъ, яковыхъ либо ушвенныхъ, отъ иныхъ цвѣтовъ и тканей шелковыхъ никакихъ же отнюдъ носити*. И обуци имѣти отъ черныхъ яковыхъ либо кожъ, лазоревыхъ же и зеленыхъ отнюдъ не дерзати носити¹⁾. Для болѣе частаго памятованія о постановленіяхъ этого собора относительно „предзаконій“ епископскаго сана, положенныхъ въ нихъ, патріархъ Іоакимъ приказалъ напечатать эти постановленія въ „Чинovníкъ архіерейскаго священнослуженія“, вышедшемъ въ свѣтъ въ Москвѣ въ 1677 году, и въ „чинъ поставленія архіерейскаго“, исправленный при немъ въ 1677/78 году, включилъ несуществовавшее дотолѣ замѣчаніе о благословеніи рясы, камилавки и клобука²⁾. Этимъ замѣчаніемъ патріархъ Іоакимъ достигалъ того, что епископскія внѣшнія одѣянія въ первый день его хиротоніи должны были во всемъ соотвѣтствовать установленнымъ и принятымъ въ русской церкви правиламъ на этотъ счетъ, такъ сказать, контролировались въ алтарѣ самимъ патріархомъ и дѣлались для новорукоположеннаго епископа образцовыми и на всю его послѣдующую жизнь въ своей епархіи. „Самомнѣнія и самышленія“ на этотъ счетъ прекращались въ самомъ началѣ жизни новаго епископа. Не вполне понятно для насъ остается упоминаніе о „вервицѣ“ или чоткахъ, о которыхъ умалчиваютъ даже и чины постриженій въ иночество³⁾ до XVII столѣтія, но едвали этимъ не хотѣли напомнить новорукоположенному епископу о томъ, что и иноческіе подвиги и обѣты⁴⁾ не снимаются съ него совершенно.

¹⁾ Тамъ же, стр. 344.

²⁾ Ркп. библ. СПб. дух. Акад. № 126, л. 27 об.

³⁾ Арх. Иннокентій. Постриженіе въ монашество. Вильна 1899, стр. 85.

⁴⁾ Въ чинахъ постриженій въ иночество, по Требнику митрополита Петра Могилы, при врученіи „вервицы“ монахамъ малаго и великаго

Вторичное благословеніе новорукоположеннаго епископа *панатією* въ концѣ литургіи въ нашемъ современномъ чинѣ является излишнимъ въ виду того, что панатія нынѣ возлагается на него, при самой хиротоніи, съ возглашеніемъ: „Аксиосъ“, но оно сохраняетъ свое настоящее мѣсто въ чинѣ, какъ остатокъ древности, когда „икона“ возлагалась на епископа только лишь въ концѣ литургіи ¹⁾. Въ древнихъ нашихъ сѣверно-русскихъ чинахъ, впрочемъ, не говорится о возложеніи „иконы“, „со осѣненіемъ руки“ первенствующаго архіерея, а ее возлагалъ на новорукоположеннаго епископа „келейникъ митрополичъ“. ²⁾ Въ южно-русскомъ же чинѣ архіерейской хиротоніи XVII столѣтія, хотя и говорится о возложеніи на епископа „златаго креста съ вериги златыми“, при самой хиротоніи, однакоже, и въ концѣ литургіи дѣлается вторичное упоминаніе о возложеніи „златаго креста“, но уже безъ всякаго благословенія первенствующимъ архіереемъ. „Поющимъ пѣвцемъ стихъ или псаломъ пѣкій *веселій*, читаемъ мы въ этомъ послѣднемъ чинѣ, *оболкжеса въ рясу обычную свою и возьмъ, нося крестъ златый и камилавку на главу, чететь молитвы обычныя по божественнѣй литургіи, сидя на своемъ сѣдалищи*“ ³⁾.

Послѣ одѣянія въ одежды, присвоенныя епископскому сану, и послѣ врученія первенствующимъ архіереемъ новопоставленному епископу жезла, съ приличнымъ случаю наставленіемъ, послѣдній восходитъ на кафедру и благословляетъ

образовъ, произносится постригающимъ слѣдующія слова: „Прими, брате, имарекъ, *мечъ духовный*, иже есть глаголь Божій, во всегдашней молитвѣ Иисусовой: всегда бо имя Господа Иисуса во умѣ, въ сердцѣ, въ мысли и во устѣхъ своихъ имѣти долженъ еси, глаголя присно: Господи Иисусе Христе Сыне Божій. помилуй мя грѣшнаго (въ чинѣ великой схимы прибавлено: „и виждь, яко отселѣ всегда безпрестани Слово Божіе въ молитвѣ, во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣсняхъ духовныхъ, во устѣхъ своихъ имѣти долженъ еси: слово же гнилое да не изыдетъ изъ устъ твоихъ, во имя Отца и Сына, и Святаго Духа): рцемъ вси о немъ: Господи помилуй“. Чинъ на одѣяніе рясы и камилавки и др. Кіевъ, 18 '5 г. (перепечатка изъ Третьяка Петра Могилы) л. 9 об., 24.

¹⁾ Русск. истор. библ. т. VI, ст. 562.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Ркп. библ. Кіево-Соф. собора № 77 л. 70 об.

отсюда народъ на всѣ четыре стороны, при пѣніи: „Κίς πολλὰ ἔτη, δέσποτα“, а потомъ благословляетъ всѣхъ молящихся въ храмѣ съ цѣлованіемъ руки, направляясь, въ сопровожденіи клириковъ, къ выходу изъ храма. „Народъ, равно какъ и священники, приступая цѣлуютъ руку рукоположеннаго и получаютъ благословеніе, притекая съ вѣрою, пишетъ Симеонъ Солунскій, потому что новорукоположенный весь очищенъ и просвѣщенъ, и отъ новопосвященнаго благодать изливается обильнѣе на приѣмлющихъ ее свыше. Въ это время онъ можетъ безпрепятственно давать благословеніе, хотя бы поставленъ былъ въ епископа другого города: ибо онъ имѣетъ и это дозволеніе, какъ недавно рукоположенный“¹⁾).

Проф. А. Дмитріевскій.

¹⁾ Mign. Patrol. Curs. complet. t. 155 col. 429; Пис. отц. и учит. ц., относящ. къ истока. прав. богослуж. т. II, стр. 276—277.

Поучительная резолюція.

На постановлені Тамбовскаго Епархіального съѣзда относительно выдачи вознагражденія командированному съ миссіонерскою цѣлью въ епархію преподавателю семинаріи г. Ч. послѣдовала отъ 2 февраля 1903 г. слѣдующая резолюція мѣстнаго Преосвященнаго: „Указомъ Св. Синода, отъ 15 декабря 1900 года № 14, выдача епархіальныхъ средствъ на поѣздки семинарскихъ наставниковъ исторіи и обличеніи раскола и сектъ „предоставлена усмотрѣнію епархіальной власти, но подъ условіемъ, чтобы средства эти предоставлялись упомянутымъ наставникамъ лишь въ томъ случаѣ, когда поѣздки въ села и станицы для ознакомленія съ мѣстнымъ расколомъ и сектами предпринимаются ими по порученію епархіальной власти“. Къ сожалѣнію, мнѣ не изъ чего усмотрѣть, приносятъ ли какую либо пользу дѣлу ознакомленія и борьбы съ расколомъ и сектами поѣздки на епархіальный счетъ преподавателя исторіи и обличенія раскола и сектъ Ч. Въ истекшемъ году г. Ч. не представилъ мнѣ никакого отчета, ни малѣйшихъ свѣдѣній о совершенной имъ на епархіальный счетъ каникулярной поѣздкѣ съ цѣлью ознакомленія по мѣстамъ съ расколомъ и сектами. И это—не-

¹⁾ Mign. Patrol. Cours. complet. t. 155 col. 429; Пис. отц. и учит. ц., относящ. къ истока. прав. богослуж. т. II, стр. 276—277.

смотря на то, что и предъ отъѣздомъ г. Ч. я предупредаль его, что о поѣздкѣ на казенный (епархіальный) счетъ онъ долженъ представить мнѣ отчетъ, и по возвращеніи его съ поѣздки два раза напоминалъ ему объ отчетѣ. Я не признаю отчетомъ коротенькое сообщеніе епархіальному съѣзду чрезъ Правленіе семинаріи, что преподаватель Ч. посѣтилъ Разказово для ознакомленія съ субботниками-шапошниками, Рыбное для ознакомленія съ современнымъ состояніемъ мѣстной молоканской секты и Старотомниково для ознакомленія съ мѣстнымъ штундо-баптизмомъ, — и что имъ ведены были частыя бесѣды по разнымъ вопросамъ, почему либо особенно интересовавшимъ мѣстное духовенство или мѣстныхъ сектантовъ. И только! Даже не сказано, какіе это были разные вопросы, и въ чемъ состояла сущность этихъ частныхъ бесѣд!

Въ виду не представленія мнѣ преподавателемъ Ч. никакихъ свѣдѣній о его прошлогодней каникулярной поѣздкѣ на епархіальный счетъ, я не могу поручить ему предпринять въ свободное отъ учебныхъ занятій время поѣздки на епархіальный счетъ въ наступившемъ году. Предположенную епархіальнымъ съѣздомъ ассигновку на такія поѣздки въ 1903 году отмѣняю. Двѣсти рублей зачислить въ остатокъ.

На будущее же время, для надлежащаго исполненія вышеупомянутаго указа Святѣйшаго Синода, епархіальный съѣздъ будетъ обсуждать вопросъ объ ассигновкѣ на поѣздки преподавателя исторіи и обличенія раскола сектъ на основаніи надлежаще мотивированнаго проекта поѣздки, который своевременно, вмѣстѣ съ отчетомъ о предыдущихъ поѣздкахъ (или поѣздкѣ), будетъ представляемъ преподавателемъ исторіи и сектъ въ Правленіе семинаріи, а Правленіемъ семинаріи, по разсмотрѣніи того и другого Епархіальнымъ Начальствомъ, будетъ вносимъ обычнымъ порядкомъ (съ своевременнымъ занесеніемъ въ перечень вопросовъ) въ съѣздъ“.

Редакторъ, Ректоръ Киев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Киев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Киевъ, 21 апрѣля 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академін, прот. *І. Корольковъ.*

Киевъ Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLIV.

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 17.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1903 года, апрѣля 27-го.

Содержаніе: Митрополитъ Кіевскій Теогностъ, какъ учитель христіанской жизни. — Высшая іерархія галицко-русской церкви и базилиане (окончаніе). — Кремень — мужикъ (разсказъ). — Со ступеней амвона (изъ п. актики церковнаго учительства).

Митрополитъ Кіевскій Теогностъ, какъ учитель христіанской жизни.

„Тамъ нѣтъ истинной любви, гдѣ нѣтъ смиренія; тамъ нѣтъ терпѣливаго состраданія къ людямъ, гдѣ нѣтъ подвига внутренней борьбы съ своими недостатками и страстями; тамъ не можетъ быть утѣшенія страдальцамъ, гдѣ нѣтъ покорнаго несенія собственнаго креста, и только тамъ возможно служеніе общественной пользѣ, гдѣ есть благоговѣйное преклоненіе предъ собственнымъ нравственнымъ долгомъ“; — такъ говорилъ при гробѣ почившаго кіевскаго владыки митрополита Теогноста преосв. волынскій Антопій. Свѣтлыми чертами изображаетъ преосвященный ораторъ „чистую и цѣломудренную душу“ святителя кіевскаго Теогноста и представляетъ его нравственный образъ, какъ воплощеніе христіанской любви къ ближнимъ, строгости къ себѣ, смиренномудрія и самоотверженія. Съ такою

характеристикою усоншаго владыки Теогноста согласится всякій, кто лично обращался съ нимъ и близко знакомился съ его привлекательною личностью. Печать искренней, сердечной, христіанской, чистой любви къ людямъ лежала даже на ви́шнемъ образѣ покойнаго архипастыря. Хорошая ласкающая улыбка никогда, кажется, не сходила съ кроткаго, незлобиваго лица владыки и неотразимо влекла къ нему. Въ этомъ открытомъ, ободряющемъ взглядѣ, обращенномъ на собесѣдника, и въ привѣгливыхъ словахъ, какими владыка умѣлъ дарить всякаго, явственно чувствовалось, что предстонишь не строгому начальнику, взыскивающему съ подчиненнаго за неисполненіе обязанностей и за нарушеніе предписаній закона, но доброму отцу, который любовью устраняетъ въ дѣтяхъ поводъ къ лѣности и небрежности и побуждаетъ ихъ исполнять долгъ свой *не за интѣрь, но за совѣсть*. Великая сила любви жила въ этомъ немощномъ и слабомъ старцѣ и заставляла его тѣло быть послушнымъ орудіемъ бодратаго духа. Благо пасомыхъ прежде всего: вотъ правило житейской мудрости святаго Теогноста, и владыка достигалъ его съ неумолимою къ себѣ строгостью. Можно сказать, что онъ вѣчно работалъ и въ этой работѣ никогда не зналъ для себя отдыха. Даже въ Кіевѣ, куда онъ прибылъ изможденнымъ долгодѣтними архипастырскими трудами, онъ не позволялъ себѣ покоя. Да по свойству своей дѣятельной натуры, привыкшей къ труду, онъ и *не могъ* дать себѣ покоя. Его постоянно мучили заботы объ епархіальныхъ дѣлахъ, и онъ работалъ надъ ними безъ конца, не обращая вниманія на частыя приступы смертельной уже болѣзни. Такъ любилъ свое архипастырское дѣло святи- тель Теогностъ, такъ всецѣло онъ былъ преданъ ему, такъ близко было его доброму сердцу попеченіе о благѣ пасомыхъ.

Горячая любовь къ людямъ, безъ сомнѣнія, составляла природное качество души почившаго владыки Теогноста. Всегда, насколько извѣстно, въ дни ли юности, въ лѣта ли зрѣлаго возраста или на склонѣ жизни,—онъ былъ въ этомъ отношеніи одинаковъ. Но той полноты и чистоты христіанской

любви къ людямъ, какими отличался приснопамятный святи-
тель, онъ, безъ сомнѣнія, достигъ не сразу, а постепенно, путемъ
трудной работы надъ собою, надъ нравственнымъ усовершен-
ствованіемъ своего духа. Свидѣтельствомъ духовной жизни,
которою такъ широко жилъ владыка Теогностъ, служатъ, между
прочимъ, его слова и поученія, говоренныя имъ съ церков-
ной кафедры, гдѣ со всею подробностью владыка представ-
ляетъ слушателямъ внутренній міръ души, борющейся съ грѣ-
хомъ и этою тяжелою борьбою достигающей своего усовер-
шенствованія и спасенія. Вчитываясь въ эти назидательныя
страницы духовной жизни, начертанныя владыкою, видишь, какъ
глубоко покоились въ его сердцѣ истины христіанской вѣры,
какъ горячо было у него желаніе осуществить въ жизни
нравственный христіанскій идеалъ, какъ больно отзывалось
въ его душѣ чувство и сознаніе грѣховности и виновности
предъ Богомъ и какъ тверда была вѣра въ небесную помощь,
которая подается христіанину, лишь только онъ начинаетъ
жить по заповѣдямъ Христа. Искренность и особенная задушев-
ность тона, которыми дышатъ проповѣди высокопр. Теогноста,
а также удивительная простота и общедоступность при изло-
женіи возвышеннаго христіанскаго ученія, — свидѣтельство
того, что проповѣдникъ самъ глубоко проникся ученіемъ
Христа и сжился съ нимъ,—властно подчиняють себѣ слу-
шателя и заставляютъ его внимательно взглянуть на себя,
углубиться въ свою душу, опредѣлить ея грѣховныя язвы и
позаботиться объ ихъ уврачеваніи.

Думаемъ, что читатели нашего журнала не посѣтуютъ
на насъ, если мы предложимъ ихъ вниманію, хотя въ общихъ
чертахъ, основные пункты проповѣди въ Бозѣ почившаго
кіевского владыки митрополита Теогноста и тѣмъ почтимъ
память чистаго сердцемъ архипастыря, весь вѣкъ неустанно
трудившагося для св. православной Церкви ¹⁾).

¹⁾ Пользуемся проповѣдями высокопресв. Теогноста, отпечатан-
ными во Владимірскихъ епарх. Вѣдомостяхъ за 1880 и 1881 г.г. и соста-
вившими сборникъ подъ заглавіемъ: Слова преосвященнѣйшаго Теогноста,
епископа Владимірскаго и Суздальскаго. Владимірь. 1881.

Мы носимъ званіе христіанъ, поучаетъ святитель Θεогность. Это званіе соединено съ весьма высокими правами и преимуществами. Христіане суть члены св. Церкви. Ко всѣмъ ея священнодѣйствіямъ и таинствамъ открытъ имъ доступъ. Надъ ними всегда простертъ покровъ сильныхъ и дѣйственныхъ молитвъ св. Церкви. Этого мало: христіане суть чада Бога Сына, храмы Бога Духа Святаго. Всѣ дары Божественной благодати, *вся силы, яже* къ животу и благочестію (2 Петр. I, 3), готовы излиться на нихъ (Нед. по Воздв.). Но не смотря на высокія права и преимущества, которыми владѣетъ христіанинъ, онъ здѣсь, на землѣ, только странникъ и пришелецъ. Здѣсь, на землѣ, онъ не имѣетъ пребывающаго града. Для него готовится иной градъ—на небѣ, въ царствѣ Христовомъ, гдѣ онъ будетъ блаженствовать вмѣстѣ со Христомъ, наградившимъ его высокимъ званіемъ христіанина. Это блаженное будущее, ожидающее послѣдователя Христа, опредѣляетъ цѣль его кратковременной жизни на землѣ и даетъ ей смыслъ подготовленія къ жизни вѣчной на небѣ. „На землѣ мы живемъ только на короткое время“, при томъ, живемъ для того только, „чтобы приготовить, воспитать себя для вѣчно блаженной жизни, чтобы пріобрѣсти право на наслажденіе царствія небеснаго“ (При освящ. ц. въ с. Тучковѣ, с. 88). Спасеніе—вотъ предметъ всѣхъ помысловъ и дѣяній христіанина. Но заботясь о своемъ спасеніи, христіанинъ не отвергаетъ и дѣйствительной жизни, какъ она течетъ, управляемая незримою рукою Промысла Божія; христіанинъ не презираетъ ея, не гнушается ею и не считаетъ препятствіемъ для пріобрѣтенія иной жизни, въ царствѣ небесномъ. Напротивъ, ею христіанинъ благоразумно пользуется для того, чтобы чрезъ нее содѣлать свое спасеніе. „Обратимъ благоговѣйный взоръ на сонмъ угодниковъ Божіихъ—многочисленный, какъ звѣзды небесныя“, поучаетъ владыка. „Между ними есть цари, князья, вельможи, военачальники, отцы и матери семействъ. Изъ званій и состояній ихъ видно, что у нихъ во время земной жизни было весьма много житейскихъ заня-

тій. А однакожь, эти занятія не мѣшали имъ совершать разные подвиги благочестія и угождать Господу... Въ сонмѣ угодниковъ Божіихъ мы имѣемъ цѣлый облакъ свидѣтелей того, что житейскія дѣла не могутъ препятствовать дѣлу спасенія.

„Царствіе Божіе внутрь васъ есть (Лук. XVII, 21), говоритъ Господь. Святилище, въ которомъ благодатію Божіею и нашею свободою совершается наше спасеніе, есть душа наша. Существенныя условія нашего спасенія, главные, такъ сказать, столпы зданія спасенія, это—внутреннія христіанскія добродѣтели—вѣра, любовь къ Богу и ближнимъ, страхъ Божій, чистота сердца, смиреніе, кротость, терпѣніе. Безъ этихъ внутреннихъ добродѣтелей внѣшніе подвиги благочестія не могутъ имѣть надлежащей цѣли и значенія. Кто-же можетъ утверждать, чтобы дѣла, требуемая нашимъ званіемъ и состояніемъ, мѣшали намъ имѣть вѣру, быть исполненными любви къ Богу и ближнимъ, богобоязненными, смиренными, кроткими, чистыми по сердцу? Какъ житейскія дѣла не мѣшаютъ намъ мыслить, чувствовать и желать; такъ они не могутъ препятствовать намъ питать и сохранять въ душѣ благочестивыя христіанскія расположенія“ (Нед. св. Праотцевъ, с. 45—46).

Итакъ, *въ душѣ* христіанина совершается спасеніе. Душу онъ долженъ уготовать въ храмъ св. Духа, ее онъ долженъ представить на судъ безсмертному Царю, Который опредѣлитъ ея участь въ загробной жизни, сообразно съ ея достоинствомъ. Поэтому, на усовершенствованіе души христіанинъ долженъ прежде всего обратить свое вниманіе. Надъ этимъ надо подумать всѣмъ намъ раньше, чѣмъ составлять проекты улучшенія и переустройства формъ общественной и частной жизни, каковыми проектами такъ богато наше время. „Прежде, чѣмъ разсуждать объ улучшеніяхъ въ жизни общественной и частной, всѣмъ слѣдуетъ,“ внушаетъ владыка Θεогность, „подумать объ улучшеніи самихъ себя, объ улучшеніи нравственной своей жизни“ (Нед. вс. св. с. 78). Высока будетъ

наша нравственность, хорошо потечетъ у насъ и внѣшняя жизнь...

Внимательный взглядъ на человѣческую душу показываетъ присутствіе въ ней качествъ и свойствъ какъ добрыхъ, такъ и дурныхъ. Тѣ и другія составляютъ ея естественное содержаніе. Конечно, усовершенствованіе души и приготовленіе ея для царства Божія должно состоять въ искорененіи дурного и развитіи добраго. Первое требованіе въ дѣлѣ самоусовершенствованія и необходимое условіе, обезпечивающее его успѣхъ,—это *вниманіе* къ себѣ, къ своей духовной жизни. Какъ, однако, часто мы страдаемъ отсутствіемъ вниманія къ себѣ и бываемъ разсѣяны тамъ, гдѣ особенно требуется внимательность! Мы вообще рѣдко принимаемся за трудъ самоиспытанія, а когда принимаемся, то не легко составляемъ безпристрастный взглядъ на себя. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ усилій, какой борьбы съ успокаивающимъ голосомъ самолюбія, стоятъ человѣку опредѣленія своего нравственнаго состоянія и признаніе своей грѣховности! „Привязанные къ міру, постоянно развлекаемые впечатлѣніями его, преданные всецѣло заботамъ и дѣламъ житейскимъ, мы не вникаемъ въ самихъ себя, не слѣдимъ и не наблюдаемъ за нашими мыслями, словами и дѣлами, не сознаемъ отступленій отъ закона Божія и грѣхопаденій нашихъ. Самолюбіе наше обыкновенно шепчетъ намъ, что мы не хуже другихъ людей и силится разными способами извинить, оправдать наши грѣховныя дѣла“ (Нед. предъ просвѣщ., с. 53). Между тѣмъ, надо непремѣнно познать грѣхъ, чтобы умѣть освободиться отъ него.

Грѣхъ — такое ужасное зло, больше котораго нѣтъ ничего въ мірѣ. „Въ грѣхѣ заключается начало всѣхъ бѣдствій, тяготящихся надъ человѣчествомъ, отъ него родились болѣзни. Черезъ него *смерть во вся челоѣвки вниде* (Римл. III, 12). Онъ удаляетъ насъ отъ Господа, лишаетъ насъ Его благодати и милостей, подвергаетъ насъ гнѣву Божію, вѣчному осужденію, вѣчной мучительнѣйшей смерти“ (Нед. сыроп., с. 13). „Грѣхъ это постоянный и неотступный врагъ нашъ. Онъ по-

стоянно находится при насъ, каждую минуту старается побѣдить, плѣвить насъ и сдѣлать своими покорными рабами“ (3 нед. в. н. с. 21). Есть, однако, люди, которые не обращаютъ никакого вниманія на свое грѣховное состояніе, безстрашно предаются грѣхамъ и коснѣютъ въ нихъ. Это люди или чуждые св. вѣры, насажденной на землѣ Іисусомъ Христомъ и хранимой св. Церковью, или холодные къ ней. „Добрый, вѣрующій, ревнующій о своемъ спасеніи христіанинъ, очевидно, не можетъ и не долженъ относиться такъ къ грѣхамъ своимъ“. Подобно апостолу Павлу, каждый, чтобы достойно носить званіе христіанина, долженъ искоренять и умертвлять въ себѣ всѣ грѣховныя помысленія, чувствованія, желанія, привязанности, похоти и страсти (Нед. по Воздв., с. 28). Правда, христіанинъ, вслѣдствіе своей поврежденной грѣхомъ природы, не можетъ не согрѣшать; но онъ долженъ очищать себя отъ содѣланныхъ грѣховъ сознаніемъ ихъ и искреннимъ сокрушеніемъ. „На пути спасенія, отъ искушеній и соблазновъ, христіанинъ падаетъ, но онъ долженъ немедленно *возставать* отъ своего паденія, т. е. напрягать свои силы—силы вѣры, разума и воли, укрѣпляемая благодатію, чтобы избѣгать грѣховъ и вмѣсто нихъ украшать себя добродѣтелями“ (Нед. предъ Пров., с. 50).

Какія же главныя причины неуспѣха въ борьбѣ съ грѣхомъ? — Наша разсѣянность, наша склонность извинять себя и наше самолюбіе: вотъ главныя причины, которыя оставляютъ насъ погрязать въ грѣхѣ. „Мы живемъ больше внѣ самихъ себя, нежели въ себѣ, т. е. постоянно занимаемся предметами и дѣлами, внѣ души нашей находящимися,—думаемъ: то о средствахъ жизни, то о дѣлахъ службы, то о хозяйствѣ, то о дѣлахъ ближнихъ, то объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ. Во внутренній же міръ нашъ,—въ душу нашу,—мы почти не заглядываемъ, не пересматриваемъ, не обсуживаемъ ея мыслей, чувствъ, желаній и расположеній, даже и не наблюдаемъ за ними“ (Нед. по Воздв. с. 28). Есть среди насъ и такіе, даже, повидимому, усердные къ вѣрѣ, христіане, ко-

торые „поставляютъ все дѣло преуспѣянія въ христіанствѣ только въ томъ, чтобы исполнять болѣе общія и внѣшнія требованія христіанства, напрямѣръ: ходить въ церковь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, молиться дома утромъ и вечеромъ, и не дѣлать какихъ либо явныхъ тяжкихъ грѣховъ, и между тѣмъ нисколько не заботятся о чистотѣ своей души, питаютъ въ себѣ нечистыя мысли, чувства, желанія и привязанности и свободно предаются своимъ грѣховнымъ наклонностямъ. Есть нынѣ и не мало такихъ людей, которые, замѣчая въ себѣ какія либо добрыя природныя свойства, напр.: мягкость сердца, скромность, трудолюбіе, услаждаются ими, и считаютъ себя далеко лучшими, чѣмъ другіе, хотя бы они нисколько не трудились надъ развитіемъ своихъ добрыхъ природныхъ свойствъ и хотя бы въ глубинѣ ихъ души скрывались нечистыя, грѣховныя привязанности, похоти и страсти. Всѣ подобныя люди не могутъ быть признаны истинными и достойными христіанами“. (Нед. по Воздв., с. 26—27).

Истинный христіанинъ долженъ какъ можно чаще углубляться въ себя и немедленно, какъ только замѣтитъ, подавлять и искоренять въ себѣ все, что привходитъ въ душу, или возникаетъ въ ней, нечистаго и грѣховаго, „искоренять—какъ собственнымъ твердымъ произволеніемъ, такъ и мечемъ слова Божія и вѣщаній святой вѣры нашей“. Въ противномъ случаѣ, душа его покроется такими терніями грѣховъ, сквозь которые не проникнуть въ нее „лучи солнца правды—Христа Бога нашего“ и „тьма грѣховная болѣе и болѣе станетъ ослѣплять ее“! „Тогда грѣховныя желанія и расположенія наши станутъ казаться намъ естественными и законными, заповѣди же Божіи, напр. о смиреніи, о самоотверженіи, будутъ представляться намъ неудобноисполнимыми, даже странными; тогда мы всѣмъ существомъ нашимъ погрузимся въ чувственность, такъ что небесное и духовное какъ бы не будетъ и существовать для насъ“ (с. 29). Труднѣе всего человѣку бороться съ *самолюбіемъ*. Полученное въ наслѣдіе отъ падшаго прародителя самолюбіе такъ глубоко вкоренилось

въ человѣческую природу, что много и долго нужно работать человѣку надъ собою, чтобы освободиться отъ самолюбія и стать выше его влеченій. А какое несчастіе самому человѣку и окружающимъ его приносить самолюбіе! Раздражаясь отъ разныхъ причинъ, оно возбуждаетъ въ человѣкѣ гнѣвъ, ненависть, злобу и мстительность. „Увлекаемые раздраженнымъ самолюбіемъ и возбуждаемыми имъ страстями, люди весьма часто наносятъ другъ другу оскорбленія и обиды. И никакія преимущества, никакія достоинства, никакія заслуги не могутъ предохранить людей отъ оскорбленій и обидъ со стороны ближнихъ“ (Нед. сыроп., с. 13). Вся человѣческая жизнь что такое, какъ не море, постоянно волнуемое взаимными оскорбленіями и обидами людей?!. Побѣда надъ собою, надъ своимъ самолюбіемъ и страстями, труднѣе, чѣмъ побѣда надъ внѣшними врагами. „Были на землѣ такіе люди, которые быстро побѣждали громадныя непріятельскія арміи и которые, однакожъ, не могли овладѣть собственными страстями, а были покорными ихъ рабами“. Какаѣ же высокая честь должна принадлежать тѣмъ, кто сумѣлъ побѣдить въ себѣ грѣховное самолюбіе и научился прощать наносимыя ему обиды! Какое величіе духа у нихъ! Кого, какъ не ихъ, надо назвать *великодушными!*

Наряду съ самолюбіемъ стоитъ *самомиѣніе*. Оно причиняетъ громадныя вредъ человѣку тѣмъ, что или совсѣмъ задерживаетъ его духовное развитіе, или направляетъ его въ ложную сторону. Однако, не всѣ, даже образованные воспитатели молодого поколѣнія, сознаютъ вредъ отъ самомиѣнія. „Нынѣ, между правилами житейской мудрости, внушаютъ, что человѣку надо сознавать свое достоинство, надобно уважать себя, надобно имѣть благородную гордость“. Но какъ это несправедливо и какъ пагубно для вѣры и благочестія! Правиль житейской мудрости, пожалуй, полезно держаться въ житейскомъ быту, при достиженіи самолюбивыхъ и честолюбивыхъ цѣлей, но истинный христіанинъ разъ навсегда долженъ осудить и отвергнуть эти недостойныя его цѣли...

Особенно часто люди прельщаются своимъ умомъ. Конечно, умъ—великая сила души. Онъ—*свѣтильникъ* нашъ. Но не надо забывать, что умъ нашъ поврежденъ грѣхомъ и что онъ слабъ и ограниченъ; онъ достигаетъ болѣе или менѣе твердыхъ и несомнѣнныхъ познаній не иначе, какъ путемъ долгаго предварительнаго образованія, путемъ утомительныхъ размышленій, соображеній и изысканій. Прельщеніе умомъ въ предметахъ вѣры,—тамъ, гдѣ человеку преимущественно надо илѣнять себя въ послушаніе вѣрѣ, какъ произведенію Ума высочайшаго и всесовершеннѣйшаго, и ученію Церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины,—ведетъ къ тому, что люди, гордые умомъ и своими знаніями, начинаютъ разсуждать объ истинахъ христіанской вѣры не по ученію Христа и не по разуму Церкви, хранительницы Христова ученья, а по собственнымъ соображеніямъ и убѣжденіямъ; отъ этого они впадаютъ въ заблужденія, составляютъ странные и превратные взгляды на религію и распространяютъ ихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что громадное большинство нынѣшнихъ вольнодумцевъ „возникло и образовалось именно подъ вліяніемъ самомнѣнія, надменности своими познаніями, преувеличеннаго понятія о своихъ убѣжденіяхъ. Самъ Господь, по непреложному Его слову (Мѡ. XI, 25), отъ тѣхъ людей, которые считаютъ себя премудрыми и разумными и гордятся своимъ умомъ и познаніями, скрываетъ свою премудрость, т. е. откровеніе о Немъ, о дѣлахъ Его и объ отношеніяхъ Его къ міру, и даруетъ силу уразумѣвать эту премудрость младенцамъ, т. е. тѣмъ, которые, сознавая ограниченность и слабость своего ума послушны ученію Иисуса Христа и Его Церкви, какъ младенцы послушны бывають своимъ родителямъ“ (Нед. 19 по Пятид., с. 40). Чтобы вести борьбу съ грѣхами, овладѣвшими душой, и одерживать побѣду въ этой борьбѣ, христіанину необходимо прибѣгать къ нѣкоторымъ особеннымъ подвигамъ, каковы: усиленная молитва, бодрствованіе надъ помыслами и желаніями, постъ, уклоненіе отъ суетныхъ удовольствій и увлеченій. Кто возстаетъ противъ необходимости

и спасительности этих подвиговъ, пусть вспомнить о воинахъ, которые во время войны съ непріателемъ всегда должны бывать терпѣть разныя лишнія и нести особенные, чрезвычайныя труды (3 пед. в. и, с. 21—22). Какъ безъ нихъ нельзя побѣдить непріателя, такъ безъ подвиговъ религіозныхъ нельзя побѣдить грѣха, гнѣздящагося въ человѣческой душѣ.

Н. Пальмовъ.

(Окончаніе будетъ).

Высшая іерархія галицко-русской церкви и базиліане ¹⁾.

Кромѣ митрополита Львовскаго, за отсутствіемъ Станиславовскаго епископа, въ галицко-русской церкви имѣется на лицо еще только одинъ епископъ—Перемышльскій, каковымъ въ настоящее время состоитъ „преосвященный и всесвѣтлѣйшій киръ Константинъ Чеховичъ, Божіею милостію и святаго апостольскаго престола благословеніемъ, епископъ Перемышльскій, Самборскій и Саноцкій, прелатъ домовый и ассиссентъ папскаго престола, рыцарь большого креста ордена св. Гроба во Іерусалимѣ и ордена желѣзной короны п. кл, графъ римскій, членъ общества римскихъ адвокатовъ св. Петра и членъ сейма королевствъ Галиціи и Володимеріи съ великимъ княжествомъ Краковскимъ“. Онъ изъ вдовыхъ приходскихъ священниковъ (род. въ 1847 г.) и въ должности епископа состоитъ съ 1897 г. Епископъ Перемышльскій такъ же, какъ и митрополитъ Андрей Шептицкій, пользуется популярностію среди своей паствы. Онъ отличается особенною доступностію и простотою отношеній къ духовенству. Въ противоположность митрополиту, онъ сочувствуетъ украинофильской партіи, которая захватила въ свои руки и хозяйничаетъ въ женскомъ пансіонѣ, находящемся въ Перемышлѣ и до послѣдняго времени служившемъ почти единственнымъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ

¹⁾ См. № 14 за 1903 годъ.

воспитывались преимущественно дочери галицко-русского духовенства.

При Львовскомъ митрополитѣ и Перемышльскомъ епископѣ должны бы быть викарные епископы въ званіи суффрагановъ. Но ихъ въ дѣйствительности нѣтъ. Австрійское правительство, по соглашенію съ римскою куріею, очевидно, оставляетъ эти должности незамѣщенными, при чемъ свѣтское правительство, вѣроятно, не желаетъ тратиться на содержаніе суффрагановъ, а римская курія, вѣроятно, никакъ не можетъ отрѣшиться отъ традиціоннаго пренебрежительнаго отношенія къ галицко-русской униатской церкви, на которую она смотритъ, какъ на падчерицу, и которую ни за что не хочетъ сравнивать во всемъ съ римско-католическою церковью (известно, что и Львовскій архиепископъ и Перемышльскій бискупъ римско-католическіе имѣютъ своихъ суффрагановъ).

При каждомъ епархіальномъ архіереѣ въ галицко-русской церкви существуютъ капитулы, прототипомъ которыхъ служатъ древне-русскіе „крылосы“ и наше древне-русское каѳедральное духовенство. Члены каѳедральныхъ капитулъ помогаютъ своему архіерею своимъ соучастіемъ съ нимъ въ богослуженіи и въ управленіи епархіею, ибо почти всегда бываетъ такъ, что члены капитулы состоятъ и „референтами“ (членами) епархіальныхъ консисторій. Кромѣ консисторій, въ каждой епархіи, при архіереѣ состоятъ еще слѣдующія епархіальныя учрежденія: судъ церковный (по дѣламъ брачнымъ особо и по дѣламъ спорнымъ и о наказаніяхъ особымъ), комиссія по управленію фондомъ вдовъ и сиротъ священническихъ (предсѣдателемъ суда и комиссіи состоитъ обыкновенно епархіальный архіерей); экзаменаціонная и цензурная комиссіи, состоящія обыкновенно подъ предсѣдательствомъ почетныхъ крылошанъ.

Кромѣ того, въ качествѣ другихъ вспомогательныхъ органовъ епархіальнаго управленія являются деканы и вице-деканы. Львовская епархія раздѣляется на 30 деканатовъ, Перемышльская—на 40 и Станиславовская епархія—на 21 декан.

Церквей и священниковъ числится: 1) во *Львовской епархіи* при населеніи (греко-католическомъ) въ 1.081.327 душъ, церквей матерныхъ — 751, дочерныхъ — 496, каплицъ—28, приходовъ съ сотrudничествами—859, съ душпастырствами—753 (по шематизму на 1900 г.); 2) въ *Перемышльской епархіи*, при населеніи (греко-католическомъ) въ 1,014,587 душъ, церквей матерныхъ — 712, дочерныхъ — 572, священниковъ, на дѣйствительной службѣ состоящихъ, 864 (изъ нихъ женатыхъ 654, вдовыхъ 200 и безженныхъ—37); приходовъ 687, сотrudничествъ самостоятельныхъ—25, сотrudничествъ т. н. систематизированныхъ 51 и платныхъ изъ суммъ „религійнаго“ фонда—48 (по шематизму 1902 года); и 3) въ *Станиславовской епархіи*, при населеніи (греко-католическомъ) въ 867.010 душъ, 763 церкви (изъ нихъ 35 часовень), 534 священника, 433 прихода (по шематизму на 1901 г.).

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о монашествующемъ духовенствѣ въ Галиціи.

Всѣхъ монастырей въ галицко-русской церкви теперь числится всего 25, изъ коихъ во *Львовской епархіи* 7 (5 муж. и 2 жен.), въ *Перемышльской* 8 (7 муж. и 1 жен.) и въ *Станиславовской епархіи* 10 (5 муж. и 5 жен.). Число иноковъ въ монастыряхъ очень невелико; такъ, въ 5 монастыряхъ *Львовской епархіи* находится 20 іеромонаховъ и 7 монаховъ; въ 2 женскихъ монастыряхъ той же епархіи находится 12 инокинь, 9 новиціатокъ, 5 сестеръ и 21 служебница Пресв. Дѣвы Маріи; во всѣхъ монастыряхъ *Перемышльской епархіи* числится 34 іеромонаха и 12 инокинь; въ монастыряхъ *Станиславовской епархіи*—27 іеромонаховъ и 21 инокиня.

Галицко-русскіе монахи, называемые обыкновенно въ просторѣчій *базиліанами* (т. е. монахами чина св. Василия Великаго), въ прежнее время имѣли въ Галиціи важное значеніе и принимали дѣятельное участіе въ управленіи и вообще въ жизни галицко-русской церкви. Въ теченіе всего XVIII в. они составляли особый орденъ „Базиліанскій“, который былъ.

независимъ отъ власти епархіальныхъ архіереевъ и въ то же самое время пользовался привилегіею выставлять изъ своей среды кандидатовъ на архіерейскія и вообще высшія іерархическія мѣста. Съ переходомъ Галиціи подъ власть Австріи, положеніе галицко-русскаго монашествующаго духовенства существенно измѣнилось къ худшему. Австрійское правительство отмѣнило порядокъ, по которому архіерейскія мѣста въ галицко-русской церкви занимались только базилианами. Вслѣдъ за тѣмъ началась знаменитая борьба между чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ въ Галиціи, окончившаяся полною побѣдою этого послѣдняго, на сторонѣ котораго стояло правительство. Съ того времени русское монашество въ Галиціи сильно упало и галицко-русскіе монастыри стали еле влачить свое жалкое существованіе. Въ галицко-русскихъ монастыряхъ водворилась тогда полная дезорганизація въ администраціи, распущенность въ нравственномъ отношеніи, беспорядочность въ веденіи хозяйства и крайняя бѣдность. Такъ дѣло съ галицко-русскими монастырями продолжалось до 80-хъ годовъ XIX в.

Съ началомъ 80-хъ годовъ XIX в. открылась въ исторіи Галицкой Руси вообще и, въ частности, въ исторіи галицко-русскихъ монастырей новая „эра“. Вотъ какъ объ этомъ рассказываетъ непосредственный свидѣтель и очевидецъ событія. „Въ началѣ 1882 года“, говоритъ онъ, „произошелъ во Львовѣ слѣдующій фактъ. Тогдашній намѣстникъ Галиціи Альфредъ Потоцкій, возвратившись изъ Вѣны, немедленно отправился на Святоюрскую гору къ тогдашнему митрополиту Іосифу Сембратовичу, предложилъ ему пригласить архидіакона Михаила Маляновскаго и дрожащимъ отъ волненія голосомъ—графъ А. Потоцкій нелицемѣрно сочувствовалъ русскому народу въ Галиціи—передалъ имъ слѣдующее. Онъ, гр. А. Потоцкій, былъ вызванъ въ Вѣну. Тамъ стали его упрекать за то, что онъ допускаетъ распространеніе схизмы въ Галиціи. На замѣчаніе гр. А. Потоцкаго, что въ Галиціи — все спокойно, ему возразили, что онъ не знаетъ, что происходитъ

въ краѣ, а затѣмъ категорически потребовали отъ него, *чтобы онъ старался все русское населеніе въ Галиціи перевести въ латинство*. Замѣчаніе гр. А. Потоцкаго о томъ, что русское населеніе Галиціи сильно привязано къ своей церкви и обряду ея и что всякія мѣры, направленныя къ отдѣленію русскаго народа отъ его церкви и обряда, могли бы вызвать среди него нежелательное для державы броженіе, было принято съ явнымъ неудовольствіемъ. Свой разсказъ гр. А. Потоцкій заключилъ слѣдующимъ обращеніемъ къ митрополиту Іосифу и архидіакону М. Малиновскому: „спасайте вашу церковь и вашъ народъ“. Что потомъ послѣдовало—извѣстно. Митрополитъ Іосифъ Сембратовичъ былъ насильственно удаленъ въ Римъ, гдѣ и скончался въ 1900 г.; архидіаконъ М. Малиновскій вышелъ въ принудительную отставку, вскорѣ послѣ того ушелъ со сцены и самъ гр. А. Потоцкій, и какъ въ кафедрѣ св. Георгія во Львовѣ, такъ и во всей Галиціи повѣяло латинскимъ духомъ“.

Однимъ изъ первыхъ и важныхъ дѣйствій политики, направленной къ окатоличенію галицко-русской церкви, было изданіе въ 1882 году папской буллы, которою всѣ галицко-русскіе уніатскіе монастыри передавались въ управленіе и подъ опеку о.о. іезуитовъ, съ изытіемъ ихъ изъ-подъ власти спархіальныхъ архіереевъ. Іезуиты начали немедленно реформировать уніатскіе галицко-русскіе монастыри въ латинскомъ, разумѣется, духѣ. Съ этого времени дѣятельность галицко-русскихъ монастырей значительно оживилась. Въ настоящее время они составляютъ очень важную боевую силу католицизма и полонизма, устремившагося въ послѣдніе годы со всѣмъ фанатизмомъ на бѣдный галицко-русскій народъ. Іезуиты являюся полными хозяевами въ галицко-русскихъ монастыряхъ. Въ послѣднее время, по сообщеніямъ галицко-русской періодической печати, іезуиты начали усиленно распродавать всѣ недвижимыя имѣнія галицко-русскихъ монастырей, подъ тѣмъ предлогомъ, что эти имѣнія, будто бы, не приносятъ соотвѣтствующихъ доходовъ, а на самомъ дѣлѣ затѣмъ, какъ

думаютъ, чтобы, лишивъ базилианъ имѣній, совершенно поработить ихъ себѣ. Въ то же самое время іезуиты стараются постепенно уничтожить порядокъ и самый духъ русскаго богослуженія въ базилианскихъ монастыряхъ. Подъ вліяніемъ іезуитовъ, реформованные монахи стали постепенно сокращать богослуженіе и въ своихъ монастыряхъ теперь совершенно не служатъ повечерія, полунощницъ, сокращаютъ наполовину утреню, вечерню и всенощное бдѣніе, а вмѣсто того вводятъ въ своихъ монастыряхъ чисто латинскія службы, какъ-то: литаніи, корунки, набоженства въ честь сердца Іисуса, майскія службы и пр. Какъ нѣкогорые думаютъ, реформованные базилиане, руководимые о.о. іезуитами, скоро изъ всего русскаго богослуженія намѣрены оставить одну только службу, именно литургію, да и то, по всей вѣроятности, шептанную, а все прочее замѣнить латинскимъ.

Нынѣшніе базилиане въ Галиціи, особенно молодые, являются достойными послѣдователями своихъ учителей—іезуитовъ. Они всѣ заражены и всецѣло проникнуты страшною ненавистію къ бѣлому русскому духовенству. Базилиане часто устраиваютъ миссіи, вторгаются въ сферу дѣятельности приходскаго духовенства и производятъ смуту, даже сектантство. При многихъ монастыряхъ базилиане открыли училища, въ которыхъ совершенно католичать и полонизуютъ русскаихъ дѣтей. Базилиане захватили въ свое распоряженіе изданіе шематизмовъ (адресъ-календарей епархіальныхъ), которые печатаютъ фонетикою и всячески искажаютъ ихъ содержаніе въ латинскомъ духѣ. Базилиане обыкновенно вездѣ находятся въ дружбѣ и союзѣ съ радикальною украино-фильскою партіею, съ которою вмѣстѣ дѣйствуютъ противъ духовенства и родно-русской партіи. Однимъ изъ важныхъ успѣховъ, достигнутыхъ базилианами, руководимыми о.о. іезуитами, было проведеніе на архіерейскую Станиславовскую и затѣмъ даже на митрополицію кафедрѣ своего базилианина. Ободряемые этимъ послѣднимъ, дѣйствительно великимъ и важнымъ успѣхомъ, базилиане въ послѣднее время усиленно стремятся къ тому, чтобы захва-

тять въ свои руки и другія архіерейскія каѳедры, а также и Львовскую духовную семинарію. Если это совершится,—что очень вѣроятно,—то окончательное окатоличеніе галицко-русской церкви сдѣлается вопросомъ близкаго будущаго...

Священникъ *Θ. Титовъ.*

Кремень — мужикъ.

(РАЗСКАЗЪ).

Всякій, кто зналъ и приходилъ въ житейскія соотношенія съ Ѳедоромъ Павлычемъ, отзывался о немъ не иначе, какъ: „кремень это, а не мужикъ“. Вырывались иногда по отношенію къ нему у лицъ, имѣвшихъ несчастіе сталкиваться съ нимъ, и болѣе крѣпкіе эпитеты, но всѣ вообще считали его скаредомъ — эгоистомъ, безсердечнымъ до послѣдней степени мужикомъ. Такимъ и былъ на самомъ дѣлѣ Ѳедоръ Павлычъ, пока не разразилась надъ его головой гроза Божія.

Во всей деревнѣ Тушкинѣ, домовъ въ пятьдесятъ, не было ни у кого такого строенія и усадьбы, какъ у Ѳедора Павлыча. Изба высокая, изъ толстыхъ бревенъ, въ три окна наружу, съ рѣзбой; вокругъ—службы, крѣпкія, высокія, образовали надежную ограду, съ тесовыми воротами, запиравшимися цѣпью:—никакому вору не забратъся! И жилъ тутъ хозяинъ, какъ сказочный Соловей—разбойникъ, скопля богатство. Не пустовали у него дворы и амбары: довольно было всякаго скота, а въ амбарахъ лежало больше тысячи пудовъ готоваго молочнаго хлѣба въ ожиданіи высокихъ цѣнъ, если бы случился недородъ въ округѣ, на радость хозяину. На гумнѣ и въ полѣ, сверхъ того, стояло еще скирдъ десять ржи отъ прежнихъ годовъ. И деньги не малыя водились у Ѳедора Павлыча, вырученныя отъ продажи хлѣба въ минувшій голодъ по полутора рубля пудъ: про то время и теперь онъ не могъ вспомнить безъ видимой радости и удовольствія.

¹⁾ Р. д. С. П. 1903 г. № 17.

Однимъ словомъ, жилъ онъ такъ, что, по выраженію бѣдняковъ—сосѣдей, „его и пушкой не прошибешь“.

Не вѣриль тушкинскій богачъ ни мірской нуждѣ, ни человѣческому горю. Когда докучали ему бѣдники своими просьбами, умѣлъ онъ разъ навсегда отвадить ихъ отказомъ, жесткимъ, безсердечнымъ и насмѣшливымъ

— Ѳедоръ Павловичъ,—обратится иногда къ нему сосѣдь—бѣднякъ, загнанный крайней нуждой:—будь благодѣтель,—одолжи хоть въ работу пять пудовъ ржицы до свѣжаго хлѣбца. Не могъ дотянуться съ семьей,—маловато Господь уродилъ...

— Маловато, маловато!.. А ты что Богу-то не молебствовалъ, какъ образа поднимали? говорить укоризненно Ѳедоръ Павлычъ:—небось, больше бы уродилъ Господь-то, вотъ и дотянулся бы!.

— Грѣхъ говорить такъ вамъ, Ѳедоръ Павловичъ: и по-молебствовалъ бы, да,—самъ знаешь,—денегъ не было... Да и вы вѣдь, кажись, тоже не молебствовали, при всемъ даже достаткѣ?..

— Я—такъ я! Подумалъ бы ты напередъ, кому у насъ молиться-то? Ну, что мы вдвоемъ со старухой намолимся,—зря только деньги уплатишь?.. А у тебя вопъ семья-то: десять человѣкъ, есть кому помолиться!..

— Такъ не дашь, значить, хлѣбца-то? — спрашивалъ въ послѣдній разъ богача проситель, смущенный въ конецъ его кощунственной рѣчью, и отходилъ ни съ чѣмъ...

Бывали случаи и еще поразительнѣе. Умеръ въ деревнѣ небогатый крестьянинъ какъ-разъ въ такую пору, когда особенно трудно добыть деньги мужику. Бѣдная вдова пришла къ Ѳедору Павлычу.

— Одолжи, Христа ради, на похороны два рубля,—благодѣтелемъ будешь,—не на верху же держать упокойничка... Вотъ, обмолочу хлѣбъ, уплачу,—слава Богу, есть еще чѣмъ раздѣлаться...

— Есть васъ, голытьбы!—безсердечно отвѣтилъ тушкинскій богачъ:—принасъ бы на похороны, да и умиралъ. Всѣхъ васъ

не перехоронишь: на одни гвозди да домовища сколько денегъ потребуется...

Послѣдній отказъ окончательно вооружилъ противъ Ѳедора Павлыча всѣхъ добрыхъ людей. Да и какъ было относиться къ нему иначе, если для человѣка, повидимому, не было ничего священнаго, если весь онъ отдался своей скаредной страсти и загубилъ въ себѣ всѣ добрыя—не только христіанскія, но и человѣческія чувства?..

Но вотъ, стряслась бѣда неминуемая надъ Ѳедоромъ Павлычемъ, совсѣмъ перевернувшая вверхъ дномъ его прежнюю жизнь. Глубокой осенью молотилъ онъ наемными людьми початую уже мысами старую скирду ржи и, конечно, безотлучно досматривалъ за работой на гумнѣ. — „Свой глазъ — алмазь, чужой — стеклышко“, — говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ. Напившись вдоволь чаю, присматривалъ онъ „алмазами“, а на другой день сдѣлалось такое колотье въ груди, что хоть сейчасъ ложись и помирай. Прошли сутки, прошли другія, — Ѳедору Павлычу становилось все хуже. Неизвѣстно, о чемъ думалъ онъ въ эту пору, но, вѣрно, думалъ крѣпко и много. Ни разу онъ до того времени не бывалъ такъ боленъ, ни разу отъ того, можетъ быть, и не задумывался; а теперь задумался и... послалъ работника на лошади за священникомъ. Добродушный о. Петръ не замедлилъ явиться на зовъ. Не очень-то почиталъ тушкинскій богачъ до сей поры духовнаго отца; даже о. Петръ собственно и не былъ для него таковымъ, — лѣтъ десять не бывалъ уже на исповѣди Ѳедоръ Павлычъ и въ церковь рѣдко-рѣдко заглядывалъ.

И обрадовался о. Петръ этому приглашенію и подумалъ въ душѣ: „это Самъ Христось грѣшную душу къ Себѣ призываетъ“.

Долго пробылъ о. Петръ, напугуя больного, въ домѣ его. О чемъ они бесѣдовали, — осталось великой тайной... Только, поправившись послѣ напугствія, Ѳедоръ Павлычъ сталъ какъ будто совсѣмъ другимъ. Не слышалъ уже никто отъ него грубыхъ, насмѣшливыхъ рѣчей, обидныхъ для бѣд-

ныхъ людей, сталъ онъ по праздникамъ ходить въ церковь Божію, и, какъ сказывалъ церковный староста, поступилъ вскорѣ послѣ того вкладъ *отъ неизвѣстнаго* въ сто рублей на ризу Богоматери...— „Ужъ не отъ него ли“?—догадываются нѣкоторые и ждутъ его помощи бѣднякамъ, при случаѣ...

Свящ. А. В.

Со ступеней амвона.

(изъ практики церковнаго учительства).

Воскресное утреннее богослуженіе въ сельской церкви только-что отошло, прочитанъ первый часъ; но священникъ, молодой еще и симпатичной наружности батюшка, медлитъ уходить въ алтарь. Народъ—простой, сѣрый деревенскій людъ, мужички и бабы,—тоже, глядя на батюшку, не расходится: ожидается обычная внѣбогослужебная бесѣда. Усердный къ своему дѣлу священникъ съ самаго поступленія на приходъ, года три назадъ, ведетъ такія собесѣдованія, хотя до сей поры народъ не особенно еще привыкъ къ нимъ, и большинство,—единъ по единому,—расходится, не прослушавъ и половины бесѣды... Это и естественно, потому что „собесѣдованія“ не имѣютъ желательной оживленности и завлекательности. Батюшка просто прочитываетъ слушателямъ, болѣе терпѣливымъ, 3—4 поученія изъ выбраннаго имъ катихизическаго сборника, заканчивая чтеніе пѣніемъ нѣсколькихъ молитвъ и „достойно“.

Но на этотъ разъ предстоитъ терпѣливымъ слушателямъ встрѣтить нѣчто необычное, новое для нихъ въ способѣ и содержаніи бесѣды. Дѣло въ томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ батюшка самъ сталъ замѣчать несовершенство въ постановкѣ своихъ собесѣдованій и крѣпко задумывался,—какъ бы оживить ихъ и привлечь къ нимъ любовь и расположеніе народа. Выйти изъ затрудненія помогъ священнику посѣтившій какъ-то село по дѣламъ службы опытный миссіонеръ и славившійся по всей округѣ „собесѣдникъ“ и импровизаторъ. На свои

сѣтованія по поводу затрудненій при веденіи бесѣдъ и холодности къ нимъ слушателей, священникъ получилъ отъ желаннаго посѣтителя не мало добрыхъ и, повидимому, самыхъ жизненныхъ, практическихъ совѣтовъ.

— Вы хотите сдѣлать ваши бесѣды дѣломъ плодотворнымъ, привлечь симпатіи народа? Прекрасно. Это вполне въ вашихъ рукахъ. Измѣните способъ собесѣдованія, внесите непринужденность,—пусть слушаютъ и сами вопрошаютъ. Наконецъ, чтобы избѣжать утомленія, бесѣдуйте не стоя, а сидя; пусть и слушатель располагается непринужденно... А главное,—побольше жизненности въ содержаніи: иллюстрируйте истины евангельскія примѣрами изъ современной жизни. Нынѣ много журналовъ и книжекъ, подходящихъ къ вашей цѣли: напр., „Отдыхъ христіанина“, „Другъ трезвости“. Тутъ каждая статья въ трогательныхъ примѣрахъ учитъ, какъ живутъ по Христовой истинѣ добрые люди...

Въ такомъ ободряющемъ духѣ поговорилъ почтенный гость, обѣщая и впредь свое руководительное содѣйствіе священнику, и уѣхалъ. А батюшка усердно подготовлялся къ измѣненіямъ въ своемъ дѣлѣ, выписалъ рекомендованные журналы и книги и сегодня думалъ произвести первый, рѣшительный опытъ...

Налоя, за которымъ обыкновенно читалъ онъ бесѣды, теперь не поставлено на амвонѣ; батюшка подходитъ къ самому краю и приглашаетъ жестомъ руки стоящихъ слушателей подойти ближе.

— Православные! Побесѣдуемъ-те и нынѣ во спасеніе душъ нашихъ. Только, для взаимнаго облегченія, будетъ лучше бесѣдовать не стоя, а сидя: видимое дѣло,—трудно, простоявъ службу, опять на ногахъ же выслушивать и бесѣду. Можетъ быть, отъ того не всѣ и остаетесь до конца... Присядьте, кому какъ удобнѣе.

Сначала столпившійся вокругъ амвона народъ не рѣшается исполнить приглашеніе батюшки, но видя, какъ онъ самъ садится на верхнюю ступеньку, начинаетъ разсажи-

ваться, кто на нижнія ступеньки, кто—прямо на полъ. Три старика и нѣсколько старухъ продолжаютъ стоять.

— Вы что же? Садитесь,—устали, вѣдь!—обращается къ нимъ священникъ.

— Да что ужъ! Постоимъ, батюшка; непривычно какъ-будто сѣсть въ храмъ Божіемъ. Стоя послушаемъ, потрудимся для Бога,—сказаль одинъ старикъ, и всѣ они остались стоять, какъ ни убѣждалъ ихъ священникъ...

Въ рукахъ у батюшки изящная книжка журнала: „Отдыхъ христіанина“; развернувъ ее, онъ начинаетъ бесѣду.

— Часто приходилось, православные, говорить намъ о любви къ ближнимъ; теперь хочу почитать вамъ о томъ, какъ хорошіе люди умѣютъ исполнять эту святую заповѣдь. Слушайте. Статья называется „Нищіе—богачи“. Это значить, что и бѣдный, нищій человекъ можетъ сдѣлать добра не меньше богатаго,—была бы только въ сердцѣ святая любовь...

Чтеніе скоро привлекаетъ вниманіе всѣхъ слушателей, благодаря необычайной для нихъ формѣ изложенія и содержанію. Статья „Нищіе—богачи“ оказывается мастерски написаннымъ, художественнымъ рассказомъ о сердобольной петербургской прачкѣ Меланьѣ. Какъ живая, вырисовывается предъ слушателями эта женщина, пріютившая изъ жалости дворянку—сиротку вмѣсто дочери, жертвующая всѣмъ для ея воспитанія. Беззавѣтная, простая душа ея, всѣхъ любящая и совершающая подвиги добра просто, естественно, безъ малѣйшаго самохвальства, особенно ярко выступаетъ въ собственномъ повѣствованіи Меланьи. При чтеніи его слушатели не могутъ удержаться отъ выраженія своихъ чувствъ и симпатій, слышатся возгласы, замѣчанія, особенно со стороны молодежи.

— Поди жь вотъ: прачка простая, вродѣ кухарки какой, сама бѣдная, а что сдѣлала,—барынь послѣднія минуты облегчила, дочку ея норовить тоже въ благородныя вывести, жалѣючи. Вотъ она доброта-то истинная!

— Да, не чета нашей сосѣдкѣ Матренѣ. Та, вонъ, дочь не родную—Пашку—какъ притѣсняетъ,—со свѣта сжить готова! Ни поѣсть-то, ни отдохнуть ей не даетъ. А вѣдь выходила за Митрея, за вдовца,—знала, на что идетъ. Грѣхъ говорить, а злая эта Матрена. Вотъ поучиться бы ей у Меланьи!..

Изображеніе строптивной и злой, безсердечной гостыи прачки, которая не видитъ никакого прока въ ея жалостливости, добротѣ, вызываетъ въ слушателяхъ новыя замѣчанія.

— Вотъ ужъ зелье-то баба: точь въ точь наша Власиха. Самой бы только хорошо было, другого ни въ жисть не пожалѣть. Весь вѣкъ для себя прожила, никому добра не сдѣлала. Умереть, такъ ужъ вѣрно никто не заплачетъ...

Подобныя замѣчанія, сыплющіяся со стороны слушателей, замедляютъ чтеніе; при томъ же и батюшка вынужденъ уклоняться въ сторону, разясняя все неприличіе и грѣхъ осужденія ближнихъ... А время идетъ, пора благовѣститъ къ литургіи; сторожъ давно и терпѣливо стоитъ позади священника, ожидая приказанія... Наконецъ, батюшка, спохватившись, прерываетъ чтеніе, не кончивъ статьи, и встаетъ; за нимъ поднимаются съ своихъ мѣстъ и слушатели... Слѣдовало бы теперь, какъ водилось раньше, пропѣть всѣмъ „достойно“; но на этотъ разъ батюшка чувствуетъ внутреннюю неловкость: какъ будто не подходитъ такую бесѣду заканчивать обычной молитвой. Съ чувствомъ смущенія, пропѣвъ все-таки „достойно“, уходитъ онъ въ алтарь, расходится и народъ. И въ душѣ батюшки и въ душахъ слушателей ощущается что-то неладное. Что же это? Какъ будто читалось и слушалось все же хорошее, душеспасительное, а вотъ получилось въ результатѣ тоже да нѣ-то; всѣ испытываютъ неудовлетворенность и сознаніе, что заняты были чѣмъ-то, не подходящимъ ни къ мѣсту, ни къ времени...

Да, именно послѣднее обстоятельство—несоотвѣтствіе беллетристическаго произведенія, по существу прекраснаго и вполне правоучительнаго, условіямъ церковнаго учительства поставило священника въ неловкое положеніе въ данномъ

случаѣ. И нужно ли говорить, что подобныя ошибки и неудачи—нынѣ явленіе весьма возможное и нерѣдкое при стремленіи оживить, популяризировать проповѣдничество; какъ же, поэтому, нужно быть вамъ осторожными и внимательными въ выборѣ матеріала и въ самомъ способѣ веденія церковныхъ бесѣдъ! Какъ ни увлекательны появляющіяся нынѣ въ духовно-нравственныхъ популярныхъ изданіяхъ правоучительныя повѣсти изъ жизни, пользоваться ими для цѣлей проповѣдничества, думается, по меньшей мѣрѣ рискованно. Строгій, выдержанный духъ церковности и тѣсная связь со Словомъ Божиимъ должны отличать и церковныя виѣбогослужебныя бесѣды; иначе легко унижить, уронить въ глазахъ народа церковное учительство, отъ чего да сохранить насъ Господь!

Свящ. А. В—ій.

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Θεодосій.

Отъ Кіев. дух. ценз. Ком. печатать дозволяется. Кіевъ, 27 апрѣля 1903 г.

Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*

Кіевъ Университетская типографія Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.